UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00910501 6

Digitized by Microsoft ®

Digitized by Microsoft®

Digitized by Microsoft®

Digitized by Microsoft®

Digitized for Microsoft Corporation
by the Internet Archive in 2007.
From University of Toronto.
May be used for non-commercial, personal, research,
or educational purposes, or any fair use.
May not be indexed in a commercial service.

I

162 (10)

ПЕТЕРБУРГЪ

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ГЛАВАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ И ЭПИЛОГОМЪ

АНДРЕЯ БѢЛАГО

1916.

Digitized by Microsoft®

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 23 февраля 1916 г.

PG
3453
B84P5
1916

Типографія М. М. Стасюлевича, Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., 28.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

РОМАНЪ.

Digitized by Microsoft®

ПРОЛОГЪ.

Ваши превосходительства, высокородія, благородія, граждане!

. . . . . .

Что̀ есть Русская Имперія наша?

Русская Имперія наша есть географическое единство, что̀ значитъ: часть извѣстной планеты. И Русская Имперія заключаетъ: во-первыхъ—великую, малую, бѣлую и червонную Русь; во-вторыхъ—грузинское, польское, казанское и астраханское царство; въ третьихъ, она заключаетъ... Но—прочая, прочая, прочая.

Русская Имперія наша состоитъ изъ множества городовъ: столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ; и далѣе:—изъ первопрестольнаго града и матери градовъ русскихъ.

Градъ первопрестольный — Москва; и мать градовъ русскихъ есть Кіевъ.

Петербургъ, или Санктъ-Петербургъ, или Питеръ (что̀—то же) подлинно принадлежитъ Россійской Имперіи. А Царьградъ, Константиноградъ (или, какъ говорятъ, Константинополь) принадлежитъ по праву наслѣдія. И о немъ распространяться не будемъ.

Распространимся болѣе о Петербургѣ: есть—Петербургъ, или Санктъ-Петербургъ, или Питеръ (что̀—то же). На основаніи тѣхъ же сужденій Невскій Проспектъ есть петербургскій Проспектъ.

Невскій Проспектъ обладаетъ разительнымъ свойствомъ: онъ состоитъ изъ пространства для циркуляціи публики; нумерованные дома ограничиваютъ его; нумерація идетъ въ порядкѣ домовъ, — и поиски нужнаго дома весьма облегчаются. Невскій Проспектъ, какъ и всякій проспектъ, есть публичный Проспектъ; то-есть: проспектъ для циркуляціи публики (не воздуха, напримѣръ); образующіе его боковыя границы домà суть — гм... да:... для публики. Невскій Проспектъ по вечерамъ освѣщается электричествомъ. Днемъ же Невскій Проспектъ не требуетъ освѣщенія.

Невскій Проспектъ прямолинеенъ (говоря между нами), потому что онъ—европейскій проспектъ; всякій же европейскій проспектъ есть не просто проспектъ, а (какъ я уже сказалъ) проспектъ европейскій, потому что... да...

Потому-то Невскій Проспектъ—прямолинейный проспектъ.

Невскій Проспектъ—немаловажный проспектъ въ семъ не русскомъ—столичномъ—градѣ. Прочіе русскіе города представляютъ собой деревянную кучу домишекъ.

И разительно отъ нихъ всѣхъ отличается Петербургъ.

Если же вы продолжаете утверждать нелѣпѣйшую легенду—существованіе полуторамилліоннаго московскаго населенія,—то придется сознаться, что столицей будетъ Москва, ибо только въ столицахъ бываетъ полуторамилліонное населеніе; а въ городахъ же губернскихъ никакого полуторамилліоннаго населенія нѣтъ, не бывало, не будетъ. И согласно нелѣпой легендѣ окажется, что столица не Петербургъ.

Если же Петербургъ не столица, то—нѣтъ Петербурга. Это только кажется, что онъ существуетъ.

Какъ бы то ни было, Петербургъ не только намъ кажется, но и оказывается—на картахъ: въ видѣ двухъ другъ въ другѣ сидящихъ кружковъ съ черной точкою въ центрѣ; и изъ этой вотъ математической точки, не имѣющей измѣренія, заявляетъ онъ энергично о томъ, что онъ—есть: оттуда, изъ этой вотъ точки несется потокомъ рой отпечатанной книги; несется изъ этой невидимой точки стремительно циркуляръ.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой повѣствуется объ одной достойной особѣ, ея умственныхъ играхъ и эфемерности бытія.

Была ужасная пора.
О ней свѣжо воспоминанье.
О ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье,—
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

П у ш к и н ъ.

Digitized by Microsoft®

Digitized by Microsoft®

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ весьма почтеннаго рода: онъ имѣлъ своимъ предкомъ Адама. И это не главное: несравненно важнѣе здѣсь то, что благородно рожденный предокъ былъ Симъ, то-есть самъ прародитель семитскихъ, хесситскихъ и краснокожихъ народностей.

Здѣсь мы сдѣлаемъ переходъ къ предкамъ не столь удаленной эпохи.

Эти предки (такъ кажется) проживали въ киргизъ-кайсацкой ордѣ, откуда въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны доблестно поступилъ на русскую службу мирза Абъ-Лай, прапрадѣдъ сенатора, получившій при христіанскомъ крещеніи имя Андрея и прозвище Ухова. Такъ о семъ выходцѣ изъ нѣдръ монгольскаго племени распространяется Гербовникъ Россійской Имперіи. Для краткости послѣ былъ превращенъ Абъ-Лай-Уховъ въ Аблеухова просто.

Этотъ прапрадѣдъ, какъ говорятъ, оказался истокомъ рода.

. . . . . .

Сѣрый лакей съ золотымъ галуномъ пуховкою стряхивалъ пыль съ письменнаго стола; въ открытую дверь заглянулъ колпакъ повара.

— „Самъ-то, вишь, всталъ...“

— „Обтираются одеколономъ, скоро пожалуютъ къ кофію...“

Digitized by Microsoft®

— „Утромъ почтарь говорилъ, будто барину—письмецо изъ Гишпаніи: съ гишпанскою маркою".

— „Я вамъ вотъ что замѣчу: меньше бы вы въ письма-то совали свой носъ..."

— „Стало быть: Анна Петровна..."

— „Ну и—стало-быть..."

— „Да я, такъ себѣ... Я—что: ничего..."

Голова повара вдругъ пропала. Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ прошествовалъ въ кабинетъ.

. . . . . .

Лежащій на столѣ карандашъ поразилъ вниманіе Аполлона Аполлоновича. Аполлонъ Аполлоновичъ принялъ намѣренье: придать карандашному острію отточенность формы. Быстро онъ подошелъ къ письменному столу и схватилъ... прессъ-папье, которое долго онъ вертѣлъ въ глубокой задумчивости прежде чѣмъ сообразить, что въ рукахъ у него прессъ-папье, а не карандашъ.

Разсѣянность проистекла оттого, что въ сей мигъ его осѣнила глубокая дума; и тотчасъ же, въ неурочное время, развернулась она въ убѣгающій мысленный ходъ (Аполлонъ Аполлоновичъ спѣшилъ въ Учрежденіе). Въ „Дневникѣ", долженствующемъ появиться въ годъ его смерти въ повременныхъ изданіяхъ, стало страничкою больше.

Развернувшій мысленный ходъ Аполлонъ Аполлоновичъ записывалъ быстро: записавъ этотъ ходъ, онъ подумалъ: „Пора и на службу". И прошелъ въ столовую откушивать кофей свой.

Предварительно съ какою-то непріятной настойчивостью сталъ допрашивать онъ камердинера старика:

— „Николай Аполлоновичъ всталъ?"

— „Никакъ нѣтъ: еще не вставали..."

Аполлонъ Аполлоновичъ недовольно потеръ переносицу:

— „Ээ... скажите: когда же—скажите—Николай Аполлоновичъ, такъ сказать..."

— „Да встаютъ они поздновато-съ..."

— „Ну, какъ поздновато?"

Digitized by Microsoft®

И тотчасъ, не дожидаясь отвѣта, прошествовалъ къ кофею, посмотрѣвъ на часы.

Было ровно половина десятаго.

Въ десять часовъ онъ, старикъ, уѣзжалъ въ Учрежденіе. Николай Аполлоновичъ, юноша, поднимался съ постели— черезъ два часа послѣ. Каждое утро сенаторъ освѣдомлялся о часахъ пробужденія. И каждое утро онъ морщился.

Николай Аполлоновичъ былъ сенаторскій сынъ.

Словомъ, былъ онъ Главой Учрежденія...

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ отличался поступками доблести; не одна упала звѣзда на его золотомъ расшитую грудь: звѣзда Станислава и Анны, и даже: даже Бѣлый Орелъ.

Лента, носимая имъ, была синяя лента.

А недавно изъ лаковой красной коробочки на обиталищѣ патріотическихъ чувствъ возсіяли лучи брилліантовыхъ знаковъ, то-есть орденскій знакъ: Александра Невскаго.

Каково же было общественное положеніе изъ небытія возставшаго здѣсь лица?

Думаю, что вопросъ достаточно неумѣстенъ: Аблеухова знала Россія по отмѣнной пространности имъ произносимыхъ рѣчей; эти рѣчи, не разрываясь, сверкали и безгромно струили какіе-то яды на враждебную партію, въ результатѣ чего предложеніе партіи тамъ, гдѣ слѣдуетъ, отклонялось. Съ водвореніемъ Аблеухова на отвѣтственный постъ Департаментъ девятый бездѣйствовалъ. Съ Департаментомъ этимъ Аполлонъ Аполлоновичъ велъ упорную брань и бумагами и, гдѣ нужно, рѣчами, способствуя ввозу въ Россію американскихъ сноповязалокъ (Департаментъ девятый за ввозъ не стоялъ). Рѣчи сенатора облетѣли всѣ области и губерніи, изъ которыхъ иная въ пространственномъ отношеніи не уступитъ Германіи.

Аполлонъ Аполлоновичъ былъ главой Учрежденія: ну, т о г о... какъ его?

Digitized by Microsoft®

Словомъ, былъ главой Учрежденія, разумѣется, извѣстнаго вамъ.

Если сравнить худосочную, совершенно невзрачную фигурку моего почтеннаго мужа съ неизмѣримой громадностью имъ управляемыхъ механизмовъ, можно было-бъ надолго, пожалуй, предаться наивному удивленію; но вѣдь вотъ — удивлялись рѣшительно всѣ взрыву умственныхъ силъ, источаемыхъ этою вотъ черепною коробкою наперекоръ всей Россіи, наперекоръ большинству Департаментовъ, за исключеніемъ одного: но глава того Департамента, вотъ ужъ скоро два года, замолчалъ по волѣ судебъ подъ плитой гробовой.

Моему сенатору только-что исполнилось шестьдесятъ-восемь лѣтъ; и лицо его, блѣдное, напоминало и сѣрое прессъ-папье (въ минуту торжественную), и — папье-маше (въ часъ досуга); каменные сенаторскіе глаза, окруженные чернозеленымъ проваломъ, въ минуты усталости казались синѣй и громаднѣй.

Отъ себя еще скажемъ: Аполлонъ Аполлоновичъ не волновался нисколько при созерцаніи совершенно зеленыхъ своихъ и увеличенныхъ до громадности ушей на кровавомъ фонѣ горящей Россіи. Такъ былъ онъ недавно изображенъ: на заглавномъ листѣ уличнаго юмористическаго журнальчика, одного изъ тѣхъ „жидовскихъ“ журнальчиковъ, кровавыя обложки которыхъ на кишащихъ людомъ проспектахъ размножались въ тѣ дни съ поразительной быстротой...

Сѣверовостокъ.

Въ дубовой столовой раздавалось хрипѣнье часовъ; кланяясь и шипя, куковала сѣренькая кукушка; по знаку старинной кукушки сѣлъ Аполлонъ Аполлоновичъ передъ фарфоровой чашкою и отламывалъ теплыя корочки бѣлаго хлѣба. И за кофіемъ свои прежніе годы вспоминалъ Аполлонъ Аполлоновичъ; и за кофіемъ—даже, даже—пошучивалъ онъ:

— „Кто всѣхъ, Семенычъ, почтеннѣе?“

Digitized by Microsoft®

— „Полагаю я, Аполлонъ Аполлоновичъ, что почтеннѣе всѣхъ—дѣйствительный тайный совѣтникъ“.

Аполлонъ Аполлоновичъ улыбнулся однѣми губами:

— „И не такъ полагаете: всѣхъ почтеннѣе—трубочистъ...“

Камердинеръ зналъ уже окончаніе каламбура: но объ этомъ онъ изъ почтенья—молчокъ.

— „Почему же, баринъ, осмѣлюсь спросить, такая честь трубочисту?“

— „Предъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, Семенычъ, сторонятся...“

— „Полагаю, что—такъ, ваше высокопрев-ство...“

— „Трубочистъ... Передъ нимъ посторонится и дѣйствительный тайный совѣтникъ, потому что: запачкаетъ трубочистъ“.

— „Вотъ оно какъ-съ“—вставилъ почтительно камердинеръ...

— „Такъ-то вотъ: только есть должность почтеннѣе...“

И тутъ же прибавилъ:

— „Ватерклозетчика...“

— „Пфф!...“

— „Самъ трубочистъ передъ нимъ посторонится, а не только дѣйствительный тайный совѣтникъ...“

И—глотокъ кофея. Но замѣтимъ же: Аполлонъ Аполлоновичъ былъ вѣдь самъ—дѣйствительный тайный совѣтникъ.

— „Вотъ-съ, Аполлонъ Аполлоновичъ, тоже бывало: Анна Петровна мнѣ сказывала...“

При словахъ же „Анна Петровна“ сѣдой камердинеръ осѣкся.

. . . . . .

— „Пальто сѣрое-съ?“

— „Пальто сѣрое...“

— „Полагаю я, что сѣрыя и перчатки-съ?“

— „Нѣтъ, перчатки мнѣ замшевыя...“

— „Потрудитесь, ваше высокопревосходительство, обождать-съ: вѣдь перчатки-то у насъ въ шифоньеркѣ: полка б е—сѣверозападъ“.

Digitized by Microsoft®

Аполлонъ Аполлоновичъ только разъ вошелъ въ мелочи жизни: онъ однажды продѣлалъ ревизію своему инвентарю; инвентарь былъ регистрированъ въ порядкѣ и установлена номенклатура всѣхъ полокъ и полочекъ; появились полочки подъ литерами: а, б е, це; а четыре стороны полочекъ приняли обозначеніе четырехъ сторонъ свѣта.

Уложивши очки свои, Аполлонъ Аполлоновичъ отмѣчалъ у себя на реестрѣ мелкимъ, бисернымъ почеркомъ: очки, полка—бе и С В, то-есть, сѣверовостокъ; копію же съ реестра получилъ камердинеръ, который и вытвердилъ направленія принадлежностей драгоцѣннаго туалета; направленія эти порою во время безсонницы безошибочно онъ скандировалъ наизусть.

. . . . . .

Въ лакированномъ домѣ житейскія грозы протекали безшумно; тѣмъ не менѣе грозы житейскія протекали здѣсь гибельно: событьями не гремѣли онѣ; не блистали въ сердца очистительно стрѣлами молній; но изъ хриплаго горла струей ядовитыхъ флюидовъ вырывали воздухъ онѣ; и крутились въ сознаніи обитателей мозговыя какія-то игры, какъ густые пары въ герметически закупоренныхъ котлахъ.

Баронъ, борона.

Со стола поднялась холодная длинноногая бронза; ламповый абажуръ не сверкалъ фіолетоворозовымъ тономъ, расписаннымъ тонко: секретъ этой краски девятнадцатый вѣкъ потерялъ; стекло потемнѣло отъ времени; тонкая роспись потемнѣла отъ времени тоже.

Золотыя трюмо въ оконныхъ простѣнкахъ отовсюду глотали гостиную зеленоватыми поверхностями зеркалъ; и вонъ то—увѣнчивалъ крылышкомъ золотощекій амурчикъ; и вонъ тамъ—золотого вѣнка и лавры, и розаны прободали тяжелыя пламена факеловъ. Межъ трюмо отовсюду поблескивалъ перламутровый столикъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ распахнулъ быстро дверь, опираясь рукой на хрустальную, граненую ручку; по блистаю-

Digitized by Microsoft®

щимъ плитамъ паркетиковъ застучалъ его шагъ; отовсюду бросились горки фарфоровыхъ бездѣлушечекъ; бездѣлушечки эти вывезли они изъ Венеціи, онъ и Анна Петровна, тому назадъ — тридцать лѣтъ. Воспоминаніе о туманной лагунѣ, гондолѣ и аріи, рыдающей въ отдаленіи, промелькнули некстати такъ въ сенаторской головѣ...

Тотчасъ же глаза перевелъ на рояль онъ.

Съ желтой лаковой крышки тамъ разблистались листики бронзовой инкрустаціи; и опять (докучная память!) Аполлонъ Аполлоновичъ вспомнилъ: бѣлую петербургскую ночь; въ окнахъ широкая тамъ бѣжала рѣка; и стояла луна; и гремѣла рулада Шопена: помнится—игрывала Шопена (не Шумана) Анна Петровна...

Разблистались листики инкрустаціи — перламутра и бронзы — на коробочкахъ, полочкахъ, выходящихъ изъ стѣнъ. Аполлонъ Аполлоновичъ усѣлся въ ампирное кресло, гдѣ на блѣднолазурномъ атласѣ сидѣнья завивались вѣночки, и съ китайскаго онъ подносика ухватился рукою за пачку нераспечатанныхъ писемъ; наклонилась къ конвертамъ лысая его голова. Въ ожиданьи лакея съ неизмѣннымъ „лошади поданы“ углублялся онъ здѣсь, передъ отъѣздомъ на службу, въ чтеніе утренней корреспонденціи.

Такъ же онъ поступилъ и сегодня.

И конвертики разрывались: за конвертомъ конвертъ; обыкновенный, почтовый—марка наклеена косо, неразборчивый почеркъ.

— „Мм... Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ: очень хорошо-съ...“

И конвертъ былъ бережно спрятанъ.

— „Мм... Просьба...“

— „Просьба и просьба...“

Конверты разрывались небрежно; это—современемъ, потомъ: какъ-нибудь...

Конвертъ изъ массивной сѣрой бумаги — запечатанный, съ вензелемъ, безъ марки и съ печатью на сургучѣ.

— „Мм... Графъ Дубльве... Что такое?.. Проситъ принять въ Учрежденіи... Личное дѣло...“

Digitized by Microsoft®

— „Ммм... Ага!...“

Графъ Дубльве, начальникъ девятаго департамента, былъ противникъ сенатора и врагъ хуторского хозяйства.

Далѣе... Блѣднорозовый, миніатюрный конвертикъ; рука сенатора дрогнула; онъ узналъ этотъ почеркъ — почеркъ Анны Петровны; онъ разглядывалъ испанскую марку, но конверта не распечаталъ:

— „Мм... деньги...“

— „Деньги были же посланы?“

— „Деньги посланы будутъ!!...“

— „Гмъ... Записать...

Аполлонъ Аполлоновичъ, думая, что досталъ карандашикъ, вытащилъ изъ жилета костяную щеточку для ногтей и ею же собирался сдѣлать помѣтку „отослать обратно по адресу“, какъ...

— „?...“

— „Поданы-съ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ поднялъ лысую голову и прошелъ вонъ изъ комнаты.

. . . . . .

На стѣнахъ висѣли картины, отливая масляными лоскомъ; и съ трудомъ черезъ лоскъ можно было увидѣть французенокъ, напоминавшихъ гречанокъ, въ узкихъ туникахъ былыхъ временъ Директоріи и въ высочайшихъ прическахъ.

Надъ роялемъ висѣла уменьшенная копія съ картины Давида „Distribution des aigles par Napoléon premier“. Картина изображала великаго Императора въ вѣнкѣ и горностайной порфирѣ; къ пернатому собранію маршаловъ простиралъ свою руку Императоръ Наполеонъ; другая рука зажимала жезлъ металлическій; на верхушку жезла сѣлъ тяжелый орелъ.

Холодно было великолѣпье гостиной отъ полнаго отсутствія ковриковъ: блистали паркеты; еслибы солнце на мигъ освѣтило ихъ, то глаза бы невольно зажмурились. Холодно было гостепріимство гостиной.

Но сенаторомъ Аблеуховымъ оно возводилось въ принципъ.

Digitized by Microsoft®

стерто-сѣрымъ лицомъ; циркулировалъ онъ въ безконечность проспектовъ, преодолѣвалъ безконечность, безъ всякаго ропота — въ безконечномъ токѣ такихъ же, какъ онъ — среди лета, грохота, трепетанья пролетокъ, слушая издали мелодичный голосъ автомобильныхъ руладъ и нарастающій гулъ желтокрасныхъ трамваевъ (гулъ потомъ убывающій снова), въ непрерывномъ окрикѣ голосистыхъ газетчиковъ.

Изъ одной безконечности убѣгалъ онъ въ другую; и потомъ, спотыкался о набережную; здѣсь приканчивалось все: мелодичный гласъ автомобильной рулады, желтокрасный трамвай и всевозможный субъектъ; здѣсь былъ и край земли, и конецъ безконечностямъ.

А тамъ-то, тамъ-то: глубина, зеленоватая муть; издалека-далека, будто дальше, чѣмъ слѣдуетъ, опустились испуганно и принизились острова; принизились земли; и принизились зданія; казалось—опустятся воды, и хлынетъ на нихъ въ этотъ мигъ: глубина, зеленоватая муть; а надъ этою зеленоватою мутью въ туманѣ гремѣлъ и дрожалъ, вонъ туда убѣгая, черный, черный такой Николаевскій мостъ.

Въ это хмурое петербургское утро распахнулись тяжелыя двери роскошнаго желтаго дома: желтый домъ окнами выходилъ на Неву. Бритый лакей съ золотымъ галуномъ на отворотахъ бросился изъ передней подавать знаки кучеру. Сѣрые въ яблокахъ кони рванулись къ подъѣзду; подкатили карету, на которой былъ выведенъ стародворянскій гербъ: единорогъ, прободающій рыцаря.

Молодцеватый квартальный, проходившій мимо крыльца, поглупѣлъ и вытянулся въ струну, когда Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ въ сѣромъ пальто и въ высокомъ черномъ цилиндрѣ съ каменнымъ лицомъ, напоминающимъ прессъ-папье, быстро выбѣжалъ изъ подъѣзда и еще быстрѣе вбѣжалъ на подножку кареты, на ходу надѣвая черную замшевую перчатку.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ бросилъ мгновенный, растерянный взглядъ на квартальнаго надзирателя, на карету, на кучера, на большой черный мостъ, на пространство

Невы, гдѣ такъ блекло чертились туманныя, многотрубныя дали, и откуда испуганно поглядѣлъ Васильевскій Островъ.

Сѣрый лакей поспѣшно хлопнулъ каретною дверцею. Карета стремительно пролетѣла въ туманъ; и случайный, квартальный, потрясенный всѣмъ видѣннымъ, долго-долго глядѣлъ чрезъ плечо въ грязноватый туманъ — туда, куда стремительно пролетѣла карета; и вздохнулъ, и пошелъ; скоро скрылось въ туманѣ и это плечо квартальнаго, какъ скрывались въ туманѣ всѣ плечи, всѣ спины, всѣ сѣрыя лица и всѣ черные, мокрые зонты. Посмотрѣлъ туда же и почтенный лакей, посмотрѣлъ направо, налѣво, на мостъ, на пространство Невы, гдѣ такъ блекло чертились туманныя, многотрубныя дали и откуда испуганно поглядѣлъ Васильевскій Островъ.

Здѣсь, въ самомъ началѣ, долженъ я прервать нить моего повѣствованія, чтобъ представить читателю мѣстодѣйствіе одной драмы. Предварительно слѣдуетъ исправить вкравшуюся неточность; въ ней повиненъ не авторъ, а авторское перо: въ это время трамвай еще не бѣгалъ по городу: это былъ тысяча девятьсотъ пятый годъ.

Квадраты, параллелипипиды, кубы.

— „Гей, Гей...“

Это покрикивалъ кучеръ...

И карета разбрызгивала во всѣ стороны грязь.

Тамъ, гдѣ взвѣсилась только одна туманная сырость, матово намѣчался сперва, потомъ съ неба на землю спустился — грязноватый, черноватосѣрый Исакій; намѣчался и вовсе намѣтился: конный памятникъ Императора Николая; металлическій Императоръ былъ въ формѣ Лейбъ-Гвардіи; у подножія изъ тумана просунулся и въ туманъ обратно ушелъ косматою шапкою николаевскій гренадеръ.

Карета же пролетѣла на Невскій.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ покачивался на атласныхъ подушкахъ сидѣнья; отъ уличной мрази его отграни-

Digitized by Microsoft®

чили четыре перпендикулярныя стѣнки; такъ онъ былъ отдѣленъ отъ протекающихъ людскихъ толпъ, отъ тоскливо мокнущихъ красныхъ обертокъ журнальчиковъ, продаваемыхъ вонъ съ того перекрестка.

Планомѣрность и симметрія успокоили нервы сенатора, возбужденные и неровностью жизни домашней, и безпомощнымъ кругомъ вращенія нашего государственнаго колеса.

Гармонической простотой отличалися его вкусы.

Болѣе всего онъ любилъ прямолинейный проспектъ; этотъ проспектъ напоминалъ ему о теченіи времени между двухъ жизненныхъ точекъ; и еще объ одномъ: иные всѣ города представляютъ собой деревянную кучу домишекъ, и разительно отъ нихъ всѣхъ отличается Петербургъ.

Мокрый, скользкій проспектъ: тамъ дома сливалися кубами въ планомѣрный, пятиэтажный рядъ; этотъ рядъ отличался отъ линіи жизненной лишь въ одномъ отношеніи: не было у этого ряда ни конца, ни начала; здѣсь средина жизненныхъ странствій носителя брилліантовыхъ знаковъ оказалась для сколькихъ сановниковъ окончаніемъ жизненнаго пути.

Всякій разъ вдохновеніе овладѣвало душою сенатора, какъ стрѣлою линію Невскаго разрѣзалъ его лакированный кубъ: тамъ, за окнами, виднѣлась домовая нумерація; и шла циркуляція; тамъ, оттуда — въ ясные дни, издалека-далека, сверкали слѣпительно: золотая игла, облака, лучъ багровый заката; тамъ, оттуда, въ туманные дни,—ничего, никого.

А тамъ были—линіи: Нева, острова. Вѣрно въ тѣ далекіе дни, какъ вставали изъ мшистыхъ болотъ и высокія крыши, и мачты, и шпицы, проницая зубцами своими промозглый, зеленоватый туманъ —

— на тѣневыхъ своихъ парусахъ полетѣлъ къ Петербургу оттуда Летучій Голландецъ изъ свинцовыхъ пространствъ балтійскихъ и нѣмецкихъ морей, чтобы здѣсь воздвигнуть обманомъ свои туманныя земли, и назвать островами волну

Digitized by Microsoft ®

набѣгающихъ облаковъ; адскіе огоньки кабачковъ двухсотлѣтіе зажигалъ отсюда Голландецъ, а народъ православный валилъ и валилъ въ эти адскіе кабачки, разнося гнилую заразу...

Поотплывали темныя тѣни. Адскіе кабачки же остались. Съ призракомъ долгіе годы здѣсь бражничалъ православный народъ: родъ ублюдочный пошелъ съ острововъ — ни люди, ни тѣни,—осѣдая на грани двухъ другъ другу чуждыхъ міровъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ острововъ не любилъ: населеніе тамъ—фабричное, грубое; многотысячный рой людской тамъ бредетъ по утрамъ къ многотрубнымъ заводамъ; и теперь вотъ онъ зналъ, что тамъ циркулируетъ браунингъ; и еще кое что. Аполлонъ Аполлоновичъ думалъ: жители острововъ причислены къ народонаселенію Россійской Имперіи; всеобщая перепись введена и у нихъ; у нихъ есть нумерованные дома, участки, казенныя учрежденія: житель острова—адвокатъ, писатель, рабочій, полицейскій чиновникъ; онъ считаетъ себя петербуржцемъ, но онъ, обитатель хаоса, угрожаетъ столицѣ Имперіи въ набѣгающемъ облакѣ...

Аполлонъ Аполлоновичъ не хотѣлъ думать далѣе: не покойные острова — раздавить, раздавить! Приковать ихъ къ землѣ желѣзомъ огромнаго моста и проткнуть во всѣхъ направленіяхъ проспектными стрѣлами...

И вотъ глядя мечтательно въ ту безкрайность тумановъ, государственный человѣкъ изъ чернаго куба кареты вдругъ расширился во всѣ стороны и надъ ней воспарилъ; и ему захотѣлось, чтобъ впередъ пролетѣла карета, чтобъ проспекты летѣли на встрѣчу—за проспектомъ проспектъ, чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, какъ змѣиными кольцами, черновато-сѣрыми домовыми кубами; чтобы вся, проспектами притиснутая земля, въ линейномъ космическомъ бѣгѣ пересѣкла бы необъятность прямолинейнымъ закономъ; чтобы сѣть параллельныхъ проспектовъ, пересѣченная сѣтью проспектовъ, въ міровыя бы

Digitized by Microsoft®

ширилась бездны плоскостями квадратовъ и кубовъ: по квадрату на обывателя, чтобы... чтобы...

Послѣ линіи болѣе всѣхъ симметричностей успокаивала его фигура—квадратъ.

Онъ, бывало, подолгу предавался бездумному созерцанію: пирамидъ, треугольниковъ, параллелипипидовъ, кубовъ, трапеціи. Безпокойство овладѣвало имъ лишь при созерцаніи усѣченнаго конуса.

Зигзагообразной же линіи онъ не могъ выносить.

Здѣсь, въ каретѣ, Аполлонъ Аполлоновичъ наслаждался подолгу безъ думъ четырехъугольными стѣнками, пребывая въ центрѣ чернаго, совершеннаго и атласомъ затянутаго куба: Аполлонъ Аполлоновичъ былъ рожденъ для одиночнаго заключенія; лишь любовь къ государственной планиметріи облекала его въ многогранность отвѣтственнаго поста.

. . . . . .

Мокрый, скользкій проспектъ пересѣкся мокрымъ проспектомъ подъ прямымъ, девяностоградуснымъ угломъ; въ точкѣ пересѣченія линій сталъ городовой...

И такіе же точно тамъ возвышались дома, и такіе же сѣрые проходили тамъ токи людскіе, и такой же стоялъ тамъ зелено-желтый туманъ. Сосредоточенно побѣжали тамъ лица; тротуары шептались и шаркали; растирались калошами; плылъ торжественно обывательскій носъ. Носы протекали во множествѣ: орлиные, утиные, пѣтушиные, зеленоватые, бѣлые; протекало здѣсь и отсутствіе всякаго носа. Здѣсь текли одиночки, и пары, и тройки — четверки; и за котелкомъ котелокъ: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндръ, фуражка; платочекъ, зонтикъ, перо.

Но параллельно съ бѣгущимъ проспектомъ былъ бѣгущій проспектъ съ все такимъ же рядомъ коробокъ, нумераціей, облаками; и съ тѣмъ же чиновникомъ.

Есть безконечность въ безконечности бѣгущихъ проспектовъ съ безконечностью въ безконечность бѣгущихъ пересѣ-

Digitized by Microsoft®

кающихся тѣней. Весь Петербургъ—безконечность проспекта, возведеннаго въ энную степень.

За Петербургомъ же—ничего нѣтъ.

Жители острововъ поражаютъ васъ.

Жители острововъ поражаютъ васъ какими-то воровскими ухватками; лица ихъ зеленѣй и блѣднѣй всѣхъ земнородныхъ существъ; въ скважину двери проникнетъ островитянинъ—какой-нибудь разночинецъ: можетъ быть, съ усиками; и того гляди выпроситъ—на вооруженіе фабричнозаводскихъ рабочихъ; загуторитъ, зашепчется, захихикаетъ: вы дадите; и потомъ не будете вы больше спать по ночамъ; загуторитъ, зашепчется, захихикаетъ ваша комната: это онъ, житель острова — незнакомецъ съ черными усиками, неуловимый, невидимый, его — нѣтъ какъ нѣтъ; онъ ужъ — въ губерніи; и глядишь — загуторятъ, зашепчутся тамъ, въ пространствѣ, уѣздныя дали; загремитъ, загуторитъ въ уѣздной дали тамъ—Россія.

Былъ послѣдній день сентября.

На Васильевскомъ Островѣ, въ глубинѣ семнадцатой линіи изъ тумана глядѣлъ домъ огромный и сѣрый; съ дворика въ домъ уводила черная, грязноватая лѣстница: были двери и двери; одна изъ нихъ отворилась.

Незнакомецъ съ черными усиками показался на порогѣ ея.

Затѣмъ, закрывъ дверь, медленно сталъ незнакомецъ спускаться; онъ сходилъ съ высоты пяти этажей, осторожно ступая по лѣстницѣ; въ рукѣ у него равномѣрно качался не то, чтобы маленькій и все же не очень большой узелочекъ, перевязанный грязной салфеткой съ красными каймами изъ линючихъ фазановъ.

Мой незнакомецъ отнесся съ отмѣнною осторожностью въ обращеніи съ узелкомъ.

Лѣстница была, само собой разумѣется, черной, усѣянной огуречными корками и многократно ногой продавлен-

Digitized by Microsoft®

нымъ капустнымъ листомъ. Незнакомецъ съ черными усиками на ней поскользнулся.

Одной рукой онъ тогда ухватился за лѣстничныя перила, а другая рука (съ узелкомъ) растерянно описала въ воздухѣ нервный зигзагъ; но описыванье зигзага относилось, собственно, къ локтю: незнакомецъ мой очевидно хотѣлъ охранить узелокъ отъ досадной случайности — отъ паденья съ размаху на каменную ступень, потому что въ движеніи локтя проявилась воистину ловкая фортель акробата: деликатную хитрость движенья подсказывалъ нѣкій инстинктъ.

А затѣмъ въ встрѣчѣ съ дворникомъ, поднимавшимся вверхъ по лѣстницѣ съ перекинутой чрезъ плечо охабкою осиновыхъ дровъ и загородившимъ дорогу, незнакомецъ съ черными усиками снова усиленно сталъ выказывать деликатное попеченіе о судьбѣ своего узелка, могущаго зацѣпить за полѣно; предметы, хранимые въ узелкѣ, должны были быть предметами особенно хрупкими.

Не было бы иначе понятно поведеніе моего незнакомца. Когда знаменательный незнакомецъ осторожно спустился къ выходной черной двери, то черная кошка, оказавшаяся у ногъ, фыркнула и, задравъ хвостъ, пересѣкла дорогу, роняя къ ногамъ незнакомца куриную внутренность; лицо моего незнакомца передернула судорога; голова же нервно закинулась, обнаруживъ нѣжную шею.

Эти движенія были свойственны барышнямъ добраго времени, когда барышни этого времени начинали испытывать жажду: подтвердить необычайнымъ поступкомъ интересную блѣдность лица, сообщенную выпиваніемъ уксуса и сосаніемъ лимоновъ.

И такія-жъ точно движенья отмѣчаетъ подчасъ молодыхъ, изнуренныхъ безсонницей, современниковъ. Незнакомецъ такою безсонницею страдалъ: прокуренность его обиталища на то намекала; и о томъ же свидѣтельствовалъ синеватый отливъ нѣжной кожи лица,—столь нѣжной кожи, что не будь незнакомецъ мой обладателемъ усиковъ, вы-бъ, пожалуй, приняли незнакомца за переодѣтую барышню.

Digitized by Microsoft®

И вотъ незнакомецъ—на дворикѣ, четырехъугольникѣ, залитомъ сплошь асфальтомъ и отовсюду притиснутомъ пяти этажами многооконной громадины. Посреди̇нѣ двора были сложены отсырѣвшія сажени осиновыхъ дровъ; и былъ виденъ и отсюда кусокъ семнадцатой линіи, обсвистанной вѣтромъ.

Линіи!

Только въ васъ осталась память петровскаго Петербурга.

Параллельныя линіи на болотахъ нѣкогда провелъ Петръ; линіи тѣ обросли то гранитомъ, то каменнымъ, а то деревяннымъ заборикомъ. Отъ петровскихъ правильныхъ линій въ Петербургѣ слѣда не осталось; линія Петра превратилась въ линію позднѣйшей эпохи: въ екатерининскую округленную линію, въ александровскій строй бѣлокаменныхъ колоннадъ.

Лишь здѣсь, межъ громадинъ, остались петровскіе домики; вонъ бревенчатый домикъ; вонъ—домикъ зеленый; вотъ—синій, однотаэжный, съ яркокрасною вывѣской „Столовая“. Точно такіе вотъ домики раскидались здѣсь въ стародавнія времена. Здѣсь еще, прямо въ носъ, бьютъ разнообразные запахи: пахнетъ солью морскою, селедкой, канатами, кожаной курткой и трубкой, и прибережнымъ брезентомъ.

Линіи!..

Какъ онѣ измѣнились: какъ ихъ измѣнили эти суровые дни!

Незнакомецъ припомнилъ: въ томъ вонъ окошкѣ того глянцевитаго домика въ лѣтній вечеръ іюньскій старушка жевала губами; съ августа затворилось окошко; въ сентябрѣ принесли глазетовый гробъ.

Онъ думалъ, что жизнь дорожаетъ и рабочему люду будетъ скоро — нечего ѣсть; что оттуда, съ моста, вонзается сюда Петербургъ своими проспектными стрѣлами съ ватагою каменныхъ великановъ; ватага та великановъ безстыдно и нагло скоро уже похоронитъ на чердакахъ и въ подвалахъ всю островную бѣдноту.

Незнакомецъ мой съ острова Петербургъ давно ненавидѣлъ: тамъ, оттуда вставалъ Петербургъ въ волнѣ облаковъ;

Digitized by Microsoft ®

и парили тамъ зданія; тамъ надъ зданіями, казалось, парилъ кто-то злобный и темный, чье дыханіе крѣпко обковывало льдомъ гранитовъ и камней нѣкогда зеленые и кудрявые острова; кто-то темный, грозный, холодный оттуда, изъ воющаго хаоса, уставился каменнымъ взглядомъ, билъ въ сумасшедшемъ пареніи нетопырими крыльями; и хлесталъ отвѣтственнымъ словомъ островную бѣдноту, выдаваясь въ туманѣ: черепомъ и ушами: такъ недавно былъ кто-то изображенъ на обложкѣ журнальчика.

Незнакомецъ это подумалъ и зажалъ въ карманѣ кулакъ; вспомнилъ онъ чье-то жестокое слово; и вспомнилъ, что падали листья:

Незнакомецъ мой все зналъ наизусть. Эти павшіе листья — для сколькихъ послѣдніе листья: Незнакомецъ мой сталъ — синеватая тѣнь.

. . . . . .

Отъ себя же мы скажемъ: о, русскіе люди, русскіе люди! Вы толпы скользящихъ тѣней съ острововъ къ себѣ не пускайте! Бойтесь островитянъ! Они имѣютъ право свободно селиться въ Имперіи: знать для этого чрезъ летійскія воды къ островамъ перекинуты черные и сѣрые мосты. Разобрать бы ихъ...

Поздно...

Николаевскій мостъ полиція и не думала разводить; темныя повалили тѣни по мосту; между тѣми тѣнями и темная повалила по мосту тѣнь незнакомца. Въ рукѣ у нея равномѣрно качался не то чтобы маленькій, а все же не очень большой узелочекъ.

И увидѣвъ, расширились, засвѣтились, блеснули...

Въ зеленоватомъ освѣщеніи Петербургскаго утра, въ спасительномъ „кажется“ предъ сенаторомъ Аблеуховымъ циркулировалъ и обычный феноменъ: явленіе атмосферы— потокъ людской; тутъ люди нѣмѣли; потоки ихъ, набѣгая волнообразнымъ прибоемъ, — гремѣли, рычали; обычное

ухо же не воспринимало нисколько, что прибой тотъ людской есть прибой громовой.

Спаянный маревомъ самъ въ себѣ потокъ распадался на звенья потока: протекало звено за звеномъ; умопостигаемо каждое удалялось отъ каждаго, какъ система планетъ отъ системы планетъ; ближній къ ближнему тутъ находился въ такомъ же приблизительномъ отношеніи, въ каковомъ находится лучевой пучекъ небосвода въ отношеніи къ сѣтчатой оболочкѣ, проводящей въ мозговой центръ по нервному телеграфу смутную, звѣздную, промерцавшую вѣсть.

Съ предтекущей толпой престарѣлый сенаторъ сообщался при помощи проволокъ (телеграфныхъ и телефонныхъ); и потокъ тѣневой сознанью его предносился, какъ за далями міра спокойно текущая вѣсть. Аполлонъ Аполлоновичъ думалъ: о звѣздахъ, о невнятности пролетавшаго громового потока; и, качаясь на черной подушкѣ, высчитывалъ силу онъ свѣта, воспринимаемаго съ Сатурна.

Вдругъ... —

— лицо его сморщилось и передернулось тикомъ; судорожно закатились каменные глаза, обведенные синевой; кисти рукъ, одѣтыя въ черную замшу, подлетѣли на уровень груди, будто онъ защищался руками. И корпусъ откинулся, а цилиндръ, стукнувшись въ стѣнку, упалъ на колѣни подъ оголенною головой...

Безотчетность сенаторскаго движенья не поддавалась обычному толкованію; кодексъ правилъ сенатора ничего такого не предусматривалъ...

Созерцая текущіе силуэты—котелки, перья, фуражки, фуражки, фуражки, перья—Аполлонъ Аполлоновичъ уподоблялъ ихъ точкамъ на небосводѣ; но одна изъ сихъ точекъ, срываяся съ орбиты, съ головокружительной быстротой понеслась на него, принимая форму громаднаго и багроваго шара, то-есть, хочу я сказать: —

— созерцая текущіе силуэты (фуражки, фуражки, перья), Аполлонъ Аполлоновичъ изъ фуражекъ, изъ перьевъ, изъ котелковъ, увидалъ съ угла пару бѣшеныхъ

Digitized by Microsoft ®

глазъ: глаза выражали одно недопустимое свойство; глаза узнали сенатора; и узнавши, сбѣсились; можетъ быть, глаза поджидали съ угла; и увидѣвъ, расширились, засвѣтились, блеснули.

Этотъ бѣшеный взглядъ былъ сознательно брошеннымъ взглядомъ и принадлежалъ разночинцу съ черными усиками, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ; углубляясь впослѣдствіи въ подробности обстоятельства, Аполлонъ Аполлоновичъ скорѣе, чѣмъ вспомнилъ, сообразилъ еще нѣчто: въ правой рукѣ разночинецъ держалъ перевязанный мокрой салфеткой узелокъ.

Дѣло было такъ просто: стиснутая потокомъ пролетокъ, карета остановилась у перекрестка (городовой тамъ приподнялъ свою бѣлую палочку); мимо шедшій потокъ разночинцевъ, стиснутый пролетомъ пролетокъ, къ потоку перпендикулярно летящихъ, пересѣкающихъ Невскій,—этотъ потокъ теперь просто прижался къ каретѣ сенатора, нарушая иллюзію, будто онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, пролетая по Невскому, пролетаетъ за милліардами верстъ отъ людской многоножки, попирающей тотъ же самый проспектъ: обезпокоенный, Аполлонъ Аполлоновичъ вплотную придвинулся къ стекламъ кареты, увидѣвши, что всего-то онъ отдѣленъ отъ толпы тонкой стѣнкою и четырехвершковымъ пространствомъ; тутъ увидалъ разночинца онъ; и сталъ спокойно разсматривать; что-то было достойное быть замѣченнымъ во всей невзрачной фигурѣ той; и навѣрное-бъ физіономистъ, невзначай встрѣтивъ на улицѣ ту фигуру, остановился бы изумленный: и потомъ межъ дѣлами вспоминалъ бы то видѣнное лицо; особенность сего выраженья заключалась лишь въ трудности подвести то лицо подъ любую изъ существующихъ категорій—ни въ чемъ болѣе...

Наблюденіе это промелькнуло бы въ сенаторской головѣ, если бы наблюденіе это продлилось съ секунду; но оно не продлилось. Незнакомецъ поднялъ глаза и—за зеркальнымъ каретнымъ стекломъ, отъ себя въ четырехвершковомъ пространствѣ, увидалъ не лицо онъ, а... черепъ въ цилиндрѣ, да огромное блѣднозеленое ухо.

Digitized by Microsoft®

Въ ту же четверть секунды сенаторъ увидѣлъ въ глазахъ незнакомца—ту самую безкрайность хаóса, изъ которой исконно сенаторскій домъ дозираетъ туманная, многотрубная даль и Васильевскій Островъ.

Вотъ тогда-то вотъ глаза незнакомца расширились, засвѣтились, блеснули; и тогда-то вотъ, отдѣленное четырехвершковымъ пространствомъ и стѣнкой кареты, за стекломъ быстро вскинулись руки, закрывая глаза.

Пролетѣла карета: съ нею же пролетѣлъ Аполлонъ Аполлоновичъ въ тѣ сырыя пространства; тамъ, оттуда—въ ясные дни восходили прекрасно—золотая игла, облака и багровый закатъ; тамъ, оттуда сегодня—рои грязноватыхъ тумановъ.

Тамъ, въ роях грязноватаго дыма, откинувшись къ стѣнкѣ кареты, въ глазахъ видѣлъ онъ то же все: рои грязноватаго дыма; сердце забилось; и ширилось, ширилось, ширилось; въ груди родилось ощущеніе растущаго, багроваго шара, готоваго разорваться и раскидаться на части.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ страдалъ расширеніемъ сердца.

Все это длилось мгновеніе.

Аполлонъ Аполлоновичъ, машинально надѣвши цилиндръ, и замшевой черной рукою прижавшись къ скакавшему сердцу, вновь отдался любимому созерцанію кубовъ, чтобы дать себѣ въ происшедшемъ спокойный и разумный отчетъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ снова выглянулъ изъ кареты: то, что̀ онъ видѣлъ теперь, изгладило бывшее: мокрый скользкій проспектъ, мокрыя скользкія плиты, лихорадочно заблиставшія сентябрёвскимъ денечкомъ!

. . . . . .

Кони остановились. Городовой отдалъ подъ козырекъ. За подъѣзднымъ стекломъ, подъ бородатой каріатидою, подпиравшей камни балкончика, Аполлонъ Аполлоновичъ увидалъ то же все зрѣлище: тамъ блистала мѣдная, тяжкоглавая булава; на восьмидесятилѣтнее плечо тамъ упала темная треуголка швейцара. Восьмидесятилѣтній швейцаръ засыпалъ надъ Биржевкою. Такъ же онъ засыпалъ позавчера, вчера.

Digitized by Microsoft ®

Такъ же онъ спалъ роковое то пятилѣтіе... Такъ же проспитъ пятилѣтіе впредь.

Пять лѣтъ ужъ прошло съ той поры, какъ Аполлонъ Аполлоновичъ подкатилъ къ Учрежденію безотвѣтственнымъ главой Учрежденія: пять слишкомъ лѣтъ прошло съ той поры! И были событія: проволновался Китай и палъ Портъ-Артуръ. Но видѣнье годинъ—неизмѣнно: восьмидесятилѣтнее плечо, галунъ, борода.

. . . . . .

Дверь распахнулась: мѣдная булава простучала. Аполлонъ Аполлоновичъ изъ каретнаго дверца пронесъ каменный взоръ въ широкооткрытый подъѣздъ. И дверь затворилась.

Аполлонъ Аполлоновичъ стоялъ и дышалъ.

— „Ваше высокопревосходительство... Сядьте-съ... Ишь ты, какъ задыхаетесь...

— „Все-то бѣгаете, будто маленькій мальчикъ...“

— „Посидите, ваше высокопревосходительство: отдышитесь...

— „Такъ-то вотъ-съ...“

— „Можетъ... водицы?“

Но лицо именитаго мужа просвѣтилось, стало ребяческимъ, старческимъ; изошло все морщинками:

— „А скажите, пожалуйста: кто мужъ графини?“

— „Графини-съ?.. А какой, позволю спросить?“

— Нѣтъ, просто графини?“

— „?“

— „Мужъ графини—графинъ?“

. . . . . .

— „Хе-хе-хе-съ...“

. . . . . .

А уму непокорное сердце трепетало и билось; и отъ этого все кругомъ было: тѣмъ—да не тѣмъ...

Digitized by Microsoft ®

Двухъ бѣдно одѣтыхъ курсисточекъ...

Среди медленно протекающихъ толпъ протекалъ незнакомецъ; и вѣрнѣе онъ утекалъ въ совершенномъ смятеніи отъ того перекрестка, гдѣ потокомъ людскимъ былъ притиснутъ онъ къ черной каретѣ, откуда уставились на него: черепъ, ухо, цилиндръ.

Это ухо и этотъ черепъ!

Вспомнивъ ихъ, незнакомецъ кинулся въ бѣгство.

Протекала пара за парой: протекали тройки, четверки; отъ каждой подъ небо вздымался дымовой столбъ разговора, переплетаясь, сливаясь, съ дымовымъ, смежнобѣгущимъ столбомъ; пересѣкая столбы разговоровъ, незнакомецъ мой ловилъ ихъ отрывки; изъ отрывковъ тѣхъ составлялись и фразы, и предложенія.

Заплеталась невская сплетня.

— „Вы знаете?“—пронеслось гдѣ-то справа и погасло въ набѣгающемъ грохотѣ.

И потомъ вынырнуло опять:

— „Собираются...“

— „Что?“

— „Бросить...“

Зашушукало сзади.

Незнакомецъ съ черными усиками, обернувшись, увидѣлъ: котелокъ, трость, пальто; уши, усы и носъ...

— „Въ кого же?“

— „Кого, кого“—перешукнулось издали; и вотъ темная пара сказала.

— „Абл...

И сказавши, пара прошла.

— „Аблеухова?“

— „Въ Аблеухова?!“

Но пара докончила гдѣ-то тамъ...

— „Абл... ейка меня кк...исла...тою... попробуй...“

И пара икала.

Digitized by Microsoft ®

Но незнакомецъ стоялъ, потрясенный всѣмъ слышаннымъ:

— „Собираются?..

— „Бросить?..

— „Въ Абл...

. . . . . .

— „Нѣтъ же: не собираются...

. . . . . .

А кругомъ зашепталось:

— „Поскорѣе...

И потомъ опять сзади:

— „Пора же...

И пропавши за перекресткомъ, напало изъ новаго перекрестка:

— „Пора... право...“

Незнакомецъ услышалъ не „право“, а „прово-“; и докончилъ самъ:

— „Прово-кація?!“

Провокація загуляла по Невскому. Провокація измѣнила смыслъ всѣхъ слышанныхъ словъ: провокаціей надѣлила она невинное п р а в о; а „обл... ейка“ она превратила въ чортъ знаетъ что:

— „Въ Абл...“

И незнакомецъ подумалъ:

— „Въ Аблеухова“.

Просто онъ отъ себя присоединилъ предлогъ в е, е р ъ: присоединеніемъ буквы в е и т в е р д а г о з н а к а измѣнили невинный словесный обрывокъ въ обрывокъ ужаснаго содержанія; и что главное: присоединилъ предлогъ незнакомецъ.

Провокація, стало-быть, въ немъ сидѣла самомъ; а онъ отъ нея убѣгалъ: убѣгалъ — отъ себя. Онъ былъ своей собственной тѣнью.

О, русскіе люди, русскіе люди!

Толпы зыбкихъ тѣней не пускайте вы съ острова: вкрадчиво тѣни тѣ проникаютъ въ тѣлесное обиталище ваше; проникаютъ отсюда онѣ въ закоулки души: вы становитесь

Digitized by Microsoft®

тѣнями клубообразно летящихъ тумановъ: тѣ туманы летятъ искони изъ-за края земного: изъ свинцовыхъ пространствъ волнами кипящаго Балта; въ туманъ искони тамъ уставились громовыя отверстія пушекъ.

Въ двѣнадцать часовъ, по традиціи, глухой пушечный выстрѣлъ торжественно огласилъ Санктъ-Петербургъ, столицу Россійской Имперіи: всѣ туманы разорвались и всѣ тѣни разсѣялись.

Лишь тѣнь моя—неуловимый молодой человѣкъ — не сотрясся и не расплылся отъ выстрѣла, безпрепятственно совершая свой пробѣгъ до Невы. Вдругъ чуткое ухо моего незнакомца услышало за спиною восторженный шопотъ:

— „Неуловимый!..

— „Смотрите—Неуловимый!

— „Какая смѣлость!..

И когда, уличенный, повернулся онъ своимъ островнымъ лицомъ, то увидѣлъ въ упоръ на себя устремленные глазки двухъ бѣдно одѣтыхъ курсисточекъ...

Да вы помолчите!..

— „Бы̀бы... бы̀бы...“

Такъ громыхалъ мужчина за столикомъ: мужчина громадныхъ размѣровъ; кусокъ желтой семги онъ запихивалъ въ ротъ, и давясь, выкрикивалъ непонятности. Кажется онъ выкрикивалъ:

„Вы-бы...“

Но слышалось:

— „Бы̀-бы...“

И компанія тощихъ пиджачниковъ начинала визжать:

— „А-а́хха-ха, а́ха-ха!..

. . . . . .

Петербургская улица осенью проницаетъ весь организмъ: ледянитъ костный мозгъ и щекочетъ дрогнувшій позвоночникъ; но какъ скоро съ нея попадаешь ты въ теплое помѣщеніе, петербургская улица въ жилахъ течетъ лихорадкой.

Digitized by Microsoft®

Этой улицы свойство испытывалъ сейчасъ незнакомецъ, войдя въ грязненькую переднюю, набитую туго: черными, синими, сѣрыми, желтыми пòльтами, залихватскими, вислоухими, кургузыми шалками и всевозможной калошей. Обдавала теплая сырость; въ воздухѣ повисалъ бѣлѣющій паръ: паръ блиннаго запаха.

Получивъ обжигающій ладонь номерокъ отъ верхняго платья, разночинецъ съ парою усиковъ наконецъ вошелъ въ залъ...

— „А-а-а...“

Оглушили его сперва голоса.

. . . . . .

— „Ра-аа-ковъ... ааа... àх-ха-ха...“

— „Видите, видите, видите...

— „Не говорите...“

— „Ме-емме...“

— „И водки...

— „Да помилуйте... да подите... Да какъ бы не такъ...“

. . . . . .

Все то бросилось ему въ лобъ; за спиною же, съ Невскаго, за нимъ вдогонку бѣжало:

— „Пора... право...

— „Что право?“

— „Кація—акація—кассація“...

— „Бл...

— „И водки...“

. . . . . .

Ресторанное помѣщеніе состояло изъ грязненькой комнатки; полъ натирался мастикою; стѣны были расписаны рукой маляра, изображая тамъ обломки шведской флотиліи, съ высоты которыхъ въ пространство рукой указывалъ Петръ; и летѣли оттуда пространства синькою бѣлогривыхъ валовъ; въ головѣ незнакомца же полетѣла карета, окруженная роемъ...

— „Пора...

— „Собираются бросить...

Digitized by Microsoft®

— „Въ Абл...

— „Прав...

Ахъ, праздныя мысли!..

На стѣнѣ красовался зеленый кудреватый шпинатъ, рисовавшій зигзагами плезиры петергофской натуры съ пространствами, облаками и съ сахарнымъ куличомъ въ видѣ стильнаго павильончика.

. . . . . .

— „Вамъ съ пикончикомъ?

Одутловатый хозяинъ изъ-за водочной стоечки обращался къ нашему незнакомцу.

— „Нѣтъ, безъ пикону мнѣ“.

А самъ думалъ: почему былъ испуганный взглядъ — за каретнымъ стекломъ: выпучились, окаменѣли и потомъ закрылись глаза; мертвая, бритая голова прокачалась и скрылась; изъ руки—черной замшевой—его по спинѣ не огрѣлъ и злой бичъ жестокаго слова; черная, замшевая рука протряслась тамъ безвластно; была она не рука, а... рученочка...

Онъ глядѣлъ: на прилавкѣ сохла закуска, прокисали все какіе-то вялые листики подъ стеклянными колпаками съ грудою третьяводняшнихъ перепрѣлыхъ котлетокъ.

— „Еще рюмку...“

. . . . . .

Тамъ вдали посиживалъ праздно потѣющій мужъ съ преогромною кучерской бородою, въ синей курткѣ, въ смазныхъ сапогахъ поверхъ сѣрыхъ солдатскаго цвѣта штановъ. Праздно потѣющій мужъ опрокидывалъ рюмочки; праздно потѣющій мужъ подзывалъ вихрастаго полового:

— „Чего извоетсъ?..

— „Чаво бы нибудь“...

— „Дыньки-съ?“

— „Къ шуту: мыло съ сахаромъ твоя дынька...“

— „Бананчика-съ?“

— „Неприличнава сорта фрухтъ...“

— „Астраханскаго винограду-съ?“

. . . . . .

Digitized by Microsoft®

Трижды мой незнакомецъ проглотилъ терпкій безцвѣтно-блистающій ядъ, котораго дѣйствіе напоминаетъ дѣйствіе улицы: пищеводъ и желудокъ лижутъ сухимъ языкомъ его мстительные огни, а сознаніе, отдѣляясь отъ тѣла, будто ручка машиннаго рычага, начинаетъ вертѣться вокругъ всего организма, просвѣтляясь невѣроятно... на одинъ только мигъ.

И сознаніе незнакомца на мигъ прояснилось: и онъ вспомнилъ: безработные голодали тамъ; безработные тамъ просили его; и онъ обѣщалъ имъ; и взялъ отъ нихъ — да? Гдѣ узелочекъ? Вотъ онъ, вотъ—рядомъ, тутъ... Взялъ отъ нихъ узелочекъ.

Въ самомъ дѣлѣ: та невская встрѣча повышибла память.

. . . . . .

— „Арбузика-съ?“

— „Къ шуту арбузикъ: только хрустъ на зубахъ; а во рту— хоть бы что...“

— „Ну такъ водочки...“

Но бородатый мужчина вдругъ выпалилъ:

— „Мнѣ вотъ чего: раковъ...

. . . . . .

Незнакомецъ съ черными усиками усѣлся за столикъ, поджидать ту особу, которая...

— „Не желаете-ль рюмочку?“

Праздно потѣющій бородачъ весело подмигнулъ.

— „Благодарствуйте...

— „Отчего же-съ?“

— „Да пилъ я...“

— „Выпили бы и еще: въ маемъ кумпанействѣ...“

Незнакомецъ мой что-то сообразилъ: подозрительно поглядѣлъ онъ на бородача, ухватился за мокренькій узелочекъ, ухватился за оборванный листикъ (для газетнаго чтенія); и имъ, будто бы невзначай, прикрылъ узелочекъ:

— „Тульскіе будете?

Незнакомецъ съ неудовольствіемъ оторвался отъ мысли и сказалъ съ достаточной грубостью—сказалъ фистулою...

— „И вовсе не тульскій...“

Digitized by Microsoft®

— „Аткелева-жъ?...“

— „Вамъ зачѣмъ?“

— „Такъ...“

— „Ну: изъ Москвы...“

И плечами пожавши, сердито онъ отвернулся.

. . . . . .

И онъ думалъ: нѣтъ, онъ не думалъ—думы думались сами, расширяясь и открывая картину: брезенты, канаты, селедки; и набитые чѣмъ-то кули: неизмѣримость кулей; межъ кулями въ черную кожу одѣтый рабочій синеватой рукой себѣ на спину взваливалъ куль, выдѣляясь отчетливо на туманѣ, на летящихъ водныхъ поверхностяхъ; и куль глухо упалъ: со спины въ нагруженную балками барку; за кулемъ — куль; рабочій же (знакомый рабочій) стоялъ надъ кулями и вытаскивалъ трубочку съ пренелѣпо на вѣтрѣ плясавшимъ одежды крыломъ.

. . . . . .

— „По камерческой части?

(Ахъ ты, Господи!)

— „Нѣтъ: просто—такъ...“

И самъ сказалъ себѣ:

— „Сыщикъ...“

— „Вотъ оно: а мы—въ кучерахъ...

. . . . . .

— „Шуринъ та мой у Кистинтина Кистинтиновича кучеромъ...

— „Ну и что-жъ?“

— „Да что-жъ: ничаво—здѣсь сваи“...

Ясное дѣло, что — сыщикъ: поскорѣе бы приходила о с о б а.

Бородачъ между тѣмъ горемычно задумался надъ тарелкою несъѣденныхъ раковъ, крестя ротъ и протяжно зѣвая:

— „О, Господи, Господи!..“

. . . . . .

О чемъ были думы? Васильевскіе? Кули и рабочіи? Да—конечно: жизнь дорожаетъ, рабочему нечего ѣсть.

Digitized by Microsoft®

Почему? Потому что: черным мостомъ туда вонзается Петербургъ; мостомъ и проспектными стрѣлами,—чтобъ подъ кучами каменныхъ гробовъ задавить бѣдноту; Петербургъ ненавидитъ онъ; надъ полками проклятыми зданій, возстающими съ того берега изъ волны облаковъ—кто-то, маленькій, воспарялъ изъ хаоса и плавалъ тамъ черною точкою: все визжало оттуда и плакало:

— „Острова раздавить!...“

Онъ теперь только понялъ, что было на Невскомъ Проспектѣ, чье зеленое ухо на него поглядѣло въ разстояніи четырехъ вершковъ — за каретнымъ стекломъ; маленькій тамъ дрожащій смертёнышъ тою самою былъ летучею мышью, которая, воспаря,—мучительно, грозно и холодно, угрожала, визжала...

Вдругъ—...

Но о вдругъ мы—впослѣдствіи.

Письменный столъ тамъ стоялъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ прицѣливался къ текущему дѣловому дню; во мгновеніе ока отчетливо предъ нимъ возставали: доклады вчерашняго дня; отчетливо у себя на столѣ онъ представилъ сложенныя бумаги, порядокъ ихъ и на этихъ бумагахъ имъ сдѣланныя помѣтки, форму буквъ тѣхъ помѣтокъ, карандашъ, которымъ съ небрежностью на поля наносились: синее „дать ходъ“ съ хвостикомъ твердаго знака, красное „справка“ съ росчеркомъ на „а“.

Въ краткій мигъ отъ департаментской лѣстницы до дверей кабинета Аполлонъ Аполлоновичъ волею перемѣщалъ центръ сознанья; всякая мозговая игра отступала на край поля зрѣнія, какъ вонъ тѣ бѣлесоватые разводы на бѣломъ фонѣ обой: кучечка изъ параллельно положенныхъ дѣлъ перемѣщалась въ центръ того поля, какъ вотъ только что въ центръ этотъ упадавшій портретъ.

А—портретъ? То-есть: —

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ...

Digitized by Microsoft®

Кто онъ? Сенаторъ? Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ? Да нѣтъ же: Вячеславъ Константиновичъ... А онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ?

И мнится—очередь за мной
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый...

Очередь—очередь: по очереди—

И надъ землей сошлися новы тучи
И ураганъ ихъ...

Праздная мозговая игра!

Кучка бумагъ выскочила на поверхность: Аполлонъ Аполлоновичъ, прицѣлившись къ текущему дѣловому дню, обратился къ чиновнику:

— „Потрудитесь, Германъ Германовичъ, приготовить мнѣ дѣло—то самое, какъ его..."

— „Дѣло дьякона Зракова съ приложеніемъ вещественныхъ доказательствъ въ видѣ клока бороды?"

— „Нѣтъ, не это...

— „Помѣщика Пузова, за номеромъ?..

— „Нѣтъ: дѣло объ Ухтомскихъ Ухабахъ..."

Только-что онъ хотѣлъ открыть дверь, ведущую въ кабинетъ, какъ онъ вспомнилъ (онъ было и вовсе забылъ): да, да—глаза: расширились, удивились, сбѣсились—глаза разночинца... И зачѣмъ, зачѣмъ былъ зигзагъ руки?.. Пренепріятный. И разночинца онъ какъ будто бы видѣлъ — гдѣ-то; когда-то: можетъ быть нигдѣ, никогда...

Аполлонъ Аполлоновичъ открылъ дверь кабинета.

Письменный столъ стоялъ на своемъ мѣстѣ съ кучкою дѣловыхъ бумагъ: въ углу каминъ растрещался полѣньями; собираясь погрузиться въ работу, Аполлонъ Аполлоновичъ грѣлъ у камина иззябшія руки, а мозговая игра, ограничивая поле сенаторскаго зрѣнія, продолжала тамъ воздвигать свои туманныя плоскости.

Digitized by Microsoft®

Разночинца онъ видѣлъ.

Николай Аполлоновичъ...

Тутъ Аполлонъ Аполлоновичъ...

— „Нѣтъ-съ: Позвольте“

— „?...“

— „Что за чертовщина?“

Аполлонъ Аполлоновичъ остановился у двери, потому что—какъ же иначе?

Невинная мозговая игра самопроизвольно вновь вдвинулась въ мозгъ, то-есть, въ кучу бумагъ и прошеній: мозговую игру Аполлонъ Аполлоновичъ счелъ бы развѣ обоями комнаты, въ чьихъ предѣлахъ созрѣвали проекты; Аполлонъ Аполлоновичъ къ произвольности мысленныхъ сочетаній относился, какъ къ плоскости: плоскость эта, однако, порой раздвигаясь, пропускала въ центръ умственной жизни за сюрпризомъ сюрпризъ (какъ, напримѣръ, вотъ сейчасъ).

Аполлонъ Аполлоновичъ вспомнилъ: разночинца однажды онъ видѣлъ.

Разночинца однажды онъ видѣлъ — представьте себѣ — у себя на дому.

Помнитъ: какъ-то спускался онъ съ лѣстницы, отправляясь на Выходъ; на лѣстницѣ Николай Аполлоновичъ, перегнувшійся чрезъ перила, съ кѣмъ-то весело разговаривалъ: о знакомствахъ Николая Аполлоновича государственный человѣкъ не считалъ себя въ правѣ освѣдомляться; чувство такта естественно тогда помѣшало ему спросить напрямикъ:

— „А скажи-ка мнѣ, Коленька, кто такое это тебя посѣщаетъ, голубчикъ мой?“

Николай Аполлоновичъ опустилъ бы глаза:

— „Да такъ себѣ, папаша: меня посѣщаютъ...“

Разговоръ и прервался бы.

Оттого-то вотъ Аполлонъ Аполлоновичъ не заинтересовался нисколько и личностью разночинца, тамъ глядѣвшаго

Digitized by Microsoft®

изъ передней въ своемъ темномъ пальто; у незнакомца были тѣ самые черные усики и тѣ самые поразительные глаза (вы такіе-бъ точно глаза встрѣтили ночью въ московской часовнѣ Великомученика Пантелеймона, что у Никольскихъ воротъ:—часовня прославлена исцѣленіемъ бѣсноватыхъ; вы такіе бы точно глаза встрѣтили-бъ на портретѣ, приложенномъ къ біографіи великаго человѣка; и далѣе: въ невропатической клиникѣ и даже психіатрической).

Глаза и тогда: расширились, заиграли, блеснули; значитъ: то уже было когда-то, и, можетъ быть, то повторится.

— „Обо всемъ—такъ-съ, такъ-съ...“

— „Надо будетъ...“

— „Навести точнѣйшую справку...“

Свои точнѣйшія справки получалъ государственный человѣкъ не прямымъ, а окольнымъ путемъ.

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ посмотрѣлъ за дверь кабинета: письменные столы, письменные столы! Кучи дѣлъ! Къ дѣламъ склоненныя головы! Скрипы перьевъ! Шорохи переворачиваемыхъ листовъ! Какое кипучее и могучее бумажное производство!

Аполлонъ Аполлоновичъ успокоился и погрузился въ работу.

Странныя свойства.

Мозговая игра носителя брилліантовыхъ знаковъ отличалась странными, весьма странными, чрезвычайно странными свойствами: черепная коробка его становилася чревомъ мысленныхъ образовъ, воплощавшихся тотчасъ же въ этотъ призрачный міръ.

Принявъ во вниманіе это странное, весьма странное, чрезвычайно странное обстоятельство, лучше бы Аполлонъ Аполлоновичъ не откидывалъ отъ себя ни одной праздной мысли, продолжая и праздныя мысли носить въ своей головѣ: ибо каждая праздная мысль развивалась упорно въ пространственно-временный образъ, продолжая свои—теперь уже безконтрольныя—дѣйствія внѣ сенаторской головы.

Digitized by Microsoft ®

Аполлонъ Аполлоновичъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ, какъ Зевсъ: изъ его головы вытекали боги, богини и геніи. Мы ужъ видѣли: одинъ такой геній (незнакомецъ съ черными усиками), возникая, какъ образъ, забытійствовалъ далѣе прямо уже въ желтоватыхъ невскихъ пространствахъ, утверждая, что вышелъ онъ—изъ нихъ именно: не изъ сенаторской головы; праздныя мысли оказались и у этого незнакомца; и тѣ праздныя мысли обладали все тѣми же свойствами.

Убѣгали и упрочнялись.

И одна такая бѣжавшая мысль незнакомца была мыслью о томъ, что онъ, незнакомецъ, существуетъ дѣйствительно; эта мысль съ Невскаго забѣжала обратно въ сенаторскій мозгъ, и тамъ упрочила сознаніе, будто самое бытіе незнакомца въ головѣ этой—иллюзорное бытіе.

Такъ кругъ замкнулся.

Аполлонъ Аполлоновичъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ, какъ Зевсъ: едва изъ его головы родилась вооруженная узелкомъ Незнакомецъ-Паллада, какъ полѣзла оттуда другая, такая же точно Паллада.

Палладою этою былъ сенаторскій домъ.

Каменная громада убѣжала изъ мозга; и вотъ домъ открываетъ гостепріимную дверь—намъ.

. . . . . .

Лакей поднимался по лѣстницѣ; страдалъ онъ одышкою, но не въ немъ теперь дѣло, а въ... лѣстницѣ: прекрасная лѣстница! На ней же—ступени: мягкія, какъ мозговыя извилины. Но не успѣетъ авторъ читателю описать ту самую лѣстницу, по которой не разъ поднимались министры (онъ ея опишетъ потомъ), потому что—лакей уже въ залѣ...

И опять-таки — зала: прекрасная! Окна и стѣны: стѣны немного холодныя... Но лакей былъ въ гостиной (гостиную видѣли мы).

Мы окинули прекрасное обиталище, руководствуясь общимъ признакомъ, коимъ сенаторъ привыкъ надѣлять всѣ предметы.

Digitized by Microsoft®

Такъ: —

— въ кой вѣки попавъ на цвѣтущее лоно природы, Аполлонъ Аполлоновичъ видѣлъ то же и здѣсь, что и мы; то-есть: видѣлъ онъ — цвѣтущее лоно природы; но для насъ это лоно распадалось мгновенно на признаки: на фіалки, на лютики, одуванчики и гвоздики; но сенаторъ отдѣльности эти возводилъ вновь къ единству. Мы сказали-бъ конечно:

— „Вотъ лютикъ!“

— „Вотъ незабудочка...“

Аполлонъ Аполлоновичъ говорилъ и просто, и кратко:

— „Цвѣты...“

— „Цвѣтокъ...“

Между нами будь сказано: Аполлонъ Аполлоновичъ всѣ цвѣты одинаково почему-то считалъ колокольчиками...—

Съ лаконической краткостью охарактеризовалъ бы онъ и свой собственный домъ, для него состоявшій изъ стѣнъ (образующихъ квадраты и кубы), изъ прорѣзанныхъ оконъ, паркетовъ, стульевъ, столовъ; далѣе—начинались детали...

Лакей вступилъ въ корридоръ...

И тутъ не мѣшаетъ намъ вспомнить: промелькнувшія мимо (картины, рояль, зеркала, перламутръ, инкрустація столиковъ) — словомъ, все, промелькнувшее мимо, не могло имѣть пространственной формы: все то было однимъ раздраженіемъ мозговой оболочки, если только не было хроническимъ недомоганіемъ... можетъ быть, мозжечка.

Строилась иллюзія комнаты; и потомъ разлеталась безслѣдно, воздвигая за гранью сознанія свои туманныя плоскости; и когда захлопнулъ лакей за собой гостинныя тяжелыя двери, когда онъ стучалъ сапогами по гулкому корридорчику, это только стучало въ вискахъ: Аполлонъ Аполлоновичъ страдалъ геморроидальными приливами крови.

Digitized by Microsoft®

За захлопнутой дверью не оказалось гостиной: оказались... мозговыя пространства: извилины, сѣрое и бѣлое вещество, шишковидная железа; а тяжелыя стѣны, состоявшія изъ искристыхъ брызгъ (обусловленныхъ приливомъ)— голыя стѣны были только свинцовымъ и болевымъ ощущеніемъ: затылочной, лобной, височныхъ и темянныхъ костей, принадлежащихъ почтенному черепу.

Домъ — каменная громада — не домомъ былъ; каменная громада была Сенаторской Головой: Аполлонъ Аполлоновичъ сидѣлъ за столомъ, надъ дѣлами, удрученный мигренью, съ ощущеніемъ, будто его голова въ шесть разъ больше, чѣмъ слѣдуетъ и въ двѣнадцать разъ тяжелѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Странныя, весьма странныя, чрезвычайно странныя свойства!

Наша роль.

Петербургскія улицы обладаютъ несомнѣннѣйшимъ свойствомъ: превращаютъ въ тѣни прохожихъ; тѣни же петербургскія улицы превращаютъ въ людей.

Это видѣли мы на примѣрѣ съ таинственнымъ незнакомцемъ.

Онъ, возникши, какъ мысль, въ сенаторской головѣ, почему-то связался и съ собственнымъ сенаторскимъ домомъ; тамъ всплылъ онъ въ памяти; болѣе же всего упрочнился онъ на проспектѣ, непосредственно слѣдуя за сенаторомъ въ нашемъ скромномъ разсказѣ.

Отъ перекрестка до ресторанчика на Милліонной описали мы путь незнакомца; описали мы, далѣе, самое сидѣніе въ ресторанчикѣ до пресловутаго слова „вдругъ“, которымъ все прервалось; вдругъ съ незнакомцемъ случилось тамъ что-то; какое-то непріятное ощущеніе посѣтило его.

Обслѣдуемъ теперь его душу; но прежде обслѣдуемъ ресторанчикъ; даже окрестности ресторанчика; на то есть у насъ основаніе; вѣдь если мы, авторъ, съ педантичною точностью отмѣчаемъ путь перваго встрѣчнаго, то читатель намъ вѣритъ: поступокъ нашъ оправдается въ будущемъ.

Digitized by Microsoft®

Въ нами взятомъ естественномъ сыскѣ предвосхитили мы лишь желаніе сенатора Аблеухова, чтобы агентъ охраннаго отдѣленія неуклонно бы слѣдовалъ по стопамъ незнакомца; славный сенаторъ и самъ бы взялся за телефонную трубку, чтобъ посредствомъ ея передать, куда слѣдуетъ, свою мысль; къ счастію для себя онъ не зналъ обиталища незнакомца, (а мы же обиталище знаемъ). Мы идемъ на встрѣчу сенатору; и пока легкомысленный агентъ бездѣйствуетъ въ своемъ отдѣленіи, этимъ агентомъ будемъ мы.

Позвольте, позвольте...

Не попали ли мы сами въ просакъ? Ну, какой въ самомъ дѣлѣ мы агентъ? Агентъ—есть. И не дремлетъ онъ, ей Богу, не дремлетъ. Роль наша оказалась праздною ролью.

Когда незнакомецъ исчезъ въ дверяхъ ресторанчика и насъ охватило желаніе туда воспослѣдовать тоже, мы обернулись и увидѣли два силуэта, медленно пересѣкавшихъ туманъ; одинъ изъ двухъ силуэтовъ былъ довольно толстъ и высокъ, явственно выдѣляясь сложеніемъ; но лица силуэта мы не могли разобрать (силуэты лицъ не имѣютъ); все же мы разглядѣли: новый, шелковый, распущенный зонтъ, ослѣпительно блещущія калоши да полукотиковую шапку съ наушниками.

Паршивенькая фигурка низкорослаго господинчика составляла главное содержаніе силуэта второго; лицо силуэта было достаточно видно: но лица также мы не успѣли увидѣть, ибо мы удивились огромности его бородавки: такъ лицевую субстанцію заслонила отъ насъ нахальная акциденція (какъ подобаетъ ей дѣйствовать въ этомъ мірѣ тѣней).

Сдѣлавъ видъ, что глядимъ въ облака, пропустили мы темную пару, предъ ресторанною дверью та темная пара остановилась и сказала нѣсколько словъ на человѣческомъ языкѣ.

— „Гмъ?“

— „Здѣсь...“

— „Такъ я и думалъ: мѣры приняты; это на случай, еслибы вы его мнѣ не показали у моста“.

Digitized by Microsoft ®

— „А какія вы приняли мѣры?..“

— „Да я тамъ, въ ресторанчикѣ, посадилъ человѣка“.

— „Ахъ, напрасно вы принимаете мѣры! Я же вамъ говорилъ, говорилъ: сто разъ говорилъ...“

— „Простите, это я изъ усердія...

— „Вы бы прежде посовѣтовались со мной... Ваши мѣры прекрасны...

— „Сами же вы говорите...

— „Да, но ваши прекрасныя мѣры...“

— „Гмъ...“

— „Что?.. Ваши прекрасныя мѣры — перепутаютъ все...“

. . . . . .

Пара прошла пять шаговъ, остановилась; и опять сказала нѣсколько словъ на человѣческомъ языкѣ.

— „Гмъ!.. Придется мнѣ... Гмъ!.. Пожелать теперь вамъ успѣха...“

— „Ну какое же можетъ быть въ томъ сомнѣніе: предпріятіе поставлено, какъ часовой механизмъ; еслибъ я теперь не стоялъ за всѣмъ этимъ дѣломъ, то, повѣрьте мнѣ дружески: дѣло—въ шляпѣ.

— „Гмъ?“

— „Что такое вы говорите?“

— „Проклятый насморкъ“.

— „Я же о дѣлѣ...

— „Гмъ...

— „Души настроены, какъ инструменты: и составляютъ концертъ—что такое вы говорите? Дирижеру изъ-за кулисъ остается взмахивать палочкой. Сенатору Аблеухову издать циркуляръ, Неуловимому же предстоитъ...“

— „Проклятый насморкъ...“

— „Николаю Аполлоновичу предстоитъ... Словомъ: концертное тріо, гдѣ Россія—партеръ. Вы меня понимаете? Понимаете? Что же вы все молчите.

— „Послушайте: брали бы жалованье...“

. . . . . .

— „Нѣтъ, вы меня не поймете!

Digitized by Microsoft®

— „Пойму: гмъ-гмъ-гмъ—положительно не хватаетъ платковъ.

— „Что такое?“

— „Да насморкъ же!.. А звѣрь—гмъ-гмъ-гмъ—не уйдетъ?

— „Ну, куда ему...

— „А то брали бы жалованье...

— „Жалованье! Я служу не за жалованье: я артистъ, понимаете ли—артистъ!

— „Своего рода...“

— „Что̀ такое?

— „Ничего: лѣчусь сальной свѣчкой.

Фигурка повынимала изсморканный носовой свой платокъ и опять чмыхала носомъ.

— „Я же о дѣлѣ! Такъ-таки передайте имъ, что Николай Аполлоновичъ обѣщаніе далъ...

— „Сальная свѣчка прекрасное средство отъ насморка...“

— „Разскажите имъ все, что вы слышали отъ меня: дѣло это поставлено...“

— „Вечеромъ намажешь ноздрю, утромъ — какъ рукой сняло...

— „Дѣло поставлено, опять-таки говорю, какъ часов...“

— „Носъ очищенъ, дышешь свободно...

— „Какъ часовой механизмъ!..“

— „А?“

— „Часовой, чортъ возьми, механизмъ.

— „ Заложило ухо: не слышу.

— „Ча-со-вой ме-ха-...“

— „Апчхи!..“

Подъ бородавкою загулялъ вновь платочекъ: двѣ тѣни медленно утекали въ промозглую муть. Скоро тѣнь толстяка въ полукотиковой шапкѣ съ наушниками показалась опять изъ тумана, посмотрѣла разсѣянно на петропавловскій шпицъ.

И вошла въ ресторанчикъ.

Digitized by Microsoft®

И при томъ лицо лоснилось.

Читатель!

„Вдругъ“ знакомы тебѣ. Почему же, какъ страусъ, ты прячешь голову въ перья при приближеніи рокового и неотвратнаго „вдругъ“. Заговори съ тобою о „вдругъ“ посторонній, ты скажешь навѣрное:

— „Милостивый государь, извините меня: вы должно быть отъявленный декадентъ“.

И меня навѣрное уличишь въ декадентствѣ.

Ты и сейчасъ предо мною, какъ страусъ; но тщетно ты прячешься—ты прекрасно меня понимаешь; понимаешь ты и неотвратное „вдругъ“.

Слушай же...

Твое „вдругъ“ крадется за твоею спиной, иногда же оно предшествуетъ твоему появленію въ комнатѣ; въ первомъ случаѣ, ты обезпокоенъ ужасно: въ спинѣ развивается непріятное ощущеніе, будто въ спину твою, какъ въ открытую дверь, повалилась ватага невидимыхъ; ты обертываешься и просишь хозяйку:

— „Сударыня, не позволите ли закрыть дверь; у меня особое нервное ощущеніе: я спиною терпѣть не могу сидѣть къ открытымъ дверямъ“.

Ты смѣешься, она смѣется.

Иногда же при входѣ въ гостиную тебя встрѣтятъ всеобщимъ:

— „А мы только-что васъ поминали...“

И ты отвѣчаешь:

— „Это вѣрно сердце сердцу подало вѣсть“.

Всѣ смѣются. Ты тоже смѣешься: будто не было тутъ „вдругъ“.

Иногда же чуждое „вдругъ“ поглядитъ на тебя изъ-за плечъ собесѣдника, пожелая снюхаться съ „вдругъ“ твоимъ собственнымъ. Межъ тобою и собесѣдникомъ что-то такое пройдетъ, отчего ты вдругъ запорхаешь глазами, собесѣдникъ же станетъ суше.. Онъ чего-то потомъ тебѣ во всю жизнь не проститъ.

Digitized by Microsoft®

Твое „вдругъ“ кормится твоею мозговою игрою; гнусности твоихъ мыслей, какъ песъ, оно пожираетъ охотно; распухаетъ оно, таешь ты, какъ свѣча; если гнусны твои мысли и трепетъ овладѣваетъ тобою, то „вдругъ“, обожравшись всѣми видами гнусностей, какъ откормленный, но невидимый песъ, всюду тебѣ начинаетъ предшествовать, вызывая у посторонняго наблюдателя впечатлѣніе, будто ты занавѣшенъ отъ взора чернымъ взору невидимымъ облакомъ: это есть косматое „вдругъ“, вѣрный твой домовой (зналъ я несчастнаго, котораго черное облако чуть ли не видимо взору: онъ былъ литераторомъ...).

. . . . . .

Мы оставили въ ресторанчикѣ незнакомца. Вдругъ незнакомецъ обернулся стремительно; ему показалось, что нѣкая гадкая слизь, проникая за воротничекъ, потекла по его позвоночнику. Но когда обернулся онъ, за спиною не было никого: мрачно какъ-то зіяла дверь ресторанаго входа; и оттуда, изъ двери, повалило невидимое.

Тутъ онъ сообразилъ: по лѣстницѣ поднималась, конечно, имъ поджидаемая особа; вотъ-вотъ войдетъ; но она не входила; въ дверяхъ не было никого.

А когда незнакомецъ мой отвернулся отъ двери, то въ дверь вошелъ тотчасъ же непріятный толстякъ; и идя къ незнакомцу, поскрипывалъ онъ половицею; желтоватое, бритое чуть-чуть наклоненное на бокъ лицо плавно плавало въ своемъ собственномъ второмъ подбородкѣ; и притомъ лицо лоснилось.

Тутъ незнакомецъ мой обернулся и вздрогнулъ: особа дружески помахала ему полукотиковой шапкой съ наушниками:

— „Александръ Иванычъ...“

— „Липпанченко!“

— „Я—самый...“

— „Липпанченко, вы меня заставляете ждать“.

Шейный воротничекъ у особы былъ повязанъ галстухомъ—атласнокраснымъ, кричащимъ и заколотымъ крупнымъ

Digitized by Microsoft®

стразомъ; полосатая темножелтая пара облекала особу; а на желтыхъ ботинкахъ поблескивалъ блистательный лакъ.

Занявъ мѣсто за столикомъ незнакомца, особа довольно воскликнула:

— „Кофейникъ... И—послушайте—коньяку: тамъ бутылка моя у меня—на имя записана.

И кругомъ раздавалось:

— „Ты-то пилъ со мной?“

— „Пилъ...“

— „Ѣлъ?..“

— „Ѣлъ...“

— „И какая же ты, съ позволенія сказать, свинья...“

. . . . . .

— „Осторожнѣе“—вскрикнулъ мой незнакомецъ: непріятный толстякъ, названный незнакомцемъ, Липпанченко захотѣлъ положить темножелтый свой локоть на листъ газетнаго чтенія; листъ газетнаго чтенія накрывалъ узелочекъ.

— „Что такой?“ Тутъ Липпанченко, снявши листъ газетнаго чтенія, увидалъ узелокъ: и губы Липпанченко дрогнули.

— „Это... это... и есть?“

— „Да: э т о—и есть...

Губы Липпанченко продолжали дрожать: губы Липпанченко напоминали кусочки на ломтики нарѣзанной семги—не желтокрасной, а маслянистой и желтой (семгу такую навѣрное ты ѣдалъ на блинахъ въ небогатомъ семействѣ).

— „Какъ вы, Александръ Ивановичъ, скажу я вамъ, не осторожны“. Липпанченко протянулъ къ узелку свои дубоватые пальцы; и блистали поддѣльные камни перстней на пальцахъ опухшихъ, съ обгрызанными ногтями (на ногтяхъ же темнѣли слѣды коричневой красочки, соотвѣтствовавшей и такому же цвѣту волосъ; внимательный наблюдатель могъ вывести заключеніе: особа-то красилась).

— „Вѣдь еще лишь движенье (положи я только локоть), вѣдь могла бы быть... катастрофа...“

И съ особою бережливостью переложила особа узелочекъ на стулъ.

Digitized by Microsoft®

— „Ну да, было бы съ нами съ обоими...“ непріятно сострилъ незнакомецъ. „Были бы оба мы...

Видимо онъ наслаждался смущеньемъ особы, которую—отъ себя скажемъ мы—ненавидѣлъ онъ.

— „Я конечно не за себя, а за...

— „Конечно ужъ вы не за себя, а за...“ Особѣ поддакивалъ незнакомецъ.

. . . . . .

А кругомъ раздавалось:

— „Свиньей не ругайтесь...

— „Да я не ругаюсь.

— „Нѣтъ, ругаетесь: попрекаете, что платили... Что-жъ такой, что платили; уплатили тогда: нынче плачу—я...

— „Давай-ка, другъ мой, я тебя за ефтотъ твой поступокъ расцѣлую...

— „Ужъ ѣшьте вы, ѣшьте: такъ-то правильнѣй...“

— „За свинью не сердись: а я—ѣмъ, ѣмъ...“

. . . . . .

— „Вотъ-съ Александръ Ивановичъ, вотъ-съ что родной мой, этотъ вы узелокъ“ — Липпаченко покосился — „снесете немедленно къ Николаю Аполлоновичу“.

— „Аблеухову?“

— „Да: къ нему—на храненіе“.

— „Но позвольте: на храненіи узелокъ можетъ лежать у меня...“

— „Неудобно: васъ могутъ схватить; тамъ же будетъ въ сохранности. Какъ-никакъ, домъ сенатора Аблеухова... Кстати: слышали вы о послѣднемъ отвѣтственномъ словѣ почтеннаго старичка?..“

Тутъ толстякъ наклонившися зашепталъ что-то на ухо моему незнакомцу:

— „Шу-шу-шу...“

— „Аблеухова?“

— „Шу...“

— „Аблеухову?...“

— „Шу-шу-шу...“

Digitized by Microsoft®

— „Съ Аблеуховымъ?...“

— „Да, не съ сенаторомъ, а съ сенаторскимъ сыномъ: коли будете у него, такъ ужъ, сдѣлайте милость, ему передайте заодно съ узелкомъ—это вотъ письмецо: тутъ вотъ...

Прямо къ лицу незнакомца приваливалась Липпанченки узколобая голова; въ орбитахъ затаились пытливо сверлящіе глазки; чуть вздрагивала губа и посасывала воздухъ. Незнакомецъ съ черными усиками прислушивался къ шептанью толстаго господина, стараясь разслышать внимательно содержаніе шепота, заглушаемаго ресторанными голосами; ресторанные голоса покрывали шепотъ Липпанченко; что-то чуть шелестѣло изъ отвратительныхъ губокъ (будто шелестъ многихъ сотъ муравьиныхъ членистыхъ лапокъ надъ раскопаннымъ муравейникомъ) и казалось, что шепотъ тотъ имѣетъ страшное содержаніе, будто шепчутся здѣсь о мірахъ и планетныхъ системахъ; но стоило вслушаться въ шепотъ, какъ страшное содержаніе шепота оказывалось содержаніемъ будничнымъ:

— „Письмецо передайте...“

— „Какъ, развѣ Николай Аполлоновичъ находится въ особыхъ сношеніяхъ?“

Особа прищурила глазки и прищелкнула язычкомъ.

— „Я же думалъ, что всѣ сношенія съ нимъ — черезъ меня...“

— „А вотъ видите—нѣтъ...“

. . . . . .

Кругомъ раздавалось:

— „Ѣшь, ѣшь, другъ...“

— „Отхвати-ка мнѣ говяжьяго студню“.

— „Въ пищѣ истина...“

— „Что̀ есть истина?“

— „Истина—ѣстина...“

— „Знаю самъ...“

— „Коли знаешь, такъ ладно: подставляй тарелку и ѣшь...“

. . . . . .

Темножелтая пара Липпанченки напомнила незнакомцу

Digitized by Microsoft®

темно-желтый цвѣтъ обой его обиталища на Васильевскомъ Островѣ—цвѣтъ, съ которымъ связалась безсонница и весенних, бѣлыхъ, и сентябрьскихъ, мрачныхъ, ночей; и, должно быть, та злая безсонница вдругъ въ памяти ему вызвала одно роковое лицо съ узкими, монгольскими глазками; то лицо на него многократно глядѣло съ куска его желтыхъ обой. Изслѣдуя днемъ это мѣсто, незнакомецъ усматривалъ лишь сырое пятно, по которому проползала мокрица. Чтобъ отвлечь себя отъ воспоминаній объ измучившей его галлюцинаціи, незнакомецъ мой закурилъ, неожиданно для себя ставъ болтливымъ:

— „Прислушайтесь къ шуму...“

— „Да, изрядно шумятъ“.

— „Звукъ шума на „и“, но слышутся „Ы“...

Липпанченко, осовѣлый, погрузился въ какую-то думу.

— „Въ звукѣ „ы“ слышится что-то тупое и склизкое... Или я ошибаюсь?...“

— „Нѣтъ, нѣтъ: нисколько“, не слушая, Липпанченко пробурчалъ и на мигъ оторвался отъ выкладокъ своей мысли...

— „Всѣ слова на е р ы тривіальны до безобразія: не то „и“; „и-и-и“ — голубой небосводъ, мысль, кристаллъ; звукъ „и-и-и“ вызываетъ во мнѣ представленіе о загнутомъ клювѣ орлиномъ; а слова на „е р ы“ тривіальны; напримѣръ: слово р ы б а; послушайте: р-ы ы ы-ба, то-есть, нѣчто съ холодною кровью... И опять-таки: т-ы ы-ло: нѣчто склизкое; глыбы—безформенное; тылъ—мѣсто дебошей“...

Незнакомецъ мой прервалъ свою рѣчь: Липпанченко сидѣлъ передъ нимъ безформенной глыбою; и д ы м ъ отъ его папиросы осклизло обмыливалъ атмосферу: сидѣлъ Липпанченко въ облакѣ; незнакомецъ мой на него посмотрѣлъ и подумалъ: „тьфу, гадость — татарщина“... Передъ нимъ сидѣло просто какое-то „Ы“...

. . . . . .

Съ сосѣдняго столика кто-то, икая, воскликнулъ:

— „Ерыкало ты, ерыкало!...“

. . . . . .

Digitized by Microsoft ®

— „Извините, Липпанченко: вы не монголъ?“

— „Почему такой странный вопросъ?...“

— „Такъ, мнѣ показалось...“

— „Во всѣхъ русскихъ вѣдь течетъ монгольская кровь...“

. . . . . .

А къ сосѣднему столику привалило толстое пузо; и съ сосѣдняго столика поднялось пузо на встрѣчу...

— „Быкобойцу Анофріеву!..

— „Почтеніе!

— „Быкобойцу городскихъ боенъ... Присаживайтесь...

— „Половой!...“

— „Ну, какъ у васъ?..

— „Половой: поставь-ка „Сонъ Негра“...

И трубы машины мычали во здравіе быкобойца, какъ быкъ подъ ножемъ быкобойца.

Какой такой костюмеръ?

Помѣщеніе Николая Аполлоновича состояло изъ комнатъ: спальни, рабочаго кабинета, пріемной.

Спальня: спальню огромная занимала кровать; красное, атласное одѣяло ее покрывало—съ кружевными накидками на пышно взбитыхъ подушкахъ.

Кабинетъ былъ уставленъ дубовыми полками, туго набитыми книгами, предъ которыми на мѣдныхъ колечкахъ легко скользилъ шелкъ; заботливая рука то вовсе могла скрыть отъ взора содержимое полочекъ, то, наоборотъ, обнаружить ряды черныхъ кожаныхъ корешковъ, испещренныхъ надписями: „Кантъ“.

Кабинетная мебель была темнозеленой обивки; и прекрасенъ былъ бюстъ... разумѣется, Канта же.

Два уже года Николай Аполлоновичъ не поднимался раньше полудня. Два съ половиною-жъ года предъ тѣмъ пробуждался онъ ранѣе: пробуждался въ девять часовъ, въ половинѣ десятаго появляясь въ мундирѣ, застегнутомъ наглухо, для семейнаго роспиванія кофея.

Digitized by Microsoft®

Два съ половиною года назадъ Николай Аполлоновичъ не расхаживалъ по дому въ бухарскомъ халатѣ; ермолка не украшала его восточную гостиную комнату; два съ половиною года назадъ Анна Петровна, мать Николая Аполлоновича и супруга Аполлона Аполлоновича, окончательно покинула семейный очагъ, вдохновленная итальянскимъ артистомъ; послѣ же бѣгства съ артистомъ на паркетахъ домашняго остывающаго очага Николай Аполлоновичъ появился въ бухарскомъ халатѣ: ежедневныя встрѣчи папаши съ сынкомъ за утреннимъ кофеемъ какъ-то сами собою пресѣклись. Кофе Николаю Аполлоновичу подавалось въ постель.

И значительно ранѣе сына изволилъ откушивать кофе Аполлонъ Аполлоновичъ.

Встрѣчи папаши съ сынкомъ происходили лишь за обѣдомъ; да и то: на краткое время; между тѣмъ съ утра на Николаѣ Аполлоновичѣ сталъ появляться халатъ; завелись татарскія туфельки, опушенныя мѣхомъ; на головѣ же появилась ермолка.

И блестящій молодой человѣкъ превратился въ восточнаго человѣка.

Николай Аполлоновичъ только-что получилъ письмо; письмо съ незнакомымъ почеркомъ: какія-то жалкія вирши съ любовно-революціоннымъ оттѣнкомъ и съ разительной подписью: „Пламенѣющая душа“. Желая для точности ознакомиться съ содержаніемъ виршей, Николай Аполлоновичъ безпомощно заметался по комнатѣ, разыскивая очки, перебирая книги, перья, ручки и прочія бездѣлушки и бормоча самъ съ собою:

— „А-а... Гдѣ же очки?..

— „Чортъ возьми...

— „Потерялъ?

— „А?..

— „Скажите пожалуйста.

Николай Аполлоновичъ, такъ же какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ, самъ съ собой разговаривалъ.

Движенія его были стремительны, какъ движенія его вы-

Digitized by Microsoft®

сокопревосходительнаго папаши; такъ же, какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ, отличался онъ невзрачнымъ росточкомъ, безпокойнымъ взглядомъ безпрестанно улыбавшагося лица; когда же онъ погружался въ серіозное созерцаніе чего бы то ни было, то взглядъ этотъ медленно окаменѣвалъ: сухо, четко и холодно выступали линіи совершенно бѣлаго его лика, подобнаго иконописному, поражая особаго рода благородствомъ аристократизма: благородство въ лицѣ выявлялъ замѣтнымъ образомъ лобъ—точеный, съ надутыми жилками: быстрая пульсація этихъ жилокъ явственно отмѣчала на лбу преждевременный склерозъ.

Синеватыя жилки совпали съ синевою вокругъ громадныхъ, будто бы подведенныхъ глазъ какого-то темно-васильковаго цвѣта (лишь въ минуты волненій черными становились глаза отъ расширенности зрачковъ).

Николай Аполлоновичъ былъ передъ нами въ татарской ермолкѣ; но сними ее онъ,—предстала бы шапка бѣло-льняныхъ волосъ, омягчая холодную эту почти суровую внѣшность съ напечатлѣннымъ упрямствомъ; трудно было встрѣтить волосы такого оттѣнка у взрослаго человѣка; часто встрѣчается этотъ рѣдкій для взрослаго оттѣнокъ у крестьянскихъ младенцевъ—особенно въ Бѣлоруссіи.

Бросивъ небрежно письмо, Николай Аполлоновичъ сѣлъ предъ раскрытою книгою; и вчерашнее чтеніе отчетливо возникало предъ нимъ (какой-то трактатъ). Вспомнилась и глава, и страница: припоминался и легко проведенный зигзагъ округленнаго ногтя; ходы изгибные мыслей и свои помѣтки — карандашомъ на поляхъ; лицо его теперь оживилось, оставаясь и строгимъ, и четкимъ: одушевилося мыслью.

Здѣсь, въ своей комнатѣ, Николай Аполлоновичъ воистину выросталъ въ предоставленный себѣ самому центръ—въ серію изъ центра истекающихъ логическихъ предпосылокъ, предопредѣляющихъ мысль, душу и вотъ этотъ вотъ столъ: онъ являлся здѣсь единственнымъ центромъ вселенной, какъ мыслимой, такъ и немыслимой, циклически протекающей во всѣхъ эонахъ времени.

Digitized by Microsoft®

Этотъ центръ—умозаключалъ.

Но едва удалось Николаю Аполлоновичу сегодня отставить отъ себя житейскія мелочи и пучину всякихъ невнятностей, называемыхъ міромъ и жизнью, и едва Николаю Аполлоновичу удалось возойти къ себѣ самому, какъ невнятность опять ворвалась въ міръ Николая Аполлоновича; и въ невнятности этой позорно увязло самосознаніе: такъ свободная муха, перебѣгающая по краю тарелки на шести своихъ лапкахъ, безысходно вдругъ увязаетъ и лапкой, и крылышкомъ въ липкой гущѣ медовой.

Николай Аполлоновичъ оторвался отъ книги: къ нему постучали:

— „Ну?..

— „Что такое?“

Изъ-за двери раздался глухой и почтительный голосъ.

— „Тамъ-съ...

— „Васъ спрашиваютъ-съ...“

Сосредоточиваясь въ мысли, Николай Аполлоновичъ запиралъ на ключъ свою рабочую комнату: тогда ему начинало казаться, что и онъ, и комната, и предметы той комнаты перевоплощались мгновенно изъ предметовъ реальнаго міра въ умопостигаемые символы чисто логическихъ построеній; комнатное пространство смѣшивалось съ его потерявшимъ чувствительность тѣломъ въ общій бытійственный хаосъ, называемый имъ вселенной; а сознаніе Николая Аполлоновича, отдѣлясь отъ тѣла, непосредственно соединялося съ электрической лампочкой письменнаго стола, называемой „солнцемъ сознанья“. Запершися на ключъ и продумывая положенія своей шагъ за шагомъ возводимой къ единству системы, онъ чувствовалъ тѣло свое пролитымъ во „вселенную“, то-есть, въ комнату; голова же этого тѣла смѣщалась въ головку пузатенькаго стекла электрической лампы подъ кокетливымъ абажуромъ.

И смѣстивъ себя такъ, Николай Аполлоновичъ становился воистину творческимъ существомъ.

Вотъ почему онъ любилъ запираться: голосъ, шорохъ или

Digitized by Microsoft ®

шагъ посторонняго человѣка, превращая вселенную въ комнату, а сознаніе — въ лампу, разбивалъ въ Николаѣ Аполлоновичѣ прихотливый строй мыслей.

Такъ и теперь.

— „Что такое?

— „Не слышу...“

Но изъ дали пространствъ отвѣтствовалъ голосъ лакея:

— „Тамъ пришелъ человѣкъ“.

. . . . . .

Тутъ лицо Николая Аполлоновича приняло вдругъ довольное выраженіе:

— „А, такъ это отъ костюмера: костюмеръ принесъ мнѣ костюмъ...“

Какой такой костюмеръ?

Николай Аполлоновичъ, подобравши полу халата, зашагалъ по направленію къ выходу; у лѣстничной балюстрады Николай Аполлоновичъ перегнулся и крикнулъ:

— „Это—вы?..“

— „Костюмеръ?“

— „Отъ костюмера?“

— „Костюмеръ прислалъ мнѣ костюмъ?“

И опять повторимъ отъ себя: какой такой костюмеръ?

. . . . . .

Въ комнатѣ Николая Аполлоновича появилась кардонка; Николай Аполлоновичъ заперъ двери на ключъ; суетливо онъ разрѣзалъ бичевку; и приподнялъ онъ крышку; далѣе, вытащилъ изъ кардонки: сперва масочку съ черною кружевной бородой; а за масочкой вытащилъ Николай Аполлоновичъ пышное яркокрасное домино, зашуршавшее складками.

Скоро онъ стоялъ передъ зеркаломъ — весь атласный и красный, приподнявъ надъ лицомъ миніатюрную масочку; черное кружево бороды, отвернувшися, упадало на плечи, образуя справа и слѣва по причудливому, фантастическому крылу; и изъ чернаго кружева крыльевъ изъ полусумрака комнаты въ зеркалѣ на него поглядѣло мучительно-странно—

Digitized by Microsoft®

то, само: лицо — его, самого; вы сказали бы, что тамъ въ зеркалѣ на себя самого не глядѣлъ Николай Аполлоновичъ, а невѣдомый, блѣдный, тоскующій—демонъ пространства.

Послѣ этого маскарада Николай Аполлоновичъ съ чрезвычайно довольнымъ лицомъ убралъ обратно въ кардонку сперва красное домино, а за нимъ и черную масочку.

Мокрая осень.

Мокрая осень летѣла надъ Петербургомъ; и невесело такъ мерцалъ сентябрёвскій денекъ.

Зеленоватымъ роемъ проносились тамъ облачные клоки; они сгущались въ желтоватый дымъ, припадающій къ крышамъ угрозою. Зеленоватый рой поднимался безостановочно надъ безысходною далью невскихъ просторовъ; темная водная глубина сталью своихъ чешуй билась въ граниты; въ зеленоватый рой убѣгалъ шпицъ... съ петербургской стороны.

Описавъ въ небѣ траурную дугу, темная полоса копоти высоко встала отъ трубъ пароходныхъ; и хвостомъ упала въ Неву.

И бурлила Нева, и кричала отчаянно тамъ свисткомъ загудѣвшаго пароходика, разбивала свои водяные, стальные щиты о каменные быки; и лизала граниты; натискомъ холодныхъ невскихъ вѣтровъ срывала она картузы, зонты, плащи и фуражки. И повсюду въ воздухѣ взвѣсилась блѣдносѣрая гниль; и оттуда, въ Неву, въ блѣдносѣрую гниль, мокрое изваяніе Всадника со скалы все такъ же кидало тяжелую, позеленѣвшую мѣдь.

И на этомъ мрачнѣющемъ фонѣ хвостатой и виснущей копоти надъ сырыми камнями набережныхъ перилъ, устремляя глаза въ зараженную бациллами мутную невскую воду, такъ отчетливо вылѣпился силуэтъ Николая Аполлоновича въ сѣрой николаевской шинели и въ студенческой на бокъ надѣтой фуражкѣ. Медленно подвигался Николай Аполлоновичъ къ сѣрому, темному мосту, не улыбался, представляя собой довольно смѣшную фигуру: запахнувшись въ шинель,

Digitized by Microsoft ®

онъ казался сутулымъ и какимъ-то безрукимъ съ пренелѣпоплясавшимъ по вѣтру шинельнымъ крыломъ.

У большого чернаго моста остановился онъ.

Непріятная улыбка на мгновеніе вспыхнула на лицѣ его и угасла; воспоминанья о неудачной любви охватили его, хлынувши натискомъ холоднаго, холоднаго вѣтра; Николай Аполлоновичъ вспомнилъ одну туманную ночь; тою ночью онъ перегнулся черезъ перила; обернулся, и увидѣлъ, что никого нѣтъ; приподнялъ ногу; и резиновой гладкой калошей занесъ ее надъ перилами, да... такъ и остался: съ приподнятою ногой; казалось бы, дальше должны были и воспослѣдовать слѣдствія; но... Николай Аполлоновичъ продолжалъ стоять съ приподнятою ногой. Черезъ нѣсколько мгновеній Николай Аполлоновичъ опустилъ свою ногу.

Вотъ тогда-то созрѣлъ у него необдуманный планъ: дать ужасное обѣщаніе одной легкомысленной партіи.

Вспоминая теперь этотъ свой неудачный поступокъ, Николай Аполлоновичъ непріятнѣйшимъ образомъ улыбался, представляя собой довольно смѣшную фигуру: запахнувшись въ шинель, онъ казался сутулымъ и какимъ-то безрукимъ съ заплясавшимъ по вѣтру длиннымъ, шинельнымъ крыломъ; съ такимъ видомъ свернулъ онъ на Невскій; начинало смеркаться; кое-гдѣ въ витринѣ поблескивалъ огонекъ.

— „Красавецъ“—постоянно слышалось вокругъ Николая Аполлоновича...

— „Античная маска...“

— „Аполлонъ Бельведерскій“.

— „Красавецъ...“

Встрѣчныя дамы по всей вѣроятности такъ говорили о немъ.

— „Эта блѣдность лица...“

— „Этотъ мраморный профиль...“

— „Божественно...“

Встрѣчныя дамы по всей вѣроятности говорили другъ другу.

Но еслибы Николай Аполлоновичъ съ дамами пожелалъ вступить въ разговоръ, про себя сказали бы дамы:

Digitized by Microsoft ®

— „Уродище...“

Гдѣ съ подъѣзда насмѣшливо полагаютъ лапу на сѣрую гранитную лапу два меланхолическихъ льва, — тамъ, у этого мѣста, Николай Аполлоновичъ остановился и удивился, предъ собою увидѣвши спину прохожаго офицера; путаясь въ полахъ шинели, онъ сталъ нагонять офицера:

— „Сергѣй Сергѣевичъ?“

Офицеръ (высокій блондинъ съ остроконечной бородкою) обернулся и съ тѣнью досады смотрѣлъ выжидательно сквозь синія очковыя стекла, какъ путаясь въ полахъ шинели косолапо къ нему повлеклась студенческая фигурка отъ знакомаго мѣста, гдѣ съ подъѣзда насмѣшливо полагаютъ лапу на лапу два меланхолическихъ льва съ гладкими гранитными гривами. На мгновеніе будто какая-то мысль осѣнила лицо офицера; по выраженію дрогнувшихъ губъ можно было бы подумать, что офицеръ волновался; будто онъ колебался: узнать ему или нѣтъ.

— „А... здраствуйте... Вы куда?“

— „Мнѣ на Пантелеймоновскую“—солгалъ Николай Аполлоновичъ, чтобъ пройти съ офицеромъ по Мойкѣ.

— „Пойдемте, пожалуй...“

— „Вы куда?“—вторично солгалъ Николай Аполлоновичъ, чтобъ пройтись съ офицеромъ по Мойкѣ.

— „Я—домой“.

— „Стало-быть, по пути“.

Между окнами желтаго, казеннаго зданія надъ обоими повисали ряды каменныхъ львиныхъ мордъ; каждая морда висѣла надъ гербомъ оплетеннымъ гирляндой изъ камня.

Точно стараясь не касаться какого-то тяжелаго прошлаго, оба они, перебивая другъ друга, озабоченно заговорили другъ съ другомъ: о погодѣ, о томъ, что волненія послѣднихъ недѣль отразились на философской работѣ Николая Аполлоновича, о плутняхъ, обнаруженныхъ офицеромъ въ провіантской комиссіи (офицеръ завѣдовалъ, гдѣ-то тамъ, провіантомъ).

Между окнами желтаго, казеннаго зданія надъ обоими

Digitized by Microsoft®

повисали ряды каменныхъ мордъ; каждая висла надъ гербомъ оплетеннымъ гирляндою.

Такъ проговорили они всю дорогу.

И вотъ уже — Мойка: то же свѣтлое, трехъэтажное пятиколонное зданіе александровской эпохи; и та же все полоса орнаментской лѣпки надъ вторымъ этажемъ: кругъ за кругомъ; въ кругѣ же римская каска на перекрещенныхъ мечахъ. Они миновали ужъ зданіе; вонъ за зданіемъ—домъ; и вонъ—окна... Офицеръ остановился у дома и отчего-то вдругъ вспыхнулъ; и вспыхнувъ, сказалъ:

— „Ну, прощайте... вамъ дальше?..“

Сердце Николая Аполлоновича усиленно застучало; что-то спросить собирался онъ; и — нѣтъ: не спросилъ; онъ теперь стоялъ одиноко передъ захлопнутой дверью; воспоминанія о неудачной любви, вѣрнѣй—чувственнаго влеченія,—воспоминанія эти охватили его; и сильнѣе забились синеватыя, височныя жилки; онъ теперь обдумывалъ свою месть: надругательство надъ чувствами его оскорбившей особы, проживающей въ этомъ подъѣздѣ; онъ обдумывалъ свою месть вотъ ужъ около мѣсяца; и—пока объ этомъ ни слова!

То же свѣтлое, пятиколонное зданіе съ полосою орнаментной лѣпки: кругъ за кругомъ; въ кругѣ же римская каска на перекрещенныхъ мечахъ.

. . . . . .

Огненнымъ морокомъ вечеромъ залитъ Проспектъ. Ровно высятся яблоки электрическихъ свѣтовъ посерединѣ. По бокамъ же играетъ перемѣнный блескъ вывѣсокъ; здѣсь, здѣсь и здѣсь вспыхнутъ вдругъ рубины огней; вспыхнутъ тамъ—изумруды. Мгновеніе: тамъ — рубины; изумруды же — здѣсь, здѣсь и здѣсь.

Огненнымъ морокомъ вечеромъ залитъ Невскій. И горятъ брилліантовымъ свѣтомъ стѣны многихъ домовъ: ярко искрятся изъ алмазовъ сложенныя слова: „Кофейня“, „Фарсъ“, „Брилліанты Тэта“, „Часы Омега“. Зеленоватая днемъ, а теперь лучезарная, разѣваетъ на Невскій витрина свою огненную пасть; всюду десятки, сотни адскихъ огнен-

Digitized by Microsoft®

ныхъ пастей: эти пасти мучительно извергаютъ на плиты яркобѣлый свой свѣтъ; мутную мокроту изрыгаютъ они огневою ржавчиной. И огнемъ изгрызанъ проспектъ. Бѣлый блескъ падаетъ на котелки, на цилиндры, на перья; бѣлый блескъ ринется далѣе, къ серединѣ проспекта, отпихнувъ съ тротуара вечернюю темноту: а вечерняя мокрота растворится надъ Невскимъ въ блистаньяхъ, образуя тусклую, желтоватокровавую муть, смѣшанную изъ крови и грязи. Такъ изъ финскихъ болотъ городъ тебѣ покажетъ мѣсто своей безумной осѣдлости краснымъ краснымъ пятномъ: и пятно то беззвучно издали зрится на темноцвѣтной на ночи. Странствуя вдоль необъятной родины нашей, издали ты увидишь красной крови пятно, вставшее въ темноцвѣтную ночь; ты испуганно скажешь: „Не есть ли тамъ мѣстонахожденіе геенскаго пекла?“ Скажешь,—и вдаль поплетешься: ты геенское мѣсто постараешься обойти.

Но если бы ты, безумецъ дерзнулъ пойти на встрѣчу Геенѣ, яркокровавый, издали тебя ужаснувшій блескъ, медленно растворился бы въ бѣлесоватую, не вовсе чистую свѣтлость, многоогневыми обсталъ бы домами, — и только: наконецъ распался бы на многое множество огоньковъ.

Никакой Геенны и не было-бъ.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ Невскаго не видалъ, въ глазахъ его былъ тотъ же все домикъ: окна, тѣни за окнами; за окнами, можетъ быть, веселые голоса: желтаго кирасира, барона Оммау-Оммергау; синяго кирасира, графа Авена; и е я—е я голосъ... Вотъ, сидитъ Сергѣй Сергѣичъ, офицеръ, и вставляетъ, быть можетъ, въ веселыя шутки:

— „А я шелъ сейчасъ съ Николаемъ Аполлоновичемъ Аблеуховымъ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ вспомнилъ.

Да, Аполлонъ Аполлоновичъ вспомнилъ: недавно услышалъ онъ про себя одну беззлобную шутку.

Digitized by Microsoft ®

Говорили чиновники:

— „Нашъ Нетопырь (прозвище Аполлона Аполлоновича въ Учрежденіи), пожимая руки просителямъ, поступаетъ совсѣмъ не по типу чиновниковъ Гоголя; пожимая руки просителямъ, не беретъ гаммы рукопожатій отъ совершеннаго презрѣнія, чрезъ невниманье, къ непрезрѣнію вовсе: отъ коллежскаго регистратора къ статскому...“

И на это замѣтили:

— „Онъ беретъ всего одну ноту: презрѣнья...“

Тутъ вмѣшались заступники:

— „Господа, оставьте пожалуйста: это — отъ геморроя...“

И всѣ согласились.

Дверь распахнулась: вошелъ Аполлонъ Аполлоновичъ. Шутка испуганно оборвалась (такъ юркій мышенокъ влетаетъ стремительно въ щелку, едва войдете вы въ комнату). Но Аполлонъ Аполлоновичъ не обижался на шутки; да и кромѣ того, тутъ была доля истины: геморроемъ страдалъ онъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ подошелъ къ окну; двѣ дѣтскія головки въ окнахъ тамъ стоящаго дома увидѣли противъ себя за стекломъ тамъ стоящаго дома лицевое пятно неизвѣстнаго старичка.

И головки тамъ въ окнахъ пропали.

. . . . . .

Здѣсь, въ кабинетѣ высокаго Учрежденія, Аполлонъ Аполлоновичъ воистину выросталъ въ нѣкій центръ: въ серію государственныхъ учрежденій, кабинетовъ и зеленыхъ столовъ (только болѣе скромно обставленныхъ). Здѣсь онъ являлся силовой излучающей точкою, пересѣченіемъ силъ и импульсомъ многочисленныхъ, многосоставныхъ манипуляцій. Здѣсь Аполлонъ Аполлоновичъ былъ силой въ ньютоновскомъ смыслѣ; а сила въ ньютоновскомъ смыслѣ, какъ вѣрно невѣдомо вамъ, есть оккультная сила.

Здѣсь былъ онъ послѣдней инстанціей — донесеній, прошеній и телеграммъ.

Инстанцію эту въ государственномъ организмѣ онъ отно-

Digitized by Microsoft®

силъ не къ себѣ: къ заключенному въ себѣ центру — къ сознанію.

Здѣсь сознаніе отдѣлялось отъ доблестной личности, проливаясь вокругъ между стѣнъ, проясняясь невѣроятно, концентрируясь со столь большой силой въ единственной точкѣ (межъ глазами и лбомъ), что казалось невидимый, бѣленькій огонекъ, вспыхнувши межъ глазами и лбомъ, разбрасывалъ вокругъ снопы змѣевидныхъ молній; мысли-молніи разлетались, какъ змѣи отъ лысой его головы; и еслибы ясновидящій сталъ въ ту минуту предъ лицомъ почтеннаго мужа, безъ сомнѣнія предъ собой онъ увидѣлъ бы голову Горгоны медузы.

И медузинымъ ужасомъ охватилъ бы его Аполлонъ Аполлоновичъ.

Здѣсь сознаніе отдѣлялось отъ доблестной личности: личность же съ пучиною всевозможныхъ волненій (сего побочнаго слѣдствія существованія души) представлялась сенатору, какъ черепная коробка, какъ пустой, въ данную минуту опорожненный, футляръ.

Въ Учрежденіи Аполлонъ Аполлоновичъ проводилъ часы за просмотромъ бумажнаго производства: изъ возсіявшаго центра (межъ глазами и лбомъ) вылетали всѣ циркуляры къ начальникамъ подвѣдомственныхъ учрежденій. И поскольку онъ, вотъ изъ этого кресла, сознаніемъ пересѣкалъ свою жизнь, постольку же его циркуляры, изъ этого мѣста, сѣкли въ прямолинейномъ теченіи чрезполосицу обывательской жизни.

Эту жизнь Аполлонъ Аполлоновичъ сравнивалъ съ половой, растительной или всякой иною потребностью (напримѣръ, съ потребностью въ скорой ѣздѣ по петербургскимъ проспектамъ).

Выходя изъ холодомъ пронизанныхъ стѣнъ, Аполлонъ Аполлоновичъ становился вдругъ обывателемъ.

Лишь отсюда онъ возвышался и безумно парилъ надъ Россіей, вызывая у недруговъ роковое сравненье (съ нетопыремъ). Эти недруги были — всѣ до единаго — обыватели; этимъ недругомъ за стѣнами былъ онъ себѣ самъ.

Digitized by Microsoft ®

Аполлонъ Аполлоновичъ былъ сегодня особенно четокъ: на докладъ не кивнула ни разу его голая голова; Аполлонъ Аполлоновичъ боялся выказать слабость: при исправленіи служебныхъ обязанностей!.. Возвыситься до логической ясности было ему сегодня особенно трудно: Богъ вѣсть почему, Аполлонъ Аполлоновичъ пришелъ къ заключенію, что собственный его сынъ, Николай Аполлоновичъ, — отъявленный негодяй.

. . . . . .

Окно позволяло видѣть нижнюю часть балкона. Подойдя къ окну, можно было видѣть каріатиду подъѣзда: каменнаго бородача.

Какъ Аполлонъ Аполлоновичъ, каменный бородачъ приподымался надъ уличнымъ шумомъ и надъ временемъ года: тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ освободилъ его изъ лѣсовъ. Тысяча восемьсотъ двадцать пятый годъ бушевалъ подъ нимъ толпами; проходила толпа и теперь—въ девятьсотъ пятомъ году. Пять уже лѣтъ Аполлонъ Аполлоновичъ ежедневно видитъ отсюда въ камнѣ изваянную улыбку; времени зубъ изгрызаетъ ее. За пять лѣтъ пролетѣли событія: Анна Петровна—въ Испаніи; Вячеслава Константиновича—нѣтъ; желтая пята дерзновенно взошла на гряды высотъ портъ-артурскихъ; проволновался Китай и палъ Портъ-Артуръ.

Собираяся выйти къ толпѣ ожидавшихъ просителей, Аполлонъ Аполлоновичъ улыбался; улыбка же происходила отъ робости: что-то ждетъ его за дверьми.

Аполлонъ Аполлоновичъ проводилъ свою жизнь межъ двумя письменными столами: между столомъ кабинета и столомъ Учрежденія. Третьимъ излюбленнымъ мѣстомъ была сенаторская карета.

И вотъ: онъ—робѣлъ.

А ужъ дверь отворилась; секретарь, молодой человѣкъ, съ либерально какъ-то на шейномъ крахмалѣ бьющимся орденкомъ подлетѣлъ къ высокой особѣ, почтительно щелкнувши перекрахмаленнымъ краемъ бѣлоснѣжной манжетки. И на робкій вопросъ его загудѣлъ Аполлонъ Аполлоновичъ:

Digitized by Microsoft®

— „Нѣтъ, нѣтъ!.. Сдѣлайте, какъ я говорилъ... И знаешь ли“—сказалъ Аполлонъ Аполлоновичъ, остановился, поправился:

— „Ти ли...“

Онъ хотѣлъ сказать „знаете ли“, но вышло: „знаешь ли... ти ли...“

О его разсѣянности ходили легенды; однажды Аполлонъ Аполлоновичъ явился на высокій пріемъ, представьте,—безъ галстуха; остановленный дворцовымъ лакеемъ, онъ пришелъ въ величайшее смущеніе, изъ котораго его вывелъ лакей, предложивши у него заимствовать галстухъ.

Холодные пальцы.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ въ сѣромъ пальто и въ высокомъ черномъ цилиндрѣ съ каменнымъ лицомъ, напоминающимъ прессъ-папье, быстро выбѣжалъ изъ кареты и вбѣжалъ на ступени подъѣзда, на ходу снимая черную замшевую перчатку.

Быстро вошелъ онъ въ переднюю. Цилиндръ съ осторожностью передался лакею. Съ тою же осторожностью отдались: пальто, портфель и кашнэ.

Аполлонъ Аполлоновичъ въ раздумьи стоялъ предъ лакеемъ; вдругъ Аполлонъ Аполлоновичъ обратился съ вопросомъ:

— „Будьте любезны сказать: часто ли здѣсь бываетъ молодой человѣкъ—да: молодой человѣкъ?“

— „Молодой человѣкъ-съ?“

Наступило неловкое молчаніе: Аполлонъ Аполлоновичъ не умѣлъ иначе формулировать свою мысль. А лакей, конечно, не могъ догадаться, о какомъ молодомъ человѣкѣ спрашивалъ баринъ.

— „Молодые люди бываютъ, вашество, рѣдко-съ...“

— „Ну, а... молодые люди съ усиками?“

— „Съ усиками-съ?“

— „Съ черными...“

Digitized by Microsoft®

— „Съ черными-съ?“

— „Ну да, и... въ пальто...“

— „Всѣ приходятъ-съ въ пальто...“

— „Да, но съ поднятымъ воротникомъ...“

Что-то вдругъ осѣнило швейцара.

— „А, такъ это вы про того, который...

— „Ну да: про него...“

— „Былъ однажды такой-съ... заходилъ къ молодому барину: только они были ужъ давненько; какъ же-съ... навѣдываются...“

— „Какъ такъ?“

— „Да какъ же-съ!“

— „Съ усиками?“

— „Точно такъ-съ!“

— „Черными?“

— „Съ черными усиками...“

— „И въ пальто съ поднятымъ воротникомъ?“

— „Они самые-съ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ постоялъ съ минуту, какъ вкопанный, и вдругъ: Аполлонъ Аполлоновичъ прошелъ мимо.

Лѣстницу покрывалъ бархатный сѣрый коверъ; лѣстницу обрамляли, конечно, тяжелыя стѣны; бархатный сѣрый коверъ покрывалъ стѣны тѣ. На стѣнахъ разблистался орнаментъ изъ старинныхъ оружій: а подъ ржавозеленымъ щитомъ блистала своимъ шишакомъ литовская шапка; искрилась крестообразная рукоять рыцарскаго меча; здѣсь ржавѣли мечи; тамъ — тяжело склоненныя алебарды; матово стѣны пестрила многокольчатая броня; и клонились—пистоль съ шестоперомъ.

Верхъ лѣстницы выводилъ къ балюстрадѣ; здѣсь съ матовой подставки изъ бѣлаго алебастра бѣлая Ніобея поднимала горѣ алебастровые глаза.

Аполлонъ Аполлоновичъ четко распахнулъ предъ собою дверь, опираясь костлявой рукой о граненую ручку: по громадной залѣ непомѣрно вытянутой въ длину раздавалась холодно поступь тяжелаго шага.

Digitized by Microsoft®

Такъ бываетъ всегда.

Надъ пустыми петербургскими улицами пролетали едва озаренныя смутности; обрывки тучъ перегоняли другъ друга.

Какое-то фосфорическое пятно и туманно, и мертвенно проносилось по небу; фосфорическимъ блескомъ протуманилась высь; и отъ этого проблистали желѣзныя крыши и трубы. Протекали тутъ зеленыя воды Мойки; по одной ея сторонѣ то же высилось все трехъэтажное зданіе о пяти своихъ бѣлыхъ колоннахъ; наверху были выступы. Тамъ на свѣтломъ фонѣ свѣтлаго зданія медленно проходилъ Ея Величества кирасиръ; у него была золотая, блиставшая каска.

И серебряный голубь надъ каской распростеръ свои крылья.

Николай Аполлоновичъ, надушенный и выбритый, пробирался по Мойкѣ, запахнувшись въ мѣха; голова упала въ шинель, а глаза какъ-то чудно свѣтились; въ душѣ—поднимались тамъ трепеты безъ названія; что-то жуткое, сладкое пѣло тамъ: словно въ немъ самомъ разлетѣлся на части буревой эоловъ мѣшокъ, и сыны нездѣшнихъ порывовъ на свистящихъ бичахъ въ странныя, въ непонятныя страны угоняли жестоко.

Думалъ онъ: неужели и э т о — любовь? Вспомнилъ онъ: въ одну туманную ночь, выбѣгая стремительно изъ того вонъ подъѣзда, онъ пустился бѣжать къ чугунному петербургскому мосту, чтобы тамъ, на мосту...

Вздрогнулъ онъ.

Пролетѣлъ снопъ огня: придворная, черная пролетѣла карета: пронесла мимо свѣтлыхъ впадинъ оконныхъ т о г о с а м а г о дома ярко красные свои, будто кровью налитые, фонари; на струѣ черной майской фонари проиграли и проблистали; призрачный абрисъ треуголки лакея и абрисъ шинельныхъ крыльевъ пролетѣли съ огнемъ изъ тумана въ туманъ.

Николай Аполлоновичъ постоялъ передъ домомъ задум-

Digitized by Microsoft®

чиво; колотилось сердце въ груди; постоялъ, постоялъ, — и неожиданно скрылся онъ въ знакомомъ подъѣздѣ.

Въ прежнія времена онъ сюда входилъ каждый вечеръ; а теперь здѣсь онъ два съ лишнимъ мѣсяца не переступалъ порога; и переступилъ, будто воръ, онъ—теперь. Въ прежнія времена ему дѣвушка въ бѣломъ передникѣ дверь открывала радушно; говорила:

— „Здраствуйте баринъ“ съ лукавой улыбкою.

А теперь? Ему не выйдутъ на встрѣчу; позвони онъ, та же дѣвушка на него испуганно заморгаетъ глазами и „здраствуйте баринъ“ не скажетъ; нѣтъ, звониться не станетъ онъ.

Для чего же онъ здѣсь?

Подъѣздная дверь передъ нимъ распахнулась; и подъѣздная дверь звукомъ ударилась въ спину; тьма объяла его; точно все за нимъ отвалилось (такъ, вѣроятно, бываетъ въ первый мигъ послѣ смерти, какъ съ души въ бездну тлѣнія рухнетъ храмъ тѣла); но о смерти теперь Николай Аполлоновичъ не подумалъ—смерть была далека; въ темнотѣ видно думалъ онъ о собственныхъ жестахъ, потому что дѣйствія его въ темнотѣ приняли фантастическій отпечатокъ; на холодной ступени усѣлся онъ у одной входной двери, опустивъ лицо въ мѣхъ и слушая біеніе сердца; нѣкая черная пустота начиналась у него за спиною; черная пустота была впереди.

Такъ Николай Аполлоновичъ сидѣлъ въ темнотѣ.

. . . . . .

А пока онъ сидѣлъ такъ же все открывалась Нева межъ Александровской площадью и Милліонной; каменный перегибъ Зимней Канавки показалъ плаксивый просторъ; Нева оттуда бросалась натискомъ мокраго вѣтра; водъ ея замерцали беззвучно летящія плоскости, яростно отдавая въ туманъ блѣдный блескъ. Гладкія стѣны четырехъэтажнаго дворцоваго бока, испещреннаго линіями, язвительно проблистали луной.

Никого, ничего.

Такъ же все каналъ выструивалъ здѣсь въ Неву холер-

Digitized by Microsoft®

ную воду; перегнулся тотъ же и мостикъ; такъ же все выбѣгала на мостикъ еженощная женская тѣнь, чтобъ — низвергнуться въ рѣку?.. Тѣнь Лизы? Нѣтъ, не Лизы, а просто, такъ себѣ, — петербуржки; Петербуржка выбѣгала сюда, не бросалась въ Неву: пересѣкши Канавку, она убѣгала поспѣшно отъ какого-то желтаго дома на Гагаринской набережной, подъ которымъ она каждый вечеръ стояла и долго глядѣла въ окно.

Тихій плескъ остался у нея за спиной: спереди ширилась площадь; безконечныя статуи, зеленоватыя, бронзовыя, поотрывалися отовсюду надъ темнокрасными стѣнами; Геркулесъ съ Поссейдономъ такъ же въ ночь дозирали просторы; за Невой темная вставала громада — абрисами острововъ и домовъ; и бросала грустно янтарныя очи въ туманъ; и казалось, что — плачетъ; рядъ береговыхъ фонарей уронилъ огневыя слезы въ Неву; прожигалась поверхность ея закипѣвшими блесками.

Выше — горестно простирали по небу клочкастыя руки какія-то смутныя очертанія; рой за роемъ они восходили надъ невской волной, угоняясь къ зениту; а когда они касались зенита, то, стремительно нападая, съ неба кидалось на нихъ фосфорическое пятно. Только въ одномъ, хаосомъ не тронутомъ мѣстѣ, — тамъ, гдѣ днемъ перекинулся тяжелокаменный мостъ — брилліантовъ огромныя гнѣзда протуманились странно тамъ.

Женская тѣнь, уткнувъ лицо въ муфточку, пробѣжала вдоль Мойки все къ тому же подъѣзду, откуда она выбѣгала по вечерамъ и гдѣ теперь на холодной ступенькѣ, подъ дверью, сидѣлъ Николай Аполлоновичъ; подъѣздная дверь передъ ней затворилась; подъѣздная дверь передъ нею захлопнулась; тьма объяла ее; точно все за ней отвалилось; черная дамочка помышляла въ подъѣздѣ о такомъ все простомъ и земномъ; вотъ сейчасъ прикажетъ поставить она самоварчикъ; руку она уже протянула къ звонку, и—тогда-то увидѣла: какое-то очертаніе, кажется маска, поднялось передъ ней со ступени.

Digitized by Microsoft ®

А когда открылася дверь и подъѣздную темноту озарилъ на мгновеніе изъ двери снопъ свѣта, то восклицаніе перепуганной горничной подтвердило ей все, потому что въ открытой двери сперва показался передникъ и перекрахмаленный чепчикъ; а потомъ отшатнулись отъ двери—и передникъ, и чепчикъ. Въ свѣтовой яркой вспышкѣ открылась картина неописуемой странности, и черное очертаніе дамочки бросилось въ открытую дверь.

У нея-жъ за спиною, изъ мрака, возсталъ шелестящій, темнобагровый паяцъ съ бородатою, трясущейся масочкой.

Было видно изъ мрака, какъ беззвучно и медленно съ плечъ, шуршащихъ атласомъ, повалили мѣха николаевки, какъ двѣ красныхъ руки томительно протянулися къ двери. Тутъ конечно закрылася дверь, перерѣзавъ снопъ свѣта и кидая обратно подъѣздную лѣстницу въ совершенную пустоту, темноту: переступая смертный порогъ, такъ обратно кидаемъ мы тѣло въ потемнѣвшую и только-что свѣтомъ сіявшую бездну.

. . . . . .

Чрезъ секунду на улицу выскочилъ Николай Аполлоновичъ; изъ-подъ полы шинели у него болтался кусокъ краснаго шелка; носъ уткнувъ въ Николаевку, Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ помчался по направленію къ мосту.

. . . . . .

Петербургъ, Петербургъ!

Осаждаясь туманомъ, и меня ты преслѣдовалъ праздною мозговою игрой: ты — мучитель жестокосердый; ты — непокойный призракъ; ты, бывало, года на меня нападалъ; бѣгалъ я на твоихъ ужасныхъ проспектахъ и съ разбѣга взлеталъ на чугунный тотъ мостъ, начинавшійся съ края земного, чтобъ вести въ безкрайнюю даль; за Невой, въ потусвѣтной, зеленой тамъ дали—повозстали призраки острововъ и домовъ, обольщая тщетной надеждою, что тотъ край есть дѣйствительность, и что онъ—не воющая безкрайность, которая выгоняетъ на петербургскую улицу блѣдный дымъ облаковъ.

Digitized by Microsoft®

Отъ острововъ тащатся непокойныя тѣни; такъ рой видѣній повторяется, отраженный проспектами, прогоняясь въ проспектахъ, отраженныхъ другъ въ другѣ, какъ зеркало въ зеркалѣ, гдѣ и самое мгновеніе времени расширяется въ необъятности эоновъ: и бредя отъ подъѣзда къ подъѣзду, переживаешь вѣка.

О, большой, электричествомъ блещущій мостъ!

Помню я одно роковое мгновеніе; чрезъ твои сырыя перила сентябревскою ночью перегнулся и я: мигъ, — и тѣло мое пролетѣло-бъ въ туманы.

О, зеленыя, кишащія бациллами воды!

Еще мигъ, обернули-бъ вы и меня въ свою тѣнь. Непокойная тѣнь, сохраняя видъ обывателя, двусмысленно замаячила-бъ въ сквознякѣ сырого канальца; за своими плечами прохожій бы видѣлъ: котелокъ, трость, пальто, уши, носъ и усы...

Проходилъ бы онъ далѣе... до чугуннаго моста.

На чугунномъ мосту обернулся бы онъ; и онъ ничего не увидѣлъ бы: надъ сырыми перилами, надъ кишащей бациллами зеленоватой водой пролетѣли бы лишь въ сквозняки приневскаго вѣтра — котелокъ, трость, пальто, уши, носъ и усы.

Ты его не забудешь вовѣкъ!

Мы увидѣли въ этой главѣ сенатора Аблеухова; увидѣли мы и праздныя мысли сенатора въ видѣ дома сенатора, въ видѣ сына сенатора, тоже носящаго въ головѣ свои праздныя мысли; видѣли мы наконецъ еще праздную тѣнь— незнакомца.

Эта тѣнь случайно возникла въ сознаніи сенатора Аблеухова, получила тамъ свое эфемерное бытіе; но сознаніе Аполлона Аполлоновича есть тѣневое сознаніе, потому что и онъ—обладатель эфемернаго бытія и порожденіе фантазіи автора: ненужная, праздная, мозговая игра.

Авторъ, развѣсивъ картины иллюзій, долженъ бы былъ поскорѣй ихъ убрать, обрывая нить повѣствованія хотя бы

Digitized by Microsoft ®

этой вотъ фразою; но... авторъ такъ не поступитъ: на это у него есть достаточно правъ.

Мозговая игра — только маска; подъ этою маскою совершается вторженіе въ мозгъ неизвѣстныхъ намъ силъ: и пусть Аполлонъ Аполлоновичъ сотканъ изъ нашего мозга, онъ сумѣетъ все-таки напугать инымъ, потрясающимъ бытіемъ, нападающимъ ночью. Аттрибутами этого бытія надѣленъ Аполлонъ Аполлоновичъ; аттрибутами этого бытія надѣлена вся его мозговая игра.

Разъ мозгъ его разыгрался таинственнымъ незнакомцемъ, незнакомецъ тотъ — есть, дѣйствительно есть: не исчезнетъ онъ съ петербургскихъ проспектовъ, пока существуетъ сенаторъ съ подобными мыслями, потому что и мысль — существуетъ.

И да будетъ нашъ незнакомецъ—незнакомецъ реальный! И да будутъ двѣ тѣни моего незнакомца реальными тѣнями!

Будутъ, будутъ тѣ темныя тѣни слѣдовать по пятамъ незнакомца, какъ и самъ незнакомецъ непосредственно слѣдуетъ за сенаторомъ; будетъ, будетъ престарѣлый сенаторъ гнаться и за тобою, читатель, въ своей черной каретѣ: и его отнынѣ ты не забудешь вовѣкъ!

Конецъ первой главы.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ВТОРАЯ,

въ которой повѣствуется о нѣкомъ свиданіи, чреватомъ послѣдствіями.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ.

А. Пушкинъ.

Дневникъ происшествій.

Наши почтенные граждане не читаютъ газетный „Дневникъ происшествій“; въ октябрѣ тысяча девятьсотъ пятаго года „Дневникъ происшествій“ не читали и вовсе; наши почтенные граждане вѣрно читали передовицы „Товарища“, если только не состояли они подписчиками самоновѣйшихъ, громоносныхъ газетъ; эти послѣднія вели дневникъ иныхъ происшествій.

Всѣ же прочіе истинно-русскіе обыватели, какъ ни въ чемъ не бывало, бросались къ „Дневнику происшествій“; къ „Дневнику“ бросился и я; и читая этотъ „Дневникъ“, я прекрасно освѣдомленъ. Ну, кто, въ самомъ дѣлѣ, прочитывалъ всѣ сообщенья о кражахъ, о вѣдьмахъ, о духахъ въ упомянутомъ девятьсотъ пятомъ году? Всѣ, конечно, читали передовицы. Сообщенія, здѣсь изложеннаго, вѣроятно, не вспомнитъ никто.

Это—быль... Вотъ газетныя вырѣзки того времени (авторъ будетъ молчать): на ряду съ извѣщеньемъ о кражахъ, насиліи, похищеніи брилліантовъ и пропажи какого-то литератора (Дарьяльскаго, кажется), вмѣстѣ съ брилліантами на почтенную сумму изъ провинціальнаго городка, мы имѣемъ рядъ интересныхъ извѣстій — сплошную фантастику, что ли, отъ которыхъ закружится голова любого читателя Конанъ-Дойля. Словомъ—вотъ газетныя вырѣзки.

Digitized by Microsoft®

„Дневникъ происшествій".

„Первое октября. Со словъ курсистки высшихъ фельдшерскихъ курсовъ N. N. мы печатаемъ объ одномъ чрезвычайно загадочномъ происшествіи. Поздно вечеромъ перваго октября проходила курсистка N. N. у Чернышева Моста. Тамъ, у моста, курсистка N. N. замѣтила очень странное зрѣлище: надъ самымъ каналомъ у перилъ моста среди ночи плясало красное, атласное домино; на лицѣ у краснаго домино была черная кружевная маска".

„Второе октября. Со словъ школьной учительницы М. М. извѣщаемъ почтенную публику о загадочномъ происшествіи близъ одной изъ пригородныхъ школъ. Школьная учительница М. М. давала утренній свой урокъ въ О. О. городской школѣ; школа окнами выходила на улицу; вдругъ въ окнѣ закружился съ неистовой силою пыльный столбъ, и учительница М. М. вмѣстѣ съ рѣзвою дѣтворою естественно бросилась къ окнамъ О. О. городской школы; каково же было смущеніе класса вмѣстѣ съ классной наставницей, когда красное домино, находясь въ центрѣ имъ подымаемой пыли, подбѣжало къ окнамъ О. О. городской школы и приникло черною кружевною маской къ окну? Въ О. О. земской школѣ занятія прекратились..."

„Третье октября. На спиритическомъ сеансѣ, состоявшемся въ квартирѣ уважаемой баронессы R. R., дружно собравшіеся спириты составили спиритическую цѣпь: но едва составили они цѣпь, какъ средь цѣпи обнаружилось домино и коснулось въ пляскѣ складками мантіи кончика носа титулярнаго совѣтника С. Врачъ Г-усской больницы констатировалъ на носу титулярнаго совѣтника С. сильнѣйшій ожогъ: кончикъ носа, по слухамъ, покроютъ лиловыя пятна. Словомъ, всюду—красное домино".

Наконецъ: „Четвертое октября. Населеніе слободы И. единодушно бѣжало предъ явленіемъ домино; составляется рядъ протестовъ; въ слободу вызвана У-сская сотня казаковъ".

Домино, домино—въ чемъ же сила? Кто курсистка N. N., кто такое М. М., наставница класса, баронесса R. R. и такъ

Digitized by Microsoft ®

далѣе?... Въ девятьсотъ пятомъ году вы, конечно, читатель, не читывали „Дневника происшествій“. Такъ вините-жъ себя, а не автора: а „Дневникъ происшествій“, повѣрьте, забѣжалъ въ библіотеку.

Что̀ такое газетный сотрудникъ? Онъ, во-первыхъ, есть дѣятель періодической прессы; и какъ дѣятель прессы (шестой части свѣта) получаетъ онъ за строку—пятачекъ, семь копеечекъ, гривенникъ, пятіалтынникъ, двугривенный, сообщая въ строкѣ все, что̀ есть и чего никогда не бывало. Если бы сложить газетныя строки любого газетнаго дѣятеля, то единая, изъ строкъ сложенная строка, обвила-бъ земной глобусъ тѣмъ, что̀ было и тѣмъ, чего не было.

Таковы почтенныя свойства большинства газетныхъ сотрудниковъ крайнихъ правыхъ, правыхъ, среднихъ, умѣренныхъ либеральныхъ, наконецъ, революціонныхъ газетъ совокупно съ исчисленіемъ ихъ количества, качества,—этими почтенными свойствами открывается просто такъ ключъ къ истинѣ тысяча девятьсотъ пятаго года, — истинѣ „Дневника происшествій“ подъ рубрикой „Красное Домино“. Вотъ въ чемъ дѣло: одинъ почтенный сотрудникъ несомнѣнно почтенной газеты, получая пятакъ, вдругъ рѣшилъ использовать одинъ фактъ, разсказанный въ одномъ домѣ; въ этомъ домѣ хозяйкою была дама. Дѣло, стало-быть, не въ почтенномъ сотрудникѣ, получающемъ за строку; дѣло, стало-быть, въ дамѣ...

Кто же дама?

Такъ съ нея и начнемъ.

Дама: гмъ! и хорошенькая... Что̀ есть дама?

Дамскихъ свойствъ не открылъ хиромантъ; сиротливо стоитъ хиромантъ предъ загадкою, озаглавленной „дама“: въ такомъ случаѣ, какъ за эту загадку приняться психологу, или—фи!—какъ приняться писателю? Загадка усугубится, если дама—молоденькая, если про нее говорятъ, что она хороша.

Такъ вотъ: была одна дама; и она отъ скуки посѣщала женскіе курсы; и еще отъ скуки она иногда по утрамъ замѣщала учительницу въ О. О. городской школѣ, если только вечеромъ не была она въ спиритическомъ кружкѣ въ ва-

Digitized by Microsoft®

кантные отъ баловъ дни; нечего говорить, что курсистка N. N. и М. М. (наставница класса), и R. R. (баронесса спиритка) была только дама: и дама хорошенькая. У нея-то почтенный газетный сотрудникъ просиживалъ вечера.

Эта дама однажды, смѣясь, ему сообщила, что какое-то красное домино повстрѣчалось съ ней только-что въ неосвѣщенномъ подъѣздѣ. Такъ попало невинное признаніе хорошенькой дамы на столбцы газетъ подъ рубрикой „Дневникъ происшествій“. И попавъ въ „Дневникъ происшествій“, расплелось въ серію никогда не бывшихъ событій, угрожавшихъ спокойствію.

Что же было? Даже и сплетенный дымъ поднимается отъ огня. Что же было огнемъ этихъ дымовъ почтенной газеты, о которыхъ прочла вся Россія, и которыхъ, къ стыду, не прочелъ, навѣрное, ты?

Софья Петровна Лихутина.

Та дама... Но той дамой была Софья Петровна; ей придется намъ тотчасъ же удѣлить много словъ.

Софья Петровна Лихутина отличалась, пожалуй, чрезмѣрной растительностью: и она была какъ-то необычайно гибка: если Софья Петровна Лихутина распустила-бъ черные свои волосы, эти черные волосы, покрывая весь станъ, упадали-бъ до икръ; и Софья Петровна Лихутина, говоря откровенно, просто не знала, что дѣлать ей съ этими волосами своими, столь черными, что, пожалуй, чернѣй не было и предмета; отъ чрезмѣрности ли волосъ, или отъ ихъ черноты—только, только: надъ губками Софьи Петровны обозначался пушокъ, угрожавшій ей къ старости настоящими усиками. Софья Петровна Лихутина обладала необычайнымъ цвѣтомъ лица; цвѣтъ этотъ былъ—просто жемчужный цвѣтъ, отличавшійся бѣлизной яблочныхъ лепестковъ, а то—нѣжною розоватостью; если же что-либо неожиданно волновало Софью Петровну, вдругъ она становилась совершенно пунцовой.

Глазки Софьи Петровны Лихутиной не были глазками, а

Digitized by Microsoft®

были глазами: еслибъ я не боялся впасть въ прозаическій тонъ, я бы назвалъ глазки Софьи Петровны не глазами—глазищами темнаго, синяго — темно-синяго цвѣта (назовемъ ихъ очами). Эти очи то искрились, то мутнѣли, то казались тупыми, какими-то выцвѣтшими, углубленными въ провалившихся орбитахъ, синевато-зловѣщихъ: и косили. Яркокрасныя губы ея были слишкомъ большими губами, но... зубки (ахъ, зубки!): жемчужные зубки! И притомъ—дѣтскій смѣхъ... Этотъ смѣхъ придавалъ оттопыреннымъ губкамъ какую-то прелесть; и какую-то прелесть придавалъ гибкій станъ; и опять-таки гибкій чрезмѣрно: всѣ движенья этого стана и какой-то нервной спины то стремительны были, то вялы — неуклюжи до безобразія.

Одѣвалась Софья Петровна въ черное шерстяное платье съ застежкой на спинѣ, облекавшее ея роскошныя формы; если я говорю р о с к о ш н ы я ф о р м ы, это значитъ, что словарь мой изсякъ, что банальное слово „р о с к о ш н ы я ф о р м ы“ обозначаетъ для Софьи Петровны, какъ-никакъ, а угрозу: преждевременную полноту къ тридцати годамъ. Но Софьѣ Петровнѣ Лихутиной было двадцать три года.

Ахъ, Софья Петровна!

Софья Петровна Лихутина проживала въ маленькой квартиркѣ, выходившей на Мойку; тамъ со стѣнъ отовсюду падали каскады самыхъ яркихъ, неугомонныхъ цвѣтовъ: яркоогненныхъ—тамъ и здѣсь—поднебесныхъ. На стѣнахъ японскіе вѣера, кружева, подвѣсочки, банты, а на лампахъ: атласные абажуры развѣвали атласныя и бумажныя крылья, будто бабочки тропическихъ странъ; и казалось, что рой этихъ бабочекъ, вдругъ слетѣвши со стѣнъ, порасплещется поднебесными крыльями вокругъ Софьи Петровны Лихутиной (знакомые офицеры ее называли ангелъ Пери, вѣроятно, сливъ два понятія „А н г е л ъ“ и „П е р и“ просто въ одно: ангелъ Пери).

Софья Петровна Лихутина на стѣнахъ поразвѣсила японскіе пейзажи, изображавшіе видъ горы Фузи-Ямы,—всѣ до единаго; въ развѣшанныхъ пейзажикахъ вовсе не было пер-

Digitized by Microsoft®

спективы; но и въ комнаткахъ, туго набитыхъ креслами, софами, пуфами, вѣерами и живыми японскими хризантемами тоже не было перспективы: перспективой являлся то атласный альковъ, изъ-за котораго выпорхнетъ Софья Петровна, или съ двери слетающій, шепчущій что-то тростникъ, изъ котораго выпорхнетъ все она же, а то Фузи-Яма—пестрый фонъ ея роскошныхъ волосъ; надо сказать: когда Софья Петровна Лихутина въ своемъ розовомъ кимоно по утрамъ пролетала изъ-за двери къ алькову, то она была настоящей японочкой. Перспективы же не было.

Комнатки были—малыя комнатки: каждую занималъ лишь одинъ огромный предметъ: въ крошечной спальной постель была огромнымъ предметомъ; ванна—въ крошечной ванной; въ гостиной—голубоватый альковъ; столъ съ буфетомъ—въ столовой; тѣмъ предметомъ въ комнаткѣ для прислуги—была горничная; тѣмъ предметомъ въ мужниной комнатѣ былъ, разумѣется, мужъ.

Ну, откуда же быть перспективѣ?

Всѣ шесть крохотныхъ комнатушекъ отоплялися паровымъ отопленіемъ, отчего въ квартиркѣ задушивалъ васъ влажный оранжерейный жаръ; стекла оконъ потѣли; и потѣлъ посѣтитель Софьи Петровны; вѣчно потѣли — и прислуга, и мужъ; сама Софья Петровна Лихутина покрывалась испариной, будто теплой росой японская хризантема. Ну, откуда же въ этой тепличкѣ завестись перспективѣ?

Перспективы и не было.

Посѣтители Софьи Петровны.

Посѣтитель оранжерейки Софьи Петровны, ангела Пери (кстати сказать, обязанный ангелу поставлять хризантемы), всегда ей хвалилъ японскіе пейзажи, присоединяя попутно свои разсужденія о живописи вообще; и наморщивши черныя бровки, ангелъ Пери вѣско какъ-то выпаливалъ: „Пейзажъ этотъ принадлежитъ перу Хадусаи“ *)... ангелъ рѣ-

*) Хокусая.

Digitized by Microsoft ®

шительно путалъ какъ всѣ собственныя имена, такъ и всѣ иностранныя слова. Посѣтитель художникъ обижался при этомъ; и впослѣдствіи къ ангелу Пери не обращался съ рацеями о живописи вообще: между тѣмъ этотъ ангелъ на послѣднія свои карманныя деньги накупалъ пейзажи и подолгу-подолгу въ одиночествѣ любовался на нихъ.

Посѣтителя Софья Петровна не занимала ничѣмъ: если это былъ свѣтскій молодой человѣкъ, преданный увеселеніямъ, она считала нужнымъ хохотать по поводу всѣхъ его и шутливыхъ, и шутливыхъ не вовсе, и серьезнѣйшихъ словъ: на все она хохотала, становилась пунцовой отъ хохота, и испарина покрывала ея крохотный носикъ; свѣтскій молодой человѣкъ становился тогда отчего-то также пунцовымъ; испарина покрывала и его носъ: свѣтскій молодой человѣкъ удивлялся ея молодому, но далеко не свѣтскому хохоту; удивляяся такъ, относилъ Софью Петровну Лихутину къ демимонду; между тѣмъ на столъ появлялась кружка съ надписью „благотворительный сборъ“ и Софья Петровна Лихутина, ангелъ Пери, хохоча, восклицала: „Вы опять сказали мнѣ фифку—платите же“. (Софья Петровна учредила недавно благотворительный сборъ въ пользу безработныхъ за каждую свѣтскую фифку: фифками почему-то называла она нарочито сказанную глупость, производя это слово отъ „фи“...). И баронъ Оммау-Оммергау, желтый Ея Величества кирасиръ, и графъ Авенъ, кирасиръ синій, и лейбъ-гусаръ Шпорышевъ, и чиновникъ особыхъ порученій въ канцеляріи Аблеухова Вергефденъ (все свѣтскіе молодые люди) говорили за фифкою фифку, кладя въ жестяную кружку двугривенный за двугривеннымъ.

Почему же у ней бывали столькіе офицеры? Боже мой, она танцовала на балахъ; и не будучи демимондною дамой, была дамой хорошенькой; наконецъ, она была офицершею.

Если же посѣтитель Софьи Петровны оказывался или самъ музыкантъ, или самъ музыкальный критикъ, или просто любитель музыки, Софья Петровна поясняла ему, что ея кумиры—Дунка́нъ и Ники́шъ; въ восторженныхъ выраженіяхъ,

Digitized by Microsoft®

не столько словесныхъ, сколько жестикуляціонныхъ, она поясняла, что и сама намѣрена изучить мелопластику, чтобъ исполнить танецъ полета Валькирій ни болѣе ни менѣе какъ въ Байрейтѣ; музыкантъ, музыкальный критикъ, или просто любитель музыки, потрясенный невѣрнымъ произнесеніемъ двухъ собственныхъ именъ (самъ-то онъ произносилъ Дéнканъ, Нйкишъ, а не Дункàнъ и Никйшъ) заключалъ, что Софья Петровна Лихутина просто-напросто пустая бабенка; и становился игривѣе; между тѣмъ очень хорошенькая прислуга вносила въ комнатку граммофонъ: и изъ красной трубы жестяное горло граммофона изрыгало на гостя полетъ Валькирій. Что Софья Петровна Лихутина не пропускала ни одной модной оперы, это обстоятельство гость забывалъ: становился пунцовымъ и чрезмѣрно развязнымъ. Такой гость выставлялся за дверь Софіей Петровной Лихутиной; и потому музыканты, игравшіе для свѣтскаго общества, были рѣдки въ оранжерейкѣ; представители же свѣтскаго общества графъ Авенъ, баронъ Оммау-Оммергау, Шпорышевъ и Вергефденъ не позволяли себѣ неприличныхъ выходокъ по отношенію, все-таки, къ офицершѣ, носившей фамилію стародворянскаго рода Лихутиныхъ: поэтому и графъ Авенъ, и баронъ Оммау-Оммергау, и Шпорышевъ, и Вергефденъ продолжали бывать. Въ ихъ числѣ одно время частенько еще вращался студентъ, Николенька Аблеуховъ. И потомъ вдругъ исчезъ.

Посѣтители Софьи Петровны какъ-то сами собою распались на двѣ категоріи: на категорію свѣтскихъ гостей и на гостей такъ сказать. Эти, такъ сказать, гости были вовсе не гости: это были все желанные посѣтители... для отвода души; посѣтители эти не добивались быть принятыми въ оранжерейкѣ; нисколько! Ихъ почти силкомъ къ себѣ затаскивалъ ангелъ; и силкомъ затащивъ, тотчасъ же отдавалъ имъ визитъ: въ ихъ присутствіи ангелъ Пери сидѣлъ съ поджатыми губками: не хохоталъ, не капризничалъ, не кокетничалъ вовсе, проявляя крайнюю робость и крайнюю нѣмоту, а, такъ сказать, гости бурно спорили другъ

Digitized by Microsoft ®

съ другомъ. И слышалось: „Революція—эволюція“. И опять: „Революція — эволюція“. Все только объ одномъ и спорили эти, такъ сказать, гости; то была все ни золотая, ни даже серебряная молодежь: то была мѣдная, бѣдная молодежь, получавшая воспитаніе на свои трудовые гроши; словомъ, то была учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, щеголявшая обиліемъ иностранныхъ словъ: „Соціальная революція“. И опять-таки: „Соціальная эволюція“. Ангелъ Пери неизмѣнно спутывалъ тѣ слова.

Офицеръ: Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ.

Среди прочей учащейся молодежи зачастила къ Лихутинымъ одна въ томъ кругу уважаемая, свѣтлая личность: курсистка, Варвара Евграфовна (здѣсь могла Варвара Евграфовна изрѣдка повстрѣчать самого Nicolas Аблеухова).

Подъ вліяніемъ свѣтлой особы ангелъ Пери однажды освѣтилъ своимъ присутствіемъ—ну, представьте же: митингъ! Подъ вліяніемъ свѣтлой особы ангелъ Пери поставилъ на столъ и самую свою мѣдную кружку съ туманною надписью: „Благотворительный сборъ“. Разумѣется эта кружка была предназначена для гостей; все же личности, относящіяся къ гостямъ такъ сказать разъ навсегда Софьей Петровной Лихутиной отъ поборовъ освобождались; но поборами были обложены и графъ Авенъ, и баронъ Оммау-Оммергау, и Шпорышевъ, и Вергефденъ. Подъ вліяніемъ той же свѣтлой особы ангелъ Пери сталъ захаживать по утрамъ въ городскую школу О. О. и долбилъ безъ всякаго толку „Манифестъ“ Карла Маркса. Дѣло въ томъ, что въ ту пору у нея ежедневно бывалъ студентъ, Николенька Аблеуховъ, котораго можно было безъ риску ей познакомить какъ съ Варварой Евграфовной (влюбленной въ Николеньку), такъ и съ желтымъ Ея Величества кирасиромъ: Аблеуховъ, какъ сынъ Аблеухова, всюду конечно былъ принятъ.

Впрочемъ съ той поры, какъ Николенька пересталъ вдругъ бывать у ангела Пери, этотъ ангелъ тайкомъ отъ гостей

Digitized by Microsoft®

такъ сказать упорхнулъ вдругъ къ спиритамъ, къ баронессѣ (ну, какъ ее?), собиравшейся поступить въ монастырь. Съ той поры на столикѣ передъ Софьей Петровной красовалась великолѣпно переплетенная книжечка „Человѣкъ и его тѣла“ какой-то госпожи Анри Безансонъ (Софья Петровна опять-таки путала: не Анри Безансонъ—Анни Безантъ).

Свое новое увлеченіе Софья Петровна старательно скрыла, какъ отъ барона Оммау-Оммергау, такъ и отъ Варвары Евграфовны; несмотря на свой заразительный смѣхъ и на крошечный лобикъ, скрытность ангела Пери достигала невѣроятныхъ размѣровъ: такъ Варвара Евграфовна ни разу не встрѣтилась съ графомъ Авеномъ, ни даже съ барономъ Оммау-Оммергау. Развѣ только однажды въ передней она увидала случайно мѣховую лейбъ-гусарскую шапку съ султаномъ. Но объ этой лейбъ-гусарской шапкѣ съ султаномъ впослѣдствіи не было рѣчи.

Что̀ подъ всѣмъ этимъ крылось, Богъ вѣсть!

Былъ еще одинъ посѣтитель Софьи Петровны Лихутиной; офицеръ: Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ; собственно говоря, это былъ ея мужъ; онъ завѣдывалъ гдѣ-то тамъ провіантомъ; рано по́-утру уходилъ онъ изъ дому; появлялся дома не ранѣе полуночи; одинаково кротко здоровался просто съ гостями и съ гостями такъ сказать, съ одинаковой кротостью говорилъ для приличія фифку, опуская въ кружку двугривенный (если были при этомъ графъ Авенъ или баронъ Оммау-Оммергау), или скромно кивалъ головой на слова „революція-эволюція“, выпивалъ чашку чая и шелъ въ свою комнатку; молодые свѣтскіе люди про себя его называли армейчикомъ, а учащаяся молодежь—офицеромъ-бурбономъ (въ девятьсотъ пятомъ году Сергѣй Сергѣичъ имѣлъ несчастіе защищать отъ рабочихъ своей полуротою Николаевскій мостъ). Собственно говоря, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ охотнѣе всего воздержался бы и отъ фифокъ, и отъ словъ „революція-эволюція“. Собственно говоря, онъ не прочь былъ бы попасть къ баронессѣ на спирити-

Digitized by Microsoft ®

ческій сеансикъ; но о своемъ скромномъ желаніи на правахъ мужа вовсе онъ не настаивалъ, ибо вовсе онъ не былъ деспотомъ по отношенію къ Софьѣ Петровнѣ: Софью Петровну любилъ онъ всею силой души; болѣе того: два съ половиною года тому назадъ онъ женился на ней вопреки желанью родителей, богатѣйшихъ симбирскихъ помѣщиковъ; съ той поры онъ былъ проклятъ отцомъ и лишенъ состоянія; съ той поры для всѣхъ неожиданно скромно онъ поступилъ въ Гр-горійскій полкъ.

Былъ еще посѣтитель: хитрый хохолъ-малороссъ Липпанченко; этотъ былъ весьма сладострастенъ, и звалъ Софью Петровну не ангеломъ, а... душканомъ: про себя же ее называлъ хитрый хоходъ-малороссъ Липпанченко просто-напросто: бранкуканомъ, бранкукашкою, бранкуканчикомъ (вотъ слова вѣдь!). Но держался Липпанченко въ границахъ приличія; и потому-то былъ онъ вхожъ въ этотъ домъ.

Добродушнѣйшій мужъ Софьи Петровны, Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ, подпоручикъ Гр-горійскаго Его Величества Короля Сіамскаго полка, относился съ кротостью къ революціонному кругу знакомствъ своей дорогой половины; къ представителямъ свѣтскаго круга относился онъ лишь съ подчеркнутымъ благодушіемъ; а хохла-малоросса, Липпанченко, всего-навсего онъ терпѣлъ: этотъ хитрый хохолъ на хохла, кстати сказать, и не походилъ вовсе: походилъ скорѣй на помѣсь семита съ монголомъ; онъ былъ и высокъ, и толстъ; желтоватое лицо этого господина непріятно плавало въ своемъ собственномъ подбородкѣ, выпертомъ крахмальнымъ воротничкомъ; и носилъ Липпанченко желто-красный атласный галстукъ, заколотый стразомъ, щеголяя полосатой темножелтою парой и такого же цвѣта ботинками; но при этомъ Липпанченко беззастѣнчиво красилъ волосы въ коричневый цвѣтъ. Про себя Липпанченко говорилъ, что онъ экспортируетъ русскихъ свиней заграницу и на этомъ с в и н с т в ѣ разжиться собирается основательно.

Какъ бы ни было, Липпанченко, его одного, не долюбливалъ подпоручикъ Лихутинъ: про Липпанченко ходили темные

Digitized by Microsoft®

слухи. Но что спрашивать, кого не любилъ подпоручикъ Лихутинъ: подпоручикъ Лихутинъ, разумѣется, любилъ всѣхъ: но кого особенно онъ любилъ одно время, такъ это Николая Аполлоновича Аблеухова: вѣдь другъ друга знавали они съ самыхъ первыхъ отроческихъ лѣтъ: Николай Аполлоновичъ былъ, во-первыхъ, шаферомъ на свадьбѣ Лихутина, во-вторыхъ, ежедневнымъ посѣтителемъ квартиры на Мойкѣ въ продолженіе, безъ малаго, полутора года. Но потомъ онъ скрылся безслѣдно.

Не Сергѣй Сергѣевичъ, разумѣется, виноватъ въ исчезновеніи сенаторскаго сына, а сенаторскій сынъ, или даже самъ ангелъ Пери.

Ахъ, Софья Петровна, Софья Петровна! Однимъ словомъ: дама... А отъ дамы что спрашивать!

Стройный шаферъ красавецъ.

Еще въ первый день своего, такъ сказать, „дамства", при совершеніи Таинства бракосочетанія, когда Николай Аполлоновичъ держалъ надъ мужемъ ея, Сергѣемъ Сергѣевичемъ, высокоторжественный вѣнецъ, Софью Петровну Лихутину мучительно поразилъ стройный шаферъ, красавецъ, цвѣтъ его неземныхъ, темносинихъ, огромныхъ глазъ, бѣлость мраморнаго лица и божественность волосъ бѣлольняныхъ: тѣ глаза вѣдь не глядѣли, какъ часто впослѣдствіи, изъ-за тусклыхъ стеколъ пенснэ, а лицо подпиралъ золотой воротникъ новенькаго мундирчика (не у всякаго же студента есть такой воротникъ). Ну, и... Николай Аполлоновичъ зачастилъ къ Лихутинымъ сперва разъ въ двѣ недѣли; далѣе — разъ въ недѣлю: два, три, четыре раза въ недѣлю; наконецъ, зачастилъ ежедневно. Скоро Софья Петровна замѣтила подъ маскою ежедневныхъ заходовъ, что лицо Николай Аполлоновича, богоподобное, строгое, превратилося въ маску: ужимочки, безцѣльныя потиранія иногда потныхъ рукъ, наконецъ, непріятное лягушечье выраженье улыбки, проистекавшее отъ несходившей съ лица игры всевозможнѣйшихъ типовъ

Digitized by Microsoft®

заслонили навѣкъ то лицо отъ нея. И какъ только это замѣтила Софья Петровна, она къ ужасу своему поняла, что была въ т о лицо влюблена, въ т о, а не э т о. Ангелъ Пери хотѣла быть примѣрной женой: а ужасная мысль, что, будучи вѣрной, она уже увлеклась не мужемъ—эта мысль совершенно разбила ее. Но далѣе, далѣе: изъ-подъ маски, ужимокъ, лягушечьихъ устъ, она безсознательно вызывала безвозвратно потерянную влюбленность: она мучила Аблеухова, осыпала его оскорбленьями; но таясь отъ себя, рыскала по его слѣдамъ, узнавала его стремленья и вкусы, безсознательно имъ слѣдовала, все надѣясь обрѣсть въ нихъ подлинный, богоподобный ликъ; такъ она заломалась: появилась на сцену сперва мелопластика, потомъ кирасиръ баронъ Оммау-Оммергау, наконецъ появилась Варвара Евграфовна съ жестяною кружкою для собиранія ф и ф о к ъ.

Словомъ, Софья Петровна запуталась: ненавидя, любила; любя ненавидѣла.

Съ той поры ея дѣйствительный мужъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ обратился всего-навсего въ посѣтителя квартирки на Мойкѣ: сталъ завѣдывать, гдѣ-то тамъ, провіантомъ; уходилъ изъ дому рано утромъ; появлялся съ полуночи: говорилъ для приличія ф и ф к у, опуская въ кружку двугривенный, или скромно кивалъ головой на слова „р е в о л ю ц і я-э в о л ю ц і я“, выпивалъ чашку чаю и шелъ къ себѣ спать: надо же было утромъ какъ можно ранѣе встать и итти, гдѣ-то тамъ, завѣдовать провіантомъ. Оттого лишь Сергѣй Сергѣичъ, гдѣ-то тамъ, сталъ завѣдывать провіантомъ, что свободы жены не хотѣлъ онъ стѣснять.

Но свободы Софья Петровна не вынесла: у нея вѣдь былъ такой крошечный, крошечный лобикъ; вмѣстѣ съ крошечнымъ лобикомъ въ ней таились вулканы углубленнѣйшихъ чувствъ: потому что она была дама; а въ дамахъ нельзя будить хаоса: въ этомъ хаосѣ скрыты у дамы всѣ виды жестокостей, преступленій, паденій, всѣ виды неистовыхъ бѣшенствъ, какъ всѣ виды на землѣ еще не бывалыхъ геройствъ; въ каждой дамѣ таится преступница: но совершись престу-

Digitized by Microsoft®

пленіе, кромѣ святости ничего не останется въ истинно дамской душѣ.

Скоро мы безъ сомнѣнія докажемъ читателю существующую раздѣленность и души Николая Аполлоновича на двѣ самостоятельныхъ величины: богоподобный ледъ — и просто лягушечья слякоть; та вотъ двойственность и является принадлежностью любой дамы: двойственность — по существу не мужская, а дамская принадлежность; цифра два — символъ дамы; символъ мужа—единство. Только такъ получается троичность, безъ которой возможенъ ли домашній очагъ?

Двойственность Софьи Петровны мы выше отмѣтили: нервность движеній—и неуклюжая вялость; недостаточность лобика и чрезмѣрность волосъ; Фузи-Яма, Вагнеръ, вѣрность женскаго сердца—и „Анри Безансонъ", граммофонъ, баронъ Оммергау, и даже Липпанченко. Будь Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ или Николай Аполлоновичъ дѣйствительными единствами, а не двоицами, троичность бы была; и Софья Петровна нашла бы гармонію жизни въ союзѣ съ мужчиной; граммофонъ, мелопластика, Анри Безансонъ, Липпанченко, даже Оммау-Оммергау полетѣли бы къ чорту.

Но не было единаго Аблеухова: номеръ первый, богоподобный, и номеръ второй, лягушенокъ. Оттого-то все то и произошло.

Что же произошло?

Въ Софьѣ Петровнѣ Николай Аполлоновичъ-лягушенокъ увлекся глубокимъ сердечкомъ, приподнятымъ надо всей суетой: не крохотнымъ лобикомъ—волосами; а божественность Николай Аполлоновича, презирая любовь, упивалась цинично такъ мелопластикой; о б а спорили въ немъ, кого любить: бабенку ли, ангела-ль? Ангелъ Софья Петровна, какъ ангелу естественно подобаетъ, возлюбила лишь б о г а: а бабенка запуталась: непріятной улыбкой она сперва возмущалась, а потомъ она полюбила именно это свое возмущеніе; полюбивши же ненависть, полюбила гаденькую улыбку, но какою-то странной (всѣ сказали бы, что развратной) любовью:

Digitized by Microsoft®

что-то было во всемъ этомъ неестественно жгучее, неизвѣданно сладкое, роковое.

Неужели же въ Софьѣ Петровнѣ Лихутиной пробудилась преступница? Ахъ, Софья Петровна, Софья Петровна! Однимъ словомъ: дама и дама...

А отъ дамы что спрашивать!

Красный шутъ.

Собственно говоря, послѣдніе мѣсяцы съ предметомъ своимъ Софья Петровна держала себя до крайности вызывающе: предъ граммофонной трубой, изрыгающей „Смерть Зигфрида“, она училась тѣлодвиженію (и еще какому!), поднимая едва ли не до колѣнъ свою шелкомъ шуршащую юбку; далѣе: ножка ея изъ-подъ столика Аблеухова касалась не разъ и не два. Неудивительно, что этотъ послѣдній не разъ ангела и порывался обнять; но тогда ускользалъ ангелъ, сперва обливая поклонника холодомъ: и потомъ опять принимался за старое. Но когда однажды она, защищая греческое искусство, предложила составить кружокъ для цѣломудренныхъ обнаженій, Николай Аполлоновичъ не выдержалъ: вся многодневная его безысходная страсть бросилась въ голову (Николай Аполлоновичъ въ борьбѣ ее уронилъ на софу)... Но Софья Петровна мучительно укусила до крови губъ ее искавшія губы, а когда Николай Аполлоновичъ растерялся отъ боли, то пощечина звонко огласила японскую комнату.

— „Уу... Уродъ, лягушка... Ууу—красный шутъ“.

Николай Аполлоновичъ отвѣтилъ спокойно и холодно:

— „Если я—красный шутъ, вы—японская кукла...“

Съ чрезвычайнымъ достоинствомъ распрямился онъ у дверей; въ этотъ мигъ лицо его приняло именно то далекое, ей однажды пойманное выраженье, вспоминая которое, незамѣтно она его полюбила; и когда ушелъ Николай Аполлоновичъ, она грохнулась на полъ, и царапая, и кусая въ плачѣ коверъ; вдругъ вскочила она и простерла въ дверь руки:

Digitized by Microsoft®

— „Приходи, вернись—богъ!“

Но въ отвѣтъ ей ухнула выходная дверь: Николай Аполлоновичъ бѣжалъ къ большому Петербургскому Мосту. Ниже увидимъ мы, какъ у Моста онъ принялъ одно роковое рѣшеніе (при свершеніи нѣкаго акта погубить и самую жизнь). Выраженіе „Красный шутъ“ чрезвычайно задѣло его.

Болѣе Софья Петровна Лихутина его не видала: изъ какого-то дикаго протеста къ Аблеуховскимъ увлеченіямъ революціей-эволюціей ангелъ Пери невольно отлетѣлъ отъ учащейся молодежи, прилетая къ баронессѣ R. R. на спиритическій сеансъ. И Варвара Евграфовна стала рѣже захаживать. Зато опять зачастили: и графъ Авенъ, и баронъ Оммау-Оммергау, и Шпорышевъ, и Вергефденъ, и даже... Липпанченко: и Липпанченко чаще прочихъ. Съ графомъ Авеномъ, барономъ Оммау-Оммергау, со Шпорышевымъ и съ Вергефденомъ, даже... съ Липпанченко она хохотала безъ устали; вдругъ, оборвавъ смѣхъ, она спрашивала задорно:

— „Я вѣдь кукла—не правда ли?“

И они отвѣчали ей фифками, сыпали серебро въ жестяную кружечку съ надписью „благотворительный сборъ“. А Липпанченко ей отвѣтилъ: „Вы—душканъ, бранкуканъ, бранкукашка“. И принесъ ей въ подарокъ желтолицую куколку.

А когда она это самое сказала и мужу, ничего не отвѣтилъ ей мужъ, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, подпоручикъ Гр-горійскаго, Его Величества Короля Сіамскаго Полка, и ушелъ будто спать: онъ завѣдовалъ, гдѣ-то тамъ, провіантами; но войдя въ свою комнату, онъ усѣлся писать Николаю Аполлоновичу кроткое свое письмецо: въ письмецѣ онъ осмѣлился извѣстить Аблеухова, что онъ, Сергѣй Сергѣевичъ, подпоручикъ Гр-горійскаго Полка, покорнѣйше проситъ о слѣдующемъ: не желая вмѣшиваться по причинамъ принципіальнымъ въ отношенія Николая Аполлоновича къ безцѣнно имъ любимой супругѣ, тѣмъ не менѣе онъ проситъ настойчиво (слово настойчиво было три раза подчеркнуто) навсегда оставить ихъ домъ, ибо нервы его безцѣнно любимой супруги разстроены. О своемъ поведеніи Сергѣй Сергѣевичъ скрылъ;

Digitized by Microsoft®

поведеніе его не измѣнилось ни капли: такъ же онъ уходилъ спозаранку; возвращался къ полуночи; говорилъ для приличія ф и ф к у, если видѣлъ барона Оммау-Оммергау, чуть-чуть хмурился, если видѣлъ Липпанченко, благодушнѣйшимъ образомъ кивалъ головой на слова э в о л ю ц і я - р е в о л ю ц і я, выпивалъ чашку чая и тихонько скрывался: онъ завѣдывалъ—гдѣ-то тамъ—провіантами.

Былъ Сергѣй Сергѣичъ высокаго росту, носилъ бѣлокурую бороду, обладалъ носомъ, ртомъ, волосами, ушами и чудесно блистающими глазами: но онъ былъ, къ сожалѣнію, въ темносинихъ очкахъ, и никто не зналъ ни цвѣта глазъ, ни чудеснаго этихъ глазъ выраженья.

Подлость, подлость и подлость.

Въ эти мерзлые, первооктябрьскіе дни Софья Петровна была въ необычайномъ волненіи; оставаясь одна, въ оранжерейкѣ, вдругъ она начинала морщить свой лобикъ, и вспыхивать: становилась пунцовой; подходила къ окну, чтобъ платочкомъ изъ нѣжнаго сквозного батиста протереть запотѣвающія стекла; стекло начинало повизгивать, открывая видъ на каналъ съ проходившимъ мимо господиномъ въ цилиндрѣ — не болѣе; будто бы обманувшись въ предчувствіи, ангелъ Пери зубками начиналъ теребить и кромсать засырѣвшій платочекъ, и потомъ бѣжалъ надѣвать свою черную шубку изъ плюша и такую же шапочку (Софья Петровна одѣвалась прескромно), чтобъ, прижавши къ носику мѣховую муфту, суетливо слоняться отъ Мойки до Набережной, даже разъ зашла она въ Циркъ Чинизелли и увидѣла тамъ природное диво: бородатую женщину; чаще же всего забѣгала она на кухню и шепталась съ молоденькой горничной, Маврушкой, прехорошенькой дѣвочкой въ фартучкѣ и бабочкообразномъ чепцѣ. И косили глаза: такъ всегда у нея косили глаза въ минуты волненій.

А, однажды, она при Липпанченко, съ хохотомъ выхватила шпильку отъ шляпы и всадила въ мизинчикъ:

Digitized by Microsoft®

— „Посмотрите: не больно; и крови нѣтъ: восковая я... кукла“.

Но Липпанченко ничего не понялъ: разсмѣялся, сказалъ:

— Вы не кукла: душканъ“.

И его, разсердясь, отъ себя прогналъ ангелъ Пери. Схвативъ со стола свою шапку съ наушниками, удалился Липпанченко.

А она металась въ оранжерейкѣ, морщила лобикъ, вспыхивала, протирала стекло; прояснялся видъ на каналъ съ пролетавшей мимо каретой: не болѣе.

Что же болѣе?

Дѣло вотъ въ чемъ: нѣсколько дней назадъ Софья Петровна Лихутина возвращалась домой отъ баронессы R. R. У баронессы R. R. въ этотъ вечеръ были постукиванья; бѣлесоватыя искорки бѣгали по стѣнѣ; и однажды подпрыгнулъ столъ: ничего болѣе; но нервы Софьи Петровны натянулись до крайности (послѣ сеанса она бродила по улицамъ), а ея домовый подъѣздъ не освѣщался (для дешевыхъ квартирокъ не освѣщаютъ подъѣздовъ): и внутри чернаго подъѣзднаго входа Софья Петровна такъ явственно видѣла, какъ уставилось на нее еще чернѣй темноты пятно, будто черная маска; что-то мутно краснѣло подъ маской, и Софія Петровна, что есть силы, дернула за звонокъ. А когда распахнулась дверь и струя яркаго свѣта изъ передней упала на лѣстницу, вскрикнула Маврушка и всплеснула руками: Софья Петровна ничего не увидѣла, потому что стремительно она пролетѣла въ квартиру. Маврушка видѣла: за спиною у барыни красное, атласное домино протянуло впередъ свою черную маску, окруженную снизу густымъ вѣеромъ кружевъ, разумѣется, черныхъ же, такъ что эти черныя кружева на плечо упали къ Софьѣ Петровнѣ (хорошо, что она не повернула головки); красное домино протянуло Маврушкѣ свой кровавый рукавъ, изъ котораго торчала визитная карточка; и когда предъ рукою захлопнулась дверь, то и Софья Петровна увидѣла у двери визитную карточку (пролетѣла вѣрно въ щель двери); что же было начертано на визитной той

Digitized by Microsoft®

карточкѣ? Черепъ съ костями вмѣсто дворянской короны да еще моднымъ шрифтомъ набранныя слова: „Жду васъ въ маскарадѣ — тамъ то, таково то числа"; и далѣе подпись: „Красный шутъ".

Софья Петровна весь вечеръ проволновалась ужасно. Кто могъ нарядиться въ красное домино? Разумѣется онъ, Николай Аполлоновичъ: вѣдь его она этимъ именемъ какъ-то разъ назвала... Красный шутъ и пришелъ. Въ такомъ случаѣ какъ назвать подобный поступокъ съ беззащитною женщиной? Ну, не подлость ли это?

Подлость, подлость и подлость.

Поскорѣе бы возвращался мужъ, офицеръ: онъ проучитъ нахала. Софья Петровна краснѣла, косила, кусала платочекъ и покрывалась испариной. Хоть бы кто-нибудь приходилъ: хоть бы Авенъ, хоть бы баронъ Оммау-Оммергау, или Шпорышевъ, или даже... Липпанченко.

Но никто не являлся.

Ну, а вдругъ то не онъ? И Софья Петровна явственно въ себѣ ощутила разстройство: было жалко какъ-то разстаться съ мыслями о томъ, что шутъ — онъ; въ этихъ мысляхъ вмѣстѣ съ гнѣвомъ сплелось то же сладкое, знакомое, роковое чувство; ей хотѣлось должно быть, чтобы онъ оказался—совершеннѣйшимъ подлецомъ.

Нѣтъ — не онъ: не подлецъ же онъ, не мальчишка!.. Ну, а если это самъ красный шутъ? Кто такой красный шутъ, на это она не могла себѣ внятно отвѣтить: а — все-таки... И упало сердце: не онъ.

Маврушкѣ тутъ же она приказала молчать: въ маскарадъ же поѣхала; и тайкомъ отъ кроткаго мужа: въ первый разъ она поѣхала въ маскарадъ.

Дѣло въ томъ, что Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ строго-настрого запретилъ ей бывать въ маскарадахъ. Странный былъ: эполетомъ, шпагою, офицерскою честью дорожилъ (не бурбонъ ли?).

Кротость кротостью... вплоть до пунктика, до офицерской до чести. Скажетъ только: „Даю офицерское честное слово—

Digitized by Microsoft®

быть тому-то, а тому—не бывать". И—ни съ мѣста: непреклонность, жестокость какая-то. Какъ, бывало, на лобъ приподниметъ очки, станетъ сухъ, непріятенъ, деревяненъ, будто вырѣзанъ изъ бѣлаго кипариса, кипарисовымъ кулакомъ простучитъ по столу; ангелъ Пери тогда испуганно вылеталъ изъ мужниной комнаты: носикъ морщился, капали слезки, запиралась озлобленно спальная дверь.

Изъ числа посѣтителей Софьи Петровны, изъ гостей такъ сказать, толковавшихъ о революціи-эволюціи, былъ одинъ почтенный газетный сотрудникъ: Нейнтельпфайнъ; черный, сморщенный, съ носомъ, загнутымъ сверху внизъ и съ бородкой, загнутой въ обратную сторону. Софья Петровна его уважала ужасно: и ему-то довѣрилась; онъ и свезъ ее въ маскарадъ, гдѣ какіе-то все шуты-арлекины, итальянки, испанки и восточныя женщины изъ-подъ черныхъ бархатныхъ масокъ другъ на друга поблескивали недобрыми огоньками глазъ; подъ руку съ Нейнтельпфайномъ, почтеннымъ газетнымъ сотрудникомъ, Софья Петровна скромно расхаживала по заламъ въ черномъ своемъ домино. И какое-то красное, атласное домино все металось по заламъ, все искало кого-то, протянувъ впередъ свою черную маску, подъ которой плескался густой вѣеръ изъ кружевъ, разумѣется, черныхъ же.

Вотъ тогда-то Софья Петровна Лихутина и разсказала вѣрному Нейнтельпфайну о загадочномъ происшествіи, ну, конечно, спрятавъ всѣ нити; маленькій Нейнтельпфайнъ, почтенный сотрудникъ газеты, получалъ пятакъ за строку: съ той поры и пошло, и пошло, что ни день—въ „Дневникѣ происшествій" замѣтка; красное домино да красное домино!

О домино разсуждали, волновались ужасно и спорили; одни видѣли тутъ революціонный терроръ; а другіе только молчали да пожимали плечами. Въ охранное отдѣленіе раздавались звонки.

Говорили о странномъ томъ появленіи домино на улицахъ Петербурга даже въ оранжерейкѣ; и графъ Авенъ, и баронъ

Digitized by Microsoft ®

Оммау-Оммергау, и лейбъ-гусаръ Шпорышевъ, и Вергефденъ отпускали фифки по этому поводу и летѣлъ въ мѣдную кружечку непрерывный дождь изъ двугривенныхъ; только хитрый хохолъ малороссъ Липпанченко какъ-то криво смѣялся. А сама Софья Петровна Лихутина, внѣ себя, пунцовѣла, блѣднѣла, покрывалась испариной и кусала платочекъ. Нейнтельпфайнъ оказался просто скотиной, но Нейнтельпфайнъ не показывался: изо дня въ день онъ усердно вытягивалъ газетныя строки; и тянулась, тянулась газетная ахинея, покрывая міръ совершеннѣйшей ерундой.

Совершенно прокуренное лицо.

Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ стоялъ надъ лѣстничной балюстрадой въ своемъ пестромъ халатикѣ и раскидывалъ во всѣ стороны переливчатый блескъ, составляя полную противоположность колонны и столбику алебастра, откуда бѣлая Ніобея поднимала горѣ свои алебастровые глаза.

Николай Аполлоновичъ, перегнувшійся чрезъ перила, что-то крикнулъ по направленью къ передней, но на выкрикъ отвѣтила сперва тишина, а потомъ отвѣтила съ чрезмѣрной отчетливостью неожиданная, протестующая фистула:

— „Николай Аполлоновичъ, вы, навѣрное, приняли меня за другого...“

— „Я это—я...“

Тамъ внизу стоялъ незнакомецъ съ черными усиками и въ пальто съ поднятымъ воротникомъ.

Николай Аполлоновичъ тутъ оскалился съ балюстрады въ непріятной улыбкѣ:

— „Это вы, Александръ Ивановичъ?.. Чрезвычайно пріятно!“

И потомъ лицемѣрно добавилъ онъ:

— „Безъ очковъ не узналъ...“

. . . . . .

Преодолѣвая непріятное впечатлѣнье присутствія незна-

Digitized by Microsoft®

комца въ лакированномъ домѣ, Николай Аполлоновичъ съ балюстрады продолжалъ кивать головой:

— „Я, признаться, съ постели: оттого-то я и въ халатѣ“ (будто этимъ упоминаніемъ невзначай Николай Аполлоновичъ хотѣлъ дать понять посѣтителю, что этотъ послѣдній въ неурочное время нанесъ свой визитъ; отъ себя мы прибавимъ: всѣ послѣднія ночи Николай Аполлоновичъ пропадалъ).

Незнакомецъ съ черными усиками представлялъ своею персоною чрезвычайно жалкое зрѣлище на богатомъ фонѣ орнамента изъ старинныхъ оружій; тѣмъ не менѣе незнакомецъ храбрился, продолжая съ жаромъ успокаивать Николая Аполлоновича—не то насмѣхаясь, а не то будучи совершеннѣйшимъ простакомъ:

— „Это ровно ничего не значитъ, Николай Аполлоновичъ, что вы прямо съ постели... Совершеннѣйшій пустякъ, увѣряю васъ: вы не барышня, да и я не барышня тоже... Вѣдь я самъ только всталъ...“

Нечего дѣлать. Пересиливъ въ душѣ непріятное впечатлѣніе (оно было вызвано появленіемъ незнакомца—здѣсь, въ лакированномъ домѣ, гдѣ лакеи могли основательно недоумѣвать, гдѣ, наконецъ, незнакомецъ могъ быть встрѣченъ папашею)—пересиливъ въ душѣ непріятное впечатлѣніе, Николай Аполлоновичъ вознамѣрился двинуться внизъ, чтобъ достойно, по-аблеуховски, ввести въ лаковый домъ щепетильнаго гостя; но къ досадѣ его мѣховая туфелька соскочила съ ноги; и босая ступня закачалась изъ-подъ полы халата; Николай Аполлоновичъ на ступенькахъ споткнулся; и вдобавокъ онъ подвелъ незнакомца: предположивши, что Николай Аполлоновичъ въ порывѣ обычной угодливости бросится къ нему внизъ (Николай Аполлоновичъ уже выказалъ въ направленіи этомъ всю стремительность своихъ жестовъ), незнакомецъ съ черными усиками бросился въ свою очередь къ Николаю Аполлоновичу и оставилъ мутный свой слѣдъ на бархатно-сѣрыхъ ступеняхъ; теперь же незнакомецъ мой растерянно сталъ межъ передней и верхомъ; и при этомъ

Digitized by Microsoft®

увидѣлъ онъ, что пятнаетъ коверъ; незнакомецъ мой сконфуженно улыбнулся.

— „Раздѣвайтесь, пожалуйста".

Деликатное напоминаніе о томъ, что въ барскія комнаты въ пальто никакъ невозможно проникнуть, принадлежало лакею, которому на руки съ отчаянной независимостью стряхнулъ незнакомецъ мокрое свое пальтецо; онъ стоялъ теперь въ сѣрой, клѣтчатой парѣ, подъѣденной молью. Видя, что лакей намѣренъ руку протянуть и къ мокрому узелку, незнакомецъ мой вспыхнулъ; вспыхнувши, вдвойнѣ законфузился онъ:

— „Нѣтъ, нѣтъ..."

— „Да пожалуйте-съ..."

— „Нѣтъ: это возьму я съ собою..."

Незнакомецъ съ черными усиками съ тѣмъ же все на все махнувшимъ упорствомъ разблиставшійся скользкій паркетъ попиралъ дырявой ботинкою; удивленные, мимолетные взоры онъ бросалъ на роскошную перспективу изъ комнатъ. Николай Аполлоновичъ съ особенной мягкостью, подобравши полы халата, предшествовалъ незнакомцу. Но обоимъ имъ показалось томительнымъ ихъ безмолвное странствіе въ этихъ блещущихъ перспективахъ: оба грустно молчали; незнакомцу съ черными усиками Николай Аполлоновичъ подставлялъ съ облегченіемъ не лицо, а свою переливную спину; потому-то, вѣрно, улыбка и сбѣжала съ неестественно передъ тѣмъ улыбавшихся устъ его. Отъ себя же прямо замѣтимъ: Николай Аполлоновичъ струсилъ; въ головѣ его быстро вертѣлось: „Вѣроятно какой-нибудь благотворительный сборъ—пострадавшій рабочій; въ крайнемъ случаѣ—на вооруженіе..." А въ душѣ тоскливо заныло: Нѣтъ, нѣтъ—не это, а то?"

Предъ дубовою дверью своего кабинета Николай Аполлоновичъ къ незнакомцу повернулся вдругъ круто; на лицѣ у обоихъ мгновенно скользнула улыбка; оба вдругъ поглядѣли другъ другу въ глаза съ выжидательнымъ выраженіемъ.

— „Такъ пожалуйте:... Александръ Ивановичъ...

— „Не безпокойтесь...

Digitized by Microsoft®

— „Милости просимъ...

— „Да нѣтъ, нѣтъ...“

Пріемная комната Николая Аполлоновича составляла полную противоположность строгому кабинету: она была такъ же пестра, какъ... какъ бухарскій халатъ; халатъ Николая Аполлоновича, такъ сказать, продолжался во всѣ принадлежности комнаты: напримѣръ, въ низкій диванъ; онъ скорѣе напоминалъ восточное пестротканное ложе; бухарскій халатъ продолжался въ табуретку темнокоричневыхъ цвѣтовъ; она была инкрустирована тоненькими полосками изъ слоновой кости и перламутра; халатъ продолжался далѣе, въ негритянскій щитъ изъ толстой кожи когда-то павшаго носорога, и въ суданскую ржавую стрѣлу, съ массивною рукоятью; для чего-то ее тутъ повѣсили на стѣнѣ; наконецъ продолжался халатъ въ шкуру пестраго леопарда, брошеннаго къ ихъ ногамъ съ разинутой пастью; на табуреткѣ стоялъ темно-синій кальянный приборъ и трехногая золотая курильница въ видѣ истыканнаго отверстіями шара съ полумѣсяцемъ наверху; но всего удивительнѣе была пестрая клѣтка, въ которой отъ времени до времени начинали бить крыльями зеленые попугайчики.

Николай Аполлоновичъ пододвинулъ гостю пеструю табуретку: незнакомецъ съ черными усиками опустился на край табуретки и вытащилъ изъ кармана дешевенькій портсигаръ.

— „Вы позволите?“

— „Сдѣлайте одолженіе.

— „Вы не курите сами?“

— „Нѣтъ, не имѣю обыкновенія...“

И тотчасъ же, законфузившись, Николай Аполлоновичъ прибавилъ:

— „Впрочемъ, когда другіе курятъ, то...

— „Вы отворяете форточку?“

— „Что вы, что вы!..“

— „Вентиляторъ?“

— „Ахъ, да нѣтъ... совсѣмъ наоборотъ—я хотѣлъ сказать,

Digitized by Microsoft ®

что куренье мнѣ доставляетъ скорѣе" — заторопился Николай Аполлоновичъ, но неслушавшій его гость продолжалъ перебивать:

— „Вы сами выходите изъ комнаты?"

— „Ахъ, да нѣтъ же: я хотѣлъ сказать, что люблю запахъ табачнаго дыма и въ особенности сигаръ.

— „Напрасно, Николай Аполлоновичъ, совершенно напрасно: послѣ курильщиковъ.

— „Да?.."

— „Слѣдуетъ..."

— „Такъ?"

— „Быстро провѣтривать комнату.

— „Что вы, о, что вы!"

— „Открывая и форточку, и вентиляторъ".

— „Наоборотъ, наоборотъ..."

. . . . . .

— „Не защищайте, Николай Аполлоновичъ, табакъ: это я говорю вамъ по опыту... Дымъ проницаетъ сѣрое мозговое вещество... Мозговыя полушарія засариваются: общая вялость проливается въ организмъ..."

Незнакомецъ съ черными усиками подмигнулъ съ фамильярной значительностью; незнакомецъ увидѣлъ и то, что хозяинъ все-таки сомнѣвается въ проницаемости сѣраго мозгового вещества, но изъ привычки быть любезнымъ хозяиномъ не будетъ оспаривать гостя; тогда незнакомецъ съ черными усиками эти черные усики сталъ огорченно выщипывать:

— „Посмотрите вы на мое лицо?"

Не найдя очковъ, Николай Аполлоновичъ приблизилъ свои моргавшія вѣки вплоть къ лицу незнакомца.

— „Видите лицо?"

— „Да, лицо..."

— „Блѣдное лицо..."

— „Да, нѣсколько блѣдноватое"—и игра всевозможныхъ учтивостей съ ихъ оттѣнками разлилась по щекамъ Аблеухова.

— „Совершенно зеленое, прокуренное лицо",—оборвалъ

Digitized by Microsoft®

его незнакомецъ — „лицо курильщика. Я прокурю у васъ комнату, Николай Аполлоновичъ“.

Николай Аполлоновичъ давно ощущалъ безпокойную тяжесть, будто въ комнатную атмосферу проливался свинецъ, а не дымъ; Николай Аполлоновичъ чувствовалъ, какъ засаривались его полушарія мозга и какъ общая вялость проливалась въ его организмъ, но онъ думалъ теперь не о свойствахъ табачнаго дыма, а о томъ думалъ онъ, какъ ему съ достоинствомъ выйти изъ щекотливаго случая, какъ бы онъ— думалъ онъ — поступилъ въ томъ рискованномъ случаѣ, еслибы незнакомецъ, еслибы...

Эта свинцовая тяжесть не относилась нисколько къ дешевенькой папироскѣ, протянувшей въ высь свою синеватую струечку, а скорѣй она относилась къ угнетенному состоянію духа хозяина. Николай Аполлоновичъ ежесекундно ждалъ, что безпокойный его посѣтитель оборветъ свою болтовню, заведенную видимо съ единственной цѣлью—терзать его ожиданіемъ — да: оборветъ свою болтовню и напомнитъ о томъ, какъ онъ, Николай Аполлоновичъ, далъ въ свое время чрезъ посредство страннаго незнакомца — какъ бы точнѣе сказать...

Словомъ, далъ въ свое время ужасное для себя обязательство, которое выполнить принуждала его не одна только честь; ужасное обѣщаніе далъ Николай Аполлоновичъ развѣ только съ отчаянья; побудила къ тому его житейская неудача; впослѣдствіи неудача та постепенно изгладилась. Казалось бы, что ужасное обѣщаніе отпадаетъ само собой: но ужасное обѣщаніе оставалось; оставалось оно, хотя бы ужъ потому, что назадъ не было взято: Николай Аполлоновичъ, по правдѣ сказать, основательно о немъ позабылъ; а оно, обѣщаніе, продолжало жить въ коллективномъ сознаньи одного необдуманнаго кружка, въ то самое время, когда ощущеніе горькости бытія подъ вліяніемъ неудачи изгладилось; самъ Николай Аполлоновичъ свое обѣщаніе несомнѣнно отнесъ бы къ обѣщаніямъ шуточнаго характера.

Появленіе разночинца съ черными усиками, въ первый

Digitized by Microsoft ®

разъ послѣ этихъ истекшихъ двухъ мѣсяцевъ, наполнило душу Николая Аполлоновича основательнымъ страхомъ. Николай Аполлоновичъ совершенно отчетливо вспомнилъ чрезвычайно печальное обстоятельство. Николай Аполлоновичъ совершенно отчетливо вспомнилъ всѣ мельчайшія подробности обстановки своего обѣщанія и нашелъ тѣ подробности вдругъ убійственными для себя.

Почему же... — не то, что далъ онъ ужасное обѣщаніе, а то, что ужасное обѣщаніе онъ далъ легкомысленной партіи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ простъ чрезвычайно: Николай Аполлоновичъ, занимаясь методикой соціальныхъ явленій, міръ обрекалъ огню и мечу.

И вотъ онъ блѣднѣлъ, сѣрѣлъ и наконецъ сталъ зелѳнымъ; даже какъ-то вдругъ засинѣло его лицо; вѣроятно этотъ послѣдній оттѣнокъ зависѣлъ просто отъ комнатной атмосферы, протабаченной донельзя.

Незнакомецъ всталъ, потянулся, съ нѣжностью покосился на узелокъ и вдругъ дѣтски такъ улыбнулся.

— „Видите Николай Аполлоновичъ (Николай Аполлоновичъ испуганно вздрогнулъ)... я собственно пришелъ къ вамъ не за табакомъ, то-есть, не о табакѣ... это про табакъ совершенно случайно...“

— „Понимаю“.

— „Табакъ табакомъ: а я, собственно, не о табакѣ, а о дѣлѣ,..

— „Очень пріятно...“

— „И даже я не о дѣлѣ: вся суть тутъ въ услугѣ—и эту услугу вы, конечно, можете мнѣ оказать...

— „Какъ же, очень пріятно...“

Николай Аполлоновичъ еще болѣе посинѣлъ; онъ сидѣлъ и выщипывалъ диванную пуговку; и не выщипнувъ пуговки, принялся выщипывать изъ дивана конскіе волоса.

— „Мнѣ же крайне неловко, но помня...“

Николай Аполлоновичъ вздрогнулъ: рѣзкая и высокая фистула незнакомца разрѣзала воздухъ; фистулѣ этой предшествовала секунда молчанія; но секунда та часомъ ему по-

Digitized by Microsoft®

казалась, часомъ тогда. И теперь, услышавши рѣзкую фистулу, произносившую „помня“, Николай Аполлоновичъ едва не выкрикнулъ вслухъ:

— „О моемъ предложеніи?..“

Но онъ тотчасъ же взялъ себя въ руки; и онъ только замѣтилъ:

— „Такъ, я къ вашимъ услугамъ“—и при этомъ подумалъ онъ, что вотъ вѣжливость погубила его...

— „Помня о вашемъ сочувствіи, я пришелъ...“

— „Все, что могу“,—выкрикнулъ Николай Аполлоновичъ и при этомъ подумалъ, что онъ—болванъ окончательно...

— „Маленькая, о, вовсе маленькая услуга...“ (Николай Аполлоновичъ чутко прислушивался):

— Виноватъ... не позволите ли мнѣ пепельницу?..“

. . . . . .

Учащались ссоры на улицахъ.

Дни стояли туманные, странные: по Россіи на сѣверѣ проходилъ мерзлой поступью ядовитый октябрь; а на югѣ развѣсилъ онъ свои гнилые туманы. Ядовитый октябрь обдувалъ золотой лѣсной шопотъ, и покорно ложился на землю золотой лѣсной шопотъ,—и покорно ложился на землю шелестящій осинный багрецъ, чтобы виться и гнаться у ногъ прохожаго пѣшехода, и шушукать, сплетая изъ листьевъ желто-красныя розсыпи словъ. Та синичья сладкая пискотня, что̀ купается сентябремъ въ волнѣ лиственной, въ волнѣ лиственной не купалась давно: и сама синичка теперь сиротливо скакала въ черной сѣти изъ сучьевъ, что̀ какъ шамканье беззубаго старика посылаетъ всю осень свой свистъ изъ лѣсовъ, голыхъ рощъ, палисадниковъ, парковъ.

Дни стояли туманные, странные; ледяной ураганъ уже приближался клоками тучъ, оловянныхъ и синихъ; но всѣ вѣрили въ вёсну: о веснѣ писали газеты, о веснѣ разсуждали чиновники четвертаго класса; на весну указывалъ одинъ тогда популярный министръ; ароматомъ, ну, прямо-таки первомай-

Digitized by Microsoft ®

скихъ фіалокъ задышали изліянія одной петербургской курсистки.

Пахари давно перестали скрести трухлявыя земли; побросали пахари бороны, сохи; собирались подъ избами пахари въ свои убогія кучечки для совмѣстнаго обсужденья газетныхъ извѣстій; толковали и спорили, чтобы дружной гурьбою вдругъ кинуться къ барскому дому съ колонками, отразившемуся въ волжскихъ, камскихъ или даже днѣпровскихъ струяхъ; во всѣ долгія ночи надъ Россіей сіяли кровавыя зарева деревенскихъ пожаровъ, разрѣшаясь днемъ въ черноту столбовъ дымовыхъ. Но тогда въ облетающей заросли можно было увидѣть спрятанный рядъ космоголовыхъ казаковъ, направляющихъ дула своихъ винтовокъ на гудящій набатъ; на клочковатыхъ своихъ лошадяхъ во всю прыть потомъ вылеталъ казацкій отрядъ: синіе бородатые люди, размахавшись нагайками, долго-долго съ гикомъ носились по осеннему лугу и туда, и сюда.

Такъ было въ селахъ.

Но такъ было и въ городахъ. Въ мастерскихъ, типографіяхъ, парикмахерскихъ, молочныхъ, трактирчикахъ все вертѣлся какой-то многорѣчивый субъектъ; нахлобучивъ на лобъ косматую черную шапку, завезенную, видно, съ полей обагренныхъ кровью Манджуріи, и засунувъ откуда-то взявшійся браунингъ въ боковой свой карманъ, многорѣчивый субъектъ многократно совалъ первому встрѣчному въ руку плохонабранный листикъ.

Всѣ чего-то ждали, боялись, надѣялись; при малѣйшемъ шумѣ высыпали быстро на улицу, собираясь въ толпу и опять разсыпаясь; въ Архангельскѣ такъ поступали лопари, корелы и финны; въ Нижне-Колымскѣ—тунгузы; на Днѣпрѣ—и жиды, и хохлы. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ — поступали такъ всѣ: поступали въ среднихъ, высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ: ждали, боялись, надѣялись; при малѣйшемъ шорохѣ высыпали быстро на улицу; собирались въ толпу и опять разсыпались.

Учащались ссоры на улицахъ: съ дворниками, сторожами;

Digitized by Microsoft®

учащались ссоры на улицахъ съ захудалымъ квартальнымъ; дворника, полицейскаго и особенно квартальнаго надзирателя задиралъ пренахально: рабочій, приготовишка, мѣщанинъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ съ супругой Иванихой, даже лавочникъ — первой гильдіи купецъ Пузановъ, отъ котораго въ лучшіе и недавно минувшіе дни околоточный разживался то осетринкой, то семушкой, то зернистой икоркой; но теперь вмѣсто семушки, осетринки, зернистой икорки на квартальнаго надзирателя вмѣстѣ съ прочею „сволочью" вдругъ возсталъ первой гильдіи, его степенство, купецъ Пузановъ, личность небезызвѣстная, многократно бывавшая въ губернаторскомъ домѣ, ибо какъ-никакъ,—рыбные промыслы и потомъ пароходство на Волгѣ: какъ никакъ, отъ такого случая присмирѣлъ околоточный. Сѣренькій самъ, въ сѣренькомъ своемъ пальтецо проходилъ онъ теперь незамѣтною тѣнью, подбирая почтительно шашку и держа внизъ глаза: а ему это въ спину словесныя замѣчанія, выговоръ, смѣхи и даже непристойная брань; участковый же приставъ на все это: „Не сумѣете снискать довѣрія у населенія, подавайте въ отставку". Ну и снискивалъ онъ довѣріе: бунтовалъ и онъ противъ произвола правительства, или онъ вступалъ въ особое соглашеніе съ обитателями пересыльной тюрьмы.

Такъ въ тѣ дни влачилъ свою жизнь околоточный надзиратель гдѣ-нибудь въ Кеми: такъ же онъ влачилъ эту жизнь въ Петербургѣ, Москвѣ, Оренбургѣ, Ташкентѣ, Сольвычегодскѣ, словомъ, въ тѣхъ городахъ (губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ), кои входятъ въ составъ Россійской Имперіи.

Петербургъ окружаетъ кольцо многотрубныхъ заводовъ. Многотысячный людской рой къ нимъ бредетъ по утрамъ; и кишмя кишитъ пригородъ; и роится народомъ. Всѣ заводы тогда волновались ужасно; и рабочіе представители толпъ превратились всѣ до единаго въ многорѣчивыхъ субъектовъ; среди нихъ циркулировалъ браунингъ; и еще кое-что. Тамъ обычные рои въ эти дни возрастали чрезмѣрно и сливались другъ съ другомъ въ многоголовую, многоголосую, огромную

Digitized by Microsoft ®

черноту; и фабричный инспекторъ хватался тогда за телефонную трубку: какъ, бывало, за трубку онъ схватится, такъ и знай: каменный градъ полетитъ изъ толпы въ оконныя стекла.

То волненье, охватившее кольцомъ Петербургъ, проникало какъ-то и въ самые петербургскіе центры, захватило сперва острова, перекинулось Литейнымъ и Николаевскимъ мостами; и оттуда хлынуло на Невскій Проспектъ: и хотя на Невскомъ Проспектѣ та же все была циркуляція людской многоножки, однако составъ многоножки измѣнялся разительно; опытный взоръ наблюдателя уже давно отмѣчалъ появленіе черной шапки косматой, нахлобученной, завезенной сюда съ полей обагренной кровью Манджуріи: то на Невскомъ Проспектѣ зашагалъ многорѣчивый субъектъ, и понизился вдругъ процентъ проходящихъ цилиндровъ; многорѣчивый субъектъ обнаруживалъ здѣсь свое исконное свойство: онъ тыкался плечами, запихавъ въ рукава пальцы изъ-зябшихъ рукъ; появились также на Невскомъ безпокойные выкрики противоправительственныхъ мальчишекъ, несшихся, что есть духъ, отъ вокзала къ Адмиралтейству и махавшихъ краснаго цвѣта журнальчиками.

Во всемъ прочемъ не было измѣненій; только разъ— Невскій залили толпы въ сопровожденіи духовенства: несли на рукахъ одинъ профессорскій гробъ, направляясь къ вокзалу: впереди же шло море зелени: развѣвались кровавыя атласныя ленты.

Дни стояли туманные, странные: проходилъ мерзлой поступью ядовитый октябрь; замороженная пыль носилась по городу бурыми вихрями; и покорно легъ на дорожкахъ Лѣтняго Сада золотой шопотъ лиственный, и покорно ложился у ногъ шелестящій багрецъ, чтобы виться и гнаться у ногъ прохожаго пѣшехода, и шушукать, сплетая изъ листьевъ желтокрасныя розсыпи словъ; та синичья сладкая пискотня, что̀ купалась весь августъ въ волнѣ лиственной, въ волнѣ лиственной не купалась давно: и сама синичка Лѣтняго Сада теперь сиротливо скакала въ черной сѣти изъ сучьевъ, по бронзовой загородкѣ да по крышѣ Петровскаго домика.

Digitized by Microsoft®

Таковы были дни. А ночи—выходилъ ли ты по ночамъ, забирался ли въ глухіе, подгородніе пустыри, чтобы слышать неотвязную, злую ноту на „ў“? Уууу-уууу-уууу: такъ звучало въ пространствѣ; звукъ—былъ ли то звукъ? Если то и былъ звукъ, онъ былъ несомнѣнно звукъ иного какого-то міра; достигалъ этотъ звукъ рѣдкой силы и ясности: „уууу-уууу-ууу“ раздалось негромко въ поляхъ пригородныхъ Москвы, Петербурга, Саратова: но фабричный гудокъ не гудѣлъ, вѣтра не было; и безмолвствовалъ песъ.

Слышалъ ли и ты октябревскую эту пѣсню тысяча девятьсотъ пятаго года? Этой пѣсни ранѣе не было; этой пѣсни не будетъ: никогда.

Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.

Проходя по красной лѣстницѣ Учрежденія, опираясь рукой о мраморъ холодный перилъ, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ зацѣпился носкомъ за сукно и—споткнулся; непроизвольно замедлился его шагъ; слѣдовательно: совершенно естественно, что очи его (безо всякой предвзятости) задержались на огромномъ портретѣ министра, устремившаго предъ собой грустный и сострадательный взглядъ.

По позвоночнику Аполлона Аполлоновича пробѣжала мурашка: въ Учрежденіи мало топили. Аполлону Аполлоновичу эта бѣлая комната показалась равниной.

Онъ боялся пространства.

Ихъ боялся онъ болѣе, чѣмъ зигзаговъ, чѣмъ ломаныхъ линій и секторовъ; деревенскій ландшафтъ его прямо пугалъ: за снѣгами и льдами тамъ, за лѣсною гребенчатой линіей поднимала пурга перекрестность воздушныхъ теченій; тамъ, по глупой случайности, онъ едва не замерзъ.

Это было тому назадъ пятьдесятъ лѣтъ.

Въ этотъ часъ своего одинокаго замерзанія будто чьи-то холодные пальцы, безсердечно ему просунувшись въ грудь, жестко погладили сердце: ледяная рука повела за собой; за ледяною рукою онъ шелъ по ступенямъ карьеры, предъ гла-

Digitized by Microsoft®

зами имѣя все тотъ же роковой, невѣроятный просторъ; тамъ, оттуда,—манила рука ледяная; и летѣла безмѣрность: Имперія Русская.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ за городскою стѣною засѣлъ много лѣтъ, всей душой ненавидя уѣздныя сиротливыя дали, дымокъ деревенекъ и на пугалѣ сидящую галку; только разъ эти дали дерзнулъ перерѣзать въ экспрессѣ онъ, направляясь съ отвѣтственнымъ порученіемъ изъ Петербурга въ Токіо.

О своемъ пребываньи въ Токіо Аполлонъ Аполлоновичъ никому не разсказывалъ.

Да—по поводу портрета министра... Онъ министру говаривалъ:

— „Россія—ледяная равнина, по которой много сотъ лѣтъ, какъ зарыскали волки...“

Министръ поглядывалъ на него бархатистымъ и душу ласкающимъ взглядомъ, гладя бѣлой рукой сѣдой холеный усъ; и молчалъ, и вздыхалъ. Министръ принималъ количество управляемыхъ вѣдомствъ, какъ мучительный, жертвенный, распинающій крестъ; онъ собирался-было по окончаніи службы...

Но онъ умеръ.

Теперь онъ покоился въ гробѣ; Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ теперь—совершенно одинъ; позади него—въ неизмѣримости убѣгали вѣка; впереди—ледяная рука открывала: неизмѣримости.

Неизмѣримости полетѣли на встрѣчу.

Русь, Русь! Видѣлъ—тебя онъ, тебя!

Это ты разревѣлась вѣтрами, буранами, снѣгомъ, дождемъ, гололедицей—разревѣлась ты милліонами живыхъ заклинающихъ голосовъ! Сенатору въ этотъ мигъ показалось, будто голосъ нѣкій въ пространствахъ его призываетъ съ одинокаго гробового бугра; не качается одинокій тамъ крестъ; не мигаетъ на снѣжные вихри лампадка; только волки голодные, собираяся въ стаи, жалко вторятъ вѣтрамъ.

Несомнѣнно въ сенаторѣ развивались съ теченіемъ лѣтъ боязни пространства.

Digitized by Microsoft®

Болѣзнь обострилась: со времени той трагической смерти; вѣрно образъ ушедшаго друга посѣщалъ его по ночамъ, чтобы въ долгія ночи поглядывать бархатнымъ взглядомъ, гладя бѣлой рукой сѣдой холеный усъ, потому что образъ ушедшаго друга постоянно теперь сочетался въ сознаніи со стихотворнымъ отрывкомъ:

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ...

Въ сознаніи Аполлона Аполлоновича тотъ отрывокъ вставалъ, когда онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, пересѣкалъ залъ.

За приведеннымъ стихотворнымъ отрывкомъ вставалъ стихотворный отрывокъ:

И мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій, —
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

Строй стихотворныхъ обрывковъ обрывался сердито:

И надъ землей сошлися новы тучи,
И ураганъ ихъ...

Вспоминая отрывки, Аполлонъ Аполлоновичъ становился особенно сухъ; и съ особою четкостью выбѣгалъ онъ къ просителямъ подавать свои пальцы.

Между тѣмъ разговоръ имѣлъ продолженіе.

Между тѣмъ разговоръ Николая Аполлоновича съ незнакомцемъ имѣлъ продолженіе.

— „Мнѣ поручено“, сказалъ незнакомецъ, принимая отъ Николая Аполлоновича пепельницу, „да: мнѣ поручено передать на храненіе вамъ этотъ вотъ узелочекъ“.

Digitized by Microsoft ®

— „Только-то!“ вскричалъ Николай Аполлоновичъ, еще не смѣя повѣрить, что смутившее его появленіе незнакомца, не касаясь нисколько того ужаснаго предложенія, всего-навсего связано съ безобиднѣйшимъ узелочкомъ; и въ порывѣ разсѣянной радости онъ готовъ уже былъ расцѣловать узелочекъ; и его лицо покрылось ужимками, проявляя бурную жизнь; онъ стремительно всталъ и направился къ узелочку; но тогда незнакомецъ почему-то всталъ тоже, и почему-то и онъ кинулся вдругъ межъ узелкомъ и Николай Аполлоновичемъ; а когда рука сенаторскаго сынка протянулась къ пресловутому узелку, то рука незнакомца пальцами безцеремонно охватила пальцы Николая Аполлоновича:

— „Осторожнѣе, ради Бога...“

Николай Аполлоновичъ, пьяный отъ радости, пробормоталъ какое-то невнятное извиненіе и опять протянулъ разсѣянно свою руку къ предмету; и вторично предметъ воспрепятствовалъ ему взять незнакомецъ, умоляюще протянувъ свою руку:

— „Нѣтъ: я серьезно прошу васъ быть бережнѣе, Николай Аполлоновичъ, бережнѣе...

— „Аа... да, да...“ Николай Аполлоновичъ и на этотъ разъ ничего не разслышалъ: но едва ухватилъ узелокъ онъ за край полотенца, какъ незнакомецъ на этотъ разъ прокричалъ ему въ ухо совершенно разсерженнымъ голосомъ...

— „Николай Аполлоновичъ, повторяю вамъ въ третій разъ: бе-ре-жнѣе...“

Николай Аполлоновичъ на этотъ разъ удивился...

— „Вѣроятно литература?...“

— „Ну, нѣтъ...“

. . . . . .

Въ это время раздался отчетливый металлическій звукъ: что-то щелкнуло; въ тишинѣ раздался тонкій пискъ пойманной мыши; въ то же мгновеніе опрокинулась мягкая табуретка и шаги незнакомца затопали въ уголъ:

— „Николай Аполлоновичъ, Николай Аполлоновичъ“, раздался испуганный его голосъ, „Николай Аполлоновичъ —

Digitized by Microsoft®

мышь, мышь... Поскорѣй прикажите слугѣ вашему... это, это... прибрать: это мнѣ... я не могу..."

Николай Аполлоновичъ, положивъ узелочекъ, удивился смятенію незнакомца:

— „Вы боитесь мышей?..."

— „Поскорѣй, поскорѣй унесите..."

Выскочивъ изъ своей комнаты и нажавъ кнопку звонка, Николай Аполлоновичъ представлялъ собою, признаться, пренелѣпое зрѣлище; но нелѣпѣе всего было то обстоятельство, что въ рукѣ онъ держалъ... трепетно бьющуюся мышку; мышка бѣгала, правда, въ проволочной ловушкѣ, но Николай Аполлоновичъ разсѣянно наклонилъ къ ловушкѣ вплотную примѣчательное лицо и съ величайшимъ вниманіемъ теперь разглядывалъ свою сѣрую плѣнницу, проводя длиннымъ холенымъ ногтемъ желтоватаго цвѣта по металлической проволокѣ.

— „Мышка"—поднялъ онъ глаза на лакея; и лакей почтительно повторилъ вслѣдъ за нимъ:

— „Мышка-съ... Она самая-съ..."

— „Ишь ты: бѣгаетъ, бѣгаетъ..."

— „Бѣгаетъ-съ..."

— „Тоже вотъ, боится..."

— „А какъ же-съ..."

Изъ открытой двери пріемной выглянулъ теперь незнакомецъ, посмотрѣлъ испуганно, и опять спрятался:

— „Нѣтъ—не могу..."

— „А они боятся-съ?.. Ничего: мышка звѣрь Божій... Какъ же-съ... И она тоже..."

Нѣсколько мгновеній и слуга, и баринъ были заняты созерцаніемъ плѣнницы; наконецъ почтенный слуга принялъ въ руки ловушку.

— „Мышка..." Повторилъ довольнымъ голосомъ Николай Аполлоновичъ и съ улыбкою возвратился къ ожидавшему гостю. Николай Аполлоновичъ съ особою нѣжностью относился къ мышамъ.

. . . . . .

Digitized by Microsoft®

Николай Аполлоновичъ понесъ наконецъ узелокъ въ свою рабочую комнату: какъ-то мелькомъ его поразилъ лишь тяжелый вѣсъ узелка; но надъ этимъ онъ не задумался; проходя въ кабинетъ, онъ споткнулся объ арабскій пестрый коверъ, зацѣпившись ногою о мягкую складку; въ узелкѣ тогда что-то звякнуло металлическимъ звукомъ; незнакомецъ съ черными усиками при этомъ звяканьѣ привскочилъ; рука незнакомца за спиной Николая Аполлоновича описала ту самую зигзагообразную линію, которой недавно такъ испугался сенаторъ.

Но ничего не случилось: Незнакомецъ увидѣлъ лишь, что въ сосѣдней комнатѣ на массивномъ креслѣ было пышно разложено красное домино и атласная черная масочка; незнакомецъ удивленно уставился на эту черную масочку (она его поразила, признаться), пока Николай Аполлоновичъ раскрывалъ свой письменный столъ и, опроставши достаточно мѣста, бережно туда клалъ узелочекъ; незнакомецъ съ черными усиками, продолжая разсматривать домино, между тѣмъ оживленно принялся высказывать одну свою основательно выношенную мысль:

— „Знаете... Одиночество убиваетъ меня. Я совсѣмъ разучился за эти мѣсяцы разговаривать. Не замѣчаете ли вы, Николай Аполлоновичъ, что слова мои путаются.

Николай Аполлоновичъ, подставляя гостю свою бухарскую спину, лишь разсѣянно процѣдилъ:

— „Ну это, знаете, бываетъ со всѣми“.

Николай Аполлоновичъ въ это время бережно прикрывалъ узелочекъ кабинетныхъ размѣровъ портретомъ, изображавшимъ брюнеточку; покрывая брюнеточкой узелокъ, Николай Аполлоновичъ призадумался, не отрывая глазъ отъ портрета; и лягушечье выраженіе на мгновенье прошлось на его блеклыхъ губахъ.

Въ спину же ему раздавались слова незнакомца.

— „Я путаюсь въ каждой фразѣ. Я хочу сказать одно слово, и вмѣсто него говорю вовсе не то: хожу все вокругъ да около... Или я вдругъ забываю, какъ называется, ну, самый

обыденный предметъ; и вспомнивъ, сомнѣваюсь, такъ ли это еще. Затвержу: лампа, лампа и лампа; а потомъ вдругъ покажется, что такого слова и нѣтъ: лампа. А спросить подчасъ некого; а если бы кто и былъ, то всякаго спросить—стыдно, знаете ли: за сумасшедшаго примутъ".

— „Да что вы..."

Кстати объ узелкѣ: еслибы Николай Аполлоновичъ повнимательнѣе бы отнесся къ словамъ своего посѣтителя быть бережнѣе съ узелкомъ, то вѣроятно онъ понялъ бы, что безобиднѣйшій въ его мнѣніи узелокъ былъ не такъ безобиденъ, но онъ, повторяю, былъ занятъ портретомъ; занятъ настолько, что нить словъ незнакомца потерялась въ его головѣ. И теперь поймавши слова, онъ едва понималъ ихъ. Въ спину же его все еще барабанила трескучая фистула:

— „Трудно жить, Николай Аполлоновичъ, выключеннымъ, какъ я, въ торичіэллевой пустотѣ"...

— „Торичіэллевой?"—удивился, не поворачивая спины, Николай Аполлоновичъ, ничего не разслышавшій.

— „Вотъ именно—торичіэллевой и это замѣтьте, во имя общественности, общественность, общество — а какое, позвольте спросить, общество я вижу? Общество нѣкой, вамъ неизвѣстной особы, общество моего домового дворника, Матвѣя Моржова, да общество сѣрыхъ мокрицъ: бббрр... у меня на чердакѣ развелись мокрицы... А? какъ вамъ это понравится, Николай Аполлоновичъ?

— „Да, знаете..."

— „Общее дѣло! Да оно давнымъ давно для меня превратилось въ личное дѣло, не позволяющее мнѣ видаться съ другими: общее дѣло-то вѣдь и выключило меня изъ списка живыхъ".

Незнакомецъ съ черными усиками повидимому совершенно случайно попалъ на свою любимую тему; и попавъ совершенно случайно на свою любимую тему, незнакомецъ съ черными усиками позабылъ о цѣли прихода, позабылъ вѣроятно онъ и свой мокренькій узелочекъ, даже позабылъ количество истребляемыхъ папиросъ, умножившихъ зловоніе;

какъ и всѣ къ молчанію насильственно принужденные и отъ природы болтливые люди, онъ испытывалъ иногда невыразимую потребность сообщить кому бы то ни было мысленный свой итогъ: другу, недругу, дворнику, городовому, ребенку, даже... парикмахерской куклѣ, выставленной въ окнѣ. По ночамъ иногда незнакомецъ самъ съ собой разговаривалъ. Въ обстановкѣ роскошной, пестрой пріемной эта потребность поговорить вдругъ неодолимо проснулась, какъ своего рода запой послѣ мѣсячнаго воздержанья отъ водки.

— „Я—безъ шутки: какая тамъ шутка; въ этой шуткѣ вѣдь я проживаю два слишкомъ года; это вамъ позволительно шутить, вамъ, включенному во всякое общество; а мое общество—общество клоповъ и мокрицъ. Я—я. Слышите ли вы меня?“

— „Разумѣется слышу“.

Николай Аполлоновичъ теперь дѣйствительно слушалъ.

— „Я—я: а мнѣ говорятъ, будто я—не я, а какіе-то „мы“. Но позвольте — почему это? А вотъ память разстроилась: плохой знакъ, плохой знакъ, указывающій на начало какого-то мозгового разстройства“—незнакомецъ съ черными усиками зашагалъ изъ угла въ уголъ—„знаете одиночество убиваетъ меня. И подчасъ даже сердишься: общее дѣло, соціальное равенство, а...“

Тутъ незнакомецъ вдругъ прервалъ свою рѣчь, потому что Николай Аполлоновичъ, задвинувшій столъ, повернулся теперь къ незнакомцу и увидѣвъ, что этотъ послѣдній шагаетъ уже по его кабинетику, соря пепломъ на столъ, на атласное красное домино; и увидѣвъ все то, Николай Аполлоновичъ вслѣдствіе какой-то уму непостижной причины густо такъ покраснѣлъ и бросился убирать домино; этимъ только онъ способствовалъ перемѣнѣ поля вниманья въ мозгу незнакомца:

— „Какое прекрасное домино, Николай Аполлоновичъ“.

Николай Аполлоновичъ бросился къ домино, какъ будто его онъ хотѣлъ прикрыть пестрымъ халатомъ, но опоздалъ: яркошуршащій шелкъ незнакомецъ пощупалъ рукою:

— „Прекрасный шелкъ... Вѣрно дорого стоитъ: вы, вѣроятно, посѣщаете, Николай Аполлоновичъ, маскарады...“

Но Николай Аполлоновичъ покраснѣлъ еще пуще:

— „Да, такъ себѣ...“

Почти вырвалъ онъ домино и пошелъ его упрятывать въ шкафъ, точно уличенный въ преступности; точно пойманный воръ суетливо запряталъ онъ домино; точно пойманный воръ пробѣжалъ обратно за масочкой; спрятавши все, онъ теперь успокоился, тяжело дыша и подозрительно поглядывая на незнакомца; но незнакомецъ, признаться, ужъ забылъ домино и теперь вернулся къ своей излюбленной темѣ, все время продолжая расхаживать и посаривать пепломъ.

— „Ха, ха, ха!“—трещалъ незнакомецъ, и быстро закуривалъ на ходу папироску.—„Васъ удивляетъ, какъ я могу доселѣ быть дѣятелемъ небезызвѣстныхъ движеній, освободительныхъ для однихъ и весьма стѣснительныхъ для другихъ, ну, хотя бы для вашего батюшки? Я и самъ удивляюсь; это все ерунда, что я дѣйствую до послѣдней поры по строго выработанной программѣ: это вѣдь—слушайте: я дѣйствую по своему усмотрѣнію; но что прикажете дѣлать, мое усмотрѣніе всякій разъ проводитъ въ ихъ дѣятельности только новую колею; собственно говоря не я въ партіи, во мнѣ партія... Это васъ удивляетъ?

— „Да, признаться: это меня удивляетъ; и признаться, я бы вовсе не сталъ съ вами дѣйствовать вмѣстѣ“. Николай Аполлоновичъ начиналъ внимательнѣй внимать рѣчамъ незнакомца, становившимся все округленнѣе, все звучнѣй.

— „А вѣдь все-таки вы узелочекъ-то мой отъ меня взяли: вотъ мы, стало быть, дѣйствуемъ заодно“.

— „Ну, это въ счетъ не можетъ итти; какое тутъ дѣйствіе...“

— „Ну, конечно, конечно“,—перебилъ его незнакомецъ,—„это я пошутилъ“. И онъ помолчалъ, посмотрѣлъ ласково на Николая Аполлоновича и сказалъ на этотъ разъ совершенно открыто.

— „Знаете, я давно хотѣлъ видѣться съ вами: поговорить

Digitized by Microsoft®

по душамъ; я такъ мало съ кѣмъ вижусь. Мнѣ хотѣлось разсказать о себѣ. Я вѣдь—неуловимый не только для противниковъ движенія, но и для недостаточныхъ доброжелателей онаго. Такъ сказать, квинтъ-эссенція революціи, а вотъ странно: все то вы знаете про методику соціальныхъ явленій, углубляетесь въ діаграммы, въ статистику, вѣроятно знаете въ совершенствѣ и Маркса; а вотъ я—я ничего не читалъ; вы не думаете: я начитанъ, и очень, только я не о томъ, не о цифрахъ статистики.

— „Такъ о чемъ же вы?.. Нѣтъ, позвольте, позвольте: у меня въ шкапчикѣ есть коньякъ—хотите?"

— „Не прочь..."

Николай Аполлоновичъ полѣзъ въ маленькій шкапчикъ: скоро передъ гостемъ показался граненый графинчикъ и двѣ граненыя рюмочки.

Николай Аполлоновичъ во время бесѣды съ гостями гостей потчивалъ коньякомъ.

Наливая гостю коньякъ съ величайшей разсѣянностью (какъ и всѣ Аблеуховы, былъ онъ разсѣянъ), Николай Аполлоновичъ все думалъ о томъ, что сейчасъ выгодно представлялся ему удобнѣйшій случай отказаться вовсе отъ т о г д а ш н я г о предложенія; но когда онъ хотѣлъ словесно выразить свою мысль, онъ сконфузился: онъ изъ трусости не хотѣлъ предъ лицомъ незнакомца выказать трусость; да и кромѣ того: онъ на радостяхъ не хотѣлъ бременить себя щекотливѣйшимъ разговоромъ, когда можно было отказаться и письменно.

— „Я читаю теперь Конанъ-Дойля, для отдыха:—трещалъ незнакомецъ,—не сердитесь—это шутка, конечно. Впрочемъ, пусть и не шутка; вѣдь если признаться, кругъ моихъ чтеній для васъ будетъ такъ же все дикъ: я читаю исторію гностицизма, Григорія Нисскаго, Сиріанина, Апокалипсисъ. Въ этомъ, знаете, — моя привилегія; какъ-никакъ — я полковникъ движенія, съ полей дѣятельности переведенный (за заслуги) и въ штабъ-квартиру. Да, да, да: я—полковникъ. За выслугой лѣтъ, разумѣется; а вотъ вы, Николай Аполлоновичъ, со

Digitized by Microsoft®

своею методикой и умомъ, вы — унтеръ: вы, во-первыхъ, унтеръ потому, что вы теоретикъ; а на счетъ теоріи у генераловъ-то нашихъ — плоховаты дѣла; вѣдь признайтесь-ка — плоховаты; и они — точь-въ-точь архиреи, архиреи же изъ монаховъ; и молоденькій академистъ, изучившій Горнака, но прошедшій мимо опытной школы, не побывшій у схимника, — для архіерея только досадный церковный придатокъ; вотъ и вы со всѣми своими теоріями — придатокъ; повѣрьте, досадный.

— „Да вѣдь въ вашихъ словахъ слышу я народовольческій привкусъ".

— „Ну такъ что-жъ? Съ народовольцами сила, не съ марксистами же. Но простите, отвлекся я... я о чемъ? Да о выслугѣ лѣтъ и о чтеніи. Такъ вотъ: оригинальность умственной моей пищи все отъ того же чудачества; я такой же революціонный фанфаронъ, какъ любой фанфаронъ вояка съ Георгіемъ: старому фанфарону, рубакѣ, все простятъ.

Незнакомецъ задумался, налилъ рюмочку: выпилъ — налилъ еще.

— „Да и какъ же мнѣ не найти своего, личнаго, самого по себѣ: я и такъ ужъ, кажется, проживаю приватно — въ четырехъ желтыхъ стѣнахъ; моя слава растетъ, общество повторяетъ мою партійную кличку, а кругъ лицъ, стоящихъ со мною въ человѣческихъ отношеніяхъ, вѣрьте, равенъ нулю; обо мнѣ впервые узнали, въ то славное время, когда я засѣлъ въ сорокапятиградусный морозъ..."

— „Вы вѣдь были сосланы?"

— „Да, въ Якутскую область".

Наступило неловкое молчаніе. Незнакомецъ съ черными усиками изъ окошка посмотрѣлъ на пространство Невы; взвѣсилась тамъ блѣдносѣрая гнилость: тамъ былъ край земли и тамъ былъ конецъ безконечностямъ; тамъ сквозь сѣрость и гнилость уже что-то шепталъ ядовитый Октябрь, ударяя о стекла слезами и вѣтромъ; и дождливыя слезы на стеклахъ догоняли другъ друга, чтобы виться въ ручьи и чертить крючковатые знаки словъ; въ трубахъ слышалась

Digitized by Microsoft®

сладкая пискотня вѣтра, а сѣть черныхъ трубъ, издалека-далека, посылала подъ небо свой дымъ. И дымъ падалъ хвостами надъ темноцвѣтными водами. Незнакомецъ съ черными усиками прикоснулся губами къ рюмочкѣ, посмотрѣлъ на желтую влагу: его руки дрожали.

Николай Аполлоновичъ, теперь внимательно слушавшій, сказалъ съ какою-то... почти злобою:

— „Ну, а толпамъ-то, Александръ Ивановичъ, вы, надѣюсь, пока о своихъ мечтаньяхъ ни слова?...“

— „Разумѣется пока промолчу“.

— „Такъ значитъ вы лжете; извините, но суть не въ словахъ: вы все-таки лжете и лжете разъ навсегда“.

Незнакомецъ посмотрѣлъ изумленно и продолжалъ довольно-таки некстати:

— „Я пока все читаю и думаю: и все это исключительно для себя одного: отъ того-то я и читаю Григорія Нисскаго“.

Наступило молчаніе. Опрокинувши новую рюмку, изъ-подъ облака табачнаго дыма незнакомецъ выглядывалъ побѣдителемъ; разумѣется, онъ все время курилъ. Молчаніе прервалъ Николай Аполлоновичъ.

— „Ну, а по возвращеніи изъ Якутской Области?“

— Изъ Якутской Области я удачно бѣжалъ; меня вывезли въ бочкѣ изъ-подъ капусты; и теперь я есмь то, что я есмь: дѣятель изъ подполья; только не думайте, чтобы я дѣйствовалъ во имя соціальныхъ утопій или во имя вашего желѣзнодорожнаго мышленія: категоріи ваши напоминаютъ мнѣ рельсы, а жизнь ваша — летящій на рельсахъ вагонъ: въ ту пору я былъ отчаяннымъ ницшеанцемъ. Мы всѣ ницшеанцы: вѣдь и вы — инженеръ вашей желѣзнодорожной линіи, творецъ схемы—и вы ницшеанецъ; только вы въ этомъ никогда не признаетесь. Ну такъ вотъ: для насъ, ницшеанцевъ, агитаціонно настроенная и волнуемая соціальными инстинктами масса (какъ сказали бы вы) превращается въ исполнительный аппаратъ (тоже ваше инженерное выраженіе), гдѣ люди (даже такіе, какъ вы) — клавіатура, на которой пальцы пьяниста (замѣтьте: это выраженіе мое) летаютъ свободно, пре-

Digitized by Microsoft®

одолѣвая трудность для трудности; и пока какой-нибудь партерный слюнтяй подъ концертной эстрадой внимаетъ божественнымъ звукамъ Бетховена, для артиста да и для Бетховена—суть не въ звукахъ, а въ какомъ-нибудь септъ-аккордѣ. Вѣдь вы знаете что̀ такое септъ-аккордъ? Таковыми-то мы всѣ".

— „То-есть, спортсмены отъ революціи".

— „Что-жъ, развѣ спортсменъ не артистъ? Я спортсменъ изъ чистой любви къ искусству: и потому я — артистъ. Изъ неоформленной глины общества хорошо лѣпить въ вѣчность замѣчательный бюстъ.

— „Но позвольте, позвольте, — вы впадаете въ противорѣчіе: септъ-аккордъ, то-есть формула, терминъ, и бюстъ, то-есть нѣчто живое? Техника — и вдохновеніе творчествомъ? Технику я понимаю прекрасно.

Неловкое молчаніе наступило опять: Николай Аполлоновичъ съ раздраженіемъ выщипывалъ конскій волосъ изъ своего пестротканнаго ложа; въ теоретическій споръ не считалъ онъ нужнымъ вступать; онъ привыкъ спорить правильно, не метаться отъ темы къ темѣ.

— „Все на свѣтѣ построено на контрастахъ: и моя польза для общества привела меня въ унылыя ледяныя пространства; здѣсь пока меня поминали, позабыли вѣрно и вовсе, что тамъ я—одинъ, въ пустотѣ: и по мѣрѣ того, какъ я уходилъ въ пустоту, возвышаясь надъ рядовыми, даже надъ унтерами (незнакомецъ усмѣхнулся беззлобно и пощипывалъ усикъ)—съ меня постепенно свалились всѣ партійные предразсудки, всѣ категоріи, какъ сказали бы вы: у меня съ Якутской Области, знаете ли, одна категорія. И знаете ли какая?"

— „Какая?"

— „Категорія льда..."

— „То-есть какъ это?"

Отъ думъ или отъ выпитаго вина только лицо Александра Ивановича дѣйствительно приняло какое-то странное выраженіе; разительно измѣнился онъ и въ цвѣтѣ, и даже въ

объемѣ лица (есть такія лица, что мгновенно мѣняются); онъ казался теперь окончательно выпитымъ.

— „Категорія льда — это льды Якутской губерніи; ихъ я, знаете ли, ношу въ своемъ сердцѣ; это они меня отдѣляютъ отъ всѣхъ; ледъ ношу я съ собою; да, да, да: ледъ меня отдѣляетъ; отдѣляетъ, во-первыхъ, какъ нелегальнаго человѣка, проживающаго по фальшивому паспорту; во-вторыхъ, въ этомъ льду впервые созрѣло во мнѣ то особое ощущеніе: будто даже когда я на людяхъ, я закинутъ въ неизмѣримость...“

Незнакомецъ съ черными усиками незамѣтно подкрался къ окошку; тамъ, за стеклами, въ зеленоватомъ туманѣ проходилъ гренадерскій взводъ: проходили рослые молодцы и всѣ въ сѣрыхъ шинеляхъ. Размахавшись лѣвой рукой, проходили они: проходилъ рядъ за рядомъ, штыки прочернѣли въ туманѣ.

Николай Аполлоновичъ ощутилъ странный холодъ: ему стало вновь непріятно: обѣщаніе его партіи еще не было взято обратно; слушая теперь незнакомца, Николай Аполлоновичъ перетрусилъ: Николай Аполлоновичъ, какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ пространствъ не любилъ; еще болѣе его ужасали ледяныя пространства, явственно такъ повѣявшія на него отъ словъ Александра Ивановича.

Александръ же Ивановичъ тамъ, у окна, улыбался...

— „Артикулъ революціи мнѣ не нуженъ: это вамъ, теоретикамъ, публицистамъ, философамъ артикулъ“.

Тутъ онъ, глядя въ окошко, оборвалъ стремительно свою рѣчь; соскочивъ съ подоконника, онъ упорно сталъ глядѣть въ туманную слякоть; дѣло было вотъ въ чемъ: изъ туманной слякоти подкатила карета; Александъ Ивановичъ увидѣлъ и то, какъ распахнулось каретное дверце, и то какъ Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ въ сѣромъ пальто и въ высокомъ черномъ цилиндрѣ съ каменнымъ лицомъ, напоминающимъ пресс-папье, быстро выскочилъ изъ кареты, бросивъ мгновенный и испуганный взглядъ на зеркальные отблески стеколъ; быстро онъ кинулся на подъѣздъ, на ходу разстегнувши

Digitized by Microsoft®

черную лайковую перчатку. Александръ Ивановичъ, въ свою очередь теперь испугавшись чего-то, неожиданно поднесъ руку къ глазамъ, точно онъ хотѣлъ закрыться отъ одной назойливой мысли. Сдавленный шопотъ вырвался у него изъ груди.

— „Онъ...“

— „Что̀ такое?“

Николай Аполлоновичъ подошелъ къ окну теперь тоже.

— „Ничего особеннаго: вонъ подъѣхалъ въ каретѣ вашъ батюшка“.

Стѣны—снѣга, а не стѣны!

Аполлонъ Аполлоновичъ не любилъ своей просторной квартиры; мебель тамъ блистала такъ докучно, такъ вѣчно: а когда надѣвали чехлы, мебель въ бѣлыхъ чехлахъ предстояла взорамъ снѣжными холмами; гулко, четко паркеты здѣсь отдавали поступь сенатора.

Гулко, четко такъ отдавалъ поступь сенатора залъ, представлявшій собой скорѣе корридоръ широчайшихъ размѣровъ. Съ изошедшаго бѣлыми гирляндами потолка, изъ лѣпного плодоваго круга опускалась тамъ люстра съ стекляшками горнаго хрусталя; одѣтая кисейнымъ чехломъ; будто сквозная, равномѣрно люстра раскачивалась и дрожала хрустальной слезой.

А паркетъ, точно зеркало, разблистался квадратиками.

Стѣны—снѣгъ, а не стѣны; эти стѣны всюду были уставлены высоконогими стульями; ихъ высокія бѣлыя ножки изошли въ золотыхъ желобкахъ; отовсюду межъ стульевъ, обитыхъ палевымъ плюшемъ, поднимались столбики бѣлаго алебастра; и со всѣхъ бѣлыхъ столбиковъ высится алебастровый Архимедъ. Не Архимедъ — разные Архимеды, ибо ихъ совокупное имя—древнегреческій мужъ. Холодно просверкало со стѣнъ строгое ледяное стекло; но какая-то заботливая рука по стѣнамъ развѣсила круглыя рамы; подъ стекломъ выступала блѣднотонная живопись; блѣднотонная живопись подражала фрескамъ Помпеи.

Digitized by Microsoft®

Аполлонъ Аполлоновичъ мимоходомъ взглянулъ на помпейскія фрески и вспомнилъ, чья заботливая рука поразвѣсила ихъ по стѣнамъ; заботливая рука принадлежала Аннѣ Петровнѣ: Аполлонъ Аполлоновичъ брезгливо поджалъ свои губы и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ; у себя въ кабинетѣ Аполлонъ Аполлоновичъ имѣлъ обычай запираться на ключъ; безотчетную грусть вызывали пространства комнатной амфилады; все оттуда, казалось, на него побѣжитъ кто-то вѣчно знакомый и странный; Аполлонъ Аполлоновичъ съ большой охотой перебрался бы изъ своего огромнаго помѣщенія въ помѣщеніе болѣе скромное; вѣдь живали же его подчиненные въ болѣе скромныхъ квартирочкахъ; а вотъ онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, долженъ былъ отказаться навѣкъ отъ плѣнительной тѣсноты: высота поста его къ тому вынуждала; такъ былъ вынужденъ Аполлонъ Аполлоновичъ праздно томиться въ холодной квартирѣ на набережной; вспоминалъ онъ частенько и былую обитательницу этихъ блещущихъ комнатъ: Анну Петровну. Два уже года, какъ Анна Петровна уѣхала отъ него съ итальянскимъ артистомъ.

Особа.

Съ появленьемъ сенатора незнакомецъ сталъ нервничать; оборвалась его доселѣ гладкая рѣчь: вѣроятно, дѣйствовалъ алкоголь; говоря вообще, здоровье Александра Ивановича внушало серьезное опасеніе; разговоры его съ самимъ собой и съ другими вызывали въ немъ какое-то грѣшное состояніе духа, отражались мучительно въ спинномозговой позвоночной струнѣ; въ немъ появилась какая-то мрачная гадливость въ отношеніи къ его волновавшему разговору; гадливость ту онъ, далѣе, переносилъ на себя; съ виду эти невинные разговоры его разслабляли ужасно, но всего непріятнѣе было то обстоятельство, что чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе развивалось въ немъ желаніе говорить и еще: до хрипоты, до вяжущаго ощущенія въ горлѣ; онъ уже остановиться не могъ, изнуряя себя все болѣе, болѣе: иногда

Digitized by Microsoft®

онъ договаривался до того, что послѣ ощущалъ настоящіе припадки маніи преслѣдованія: возникая въ словахъ, они продолжались въ снахъ: временами его необыкновенно зловѣщіе сны учащались: сонъ слѣдовалъ за сномъ; иногда въ ночь по три кошмара; въ этихъ снахъ его обступали все какія-то хари (почему-то чаще всего татары, японцы или вообще восточные человѣки); эти хари неизмѣнно носили тотъ же пакостный отпечатокъ; пакостными своими глазами все подмигивали ему; но что̀ всего удивительнѣе, что въ это время неизмѣнно ему вспоминалось безсмысленнѣйшее слово, будто бы кабаллистическое, а на самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ каковское: енфраншишъ; при помощи этого слова онъ боролся въ снахъ съ обступавшими толпами духовъ. Далѣе: появлялось и на яву одно роковое лицо на кускѣ темножелтыхъ обой его обиталища; наконецъ, изрѣдка всякая дрянь начинала мерещиться: и мерещилась она среди бѣлаго дня, если подлинно осенью въ Петербургѣ день бѣлый, а не желтозеленый съ мрачношафранными отсвѣтами; и тогда Александръ Ивановичъ испытывалъ то же все, что̀ вчера испыталъ и сенаторъ, встрѣтивъ его, Александра Ивановича, взоръ. Всѣ тѣ роковыя явленья начинались въ немъ приступами смертельной тоски, вызванной, по всей вѣроятности, продолжительнымъ сидѣньемъ на мѣстѣ: и тогда Александръ Ивановичъ начиналъ испуганно выбѣгать въ зеленожелтый туманъ (вопреки опасности быть выслѣженнымъ); бѣгая по улицамъ Петербурга, забѣгалъ онъ въ трактирчики. Такъ на сцену являлся и алкоголь. За алкоголемъ являлось мгновенно и позорное чувство: къ ножкѣ, виноватъ, къ чулку ножки одной простодушной курсисточки, совершенно безотносительно ея самой; начинались совершенно невидныя съ виду шуточки, подхихикиванья, усмѣшки. Все оканчивалось дикимъ и кошмарнымъ сномъ съ енфраншишъ.

Обо всемъ этомъ Александръ Ивановичъ вспомнилъ и передернулъ плечами: будто съ приходомъ сенатора въ этотъ домъ все то вновь въ его душѣ поднялось; все какая-то посторонняя мысль не давала ему покоя; иногда, невзначай,

Digitized by Microsoft®

подходилъ онъ къ двери и слушалъ едва долетавшій гулъ удаленныхъ шаговъ; вѣроятно это расхаживалъ у себя въ кабинетѣ сенаторъ.

Чтобъ оборвать свои мысли, Александръ Ивановичъ снова сталъ изливать эти мысли въ тускловатыя рѣчи:

— „Вы вотъ слушаете, Николай Аполлоновичъ мою болтовню: а между тѣмъ и тутъ: во всѣхъ этихъ моихъ разговорахъ, напримѣръ въ утвержденіи моей личности, опять-таки примѣшалось недомоганіе. Я вотъ вамъ говорю, спорю, съ вами—не съ вами я спорю, а съ собою, лишь съ собою. Собесѣдникъ вѣдь для меня ничто равно не значитъ: я умѣю говорить со стѣнами, съ тумбами, съ совершенными идіотами. Я чужія мысли не слушаю: то-есть слышу я только то, что̀ касается меня, моего. Я борюсь, Николай Аполлоновичъ: одиночество на меня нападаетъ: я часами, днями, недѣлями сижу у себя на чердакѣ и курю. Тогда мнѣ начинаетъ казаться, что в с е н е т о. Знаете ли вы это состояніе?“

— „Не могу ясно представить. Слышалъ, что это бываетъ отъ сердца. Вотъ при видѣ пространства, когда нѣтъ кругомъ ничего... Это понятнѣе мнѣ“.

— „Ну, а я—нѣтъ: такъ вотъ, сидишь себѣ и говоришь, почему я — я: и кажется, что не я... И знаете, столикъ это стоитъ себѣ передо мною. И чортъ его знаетъ, что̀ онъ такое: и столикъ — не столикъ. И вотъ говоришь себѣ: чортъ знаетъ что̀ со мной сдѣлала жизнь. И хочется, чтобы я—стало я... А тутъ м ы... Я вообще презираю всѣ слова на е р ы, въ самомъ звукѣ ы сидитъ какая-то татарщина, монгольство, что ли, востокъ. Вы послушайте: ы. Ни одинъ культурный языкъ „ы“ не знаетъ: что-то тупое, циничное, склизкое“.

Тутъ незнакомецъ съ черными усиками вспомнилъ лицо одной его раздражавшей особы; и оно напомнило ему букву „еры“.

Николай Аполлоновичъ, какъ нарочно, вступилъ съ Александромъ Ивановичемъ въ разговоръ.

— „Вы вотъ все о величіи личности: а скажите, развѣ надъ вами контроля нѣтъ; сами-то вы не связаны?“

Digitized by Microsoft®

— „Вы, Николай Аполлоновичъ, о нѣкой особѣ?

— „Я ни о комъ ровно: я такъ...“

— „Да — вы правы: нѣкая особа появилась вскорѣ послѣ моего бѣгства изъ льдовъ: появилась она въ Гельсингфорсѣ“.

— „Это, что же особа-то—инстанція вашей партіи?“

— „Высшая: это вотъ вокругъ нея-то и совершается бѣгъ событій: можетъ быть, крупнѣйшихъ событій: вы особу-то знаете?“

— „Нѣтъ, не знаю“.

— „А я знаю“.

— „Ну вотъ видите: давече вы сказали, что будто вы и не въ партіи вовсе, а въ васъ—партія; какъ же это выходитъ: стало быть, сами-то вы въ нѣкой особѣ“.

— „Ахъ, да она видитъ центръ свой во мнѣ“.

— „А бремена?“

Незнакомецъ вздрогнулъ.

— „Да, да, да: тысячу разъ да; нѣкая особа возлагаетъ на меня тягчайшія бремена; бремена меня заключаютъ все въ тотъ же все холодъ: въ холодъ Якутской губерніи“.

— „Стало быть“, — съострилъ Николай Аполлоновичъ, — „физическая равнина не столь удаленной губерніи превратилась-таки въ метафизическую равнину души“.

— „Да, душа моя, точно міровое пространство; и оттуда, изъ мірового пространства, я на все и смотрю“.

— „Послушайте, а у васъ тамъ...“

— „Міровое пространство“, — перебилъ его Александръ Ивановичъ, — „порой меня докучаетъ, отчаянно докучаютъ. Знаете, что̀ я называю пространствомъ?“

И не дожидаясь отвѣта, Александръ Иванычъ прибавилъ:

— „Я называю тѣмъ пространствомъ мое обиталище на Васильевскомъ Островѣ: четыре перпендикулярныхъ стѣны, оклеенныхъ обоями темновато-желтаго цвѣта; когда я засяду въ этихъ стѣнахъ, то ко мнѣ никто не приходитъ: приходитъ

Digitized by Microsoft®

домовой дворникъ, Матвѣй Моржевъ; да еще въ предѣлы тѣ попадаетъ о с о б а".

— „Какъ же вы попали туда?"

— „Да—о с о б а..."

— „Опять особа?"

— „Все она же: здѣсь-то и обернулась она, такъ сказать, стражемъ моего сырого порога; захоти она, и въ цѣляхъ безопасности я могу недѣлями тамъ безвыходно просидѣть; вѣдь появленіе мое на улицахъ всегда представляетъ опасность".

— „Вотъ откуда бросаете вы на русскую жизнь тѣнь—тѣнь Неуловимаго".

— „Да, изъ четырехъ желтыхъ стѣнокъ".

— „Да послушайте: гдѣ же ваша свобода, откуда она", потѣшался Николай Аполлоновичъ, словно мстя за давишнія слова, „ваша свобода развѣ что отъ двѣнадцати подъ рядъ выкуренныхъ папиросъ. Слушайте, вѣдь о с о б а-то васъ уловила. Сколько вы платите за помѣщеніе?"

— „Двѣнадцать рублей; нѣтъ, позвольте—съ полтиною".

— „Здѣсь-то вы предаетесь созерцанію міровыхъ пространствъ?"

— „Да, здѣсь: и здѣсь все не то—предметы не предметы: здѣсь-то я пришелъ къ убѣжденію, что окно—не окно; окно—вырѣзъ въ необъятность".

— „Вѣроятно, здѣсь пришли вы къ мысли о томъ, что верхи движенія вѣдаютъ то, что̀ низамъ недоступно, ибо верхъ",—продолжалъ свои издѣвательства Николай Аполлоновичъ,—„что̀ есть верхъ?"

Но Александръ Ивановичъ отвѣтилъ спокойно:

— „Верхъ движенія—міровая, бездонная пустота".

— „Для чего же все прочее?"

Александръ Ивановичъ одушевился.

— „Да во имя болѣзни..."

— „Какъ болѣзни?"

— „Да той самой болѣзни, которая такъ изводитъ меня: странное имя болѣзни той мнѣ еще пока неизвѣстно, а вотъ

Digitized by Microsoft®

признаки знаю отлично: безотчетность тоски, галлюцинаціи, страхи, водка, куреніе; отъ водки—частая и тупая боль въ головѣ; наконецъ, особое спинно-мозговое чувство: оно мучаетъ по утрамъ. А вы думаете, это я одинъ боленъ? Какъ бы не такъ: и вы, Николай Аполлоновичъ,—и вы—больны тоже. Больны — почти всѣ. Ахъ, оставьте, пожалуйста; знаю, знаю все напередъ, что̀ вы скажете, и вотъ все-таки: ха-ха-ха!—почти всѣ идейные сотрудники партіи—и они больны тою же болѣзнью; ея черты во мнѣ развѣ что рельефнѣе подчеркнулись. Знаете: я еще въ стародавніе годы при встрѣчахъ съ партійнымъ товарищемъ любилъ, знаете ли, его изучать; вотъ бывало—многочасовое собраніе, дѣла, дымъ, разговоры и все о такомъ благородномъ, возвышенномъ, и товарищъ мой кипятится, а потомъ, знаете ли, этотъ товарищъ позоветъ въ ресторанъ".

— „Ну такъ что̀ же изъ этого?"

— „Ну, само собою разумѣется, водка; и прочее; рюмка за рюмкой; а я ужъ смотрю; если послѣ выпитой рюмки у губъ этого собесѣдника появилась вотъ эдакая усмѣшечка (какая, этого, Николай Аполлоновичъ, я вамъ сказать не сумѣю), такъ я ужъ и знаю: на моего идейнаго собесѣдника положиться нельзя; ни словамъ его вѣрить нельзя, ни дѣйствіямъ: этотъ мой собесѣдникъ боленъ безволіемъ, неврастеніей; и ничто, вѣрьте, не гарантируетъ его отъ размягченія мозга: такой собесѣдникъ способенъ не только въ трудное время не выполнить обѣщанія (Николай Аполлоновичъ вздрогнулъ); онъ способенъ просто-напросто и украсть, и предать, и изнасиловать дѣвочку. И присутствіе его въ партіи—провокація, провокація, ужасная провокація. Съ той поры и открылось мнѣ все значеніе, знаете ли, вонъ эдакихъ складочекъ около губъ, слабостей, смѣшечковъ, ужимочекъ; и куда я ни обращаю глаза, всюду, всюду меня встрѣчаетъ одно сплошное мозговое разстройство, одна общая, тайная, неуловимо развитая провокація, вотъ т а к о й в о т ъ подъ общимъ дѣломъ смѣшечекъ—какой, этого я вамъ, Николай Аполлоновичъ, точно, пожалуй, и не выскажу вовсе. Только

Digitized by Microsoft ®

я его умѣю угадывать безошибочно; угадалъ его и у васъ".

— „А у васъ его нѣтъ?"

— „Есть и у меня: я давно пересталъ довѣрять всякому общему дѣлу".

— „Такъ вы, стало быть, провокаторъ. Вы не обижайтесь: я говорю о чисто идейной провокаціи".

— „Я. Да, да, да. Я—провокаторъ. Но все мое провокаторство во имя одной великой, куда-то тайно влекущей идеи; и опять-таки не идеи, а—вѣянья.

— „Какое же вѣянье?"

— „Если ужъ говорить о вѣяньи, то его опредѣлить при помощи словъ не могу: я могу назвать его общею жаждою смерти; и я имъ упиваюсь съ восторгомъ, съ блаженствомъ, съ ужасомъ".

— „Къ тому времени, какъ вы стали, по вашимъ словьмъ, упиваться вѣяніемъ смерти, у васъ, вѣрно, и появилась та складочка".

— „И появилась".

— „И вы стали покуривать, попивать".

— „Да, да, да: появились еще особыя любострастныя чувства: знаете, ни въ кого изъ женщинъ я не былъ влюбленъ: былъ влюбленъ—какъ бы это сказать: въ отдѣльныя части женскаго тѣла, въ туалетныя принадлежности, въ чулки, напримѣръ. А мужчины въ меня влюблялись".

— „Ну, а нѣкая особа появилась въ то именно время".

— „Какъ я ее ненавижу. Вѣдь вы знаете—да навѣрное знаете не по волѣ своей, а по волѣ вверхъ меня возносившей судьбы—судьбы Неуловимаго—личность моя, Александра Ивановича, превратилась въ придатокъ собственной тѣни. Тѣнь Неуловимаго — знаютъ; меня — Александра Ивановича Дудкина, знать не знаетъ никто; и не хочетъ знать. А вѣдь голодалъ, холодалъ и вообще испытывалъ что-либо не Неуловимый, а Дудкинъ. Александръ Ивановичъ Дудкинъ, напримѣръ, отличался чрезмѣрной чувствительностью; Неуловимый же былъ и холоденъ и жестокъ. Александръ Ивановичъ

Дудкинъ отличался отъ природы ярко выраженной общительностью и былъ не прочь пожить въ свое полное удовольствіе. Неуловимый же долженъ быть аскетически молчаливымъ. Словомъ, неуловимая дудкинская тѣнь совершаетъ и нынѣ побѣдоносное свое шествіе: въ мозгахъ молодежи, конечно; самъ же я сталъ подъ вліяніемъ о с о б ы—посмотрите вы только на что̀ я похожъ?"

— „Да, знаете..."

И оба опять замолчали.

— „Наконецъ-то, Николай Аполлоновичъ, ко мнѣ и подкралось еще одно странное нервное недомоганіе: подъ вліяніемъ этого недомоганія я пришелъ къ неожиданнымъ заключеніямъ: я, Николай Аполлоновичъ, понялъ вполнѣ, что изъ холода своихъ м і р о в ы х ъ п р о с т р а н с т в ъ воспылалъ я затаенною ненавистью не къ Правительству вовсе, а къ—н ѣ к о й о с о б ѣ; вѣдь эта особа, превративъ меня, Дудкина, въ дудкинскую тѣнь, изгнала меня изъ міра трехмѣрнаго, распластавъ, такъ сказать, на стѣнѣ моего чердака (любимая моя поза во время безсонницы, знаете, встать у стѣны да и распластаться, раскинуть по обѣ стороны руки). И вотъ въ распластанномъ положеніи у стѣны (я такъ простаиваю, Николай Аполлоновичъ, часами) пришелъ однажды къ второму своему заключенію; заключеніе это какъ-то странно связалось—какъ-то странно связалось съ однимъ явленіемъ понятнымъ, если принять во вниманіе мою развивающуюся болѣзнь".

О явленіи Александръ Ивановичъ счелъ умѣстнымъ молчать.

Явленіе заключалося въ странной галлюцинаціи: на коричневатожелтыхъ обояхъ его обиталища отъ времени до времени появлялось призрачное лицо; черты этого лица по временамъ слагались въ семита; чаще же проступали въ лицѣ томъ монгольскія черточки: все же лицо было повито непріятнымъ, желтошафраннымъ отсвѣтомъ. То семитъ, то монголъ вперяли въ Александра Ивановича взоръ, полный ненависти. Александръ Ивановичъ тогда зажигалъ папироску; а семитъ или монголъ сквозь синеватые клубы табачнаго дыма шеве-

Digitized by Microsoft ®

лилъ желтыми губами своими, и въ Александрѣ Ивановичѣ будто отдавалось все одно и то же слово:

„Гельсингфорсъ, Гельсингфорсъ".

Въ Гельсингфорсѣ былъ Александръ Ивановичъ послѣ бѣгства своего изъ мѣстъ не столь отдаленныхъ: съ Гельсингфорсомъ у него не было никакихъ особенныхъ связей: тамъ онъ встрѣтился лишь съ нѣкой особой.

Такъ почему же именно Гельсингфорсъ?

Александръ Ивановичъ продолжалъ пить коньякъ. Алкоголь дѣйствовалъ съ планомѣрною постепенностью; вслѣдъ за водкою (вино было ему не по средствамъ) слѣдовалъ единообразный эффектъ: волнообразная линія мыслей становилась зигзагообразной; перекрещивались ея зигзаги; если бы пить далѣе, распадалась бы линія мыслей въ рядъ отрывочныхъ арабесковъ, геніальныхъ для мыслящихъ его; но и только для одного его геніальныхъ въ одинъ этотъ моментъ; стоило ему слегка отрезвѣть, какъ соль геніальности пропадала куда-то; и геніальныя мысли казались просто сумбуромъ, ибо мысль въ тѣ минуты несомнѣнно опережала и языкъ, и мозгъ, начиная вращаться съ бѣшеной быстротою.

Волненіе Александра Ивановича передалось Аблеухову: синеватыя табачныя струи и двѣнадцать смятыхъ окурковъ положительно раздражали его; точно кто-то невидимый, третій, всталъ вдругъ между ними, вознесенный изъ дыма и вотъ этой кучечки пепла; этотъ третій, возникнувъ, господствовалъ теперь надо всѣмъ.

— „Погодите: можетъ, я выйду съ вами; у меня что-то трещитъ голова: наконецъ, тамъ, на воздухѣ, можемъ мы безпрепятственно продолжать разговоръ нашъ. Подождите. Я только переодѣнусь".

— „Вотъ отличная мысль".

Рѣзкій стукъ, раздавшійся въ дверь, оборвалъ разговоръ, прежде чѣмъ Николай Аполлоновичъ вознамѣрился освѣдомиться о томъ, кто это тамъ постучался, какъ разсѣянный, полупьяный Александръ Ивановичъ распахнулъ быстро дверь; изъ отверстія двери на незнакомца просунулся, будто ки-

Digitized by Microsoft®

нулся, голый черепъ съ увеличенныхъ размѣровъ ушами; черепъ и голова Александра Ивановича едва не стукнулись лбами; Александръ Ивановичъ недоумѣвающе отлетѣлъ и взглянулъ на Николая Аполлоновича, и взглянувъ на него, увидѣлъ всего лишь... парикмахерскую куклу: блѣднаго, воскового красавца съ непріятной, робкой улыбкою на растянутыхъ до ушей устахъ.

И опять бросилъ взглядъ онъ на дверь, а въ распахнутой двери стоялъ Аполлонъ Аполлоновичъ съ... преогромнымъ арбузомъ подъ мышкою...

— „Такъ-съ, такъ-съ..."

— „Я, кажется, помѣшалъ..."

— „Я, Коленька, знаешь ли, несъ тебѣ этотъ арбузикъ— вотъ..."

По традиціи дома въ это осеннее время Аполлонъ Аполлоновичъ, возвращаясь домой, покупалъ иногда астраханскій арбузъ, до котораго и онъ, и Николай Аполлоновичъ — оба были охотники.

Мгновеніе помолчали всѣ трое; каждый изъ нихъ въ то мгновеніе испытывалъ откровеннѣйшій, чисто животный страхъ.

— „Вотъ, папаша, мой университетскій товарищъ... Александръ Ивановичъ Дудкинъ..."

— „Такъ-съ... Очень пріятно-съ".

Аполлонъ Аполлоновичъ подалъ два своихъ пальца: тѣ глаза не глядѣли ужасно; подлинно—то ли лицо на него поглядѣло на улицѣ: Аполлонъ Аполлоновичъ увидалъ предъ собой только робкаго человѣка, очевидно пришибленнаго нуждой.

Александръ Ивановичъ съ жаромъ ухватился за пальцы сенатора; то, роковое отлетѣло куда-то: Александръ Ивановичъ предъ собой увидалъ только жалкаго старика.

Николай Аполлоновичъ на обоихъ глядѣлъ съ той непріятной улыбкой; но и онъ успокоился; робѣющій молодой человѣкъ подалъ руку усталому остову.

Но сердца троихъ бились; но глаза троихъ избѣгали другъ

Digitized by Microsoft ®

друга. Николай Аполлоновичъ убѣжалъ одѣваться; онъ думалъ теперь—все о томъ, объ одномъ: какъ о н а вчера тамъ бродила подъ окнами: значитъ, она тосковала; но сегодня ее ожидаетъ—что̀ ожидаетъ?...

Мысль его прервалась: изъ шкафа Николай Аполлоновичъ вытащилъ свое д о м и н о и надѣлъ его поверхъ сюртука; красныя, атласныя по̀лы подкололъ онъ булавками; уже сверху всего онъ накинулъ свою николаевку.

Аполлонъ Аполлоновичъ, между тѣмъ, вступилъ въ разговоръ съ незнакомцемъ; безпорядокъ въ комнатѣ сына, папиросы, коньякъ—все оно въ душѣ его оставило непріятный и горькій осадокъ; успокоили лишь отвѣты Александра Ивановича: отвѣты были безсвязны. Александръ Иванычъ краснѣлъ и отвѣчалъ невпопадъ. Предъ собой видѣлъ онъ только добрѣющія морщинки; изъ добрѣющихъ тѣхъ морщинокъ поглядывали глаза: глаза затравленнаго: а рокочущій голосъ съ надрывомъ что-то такое выкрикивалъ; Александръ Иванычъ прислушался лишь къ послѣднимъ словамъ; и поймалъ всего-навсего рядъ отрывистыхъ восклицаній...

— „Знаете ли... еще гимназистомъ, Коленька зналъ всѣхъ птицъ... Почитывалъ Кайгородова...“

— „Былъ любознателенъ...“

— „А теперь, вотъ не то: все онъ забросилъ...“

— „И не ходитъ въ Университетъ...“

Такъ отрывисто покрикивалъ на Александра Ивановича старикъ шестидесяти-восьми лѣтъ; что-то, похожее на участіе, шевельнулось въ сердцѣ Неуловимаго...

Въ комнату вошелъ теперь Николай Аполлоновичъ.

— „Ты куда?“

— „Я, папаша, по дѣлу“...

— „Вы... такъ сказать... съ Александромъ... съ Александромъ...“

— „Съ Александромъ Ивановичемъ...“

— „Такъ-съ... Съ Александромъ Иванычемъ, значитъ...“

Про себя же Аполлонъ Аполлоновичъ думалъ: „Что̀-жъ, быть можетъ, и къ лучшему: а г л а з а, быть можетъ,—по-

Digitized by Microsoft ®

мерещились только...“ И еще Аполлонъ Аполлоновичъ при этомъ подумалъ, что нужда—не порокъ. Только вотъ зачѣмъ коньякъ они пили (Аполлонъ Аполлоновичъ питалъ отвращеніе къ алкоголю).

— „Да: мы по дѣлу“...

Аполлонъ Аполлоновичъ сталъ подыскивать подходящее слово:

— „Можетъ быть... пообѣдали бы... И Александръ Ивановичъ отобѣдалъ бы съ нами...“

Аполлонъ Аполлоновичъ посмотрѣлъ на часы:

— „А впрочемъ... я стѣснять не хочу...“

. . . . . .

— „До свиданья, папаша...“

— „Мое почтеніе-съ...“

. . . . . .

Когда они отворили дверь и пошли по гулкому корридору, то маленькій Аполлонъ Аполлоновичъ показался тамъ вслѣдъ за ними—въ полусумеркахъ корридора.

Такъ, пока они проходили въ полусумеркахъ корридора, тамъ стоялъ Аполлонъ Аполлоновичъ; онъ, вытянувъ шею вслѣдъ той парѣ, глядѣлъ съ любопытствомъ:

Все-таки, все-таки... Вчера глаза посмотрѣли: въ нихъ была и ненависть, и испугъ; и глаза эти были: принадлежали е м у, р а з н о ч и н ц у. И зигзагъ былъ—пренепріятный или этого не было—не было никогда?

— „Александръ Ивановичъ Дудкинъ... Студентъ университета“.

Аполлонъ Аполлоновичъ имъ зашествовалъ вслѣдъ.

. . . . . .

Въ пышной передней Николай Аполлоновичъ остановился передъ старымъ лакеемъ, ловя какую-то свою убѣжавшую мысль.

— „Даа-аа... аа...“

— „Слушаю-съ!“

— „А-а... Мышка!“

Николай Аполлоновичъ продолжалъ безпомощно расти-

Digitized by Microsoft ®

рать себѣ лобъ, вспоминая, что̀ долженъ онъ выразить при помощи словеснаго символа „мышка“: съ нимъ это часто бывало, въ особенности послѣ чтенія пресерьезныхъ трактатовъ, состоящихъ сплошь изъ набора невообразимыхъ словъ: всякая вещь, даже болѣе того,—всякое названіе вещи послѣ чтенія этихъ трактатовъ казалось немыслимо, и наоборотъ: все мыслимое оказывалось совершенно безвещнымъ, безпредметнымъ. И по этому поводу Николай Аполлоновичъ произнесъ вторично съ обиженнымъ видомъ.

— „Мышка...“

— „Точно такъ-съ!“

— „Гдѣ она? Послушайте, что вы сдѣлали съ мышкой?“

— „Съ давишней-то? повыпускали на Набережную...“

— „Такъ ли?“

— „Помилуйте, баринъ: какъ всегда“.

Николай Аполлоновичъ отличался необыкновенной нѣжностью къ этимъ маленькимъ тварямъ.

Успокоенный относительно участи мышки, Николай Аполлоновичъ съ Александромъ Ивановичемъ тронулись въ путь.

Впрочемъ оба тронулись въ путь, потому что обоимъ имъ показалось, будто съ лѣстничной балюстрады кто-то смотритъ на нихъ и пытливо, и грустно.

. . . . . .

Высыпалъ, высыпалъ.

Высилось одно мрачное зданіе на одной мрачной улицѣ. Чуть темнѣло; блѣдно стали поблескивать фонари, озаряя подъѣздъ; четвертые этажи еще багрянѣли закатомъ.

Вотъ туда-то со всѣхъ концовъ Петербурга пробирались субъекты; ихъ составъ былъ составомъ двоякаго рода; составъ вербовался, во-первыхъ, изъ субъекта рабочаго, космоголоваго—въ шапкѣ, завезенной съ полей обагренной кровью Манджуріи; во-вторыхъ, тотъ составъ вербовался изъ такъ вообще протестанта: протестантъ въ обильи шагалъ на длинныхъ ногахъ; онъ былъ блѣденъ и хрупокъ; иногда онъ пи-

Digitized by Microsoft®

тался фитиномъ, иногда питался и сливками; онъ сегодня шагалъ съ преогромною суковатою палкою; если бы положить на чашку вѣсовъ моего протестанта, на другую же чашку вѣсовъ положить его суковатую палку, то это орудіе безъ сомнѣнія протестанта бы перевѣсило: не совсѣмъ было ясно: кто за кѣмъ шелъ; прыгала-ль предъ протестантомъ дубина, иль онъ самъ шагалъ за дубиною; но всего вѣроятнѣе, что сама собой поскакала дубина отъ Невскаго, Пушкинской, Выборгской Стороны, даже отъ Измайловской Роты; протестантъ за ней влекся; и онъ задыхался, онъ едва поспѣвалъ; и бойкій мальчишка, мчавшійся въ часъ выхода вечерняго газетнаго приложенія—этотъ бойкій мальчишка протестанта бы опрокинулъ, если только не былъ мой протестантъ протестантомъ рабочимъ, а былъ только такъ себѣ—протестующимъ.

Этотъ, такъ себѣ, протестующій сталъ не спроста послѣднее время разгуливать: по Петербургу, Саратову, Царевококшайску, Кинешмѣ; онъ не всякій день разгуливалъ такъ... Выйдешь, это, вечеромъ погулять: тихъ и миренъ закатъ; и такъ мирно смѣется на улицѣ барышня; съ барышней мирно посмѣивается протестующій мой субъектъ,—безо всякой дубины: перешучивается, куритъ; съ добродушнѣйшимъ видомъ бесѣдуютъ съ дворникомъ, съ добродушнѣйшимъ видомъ бесѣдуетъ съ городовымъ Брыкачевымъ.

— „Что, небось, надоѣло вамъ, Брыкачевъ, тутъ стоять?“

— „Какъ же, баринъ: служба—нелегкое „дѣло“.

— „Погодите: скоро это измѣнится“.

— „Дай-то Богъ: что хорошаго—такъ-то; супротивъ слаботнаго духу, сами знаете, не пойдешь“.

— „То-то вотъ...“

Ничего себѣ и субъектъ; и городовой Брыкачевъ ничего себѣ тоже: и оба смѣются; и пятакъ летитъ въ кулакъ Брыкачева.

На другой день снова это выйдешь себѣ погулять—что такое? Тихъ и миренъ закатъ; то же все въ природѣ довольство; и театры, и цирки всѣ—въ дѣйствіи; городской водо-

Digitized by Microsoft ®

проводъ въ совершенной исправности тоже; и—анъ нѣтъ: все не то.

Пересѣкая скверъ, улицу, площадь, переминаяся скорбно предъ памятникомъ великаго человѣка, добродушный вчерашній субъектъ зашагалъ съ преогромной дубиною; грозно, нѣмо, торжественно, такъ сказать, съ удареніемъ, выставляетъ впередъ субъектъ свою ногу въ калошахъ и съ подвернутыми штиблетами; грозно, нѣмо, торжественно субъектъ ударяетъ дубиной о тротуаръ; съ городовымъ Брыкачевымъ ни слова; городовой Брыкачевъ это тоже ни слова, а такъ себѣ въ пространство, съ рѣшительностью:

— „Проходите, господа, проходите, не застаивайтесь".

И глядишь: гдѣ-нибудь циркулируетъ приставъ Подбрижній.

Такъ и прыгаетъ глазъ моего протестанта: и туда и сюда; не собрались ли въ кучку предъ памятникомъ великаго человѣка такіе же, какъ онъ, протестанты? не собрались ли они на площади передъ пересыльной тюрьмой? Но памятникъ великаго человѣка оцѣпленъ полиціей; на площади же—никого нѣтъ.

Походитъ, походитъ субъектъ мой, вздохнетъ съ сожалѣніемъ; и вернется себѣ на квартиру; и мамаша его поитъ чаемъ со сливками.

— Такъ и знай: въ тотъ день въ газетахъ что-нибудь пропечатали: что-нибудь—какую-нибудь: мѣру—къ предотвращенію, такъ сказать: чего бы то ни было; какъ пропечатаютъ мѣру—субъектъ и забродитъ.

На другой же день мѣры нѣтъ: нѣтъ на улицахъ и субъекта: и субъектъ мой доволенъ, и городовой Брыкачевъ мой доволенъ; и приставъ Подбрижній доволенъ. Памятникъ великаго человѣка не оцѣпленъ полиціей.

Высыпалъ ли протестующій мой субъектъ въ этотъ октябрьскій денечекъ? Высыпалъ, высыпалъ! Повысыпали на улицу и косматыя манджурскія шапки; и субъекты и шапки тѣ растворялись въ толпѣ; но туда и сюда толпа бродила безцѣльно; субъекты же и манджурскія шапки брели къ одному направленію—къ мрачному зданію съ багрянѣющимъ вер-

Digitized by Microsoft ®

хомъ; и у мрачнаго отъ заката багрянаго зданія толпа состояла исключительно изъ однихъ лишь субъектовъ да шапокъ; замѣшалась сюда и барышня учебнаго заведенія.

Ужъ и перли, и перли въ подъѣздныя двери—такъ перли, такъ перли! И какъ же иначе? Рабочему человѣку некогда заниматься приличіемъ: и стоялъ дурной духъ; давка же началась съ угла.

Вдоль угла, близъ самой панели, добродушно конфузясь, оттоподывалъ на мѣстѣ ногами (было холодно) отрядикъ городовыхъ; околоточный надзиратель же—еще пуще конфузился; сѣренькій самъ, въ сѣренькомъ пальтецо, онъ покрикивалъ незамѣтною тѣнью, подбирая почтительно шашку и держа внизъ глаза; а ему это въ спину—словесныя замѣчанія, выговоръ, смѣхи и даже: непристойная брань—отъ мѣщанина Ивана Ивановича Иванова, отъ супруги, Иванихи, отъ проходившаго тутъ и возставшаго вмѣстѣ съ прочими первой гильдіи его степенства, купца Пузанова (рыбные промыслы и пароходство на Волгѣ). Сѣренькій надзиратель все робче и робче покрикивалъ:

— „Проходите, господа, проходите!“

Но чѣмъ болѣе онъ тускнѣлъ, тѣмъ настойчивѣе фыркали за заборомъ тамъ мохнаногіе кони: изъ-за бревенчатыхъ зубьевъ—нѣтъ,-нѣтъ—поднималась косматая голова; и еслибъ привстать надъ заборомъ, то можно было видѣть, что какіе-то только пригнанные изъ степей и съ нагайками въ кулакахъ, и съ винтовочнымъ дуломъ за спиною, отчего-то злѣли, все злѣли; нетерпѣливо, зло, нѣмо тѣ оборванцы поплясывали на сѣдлахъ; и косматыя лошаденки—тѣ тоже поплясывали.

Это былъ отрядъ Оренбургскихъ казаковъ.

Внутри мрачнаго зданія стояла желто-шафранная муть; тутъ все освѣщалось свѣчами; ничего нельзя было видѣть кромѣ тѣлъ, тѣлъ и тѣлъ: согнутыхъ, полуизогнутыхъ, чуть-чуть согнутыхъ и несогнутыхъ вовсе: все обсѣли, обстали тѣла тѣ, что̀ можно было и обсѣсть, и обстать; занимали вверхъ бѣгущій амфитеатръ сидѣній; не было видно и кафедры, не было слышно и голоса, завѣщавшаго съ кафедры:

Digitized by Microsoft®

— „Ууу-ууу-ууу“. Гудѣло въ пространствѣ и сквозь это „ууу“ раздавалось подчасъ:

— „Революція... Эволюція... Пролетаріатъ... Забастовка...“ И потомъ опять: „Забастовка...“ И еще: „Забастовка...“

— „Забастовка...“ выпаливалъ голосъ; еще больше гудѣло: между двухъ громко сказанныхъ з а б а с т о в о к ъ развѣ-развѣ выюркивало: „Соціалъ-демократія“. И опять уже юркало въ басовое, сплошное, густое ууу-ууууу...

Очевидно рѣчь шла о томъ, что и тамъ-то, и тамъ-то, и тамъ-то уже была забастовка; что и тамъ-то, и тамъ-то, и тамъ-то забастовка готовилась, потому-то слѣдуетъ бастовать—здѣсь и здѣсь: бастовать на этомъ вотъ мѣстѣ; и—ни съ мѣста!

Бѣство.

Александръ Ивановичъ возвращался домой по пустымъ, приневскимъ проспектамъ; огонь придворной кареты пролетѣлъ мимо него; ему открывалась Нева изъ-подъ свода Зимней Канавки; тамъ, на выгнутомъ мостикѣ, онъ замѣтилъ еженощную тѣнь.

Александръ Ивановичъ возвращался въ свое убогое обиталище, чтобъ сидѣть въ одиночествѣ промежъ коричневыхъ пятенъ и слѣдить за жизнью мокрицъ въ сыроватыхъ трещинахъ стѣнокъ. Утренній выходъ его послѣ ночи походилъ скорѣе на бѣгство отъ ползающихъ мокрицъ; многократныя наблюденія Александра Ивановича давно привели его къ мысли о томъ, что спокойствіе его ночи таки прямо зависитъ отъ спокойствія проведеннаго дня: лишь пережитое на улицахъ, въ ресторанчикахъ, въ чайныхъ за послѣднее время приносилъ съ собой онъ домой.

Съ чѣмъ же онъ возвращался сегодня?

Переживанія повлачились за нимъ отлетающимъ, силовымъ и не виднымъ глазу хвостомъ; Александръ Ивановичъ переживанія эти переживалъ въ обратномъ порядкѣ, убѣгая сознаніемъ въ хвостъ (то-есть, за спину): въ тѣ минуты все казалось ему, что спина его пораскрылась и изъ этой спины,

Digitized by Microsoft®

какъ изъ двери, собирается броситься въ бездну какое-то тѣло гиганта: это тѣло гиганта и было переживаніемъ сегодняшнихъ сутокъ; переживанія задымились хвостомъ.

Александръ Ивановичъ думалъ: стоило ему возвратиться, какъ происшествія сегодняшнихъ сутокъ заломятся въ дверь; ихъ чердачною дверью онъ все-таки постарается прищемить, отрывая хвостъ отъ спины; и хвостъ вломится все же.

За собой Александръ Ивановичъ оставилъ брилліантами блещущій мостъ.

Дальше, за мостомъ, на фонѣ ночного Исакія изъ зеленой мути предъ нимъ та же встала скала: простирая тяжелую и покрытую зеленью руку тотъ же загадочный Всадникъ надъ Невой возносилъ мѣднолавровый вѣнокъ свой; надъ заснувшимъ подъ своей косматою шапкою гренадеромъ недоумѣнно выкинулъ конь два переднихъ копыта; а внизу, подъ копытами, медленно прокачалась косматая, гренадерская шапка засыпающаго старика. Упадая отъ шапки, о штыкъ ударилась бляха.

Зыбкая полутѣнь покрывала Всадниково лицо; и металлъ лица двоился двусмысленнымъ выраженьемъ; въ бирюзовый врѣзалась воздухъ ладонь.

Съ той чреватой поры, какъ примчался къ невскому берегу металлическій Всадникъ, съ той чреватой днями поры, какъ онъ бросилъ коня на финляндскій сѣрый гранитъ—надвое раздѣлилась Россія; надвое раздѣлились и самыя судьбы отечества; надвое раздѣлилась, страдая и плача, до послѣдняго часа—Россія.

Ты, Россія, какъ конь! Въ темноту, въ пустоту занеслись два переднихъ копыта; и крѣпко внѣдрились въ гранитную почву—два заднихъ.

Хочешь ли и ты отдѣлиться отъ тебя держащаго камня, какъ отдѣлились отъ почвы иные изъ твоихъ безумныхъ сыновъ, — хочешь ли и ты отдѣлиться отъ тебя держащаго камня, и повиснуть въ воздухѣ безъ узды, чтобы низринуться послѣ въ водные хаосы? Или, можетъ быть, хочешь ты броситься, разрывая туманы, чрезъ воздухъ, чтобы вмѣстѣ съ

Digitized by Microsoft ®

твоими сынами пропасть въ облакахъ? Или, вставъ на дыбы, ты на долгіе годы, Россія, задумалась передъ грозной судьбою, сюда тебя бросившей, — среди этого мрачнаго сѣвера, гдѣ и самый закатъ многочасенъ, гдѣ самое время попеременно кидается то въ морозную ночь, то—въ денное сіяніе? Или ты, испугавшись прыжка, вновь опустишь копыта, чтобы, фыркая, понести великаго Всадника въ глубину равнинныхъ пространствъ изъ обманчивыхъ странъ?

Да не будетъ!...

Разъ взлетѣвъ на дыбы и глазами мѣряя воздухъ, мѣдный конь копытъ не опуститъ: прыжекъ надъ исторіей—будетъ; великое будетъ волненіе; разсѣчется земля; самыя горы обрушатся отъ великаго т р у с а; а родныя равнины отъ т р у с а изойдутъ повсюду горбомъ. На горбахъ окажется Нижній, Владиміръ и Угличъ.

Петербургъ же опустится.

Бросятся съ мѣстъ своихъ въ эти дни всѣ народы земные; брань великая будетъ,—брань, небывалая въ мірѣ: желтыя полчища азіатовъ, тронувшись съ насиженныхъ мѣстъ, обагрятъ поля европейскія океанами крови; будетъ, будетъ — Цусима! Будетъ—новая Калка!...

Куликово Поле, я жду тебя!

Возсіяетъ въ тотъ день и послѣднее Солнце надъ моею родною землей. Если, Солнце, ты не взойдешь, то, о, Солнце, подъ монгольской тяжелой пятой опустятся европейскіе берега, и надъ этими берегами закурчавится пѣна; земнородныя существа вновь опустятся къ дну океановъ—въ прародимые, въ давно забытые хаосы...

Встань, о, Солнце!

. . . . . .

Бирюзовый прорывъ несся по небу; а на встрѣчу ему полетѣло сквозь тучи пятно горящаго фосфора, неожиданно превратившись тамъ въ сплошной яркоблистающій мѣсяцъ; на мгновенье все вспыхнуло: воды, трубы, граниты, серебристые желоба, двѣ богини надъ аркою, крыша четырехъэтажнаго дома; куполъ Исакія поглядѣлъ просвѣтленный; вспых-

Digitized by Microsoft ®

нули — Всадниково чело, мѣднолавровый вѣнецъ; поугасли островные огоньки; а двусмысленное судно съ середины Невы обернулося простой рыболовною шхуною; съ капитанскаго мостика искрометнѣе проблистала и свѣтлая точка; можетъ быть, трубочный огонекъ сизоносаго боцмана въ шапкѣ голландской, съ наушниками, или—свѣтлый фонарикъ матроса, дежурящаго на вахтѣ. Будто легкая сажа, отъ Мѣднаго Всадника отлетѣла легкая полутѣнь; и космачъ гренадеръ вмѣстѣ съ Всадникомъ чернѣй прочертился на плитахъ.

Судьбы людскія Александру Ивановичу на мгновеніе освѣтились отчетливо: можно было увидѣть, что̀ будетъ, можно было узнать, чему никогда не бывать: такъ все стало ясно; казалося, прояснялась судьба; но въ судьбу свою онъ взглянуть побоялся; стоялъ предъ судьбой потрясенный, взволнованный, переживая тоску.

И—мѣсяцъ врѣзался въ облако...

Снова бѣшено понеслись о̀блака клочковатыя руки; понеслися туманныя пряди все какихъ-то вѣдьмовскихъ косъ; и двусмысленно замаячило среди нихъ пятно горящее фосфора...

Тутъ раздался — оглушающій, нечеловѣческій ревъ: проблиставши огромнымъ рефлекторомъ, невыносимо мимо понесся, пыхтя керосиномъ, автомобиль — изъ-подъ арки къ рѣкѣ. Александръ Ивановичъ разсмотрѣлъ, какъ желтыя, монгольскія рожи прорѣзали площадь; отъ неожиданности онъ упалъ; передъ нимъ упала его мокрая шапка. За его спиною тогда поднялось, похожее на причитаніе, шамканіе.

— „Господи, Іисусе Христе! Спаси и помилуй ты насъ!“

Александръ Ивановичъ обернулся и понялъ, что поблизости съ нимъ зашептался николаевскій старикъ гренадеръ.

— „Господи, что̀ это?“

— „Автомобиль: именитые японскіе гости...“

Автомобиля не было и слѣда.

Призрачный абрисъ треуголки лакея и шинельное, въ вѣтеръ протянутое крыло неслось изъ тумана въ туманъ двумя огнями кареты.

Digitized by Microsoft ®

Степка.

Подъ Петербургомъ отъ Колпина вьется столбовая дорога: это мѣсто—мрачнѣе мѣста и нѣтъ! Подъѣзжаете утромъ вы къ Петербургу, проснулись вы—смо̀трите: въ окнахъ вагонныхъ мертво; ни единой души, ни единой деревни; будто родъ человѣческій вымеръ, и сама земля—трупъ.

Вотъ на поверхности, состоящей изъ путаницы оледенѣлыхъ кустовъ издали припадаетъ къ землѣ такое черное облако; горизонтъ тамъ свинцовъ; мрачныя земли уползаютъ подъ небо...

Многотрубное, многодымное Колпино!

Отъ Колпина къ Петербургу и вьется столбовая дорога; вьется сѣрою лентой; битый щебень ее окаймляетъ и линія телеграфныхъ столбовъ. Мастеровой пробирался тамъ съ узелочкомъ на палочкѣ; на пороховомъ онъ работалъ заводѣ и за что-то былъ прогнанъ; и шелъ пѣхтурой къ Петербургу; вкругъ него ощетинился желтый тростникъ; и мертвѣли придорожные камни; взлетали, опускались шлахтъ-баумы, чередовались полосатыя версты, телеграфная проволока дребезжала безъ конца и начала. Мастеровой былъ сынъ захудалаго лавочника; былъ онъ по имени Степка; съ мѣсяцъ всего проработалъ онъ на подгородномъ заводѣ; и съ завода ушелъ: передъ нимъ присѣлъ Петербургъ.

Многоэтажныя груды уже присѣли за фабриками; сами фабрики присѣдали за трубами — тамъ вонъ, тамъ, да и — тамъ; въ небѣ не было ни единаго облачка, а горизонтъ изъ тѣхъ мѣстъ казался размазанной сажей, раздышалось тамъ сажей полуторамилліонное населеніе.

Тамъ вонъ, тамъ, да и—тамъ: мазалась ядовитая гарь; и на гари щетинились трубы; здѣсь труба поднималась высоко; присѣдала чуть—тамъ; далѣе—высился рядъ истончавшихся трубъ, становившихся наконецъ просто такъ себѣ — волосинками; вдали десятками можно было считать волосинки; надъ окопченнымъ отверстіемъ одной ближней

Digitized by Microsoft®

трубы, угрожая небу уколомъ, торчала громоотводная стрѣлочка.

Все это Степка мой видѣлъ; и на все это Степка мой—нуль вниманія; посидѣлъ на кучѣ битаго щебня, сапоги долой; переплелъ ноги заново, пожевалъ мякоть ситника. Да и далѣе: потащился къ ядовитому мѣсту, къ пятну сажи: къ самому Петербургу.

Къ вечеру того дня отворилась дверь дворницкой: дверь завизжала; и чебутарахнулъ дверной блокъ: въ серединѣ дворницкой дворникъ, Матвѣй Моржовъ, углублялся въ газетное чтеніе, ну, конечно, „Биржевки"; между тѣмъ дебёлая дворничиха (у нея болѣло все ухо), навалившись на столъ кучи пухлыхъ подушекъ, занималась мореньемъ клоповъ при помощи русскаго скипидара; и стоялъ въ дворницкой духъ жесткій и терпкій.

Въ ту минуту, визжа, отворилась дверь дворницкой и чебутарахнулъ блокъ; на порогѣ же двери стоялъ неувѣренно Степка (васильеостровскій дворникъ, Матвѣй Моржовъ, былъ его единственнымъ землякомъ во всемъ Петербургѣ: разумѣется Степка—къ нему).

Къ вечеру на столѣ появилась водочная бутыль; появились соленые огурцы, появился сапожникъ Безсмертный съ гитарою. Отказался Степка отъ водки: пили дворникъ Моржовъ да сапожникъ Безсмертный.

— „Эвона... Землячекъ-то, землячекъ што докладываетъ"—ухмылялся Моржовъ.

— „Это все оттого, что нѣтъ у нихъ надлежащихъ понятіевъ"—пожималъ плечами сапожникъ Безсмертный; трогалъ пальцемъ струну; раздавалось: бамъ, бамъ.

— „А какъ батько-то цѣлебѣевскій?"

— „Сказъ одинъ: пьянствуетъ".

— „А учительша?"

— „А учительша ничаво: говорятъ возьметъ себѣ въ мужи горбатаго Фрола.

— „Эвона... Землякъ-то, землякъ што докладываетъ"—умилялся Матвѣй Моржовъ; и взявъ двумя пальцами огурецъ, огурецъ и откусывалъ.

Digitized by Microsoft ®

— „Это все оттого, что нѣтъ у нихъ надлежащихъ понятіевъ“—пожималъ плечами сапожникъ Безсмертный: трогалъ пальцемъ струну; раздавалось: бамъ, бамъ. И Степка разсказывалъ; все о томъ, объ одномъ: какъ у нихъ на селѣ завелись мудреные люди, что у тѣхъ мудреныхъ людей выходило относительно всего прочаго, какъ они на селѣ возвѣщали рожденье дитяти, то ись, аслапажденіе: аслапажденье всеобщее; да еще выходило: скоро, молъ, сбудется; а про то, что онъ, Степка, и самъ бывалъ на моленіяхъ мудренѣйшихъ этихъ людей,—ни гу-гу; и еще разсказывалъ онъ относительно захожаго барина, и всего прочаго вмѣстѣ взятаго; какой баринъ былъ относительно протчаго: на село бѣжалъ отъ барской невѣсты; и такъ далѣе; самъ ушелъ—къ мудренымъ людямъ, а ихъ мудрости все равно не осилилъ (хоть баринъ); слышь, писали о немъ, будто скрылся—относительно всего протчаго; да еще: въ придачу обобралъ онъ купчиху; выходило все вмѣстѣ: рожденью дитяти, аслапажденію, и протчему—скоро быть. На все то балагурство дворникъ Моржовъ до крайности удивлялся, а сапожникъ Безсмертный, не удивляясь: дулъ водку.

— „Это все оттого, что нѣтъ у нихъ надлежащихъ понятіевъ — оттого вотъ и кражи, и баринъ, и внучка, и освобожденье всеобщее; оттого и мудреные люди; никакихъ понятіевъ не имѣютъ: да и никто не имѣетъ“.

Трогалъ пальцемъ струну, и—„бамъ“, „бамъ“!

Степка же на это ни звука: промолчалъ, что отъ тѣхъ людей и на колпинской фабрикѣ получалъ онъ цидули; и протчее, относительно всего: что̀ и ка̀къ. Пуще всего онъ про то промолчалъ, какъ на колпинской фабрикѣ свелъ знакомство съ кружкомъ, что подъ самымъ подъ Петербурхомъ имѣли собранія; и все протчее. Что иные изъ самыхъ господъ еще съ прошлаго году, если вѣрить тѣмъ людямъ, собранія посѣщаютъ — до крайности: и — всѣ вмѣстѣ... Обо всемъ этомъ Безсмертному Степка ни слова; но спѣлъ пѣсенку:

Digitized by Microsoft®

Тилимбру-тилишокъ—
Душистый горошекъ:
Питушекъ-грибешекъ
Клевалъ у окошекъ.
Д'тимбру-д'тилишка—
Милая Анета,
Ты не трошь питушка:
Вотъ тибѣ манета.

Но на эту пѣсню сапожникъ Безсмертный повелъ лишь плечами; всей своей пятерней загудѣлъ по гитарѣ онъ: „Тилѝмбру, ти-лѝм-бру: памъ-памъ-памъ-памъ".

И спѣлъ:

Никогда я тебя не увижу,—
Никогда не увижу тебя:
Пузырекъ нашатырнаго спирта
Въ пиджакѣ припасенъ у меня.
Пузырекъ нашатырнаго спирта
Въ пересохшее горло волью:
Садрогаясь, паду на панели—
Не увижу голубку мою!

И пятерней по гитарѣ: тилѝмбру, тилѝмбру: памъ-памъ-памъ... На что Степка не остался въ долгу: удивилъ.

Надъ сабла́знамъ да на́дъ бидою
Анделъ сталъ са златой трубою—
Свѣте, Свѣте.
Безсмертный Свѣте!
Асѣни насъ безсмертный Свѣте—
Предъ Табою мы, ровно дѣти:
Ты—Еси
На Небеси!

Слушалъ очень зашедшій въ дворницкую молодой баринъ, проживающій въ чердачномъ помѣщеніи; онъ разспрашивалъ Степу про мудренѣйшихъ людей: какъ они возвѣщаютъ представленіе свѣта; и когда сіе сбудется; но еще болѣе онъ разспрашивалъ про того захожаго барина, про Дарьяльскаго,— какъ и все. Баринъ былъ изъ себя тощій: видно хворый; и отъ времени до времени опоражнивалъ баринъ рюмочку,

Digitized by Microsoft ®

такъ что Степка ему еще вотъ назидательныя слова говорилъ:

— „Баринъ вы хворый; и потому отъ табаку да отъ водки скоро вамъ — капутъ: самъ, грѣшнымъ дѣломъ, пивалъ: а таперича далъ зарокъ. Отъ табаку да отъ водки все и пошло; знаю то, и кто спаиваетъ: японецъ!"

— „А откуда ты знаешь".

— „Про водку? Перво самъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой—книжечку его „Первый винокуръ" изволили читывать?—ефто самое говоритъ; да еще говорятъ тѣ вонъ самые люди, подъ Питербурхомъ".

— „А про японца откуда ты знаешь?"

— „А про японца такъ водится: про японца всѣ знаютъ... Еще вотъ изволите помнить, ураганъ-то, что надъ Москвою прошелъ, тоже сказывали—какъ молъ, что молъ, души молъ, убіенныхъ; съ того, значитъ, свѣта, прошлись надъ Москвою, безъ покаянія, значитъ, и умерли. И еще это значитъ: быть въ Москвѣ бунту".

— „А съ Петербургомъ что̀ будетъ?"

— „Да что: кумирню какую-то строятъ китайцы!"

Степку взялъ тогда баринъ къ себѣ, на чердакъ: нехорошее было у барина помѣщеніе; ну и жутко барину одному: онъ и взялъ къ себѣ Степку; ночевали они тамъ.

Взялъ онъ это съ собою, предъ собой усадилъ, изъ чемоданишка вынулъ оборванную писулю; и писулю Степкѣ прочелъ: „Ваши политическія убѣжденія мнѣ ясны, какъ на ладони: та же все бѣсовщина, то же все одержаніе страшною силой; вы мнѣ не вѣрите, да вѣдь я то ужъ знаю: знаю я, что скоро узнаете вы, какъ узнаютъ многіе вскорѣ... Вырвали и меня изъ нечистыхъ когтей.

„Близится великое время: остается десятилѣтіе до начала конца: вспомните, запишите и передайте потомству; всѣхъ годовъ значительнѣй 1954 годъ. Это Россіи коснется, ибо въ Россіи колыбель церкви Филадельфійской; церковь эту благословилъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вижу теперь, почему Соловьевъ говорилъ о культѣ Софіи. Это—помните?

Digitized by Microsoft ®

въ связи съ тѣмъ, что у Нижегородской сектантки... И такъ далѣе... далѣе...“ Степка почмыхивалъ носомъ, а баринъ писулю читалъ: долго писулю читалъ.

— „Такъ оно—во, во, во. А какой ефто баринъ писалъ?“

— „Да заграницей онъ, изъ политическихъ ссыльныхъ“.

— „Вотъ оно што“.

. . . . . .

— „А что, Степка, будетъ?“

— „Слышалъ я: перво-наперво убіенія будутъ, апосля же всеопчее недовольство; апосля же болѣзни всякія—моръ, голодъ, ну а тамъ, говорятъ умнѣйшіе люди, всякія тамъ волненія: китаецъ встанетъ на себя самого: мухамедане тоже взволнуются оченно, только етта не выйдетъ“.

— „Ну а дальше?“

— „Ну все протчее соберется на исходѣ двѣнадцатаго года; только ужъ въ тринадцатомъ году... Да что! Одно такое пророчество есть, баринъ: вонмемъ де... на насъ де клинокъ... во что вѣнецъ японцу: и потомъ опять — рожденіе отрока новаго. И еще: у анпиратора прусскава молъ... Да что. Вотъ тебѣ, баринъ, пророчество: Ноевъ Кавчегъ надобно строить!“

— „А какъ строить?“

— „Ладно, баринъ, посмотримъ: вы етта мнѣ, я етта вамъ—шепчемся“.

— „Да о чемъ же мы шепчемся?“

— „Все о томъ, объ одномъ: о второмъ Христовомъ Пришествіи“.

— „Довольно: все это вздоръ...“

. . . . . .

— „Ей, гряди Господи Іисусе!“

Конецъ второй главы.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

въ которой описано, какъ Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ попадаетъ съ своей затѣей впросакъ.

Хоть малый онъ обыкновенный,
Но второклассный Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
Онъ нашей братьи неотличный.

А. Пушкинъ.

Digitized by Microsoft®

Праздникъ.

Въ одномъ важномъ мѣстѣ состоялося появленіе, до чрезвычайности важное; появленіе то состоялось, то-есть было.

По поводу этого случая въ упомянутомъ мѣстѣ съ чрезвычайно серьезными лицами появились въ расшитыхъ мундирахъ и чрезвычайные люди, такъ сказать, оказались на мѣстѣ.

Это былъ день чрезвычайностей. Онъ, конечно, былъ ясенъ. Съ самыхъ раннихъ часовъ въ небѣ искрилось солнце: и заискрилось все, что̀ могло только искриться: петербургскія крыши, петербургскіе шпицы, петербургскіе купола.

Гдѣ-то тамъ пропалили.

Еслибъ вамъ удосужилось бросить взглядъ на то важное мѣсто, вы видѣли-бъ только лакъ, только лоскъ; блескъ на окнахъ зеркальныхъ; ну, конечно—и блескъ за зеркальными окнами; на колоннахъ—блескъ; на паркетѣ—блескъ; у подъѣзда блескъ тоже; словомъ, лакъ, лоскъ и блескъ!

Потому-то съ ранняго часа въ разнообразныхъ концахъ столицы Россійской имперіи всѣ чины, отъ третьяго класса и до перваго класса включительно, сребровласые старцы съ надушенными баками и какъ лакъ сіявшими лысинами, энергично надѣли крахмалъ, какъ бы нѣкую рыцарскую броню; и такъ, въ бѣломъ, вынимали изъ шкапчика краснолаковыя свои коробки, напоминавшія дамскіе футляры для брилліантовъ; желтый старческій ноготь давилъ на пружинку, и отъ

Digitized by Microsoft ®

этого, щелкая, отлетала крышка краснаго лака съ пріятной упругостью, обнаруживъ изящно въ мягко-бархатномъ ложѣ свою ослѣпительную звѣзду; въ это время такой же сѣдой камердинеръ вносилъ въ комнату вѣшалку, на которой можно было увидѣть, во-первыхъ: бѣлые ослѣпительные штаны; во-вторыхъ: мундиръ чернаго лоска съ раззолоченной грудью; къ этимъ бѣлымъ штанамъ наклонялась какъ лакъ горѣвшая лысина, и сѣдой старичокъ, не кряхтя, поверхъ пары бѣлыхъ, бѣлыхъ штановъ облекался въ мундиръ ярко-чернаго лоска съ раззолоченной грудью, на которую падало ароматно серебро сѣдины; наискось потомъ обвивался онъ атласною ярко-красною лентою, если былъ онъ аннинскій кавалеръ; если же онъ былъ кавалеръ болѣе высокаго ордена, то его искрометную грудь обвивала синяя лента. Послѣ этой праздничной церемоніи соотвѣтственная звѣзда садилась на грудь золотую, прикрѣплялася шпага, изъ особой формы картонки вынималась треуголка съ плюмажемъ, и сѣдой орденскій кавалеръ — самъ блескъ и трепетъ — въ лакированной черной каретѣ отправлялся туда, гдѣ все—блескъ и трепетъ; въ чрезвычайно важное мѣсто, гдѣ уже стояли шеренги чрезвычайно важныхъ особъ съ чрезвычайно важными лицами. Эта блещущая шеренга составляла центральную ось нашего государственнаго колеса.

Это былъ день чрезвычайностей; и онъ долженъ былъ, разумѣется, просіять; онъ—просіялъ, разумѣется.

Уже съ самаго ранняго утра исчезала всякая темнота, и былъ свѣтъ бѣлѣй электричества, свѣтъ дневной; въ этомъ свѣтѣ заискрилось все, что̀ могло только искриться: петербургскія крыши, петербургскіе шпицы, петербургскіе купола.

Грянулъ въ полдень пушечный выстрѣлъ.

Въ чрезвычайно ясное утро, изъ-за ослѣпительно бѣлыхъ простынь, вдругъ взлетѣвшихъ съ кровати ослѣпительной спаленки, выюркнула фигурка, — маленькая, во всемъ бѣломъ; фигурка та почему-то напомнила циркового наѣздника. Стремительная фигурка по обычаю, освященному традиціей сѣдой старины, принялась укрѣплять свое тѣло шведской

Digitized by Microsoft ®

гимнастикой, разводя и сводя руки и ноги, и далѣе, присѣдая на корточки до двѣнадцати (и болѣе) разъ. Послѣ этого полезнаго упражненія фигурка окропила себѣ голый черепъ и руки одеколономъ (тройнымъ, петербургской химической лабораторіи).

Далѣе, по омовеніи черепа, рукъ, подбородка, ушей, шеи водопроводной свѣжей водой, по насыщеніи своего организма чрезвычайно внесеннымъ въ комнату кофе, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, какъ и прочіе сановные старички, въ этотъ день увѣренно затянулся въ крахмалъ, пронося въ отверстіе панцыреобразной сорочки два разительныхъ уха и, какъ лакъ, сіявшую лысину. Послѣ того, выйдя въ туалетную комнату, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ изъ шкапчика вынулъ (какъ и прочіе сановные старички) свои краснаго лака коробочки, гдѣ подъ крышкою, въ мягко-бархатномъ ложѣ лежали все рѣдкіе, цѣнные ордена. Какъ и прочимъ (меньше прочихъ), былъ внесенъ и ему лоскъ льющій мундирчикъ съ раззолоченною грудью; были внесены и суконныя бѣлыя панталоны, пара бѣлыхъ перчатокъ, особой формы картоночка, ножны черныя шпаги, надъ которыми отъ ефеса свисала серебряная бахрома; подъ давленіемъ желтаго ногтя взлетѣли всѣ десять красно-лаковыхъ крышечекъ, и изъ крышечекъ были добыты: Бѣлый Орелъ, соотвѣтствующая звѣзда, синяя лента; наконецъ, былъ добытъ брилліантовый знакъ; все сіе сѣло на расшитую грудь. Аполлонъ Аполлоновичъ стоялъ передъ зеркаломъ, бѣлозолотой (весь—блескъ и трепетъ!), лѣвой рукой прижимая шпагу къ бедру, а правой—прижимая къ груди плюмажную треуголку съ парой бѣлыхъ перчатокъ. Въ этомъ трепетномъ видѣ Аполлонъ Аполлоновичъ пробѣжалъ корридоръ.

Но въ гостиной сенаторъ почему-то сконфуженно задержался; чрезвычайная блѣдность лица и растрепанный видъ его сына поразили видно сенатора.

Николай Аполлоновичъ въ этотъ день поднялся раньше, чѣмъ слѣдуетъ; кстати сказать, Николай Аполлоновичъ и вовсе не спалъ эту ночь: поздно вечеромъ подлетѣлъ лихачъ

Digitized by Microsoft ®

къ подъѣзду желтаго дома; Николай Аполлоновичъ, растерянный, выскочилъ изъ пролетки и принялся звонить что есть силъ; а когда ему отворилъ сѣрый лакей съ золотымъ галуномъ, то Николай Аполлоновичъ, не снимая шинели, какъ-то путаясь въ ея полахъ, пробѣжалъ по лѣстницѣ, далѣе—пробѣжалъ и рядъ пустыхъ комнатъ; и за нимъ защелкнулась дверь. Скоро у желтаго дома заходили какія-то тѣни. Николай Аполлоновичъ все шагалъ у себя; въ два часа ночи въ комнатѣ Николая Аполлоновича еще раздавались шаги, раздавались шаги—въ половинѣ третьяго, въ три, въ четыре.

Неумытый и заспанный, Николай Аполлоновичъ угрюмо сидѣлъ у камина въ своемъ пестромъ халатѣ. Аполлонъ Аполлоновичъ, лучезарность и трепетъ, невольно остановился, отражаясь блескомъ въ паркетахъ и зеркалахъ; онъ стоялъ на фонѣ трюмо, окруженный семьей толстощекихъ амуровъ, продѣвавшихъ свои пламена въ золотые вѣнки; и рука Аполлона Аполлоновича пробарабанила что-то на инкрустаціи столика. Николай Аполлоновичъ, вдругъ очнувшись, вскочилъ, обернулся и невольно зажмурился: и его ослѣпилъ бѣло-золотой старичокъ.

Бѣло-золотой старичокъ приходился папашею; но прилива родственныхъ чувствъ Николай Аполлоновичъ въ эту минуту не испытывалъ вовсе; онъ испытывалъ нѣчто совершенно обратное, можетъ быть, то, что̀ испытывалъ онъ у себя въ кабинетѣ; у себя въ кабинетѣ Николай Аполлоновичъ совершалъ надъ собой террористическіе акты,—номеръ первый надъ номеромъ вторымъ, соціалистъ надъ дворянчикомъ и мертвецъ надъ влюбленнымъ; у себя Николай Аполлоновичъ проклиналъ свое бренное существо и, поскольку онъ былъ образомъ и подобіемъ отца, онъ проклялъ отца. Было ясно, что богоподобіе его должно было отца ненавидѣть; но, быть можетъ, бренное существо его все же любило отца? Въ этомъ Николай Аполлоновичъ врядъ ли себѣ признался. Любить?.. Я не знаю, подходитъ ли здѣсь это слово. Николай Аполлоновичъ отца своего какъ бы чувственно зналъ, зналъ до мельчайшихъ изгибовъ, до невнятныхъ дрожаній невыра-

Digitized by Microsoft ®

зимѣйшихъ чувствъ; болѣе того: онъ былъ чувственно абсолютно равенъ отцу; болѣе всего удивляло его то обстоятельство, что психически онъ не зналъ, гдѣ кончается онъ и гдѣ психически начинается въ немъ самомъ духъ сенатора, носителя тѣхъ вонъ искристыхъ брилліантовыхъ знаковъ, что̀ сверкали на блещущихъ листьяхъ расшитой груди. Во мгновеніе ока онъ не то что представилъ, а скорѣй пережилъ себя самого въ этомъ пышномъ мундирѣ; что̀ бы онъ испыталъ, созерцая такого вотъ, какъ онъ, небритаго разгильдяя въ пестромъ бухарскомъ халатѣ; это ему показалось бы нарушеніемъ хорошаго тона. Николай Аполлоновичъ понялъ, что почувствовалъ бы брезгливость, что по-своему былъ бы правъ родитель его, ощущая брезгливость, что брезгливость ту ощущаетъ родитель вотъ сейчасъ — здѣсь. Понялъ и то, что смѣсь озлобленія и стыда заставила его быстро такъ привскочить передъ бѣло-золотымъ старичкомъ:

— „Доброе утро, папаша!“

Но сенаторъ, продолжаясь чувственно въ сынѣ, можетъ быть, инстинктивно испытывая нѣчто не совсѣмъ чуждое и ему (какъ бы голосъ когда-то бывшихъ и въ немъ сомнѣній— въ дни его профессуры), въ свою очередь представилъ себя самого въ сознательномъ неглиже, созерцающимъ карьериста-выскочку сына, во всемъ бѣло-золотомъ—передъ неглиже родителя,—испуганно заморгалъ глазками и съ какой-то наивностью, утрированной донельзя, весело и особенно фамильярно отвѣтилъ:

— „Мое почтенье-съ!“

Вѣроятно, носитель брилліантовыхъ знаковъ вовсе не зналъ подлиннаго своего окончанія, продолжаясь въ психикѣ сына. У обоихъ логика была окончательно развита въ ущербъ психики. Психика ихъ представлялась имъ хаосомъ, изъ котораго все-то лишь рождались одни сюрпризы; но когда оба соприкасались другъ съ другомъ психически, то явили собой подобіе двухъ другъ къ другу повернутыхъ мрачныхъ отдушинъ въ совершенную бездну; и отъ бездны къ безднѣ пробѣгалъ непріятнѣйшій сквознячокъ; сквознячокъ этотъ оба

Digitized by Microsoft ®

тутъ ощутили, стоя другъ передъ другомъ; и мысли обоихъ смѣшались, такъ что сынъ могъ навѣрное бы продолжать мысль отца.

Потупились оба.

Менѣе всего могла походить на любовь неизъяснимая близость; сознаніе Николая Аполлоновича, по крайней мѣрѣ, такой любви не знавало. Неизъяснимую близость Николай Аполлоновичъ ощущалъ, какъ позорный физіологическій актъ; въ ту минуту могъ бы онъ отнестись къ выдѣленію всяческой родственности, какъ къ естественному выдѣленію организма: выдѣленія эти ни не любятъ, ни любятъ: ими—брезгаютъ.

На лицѣ его появилось безсильное лягушечье выраженіе.

— „Вы сегодня въ парадѣ?“

Пальцы всунулись въ пальцы; и пальцы отдернулись. Аполлонъ Аполлоновичъ, видно, хотѣлъ что-то выразить, вѣроятно, дать словесное объясненіе о причинахъ его появленія въ этой формѣ; и еще онъ хотѣлъ задать одинъ вопросъ о причинѣ неестественной блѣдности сына, или хотя бы освѣдомиться, почему появился сынъ въ столь несвойственный часъ. Но слова его какъ-то въ горлѣ застряли, и Аполлонъ Аполлоновичъ только раскашлялся. Въ ту минуту появился лакей и сказалъ, что карета подана. Аполлонъ Аполлоновичъ, чему-то обрадовавшись, благодарно кивнулъ лакею и сталъ торопиться.

— „Такъ-съ, такъ-съ: очень хорошо-съ!“

Аполлонъ Аполлоновичъ, блескъ и трепетъ, пролетѣлъ мимо сына; скоро пересталъ стучать его шагъ.

Николай Аполлоновичъ посмотрѣлъ вслѣдъ родителю: на лицѣ его опять появилась улыбка; бездна отвернулась отъ бездны; пересталъ дуть сквознякъ.

Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ вспомнилъ послѣдній отвѣтственный циркуляръ Аполлона Аполлоновича Аблеухова, составлявшій полное несоотвѣтствіе съ планами Николая Аполлоновича; и Николай Аполлоновичъ пришелъ къ рѣшительному заключенію, что родитель его, Аполлонъ Аполлоновичъ, просто-напросто—отъявленный негодяй...

Digitized by Microsoft ®

Скоро маленькій старичокъ поднимался по трепетной лѣстницѣ, сплошь уложенной ярко-краснымъ сукномъ; на ярко-красномъ сукнѣ, сгибаясь, маленькія ноги съ неестественной быстротой стали строить углы, отчего успокоился быстро и духъ Аполлона Аполлоновича: онъ во всемъ любилъ симметрію.

Скоро къ нему подошли многіе, какъ и онъ, старички: баки, бороды, лысины, усы, подбородки, златогрудые и украшенные орденами, управляющіе движеніемъ нашего государственнаго колеса; и тамъ, у лѣстничной балюстрады стояла златогрудая кучечка, обсуждавшая рокочущимъ басомъ роковое вращеніе колеса по колдобинамъ, пока оберъ-церемоніймейстеръ, проходившій съ жезломъ, не предложилъ имъ всѣмъ выравняться по линіи.

Тотчасъ же послѣ старички снова сроились — въ залѣ, въ вестибюлѣ, у колоннъ балюстрады. Почему-то отмѣтился вдругъ одинъ искристый рой, изъ центра котораго раздавался неугомонный, но сдержанный говоръ, забасилъ оттуда, изъ центра, будто бархатный, огромныхъ размѣровъ шмель; онъ былъ ниже всѣхъ ростомъ, и когда обстали его златогрудые старички; то его и вовсе не было видно. А когда богатырскаго роста графъ Дубльве, съ синей лентой черезъ плечо, проводя рукою по сѣдинамъ, съ мягкой какой-то развязностью, подошелъ къ старческой кучечкѣ и прищурилъ глаза, онъ увидѣлъ, что этимъ гудящимъ центромъ оказался Аполлонъ Аполлоновичъ. Тотчасъ же Аполлонъ Аполлоновичъ оборвалъ свою рѣчь, и съ неслишкомъ яркой сердечностью, но съ сердечностью все же, протянулъ свою руку къ той роковой рукѣ, которая подписала только-что условіе одного чрезвычайнаго договора. Графъ Дубльве какъ-то мягко нагнулся къ бывшему ему по плечо голому черепу, и шипящая острота поползла проворно въ ухо блѣдно-зеленыхъ отливовъ; острота эта, впрочемъ, улыбки не вызвала: не улыбались на шутку и златогрудые, обставшіе старички; и сама собою растаяла кучечка. Съ богатырскаго вида сановникомъ Аполлонъ Аполлоновичъ и спускался по лѣстницѣ; предъ Аполлономъ

Digitized by Microsoft®

Аполлоновичемъ графъ Дубльве шелъ въ изогнутомъ положеніи; выше ихъ опускались искрометные старички, ниже ихъ—горбоносый посолъ одного далекаго государства, старичокъ красногубый, восточный; между ними — маленькій, бѣло-золотой и, какъ палка, прямой опускался Аполлонъ Аполлоновичъ на огненномъ фонѣ сукна, покрывавшаго лѣстницу.

. . . . . .

Въ этотъ часъ на широкомъ Марсовомъ полѣ былъ большой плацъ-парадъ; тамъ стояло карре императорской гвардіи.

Издали, сквозь толпу, за стальною щетиною штыковъ преображенцевъ, семеновцевъ, измайловцевъ, гренадеръ, можно было увидѣть ряды бѣлоконныхъ отрядовъ; казалось—золотое, сплошное, лучи отдающее зеркало медленно тронулось къ пункту отъ пункта; затрепались въ воздухѣ пестрые эскадронные знаки; мелодично и плакали, и взывали оттуда серебряные оркестры; можно было увидѣть тамъ рядъ эскадроновъ—кирасирскихъ, кавалергардскихъ; можно было увидѣть далѣе самый тотъ эскадронъ — кирасирскій, кавалергардскій,—можно было увидѣть галопаду всадниковъ эскадроннаго ряда — кирасировъ, кавалергардовъ, — бѣлокурыхъ, огромныхъ и покрытыхъ броней, въ бѣлыхъ, изъ лайки, гладкихъ, обтянутыхъ панталонахъ, въ золотыхъ и искристыхъ панцыряхъ, въ лучезарныхъ каскахъ, увѣнчанныхъ то серебрянымъ голубемъ, то двуглавымъ орломъ; гарцовали всадники эскадроннаго ряда; гарцовали ряды эскадрона. И, увѣнчанный металлическимъ голубемъ, на конѣ плясалъ передъ ними блѣдноусый баронъ Оммергау; и такимъ же увѣнчанный голубемъ гарцовалъ надменно графъ Авенъ,—кирасиры, кавалергарды! И изъ пыли кровавою тучей, опустивъ внизъ султаны, на сѣдыхъ своихъ скакунахъ пронеслись галопомъ гусары; заалѣли ихъ ментики, забѣлѣли въ вѣтрѣ за ними мѣховыя накидки; загудѣла земля, и вверхъ лязгнули сабли: и надъ гуломъ, надъ пылью, потекла вдругъ струя яркаго серебра. Какъ-то вбокъ пролетѣло гусарское красное облако, и очистился плацъ. И опять, тамъ,

Digitized by Microsoft ®

въ пространствѣ, возникли теперь ужъ лазурные всадники, отдавая и далямъ, и солнцу серебро своихъ латъ: то, должно быть, былъ дивизіонъ гвардейскихъ жандармовъ; издали на толпу онъ пожаловался трубой; но его затянуло отъ взоровъ бурою пылью; трещалъ барабанъ; прошли пѣхотинцы.

На митингѣ.

Послѣ мозглой первооктябрьской слякоти петербургскія крыши, петербургскіе шпицы, наконецъ, петербургскіе купола ослѣпительно закупались однажды въ октябревскомъ морозномъ солнышкѣ.

Ангелъ Пери въ этотъ день оставался одинъ; мужа не было: онъ завѣдывалъ—гдѣ-то тамъ—провіантами; непричесанный ангелъ порхалъ въ своемъ розовомъ кимоно между вазами хризантемъ и горой Фузи-Яма; полами хлопало, какъ атласными крыльями, кимоно, а владѣлецъ того кимоно, упомянутый ангелъ, подъ гипнозомъ все той же идеи покусывалъ то платочекъ, а то кончикъ черной косы. Николай Аполлоновичъ оставался, конечно, подлецъ-подлецомъ, но и газетный сотрудникъ Нейтельпфайнъ—вотъ тоже!—скотина. Чувства ангела растрепались до крайности.

Чтобы сколько-нибудь привести въ порядокъ растрепанность чувства, ангелъ Пери съ ногами забрался на стеганую козетку и раскрылъ свою книжечку: Анри Безансонъ. „Человѣкъ и его тѣла“. Эту книжечку ангелъ уже раскрывалъ многократно, но... и но: книжечка выпадала изъ рукъ, глазки ангела Пери смыкались стремительно, въ крохотномъ носикѣ пробуждалась бурная жизнь: онъ посвистывалъ и посапывалъ.

Нѣтъ, сегодня она не заснетъ: баронесса R. R. ужъ однажды справлялась о книжечкѣ; и узнавъ, что книжечка прочтена, какъ-то лукаво спросила: „Что вы скажете мнѣ, ma chère?“ Но „ma chère“ ничего не сказала; и баронесса R. R. пригрозила ей пальчикомъ: вѣдь недаромъ же надпись на книжечкѣ начиналась словами: „Мой деваханическій другъ“, и

Digitized by Microsoft®

кончалась надпись та подписью: „Баронесса R. R.—бренная скорлупа, но съ будхической искоркой".

Но—позвольте, позвольте: что̀ такое „деваханическій другъ", „скорлупа", „будхическая искорка"? Это вотъ разъяснитъ Анри Безансонъ. И Софья Петровна на этотъ разъ въ Анри Безансонъ углубится; но едва она просунула носикъ въ Анри Безансонъ, явственно ощущая въ страницахъ запахъ самой баронессы (баронесса душилась опопонаксомъ), какъ раздался звонокъ, и влетѣла бурей курсистка, Варвара Евграфовна: драгоцѣнную книжечку не успѣлъ ангелъ Пери, какъ слѣдуетъ, спрятать; и былъ пойманъ ангелъ съ поличнымъ.

— „Что такое?"—строго крикнула Варвара Евграфовна, приложила къ носу пенснэ и нагнулась надъ книжечкой...

— „Что такое это у васъ? Кто вамъ далъ?"

— „Баронесса R. R..."

— „Ну, конечно... А что̀ такое?"

— „Анри Безансонъ..."

— „Вы хотите сказать Анни Безантъ... Человѣкъ и его тѣла?.. Что за чушь?.. А прочли ли вы „Манифестъ" Карла Маркса?"

Синіе глазки испуганно замигали, а пунцовыя губки надулись обиженно.

— „Буржуазія, чувствуя свой конецъ, ухватилась за мистику: предоставимъ небо воробьямъ и изъ царства необходимости сложимъ царство свободы".

И Варвара Евграфовна побѣдоносно окинула ангела непререкаемымъ взглядомъ чрезъ пенснэ: и безпомощнѣй заморгали глазки ангела Пери; этотъ ангелъ уважалъ одинаково и Варвару Евграфовну, и баронессу R. R. А сейчасъ приходилось выбирать между ними. Но Варвара Евграфовна, къ счастію, не поднимала исторіи; положивъ ногу на ногу, она протерла пенснэ.

— „Дѣло вотъ въ чемъ... Вы, конечно, будете на балу у Цукатовыхъ..."

— „Буду"—виновато такъ отвѣтствовалъ ангелъ.

Digitized by Microsoft ®

— „Дѣло вотъ въ чемъ: на этомъ балу по достигшимъ до меня слухамъ будетъ и нашъ общій знакомецъ: Аблеуховъ."

Ангелъ вспыхнулъ.

— „Ну, такъ вотъ: ему-то вы и передайте вотъ это письмо".—Варвара Евграфовна сунула письмо въ руки ангелу.

— „Передайте; и все тутъ: такъ передадите?"

— „Пе... передамъ..."

— Ну такъ такъ, а мнѣ нечего тутъ у васъ прохлаждаться: я на митингъ..."

— „Голубка, Варвара Евграфовна, возьмите съ собой и меня.

— „А вы не боитесь? Можетъ быть избіеніе..."

— „Нѣтъ, возьмите, возьмите—голубушка.

— „Что-жъ: пожалуй, пойдемте. Только вы будете одѣваться; и прочее тамъ: пудриться... Такъ ужъ вы поскорѣе..."

— „Ахъ, сейчасъ: въ одинъ мигъ!.."

. . . . . .

— „Господи, поскорѣе, поскорѣе... Корсетъ, Маврушка!.. Черное шерстяное платье—то самое: и ботинки—тѣ, которыя. Ахъ да нѣтъ: съ высокими каблуками". И шуршали, падая, юбки: полетѣлъ на постель черезъ столъ розовый кимоно... Маврушка путалась: Маврушка опрокинула стулъ...

— „Нѣтъ, не такъ, а потуже: еще потуже... У васъ не руки—обрубки... Гдѣ подвязки—а, а? Сколько разъ я вамъ говорила?" И закракалъ костью корсетъ; а дрожащія руки все никакъ не могли уложить на затылкѣ ночи черныя косъ...

Софья Петровна Лихутина съ костяною шпилькой въ зубахъ закосила глазами: закосила глазами она на письмо; на письмѣ же четко была сдѣлана надпись: Николаю Аполлоновичу Аблеухову.

Что она „его" завтра встрѣтитъ на балу у Цукатовыхъ, будетъ съ нимъ говорить, передастъ вотъ письмо,—это было и страшно, и больно: роковое тутъ что-то—нѣтъ не думать, не думать!

Непокорная черная прядь соскочила съ затылка.

Да, письмо. На письмѣ же четко стояло: Николаю

Digitized by Microsoft ®

Аполлоновичу Аблеухову. Странно только вотъ что̀: этотъ почеркъ былъ почеркъ Липпанченко... Что за вздоръ!

Вотъ она уже въ шерстяномъ черномъ платьѣ съ застежкою на спинѣ пропорхнула изъ спальни:

— „Ну, идемте, идемте же... Кстати, это письмо... Отъ кого?..“

— „?“

— „Ну, не надо, не надо: готова я“.

Для чего такъ спѣшила на митингъ? Чтобъ дорогой вывѣдывать, спрашивать, добиваться?

А что̀ спрашивать?

У подъѣзда столкнулись они съ хохломъ-малороссомъ Липпанченко:

— „Вотъ такъ такъ: вы куда?“

Софья Петровна съ досадою замахала и плюшевой ручкой и муфточкой:

— „Я на митингъ, на митингъ“.

Но хитрый хохолъ не унялся:

— „Прекрасно: и я съ вами“.

Варвара Евграфовна вспыхнула, остановилась: и уставилась въ упоръ на хохла.

— „Я васъ, кажется, знаю: вы снимаете номеръ... у Манпонши“.

Тутъ безстыдный хитрый хохолъ пришелъ въ сильнѣйшее замѣшательство: запыхтѣлъ вдругъ, запятился, приподнялъ свою шапку, отсталъ.

— „Кто, скажите, этотъ непріятный субъектъ?“

— „Липпанченко“.

— Ну и вовсе неправда: не Липпанченко, а грекъ изъ Одессы: Маврокордато; онъ бываетъ въ номерѣ у меня за стѣной: не совѣтую вамъ его принимать“.

Но Софья Петровна не слушала. Маврокордато, Липпанченко—все равно... Письмо, вотъ, письмо...

. . . . . .

Digitized by Microsoft ®

Благороденъ, строенъ, блѣденъ!..

Они проходили по Мойкѣ.

Слѣва отъ нихъ трепетали листочками сада послѣднее золото и послѣдній багрецъ; и приблизившись ближе, можно было бы видѣть синичку; а изъ сада покорно тянулась на камни шелестящая нить, чтобы виться и гнаться у ногъ прохожаго пѣшехода, и шушукать, сплетая изъ листьевъ желто-красныя розсыпи словъ.

— „Ууу-ууу-ууу...“—такъ звучало въ пространствѣ.

— „Вы слышите?“

— „Что̀ такое?“

. . . . . .

— „Ууу-ууу...“

. . . . . .

— „Ничего я не слышу...“

А тотъ звукъ раздавался негромко въ городахъ, лѣсахъ и поляхъ, въ пригородныхъ пространствахъ Москвы, Петербурга, Саратова. Слышалъ ли ты октябревскую эту пѣсню тысяча девятьсотъ пятаго года? Этой пѣсни ранѣе не было; этой пѣсни не будетъ.

— „Это вѣрно фабричный гудокъ: гдѣ-нибудь на фабрикахъ забастовка“.

Но фабричный гудокъ не гудѣлъ, вѣтра не было; и безмолвствовалъ песъ.

Подъ ногами ихъ справа голубѣлъ мойскій каналъ, а за нимъ надъ водою возникла красноватая линія набережныхъ камней и вѣнчалась желѣзнымъ, рѣшетчатымъ кружевомъ: то же свѣтлое трехъэтажное зданіе александровской эпохи подпиралось пятью каменными колоннами; и мрачнѣлъ межъ колоннами входъ; надъ вторымъ этажемъ проходила та же все полоса орнаментной лѣпки: кругъ за кругомъ—все лѣпные круги.

Межъ каналомъ и зданіемъ на своихъ лошадяхъ пролетѣла шинель, утаивъ въ свой боберъ замерзающій кончикъ

Digitized by Microsoft ®

надменнаго носа; и качался ярко-желтый околышъ, да розовая подушка шапочки кучерской колыхнулась чуть-чуть. Поравнявшись съ Лихутиной, высоко надъ плѣшью взлетѣлъ яркожелтый околышъ Ея Величества кирасира: это былъ баронъ Оммау-Оммергау.

Впереди, гдѣ каналъ загибался, поднимались красныя стѣны церкви, убѣгая въ высокую башенку и въ зеленый шпицъ; а лѣвѣе надъ домовымъ, каменнымъ выступомъ, въ стеклянѣющей бирюзѣ ослѣпительный куполъ Исакія поднимался такъ строго.

Вотъ и Набережная: глубина, зеленоватая синь. Тамъ далеко, далеко, будто дальше, чѣмъ слѣдуетъ, опустились, принизились острова: и принизились зданія; вотъ замоетъ, хлынетъ на нихъ глубина, зеленоватая синь. А надъ этою зеленоватою синью немилосердный закатъ и туда и сюда посылалъ свой багровосвѣтлый ударъ: и багрился Троицкій Мостъ; и Дворецъ тоже багрился.

Вдругъ подъ этою глубиной и зеленоватой синью на багровомъ фонѣ зари показался отчетливый силуэтъ: въ вѣтрѣ крыльями билась сѣрая николаевка; и небрежно откинулось восковое лицо, оттопыривши губы: въ синеватыхъ невскихъ просторахъ все глаза его что-то искали, найти не могли, улетѣли мимо надъ скромною ея шапочкой; не увидѣли шапочки: не увидѣли ничего—ни ея, ни Варвары Евграфовны: только видѣли глубину, зеленоватую синь; поднялись и упали—тамъ упали глаза, за Невой, гдѣ принизились берега и багрились островныя зданія. Впереди же, сопя, пробѣжалъ полосатый, темный бульдогъ, унося въ зубахъ свой серебряный хлыстикъ.

Поравнявшись, очнулся онъ, чуть прищурился, чуть рукой прикоснулся къ околышу; ничего не сказалъ—и туда ушелъ: тамъ багрились лишь зданія.

Софья Петровна съ совершенно косыми глазами, спрятавъ личико въ муфточку (она была теперь краснѣе піона), безпомощно какъ-то въ сторону помотала головкой: не ему, а бульдогу. А Варвара Евграфовна такъ-таки и уставилась, засопѣла, впилась глазами.

Digitized by Microsoft ®

— „Аблеуховъ?“

— „Да... кажется“.

И, услышавши утвердительный отвѣтъ (сама она была близорука), Варвара Евграфовна про себя взволнованно зашептала:

Благороденъ, строенъ, блѣденъ,
Волоса, какъ ленъ;
Мыслью—щедръ и чувствомъ бѣденъ
Н. А. А.—кто-жъ онъ?

Вотъ, вотъ онъ:

Революціонеръ извѣстный,
Хоть аристократъ,
Но семьи своей безчестной
Лучше во сто кратъ.

Вотъ, онъ пересоздаватель гнилого строя, которому она (скоро, скоро!) собирается предложить гражданскій бракъ по свершеніи имъ ему предназначенной миссіи, за которой послѣдуетъ всеобщій, міровой взрывъ: тутъ она захлебнулась (Варвара Евграфовна имѣла обычай слишкомъ громко заглатывать слюни).

— „Что̀ такое?“

— „Ничего: мнѣ пришелъ въ голову одинъ идейный мотивъ“. Но Софья Петровна не слушала больше: неожиданно для себя она повернулась, и увидѣла, что тамъ, тамъ, на дворцовомъ выступѣ въ свѣтлобагровомъ ударѣ послѣднихъ Невскихъ лучей, какъ-то странно повернутый къ ней, выгибаясь и уйдя лицомъ въ воротникъ, отчего скатывалась съ него студенческая фуражка, стоялъ Николай Аполлоновичъ: ей казалось, что онъ непріятнѣйшимъ образомъ улыбался и во всякомъ случаѣ представлялъ собой довольно смѣшную фигуру: запахнувшись въ шинель, онъ казался и сутулымъ, и какимъ-то безрукимъ съ пренелѣпо плясавшимъ по вѣтру шинельнымъ крыломъ; и увидѣвъ все то, головку она повернула стремительно.

Долго еще простоялъ онъ, изогнувшись, улыбался не-

пріятнѣйшимъ образомъ и во всякомъ случаѣ представлялъ собой довольно смѣшную фигуру безрукаго съ такъ нелѣпо плясавшимъ въ вѣтрѣ шинельнымъ крыломъ на пятнѣ багроваго закатнаго косяка. Но во всякомъ случаѣ на нее не глядѣлъ онъ: развѣ можно было съ его близорукостью разсмотрѣть удалявшіяся фигурки; самъ съ собой онъ смѣялся и глядѣлъ далеко-далеко, будто дальше, чѣмъ слѣдуетъ,—туда, куда опускались островныя зданія, гдѣ они едва протуманились въ багровѣющемъ дымѣ.

А она—ей хотѣлось заплакать: ей хотѣлось, чтобъ мужъ ея, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, подойдя къ этому подлецу, вдругъ ударилъ его по лицу кипарисовымъ кулакомъ и сказалъ по этому поводу свое честное, офицерское слово.

Немилосердный закатъ посылалъ ударъ за ударомъ отъ самаго горизонта; выше шла неизмѣримость розовой ряби; еще выше мягко такъ недавно бѣлыя облачка (теперь розовыя) будто мелкія вдавлины перебитаго перламутра пропадали во всемъ бирюзовомъ; это все бирюзовое равномѣрно лилось межъ осколковъ розовыхъ перламутровъ: скоро перламутринки, утопая въ высь, будто отходя въ океанскую глубину,—въ бирюзѣ погасятъ нѣжнѣйшіе отсвѣты: хлынетъ всюду темная синь, синевато-зеленая глубина: на дома, на граниты, на воду.

И заката не будетъ.

Конто-Конто-Конто!

Лакей подалъ супъ. Передъ тарелкой сенатора предварительно изъ прибора поставилъ онъ перечницу.

Аполлонъ Аполлоновичъ показался изъ двери въ своемъ сѣренькомъ пиджачкѣ; такъ же быстро усѣлся онъ; и лакей снялъ ужъ крышку съ дымящейся супницы.

Отворилась лѣвая дверь; стремительно въ лѣвую дверь проскочилъ Николай Аполлоновичъ въ застегнутомъ наглухо мундирѣ студента; у мундира топорщился высочайшій (временъ императора Александра Перваго) воротникъ.

Digitized by Microsoft ®

Оба подняли глаза другъ на друга; и оба смутились (они смущались всегда).

Аполлонъ Аполлоновичъ перекинулся взоромъ отъ предмета къ предмету; Николай Аполлоновичъ ощутилъ ежедневное замѣшательство: у него свисали съ плечей двѣ совершенно ненужныхъ руки по обѣ стороны туловища; и въ порывѣ безплодной угодливости, подбѣгая къ родителю, сталъ поламывать онъ свои тонкіе пальцы (палецъ о палецъ).

Ежедневное зрѣлище ожидало сенатора: неестественно вѣжливый сынъ неестественно быстро, вприпрыжку, преодолѣвалъ пространство отъ двери—и до обѣденнаго стола. Аполлонъ Аполлоновичъ передъ сыномъ стремительно всталъ (всѣ сказали-бъ—вскочилъ).

Николай Аполлоновичъ споткнулся о столовую ножку.

Аполлонъ Аполлоновичъ протянулъ Николаю Аполлоновичу свои пухлыя губы; къ этимъ пухлымъ губамъ Николай Аполлоновичъ прижалъ двѣ губы; губы другъ друга коснулись; и два пальца тряхнула обычно потѣющая рука.

— „Добрый вечеръ, папаша!“

— „Мое почтенье-съ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ сѣлъ. Аполлонъ Аполлоновичъ ухватился за перечницу. По обычаю Аполлонъ Аполлоновичъ переперчивалъ супъ.

— „Изъ Университета?..“

— „Нѣтъ, съ прогулки...“

И лягушечье выраженіе пробѣжало на осклабленномъ ртѣ почтительнаго сыночка, котораго лицо успѣли мы разсмотрѣть, взятое въ отвлеченіи отъ всевозможныхъ ужимокъ, улыбокъ или жестовъ любезности, составляющихъ проклятіе жизни Николая Аполлоновича, хотя бы ужъ потому, что отъ греческой маски не оставалось слѣда; эти улыбки, ужимки или просто жесты любезности заструились какимъ-то непрерывнымъ каскадомъ передъ порхающимъ взоромъ разсѣяннаго папаши; и рука, подносившая ко рту ложку, очевидно дрожала, расплескивая супъ.

— „Вы, папаша, изъ Учрежденія?“

Digitized by Microsoft ®

— „Нѣтъ, отъ министра...“

. . . . . .

Выше мы видѣли, какъ сидя въ своемъ кабинетѣ, Аполлонъ Аполлоновичъ пришелъ къ убѣжденію, что сынъ его отпѣтый мошенникъ: такъ надъ собственной кровью и надъ собственной плотью совершалъ ежедневно шестидесятивосьмилѣтній папаша нѣкій, хотя и умопостигаемый, но все же террористическій актъ.

Но то были отвлеченныя, кабинетныя заключенія, не выносившіяся уже въ корридоръ, ни (тѣмъ паче) въ столовую.

— „Тебѣ, Коленька, перцу?“

— „Мнѣ соли, папаша...“

Аполлонъ Аполлоновичъ, глядя на сына, то-есть, порхая вокругъ закорчившагося молодого философа перебѣгающими глазами по традиціи этого часа предавался приливу, такъ сказать, отчества, избѣгая мыслями кабинетъ.

— „А я люблю перецъ: съ перцемъ вкуснѣе...“

Николай Аполлоновичъ, опуская въ тарелку глаза, изгонялъ изъ памяти докучныя ассоціаціи: невскій закатъ и невыразимость розовой ряби, перламутра нѣжнѣйшіе отсвѣты, синевато-зеленую глубину; и на фонѣ нѣжнѣйшаго перламутра...

— „Такъ-съ!..“

— „Такъ-съ!..“

— „Очень хорошо-съ...“

Занималъ разговоромъ сынка (или лучше замѣтить—себя) Аполлонъ Аполлоновичъ.

Надъ столомъ тяжелѣло молчаніе.

Этимъ молчаніемъ за вкушеніемъ супа не смущался нисколько Аполлонъ Аполлоновичъ (старые люди молчаніемъ не смущаются, а нервная молодежь—да)... Николай Аполлоновичъ за отысканіемъ темы для разговора испытывалъ настоящую муку надъ остывшей тарелкою супа.

И неожиданно для себя разразился:

— „Вотъ... я...“

— „То-есть, что?“

— „Нѣтъ... Такъ... ничего...“

Digitized by Microsoft ®

Надъ столомъ тяготѣло молчаніе.

Николай Аполлоновичъ опять неожиданно для себя разразился (вотъ непосѣда-то!)

— „Вотъ... я...“

Только что „вотъ я?“ Продолженія къ выскочившимъ словамъ все еще не придумалъ онъ; и не было мысли къ „вотъ... я...“ И Николай Аполлоновичъ споткнулся...

— „Что́ бы такое къ вотъ я“—думалъ онъ—„мнѣ придумать“. И ничего не придумалъ.

Между тѣмъ Аполлонъ Аполлоновичъ, обезпокоенный вторично нелѣпой словесной смятенностью сына, вопросительно, строго, капризно вдругъ вскинулъ свой взоръ, негодуя на „мямлянье“...

— „Позволь: что такое?“

Въ головѣ же сынка бѣшено завертѣлись безсмысленныя слова:

— „Перцепція...

— „Апперцепція...

— „Перецъ—не перецъ, а терминъ: терминологія...

— „Логія, логика...“

И вдругъ выкрутилось:

— „Логика Когена...“

Николай Аполлоновичъ, радуясь, что нашелъ выходъ къ слову, улыбаяся, выпалилъ:

— „Вотъ... я... прочелъ въ „Theorie der Erfahrung“ Когена...“

И запнулся опять.

— „Итакъ, что же это за книга, Коленька?“

Аполлонъ Аполлоновичъ въ наименованіи сына непроизвольно соблюдалъ традиціи дѣтства; и въ общеніи съ отпѣтымъ мошенникомъ именовалъ отпѣтаго мошенника „Коленькой, сынкомъ, дружкомъ“ и даже—„голубчикомъ...“

— „Когенъ, крупнѣйшій представитель европейскаго кантіанства“.

— „Позволь—контіанства?“

Digitized by Microsoft ®

— „Кантіанства, папаша...“

— „Кан-ті-ан-ства?“

— „Вотъ именно...“

— „Да вѣдь Канта же опровергъ Контъ? Ты о Контѣ вѣдь?

— „Не о Контѣ, папаша, о Кантѣ!..“

— „Но Кантъ не наученъ...“

— „Это Контъ не наученъ...“

. . . . . .

— „Не знаю, не знаю, дружокъ: въ наши времена полагали не такъ...“

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ, уставшій и какой-то несчастный, медленно протиралъ глаза холодными кулачками, затвердивши разсѣянно:

— „Контъ...“

— „Контъ...“

— „Контъ...“

Лоски, лаки, блески и какія-то красныя искорки заметались въ глазахъ (Аполлонъ Аполлоновичъ всегда предъ глазами своими видѣлъ, такъ сказать, два разнообразныхъ пространства: наше пространство и еще пространство какой-то крутящейся сѣти изъ линій, становившихся золотенькими по ночамъ).

Аполлонъ Аполлоновичъ разсудилъ, что мозгъ его снова страдаетъ сильнѣйшими приливами крови, обусловленными сильнѣйшимъ геморроидальнымъ состояніемъ всей послѣдней недѣли; къ темной кресельной стѣнкѣ, въ темную глубину привалилась его черепная коробка; темносиняго цвѣта глаза уставились вопросительно:

— „Контъ... Да: Кантъ...“

Онъ подумалъ и вскинулъ очи на сына:

— „Итакъ, что же это за книга, Коленька?“

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ съ инстинктивною хитростью заводилъ рѣчь о Когенѣ; разговоръ о Когенѣ былъ нейтраль-

Digitized by Microsoft ®

нѣйшій разговоръ; разговоромъ этимъ снимались прочіе разговоры; и какое-то объясненіе отсрочивалось (изо дня въ день—изъ мѣсяца въ мѣсяцъ). Да и кромѣ того: привычка къ назидательнымъ разговорамъ сохранилась въ душѣ Николая Аполлоновича со временъ еще дѣтства: со временъ еще дѣтства Аполлонъ Аполлоновичъ поощрялъ въ своемъ сынѣ подобные разговоры: такъ бывало по возвращеніи изъ гимназіи Николая Аполлоновича съ видимымъ жаромъ объяснялъ папашѣ сынокъ подробности о когортахъ, тестудо и туррисахъ; объяснялъ и прочія подробности галльской войны; съ удовольствіемъ тогда внималъ сыну Аполлонъ Аполлоновичъ, снисходительно поощряя къ интересамъ гимназіи. А въ позднѣйшія времена Аполлонъ Аполлоновичъ Коленькѣ даже клалъ ладонь на плечо.

— „Ты бы, Коленька, прочиталъ Логику Милля: это, знаешь ли, полезная книга... Два тома... Я ее въ свое время прочиталъ отъ доски до доски...“

И Николай Аполлоновичъ только-что предъ тѣмъ проглотившій Логику Зигварта, тѣмъ не менѣе выходилъ въ столовую къ чаю съ преогромнымъ томомъ въ рукѣ. Аполлонъ Аполлоновичъ, будто бы невзначай, ласково спрашивалъ:

— „Что это ты читаешь, Коленька?“

— „Логику Милля, папаша“.

— „Такъ-съ, такъ-съ... Очень хорошо-съ!“

. . . . . .

И теперь, раздѣленные до конца, приходили они безсознательно къ старымъ воспоминаніямъ: ихъ обѣдъ часто кончался назидательнымъ разговоромъ...

Нѣкогда Аполлонъ Аполлоновичъ былъ профессоромъ философіи права: въ это время многое онъ прочитывалъ до конца. Все то—миновало безслѣдно: предъ изящными пируэтами родственной логики Аполлонъ Аполлоновичъ чувствовалъ безпредметную тяжесть. Аполлонъ Аполлоновичъ не умѣлъ сынку возражать.

Онъ, однако, подумалъ: „Надо Коленькѣ отдать справед-

Digitized by Microsoft ®

ливость: умственный аппаратъ у него отчетливо разработанъ".

Въ то же время Николай Аполлоновичъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, что родитель его—необычно сознательный слушатель.

И подобіе дружбы межъ ними возникало обычно къ десерту: имъ иногда становилось жаль обрывать обѣденный разговоръ, будто оба они боялись другъ друга; будто каждый изъ нихъ въ одиночку другъ другу сурово подписывалъ казнь.

Оба встали: оба стали расхаживать по комнатной анфиладѣ; встали въ тѣнь бѣлые Архимеды: тамъ, тамъ; вотъ и тамъ; анфилада комнатъ чернѣла; издали, изъ гостиной, понеслись красноватыя вспышки свѣтового броженія; издали, изъ гостиной, сталъ потрескивать огонекъ.

Такъ когда-то бродили они по пустой комнатной анфиладѣ—мальчуганъ и... еще нѣжный отецъ; еще нѣжный отецъ похлопывалъ по плечу бѣлокураго мальчугана; послѣ нѣжный отецъ подводилъ къ окну мальчугана, поднималъ палецъ на звѣзды:

— „Звѣзды, Коленька, далеко: отъ ближайшей звѣзды лучевой пучекъ пробѣгаетъ къ землѣ два съ лишнимъ года... Такъ-то вотъ, мой родной!" И еще однажды нѣжный отецъ написалъ сыну стихотвореньице:

Дурачокъ, простачекъ
Коленька танцуетъ.
Онъ надѣлъ колпачекъ —
На конѣ гарцуетъ.

Также когда изъ тѣней выступали контуры столиковъ, лучъ набережныхъ огней пролеталъ изъ стекла: столики начинали поблескивать инкрустаціей. Неужели отецъ пришелъ къ заключенію, будто кровь отъ крови его—негодяйская кровь? Неужели и сынъ посмѣялся надъ старостью?

Дурачокъ, простачекъ
Коленька танцуетъ:
Онъ надѣлъ колпачекъ
На конѣ гарцуетъ.

Digitized by Microsoft ®

Было ли это—можетъ быть не было этого... нигдѣ, никогда?

Оба сидѣли теперь на атласной гостиной кушеткѣ, чтобъ безцѣльно растягивать незначущія слова: вглядывались другъ другу въ глаза выжидательно, и каминное красное пламя на обояхъ дышало тепломъ; бритый, сѣрый и старый на мигающемъ пламени рисовался Аполлонъ Аполлоновичъ и ушами и пиджачкомъ: съ точно такимъ вотъ лицомъ на фонѣ горящей Россіи изобразили его на обложкѣ журнальчика. Протянувъ мертвую руку и не глядя сыну въ глаза, Аполлонъ Аполлоновичъ спросилъ упадающимъ голосомъ:

— „Часто у тебя, дружочекъ, бываетъ... мм... вотъ тотъ...“

— „Кто, папаша?“

— „Вотъ тотъ, какъ его... молодой человѣкъ...“

— „Молодой человѣкъ?“

— „Да—съ черными усиками“.

Николай Аполлоновичъ осклабился, заломалъ вдругъ вспотѣвшія руки...

— „Это тотъ, котораго вы давеча застали въ моемъ кабинетѣ?“

— „Ну да—тотъ самый...“

— „Александръ Ивановичъ Дудкинъ!.. Нѣтъ... Что вы...“

И сказавши „ч т о в ы“, Николай Аполлоновичъ подумалъ:

— „Ну, зачѣмъ я это „ч т о в ы“ сказалъ.

И подумавъ, прибавилъ:

— „Такъ себѣ, заходитъ ко мнѣ“.

. . . . . .

— „Если... если... это нескромный вопросъ, то... кажется...“

— „Что, папаша?“

— „Это онъ приходилъ къ тебѣ по... университетскимъ дѣламъ?“

. . . . . .

— „А впрочемъ... если мой вопросъ, такъ сказать, некстати...“

— „Почему же некстати?..“

Digitized by Microsoft ®

— „Ничего себѣ... пріятный молодой человѣкъ: бѣдный, какъ видно...“

. . . . . .

— „Онъ студентъ?..“

— „Студентъ“.

— „Университета?“

— „Да, университета...“

— „Не техническаго училища?..“

— „Нѣтъ, папаша...“

Аполлонъ Аполлоновичъ зналъ, что сынъ его лжетъ; Аполлонъ Аполлоновичъ посмотрѣлъ на часы; Аполлонъ Аполлоновичъ нерѣшительно всталъ. Николай Аполлоновичъ мучительно почувствовалъ свои руки, сконфуженно забѣгалъ глазами Аполлонъ Аполлоновичъ:

— „Да, вотъ... Много на свѣтѣ спеціальныхъ отраслей знанія: глубока каждая спеціальность—ты правъ. Знаешь ли, Коленька, я усталъ“.

Аполлонъ Аполлоновичъ о чемъ-то пытался спросить потиравшаго руки сына... Постоялъ, посмотрѣлъ, да и... не спросилъ, а потупился: Николай Аполлоновичъ на мгновенье почувствовалъ стыдъ.

Механически протянулъ Аполлонъ Аполлоновичъ сынку свои пухлыя губы: и рука тряхнула... два пальца.

— „Добрый вечеръ, папаша!“

— „Мое почтеніе-съ!“

Гдѣ-то сбоку зашаркала, зашуршала и вдругъ пискнула мышь.

. . . . . .

Скоро дверь сенаторскаго кабинета открылась: со свѣчею въ рукѣ Аполлонъ Аполлоновичъ пробѣжалъ въ одну ни съ чѣмъ не сравнимую комнату, чтобъ предаться... газетному чтенію.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ подошелъ къ окну.

Какое-то фосфорическое пятно и туманно, и бѣшено проносилось по небу; фосфорическимъ блескомъ протуманилась

Digitized by Microsoft ®

невская даль и отъ этого зелено замерцали беззвучно летящія плоскости, отдавая то тамъ, то здѣсь искрою золотой; кое-гдѣ на водѣ вспыхивалъ красненькій огонечекъ и, помигавъ, отходилъ въ фосфорически простертую муть. За Невою, темнѣя, вставали громадныя зданія острововъ и бросали въ туманы блекло свѣтившія очи—безконечно, беззвучно, мучительно: и казалось, что—плачутъ. Выше—бѣшено простирали клочковатыя руки какія-то смутныя очертанія; рой за роемъ, они восходили надъ невской волной; а съ неба кидалось на нихъ фосфорическое пятно. Только въ одномъ, хаосомъ не тронутомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ днемъ перекинутъ Троицкій мостъ, протуманились гнѣзда огромныя брилліантовъ надъ разблиставшимся роемъ кольчатыхъ, свѣтовыхъ змѣй; и свиваясь, и развиваясь, змѣи бѣжали оттуда искристой чередою; и потомъ, занырявъ, поднимались къ поверхности звѣздными струнками.

Николай Аполлоновичъ заглядѣлся на струнки.

. . . . . .

Набережная была пуста. Изрѣдка проходила черная тѣнь полицейскаго, вычерняясь въ свѣтлый туманъ и опять расплываясь; и вычернялись, и пропадали въ туманѣ тамъ заневскія зданія; вычернялся и опять въ туманѣ уходилъ Петропавловскій шпицъ.

Какая-то женская тѣнь давно уже вычернялась въ туманѣ: ставъ у перилъ, не уходила въ туманъ, но глядѣла прямо на окна Желтаго Дома. Николай Аполлоновичъ усмѣхнулся пренепріятной улыбкой: приложивъ къ носу пенснэ, онъ разглядывалъ тѣнь; Николай Аполлоновичъ съ любострастной жестокостью выпучилъ очи, все глядѣлъ на ту тѣнь; радость исказила черты его.

Нѣтъ, нѣтъ: не—она; но и она, какъ та тѣнь, хаживала вокругъ Желтаго Дома; и онъ ее видѣлъ; въ душѣ его было все непокойное. Она его, безъ сомнѣнья, любила; но ее ожидала роковая страшная месть.

Черная случайная тѣнь уже расплылась въ туманѣ.

. . . . . .

Digitized by Microsoft ®

Въ глубинѣ темнаго корридора звякнула металлическая задвижка, въ глубинѣ темнаго корридора промерцалъ свѣтъ: Аполлонъ Аполлоновичъ со свѣчею въ рукѣ возвращался изъ одного ни съ чѣмъ не сравнимаго мѣста: сѣрый, мышиный халатъ, сѣрыя бритыя щеки и огромные контуры совершенно мертвыхъ ушей отчетливо изваялись издали въ пляшущихъ свѣточахъ, убѣгая за свѣтлый кругъ въ совершенную тьму; изъ совершенной тьмы Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ прошелъ до дверей кабинета, чтобы кануть опять въ совершенную тьму; и мѣсто его прохожденія изъ раскрытой двери зіяло такъ мрачно.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ подумалъ: „Пора“.

Николай Аполлоновичъ зналъ, что сегодня до́ ночи митингъ, что т а шла на митингъ (ручательствомъ было с о п р о в о ж д е н і е Варвары Евграфовны: Варвара Евграфовна всѣхъ водила на митинги). Николай Аполлоновичъ подумалъ, что прошло уже два съ лишнимъ часа какъ онъ встрѣтилъ ихъ, по дорогѣ къ м р а ч н о м у з д а н і ю; и теперь онъ подумалъ: „П о р а“...

Митингъ.

Въ обширной передней мрачнаго зданія была отчаянная толчея.

Толчея несла ангела Пери, колыхая взадъ и впередъ межъ чьими-то спиною и грудью; такъ отчаянно силилась она протянуться къ Варварѣ Евграфовнѣ: но Варвара Евграфовна, не внимая, гдѣ-то тамъ, била, билась, толкалась: и пропала вдругъ въ толчеѣ; вмѣстѣ съ ней и пропала возможность разспросить о письмѣ. Что письмо! Въ глазахъ ея еще багрянѣли закатныя пятна; и—тамъ, тамъ: какъ-то странно повернутый къ ней на дворцовомъ выступѣ въ свѣтло-багровомъ ударѣ послѣднихъ Невскихъ лучей, выгибаясь и уйдя лицомъ въ воротникъ, стоялъ Николай Аполлоновичъ съ пренепріятной улыбкой. Нѣтъ! Во всякомъ случаѣ представлялъ онъ собой довольно смѣшную фигуру: казался сутулымъ и какимъ-то

Digitized by Microsoft ®

безрукимъ съ такъ нелѣпо плясавшимъ по вѣтру шинельнымъ крыломъ; ей хотѣлось заплакать отъ горькаго оскорбленія, будто онъ ее больно ударилъ серебрянымъ хлыстикомъ, тѣмъ серебрянымъ хлыстикомъ, который въ зубахъ, сопя, пронесъ полосатый, темный бульдогъ; ей хотѣлось, чтобъ мужъ, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, подойдя къ этому подлецу, вдругъ ударилъ его по лицу кипарисовымъ кулакомъ и сказалъ бы по этому поводу свое офицерское слово; у нея въ глазахъ мелькнули еще невскія облачка, будто мелкія вдавлины перебитаго перламутра, межъ которыхъ лилось равномѣрно бирюзовое все.

Но въ толпѣ погасли нѣжнѣйшіе отсвѣты, хлынули отовсюду груди, спины и лица, черная темнота, въ желтовато-туманную муть.

И все перли да перли субъекты, косматыя шапки и барышни: тѣло перло на тѣло; на спинѣ расплюснулся носъ; грудь тѣснила головка хорошенькой гимназисточки, а въ ногахъ попискивалъ второклассникъ; подъ давленіемъ сзади въ чью-то прическу здѣсь ушелъ не въ мѣру протянутый носъ и проткнулся булавкой отъ шляпы, тамъ же грудь грозилъ проломать прободающій острый уголъ отъ локтя; раздѣваться не было мочи; стоялъ въ воздухѣ паръ, озаренный свѣчами (какъ впослѣдствіи оказалось вдругъ испортилось электричество — электрическая станція, очевидно, стала пошаливать: скоро она расшалилась надолго).

И все перли, все бились: разумѣется, Софья Петровна надолго увязла подъ лѣстницей, а Варвара Евграфовна выбилась, разумѣется, и теперь толкалась, билась и била такъ высоко гдѣ-то на лѣстницѣ; вмѣстѣ съ нею выбился какой-то весьма почтенный еврей въ барашковой шапкѣ, въ очкахъ, съ сильной просѣдью: обернувшись назадъ, въ совершеннѣйшемъ ужасѣ онъ тянулъ за полу свое собственное пальто; и не вытянулъ; и не вытянувъ, раскричался:

— „Караша публикумъ; не публикумъ, а свинство! рхусское!..“

Digitized by Microsoft ®

— „Ну и што же ви, отчево же ви въ наша Рхассія?“— раздалось откуда-то снизу.

Это еврей бундистъ-соціалистъ пререкался съ евреемъ не бундистомъ, но соціалистомъ.

Въ залѣ тѣло на тѣлѣ сидѣло, тѣло къ тѣлу прижалось; и качались тѣла; волновались и кричали другъ другу о томъ, что и тамъ-то, и тамъ-то, и тамъ-то была забастовка, что и тамъ-то, и тамъ-то, и тамъ-то забастовка готовилась, что они забастуютъ—здѣсь, здѣсь и здѣсь: забастуютъ на этомъ вотъ мѣстѣ; и—ни съ мѣста!

Сначала объ этомъ сказалъ интеллигентный партійный сотрудникъ, послѣ то же за нимъ повторилъ и студентъ; за студентомъ—курсистка; за курсисткой—пролетарій сознательный; но когда то же самое захотѣлъ повторить безсознательный пролетарій, представитель лумпенъ-пролетаріата, то на все помѣщеніе затрубилъ, какъ изъ бочки, такой густой голосище, что всѣ вздрогнули:

— „Тварры... шшы!.. Я, тоись, челаэкъ бѣдный — прролетарррій, тваррры... шшшы!..“

Громъ аплодисментовъ.

— „Такъ, тва-рры... шшы!.. И птаму значитъ, ефтатъ самый правительственный... прра-изволъ... такъ! такъ! тоись, я челаэкъ бѣдный—гврю: за-ба-стовка, тва-рры-шшы!

Громъ апплодисментовъ (Вѣрно! Вѣрно! Лишить его слова! Безобразіе, господа! Онъ—пьянъ!).

— „Нѣтъ, я не пьянъ, тва-рры-шшы!.. А значитъ, на эфтаго самаго буржуазія... какъ, стало быть, трудишшса, трудишшса... Одно слово: за ноги евво да въ воду; тоись... за-ба-сто-вка!“

(Ударъ кулакомъ по столу: громъ апплодисментовъ).

Но предсѣдатель лишилъ рабочаго слова.

Лучше всѣхъ сказалъ почтенный сотрудникъ одной почтенной газеты, Нейнтельпфайнъ: онъ сказалъ, и тотчасъ же скрылся. Попытался какой-то малышъ съ высоты четырехъ кафедральныхъ ступеней провозгласилъ кому-то бойкотъ: но малыша засмѣяли; стоило ли заниматься такими пустяками,

Digitized by Microsoft ®

когда бастовали и тамъ-то, и тамъ-то, и тамъ-то, когда бастовали вотъ тутъ—и ни съ мѣста? И малышъ, чуть не плача, сошелъ съ высоты четырехъ кафедральныхъ ступеней; и тогда взошла на эти ступени шестидесятипятилѣтняя земская дѣятельница и сказала собранью:

„Сѣйти полезное, доброе, вѣчное,
„Сѣйти, спасибо вамъ скажетъ сердечное
„Русскій народъ!

Но сѣятели смѣялись. Тогда кто-то вдругъ предложилъ всѣхъ и все уничтожить: это былъ мистичный анархистъ. Софья Петровна не услышала анархиста, а вытискивалась обратно, и странное дѣло: Софьѣ Петровнѣ Варвара Евграфовна объясняла не разъ и не два, что на митингахъ сѣется все полезное, доброе, заслуживающее съ ея стороны сердечнаго с п а с и б о. А вотъ нѣтъ же, вотъ нѣтъ же! Надъ шестидесятипятилѣтней старушкою дѣятельницей, сказавшей имъ то же (о сѣяньѣ), всѣ они хохотали отчаянно; и потомъ отчего же въ сердечкѣ ея сѣмя не пустило ростка? Проростали мутно какіе-то крапивные плевелы; и ужасно трещала головка; оттого ли, что увидѣла она е г о передъ тѣмъ, оттого ли, что ужъ былъ у нея такой крошечный лобикъ, оттого ли, что тамъ на нее уставились отовсюду какія-то одержимыя лица, бастовавшія тамъ-то, и тамъ-то, и теперь пришедшіе бастовать вотъ сюда, глядѣть на нее изъ желтотуманной мути, скалить въ хохотѣ зубы. И отъ этого хаоса въ ней самой просыпалась какая-то ей самой непонятная злость; вѣдь была она — дама, а въ дамахъ нельзя будить хаоса; въ этомъ хаосѣ скрыты всѣ виды жестокостей, преступленій, паденій; въ каждой дамѣ тогда таится преступница; въ ней и такъ уже затаилось давно преступное что-то.

Ужъ она подходила къ углу вмѣстѣ съ шедшимъ съ ней офицерикомъ, на котораго тамъ глядѣли съ улыбкой и покровительственно шептались другъ съ другомъ, и который вдругъ обидѣлся на бойкотъ, провозглашенный мальчишкой, и обидѣвшись, быстро ушелъ,—уже она подходила къ углу,

Digitized by Microsoft ®

какъ изъ воротъ сосѣдняго дома на клочковатыхъ своихъ лошадяхъ во всю прыть вылетѣлъ передъ ней казацкій отрядъ; синіе бородатые люди въ косматыхъ папахахъ и съ винтовками наперевѣсъ, нѣмо, нетерпѣливо проплясали на сѣдлахъ—туда, къ зданію. Видѣвшій это какой-то рабочій съ угла подбѣжалъ къ офицерику, протянулъ къ нему руку и сталъ говорить задыхаясь:

— „Господинъ офицеръ, господинъ офицеръ!“

— „Извините, нѣтъ мелочи...“

— „Да я не за этимъ: что же это такое тамъ теперь будетъ?... Что будетъ-то?.. Беззащитныя барышни тамъ—курсистки...“

Офицеръ законфузился, покраснѣлъ, отчего-то отдалъ подъ козырекъ:

— „Не знаю, право... Ни причемъ я тутъ... Я самъ только-что изъ Манджуріи; видите—вотъ Георгій...“

А ужъ тамъ что-то было.

Татамъ: тамъ, тамъ!

Было ужъ поздно.

Софья Петровна домой возвращалась тихонько, пряча носикъ въ пуховую муфточку; Троицкій Мостъ за спиною ея къ островамъ безконечно тянулся, убѣгалъ въ тѣ нѣмыя мѣста; и тянулись по мосту тѣни; на большомъ чугунномъ мосту, надъ сырыми, сырыми перилами, надъ кишащей бациллами зеленоватой водой проходили за ней въ сквознякахъ приневскаго вѣтра—котелокъ, трость, пальто, уши, усы и носъ.

Вдругъ глаза ея остановились, расширились, заморгали, скосились: подъ сырыми, сырыми перилами, раскарячась, сидѣлъ темный тигровый звѣрь, и, сопя, слюнявилъ зубами серебряный хлыстикъ; въ сторону отъ нея завернулъ темный тигровый звѣрь курносую морду; а когда въ сторону завернутой морды она бросила взглядъ, то увидѣла: восковое все то же лицо, оттопыривши губы надъ сырыми перилами,

Digitized by Microsoft ®

надъ кишащей бациллами зеленоватой водой протянулось тамъ изъ шинели; оттопырившись губы, казалось, онъ думалъ какую-то колдовскую все думу, отдававшуюся и въ ней за эти послѣдніе дни, потому что за эти послѣдніе дни такъ мучительно пѣлись ей слова одного простого романса:

Глядя на лучъ пурпурнаго заката,
Стояли вы на берегу Невы.

И вотъ: на берегу Невы онъ стоялъ, какъ-то тупо уставившись въ зелень, или нѣтъ,—улетая взоромъ туда, гдѣ принизились берега, гдѣ покорно присѣли островныя зданія и откуда надъ бѣлыми крѣпостными стѣнами безнадежно и холодно протянулся подъ небо мучительно острый, немилосердный, холодный Петропавловскій шпицъ.

Вся она протянулась къ нему—что̀ слова и что̀ размышленія! Но онъ—онъ опять ее не замѣтилъ; оттопыривъ губы и стеклянно расширивъ глаза, онъ казался просто безрукимъ уродцемъ; и опять вмѣсто рукъ въ сквознякъ взлетѣли шинельныя крылья надъ сырыми перилами мо̀ста.

Но когда она отошла, Николай Аполлоновичъ медленно на нее обернулся и быстрехонько засѣменилъ прочь, оступаясь и путаясь въ длинныхъ полахъ; на углу же Моста его ждалъ лихачъ: и лихачъ полетѣлъ; а когда лихачъ обогналъ Софью Петровну Лихутину, то Николай Аполлоновичъ, наклонившись и сжимая руками ошейникъ бульдога, повернулся сутуло на темненькую фигурку, что̀ засунула сиротливо такъ носикъ свой въ муфточку; посмотрѣлъ, улыбнулся; но лихачъ пролетѣлъ.

Вдругъ посыпался первый снѣгъ; и такими живыми алмазиками онъ, танцуя, посверкивалъ въ свѣтовомъ кругу фонаря; свѣтлый кругъ чуть-чуть озарялъ теперь и дворцовый бокъ, и каналикъ, и каменный мостикъ: въ глубину убѣгала Канавка; было пусто: одинокій лихачъ посвистывалъ на углу, поджидая кого-то; на пролеткѣ небрежно лежала сѣрая николаевка.

Софья Петровна Лихутина стояла на выгибѣ мостика и

Digitized by Microsoft®

мечтательно поглядѣла—въ глубину, въ заплескавшій паромъ каналецъ; Софья Петровна Лихутина останавливалась въ этомъ мѣстѣ и прежде; останавливалась когда-то и съ нимъ; и вздыхала о Лизѣ, разсуждала серьезно объ ужасахъ „Пиковой Дамы“,—о божественныхъ, очаровательныхъ, дивныхъ созвучіяхъ одной оперы, и потомъ напѣвала вполголоса, дирижируя пальчикомъ:

— „Татамъ: тамъ, тамъ!.. Тататамъ: тамъ, тамъ!“

Вотъ опять она здѣсь стояла; губки раскрылись, и маленькій пальчикъ поднялся:

— „Татамъ: тамъ, тамъ!.. Тататамъ: тамъ, тамъ!“

Но она услышала звукъ бѣжавшихъ шаговъ, поглядѣла—и даже не вскрикнула: вдругъ просунулось какъ-то растерянно изъ-за края дворцоваго бока красное домино, пометалось туда и сюда, будто въ поискахъ, и увидѣвъ на выгибѣ мостика женскую тѣнь, бросилось ей навстрѣчу; и въ порывистомъ бѣгѣ оно спотыкалось о камни, протянувши впередъ свою маску съ узкою прорѣзью глазъ; а подъ маской струя ледяного Невскаго сквозняка заиграла густымъ вѣеромъ кружевъ, разумѣется черныхъ же; и пока маска бѣжала по направленію къ мостику, Софья Петровна Лихутина, не имѣя времени даже сообразить, что красное домино—домино шутовское, что какой-то безвкусный проказникъ (и мы знаемъ какой) захотѣлъ надъ ней просто-напросто подшутить, что подъ бархатной маской и черною кружевною бородой просто пряталось человѣческое лицо; вотъ оно на нее теперь уставилось зорко въ продолговатыя прорѣзи. Софья Петровна подумала (у нея вѣдь былъ такой крошечный лобикъ), что какая-то въ мірѣ семъ образовалась пробоина, и оттуда, изъ пробоины, отнюдь не изъ этого міра, самъ шутъ бросился на нее: кто такой этотъ шутъ, вѣроятно она не съумѣла-бъ отвѣтить.

Но когда кружевная черная борода, спотыкаясь, взлетѣла на мостикъ, то въ порывѣ Невскаго сквозняка вверхъ взлетѣли съ шуршаньемъ атласныя шутовскія лопасти, и, краснѣя, упали онѣ туда за перила—въ темноцвѣтную ночь; обнару-

Digitized by Microsoft ®

жились слишкомъ знакомыя свѣтлозеленыя панталонныя штрипки, и ужасный шутъ сталъ шутомъ просто жалкимъ; въ ту минуту калоша скользнула на каменной выпуклости: жалкій шутъ грохнулся со всего размаху о камень; а надъ нимъ теперь раздался безудержно вовсе даже не смѣхъ: просто хохотъ.

— „Лягушонокъ, уродъ—красный шутъ!..“

Быстрая женская ножка гнѣвно такъ шута награждала пинками.

Какіе-то вдоль канала теперь побѣжали бородатые люди; и раздался издали полицейскій свистокъ; шутъ выскочилъ; шутъ бросился къ лихачу, и издали было видно какъ въ пролеткѣ безсильно барахталось что-то красное, на лету стараясь на плечи надѣть николаевскую шинель. Софья Петровна заплакала и побѣжала отъ этого проклятаго мѣста.

Скоро, вдогонку за лихачемъ, изъ-за Зимней Канавки съ лаемъ выбѣжалъ курносый бульдогъ: замелькали въ воздухѣ его короткія ножки, а за ними, за короткими ножками, на резиновыхъ шинахъ, вдогонку, развалясь, уже мчались два агента охраннаго отдѣленія.

Тѣни.

Говорила тѣнь тѣни:

— „Вы, милѣйшій мой, упустили одно немаловажное обстоятельство, о которомъ узналъ я при помощи своихъ собственныхъ средствъ.

— „Какое?“

— „Вы ни звука про красное домино“.

— „А вы уже знаете?“

— „Я не только знаю: я выслѣдилъ до самой квартиры“.

— „Ну, и красное домино?“

— „Николай Аполлоновичъ“.

— „Гмъ! Да-да: но еще инцидентъ не созрѣлъ“.

— „Не отвертывайтесь: просто вы упустили изъ виду“.

— „?!?“

— „Да-да: упустили... А еще упрекали меня фальшивомо-

Digitized by Microsoft ®

нетчикомъ, упрекали полтинникомъ—помните? Я же молчалъ, что у васъ фальшивые волосы".

— „Не фальшивые—крашеные..."

— „Это все равно".

— „Какъ вашъ насморкъ?"

— „Благодарствуйте: лучше".

. . . . . .

— „Не упустилъ я".

— „Доказательства?"

— „И съ чего это вы: я за ними въ карманъ не полѣзу".

. . . . . .

— „Доказательства?!"

— „Вы и такъ мнѣ повѣрите".

— „Доказательства!!!"

Но въ отвѣтъ раздался сардоническій смѣхъ.

— „Доказательства? Доказательствъ вамъ надо? Доказательства — „Петербургскій дневникъ происшествій". Вы читали „Дневникъ" за послѣдніе дни?"

— „Признаюсь: не читалъ".

— „Но вѣдь ваша обязанность знать то, о чемъ говоритъ Петербургъ. Если бы вы заглянули въ „Дневникъ", вы бы поняли, что извѣстія о домино опередили его появленіе у Зимней Канавки.

— „Гмъ-гмъ".

— „Видите, видите, видите: а вы говорите. Вы спросите меня кто все это въ „Дневникѣ" написалъ."

— „Ну, кто же?"

— „Нейнтельпфайнъ, мой сотрудникъ".

. . . . . .

— „Признаюсь, этого фортеля я не ожидалъ".

— „А еще кидаетесь на меня, осыпаете колкостями: я же сто разъ говорилъ, что я—идейный сотрудникъ, что предпріятіе это поставлено, какъ часовой механизмъ. Еще вы — въ блаженномъ невѣдѣніи, какъ ужъ мой Нейнтельпфайнъ производитъ сенсацію.

Digitized by Microsoft ®

— „Гмъ-гмъ-гмъ: говорите громче—не слышу“.

. . . . . .

— „Вы, надѣюсь, дадите приказъ, чтобы ваши агенты Николая Аполлоновича оставили въ совершенномъ покоѣ, иначе: иначе—за дальнѣйшій успѣхъ ручаться я не могу“.

— „Я признаться, объ этомъ послѣднемъ инцидентѣ сообщилъ ужъ въ газеты“.

— „Богъ мой, да вѣдь надо быть совершеннѣйшимъ...

— „Что?“

— „Совершеннѣйшимъ... идеалистомъ: какъ всегда, вмѣшались и нынѣшній разъ въ мою компетенцію... Дай-то Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ отецъ не узналъ?“

Провизжала бѣшеная собака.

Мы оставили Софью Петровну Лихутину въ затруднительномъ положеніи; мы оставили ее на петербургской панели въ ту холодную ночь, когда откуда-то издали раздались свистки полицейскихъ, а вокругъ побѣжали какія-то темныя очертанія. Тогда и она обиженно побѣжала въ обратную сторону; въ свою мягкую муфточку обиженно проливала слезы она; съ ужаснымъ, ее навѣкъ позорящимъ происшествіемъ не могла она никакъ примириться. Пусть бы лучше Николай Аполлоновичъ ее иначе обидѣлъ, пусть бы лучше ударилъ ее, пусть бы даже онъ кинулся черезъ мостикъ въ красномъ своемъ домино,—всю бы прочую свою жизнь она его вспоминала бы съ жуткимъ трепетомъ, вспоминала бы до смерти. Софья Петровна Лихутина считала Канавку не какимъ-нибудь прозаическимъ мѣстомъ, гдѣ бы можно было себѣ позволить то, что̀ позволилъ себѣ онъ сейчасъ; вѣдь, не даромъ она многократно вздыхала надъ звуками „Пиковой Дамы“: было что-то сходное съ Лизой въ этомъ ея положеніи (что̀ было сходнаго, — этого точно она не могла бы сказать); и само собой разумѣется, Николая Аполлоновича она мечтала видѣть здѣсь Германомъ. А Германъ?.. Повелъ себя Германъ, какъ карманный воришка: онъ, во-первыхъ, со смѣхотворной тру-

Digitized by Microsoft ®

сливостью выставилъ на нее свою маску изъ-за дворцоваго бока; во-вторыхъ, со смѣхотворною поспѣшностью помахавъ передъ ней своимъ домино, растянулся на мостикѣ; и тогда изъ-подъ складокъ атласа прозаически показались панталонныя штрипки (эти штрипки-то окончательно вывели ее тогда изъ себя); въ завершеніе всѣхъ безобразій, несвойственныхъ Герману, этотъ Германъ сбѣжалъ отъ какой-то тамъ петербургской полиціи; не остался Германъ на мѣстѣ и маски съ себя не сорвалъ, героическимъ, трагическимъ жестомъ; глухимъ, замирающимъ голосомъ не сказалъ дерзновенно при всѣхъ: „Я люблю васъ"; и въ себя Германъ послѣ не выстрѣлилъ. Нѣтъ, позорное поведеніе Германа навсегда угасило зарю въ ней всѣхъ этихъ трагическихъ дней! Нѣтъ, позорное поведеніе Германа превратило самую мысль о домино въ претенціозную арлекинаду; главное, самоё ее уронило позорное поведеніе это: ну, какой же можетъ быть она Лизой, если Германа нѣтъ! Такъ месть ему, месть ему!

Бурей влетѣла въ квартирку Софья Петровна Лихутина. Въ освѣщенной передней висѣло офицерское пальто да фуражка: значитъ, мужъ ея былъ теперь дома, и Софья Петровна Лихутина, не раздѣваясь, влетѣла въ комнату мужа; прозаически грубымъ жестомъ распахнувъ настежь дверь,— влетѣла: съ развѣвающимся боа, съ мягкою муфточкой, съ пламеннымъ-пламеннымъ личикомъ, некрасиво какъ-то распухшимъ: влетѣла—остановилась.

Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ, очевидно, приготовлялся ко сну; сѣренькая тужурка его скромно какъ-то повисла на вѣшалкѣ, а онъ самъ въ ослѣпительно бѣлой сорочкѣ, опоясанной накрестъ подтяжками, стоялъ замирающимъ силуэтомъ, будто сломанный—на колѣняхъ; передъ нимъ поблескивалъ образъ и трещала лампадка. Въ полусвѣтѣ синей лампадки начертилось матово Сергѣя Сергѣевича лицо, съ остренькою точно такого же цвѣта бородкою и такого же цвѣта ко лбу поднятою рукой; и рука, и лицо, и бородка, и бѣлая грудь точно были вырѣзаны изъ какого-то крѣпкаго, пахучаго дерева; губы Сергѣя Сергѣевича шевелились чуть-чуть; и чуть-

Digitized by Microsoft ®

чуть кивалъ Сергѣя Сергѣевича лобъ синенькому огонечку, и чуть-чуть двигались, нажимая на лобъ, вмѣстѣ сжатые синеватые пальцы—для крестнаго знаменья.

Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ положилъ сперва свои синеватые пальцы на грудь и на оба плеча, поклонился, и ужъ только потомъ какъ-то нехотя обернулся. Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ не испугался, не сконфузился; поднимаясь съ колѣнъ, онъ старательно сталъ счищать приставшія къ колѣнамъ соринки. Послѣ этихъ медленныхъ дѣйствій онъ спросилъ хладнокровно:

— „Что съ тобой, Сонюшка?“

Софью Петровну раздражило и какъ-то даже обидѣло хладнокровное спокойствіе мужа, какъ обидѣлъ ее и тотъ синенькій огонекъ тамъ въ углу. Рѣзко она упала на стулъ и, закрывъ лицо муфточкой, на всю комнату разрыдалась.

Все лицо Сергѣя Сергѣевича тогда подобрѣло, смягчилось; опустились тонкія губы, поперечная складка разрѣзала лобъ, отчего на лицѣ появилось сердобольное выраженіе. Но Сергѣй Сергѣевичъ неясно представилъ себѣ, какъ онъ долженъ былъ въ этомъ щекотливомъ случаѣ поступить,—дать ли волю женскимъ слезамъ, чтобъ потомъ выдержать сцену и упреки въ холодности, или наоборотъ: осторожно склониться предъ Софьей Петровной на колѣни, отвести почтительно ей головку отъ муфточки своей мягкой рукой, и рукой этой вытереть слезы, братски обнять и покрыть личико поцѣлуями; но Сергѣй Сергѣевичъ боялся увидѣть гримаску презрѣнья и скуки; и Сергѣй Сергѣевичъ выбралъ себѣ средній путь: просто онъ потрепалъ Софью Петровну по дрожащему плечику:

— „Ну, ну, Соня... Ну, полно... Полно, ребеночекъ мой! Дѣтка, дѣтка!“

— „Оставьте, оставьте!..“

— „Что̀ такое? Въ чемъ дѣло? Скажи!.. Обсудимъ же хладнокровно“.

— „Нѣтъ: оставьте, оставьте!.. Хладнокровно... оставьте! видно... ааа... у васъ... холодная, рыбья кровь...“

Digitized by Microsoft ®

Сергѣй Сергѣевичъ обиженно отошелъ отъ жены, постоялъ въ нерѣшительности, опустился въ сосѣднее кресло.

— „Ааа... Оставлять такъ жену!.. Гдѣ-то тамъ завѣдывать провіантами!.. Уходить!.. Ничего не знать!..“

— „Ты напрасно, Сонюшка, думаешь, что я такъ ничего ровно не знаю... Видишь ли...“

— „Ахъ, оставьте, пожалуйста!..“

. . . . . .

— „Видишь ли, мой дружокъ: съ той поры, какъ... какъ отъ насъ перебрался я въ эту вотъ комнату... Словомъ, есть у меня самолюбіе: и свободы твоей, пойми, я стѣснять не хочу... Болѣе того, я тебя стѣснять не могу: я тебя понимаю; я знаю прекрасно, что тебѣ, дружокъ, нелегко... У меня, Сонюшка, есть надежды: можетъ быть, когда-нибудь снова... Ну, не стану, не стану! Но пойми же и ты меня: мое отдаленіе, хладнокровіе, что ли, происходитъ, такъ сказать, не отъ холодности вовсе... Ну, не стану, не стану...“

. . . . . .

— „Можетъ быть, ты хотѣла бы видѣть Николая Аполлоновича Аблеухова? У васъ, кажется, что-то вышло? Разскажи же мнѣ все: разскажи безъ утайки; мы обсудимъ вдвоемъ твое положеніе“.

— „Не смѣйте мнѣ про него говорить!.. Онъ—мерзавецъ, мерзавецъ!.. Другой бы мужъ давно его пристрѣлилъ... Вашу жену преслѣдуютъ, надъ ней издѣваются... А вы?.. Нѣтъ, оставьте“.

И несвязно, взволнованно, уронивъ головку на грудь, Софья Петровна все, какъ есть, разсказала.

Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ былъ простымъ человѣкомъ. А простыхъ людей необъяснимая дикость поступка поражаетъ сильнѣй даже, чѣмъ подлость, чѣмъ убійство, чѣмъ кровавое проявленіе звѣрствъ. Человѣкъ способенъ понять человѣческую измѣну, преступленіе, человѣческій даже позоръ; вѣдь, понять—значитъ, ужъ почти найти оправданіе; но какъ себѣ, напримѣръ, объяснить поступокъ свѣтскаго и, казалось бы, вполнѣ честнаго человѣка, если этому свѣтскому и вполнѣ

Digitized by Microsoft ®

честному человѣку придетъ дикая совершенно фантазія: стать на карачки у порога одной свѣтской гостиной, помахивая фалдами фрака? Это будетъ, замѣчу я, уже совершенною мерзостью! Непонятность, безцѣльность той мерзости не можетъ имѣть никакихъ оправданій, какъ не можетъ имѣть оправданій кощунство, богохульство и всякія безцѣльныя издѣвательства! Нѣтъ, лучше пусть уже честный вполнѣ человѣкъ безнаказанно тратитъ, напримѣръ, казенныя суммы, только пусть не становится онъ никогда на карачки, потому что послѣ такого поступка оскверняется все.

Гнѣвно, ярко, отчетливо Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ представилъ себѣ шутовской видъ атласнаго домино въ неосвѣщенномъ подъѣздѣ, и... Сергѣй Сергѣевичъ сталъ краснѣть, покраснѣлъ до яркаго морковнаго цвѣта: кровь ему бросилась въ голову. Съ Николаемъ Аполлоновичемъ еще онъ, вѣдь, игрывалъ въ дѣтствѣ; философскимъ способностямъ Николая Аполлоновича впослѣдствіи Сергѣй Сергѣевичъ удивлялся; Николаю Аполлоновичу, какъ человѣку свѣтскому, какъ честному человѣку, благородно позволилъ Сергѣй Сергѣевичъ стать межъ собой и женой и... Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ гнѣвно, ярко, отчетливо представилъ себѣ шутовскія гримасы краснаго домино въ неосвѣщенномъ подъѣздѣ. Онъ всталъ и взволнованно заходилъ по крохотной комнатушкѣ, сжавши пальцы въ кулакъ и яростно поднимая сжатые пальцы на крутыхъ поворотахъ; когда Сергѣй Сергѣевичъ выходилъ изъ себя (изъ себя всего-то онъ вышелъ два-три раза—не больше), этотъ жестъ у него тогда всегда появлялся; Софья Петровна прекрасно почуяла жестъ; она его испугалась немного: она всегда немного пугалась, не жеста, а молчанія, выражавшаго жестъ.

— „Что вы... это?“

— „Ничего... такъ себѣ...“

И Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ расхаживалъ по крошечной комнатушкѣ, сжавши пальцы въ кулакъ.

Красное домино!.. Гадость, гадость и гадость! И оно стояло тамъ, за входною дверью—а?!...

Digitized by Microsoft ®

Поведеніемъ Николая Аполлоновича поразился до крайности подпоручикъ Лихутинъ. Онъ испытывалъ теперь смѣсь гадливости съ ужасомъ; словомъ, онъ испытывалъ то гадливое чувство, какое насъ обыкновенно охватываетъ при созерцаніи совершеннѣйшихъ идіотовъ, совершающихъ свои отправленія прямо такъ, подъ себя, или при созерцаніи мохноногаго, чернаго насѣкомаго, — паука, что ли... Недоумѣнье, обида и страхъ перешли просто въ бѣшенство. Не принять во вниманіе его настойчиваго письма, оскорбить арлекинскою выходкой его честь офицера, оскорбить какою-то паучьей ужимкою дорогую жену!!.. И Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ далъ себѣ офицерское честное слово — паука во что бы то ни было раздавить, раздавить; и принявъ то рѣшеніе, онъ расхаживалъ, все расхаживалъ, красный, какъ ракъ, сжавши пальцы въ кулакъ и сводя мускулистую руку на поворотахъ; онъ теперь поразилъ невольно испугомъ и Софью Петровну: тоже красная, съ полуоткрытыми пухлыми губками и съ щечками, не отертыми отъ блистающихъ слезъ мужа, она наблюдала внимательно вотъ отсюда, изъ этого кресла.

— „Что вы это?“

Но Сергѣй Сергѣевичъ отвѣчалъ теперь жесткимъ голосомъ; въ этомъ голосѣ прозвучали одновременно—и угроза, и строгость, и заглушенное бѣшенство.

— „Ничего... такъ себѣ“.

Сказать правду, Сергѣй Сергѣевичъ испытывалъ въ эту минуту и къ любимой женѣ нѣчто въ родѣ гадливости; точно и она раздѣлила арлекинскій позоръ красной маски,—прокривлявшейся—тамъ, у входныхъ дверей.

— „Ступай къ себѣ: спи... предоставь все это мнѣ“.

И Софья Петровна Лихутина, давно переставшая плакать, безпрекословно поднялась и тихонько вышла къ себѣ.

Оставшись одинъ, Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ все похаживалъ да покашливалъ; сухо это у него выходило, пренепріятно, отчетливо, все кхе-кхе да кхе-кхе. Иногда деревянный кулакъ, будто вырѣзанный изъ пахучаго, крѣпкаго дерева, подымался надъ столикомъ; и казалось, что столикъ,

Digitized by Microsoft ®

вотъ-вотъ, съ оглушительнымъ краканьемъ разлетится на части.

Но кулакъ разжимался.

Наконецъ, Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ быстро сталъ раздѣваться; раздѣлся, покрылся байковымъ одѣяломъ, и— одѣяло слетѣло; Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ опустилъ ноги на полъ, невидящимъ взоромъ уставился въ какую-то точку и неожиданно для себя самого громкимъ шопотомъ зашепталъ:

— „Аа! Какъ это вамъ нравится. Пристрѣлю, какъ собаку...“

Тогда изъ-за стѣнки обиженно раздался голосокъ, слезливый и громкій.

— „Что вы это?“

. . . . . .

„Ничего... такъ себѣ...“

Сергѣй Сергѣевичъ снова нырнулъ подъ свое одѣяло и закрылся имъ съ головой, чтобъ вздыхать, шептаться, умолять, грозить кому-то, за что-то...

. . . . . .

Софья Петровна не вызвала Маврушку. Быстро съ себя она сбросила шубу, шапочку, платье; и вся въ бѣломъ, изъ фонтана вещей, которыя она ухитрилась вокругъ себя раскидать въ эти три-четыре минуты, она бросилась на постель; и сидѣла теперь, поджавъ ножки и уронивъ въ руки черноволосое злое личико съ оттопыренными губами, надъ которыми явственно обозначились усики, и кругомъ нея былъ фонтанъ изъ предметовъ; такъ бывало всегда. Маврушка только и знала, что прибирала за барыней; стоило Софьѣ Петровнѣ вспомнить о какой-либо принадлежности туалета, принадлежности не было подъ руками; и тогда летѣли кофточки, носовые платки, платья, шпильки, булавки какъ попало, куда попало; изъ ручки Софьи Петровны начиналъ бить цвѣтной водопадъ разнообразныхъ предметовъ. Нынче вечеромъ Софья Петровна Маврушку не звала; стало быть, фонтанъ вещей имѣлъ мѣсто.

Софья Петровна невольно прислушивалась къ неугомон-

Digitized by Microsoft®

ному шагу Сергѣя Сергѣевича за перегородкой; да еще она слушала еженощные звуки рояля надъ головой: тамъ играли тотъ же все старинный мотивъ польки-мазурки, подъ звуки которой мать, смѣясь, танцовала съ ней, еще тогда двухлѣтнею крошкой. И подъ звуки этой польки-мазурки, такіе старинные и не вѣдавшіе ни о чемъ, гнѣвъ Софьи Петровны начиналъ проходить, смѣнившись усталостью, совершенной апатіей и чуть-чуть раздраженіемъ по отношенію къ мужу, въ которомъ сама же она, Софья Петровна, пробудила, по ея мнѣнію, ревность къ т о м у. Но какъ только въ мужѣ, Сергѣѣ Сергѣевичѣ, пробудилась, по ея мнѣнію, ревность, какъ ужъ мужъ, Сергѣй Сергѣевичъ, сталъ отчетливо ей непріятенъ; она испытала чувство неловкости, точно чья-то чужая рука протянулась къ ея завѣтной шкатулочкѣ съ письмами, запертой тамъ вотъ, въ ящикѣ. Наоборотъ: какъ улыбка Николая Аполлоновича сперва ее поразила гадливо, а потомъ изъ чувства гадливости извлекла она сама для себя сладкую смѣсь восторга и ужаса къ все той же улыбкѣ, такъ и въ позорности поведенія Николая Аполлоновича тамъ, на мостикѣ, ей открылся сладкій источникъ мести: она пожалѣла, что когда онъ тамъ упалъ передъ ней въ шутовскомъ жалкомъ видѣ, она не стала его топтать и бить ножками; ей хотѣлось его вдругъ замучить и затерзать, а мужа, Сергѣя Сергѣевича, не хотѣлось ей мучить: ни мучить, ни цѣловать. И Софьѣ Петровнѣ открылось вдругъ, что мужъ—ни при чемъ во всемъ этомъ роковомъ происшествіи между ними; происшествіе это должно было остаться тайною между нею и н и м ъ; а теперь мужу она все сама разсказала. Прикосновеніе мужа не только къ ней, но и къ т о м у, къ Николаю Аполлоновичу, стало прежде всего для нея оскорбительно: вѣдь, Сергѣй Сергѣевичъ изъ этого инцидента, ну, конечно, выведетъ совершенно ложныя заключенія; прежде всего, онъ понять тутъ ровно ничего не сможетъ, конечно: ни рокового, сладко-жуткаго ощущенія, ни самаго переодѣванія; и Софья Петровна невольно прислушивалась къ старинным звукамъ польки-мазурки да къ неугомонному, непріятному

Digitized by Microsoft ®

шагу за перегородкой; изъ чрезмѣрности черныхъ распущенныхъ косъ она испуганно протянула свое жемчужное личико съ темносиними, какими-то помутнѣвшими взорами, косолапо какъ-то пригнувъ личико къ чуть дрожавшимъ колѣнямъ.

Въ этотъ мигъ взоръ ея упалъ на туалетное зеркало: подъ туалетнымъ же зеркаломъ Софья Петровна разглядѣла письмо, которое она должна была передать ему на балу (о письмѣ-то она позабыла и вовсе). Въ первую минуту Софья Петровна рѣшила письмо отослать обратно съ посыльнымъ, отослать Варварѣ Евграфовнѣ. Какъ ей смѣли къ нему навязывать тамъ какія-то письма! И она отослала бы, если бы только-что передъ тѣмъ не вмѣшался во все ея мужъ (поскорѣй бы ложился!). Но теперь подъ вліяніемъ протеста противъ всякихъ вмѣшательствъ въ личныя ихъ дѣла она просто взглянула на дѣло, слишкомъ просто: конечно, конвертъ письма разорвать и прочесть тамъ какія-то тайны она имѣла полное право (какъ смѣлъ онъ вообще имѣть тайны!). Мигъ—и Софья Петровна была у столика; но едва она дотронулась до чужого письма, какъ тамъ за стѣной поднялся яростный шопотъ; постель скрипнула.

— „Что̀ вы это?“

Изъ-за стѣнки отвѣтили ей:

— „Ничего... такъ себѣ“.

Постель жалобно завизжала; все стихло. Софья Петровна дрожащей рукой разорвала конвертъ... и по мѣрѣ того, какъ читала она, ея опухшіе глазки становились глазами; мутность ихъ прояснилась, смѣнясь ослѣпительнымъ блескомъ, блѣдность личика принимала отливы сперва розоватыхъ яблочныхъ лепестковъ, становилась далѣе розовой розой; а когда она окончила чтеніе, то лицо ея было просто багровымъ.

Весь Николай Аполлоновичъ былъ теперь у нея въ рукахъ; все существо ея задрожало ужасомъ за него и за ту возможность нанести ему за свои двухмѣсячныя страданія непоправимый, страшный ударъ; и ударъ этотъ получитъ онъ вотъ изъ этихъ ручекъ. Онъ хотѣлъ ее напугать шутов-

Digitized by Microsoft ®

скимъ маскарадомъ; но и этотъ шутовской маскарадъ не съумѣлъ онъ, какъ слѣдуетъ, провести и, застигнутый врасплохъ, онъ надѣлалъ рядъ безобразій; пусть теперь же изгладитъ онъ въ ней себя самого, и пусть будетъ Германомъ! Да, да, да: сама она ему нанесетъ злой ударъ простой передачей письма ужаснаго содержанія. Мгновеніе: ее охватило чувство головокруженія предъ тѣмъ, на какой путь себя она обрекаетъ; но удержаться, сойти съ пути было поздно: не сама ли она вызывала кровавое домино? Ну, а если онъ вызвалъ предъ нею образъ страшнаго домино, пусть свершится все прочее: пусть же будетъ кровавый путь у кроваваго домино!

Дверь скрипнула: Софья Петровна едва успѣла скомкать въ рукѣ разорванное письмо, какъ уже на порогѣ спальни стоялъ ея мужъ, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ; онъ былъ во всемъ бѣломъ: въ бѣлой сорочкѣ и бѣлыхъ кальсонахъ. Появленіе ей совсѣмъ посторонняго человѣка и въ такомъ неприличномъ видѣ привело ее въ бѣшенство:

— „Вы бы одѣлись хоть...“

Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ переконфузился, быстро вышелъ изъ комнаты, тѣмъ не менѣе чрезъ минуту появился опять; на этотъ разъ онъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ халатѣ; Софья Петровна уже успѣла припрятать письмо. Сергѣй Сергѣичъ съ непріятною сухой твердостью, необычайною для него, обратился къ ней просто:

— „Софи... Дайте мнѣ одно обѣщаніе: я васъ очень прошу не быть завтра на вечерѣ у Цукатовыхъ...“

Молчаніе.

— „Я надѣюсь, что вы дадите мнѣ обѣщаніе; благоразуміе вамъ подскажетъ: увольте отъ объясненій“.

Молчаніе.

— „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы сами признали невозможность быть на балу послѣ только-что бывшаго“.

Молчаніе.

— „Я, по крайней мѣрѣ, далъ за васъ офицерское честное слово, что на балу вы не будете“.

Digitized by Microsoft ®

Молчаніе.

— „А въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы вамъ просто-напросто запретить".

— „На балу я все-таки буду..."

— „Нѣтъ, не будете!!"

Софью Петровну поразила угроза деревяннаго голоса, съ которымъ Сергѣй Сергѣевичъ произнесъ эту фразу.

— „Нѣтъ, буду".

Наступило тягостное молчаніе, во время котораго слышалось лишь какое-то клокотаніе у Сергѣя Сергѣевича въ груди, отчего онъ нервно схватился за горло да два раза мотнулъ головой, точно силясь прочь отъ себя отклонить неизбѣжность какого-то ужаснаго происшествія; съ неимовѣрнымъ усиліемъ подавивъ въ себѣ едва не грянувшій взрывъ, тихо сѣлъ, какъ палка, прямой, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ; неестественно тихимъ голосомъ началъ онъ говорить:

— „Видите: не я приставалъ къ вамъ съ подробностями. Вы же сами меня призвали въ свидѣтели только-что бывшаго".

Сергѣй Сергѣевичъ не могъ произнести слова „к р а с н о е д о м и н о": мысль о всемъ только-что происшедшемъ инстинктивно заставила его пережить какую-то порочную бездну, въ которую по наклонной плоскости покатилась его жена; что̀ тутъ было порочнаго, кромѣ дикой нелѣпости всего происшествія, Сергѣй Сергѣевичъ не могъ никакъ не знать: но онъ чуялъ, что было, и что это не простой житейскій романъ, не измѣна, не паденіе только. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: тутъ надъ всѣмъ стоялъ ароматъ какихъ-то сатанинскихъ эксцессовъ, отравлявшихъ душу навѣкъ, какъ синильная кислота; сладковатый запахъ горькаго миндаля обонялъ онъ такъ явственно, когда, войдя въ женину комнату, ощутилъ сильнѣйшій приступъ удушья; и онъ зналъ, навѣрное зналъ: очутись завтра Софья Петровна, жена его, у Цукатовыхъ, встрѣть она тамъ омерзительное домино,—все пойдетъ прахомъ: честь жены, честь его, офицера.

— „Видите. Послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали, понимаете ли

Digitized by Microsoft®

вы, что видаться нельзя вамъ; что это — гадость и гадость; что, наконецъ, я далъ слово, что вы тамъ не будете. Пожалѣйте же, Софи, и себя, и меня, да и... его, потому что иначе... я... не знаю... я не ручаюсь..."

Но Софья Петровна все болѣе возмущалась наглымъ вмѣшательствомъ этого ей совершенно чуждаго офицера, да еще офицера, смѣвшаго появиться въ спальнѣ въ неприличнѣйшемъ видѣ со своимъ нелѣпымъ вмѣшательствомъ; приподнявъ съ полу какое-то платье (она вдругъ замѣтила, что— въ дезабилье) и прикрывшись имъ, отодвинулась въ темный уголъ; и оттуда, изъ темнаго тѣневого угла, вдругъ рѣшительно она помотала головкой:

— „Можетъ быть, я не поѣхала бы, а теперь вотъ, послѣ этихъ вашихъ вмѣшательствъ, поѣду, поѣду, поѣду!"

— „Нѣтъ: этому не бывать!!!"

— Что̀ такое? Ей казалось, что въ комнатѣ раздался оглушительный выстрѣлъ; одновременно раздался и нечеловѣческій вопль: тонкая, хриплая фистула прокричала невнятное что-то; кипарисовый человѣкъ привскочилъ, и хлопнуло упавшее кресло, а ударъ кулака пополамъ разбилъ дешевенькій столикъ; дальше хлопнула дверь; и все замерло.

Оборвались сверху звуки польки-мазурки; надъ головою затопали; загудѣли какіе-то голоса; наконецъ, возмущенный шумомъ сосѣдъ началъ сверху бить въ полъ полотерною щеткой, этимъ, видно, хотѣлъ кто-то выразить сверху просвѣщенный протестъ свой.

Софья Петровна Лихутина съежилась и обиженно зарыдала изъ темнаго уголка: ей впервые въ жизни пришлось встрѣтиться съ такою вотъ яростью, потому что передъ ней только-что здѣсь стоялъ даже... не человѣкъ, даже... не звѣрь. Здѣсь предъ ней провизжала только-что бѣшеная собака.

Второе пространство сенатора.

Спальня Аполлона Аполлоновича была проста и мала: четыре сѣрыхъ, взаимно перпендикулярныхъ стѣнки и един-

Digitized by Microsoft ®

ственный вырѣзъ окна съ бѣленькой кружевной занавѣсочкой; тою же бѣлизной отличались и простыни, полотенца и наволочки высоко подбитой подушечки; предъ сенаторскимъ сномъ камердинеръ окрапливалъ пульверизаторомъ простыню.

Аполлонъ Аполлоновичъ признавалъ лишь тройной одеколонъ Петербургской химической лабораторіи.

Далѣе: камердинеръ ставилъ стаканчикъ лимоннаго морсу на столикъ и спѣшилъ удалиться. Раздѣвался Аполлонъ Аполлоновичъ самъ.

Аккуратнѣйшимъ образомъ скидывалъ свой халатъ; аккуратнѣйшимъ образомъ его складывалъ, съ ловкостью полагая халатъ на стулъ; аккуратнѣйшимъ образомъ скидывалъ пиджачекъ и свои миньятюрныя брючки, оставаясь въ вязаныхъ плотно обтянутыхъ панталонахъ и нижней сорочкѣ; и оставшись въ нижнемъ бѣльѣ, предъ отходомъ ко сну Аполлонъ Аполлоновичъ укрѣплялъ свое тѣло гимнастикой.

Онъ раскидывалъ руки и ноги; ихъ потомъ разводилъ, поворачивалъ туловище, присѣдая на корточки до двѣнадцати и болѣе разъ, чтобъ потомъ, напослѣдокъ, перейти къ еще болѣе полезному упражненію: опрокинувшись на спину, Аполлонъ Аполлоновичъ для укрѣпленія мускуловъ живота принимался работать ногами.

Къ этимъ полезнѣйшимъ упражненіямъ прибѣгалъ Аполлонъ Аполлоновичъ особенно часто въ дни геморроя.

Послѣ этихъ полезнѣйшихъ упражненій Аполлонъ Аполлоновичъ на себя натягивалъ одѣяло, чтобъ предаться мирному отдыху и отправиться въ путешествіе, ибо сонъ (скажемъ мы отъ себя)—путешествіе.

То же все Аполлонъ Аполлоновичъ продѣлалъ сегодня. Съ головой закутавшись въ одѣяло (за исключеніемъ кончика носа), уже онъ изъ кровати повисъ надъ безвременной пустотой.

Но тутъ перебьютъ насъ и скажутъ: „Какъ же такъ пустотой? Ну, а стѣны, а полъ? А... такъ далѣе?..“

Мы отвѣтимъ.

Digitized by Microsoft ®

Аполлонъ Аполлоновичъ видѣлъ всегда д в а пространства: одно—матерьяльное (стѣнки комнатъ и стѣнки кареты), другое же — не то, чтобъ духовное (матерьяльное также)... Ну, какъ бы сказать: надъ головою сенатора Аблеухова глаза сенатора Аблеухова видѣли странные токи: блики, блески, туманныя, радужно-заплясавшія пятна, исходящія изъ крутящихся центровъ, заволакивали въ сумракѣ предѣлы матеріальныхъ пространствъ; такъ въ пространствѣ роилось пространство, и это послѣднее, заслоняя все прочее, въ свою очередь убѣгало въ безмѣрности зыблемыхъ, колыхаемыхъ перспективъ, состоящихъ... ну, будто изъ елочной канители, изъ звѣздочекъ, искорокъ, огонечковъ.

Бывало Аполлонъ Аполлоновичъ передъ сномъ закроетъ глаза и вновь ихъ откроетъ; и что же: огонечки, туманныя пятна, нити и звѣзды, будто свѣтлая накипь заклокотавшихъ безмѣрно огромныхъ чернотъ, неожиданно (всего на четверть секунды) сложится вдругъ въ отчетливую картинку: креста, многогранника, лебедя, свѣтомъ наполненной пирамиды. И все разлетится.

У Аполлона Аполлоновича была своя странная тайна: міръ фигуръ, контуровъ, трепетовъ, странныхъ физическихъ ощущеній — словомъ: в с е л е н н а я странностей. Эта в с е л е н н а я возникала всегда передъ сномъ; и такъ возникала, что Аполлонъ Аполлоновичъ, отходящій ко сну, въ то мгновеніе вспоминалъ всѣ былыя невнятности, шорохи, кристаллографическія фигурки, золотыя, по мраку бѣгущія хризантемовидныя звѣзды на лучахъ-многоножкахъ (иногда такая звѣзда обливала сенатору голову золотымъ кипяткомъ: мурашки бѣжали по черепу): словомъ, онъ вспоминалъ все, что видѣлъ онъ наканунѣ предъ отходомъ ко сну, чтобъ снова не вспомнить поутру.

Иногда (не всегда) передъ самой послѣдней минутой дневного сознанія Аполлонъ Аполлоновичъ, отходящій ко сну, замѣчалъ, что всѣ нити, всѣ звѣзды, образуя клокочущій крутень, строили изъ себя корридоръ, убѣгающій въ неизмѣримость и (что самое удивительное) чувствовалъ онъ, что

Digitized by Microsoft ®

корридоръ тотъ—начинается отъ его головы, т.-е. онъ, корридоръ,—безконечное продолженіе самой головы, у которой раскрылось вдругъ темя — продолженіе въ неизмѣримость; такъ-то старый сенаторъ предъ отходомъ ко сну получалъ престранное впечатлѣніе, будто смотритъ онъ не глазами, а центромъ самой головы, т.-е. онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, не Аполлонъ Аполлоновичъ, а нѣчто, засѣвшее въ мозгѣ и оттуда, изъ мозга глядящее; при раскрытіи темени это нѣчто могло и свободно, и просто пробѣгать корридоръ до мѣста сверженія въ бездну, которое обнажалось тамъ, вдали корридора.

Это и было второе пространство сенатора—страна каждоночныхъ сенаторскихъ путешествій; и объ этомъ довольно...

Съ головой закутавшись въ одѣяло, уже онъ изъ кровати повисъ надъ безвременной пустотой, уже лаковый полъ отвалился отъ ножекъ кровати и кровать стояла, такъ сказать, на невѣдомомъ—какъ до слуха сенатора донеслось странное удаленное цоканье, будто цоканье быстро бившихъ копытецъ:

— „Тра-та-та... Тра-та-та...“

И цоканье близилось.

Странное, очень странное, чрезвычайно странное обстоятельство: изъ-подъ краснаго одѣяла сенаторъ ухо выставилъ на луну; и—да: весьма вѣроятно—въ зеркальномъ залѣ стучали.

Аполлонъ Аполлоновичъ выставилъ голову.

Золотой, клокочущій крутень разлетѣлся внезапно тамъ во всѣ стороны надъ сенаторской головою; хризантемовидная звѣзда-многоножка передвинулась къ темени, исчезая стремительно съ поля зрѣнія сенаторскихъ глазъ; и къ ножкамъ желѣзной кровати, какъ всегда, изъ-за бездны мгновенно прилетѣли плиты паркетнаго пола; бѣленькій Аполлонъ Аполлоновичъ, напоминая ощипаннаго куренка, тутъ внезапно оперся о коврикъ двумя желтыми пятками.

Цоканье продолжалось: Аполлонъ Аполлоновичъ привскочилъ и пробѣжалъ въ корридоръ.

Digitized by Microsoft ®

Комнаты озаряла луна.

Въ одной исподней сорочкѣ и съ зажженной свѣчкой въ рукахъ Аполлонъ Аполлоновичъ пропутешествовалъ въ комнаты. За своимъ встревоженнымъ бариномъ потянулся очутившійся здѣсь бульдожка, пошевеливалъ снисходительно обрубленнымъ хвостикомъ, дзенькалъ ошейникомъ и посапывалъ пришлепнутымъ носомъ.

Какъ досчатая плоская крышка, съ тяжелыми хрипами волосатая колыхалася грудь, и внимало цоканью ухо блѣдно-зеленыхъ отливовъ. Взоръ сенатора невзначай упалъ на трюмо: ну и странно же трюмо отразило сенатора: руки, ноги, бедра и грудь оказались вдругъ стянуты темносинимъ атласомъ: тотъ атласъ во всѣ стороны отъ себя откидывалъ металлическій блескъ: Аполлонъ Аполлоновичъ оказался въ синей бронѣ; Аполлонъ Аполлоновичъ оказался маленькимъ рыцаркомъ и изъ рукъ его протянулась не свѣчка, а какое-то свѣтовое явленіе, отливающее блестками сабельнаго клинка.

Аполлонъ Аполлоновичъ расхрабрился и бросился въ залъ; цоканье раздавалось тамъ:

— „Тра-та-та... Тра-та-та...“

И онъ огрызнулся на цоканье:

— „На основаніи какой же статьи „Свода Законовъ“?“

Восклицая, онъ видѣлъ, что равнодушный бульдожка миролюбиво и сонно тутъ посапывалъ рядомъ. Но—какая наглость!—изъ залы отвѣтно воскликнули:

— „На основаніи чрезвычайнаго правила!“

Возмущенный наглымъ отвѣтомъ, синенькій рыцарекъ взмахнулъ свѣтовымъ явленіемъ, зажатымъ въ рукѣ, и бросился въ залъ.

Но свѣтовое явленіе растаяло въ его кулачкѣ: простроилось межъ пальцевъ, какъ воздухъ, и легло у ногъ лучикомъ. А цоканье — Аполлонъ Аполлоновичъ разсмотрѣлъ — было щелканьемъ языка какого-то дрянного монгола: тамъ какой-то толстый монголъ съ физіономіей, виданной Аполлономъ Аполлоновичемъ въ его бытность въ Токіо (Аполлонъ Аполлоно-

Digitized by Microsoft®

вичъ былъ однажды посланъ въ Токіо)—тамъ какой-то толстый монголъ присваивалъ себѣ физіономію Николая Аполлоновича—присваивалъ, говорю я, потому что это былъ не Николай Аполлоновичъ, а просто монголъ, виданный ужъ въ Токіо; тѣмъ не менѣе физіономія его была физіономіей Николая Аполлоновича. Этого Аполлонъ Аполлоновичъ понять не желалъ, протиралъ кулачками свои изумленныя очи (и опять-таки рукъ онъ не слышалъ, какъ не слышалъ лица: просто такъ себѣ другъ о друга затерлись два неосязаемыхъ пункта — пространство рукъ щупало пространство лица). А монголъ (Николай Аполлоновичъ) приближался съ корыстною цѣлью.

Тутъ сенаторъ воскликнулъ вторично:

— „На основаніи какого же правила?“

— „И какого параграфа?“

И пространство отвѣтило:

— „Уже нѣтъ теперь ни параграфовъ, ни правилъ!“

. . . . . .

И безвѣстный, безчувственный, вдругъ лишенный вѣсомости, вдругъ лишенный самаго ощущенія тѣла, превращенный лишь въ зрѣнье и слухъ, Аполлонъ Аполлоновичъ представилъ себѣ, что воздѣлъ онъ пространство зрачковъ своихъ (осязаніемъ онъ не могъ сказать положительно, что глаза имъ воздѣты, ибо чувство тѣлесности было сброшено имъ),—и воздѣвши глаза по направленію къ мѣсту темени, онъ увидѣлъ, что и темени нѣтъ, ибо тамъ, гдѣ мозгъ зажимаютъ тяжелыя крѣпкія кости, гдѣ нѣтъ взора, нѣтъ зрѣнія,—тамъ Аполлонъ Аполлоновичъ въ Аполлонѣ Аполлоновичѣ увидалъ круглую пробитую брешь въ темнолазурную даль (въ мѣсто темени); эта пробитая брешь—синій кругъ—была окружена колесомъ летающихъ искръ, бликовъ, блесковъ; въ ту роковую минуту, когда по разсчетамъ Аполлона Аполлоновича къ его безсильному тѣлу (синій кругъ былъ въ томъ тѣлѣ—выходъ изъ тѣла) уже подкрадывался монголъ (запечатлѣнный лишь въ сознаніи, но болѣе ужъ невидимый)—въ то самое время что-то съ ревомъ и свистомъ, по-

Digitized by Microsoft ®

хожимъ на шумъ вѣтра въ трубѣ, стало вытягивать сознаніе Аполлона Аполлоновича изъ-подъ крутня сверканій (сквозь темянную синюю брешь) въ звѣздную запредѣльность.

Тутъ случился скандалъ (въ ту минуту сознаніе Аполлона Аполлоновича отмѣтило, что подобный случай ужъ былъ: гдѣ, когда,—онъ не помнитъ)—тутъ случился скандалъ: вѣтеръ высвистнулъ сознаніе Аполлона Аполлоновича изъ Аполлона Аполлоновича.

Аполлонъ Аполлоновичъ вылетѣлъ черезъ круглую брешь въ синеву, въ темноту, златопёрой звѣздою; и взлетѣвши достаточно высоко надъ своей головой (показавшейся ему планетой з е м л я), златопёрая звѣздочка, какъ ракета, беззвучно разлетѣлась на искры.

Мгновеніе не было ничего: былъ довременный мракъ; и въ мракѣ роилось сознаніе—не какое-нибудь иное, напримѣръ, міровое, а сознаніе совершенно простое: сознаніе Аполлона Аполлоновича.

Это сознаніе теперь обернулось назадъ, выпустивъ изъ себя только два ощущенія: ощущенія опустились, какъ руки; и ощущенія ощутили вотъ что: они ощутили какую-то форму (напоминающую форму ванны), до краевъ налитую липкою и вонючею скверною; ощущенья, какъ руки, заполоскалися въ в а н н ѣ; то же, чѣмъ в а н н а была налита, Аполлонъ Аполлоновичъ могъ сравнить лишь съ навозной водой, въ которой полоскался отвратительный бегемотъ (это видывалъ онъ не разъ въ водахъ зоологическихъ садовъ просвѣщенной Европы). Мигъ—ощущенія приросли ужъ къ сосуду, который, какъ сказали мы, наполненъ былъ до краевъ срамотой; сознаніе Аполлона Аполлоновича рвалось прочь, въ пространство, но ощущенья за сознаніемъ этимъ тащили тяжелое что-то.

У сознанія открылись глаза, и сознаніе увидало то самое, въ чемъ оно обитаетъ: увидало желтаго старичка, напоминающаго ощипаннаго куренка; старичокъ сидѣлъ на постели; голыми пятками опирался о коврикъ онъ.

Мигъ: сознаніе оказалось самимъ этимъ желтенькимъ ста-

Digitized by Microsoft ®

ричкомъ, ибо этотъ желтенькій старичокъ прислушивался съ постели къ странному, удаленному цоканью, будто цоканью быстро бившихъ копытецъ:

— „Тра-та-та... Тра-та-та...“

Аполлонъ Аполлоновичъ понялъ, что все его путешествіе по корридору, по залу, наконецъ, по своей головѣ—было сномъ.

И едва онъ это подумалъ, онъ проснулся: это былъ двойной сонъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ не сидѣлъ на постели, а Аполлонъ Аполлоновичъ лежалъ съ головой закутавшись въ одѣяло (за исключеніемъ кончика носа): цоканье въ залѣ оказалось хлопнувшей дверью.

Это вѣрно вернулся домой Николай Аполлоновичъ: Николай Аполлоновичъ возвращался позднею ночью.

— „Такъ-съ...“

— „Такъ-съ...“

— „Очень хорошо-съ...“

Только вотъ неладно въ спинѣ: боязнь прикосновенія къ позвоночнику... Не развивается ли у него tabes dorsalis?

Конецъ третьей главы.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ которой ломается линія повѣствованья.

Не дай мнѣ Богъ сойти съума...

А. Пушкинъ.

Лѣтній садъ.

Прозаически, одиноко туда и сюда побѣжали дорожки Лѣтняго сада; пересѣкая эти пространства, изрѣдка торопилъ свой шагъ пасмурный пѣшеходъ, чтобъ потомъ окончательно затеряться въ пустотѣ безысходной: Марсово поле не одолѣть въ пять минутъ.

Хмурился Лѣтній садъ.

Лѣтнія статуи поукрывались подъ досками; сѣрыя доски являли въ длину свою поставленный гробъ; и обстали гробы дорожки; въ этихъ гробахъ пріютились легкія нимфы и сатиры, чтобы снѣгомъ, дождемъ и морозомъ не изгрызалъ ихъ зубъ времени, потому что время точитъ на все желѣзный свой зубъ; а желѣзный зубъ равномѣрно изгложетъ и тѣло, и душу, даже самые камни.

Со временъ стародавнихъ этотъ садъ опустѣлъ, посѣрѣлъ, поуменьшился; развалился гротъ, перестали брызгать фонтаны, лѣтняя галлерея рухнула и изсякъ водопадъ; поуменьшился садъ и присѣлъ за рѣшеткой.

Самъ Петръ насадилъ этотъ садъ, поливая изъ собственной лейки рѣдкія древеса, медоносныя калуферы, мяты; изъ Соликамска царь выписалъ сюда кедры, изъ Данцига—барбарисъ, а изъ Швеціи—яблони; понастроилъ фонтановъ, и разбитыя брызги зеркалъ, будто легкая паутина, просквозили надолго здѣсь краснымъ камзоломъ высочайшихъ персонъ, завитыми ихъ буклями, черными арапскими рожами и

Digitized by Microsoft ®

робронами дамъ; опираясь на граненую ручку черной съ золотомъ трости, здѣсь сѣдой кавалеръ подводилъ свою даму къ бассейну; а въ зеленыхъ, кипучихъ водахъ отъ самаго дна, фыркая, выставлялась черная морда тюленя; дама ахала, а сѣдой кавалеръ улыбался шутливо и черному монстру протягивалъ свою трость.

Лѣтній садъ тогда простирался далече, отнимая просторъ у Марсова поля для любезныхъ царскому сердцу аллей, обсаженныхъ и зеленицей, и таволгой (и его, видно, грызъ безпощадный зубъ времени); поднимали свои розоватыя трубы огромныя раковины индійскихъ морей съ ноздреватыхъ камней суроваго грота; и персона, снявъ плюмажную шапку, любопытно прикладывалась къ отверстію розоватой трубы: и оттуда слышался хаотическій шумъ; въ это время иныя персоны распивали фруктовыя воды предъ таинственнымъ гротомъ симъ.

И въ позднѣйшія времена, подъ фигурною позой Ирелевской статуи, простиравшей персты въ вечерѣющій день, раздавались смѣхи, шопоты, вздохи, и блистали бурмитскія зерна государыниныхъ фрейлинъ. То бывало весной, въ Духовъ день; вечерняя атмосфера густѣла; вдругъ она сотрясалась отъ мощнаго, органнаго гласа, полетѣвшаго изъподъ купы сладко дремлющихъ ильмъ: и оттуда вдругъ ширился свѣтъ—потѣшный, зеленый; тамъ, въ зеленыхъ огняхъ, ярко-красные егеря-музыканты, протянувши рога, мелодически оглашали окрестность, сотрясая зефиръ и жестоко волнуя душу, уязвленную глубоко: томный плачъ этихъ вверхъ воздѣтыхъ роговъ—ты не слышалъ?

Все то было, и теперь того нѣтъ; теперь хмуро такъ побѣжали дорожки Лѣтняго сада; черная оголтѣлая стая кружила надъ крышею Петровскаго домика; непереносенъ былъ ея гвалтъ и тяжелое хлопанье растрепавшихся крыльевъ; черная, оголтѣлая стая вдругъ низверглась на сучья.

Николай Аполлоновичъ, надушенный и начисто выбритый, пробирался по мерзлой дорожкѣ, запахнувшись въ шинель; голова его упала въ мѣха, а глаза его какъ-то странно свѣ-

Digitized by Microsoft ®

тились; только-что онъ сегодня рѣшилъ углубиться въ работу, какъ ему принесъ посыльный записочку; неизвѣстный почеркъ ему назначалъ свиданіе въ Лѣтнемъ саду. А подписано было „С“. Кто же могъ быть таинственнымъ „С“? Ну, конечно, „С“ это—Софья (видно, она измѣнила свой почеркъ). Николай Аполлоновичъ, надушенный и начисто выбритый, пробирался по мерзлой дорожкѣ.

Николай Аполлоновичъ имѣлъ взволнованный видъ; въ эти дни онъ лишился сна, аппетита; на страницу кантовскихъ комментарій безпрепятственно ужъ съ недѣлю осаждалась тонкая пыль; въ душѣ же былъ токъ неизвѣданный чувства; этотъ смутный и сладостный токъ ощущалъ онъ въ себѣ и въ прошлыя времена... правда, какъ-то глухо, далеко. Но съ той самой поры, какъ въ ангелѣ-пери вызывалъ онъ безыменные трепеты своимъ поведеніемъ, въ немъ самомъ открылись безыменные трепеты: будто онъ призвалъ изъ таинственныхъ нѣдръ своихъ глухо бившія силы, будто въ немъ самомъ разорвался эоловъ мѣшокъ, и сыны нездѣшнихъ порывовъ на свистящихъ бичахъ повлекли его черезъ воздухъ въ какія-то странныя страны. Неужели же состояніе это знаменуетъ возвратъ только чувственныхъ возбужденій? Можетъ быть—то любовь? Но любовь отрицалъ онъ.

Уже онъ озирался тревожно, ища на дорожкахъ знакомое очертаніе, въ мѣховой черной шубѣ, съ мѣховой черной муфточкой; но не было—никого; неподалеку на лавочкѣ тамъ какая-то развалилась кутафья. Вдругъ кутафья та съ лавочки поднялась, мгновеніе потопталась на мѣстѣ и пошла на него.

— „Вы меня... не узнали?“

— „Ахъ, здравствуйте!“

— „Вы, кажется, и сейчасъ не узнаете меня? да, вѣдь, я—Соловьева“.

— „Какъ же, помилуйте; вы—Варвара Евграфовна!“

— „Ну, такъ сядемте здѣсь, на лавочкѣ...“

Николай Аполлоновичъ мучительно опустился съ ней рядомъ: вѣдь, свиданіе ему назначалось именно въ этой аллейкѣ; и вотъ—это несчастное обстоятельство! Николай Аполлоно-

Digitized by Microsoft®

вичъ сталъ раздумывать, какъ скорѣй отсюда спровадить эту кутафью; все ища знакомаго очертанія, озирался онъ направо, налѣво; но знакомаго очертанія еще не было видно.

Въ ноги имъ сухая дорожка начинала кидаться желтобурымъ и червоточивымъ листомъ; какъ-то матово тамъ протянулась, прямо вставши въ стальной горизонтъ, темноватая сѣть перекрещенныхъ сучьевъ; иногда темноватая сѣть начинала гудѣть; иногда темноватая сѣть начинала качаться.

— „Вы получили мою записку?“

— „Какую записку?“

— „Да записку съ подписью „С“.

— „Какъ, это вы мнѣ писали?“

— „Ну да же...“

— „Но при чемъ же тутъ С?“

— „Какъ при чемъ. Вѣдь, фамилія моя—Соловьева...“

Все рухнуло, а онъ-то, а онъ-то! Безыменные трепеты какъ-то вдругъ опустились на дно.

— „Чѣмъ могу вамъ служить?“

— „Я... я хотѣла, я думала, получили ли вы одно маленькое стихотвореніе за подписью Пламенная Душа?“

— „Нѣтъ, не получалъ“.

— „Какъ же такъ? неужели письма мои полиція перлюстрируетъ? Ахъ, какая досада! Безъ этого стихотворнаго отрывка мнѣ, признаться, такъ трудно вамъ все это объяснить. Я хотѣла бы васъ спросить кое-что о жизненномъ смыслѣ...“

. . . . . .

— „Извините, Варвара Евграфовна, у меня нѣтъ времени“.

— „Какъ же такъ? Какъ же такъ?“

— „До свиданья! Вы меня, пожалуйста, извините,—мы назначимъ для этого разговора болѣе удобное время. Не правда ли?“

Варвара Евграфовна нерѣшительно потянула его за мѣховой край шинели; онъ рѣшительно всталъ; она встала за нимъ; но еще рѣшительнѣй протянулъ онъ ей свои надушенные пальцы, прикоснувшись краемъ округленныхъ ногтей къ ея красной рукѣ. Она не успѣла что-либо въ ту минуту

Digitized by Microsoft ®

придумать, чтобъ его задержать; а ужъ онъ въ совершенной досадѣ бѣжалъ отъ нея, запахнувшись надменно и огорченно, и уйдя лицомъ въ мѣха николаевки. Листья трогались съ мѣста медлительно, желтоватыми и сухими кругами окружали полы шинели; но суживались круги, безпокойнѣе завивались винтами, все живѣй танцовалъ золотой, что-то шепчущій винтъ. Крутень листьевъ стремительно завивался, переметывался и бѣжалъ, не крутясь, какъ-то вбокъ, какъ-то вбокъ; красный лапчатый листъ чуть-чуть тронулся, подлетѣлъ и простерся. Какъ-то матово тамъ протянулась, прямо вставши въ стальной горизонтъ, темноватая сѣть изъ перекрещенныхъ сучьевъ; въ эту сѣть онъ прошелъ; и когда онъ прошелъ въ эту сѣть, то воронъ оголтѣлая стая вспорхнула и стала кружиться надъ крышей Петровскаго домика; темноватая сѣть начинала качаться; темноватая сѣть начинала гудѣть; и слетали какіе-то робко-унылые звуки; и сливались всѣ въ одинъ звукъ—въ звукъ органнаго гласа. А вечерняя атмосфера густѣла; вновь казалось душѣ, будто не было настоящаго; будто эта вечерняя густота изъ-за тѣхъ вонъ деревьевъ трепетно озарится зеленосвѣтлымъ каскадомъ; и тамъ, во всемъ огненномъ, яркокрасные егеря, протянувши рога, опять мелодически извлекутъ изъ зефировъ органныя волны.

Мадамъ Фарнуа.

И поздненько же ангелъ-пери сегодня изволилъ открыть изъ подушекъ свои невинные глазки; но глазки слипались; а въ головкѣ явственно развивалась глухо-тупая боль; ангелъ-пери изволилъ долго еще пребывать въ дремотѣ; подъ кудрями роились все какія-то невнятности, безпокойства, полунамеки: первой полною мыслью была мысль о вечерѣ: что-то будетъ! Но когда она пыталась развить эту мысль, ея глазки окончательно сліплись и опять пошли въ какія-то невнятности, безпокойства, полунамеки; и изъ этихъ неясностей вновь возстало единственно: Помпадуръ, Помпадуръ, Помпадуръ,—а что Помпадуръ? Но душа ей свѣтло освѣтила то

Digitized by Microsoft®

слово: костюмъ въ духѣ мадамъ Помпадуръ—лазурный, цвѣточками, кружева валансьенъ, серебристыя туфли, помпоны! О костюмѣ въ стилѣ мадамъ Помпадуръ надняхъ она долго такъ спорила со своею портнихой; мадамъ Фарнуа все никакъ не хотѣла ей уступить относительно блондовъ; говорила: „И зачѣмъ это блонды?“ Но какъ же безъ блондовъ? По мнѣнію мадамъ Фарнуа, блонды должны выглядѣть такъ-то, быть тогда-то; и совсѣмъ не такъ должны были выглядѣть блонды, по мнѣнію Софьи Петровны. Мадамъ Фарнуа ей сначала сказала: „Моего вкуса, вашего вкуса, — ну, какъ же не быть стилю мадамъ Помпадуръ!“ Но Софья Петровна уступить не хотѣла; и мадамъ Фарнуа обиженно предложила обратно ей взять матеріалъ. Отнесите въ Maison Tricotons: „Тамъ, мадамъ, вамъ не станутъ перечить...“ Но отдать въ Maison Tricotons—фи, фи, фи! И блонды оставили, какъ оставили и иные спорные пункты относительно стиля мадамъ Помпадуръ: напримѣръ, для рукъ легкая chapeau Bergère; но безъ юбки-панье нельзя было никакъ обойтись.

Такъ и поладили.

Углубляясь въ думы о мадамъ Фарнуа, Помпадуръ и Maison Tricotons, ангелъ-пери мучительно чувствовалъ, что опять все не то, что-то такое случилось, послѣ чего должны испариться и мадамъ Фарнуа, и Maison Tricotons; но пользуясь полусномъ, она сознательно не хотѣла ловить ускользнувшаго впечатлѣнія отъ дѣйствительныхъ происшествій вчерашняго дня; наконецъ, она вспомнила — всего-то только два слова: домино и письмо; и она вскочила съ постели, заломила руки въ безпредметномъ томленіи; было третье еще какое-то слово, съ нимъ вчера и заснула она.

Но ангелъ-пери не вспомнилъ третьяго слова; третьимъ словомъ, вѣдь, одинаково были бы совершенно невзрачные звуки: мужъ, офицеръ, подпоручикъ.

О двухъ первыхъ словахъ ангелъ-пери до вечера рѣшилъ твердо не думать; а на третье, невзрачное слово—обращать вниманья не стоило. Но какъ разъ на это невзрачное слово

Digitized by Microsoft ®

натолкнулась она; ибо только-только успѣла она пропорхнуть въ гостиную изъ своей душной спаленки и съ совершенной невинностью разлетѣться въ мужнину комнату, полагая, что мужъ, офицеръ, подпоручикъ Лихутинъ, какъ всегда, ушелъ завѣдывать провіантомъ, — вдругъ: къ величайшему ея удивленію комната этого подпоручика на ключъ оказалась запертой отъ нея: подпоручикъ Лихутинъ, вопреки всѣмъ обычаямъ, вопреки тѣсному помѣщенію, удобству, здравому смыслу и честности,—тамъ засѣлъ очевидно.

Тутъ только вспомнила она безобразную вчерашнюю сцену; и съ надутыми губками хлопнула спаленной дверью (онъ замкнулся на ключъ, и она замкнется на ключъ). Но, замкнувшись на ключъ, увидала она и расколотый столикъ.

— „Барыня, вамъ прикажете въ комнату кофей?“

— „Нѣтъ, не надо...“

. . . . . .

— „Баринъ, вамъ прикажете въ комнату кофей?“

— „Нѣтъ, не надо.“

. . . . . .

— „Кофей, баринъ, остылъ“.

Молчаніе.

— „Барыня, тамъ пришли, барыня!“

— „Отъ мадамъ Фарнуа?“

— „Нѣтъ, отъ прачки!“

Молчаніе.

. . . . . .

Въ часу шестьдесятъ минутъ; минута же вся состоитъ изъ секундочекъ; секундочки убѣгали, составляя минуты; грузныя повалили минуты; и тащились часы.

Молчаніе.

Среди дня тутъ звонилъ желтый ея величества кирасиръ баронъ Оммау-Оммергау съ двухфунтовой бонбоньеркою шоколада отъ Крафта. Отъ двухфунтовой бонбоньерки не отказались; но ему отказали.

Около двухъ часовъ пополудни тутъ звонилъ синій его

Digitized by Microsoft®

величества кирасиръ, графъ Авенъ, съ бонбоньеркою отъ Балле; бонбоньерку приняли, но ему отказали.

Отказали и лейбъ-гусару въ высокой мѣховой шапкѣ; гусаръ потрясалъ султаномъ и стоялъ съ махровымъ кустомъ хризантемъ лимоннаго яркаго цвѣта; онъ сюда заходилъ послѣ Авена въ началѣ пятаго часа.

Прилетѣлъ и Вергефденъ съ ложею въ Маріинскій театръ. Не прилетѣлъ лишь Липпанченко: не былъ Липпанченко.

Наконецъ, поздно вечеромъ, въ исходѣ десятаго часа, появилась дѣвчонка отъ мадамъ Фарнуа съ преогромной картонкою; ее приняли тотчасъ; но когда ее принимали и въ передней по этому поводу возникло хихиканье, дверь спальни щелкнула, и оттуда просунулась любопытно заплаканная головка; раздался разсерженный, торопливый крикъ:

— „Несите скорѣй".

Но тогда же щелкнулъ и замокъ въ кабинетѣ; изъ кабинета просунулась какая-то косматая голова: поглядѣла и спряталась. Неужели же это былъ подпоручикъ?

Петербургъ ушелъ въ ночь.

Кто не помнитъ вечера передъ памятной ночью? Кто не помнитъ грустнаго отлетанія того дня на покой?

Надъ Невой бѣжало огромное и багровое солнце за фабричныя трубы: петербургскія зданія подернулись тончайшею дымкой и будто затаяли, обращаясь въ легчайшія, аметистово-дымныя кружева; а отъ стеколъ оконныхъ прорѣзался всюду златопламенный отблескъ; и отъ шпицевъ высокихъ зарубинился блескъ. Всѣ обычныя тяжести—и уступы, и выступы — убѣжали въ горящую пламенность: и подъѣзды съ каріатидами, и карнизы кирпичныхъ балконовъ.

Яростно закровавился рыжекрасный дворецъ; этотъ старый дворецъ еще строилъ Растрелли; нѣжною голубою стѣной всталъ тогда этотъ старый дворецъ въ бѣлой стаѣ колоннъ; бывало, съ любованьемъ оттуда открывала окошко на невскія дали покойная императрица Елизавета Петровна.

Digitized by Microsoft ®

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ этотъ старый дворецъ перекрашенъ былъ въ блѣдножелтую краску; при императорѣ Александрѣ Николаевичѣ былъ дворецъ перекрашенъ вторично: съ той поры онъ сталъ рыжимъ, кровянѣя къ закату.

Въ этотъ памятный вечеръ все пламенѣло, пламенѣлъ и дворецъ; все же прочее, не вошедшее въ пламень, отемнялось медлительно; отемнялась медлительно вереница линій и стѣнъ въ то время, какъ тамъ, на сиреневомъ погасающемъ небѣ, въ облачкахъ-перламутринкахъ, разгорались томительно все какіе-то искрометные свѣточи; разгорались медлительно какія-то легчайшія пламена.

Ты сказалъ бы, что зарѣло тамъ прошлое.

Невысокая, полная дама, вся въ черномъ, которая тамъ у моста отпустила извозчика, давно ужъ бродила подъ окнами желтаго дома; какъ-то странно дрожала ея рука; а въ дрожащей рукѣ чуть дрожалъ малюсенькій ридикюльчикъ не петербургскихъ фасоновъ. Полная дама была почтеннаго возраста и имѣла видъ, будто страдаетъ одышкой; полные пальцы ея то и дѣло хватались за подбородокъ, выступающій внушительно изъ-подъ воротника и усѣянный кое-гдѣ сѣдыми волосиками. Ставши противъ желтаго дома, она хотѣла дрожащими пальцами пріоткрыть ридикюльчикъ: ридикюльчикъ не слушался; наконецъ, ридикюльчикъ раскрылся, и дама съ несвойственной для лѣтъ ея торопливостью достала платочекъ съ кружевными разводами, повернулась къ Невѣ и заплакала. Лицо ея тогда озарилось закатомъ, надъ губами же явственно отмѣтились усики; положивши руку на камень, смотрѣла она дѣтскимъ и вовсе невидящимъ взоромъ въ туманныя, многотрубныя дали и въ водную глубину.

Наконецъ, дама взволнованно поспѣшила къ подъѣзду желтаго дома и позвонила.

Дверь распахнулась; старичокъ съ галуномъ на отворотахъ изъ отверстія на зарю выставилъ свою плѣшь; онъ прищурилъ слезливые глазки отъ нестерпимаго, заневскаго блеска.

Digitized by Microsoft ®

— „Что вамъ угодно?..“

Дама почтеннаго возраста заволновалась: не то умиленіе, не то скрытая тщательно робость прояснила ея черты.

— „Дмитричъ?.. Не узнали меня?“

Тутъ лакейская плѣшь задрожала и упала въ малюсенькій ридикюльчикъ (въ руку дамы):

— „Матушка, барыня вы моя!.. Анна Петровна!“

— „Да, вотъ, Семенычъ...“

— „Какими судьбами? Аткелева?“

Умиленіе, если только не тщательно скрытая робость, послышалось снова въ пріятномъ контральто.

— „Изъ Испаніи... Вотъ хочу посмотрѣть, какъ вы тутъ безъ меня?“

— „Барыня наша, родная... Пожалуйте-съ!..“

Анна Петровна поднималась по лѣстницѣ: тотъ же все лѣстницу обволакивалъ бархатистый коверъ. На стѣнахъ разблистался орнаментъ изъ все тѣхъ же оружій: подъ бдительнымъ наблюденіемъ барыни сюда вотъ когда-то повѣсили мѣдную литовскую шапку, а туда—темпліерскій отовсюду проржавленный мечъ; и нынѣ такъ же блистали: отсюда—мѣдная литовская шапка; оттуда — крестообразныя рукояти совершенно ржавыхъ мечей.

— „Только нѣтъ никого-съ: ни барчука, ни Аполлона Аполлоновича“.

Надъ балюстрадой все та же стояла подставка изъ бѣлаго алебастра, какъ прежде, и какъ прежде, та-жъ Ніобея поднимала горѣ алебастровые глаза; это п р е ж д е вновь обступило (а прошло три ужъ года, и за эти годы пережито столь многое). Анна Петровна вспомнила черный глазъ итальянскаго кавалера, и опять въ себѣ ощутила ту тщательно скрытую робость:

— „Не прикажете шеколаду, кофію-съ? не прикажете самоварчикъ?“

Анна Петровна едва отмахнулась отъ прошлаго (тутъ все такъ же, какъ прежде).

— „Какъ же вы безъ меня эти годы?“

Digitized by Microsoft ®

— „Да никакъ-съ... Только смѣю вамъ доложить, безъ васъ—никакого порядку-съ... А все прочее безъ послѣдствій: попрежнему... Аполлонъ Аполлоновичъ, баринъ-то, — слышали?“

— „Слышала...“

— „Да-съ, все знаки отличія... Царскія милости... Что̀ прикажете: баринъ-то важный!“

— „Баринъ-то—постарѣлъ?“

— „Назначаются баринъ на постъ: на отвѣтственный:— баринъ все равно, што министръ: вотъ какой баринъ...“

Аннѣ Петровнѣ неожиданно показалось, что лакей на нее посмотрѣлъ чуть-чуть укоризненно; но это только казалось: онъ всего лишь поморщился отъ нестерпимаго заневскаго блеска, открывая дверь въ залъ.

— „Ну, а Коленька?“

— „Коленька-съ, Николай Аполлоновичъ, то-ись, такой, позволю себѣ замѣтить, разумникъ-съ! Успѣваютъ въ наукахъ; и во всякомъ тамъ успѣваютъ, что̀ имъ полагается... Просто красавчикомъ стали...“

— „Ну, что вы? Онъ всегда былъ въ отца...“

Сказала: потупилась — перебирала пальцами ридикюльчикъ.

Такъ же стѣны были уставлены высоконогими стульями; отовсюду межъ стульевъ, обитыхъ палевымъ плюшемъ, поднимались бѣлые и холодные столбики; и со всѣхъ бѣлыхъ столбиковъ глядѣлъ на нея укоризненно строгій мужъ изъ холоднаго алебастра. И съ прямою враждебностью просверкало на Анну Петровну со стѣнъ зеленоватое, старинное стекло, подъ которымъ у ней былъ съ сенаторомъ рѣшительный разговоръ: а вонъ—блѣднотонная живопись — помпеанскія фрески; эти фрески привезъ ей сенаторъ въ ея бытности невѣстой: тридцать лѣтъ протекло съ той поры.

Анну Петровну охватило все то же гостинное гостепріимство: охватили лаки и лоски; защемило попрежнему грудь; сжалось горло старинною непріязнью; Аполлонъ Аполлоновичъ, можетъ, ей и проститъ; но она ему—нѣтъ: въ лакиро-

Digitized by Microsoft ®

ванномъ домѣ житейскія грозы протекали безшумно; тѣмъ не менѣе грозы житейскія протекали здѣсь гибельно.

Такъ приливъ темныхъ думъ ее гналъ на враждебные берега; разсѣянно она прислонилась къ окошку—и видѣла, какъ надъ невской волной понеслись розоватыя облачка; клочковатыя облачка вырывались изъ трубъ убѣгающихъ пароходиковъ, отъ кормы кидающихъ въ берега проблиставшую яхонтомъ полосу: облизавши каменный быкъ, полоса кидалась обратно и слеталась со встрѣчною полосою; разметавши свой яхонтъ въ одну змѣёвую канитель. Выше—легчайшія пламена опепелялись на тучахъ; пепелъ сѣялся щедро: всѣ небесные просвѣты засыпались пепломъ; все коварно потомъ обернулось одноцвѣтною легкостью; и мгновенье казалось, будто сѣрая вереница изъ линій, шпицевъ и стѣнъ съ чуть слетающей тѣневой темнотою, упадающей на громады каменныхъ стѣнъ, — будто эта сѣрая вереница есть тончайшее кружево.

— „Что же вы, барыня, у насъ остановитесь?“

— „Я?.. Въ гостиницѣ“.

. . . . . .

Въ этой тающей сѣрости проступили вдругъ тускло многія удивленно глядящія точки: огоньки, огонечки; огоньки, огонечки наливалися силой и бросались изъ тьмы послѣ рыжими пятнами, въ то время, какъ сверху падали водопады: синіе, чернолиловые, черные.

Петербургъ ушелъ въ ночь.

Топотали ихъ туфельки.

Раздавались звонки.

Выходили въ залъ изъ передней какія-то ангелоподобныя существа въ голубыхъ, бѣлыхъ, розовыхъ платьяхъ, серебристыя, искристыя; обвѣвали газами, вѣерами, шелками, разливая вокругъ благодатную атмосферу фіалочекъ, ландышей, лилій и туберозъ; слегка опыленныя пудрой ихъ мраморнобѣлыя плечики черезъ часъ, черезъ два должны были

Digitized by Microsoft®

разгорѣться румянцемъ и покрыться испариной; но теперь, передъ танцами, личики, плечи и худыя обнаженныя руки казались еще блѣднѣй и худѣй, чѣмъ въ обычные дни; тѣмъ значительнѣй прелесть этихъ существъ какъ-то сдержанно искрами занималась въ зрачкахъ, пока существа, сущіе ангелята, образовали и шелестящіе, и цвѣтные рои вѣющей кисеи; свивались и развивались ихъ бѣлые вѣера, производя легкій вѣтеръ; топотали ихъ туфельки.

Раздавались звонки.

Бодро въ залъ изъ передней входили какіе-то крѣпкогрудые геніи въ туго стянутыхъ фракахъ, мундирахъ и ментикахъ—правовѣды, гусары, гимназисты и такъ себѣ люди—усатые и безусые, — безбородые — всѣ; разливали вокругъ какую-то надежную радость и сдержанность. Неназойливо они проникали въ блестящій газами кругъ и казались барышнямъ гибче воска; и глядишь—тамъ, здѣсь — пуховой легкій вѣеръ начиналъ уже биться о грудь усатаго генія, какъ довѣрчиво на эту грудь сѣвшее бабочкино крыло, и крѣпкогрудый гусаръ осторожно начиналъ съ барышней перекидываться своими пустыми намеками; съ точно такою же осторожностью наклоняемъ лицо мы къ сѣвшему невзначай намъ на палецъ легкому мотыльку. И на красномъ фонѣ золототканнаго гусарскаго одѣянія, какъ на пышномъ восходѣ небывалаго солнца, такъ отчетливо просто выдѣлялся слегка розовѣющій профиль; набѣгающій вальсовый вихрь скоро долженъ былъ превратить слегка розовѣющій профиль невиннаго ангела въ профиль демона огневой.

Цукатовы, собственно говоря, давали не балъ: былъ всего-на-всего дѣтскій вечеръ, въ которомъ пожелали участвовать взрослые; правда, носился слухъ, что на вечеръ прибудутъ и маски; предстоящее появленіе ихъ удивляло, признаться, Любовь Алексѣевну; какъ-никакъ, святокъ не было; но таковы, видно, были традиціи милаго мужа, что для танцевъ и дѣтскаго смѣха онъ готовъ былъ нарушить всѣ уставы календаря; милаго мужа, обладателя двухъ серебряныхъ бакъ, и до сей поры называли Коко. Въ этомъ пляшущемъ домѣ

Digitized by Microsoft ®

онъ былъ, само собой разумѣется, Николаемъ Петровичемъ, главой дома и родителемъ двухъ хорошенькихъ дѣвочекъ восемнадцати и пятнадцати лѣтъ.

Эти милыя бѣлокурыя существа были въ газовыхъ платьяхъ и серебряныхъ туфелькахъ. Ужъ съ девятаго часу они размахались пушистыми вѣерами на отца, на экономку, на горничную, даже... на гостящаго въ домѣ почтеннаго земскаго дѣятеля мастодонтообразныхъ размѣровъ (родственника Коко). Наконецъ, раздался долгожданный робкій звонокъ; распахнулась дверь добѣла освѣщеннаго зала, и туго затянутый во фракъ свой таперъ, напоминая черную, голенастую птицу, потирая руки, едва не споткнулся о проходящаго оффиціанта (приглашеннаго по случаю бала въ этотъ блещущій домъ); въ рукахъ у оффиціанта задребезжалъ, задрожалъ листъ картона, сплошь усѣянный котильонными побрякушками: орденками, лентами и бубенчиками. Скромный таперъ разложилъ ряды нотныхъ тетрадокъ, поднималъ и опускалъ рояльную крышку, обдувалъ бережно клавиши и безъ видимой цѣли блещущей своею ботинкой нажималъ онъ педаль, напоминая исправнаго паровознаго машиниста за пробою паровозныхъ котловъ передъ отправленіемъ поѣзда. Убѣдившись въ исправности инструмента, скромный таперъ подобралъ фалды фрака, опустился на низенькій табуретъ, откинулся корпусомъ, уронилъ на клавиши пальцы, на мгновеніе замеръ, — и громозвучный аккордъ сотрясъ стѣны: точно былъ поданъ свистокъ, призывающій къ дальнему путешествію.

И вотъ среди этихъ восторговъ, будто свой, не чужой, какъ-то гибко вертѣлся Николай Петровичъ Цукатовъ, растопыривая пальцами серебристое кружево бакъ, блестѣлъ лысиной, гладко выбритымъ подбородкомъ, метался отъ пары къ парѣ, отпускалъ невинную шуточку голубому подростку, крѣпко тыкался двумя пальцами въ крѣпкогрудаго усача, говорилъ на ушко болѣе солидному человѣку: „Что-жъ, пускай веселятся: мнѣ говорятъ, будто я самъ протанцовалъ свою жизнь; но, вѣдь, это невинное удовольствіе въ свое

Digitized by Microsoft ®

время спасло меня отъ грѣховъ молодости: отъ вина, отъ женщинъ, отъ картъ". И среди этихъ восторговъ, будто не свой, а чужой, праздно какъ-то, кусая войлокъ желтой бородки, неуклюже топтался земскій дѣятель, наступая на дамскіе шлейфы, одиноко слонялся средь паръ и потомъ уходилъ въ свою комнату.

Дотанцовывалъ.

Какъ обычно, сегодня пробирались порою чрезъ залъ гостинные посѣтители—снисходительно въ залъ они продвигались у стѣнъ; въ грудь имъ брызгали дерзкіе вѣера, ихъ хлестали покрытыя стеклярусомъ юбки, лица ихъ обдувалъ жаркій вѣтеръ разлетѣвшихся паръ; но они пробирались безшумно.

Толстоватый мужчина съ непріятно изрытымъ оспой лицомъ пересѣкъ сперва этотъ залъ; до-нельзя оттопырился отворотъ его сюртука, оттого что онъ сюртукомъ перетянулъ свой животъ почтенныхъ размѣровъ: это былъ редакторъ консервативной газеты изъ либеральныхъ поповичей. Въ гостиной онъ приложился къ пухленькой ручкѣ Любовь Алексѣевны, сорокапятилѣтней дамы съ одутловатымъ лицомъ, упадающимъ на корсетомъ подпертую грудь своимъ двойнымъ подбородкомъ. Глядя изъ зала черезъ двѣ проходныя комнаты, можно было видѣть издали его стоянье въ гостиной. Тамъ вдали горѣлъ лазоревый шаръ электрической люстры; тамъ въ лазоревомъ трепетномъ свѣтѣ грузно какъ-то стоялъ редакторъ консервативной газеты на своихъ слоновьихъ ногахъ; выясняясь туманно въ виснущихъ хлопьяхъ табачнаго синеватаго дыма.

И едва Любовь Алексѣевна задала ему какой-то невинный вопросъ, какъ толстенный редакторъ и этотъ вопросъ повернулъ въ вопросъ большого значенія:

— „Не говорите—нѣтъ-съ! Да, вѣдь, такъ они мыслятъ потому, что всѣ они идіоты. Я берусь это вамъ съ точностью доказать".

Digitized by Microsoft ®

— „Но, вѣдь, мужъ мой, Коко...“

— „Это все жидовско-масонскія плутни, сударыня: организація, централизація...“

— „Между ними все же есть свѣтскіе очень милые люди и при томъ—люди нашего общества“,—вставила робко хозяйка.

— „Да, но общество наше не знаетъ, въ чемъ сила крамолы“.

— „А по-вашему?“

— „Сила крамолы—въ Чарльстоунѣ...“

— „Почему же въ Чарльстоунѣ?“

— „Потому что тамъ проживаетъ глава всей крамолы“.

— „Кто же этотъ глава?“

— „Антипапа...“— рявкнулъ редакторъ.

— „То-есть, какъ—антипапа?“

— „Э, да, видно, вы ничего не читали“.

— „Ахъ, какъ все это интересно: разскажите, пожалуйста“.

Такъ разахалась Любовь Алексѣевна, приглашая рябого редактора погрузиться въ мягкое кресло; и онъ сказалъ, погружаясь:

— „Да-съ, да-съ, господа!“

Издали, изъ гостиной, чрезъ двѣ проходныя комнаты было имъ видно, какъ изъ зала въ открытую дверь бились блески и трепеты. Раздавалось громовое.

— „Рррэкюлэ!...“

— „Балансэ во дамъ!...“

И опять.

— „Рррэкюлэ...“

Николай Петровичъ Цукатовъ протанцовалъ свою жизнь; теперь уже Николай Петровичъ эту жизнь дотанцовывалъ; дотанцовывалъ легко, безобидно, не пòшло; ни одно облачко не омрачало души; душа его была чиста и невинна, какъ вотъ эта солнцемъ горѣвшая лысина, или какъ этотъ вотъ гладко выбритый подбородокъ межъ бакъ, будто глянувшій промежъ облака мѣсяцъ.

Все ему вытанцовывалось.

Digitized by Microsoft ®

Затанцовалъ онъ маленькимъ мальчикомъ; танцовалъ лучше всѣхъ; и его приглашали въ дома, какъ опытнаго танцора; къ окончанію курса гимназіи натанцовались знакомства; къ окончанію юридическаго факультета изъ громаднаго круга знакомствъ вытанцовался самъ собою кругъ вліятельныхъ покровителей; и Николай Петровичъ Цукатовъ пустился отплясывать службу. Къ тому времени протанцовалъ онъ имѣніе; протанцовавши имѣніе, съ легкомысленной простотой онъ пустился въ балы; а съ баловъ привелъ къ себѣ въ домъ съ замѣчательной легкостью свою спутницу жизни Любовь Алексѣевну; совершенно случайно спутница эта оказалась съ громаднымъ приданымъ; и Николай Петровичъ съ той самой поры танцовалъ у себя; вытанцовывались дѣти; танцовалось, далѣе, дѣтское воспитаніе, — танцовалось все это легко, незатѣйливо, радостно.

Онъ теперь дотанцовывалъ самъ себя.

Балъ.

Что̀ такое гостиная во время веселаго вальса? Она—лишь придатокъ танцовальнаго зала и убѣжище для мамашъ. Но хитрая Любовь Алексѣевна, пользуясь добродушіемъ мужа (у него не было ни одного врага), да своимъ громаднымъ приданымъ, пользуясь, далѣе, тѣмъ, что ихъ домъ былъ ко всѣмъ глубоко безразличенъ, разумѣется, кромѣ танцевъ, и тѣмъ самымъ былъ нейтральнымъ мѣстомъ встрѣчъ,—пользуясь этимъ всѣмъ, хитрая Любовь Алексѣевна, предоставивши мужу дирижировать танцами, возымѣла желаніе дирижировать встрѣчами самыхъ разнообразныхъ особъ; здѣсь встрѣчались: земскій дѣятель съ дѣятелемъ чиновнымъ; публицистъ съ директоромъ департамента; демагогъ съ юдофобомъ. Въ этомъ домѣ бывалъ, даже завтракалъ и Аполлонъ Аполлоновичъ.

И пока Николай Петровичъ заплеталъ контредансъ въ неожиданныя фигуры, въ безразлично радушной гостиной сплеталась и расплеталась не разъ не одна конъюнктура.

Digitized by Microsoft ®

Танцовали и здѣсь, но по-своему.

Какъ обычно, и сегодня пробирались порою чрезъ залъ гостинные посѣтители; и вторымъ пробирался воистину допотопнаго вида мужчина, со сладкимъ и до ужаса разсѣяннымъ лицомъ, съ вздернутой на покрытой пухомъ спинѣ складочкой сюртука, отчего между фалдами неприлично просунулся незатѣйливый черненькій хлястикъ; это былъ профессоръ статистики; съ его подбородка висѣла желтоватая клочкастая борода, и ему на плечи, какъ войлокъ, свалились не видавшія гребня космы. Поражала его кровяная, будто отпадающая ото рта губа.

Дѣло въ томъ, что въ виду нараставшихъ событій готовилось нѣчто въ родѣ сближенія между одною изъ группъ сторонниковъ, такъ сказать, не рѣзкихъ, но во всякомъ случаѣ весьма гуманныхъ реформъ—съ истинно-патріотическими сердцами, — сближеніе не коренное, а условное, временно вызванное грохотомъ на всѣхъ налетавшей митинговой лавины. Сторонники, такъ сказать, постепенныхъ, но во всякомъ случаѣ весьма гуманныхъ реформъ, потрясенные громомъ этой страшной лавины, вдругъ испуганно стали жаться къ сторонникамъ существующихъ нормъ, но встрѣчнаго шага не дѣлали; либеральный профессоръ во имя общаго блага первый взялся перешагнуть, такъ сказать, для себя роковой порогъ. Не слѣдуетъ забывать, что его уважало все общество, что послѣдній протестующій адресъ былъ-таки еще имъ подписанъ; все еще на послѣднемъ банкетѣ поднялся бокалъ его навстрѣчу веснѣ.

Но, войдя въ до-бѣла освѣщенный залъ, растерялся профессоръ: блески, трепеты ослѣпили, видно, его; кровяная губа удивленно ото рта отвалилась; благодушнѣйшимъ образомъ созерцалъ онъ ликующій залъ, затоптался, замялся, досталъ изъ кармана неразвернутый свой носовой платочекъ, чтобы снять съ усовъ висящую сырость, принесенную съ улицы, и мигалъ на мгновенно затихшія пары между двухъ кадрильныхъ фигуръ.

Вотъ уже проходилъ онъ гостиную, въ трепетный свѣтъ лазоревой электрической люстры.

Digitized by Microsoft ®

Голосъ редактора остановилъ его на порогѣ:

— „Понимаете теперь, сударыня, связь между японской войною, жидами, угрожающимъ намъ монгольскимъ нашествіемъ и крамолой? Жидовскія выходки и выступленье въ Китаѣ Большихъ Кулаковъ имѣютъ межъ собой тѣснѣйшую и явную связь".

— „Поняла, теперь поняла!"

Это крикнула Любовь Алексѣевна. Но профессоръ въ испугѣ остановился: онъ, во всякомъ случаѣ, оставался до мозга костей либераломъ и сторонникомъ, такъ сказать, весьма гуманныхъ реформъ; онъ впервые попалъ въ этотъ домъ, ожидая здѣсь встрѣтить Аполлона Аполлоновича; но его, видно, не было: былъ одинъ лишь редакторъ консервативной газеты, тотъ самый редакторъ, который только-что бросилъ, выражаясь гуманно, въ двадцатипятилѣтнюю свѣтлую дѣятельность собирателя статистическихъ данныхъ комокъ неприличнѣйшей грязи. И профессоръ вдругъ запыхтѣлъ, сталъ сердито мигать на редактора, какъ-то двусмысленно сталъ пофыкивать въ клочковатую бороду, яркокрасной своею губой подбиралъ съ усовъ висящую сырость.

Но двойной подбородокъ хозяйки повернулся сначала къ профессору, далѣе—повернулся онъ къ редактору консервативной газеты, и лорнетомъ указуя другъ другу, она ихъ другъ другу представила, отчего сперва оба немного опѣшили, а потомъ другъ другу просунули въ руку свои холодные пальцы, пухло-потные—въ пухло-сухіе, либерально-гуманные—въ негуманные вовсе.

Профессоръ законфузился еще больше; перегнулся, двусмысленно фыкнулъ, опустился въ кресло, завязъ и сталъ безпокойно тамъ ерзать. Господинъ же редакторъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ съ хозяйкой прерванный разговоръ. Могъ выручить Аблеуховъ, но... Аблеухова не было.

Неужели все то отъ профессора требовала остроумная конъюнктура, только-что подписанный протестующій адресъ и навстрѣчу веснѣ на банкетѣ взлетѣвшій бокалъ?

Digitized by Microsoft ®

А толстякъ продолжалъ:

— „Понимаете же, сударыня, эту дѣятельность жидо-масонства?“

— „Поняла, теперь поняла“.

Либерально мычавшій и жевавшій губами профессоръ не выдержалъ; обращаясь къ хозяйкѣ, замѣтилъ онъ:

— „Позвольте и мнѣ, сударыня, вставить свое скромное слово—слово науки: сообщенныя здѣсь свѣдѣнія имѣютъ совершенно ясный источникъ происхожденія“.

Но толстякъ его вдругъ перебилъ.

— „А тамъ-то, а тамъ-то...“

Тамъ таперъ, одною рукою, элегантно гремящимъ ударомъ по басу оборвалъ свою музыкальную пляску, а другою рукою заправскимъ движеніемъ во мгновеніе ока перевернулъ нотный листъ, и съ рукою, взвѣшенной въ воздухѣ, съ выразительно разжатыми пальцами межъ клавіатурой и нотами, выжидательно какъ-то повернулъ свой корпусъ къ хозяину, проблиставъ эмалями ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.

И тогда навстрѣчу жеста тапера Николай Петровичъ Цукатовъ изъ бушующихъ бакъ неожиданно выставилъ гладко выбритый подбородокъ, гладко выбритымъ подбородкомъ рисуя таперу поощрительно-одобрительный знакъ; и потомъ съ наклоненною головой, будто бодая пространство, онъ поспѣшно какъ-то бросился передъ парами на паркетные блики, закрутивъ двумя пальцами кончикъ сѣдѣющей баки. И за нимъ полетѣло безвластно ангелоподобное существо, протянуло въ пространствѣ геліотроповый шарфъ свой. Николай Петровичъ Цукатовъ, вдохновивъ себя танцовальнымъ полетомъ фантазіи, молніей полетѣлъ на тапера и рыкалъ, какъ левъ, на весь залъ:

— „Па-де-катръ, силь ву плэ!“

И за нимъ летѣло безвластно ангелоподобное существо.

Между тѣмъ въ корридоръ расторопно являлись бѣгущіе слуги. Для чего-то откуда-то выносились и потомъ вносились опять столики, табуреточки, стулья; пронесли въ столовую горку свѣжихъ сандвичей на фарфоровомъ блюдѣ.

Digitized by Microsoft ®

Прозвенѣли и вилками. Пронесли стопку хрупкихъ тарелочекъ.

Повалила пара за парой въ освѣщенный свѣтло корридоръ. Сыпались шутки и сыпались смѣхи въ одномъ сплошномъ гоготаньѣ, и въ одномъ сплошномъ гулѣ задвигали стульями.

Встали дымки папиросокъ въ корридорѣ, въ курительной комнатѣ; встали дымки папиросокъ въ передней. Здѣсь, стащивши съ пальцевъ перчатку и засунувъ руку въ карманъ, потемнѣвшей перчаткой себѣ обвѣивалъ щеки кадетикъ; обнявшись, двѣ дѣвочки сообщали другъ другу какія-то завѣтныя тайны, можетъ быть, возникшія только-что; брюнетка блондинкѣ, а блондиночка фыркала и кусала нѣжный платочекъ.

Можно было, вставъ въ корридорѣ, увидѣть и край гостями набитой столовой; и туда понеслись бутерброды, нагруженныя фруктами вазы, и бутылки съ виномъ, и бутылки съ кислой, въ носъ бьющей шипучкой.

Въ освѣщенной до-нельзя залѣ теперь оставался одинъ собиравшій ноты таперъ; вытеревъ тщательно свои горячіе пальцы, проведя осторожно мягкою тряпочкой по клавіатурѣ рояля и сложивъ стопками ноты, этотъ скромный таперъ, въ чьемъ присутствіи слуги пооткрывали всѣ въ залѣ бывшія форточки, нерѣшительно тронулся черезъ лаковый корридоръ, напоминая черную голенастую птицу. Съ наслажденіемъ думалъ и онъ о чаѣ съ сандвичами.

Въ дверяхъ, ведущихъ въ гостиную, изъ полумрака выплыла сорокапятилѣтняя дама съ упадающимъ подбородкомъ, мясистымъ на корсетомъ подпертую грудь. И глядѣла въ лорнетъ.

А за ней проплывалъ въ залу толстенный мужчина съ непріятно изрытымъ оспой лицомъ, съ животомъ почтенныхъ размѣровъ, перетянутымъ сюртучною складкою.

Гдѣ-то тамъ, поодаль, плелся и профессоръ статистики, до сихъ поръ сидѣвшій какъ на ножахъ; онъ теперь наткнулся на земскаго дѣятеля, одиноко скучавшаго у прохода,

Digitized by Microsoft ®

вдругъ узналъ того дѣятеля, улыбнулся привѣтливо, даже какъ-то испуганно защипнулъ двумя пальцами пуговку его сюртука, словно онъ ухватился за брошенный якорь спасенія; и теперь раздавалось:

— „По статистическимъ свѣдѣніямъ... Годовое потребленіе соли нормальнымъ голландцемъ...“

И опять раздавалось:

— „Годовое потребленіе соли нормальнымъ испанцемъ...“

— „По статистическимъ свѣдѣніямъ...“

Точно плакался кто-то.

Ждали масокъ. И все не было масокъ. Видно, это былъ одинъ только слухъ. Масокъ все-таки ждали.

И вотъ раздалось дребезжанье звонка; раздалось оно робко; точно кто-то, неприглашенный, напоминалъ о себѣ, попросился сюда изъ сырого, злого тумана и изъ уличной слякоти; но никто ему не отвѣтилъ. И тогда опять сильнѣй задилинькалъ звоночекъ.

Точно плакался кто-то.

Въ ту минуту изъ двухъ проходныхъ комнатъ, запыхавшись, выбѣжала десятилѣтняя дѣвочка и увидѣла заблиставшій безлюдіемъ только-что передъ тѣмъ полный залъ. Тамъ, у входа въ переднюю, вопросительно стукнула дверь, а на двери слегка закачалась граненая и алмазы метущая ручка; и когда пустота достаточно обозначилась межъ стѣнами и дверью, изъ пустоты осторожно до носу просунулась черная масочка, и двѣ блещущихъ искры проблистали въ прорѣзяхъ глазъ.

Десятилѣтній ребенокъ увидѣлъ тогда межъ стѣною и дверью черную масочку и изъ прорѣзей двѣ недобрыя искры, устремленныя на себя; вотъ вся маска просунулась, обнаружилась черная борода изъ легко вьющихся кружевъ; за бородою въ дверяхъ, шелестя, медлительно показался атласъ, и къ глазамъ сперва свои пальчики поднялъ испуганно десятилѣтній ребенокъ, а потомъ и радостно улыб-

Digitized by Microsoft ®

нулся, захлопалъ въ ладоши, и съ крикомъ: „А вотъ пріѣхали маски, пріѣхали!“ торопливо пустился бѣжать въ анфиладную глубину,—туда, гдѣ изъ виснущихъ хлопьевъ табачнаго синеватаго дыма выдѣлялся туманный профессоръ на своихъ слоновьихъ ногахъ.

Ярко-кровавое домино, переступая порывисто, повлекло свой атласъ по лаковымъ плитамъ паркета; и едва-едва оно отмѣчалось на плитахъ паркета плывущею пунцовѣющей рябью собственныхъ отблесковъ; пунцовѣя по залѣ, какъ будто невѣрная лужица крови побѣжала съ паркетика на паркетикъ; а навстрѣчу затопали грузныя ноги, издали заскрипѣли огромные на домино сапоги.

Земскій дѣятель, окрѣпнувшій теперь въ залѣ, остановился растерянно, ухватясь рукой за клокъ своей бороды; между тѣмъ одинокое домино какъ будто нѣмо его умоляло не гнать изъ этого дома обратно на петербургскую слякоть, умоляло не гнать изъ этого дома обратно въ злой и густой туманъ. Земскій дѣятель, видно, хотѣлъ пошутить, потому что онъ крякнулъ; но когда попытался онъ и словесно выразить свою шутку, эта шутка приняла довольно безсвязную форму:

— „Мм... Да-да...“

Домино шло впередъ на него протянутымъ, умоляющимъ корпусомъ, шло впередъ на него съ протянутой красно-шуршащей рукой и чуть-чуть взвилось съ ниспадающей отъ сутулыхъ плечъ головы его прозрачное кружево.

— „Скажите, пожалуйста, вы—маска?“

Молчаніе.

— „Мм... Да-да...“

А маска молила; вся она прометнулась впередъ протянутымъ корпусомъ—въ пустотѣ, на лавкахъ, на бликахъ, надъ лужицей собственныхъ отблесковъ; одиноко металась по залу.

— „Вотъ такъ штука...“

И опять она прометнулась впередъ, и опять впередъ проскользнули красные отблески.

Теперь земскій дѣятель, запыхтѣвши, сталъ отступать.

Digitized by Microsoft ®

Вдругъ махнулъ онъ рукой; и онъ повернулся; спѣшно сталъ онъ, Богъ вѣсть почему — возвращаться туда, откуда онъ вышелъ, гдѣ горѣлъ электрическій лазоревый свѣтъ, гдѣ въ лазоревомъ электрическомъ свѣтѣ стоялъ съ кверху задраннымъ сюртукомъ профессоръ статистики, выясняясь туманно изъ хлопьевъ табачнаго дыма; но земца едва не свалилъ рой набѣгающихъ барышень: развѣвались ихъ ленты, развѣвались въ воздухѣ котильонныя побрякушки и шуршали колѣна.

Этотъ щебечущій рой выбѣжалъ посмотрѣть на забредшую сюда маску; но щебечущій рой остановился у двери, и его веселые возгласы какъ-то вдругъ перешли въ едва дышащій шелестъ; наконецъ, смолкъ этотъ шелестъ; тяжела была тишина. Неожиданно за спиной у барышень продекламировалъ какой-то дерзкій кадетикъ:

Кто вы, кто вы, гость суровый,
Роковое домино?
Посмотрите—въ плащъ багровый
Запахнулося оно.

А на лакахъ, на свѣтахъ и надъ зыбью собственныхъ отблесковъ какъ-то жалобно побѣжало вбокъ домино, и вѣтеръ изъ отворенной форточки ледяною струей присвистнулъ на ясномъ атласѣ; бѣдное домино: будто его уличили въ провинности, — оно все наклонилось впередъ протянутымъ силуэтомъ; впередъ протянутой красно-шуршащей рукой, будто нѣмо ихъ всѣхъ умоляя не гнать изъ этого дома обратно на петербургскую слякоть, умоляя не гнать изъ этого дома обратно въ злой и сырой туманъ.

И кадетикъ запнулся.

— „А скажи, домино, ужъ не ты ли бѣгаешь на петербургскихъ проспектахъ?“

— „Господа, вы читали сегодняшній „Петербургскій дневникъ“?“

— „А что?“

— „Да опять красное домино...“

Digitized by Microsoft ®

— „Господа, это глупости“.

Одинокое домино продолжало молчать.

Вдругъ одна изъ переднихъ барышень со склоненной головкой, та, что̀ строго прищурила взоръ на нежданнаго гостя— выразительно зашептала что-то подругѣ.

— „Глупости...“

— „Нѣтъ, нѣтъ: какъ-то не по себѣ...“

— „Вѣроятно, милое домино набрало въ ротъ воды: а еще домино...“

— „Право, съ нимъ намъ нечего дѣлать...“

— „А еще домино!“

Одинокое домино продолжало молчать.

— „Не хочешь ли чаю съ сандвичами?“

— „А не хочешь ли этого?“

Такъ воскликнувъ, кадетикъ черезъ пестрыя головы барышень, развернувшись, пустилъ въ домино шелестящую струйку конфетти. Въ воздухѣ развилась на мгновеніе дугою бумажная лента; а когда конецъ ея съ сухимъ трескомъ ударился въ маску, то дуга изъ бумаги, свиваясь, ослабла и опустилась на полъ; и на эту забавную шутку домино ничѣмъ не отвѣтило, протянуло лишь руки, умоляя не гнать изъ этого дома на петербургскую улицу, умоляя не гнать изъ этого дома въ злой и густой туманъ.

— „Господа, пойдемте отсюда...“

И рой барышень убѣжалъ.

Только та, что̀ стояла ближе всѣхъ къ домино, на мгновенье помедлила; сострадательнымъ взоромъ смѣрила она домино; отчего-то вздохнувъ, повернулась, пошла; и опять обернулась, и опять сказала себѣ:

— „Все-таки... Это... Это какъ-то не такъ“.

Сухая фигурочка.

Это былъ, конечно, все онъ же: Николай Аполлоновичъ. Онъ пришелъ сегодня сказать—что̀ сказать?

Самъ себя онъ забылъ; забылъ свои мысли; и забылъ

Digitized by Microsoft ®

упованія; упивался собственной, ему предназначенной ролью: богоподобное, безстрастное существо отлетѣло куда-то; оставалась голая страсть, а страсть стала ядомъ. Лихорадочный ядъ проницалъ его мозгъ, выливался незримо изъ глазъ пламенѣющимъ облакомъ, обвивая липнущимъ и кровавымъ атласомъ: будто онъ теперь на все глядѣлъ обугленнымъ ликомъ изъ пекущихъ тѣло огней, и обугленный ликъ превратился въ черную маску, а пекущіе тѣло огни—въ красный шелкъ. Онъ теперь воистину сталъ шутомъ, безобразнымъ и краснымъ (такъ когда-то она сама называла его). Мстительно надъ какою-то—своею, ея ли?—правдою надругался теперь этотъ шутъ вѣроломно и остро; и опять-таки: любилъ, ненавидѣлъ?

Будто онъ надъ ней колдовалъ всѣ эти послѣдніе дни, простирая холодныя руки изъ оконъ желтаго дома, простирая холодныя руки отъ гранитовъ въ невскій туманъ. Онъ хотѣлъ охватить, любя, имъ вызванный мысленный образъ, онъ хотѣлъ, ей мстя, задушить гдѣ-то вѣющій силуэтъ; для того-то всѣ эти дни простирались холодныя руки изъ пространства въ пространство, оттого-то всѣ эти дни изъ пространства ей въ уши шептались какія-то неземныя признанія, какія-то свистящія накликанія и какія-то хрипящія страсти; оттого-то въ ушахъ у нея раздавались невнятные посвисты, а листвяный багрецъ гналъ ей подъ ноги шелестящія россыпи словъ.

Оттого-то вотъ онъ сейчасъ пришелъ въ тотъ домъ: но ее, измѣнницы, не было; и въ углу онъ задумался. Онъ какъ будто въ туманѣ увидѣлъ удивленнаго почтеннаго земца; будто гдѣ-то вдали, въ лабиринтѣ зеркалъ, передъ нимъ проплыли фигурки смѣющихся барышень невѣрными пятнами; а когда изъ этого лабиринта, съ холодной зеленоватой поверхности въ него ударились дальніе отголоски вопросовъ, съ бумажною змѣйкой конфетти, удивился онъ такъ, какъ дивятся во снѣ: удивился выходу не сущаго отраженія предъ собой въ яркій міръ; но въ то время, когда самъ онъ глядѣлъ на все, какъ на зыбкія, во снѣ бѣгущія отраженія, отраженія

Digitized by Microsoft ®

эти, видно, сами приняли его за выходца съ того свѣта; и какъ выходецъ съ того свѣта, онъ ихъ всѣхъ разогналъ.

Вотъ опять до него долетѣли дальніе отголоски, и повернулся онъ медленно: и неясно, и тускло—гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ—быстро залъ пересѣкла сухая фигурочка, безъ волосъ, безъ усовъ, безъ бровей. Николай Аполлоновичъ съ трудомъ разбиралъ подробности въ залъ влетѣвшей фигурки, — отъ напряженія зрѣнія изъ-за прорѣзей маски чувствовалъ онъ рѣзь въ глазахъ (кромѣ всего, онъ страдалъ близорукостью), выдѣлялись лишь контуры зеленоватыхъ ушей—гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ. Что-то было во всемъ томъ знакомое, что-то близко живое, и Николай Аполлоновичъ порывисто, въ забытьи, рванулся къ фигуркѣ, чтобы вплотную увидѣть; но фигурка откинулась, будто даже схватилась за сердце, отбѣжала прочь, и глядѣла теперь на него. Каково же было изумленіе Николая Аполлоновича: передъ нимъ стояло вплотную родное лицо; оно показалось ему сплошь въ морщиночкахъ, источившихъ щеки, лобъ, подбородокъ и носъ; издали можно было принять то лицо за лицо скопца, скорѣй молодого, чѣмъ стараго; а вблизи это былъ немощный, хилый старикъ, выдававшійся едва примѣтными бачками: словомъ—подъ носомъ у себя Николай Аполлоновичъ увидѣлъ отца. Аполлонъ Аполлоновичъ, перебирая кольца цѣпочки, съ плохо скрытымъ испугомъ вперился глазами въ атласное неожиданно на него набѣжавшее домино. Въ этихъ синихъ глазахъ промелькнуло нѣчто въ родѣ догадки; Николай Аполлоновичъ ощутилъ непріятную дрожь, было все-таки жутко безстыдно глядѣть изъ-подъ маски въ тѣ безстрастные взоры, предъ которыми въ обычное время съ непонятной стыдливостью опускалъ онъ глаза; было все-таки жутко читать теперь въ этихъ взорахъ испугъ и какое-то безпомощное, хилое старчество; а догадка, мелькнувшая быстро, прочлась, какъ отгадка: Николай Аполлоновичъ подумалъ, что узнанъ. То не было правдой: Аполлонъ Аполлоновичъ просто подумалъ, что какой-то безтактный шутникъ терроризуетъ его, царедворца, символическимъ цвѣтомъ яркаго своего плаща.

Digitized by Microsoft ®

Все-таки самъ себѣ онъ сталъ щупать пульсъ. Николай Аполлоновичъ въ послѣднее время не разъ подмѣчалъ этотъ жестъ сенаторскихъ пальцевъ, производимый украдкою (видно, сердце сенатора уставало работать). Видя этотъ же жестъ и теперь, ощутилъ онъ что-то, подобное жалости; и невольно къ отцу протянулъ красно-шуршащія руки; будто онъ умолялъ отца не бѣжать отъ него, задыхаясь въ сердечномъ припадкѣ, будто онъ умолялъ отца простить его за все прошлое окаянство. Но Аполлонъ Аполлоновичъ продолжалъ щупать пульсъ своими дрожащими пальцами и въ сердечномъ припадкѣ теперь бѣжалъ—гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ...

Вдругъ раздался звонокъ: вся комната наполнилась масками; ворвалась вереница черная капуциновъ; черные капуцины быстро составили цѣпь вокругъ краснаго сотоварища, заплясали вокругъ него какую-то пляску; ихъ атласныя полы развѣвались, свивались; подлетали и уморительно падали кончики капюшоновъ; на груди же у каждаго на двухъ перекрещенныхъ косточкахъ вышитъ былъ черепъ; и подплясывалъ черепъ.

Красное домино, отбиваясь, тогда бѣжало изъ залы; капуциновъ черная стая съ хохотомъ погналась за нимъ вслѣдъ; такъ они пролетѣли по широкому корридору и влетѣли въ столовую; всѣ сидящіе за столомъ имъ навстрѣчу привѣтливо застучали тарелками.

— „Капуцины, маски, паяцы".

Повскакали съ мѣстъ стаи перламутрово-розовыхъ и геліотроповыхъ барышень, повскакали съ мѣстъ гусары, правовѣды, студенты. Николай Петровичъ Цукатовъ подскочилъ на мѣстѣ съ бокаломъ рейнвейна, прорычавъ въ честь странной компаніи свой громовый виватъ.

И тогда кто-то замѣтилъ:

— „Господа, это слишкомъ..."

Но его увлекли танцовать.

Въ танцовальномъ залѣ таперъ, выгибая хребетъ, заплясалъ опять взбитымъ кокомъ волосъ на бѣгущіе и рулады

Digitized by Microsoft ®

льющіе пальцы; расплясался дискантъ и медлительно тронулся басъ.

И взглянувши съ невинной улыбкой на чернаго капуцина, особо наглымъ движеньемъ взвившаго свой атласъ, ангелоподобное существо въ фіолетовой юбочкѣ какъ-то вдругъ нагнулось подъ отверстіе капюшона (ей въ лицо уставилась масочка); а рукой своей существо ухватилось за горбъ полосатаго клоуна, чья одна (голубая) нога взлетѣла на воздухъ, а другая (красная) подогнулась къ паркету; но существо не боялось: подобрало свой подолъ, и оттуда просунулась серебристая туфелька.

И пошло—разъ, два, три...

А за ними пошли испанки, монахи и діаволы; арлекины, ментики, вѣера, обнаженныя спины, изъ пластинокъ серебряныхъ шарфы; выше всѣхъ, качаясь, плясала долговязая пальма.

Только тамъ, одиноко, прислонясь къ подоконнику, между спущенныхъ зеленоватыхъ гардинъ Аполлонъ Аполлоновичъ задыхался въ припадкѣ своей сердечной болѣзни, о размѣрахъ которой не зналъ ни одинъ человѣкъ.

Помпадуръ.

Ангелъ-пери стояла предъ овальнымъ мутнѣющимъ зеркаломъ, отклоненнымъ чуть-чуть: все туда убѣгало внизъ и внизу тамъ мутнѣло: потолокъ, стѣны и полъ; и сама она туда убѣгала въ глубину, зеленоватую муть; и тамъ, тамъ— изъ фонтана вещей и кисейно-кружевной пѣны выходила теперь красавица съ пышно взбитыми волосами и мушкою на щекѣ: мадамъ Помпадуръ!

Волосы, свитые буклями и едва только стянутые лентой, были сѣды, какъ снѣгъ, и пуховка застыла надъ пудреницей въ такихъ тоненькихъ пальчикахъ; туго стянутая, блѣдно-лазурная талія чуть-чуть-чуть изогнулась налѣво съ черной маской въ рукѣ; изъ узкаго вырѣзного корсажа, словно жемчугъ живой, дыша, протуманились перси, а изъ узкихъ, шур-

Digitized by Microsoft ®

шащихъ атласомъ рукавчиковъ тихо зыбились легкими складками валансьеновыя кружева; и вездѣ, вездѣ вокругъ вырѣза, ниже вырѣза—кружева эти зыбились; подъ корсажемъ юбка-панье, словно вставшая надъ дыханьемъ томнымъ зефировъ, колыхалась, играла оборками и блистала гирляндой серебряныхъ травъ въ видѣ легкихъ фестоновъ; ниже были такія же туфельки; и на каждой изъ туфелекъ серебрился помпонъ. Но странное дѣло: какъ-то вдругъ въ томъ нарядѣ она постарѣла и подурнѣла; вмѣсто маленькихъ розовыхъ губокъ, портя личико, оттопырились неприлично красныя, эти слишкомъ тяжелыя губы; а когда закосили глаза, то въ мадамъ Помпадуръ показалось на мигъ что-то вѣдьмовское: въ этотъ мигъ она укрыла письмо въ разрѣзѣ корсажа.

Въ этотъ же мигъ прибѣжала въ комнату Маврушка, держа жезлъ изъ свѣтлаго дерева съ золотой рукояткой, отъ которой вѣяли ленты: но когда мадамъ Помпадуръ протянула ручку, чтобы взять этотъ жезлъ, у нея въ рукѣ оказалась записка отъ мужа; тамъ стояло: „Если вы уѣдете вечеромъ, то вы болѣе не вернетесь въ мой домъ. Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ“.

Та записка, конечно, относилась къ Софьѣ Петровнѣ Лихутиной, а не къ ней, мадамъ Помпадуръ, и мадамъ Помпадуръ презрительно улыбнулась запискѣ; она уставилась въ зеркало—въ глубину, въ зеленоватую муть: тамъ далеко-далеко неслась, будто легкая рябь; вдругъ изъ этой глубины и зеленоватой мути на багровый свѣтъ пунцоваго абажура какъ будто просунулось какое-то восковое лицо; и она обернулась.

За плечами ея неподвижно стоялъ ея мужъ, офицеръ; но опять она презрительно разсмѣялась и, слегка приподнявши свою кружевную юбку-панье за фестончики, плавно такъ отъ него поплыла въ реверансахъ; тихоструйный зефиръ отъ него ее уносилъ, и шуршалъ, колыхался, какъ колоколъ, ея кринолинъ въ сладкихъ токахъ зефирныхъ; а когда она оказалась въ дверяхъ, то къ нему повернулась лицомъ, и рукой, на которой моталась атласная масочка, показала съ

Digitized by Microsoft ®

лукавой улыбочкой длинный носъ офицеру; за дверьми потомъ раздался раскатистый смѣхъ и невинное восклицанье:

— „Марфушка, шубу!“

Тогда Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, подпоручикъ Гр-Горійскаго его величества полка, бѣлый, какъ смерть, совершенно спокойный, иронически улыбаясь, побѣжалъ вприпрыжку за граціозною масочкой и потомъ, щелкнувъ шпорами, такъ почтительно сталъ съ мѣховою шубой въ рукѣ; съ еще большей почтительностью ей на плечи накинулъ онъ шубу, распахнулъ настежь дверь и любезно ей рукой показалъ туда— въ темноцвѣтную темень; а когда она въ эту темень, шурша, проходила, вздернувъ личико предъ такою покорной услугою, то покорный слуга, щелкнувъ шпорами, вторично отвѣсилъ ей низкій поклонъ. Темноцвѣтная темень хлынула на нее — хлынула отовсюду: заливала ея шуршащія очертанія; что-то долго шуршало-шуршало, тамъ, на лѣстничныхъ ступеняхъ. Выходная дверь хлопнула; тогда Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ все съ тѣми же слишкомъ рѣзкими жестами сталъ повсюду ходить и повсюду гасить электричество.

Роковое.

Таперъ элегантно гремящимъ ударомъ по басу оборвалъ свою музыкальную пляску, а другою рукою заправскимъ движеніемъ перевернулъ нотный листъ; но въ эту минуту Николай Петровичъ Цукатовъ изъ бушующихъ бакъ неожиданно выставилъ гладко выбритый подбородокъ, съ наклоненною головой быстро бросившись передъ парами на паркетные блики, увлекая стремительно за собой безвластное существо:

— „Па-де-катръ, силь ву плэ!..“

— Пойдемъ со мной,—приставала мадамъ какая-то Помпадуръ къ Николаю Аполлоновичу, и Николай Аполлоновичъ, не узнавши мадамъ Помпадуръ, нехотя подалъ ей руку; и взглянувъ съ еле видной усмѣшкой на своего краснаго кавалера особо жестокимъ движеньемъ кверху вздернутой маски, мадамъ Помпадуръ протянула руку впередъ и без-

Digitized by Microsoft ®

властно ею легла на руку домино; а другой рукой съ бьющимся на ней вѣеромъ и въ затянутой лайкѣ мадамъ Помпадуръ подобрала подолъ изъ лазурно-вѣющихъ дымовъ, и оттуда шелестомъ чуть просунулась серебристая туфелька.

И пошли, и пошли.

Разъ-два-три—и жестъ ножки подъ откинутой таліей:

— „Ты узналъ меня?“

— „Нѣтъ“.

— „Ты кого-то все ищешь?“

Разъ-два-три — и опять изгибъ, и опять просунулась туфелька.

— „У меня есть для тебя письмо“.

А за первою парой—домино и маркизой—тронулись арлекины, испанки, перламутрово-блѣдныя барышни, правовѣды, гусары и безвластныя, кисейныя существа; вѣера, голыя плечи, серебристыя спины и шарфы.

Вдругъ рука краснаго домино охватила тонкую, лазурную талію, а другая рука, схватившись за руку, въ рукѣ ощутила письмо; въ тотъ же мигъ темно-зеленыя, черныя и суконныя руки всѣхъ паръ, и красныя руки гусаровъ охватили всѣ тонкія таліи геліотроповыхъ, гридеперлевыхъ, шелестящихъ танцорокъ, чтобы вновь, вновь и вновь закружиться въ нѣсколькихъ вальсовыхъ поворотахъ.

Вылетѣвъ передъ всѣми, сѣдовласый хозяинъ разрычался на пары:

— „A vos places“.

И за нимъ летѣлъ безвластный подростокъ.

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ оправился отъ сердечнаго приступа; Аполлонъ Аполлоновичъ поглядѣлъ въ глубину комнатной анфилады; спрятанный въ темныхъ гардинахъ, онъ стоялъ никѣмъ незамѣченный; онъ старался такъ пройти отъ гардинъ, чтобы его появленье въ гостиной не выдало-бъ стран-

Digitized by Microsoft®

наго поведенія государственнаго человѣка. Аполлонъ Аполлоновичъ отъ всѣхъ скрывалъ приступы сердечной болѣзни; но еще непріятнѣй было-бъ ему сознаться, что сегодняшній приступъ вызванъ былъ появленіемъ передъ нимъ краснаго домино: красный цвѣтъ, конечно, былъ эмблемой Россію губившаго хаоса; но ему не хотѣлось сознаться, что нелѣпое желаніе домино его попугать имѣло какой-либо политическій привкусъ.

И Аполлонъ Аполлоновичъ стыдился испуга.

Оправляясь отъ приступа, онъ бросалъ взгляды въ залъ. Все, что̀ онъ видѣлъ тамъ, поражало взоръ его крикливою пестротою; тамъ мелькавшіе образы имѣли какой-то отвратительный привкусъ, поражавшій лично его: видѣлъ онъ монстра съ двуглавою орлиною головою; гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ—быстро залъ пересѣкала сухая фигурочка рыцарька съ лезвіемъ сверкавшимъ меча, въ образѣ и подобіи какого-то свѣтового явленія; онъ бѣжалъ такъ неясно и тускло, безъ волосъ, безъ усовъ, выдѣляясь контурами зеленоватыхъ ушей и свисавшимъ на грудь брилліантовымъ блещущимъ знакомъ; а когда изъ масокъ и капуциновъ на рыцарька кинулось однорогое существо, то рогомъ оно обломало у рыцаря свѣтовое явленіе; что-то издали дзанкнуло и на полъ упало подобіемъ луннаго лучика; странно, что эта картина въ сознаніи Аполлона Аполлоновича пробудила какое-то недавно забытое, бывшее съ нимъ происшествіе, и онъ ощутилъ позвоночникъ; Аполлонъ Аполлоновичъ мгновенье подумалъ, что у него tabes dorsalis. Съ отвращеніемъ отвернулся отъ пестраго зала; и прошелъ онъ въ гостиную.

Здѣсь при его появленіи всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ; любезно навстрѣчу къ нему текла Любовь Алексѣевна; и профессоръ статистики, вставшій съ мѣста, промямлилъ:

— „Имѣли случай когда-то встрѣчаться: весьма счастливъ васъ видѣть; у меня есть до васъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, дѣло“.

На что̀ Аполлонъ Аполлоновичъ, поцѣловавши руку хозяйки, сухо какъ-то отвѣтилъ:

Digitized by Microsoft ®

— „Но, вѣдь, я принимаю у себя въ Учрежденіи".

Этимъ отвѣтомъ отрѣзывалъ онъ возможность одной либеральной партіи итти на встрѣчу правительству. Конъюнктура разстроилась; и профессору оставалось только достойно покинуть этотъ блещущій домъ, чтобы впредь безпрепятственно подписывать всѣ выраженья протестовъ, чтобы впредь безпрепятственно поднимать свой бокалъ на всѣхъ либеральныхъ банкетахъ.

Собираясь уйти, подошелъ онъ къ хозяйкѣ, надъ которой редакторъ продолжалъ упражнять свое краснорѣчіе.

— „Вы думаете, что гибель Россіи подготовляется намъ въ упованіи соціальнаго равенства. Какъ бы не такъ? Насъ хотятъ просто-на-просто принести въ жертву діаволу".

— „То-есть, какъ?"—удивилась хозяйка.

— „Очень просто-съ: вы удивляетесь потому, что вы ничего не читали по этому вопросу..."

— „Но позвольте, позвольте!—снова вставилъ слово профессоръ,—вы опираетесь на измышленія Таксиля..."

— „Таксиля?—перебила хозяйка, вдругъ достала маленькій изящный блокъ-нотъ и стала записывать:

— „Таксиля, говорите вы?.."

— „Насъ готовятся принести въ жертву сатанѣ, потому что высшія ступени жидо-масонства исповѣдуютъ опредѣленный культъ, палладизмъ... Этотъ культъ..."

— „Палладизмъ?"—перебила хозяйка, снова стала что-то записывать въ книжечку.

— „Па-лла-... Какъ, какъ?"

— „Палладизмъ".

Раздался откуда-то озабоченный вздохъ экономки, и тогда понесли подносъ съ граненымъ графиномъ, налитымъ до краевъ прохладительнымъ морсомъ и поставили въ комнатѣ межъ гостиной и заломъ. И стоя въ гостиной, можно было увидѣть, какъ вновь, вновь и вновь изъ мелодичной системы звукового прибоя, бившаго въ стѣны, и изъ зыби кисейно-кружевныхъ, раскачавшихся въ вальсѣ паръ вырывалась то та, то эта покрытая свѣтами дѣвочка, съ разгорѣвшимся ли-

Digitized by Microsoft ®

чикомъ и съ растрепанной на спинѣ сквозной желтизною косъ — вырывалась и пробѣгала, смѣясь, въ сосѣднюю комнату, въ своихъ бѣлошелковыхъ туфелькахъ, топоча высокими каблучками, наливала поспѣшно изъ графинчика кисловатую, рубиновую влагу: ледяной густой морсъ. И глотала такъ жадно.

И хозяйка разсѣянно бросила собесѣднику.

— „А скажите...“

Приложивъ къ глазамъ миніатюрный лорнетикъ, увидала она, что въ сосѣдней тамъ комнатѣ къ разгорѣвшейся дѣвочкѣ, пьющей морсъ, изъ танцовальнаго зала выпорхнулъ правовѣдъ въ шелестящемъ шелкомъ мундирчикѣ съ перетянутой таліей, и грассируя неестественно загремѣвшимъ баскомъ, правовѣдъ вырывалъ шутливо у дѣвочки стаканчикъ рубиноваго морса и стыдливо отъ него отпивалъ онъ холодный глотокъ. И Любовь Алексѣевна, обрывая свирѣпыя рѣчи редактора, привстала, шелестя, проплыла въ полутемную комнату, чтобы строго замѣтить:

— „Что̀ вы здѣсь дѣлаете—танцовать, танцовать“.

И тогда счастливая пара вернулась въ кипящую свѣтами залу; правовѣдъ обнялъ бѣлоснѣжной перчаткой тонкую, какъ оса, талію дѣвочки; дѣвочка — на бѣлоснѣжной этой перчаткѣ откинулась; оба вдругъ упоительно залетали, упоительно закачались, быстро-быстро перебирая ногами, разбивая летящія платья, шали и вѣера, вокругъ нихъ плетущіе искристые узоры; наконецъ, сами стали какими-то лучезарными брызгами. Тамъ таперъ, вычурно выгибая хребетъ, вкрадчиво какъ-то склонялся къ летающимъ пальцамъ на клавишахъ, чтобы лить дискантовые, немного крикливые звуки: и они бѣжали другъ другу вдогонку; то таперъ, истомно откинувшись, заскрипѣвъ табуретомъ, пальцами убѣгалъ на густые басы...

. . . . . .

— „Таксиль взвелъ на масоновъ совершенную небылицу,— раздавался язвительный голосъ профессора,—къ сожалѣнію, небылицѣ той повѣрили многіе; но впослѣдствіи Таксиль рѣ-

Digitized by Microsoft®

шительнымъ образомъ отказался отъ небылицы; онъ признался публично въ томъ, что его сенсаціонныя заявленія папѣ — лишь простое его издѣвательство надъ темнотой и злой волею Ватикана. Но за это Таксиль былъ проклятъ въ папской Энцикликѣ...“

Тутъ вошелъ кто-то новый—суетливенькій, молчаливенькій господинчикъ, съ огромною бородавкою у носа, — и вдругъ ободрительно закивалъ, заулыбался сенатору, растирая пальцы о пальцы; и съ двусмысленной кротостью онъ отвелъ сенатора въ уголъ:

— „Видите... Аполлонъ Аполлоновичъ... Директоръ N.N. департамента предложилъ... какъ бы это выразиться... Ну, задать вамъ одинъ щекотливый вопросъ“.

Далѣе трудно было что-либо разобрать: слышно было, какъ господинчикъ что-то нашептывалъ въ блѣдное ухо съ двусмысленной кротостью, а Аполлонъ Аполлоновичъ съ какимъ-то жалкимъ испугомъ кинулся на него.

— „Говорите же прямо... мой сынъ?“

— „А вотъ именно, именно: этотъ самый вотъ деликатный вопросъ“.

— „Мой сынъ имѣетъ сношенія съ?...“

Далѣе ничего нельзя было разобрать; лишь слышалось:

— „Пустяки...“

— „Все это совершенные пустяки...“

— „Жалко, правда, что эта неумѣстная шутка приняла такой неумѣстный характеръ, что пресса...“

— „И знаете: петербургской полиціи отдали мы, признаться, приказъ, чтобъ за вашимъ сыномъ слѣдили...“

— „Разумѣется, для его только блага...“

И опять несся шопотъ. И сенаторъ спросилъ:

— „Домино, говорите вы?“

— „Да—вотъ то самое“.

Съ этими словами суетливенькій господинчикъ указалъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ вотъ тамъ—гдѣ-то тамъ, суетливое домино, переступая порывисто, влекло свой атласъ по лаковымъ плитамъ паркета.

Digitized by Microsoft ®

Скандалъ.

Софья Петровна Лихутина, передавши письмо, ускользнула отъ своего кавалера, опустилась въ безсиліи на мягкую табуретку; руки и ноги ея отказывались служить.

Что она сдѣлала?

Она видѣла, какъ мимо нея изъ танцовальнаго зала пробѣжало красное домино въ уголъ пустой проходной комнаты; и тамъ незамѣтно красное домино разорвало бумагу конверта; зашелестѣла записка въ ярко-шуршащихъ рукахъ. Красное домино, силясь лучше увидѣть мелкій бисерный почеркъ записки, непроизвольно на лобъ откинуло масочку, отчего черныя кружева бороды двумя пышными складками окрылили блѣдное лицо домино, будто два крыла черной шолковой шапочки; изъ трепещущихъ крыльевъ просунулось то лицо, восковое, застывшее, съ оттопыренными губами, и дрожала рука, и дрожала въ пальцахъ записочка; и холодный потъ показался на лбу.

Красное домино теперь не видало мадамъ Помпадуръ, наблюдавшей его изъ угла; все оно ушло теперь въ чтенье; засуетилось, распахнуло атласныя полы длиннаго одѣянія, обнаруживъ свой обычный костюмъ—темнозеленый сюртукъ; Николай Аполлоновичъ вытащилъ золотое пенснэ, и, приставивъ къ глазамъ, лицомъ нагнулся къ записочкѣ.

Николай Аполлоновичъ весь откинулся; ужасомъ на нее уставился его взоръ; но ее онъ не видѣлъ: его губы шептали, должно быть, какія-то вовсе невнятныя вещи,—и Софья Петровна хотѣла ужъ броситься къ нему изъ угла, потому что она не могла далѣе выносить этихъ расширенныхъ, на нее устремленныхъ взоровъ. Тутъ вошли въ комнату; красное домино нервно спрятало ту записку въ свои дрожащіе пальцы, убѣжавшіе въ складки; маску же красное домино позабыло спустить. Такъ стояло оно съ приподнятой на лбу масочкой, съ полуоткрытымъ ртомъ и невидящимъ взоромъ.

Пуще прежняго разошлась послѣ вальса прибѣжавшая

Digitized by Microsoft®

сюда дѣвочка, чтобы здѣсь прохладиться; она едва съ ногъ не сбила почему-то у входа одиноко дремавшаго земскаго дѣятеля, остановилась передъ зеркальнымъ трюмо, оправила въ волосахъ осѣвшую ленточку, зашнуровала, поставивъ ножку на стулъ, бѣло-шелковую туфельку; завела съ подругой, такою же дѣвочкой, тамъ въ углу подозрительный шопотъ, слушая потокъ звуковъ, нестройное шелестящее шарканье, хриплые выкрики изъ гостиной, смѣхъ, окрики распорядителя, слушая едва слышное дзиньканье кавалерскихъ шпоръ.

Вдругъ она увидѣла домино съ неопущенной маской; и увидѣвъ, воскликнула:

— „Вотъ вы кто? Здравствуйте, Николай Аполлоновичъ, здравствуйте: кто бы могъ васъ узнать?“

Софья Петровна Лихутина видѣла, какъ страдальчески улыбнулся дѣвочкѣ Николай Аполлоновичъ, какъ-то странно рванулся и пустился бѣжать въ танцовальный залъ.

Тамъ стояло два ряда танцующихъ, уплывая въ нѣжно слѣпнущій взоръ переливами перламутро-розовыхъ, гридеперлевыхъ, геліотроповыхъ, голубоватыхъ, бѣлыхъ бархатовъ и шелковъ: на шелка, на бархаты ложились шали, шарфы, вуали, вѣера и стеклярусы, ложились на плечи тяжкія кружева изъ серебристыхъ пластинокъ; при малѣйшемъ движеніи искрилась тамъ чешуйчатая спина; всюду виднѣлись теперь закраснѣвшія руки, безотчетно игравшіе пластинками вѣера пальцы, загрубѣвшія пятна въ бѣлыхъ бархатахъ, колыхавшихся декольтэ, и ланиты, вовсе пунцовыя, въ дымѣ тронутыхъ пляской причесокъ.

Тамъ стояло два ряда танцующихъ паръ, уплывая во взоръ черными, зеленоватыми и ярко-красными гусарскими суконами, золотымъ, подбородокъ рѣжущимъ воротникомъ, надставною мундирною грудью и надставными плечами, снѣжно-бѣлой прорѣзью фрачныхъ жилетовъ, кракавшихъ при нажимѣ, и лоскъ льющимъ фракомъ цвѣта воронова крыла.

Мимо масокъ и кавалеровъ стремительно пролетѣлъ Николай Аполлоновичъ, переступая порывисто на своихъ дрожащихъ ногахъ; и кровавый атласъ за нимъ влекся на ла-

Digitized by Microsoft ®

ковыхъ плитахъ паркета, едва-едва отмѣчаясь на плитахъ паркета летящею, пунцовѣющей зыбью собственныхъ отблесковъ; пунцовѣя, та зыбь, какъ невѣрная красная молнія, облизнула паркетъ передъ чудовищнымъ бѣгуномъ.

Это бѣгство краснаго домино съ приподнятой на лобъ маской, подъ которой впередъ выдавалось лицо Николая Аполлоновича, произвело настоящій скандалъ; бросились съ мѣста веселыя пары; съ одной барышней случилась истерика; а двѣ маски съ испугу вдругъ открыли свои изумленныя лица; а когда, узнавъ бѣгущаго Аблеухова, лейбъ-гусаръ Шпорышевъ ухватилъ его за рукавъ со словами: „Николай Аполлоновичъ, Николай Аполлоновичъ, ради Бога скажите, что̀ съ вами“, то Николай Аполлоновичъ, какъ затравленный звѣрь, какъ-то жалко оскалился сумасшедшимъ лицомъ, силясь смѣяться, но улыбка не вышла; Николай Аполлоновичъ, вырвавъ рукавъ, скрылся въ дверяхъ.

Въ танцовальномъ залѣ пробѣжало неописуемое смущеніе; барышни, кавалеры суетливо передавали другъ другу свои впечатлѣнія; затревожились всѣ; только-что таинственно скользившія маски, всѣ эти синіе рыцарьки, арлекины, испанки потеряли свой интригующій смыслъ; изъ-подъ маски двуглаваго монстра, подбѣжавшаго къ Шпорышеву, слышался встревоженный и знакомый голосъ:

— „Объясните же ради Бога, что̀ все это значитъ?“

И лейбъ-гусаръ Шпорышевъ узналъ голосъ Вергефдена.

Это смятенье танцовальнаго зала передалось инстинктивно черезъ двѣ проходныя комнаты и въ гостиную: и тамъ, тамъ—гдѣ горѣлъ лазоревый шаръ электрической люстры, гдѣ въ лазоревомъ трепетномъ свѣтѣ грузно какъ-то стояли гостинные посѣтители, выясняясь туманно изъ виснущихъ хлопьевъ табачнаго синеватаго дыма, — посѣтители эти съ тревогой смотрѣли туда—въ танцовальный залъ. Среди всей этой группы выдѣлялась сухенькая фигурка сенатора, блѣдное, будто изъ папье-маше, лицо съ поджатыми твердо губами, двѣ маленькихъ бачки и контуры зеленоватыхъ ушей:

Digitized by Microsoft ®

такъ точно онъ былъ изображенъ на заглавномъ листѣ какого-то уличнаго журнальчика.

Въ танцовальномъ залѣ гуляла зараза догадокъ, треволненій и слуховъ по поводу страннаго, весьма страннаго, чрезвычайно страннаго поведенія сенаторскаго сына; тамъ говорилось, во-первыхъ, что поведеніе это обусловлено какою-то драмой; во-вторыхъ, пущенъ былъ слухъ, что таинственно посѣтившій цукатовскій домъ Николай Аполлоновичъ и былъ краснымъ домино, производившимъ сенсацію въ прессѣ. Толковали, что̀ все это значитъ. Говорилось о томъ, что сенаторъ не знаетъ тутъ ничего; издали, изъ танцовальнаго зала, кивали въ гостиную, туда, гдѣ стояла сейчасъ фигурка сенатора, и откуда неясно такъ выдавалось его сухое лицо среди виснувшихъ хлопьевъ синеватаго табачнаго дыма.

Ну, а если?

Мы оставили Софью Петровну Лихутину—одну, на балу; мы теперь къ ней вернемся обратно.

Софья Петровна Лихутина остановилась средь зала.

Передъ ней впервые предстала ея страшная месть: мятый конвертикъ теперь перешелъ къ нему въ руки, Софья Петровна Лихутина едва понимала, что̀ сдѣлала; Софья Петровна не поняла, что̀ вчера въ мятомъ конвертѣ прочитала она. А теперь содержаніе ужасной записки предстало ей съ ясностью: письмо Николая Аполлоновича приглашало бросить какую-то бомбу съ часовымъ механизмомъ, которая, будто бы, у него лежала въ столѣ; эту бомбу, судя по намеку, ему предлагали бросить въ с е н а т о р а (Аполлона Аполлоновича всѣ называли с е н а т о р о м ъ).

Софья Петровна стояла среди масокъ растерянно съ блѣдно-лазурною, чуть изогнутой таліей, соображая, что̀ все это значитъ. То, конечно, была чья-то злая и подлая шутка; но его этой шуткою такъ хотѣлось ей напугать: вѣдь, онъ былъ... подлымъ трусомъ. Ну, а если... если въ письмѣ была истина? Ну, а если... если Николай Аполлоновичъ въ столѣ

Digitized by Microsoft ®

своемъ хранилъ предметы столь ужаснаго содержанія? И объ этомъ прослышали? И теперь его схватятъ?.. Софья Петровна стояла средь масокъ растерянно съ блѣдно-лазурною таліей, теребя свои локоны, серебристо-сѣдые отъ пудры и свитые пышно.

И потомъ безпокойно она завертѣлась средь масокъ; и потомъ забились на ней валансьеновыя кружева; а юбка-панье подъ корсажемъ, словно вставшая подъ дыханьемъ томныхъ зефировъ, колыхалась оборками и блистала гирляндою серебряныхъ травъ въ видѣ легкихъ фестончиковъ. Вкругъ нея голоса, сливаясь шептаньемъ безостановочно, безперемѣнно, докучно роковымъ ворчали веретеномъ. Кучечка сѣдобровыхъ матронъ, шелестя атласными юбками, собиралась уѣхать съ такого веселаго бала; эта, вытянувъ шею, вызывала изъ роя паяцевъ свою дочь пейзанку; приложивъ къ сѣрымъ глазкамъ миньятюрный лорнетикъ, безпокоилась та. И надъ всѣмъ повисла тревожная атмосфера скандала. Звуками пересталъ взрывать воздухъ таперъ; самъ собой положилъ онъ локоть на рояльную крышку; ожидалъ приглашенія къ танцамъ; но приглашенія не было.

Юнкера, гимназисточки, правовѣды — всѣ нырнули въ волны паяцевъ и, нырнувши, пропали; и ихъ не было больше; слышались отовсюду—причитанья, шелесты, шопоты.

— „Нѣтъ, вы видѣли, видѣли? Вы понимаете?“

— „Не говорите, это—ужасно...“

— „Я всегда говорила, я всегда говорила, ma chère: онъ выростилъ негодяя. И tante Lise говорила; говорила Мими; говорилъ Nicolas“.

— „Бѣдная Анна Петровна: я ее понимаю!..“

— „Да, и я понимаю: понимаемъ мы всѣ“.

— „Вотъ онъ самъ, вотъ онъ самъ...“

— „У него ужасныя уши...“

— „Его прочатъ въ министры...“

— „Онъ погубитъ страну...“

— „Ему надо сказать...“

— „Посмотрите же: Нетопырь на насъ смотритъ; будто

Digitized by Microsoft®

чувствуетъ, что мы говоримъ про него... А Цукатовы увиваются—просто стыдно смотрѣть...“

— „Они не посмѣютъ сказать ему, отчего мы уѣдемъ... Говорятъ, мадамъ Цукатова изъ поповскаго роду“.

Вдругъ раздался свистъ древняго змѣя изъ взволнованной кучечки сѣдобровыхъ матронъ:

— „Посмотрите! Пошелъ: не сановникъ—цыпленокъ“.

. . . . . .

Ну, а если... если дѣйствительно Николай Аполлоновичъ въ столѣ хранитъ бомбу? Вѣдь, объ этомъ могутъ узнать; вѣдь, и столъ онъ можетъ толкнуть (онъ—разсѣянный). Вечеромъ онъ за этимъ столомъ, можетъ быть, занимается съ развернутой книгой. Софья Петровна вообразила отчетливо склеротическій аблеуховскій лобъ съ синеватыми жилками надъ рабочимъ столомъ (въ столѣ—бомба). Бомба—это что-нибудь круглое, къ чему прикоснуться нельзя. И Софья Петровна Лихутина вздрогнула. На минуту отчетливо ей представился Николай Аполлоновичъ, потирающій руки за чайнымъ подносомъ; на столѣ—красная труба граммофона бросаетъ имъ въ уши итальянскія страстныя аріи; ну, къ чему бы имъ ссориться? И къ чему нелѣпая передача письма, домино и все прочее...

Къ Софьѣ Петровнѣ прилипъ толстѣйшій мужчина (гренадскій испанецъ); она въ сторону,—въ сторону и толстый мужчина (гренадскій испанецъ); на одну минуту въ толпѣ его притиснули къ ней, и ей показалось, что руки его зашуршали по юбкѣ.

— „Вы не барыня: вы—душканчикъ“.

— „Липпанченко!“ И она его ударила вѣеромъ.

— „Липпанченко! объясните же мнѣ...“

Но Липпанченко ее перебилъ:

— „Вамъ знать лучше, сударыня: не играйте въ наивности“.

И Липпанченко, прилипающій къ юбкѣ ея, ее вовсе притиснулъ; и она забарахталась, стремясь отъ него оторваться; но толпа ихъ пуще притиснула; что̀ онъ дѣлаетъ, этотъ Липпанченко? Э, да онъ неприличенъ.

Digitized by Microsoft ®

— „Липпанченко, такъ нельзя“.

Онъ же жирно смѣялся:

— „Я же видѣлъ, какъ вы передали тамъ...“

— „Объ этомъ ни слова“.

Онъ же жирно смѣялся:

— „Хорошо, хорошо! А теперь поѣдемте-ка со мной въ эту чудную ночь...“

— „Липпанченко! вы—нахалъ...“

Она вырвалась отъ Липпанченко.

Кастаньетами ей прищелкнулъ вдогонку гренадскій испанецъ, исполняя какое-то страстное испанское п а.

Ну, а если—письмо не было шуткою: ну, а если... если онъ обреченъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Такихъ ужасовъ не бываетъ на свѣтѣ; и звѣрей такихъ нѣтъ, кто бы могъ заставить безумнаго сына на отца поднять руку. Все то шутки товарищей. Глупая—всего только пріятельской шутки испугалась, видно, она. А онъ-то, а онъ-то: пріятельской шутки испугался и онъ; да онъ просто—трусишка: побѣжалъ и тамъ отъ нея (тамъ, у Зимней Канавки) при свисткѣ полицейскаго; она считала Канавку не какимъ-нибудь прозаическимъ мѣстомъ, откуда можно бы бѣгать при свисткѣ полицейскаго...

Не повелъ себя Германомъ: поскользнулся, упалъ, показавъ изъ-подъ шелка панталонныя штрипки. И теперь: надъ наивною шуткою революціонеровъ-друзей не посмѣялся онъ, и въ подательницѣ письма не узналъ онъ ее: побѣжалъ черезъ залъ, держа въ рукахъ маску и подставивъ лицо на посмѣшище кавалерамъ и дамамъ. Нѣтъ, ужъ пусть Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ проучитъ нахала и труса! Пусть Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ предложитъ трусу дуэль...

Подпоручикъ!.. Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ!.. Подпоручикъ Лихутинъ съ вчерашняго вечера велъ себя неприличнѣйшимъ образомъ: что-то фыркалъ въ усы и сжималъ свой кулакъ; къ ней осмѣлился пожаловать въ спальню съ объясненіемъ въ однихъ нижнихъ кальсонахъ; и потомъ осмѣлился у нея за стѣной прошагать до утра.

Смутно ей представились вчерашніе сумасшедшіе крики,

Digitized by Microsoft ®

налитые кровью глаза и на столъ упавшій кулакъ: не сошелъ ли Сергѣй Сергѣичъ съ ума? Онъ давно ужъ ей сталъ подозрителенъ: подозрительно было молчаніе всѣхъ трехъ этихъ мѣсяцевъ; подозрительны были эти бѣгства на службу. Ахъ, она—одинокая, бѣдная: вотъ она теперь нуждалась въ его твердой опорѣ; ей хотѣлось, чтобъ мужъ ея, подпоручикъ Лихутинъ, какъ ребенка бы обнялъ ее и понесъ на рукахъ...

Вмѣсто того къ ней опять подскочилъ гренадскій испанецъ и нашептывалъ въ ушки:

— „А, а, а? Не поѣдете?..“

Гдѣ теперь Сергѣй Сергѣичъ, отчего его нѣтъ рядомъ съ ней; какъ-то боязно ей попрежнему возвратиться въ квартирку на Мойкѣ, гдѣ, какъ въ логовѣ звѣрь, залегалъ лихорадочно взбунтовавшійся мужъ.

И она притопнула каблучками:

— „Вотъ я ему покажу!..“

И опять:

— „Вотъ я его проучу!“

И сконфуженно отъ нея отлетѣлъ гренадскій испанецъ.

Софья Петровна Лихутина вздрогнула, вспоминая гримасу, съ которой Сергѣй Сергѣичъ ей подалъ ротонду, указуя на выходъ. Какъ онъ тамъ стоялъ за плечами! Какъ она презрительно разсмѣялась тогда и, слегка приподнявъ свою юбку-панье за фестончики, плавно такъ отъ него поплыла въ реверансахъ (отчего она не сдѣлала реверанса Николаю Аполлоновичу при передачѣ письма—реверансы къ ней шли)! Какъ она сказала и въ дверяхъ, какъ она показала съ лукавой улыбочкой длинный носъ офицеру! А вотъ только: ей боязно возвращаться домой.

И она досадливо притопнула каблучками:

— „Вотъ я ему покажу!“

И опять:

— Вотъ я его проучу!

Все же было страшно вернуться.

Еще болѣе страшно — оставаться ей здѣсь; ужъ отсюда

Digitized by Microsoft ®

всѣ почти поразъѣхались: поразъѣхались молодые люди и маски; добродушный хозяинъ съ угнетеннымъ, растеряннымъ видомъ подходилъ то къ тому, то къ другому съ анекдотикомъ; наконецъ, сиротливо окинулъ онъ опустѣвающій залъ, сиротливо окинулъ толпу шутовъ, арлекиновъ, откровенно совѣтуя взоромъ избавить блиставшую комнату отъ дальнѣйшихъ веселій.

Но арлекины, сроившись въ пеструю кучечку, вели себя неприличнѣйшимъ образомъ. Кто-то наглый вышелъ изъ ихъ среды, заплясалъ и запѣлъ:

Уѣхали фонъ Сýлицы,
Уѣхалъ Аблеуховъ...
Проспекты, гавань, улицы
Полны зловѣщихъ слуховъ!..
Исполненный предательства,
Сенатора ты славилъ...
Но нѣтъ законодательства,
Нѣтъ чрезвычайныхъ правилъ!
Онъ—. . . . патріотическій—
Носилъ отличій знаки;
Но актъ террористическій
Свершаетъ нынѣ всякій.

Николай Петровичъ Цукатовъ сообразилъ во мгновеніе ока, какъ приличіе его веселаго дома нарушаетъ ядовитый стишокъ. Николай Петровичъ Цукатовъ густо такъ покраснѣлъ, добродушнѣйшимъ образомъ посмотрѣлъ на дерзкаго арлекина, повернулся спиной и пошелъ прочь отъ двери.

Бѣлое домино.

Уже пора было ѣхать. Уже гости разъѣхались почти всѣ: Софья Петровна Лихутина одиноко слонялась по пустѣющимъ заламъ; лишь гренадскій испанецъ въ отвѣтъ на волненіе ея побрякивалъ звучными кастаньетами. Тамъ, въ пустой анфиладѣ увидѣла она невзначай одинокое, бѣлое домино; бѣлое домино какъ-то сразу возникло, и—ну вотъ:—

кто-то печальный и длинный, кого будто видѣла она многое множество разъ,

Digitized by Microsoft®

прежде видѣла, еще недавно, сегодня—кто-то печальный и длинный, весь обвернутый въ бѣлый атласъ, ей навстрѣчу пошелъ по пустѣющимъ заламъ; изъ-подъ прорѣзей маски на нея смотрѣлъ свѣтлый свѣтъ его глазъ; ей казалось, что свѣтъ заструился такъ грустно отъ чела его, отъ его костенѣющихъ пальцевъ...

Софья Петровна довѣрчиво окликнула милаго обладателя домино:

— „Сергѣй Сергѣевичъ!.. А, Сергѣй Сергѣевичъ!..“

Да, сомнѣнія не было: это былъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ; онъ раскаялся во вчерашнемъ скандалѣ; онъ пріѣхалъ за ней—ее увезти.

Софья Петровна снова окликнула милаго обладателя домино—печальнаго, длиннаго:

— „Вѣдь, это вы?.. Это—вы?“

Но печальный и длинный медленно покачалъ головою, приложилъ палецъ къ устамъ и велѣлъ ей молчать.

Довѣрчиво протянула руку она бѣлому домино: какъ блистаетъ атласъ, какъ прохладенъ атласъ! И ея лазурная ручка зашуршала, коснувшись этой бѣлой руки и на ней повисла безсильно (у обладателя домино деревянною оказалась рука); на мгновеніе надъ головкой ея склонилась лучистая маска, изъ-подъ бѣлаго кружева обнаруживъ горсть бороды, будто связку спѣлыхъ колосьевъ.

Никогда Сергѣя Сергѣевича не видала она въ этомъ блещущемъ видѣ: и она зашептала:

— „Вы простили меня?“

Изъ-подъ маски ей отвѣтствовалъ вздохъ.

— „Мы теперь помиримся?“

Но печальный и длинный медленно покачалъ головою.

— „Отчего вы молчите?“

Но печальный и длинный медленно приложилъ свой палецъ къ устамъ.

— „Это... вы, Сергѣй Сергѣевичъ?“

Digitized by Microsoft ®

Но печальный и длинный повелѣлъ ей молчать.

Ужъ они проходили въ переднюю: невыразимое окружало ихъ, невыразимое тутъ стояло вокругъ. Софья Петровна Лихутина, снявши черную масочку, утонула лицомъ въ своемъ ласковомъ мѣхѣ, а печальный и длинный, надѣвши пальто, своей маски не снялъ. Съ изумленіемъ Софья Петровна глядѣла на печальнаго, длиннаго: удивлялась тому, что ему не подали офицерской верхней одежды; вмѣсто этой одежды, онъ надѣлъ рваное пальтецо, изъ котораго какъ-то странно просунулись его рукъ удлиненныя кисти, ей напомнивши лиліи. Вся она рванулась къ нему среди изумленныхъ лакеевъ, смотрѣвшихъ на зрѣлище; невыразимое окружало ихъ, невыразимое тутъ стояло вокругъ.

Но печальный и длинный на освѣщенномъ порогѣ медленно покачалъ головой и велѣлъ ей молчать.

Съ вечера стало небо сплошною, грязною слякотью; съ ночи сплошная, грязная слякоть опустилась на землю; опустился на землю туманъ; все теперь опустилось на землю, ставъ на время черноватою мглой, сквозь которую проступали ужасно фонарей рыжеватыя пятна. Софья Петровна Лихутина видѣла, какъ надъ рыжимъ пятномъ, изогнувшись, упала каріатида подъѣзда, и какъ она висла; какъ въ пятнѣ выступалъ кусочекъ сосѣдняго домика съ полукруглыми окнами и съ рѣзьбой деревянныхъ мелкихъ скульптуръ. Длинное очертаніе неизвѣстнаго спутника высилось передъ нею. И она умоляюще ему зашептала:

— „Мнѣ бы извозчика“.

Длинное очертаніе неизвѣстнаго спутника съ бѣлольняной бородкой, опустивши на масочку порыжѣвшій картузикъ, рукой помахало въ туманъ:

— „Извозчикъ!“

Софья Петровна Лихутина теперь все поняла: у печальнаго очертанія былъ прекрасный и ласковый голосъ—

— голосъ, слышанный ею многое множество разъ, слышанный такъ недавно, сегодня: да, сегодня во снѣ; а она и за-

Digitized by Microsoft ®

была, какъ забыла она и вовсе сонъ прошлой ночи—...

У него былъ прекрасный и ласковый голосъ, но... — сомнѣнія не было: у него былъ голосъ не Сергѣя Сергѣевича. А она вотъ надѣялась, а она вотъ хотѣла, чтобы этотъ (хотѣла она) прекрасный и ласковый, но чужой человѣкъ былъ ея мужъ. Но мужъ за ней не пріѣхалъ, не увелъ изъ ада: увелъ изъ ада чужой.

Кто бы могъ это быть?

Неизвѣстное очертаніе возвышало голосъ не разъ: голосъ крѣпъ, крѣпъ и крѣпъ, и казалось, что подъ маскою кто-то крѣпнетъ, безмѣрно-огромный. Молчаніе лишь кидалось на голосъ; за чужими воротами лаемъ отвѣтствовалъ песъ. Улица убѣгала туда.

— „Ну, да кто-жъ вы?“

— „Вы всѣ отрекаетесь отъ меня: я за всѣми вами хожу. Отрекаетесь, а потомъ призываете...“

Софья Петровна Лихутина тутъ на мигъ поняла, что̀ такое предъ ней: слезы сжали ей горло; она хотѣла припасть къ этимъ тонкимъ ногамъ и руками своими обвиться вкругъ тонкихъ колѣнъ неизвѣстнаго, но въ это мгновеніе прозаически загремѣла пролетка и сутулый, заспанный Ванька вдвинулся въ свѣтлый свѣтъ фонаря. Дивное очертаніе ее усадило въ пролетку, но когда она умоляюще протянула ему изъ пролетки свои дрожащія руки, очертаніе медленно приложило палецъ къ устамъ и велѣло молчать.

А пролетка ужъ тронулась: если-бъ остановилась и, о, если бы, повернула назадъ—повернула въ свѣтлое мѣсто, гдѣ мгновеніе передъ тѣмъ стоялъ печальный и длинный, и гдѣ его не было, потому что оттуда на плиты всего лишь поблескивалъ желтый глазъ фонаря.

Позабыла, что̀ было.

Софья Петровна Лихутина позабыла, что̀ было. Будущее ея упало въ черноватую ночь. Непоправимое наползало; не-

Digitized by Microsoft ®

поправимое обнимало ее; и туда отошли: домъ, квартирка и мужъ. И она не знала, куда ее увозитъ извозчикъ. Въ черновато-сѣрую ночь позади нея отвалился кусокъ недавняго прошлаго: маскарадъ, арлекины; и даже (представьте себѣ!)— даже печальный и длинный. Она не знала, откуда ее вывозитъ извозчикъ.

За кускомъ недавняго прошлаго отвалился и весь сегодняшній день: передряга съ мужемъ и передряги съ мадамъ Фарнуа за „Maison Tricotons". Едва она передвинулась далѣе, ища опоры сознанію, едва она хотѣла вызвать впечатлѣнія вчерашняго дня,—и вчерашній день опять отвалился, какъ кусокъ громадной дороги, мощеной гранитомъ; отвалился и грянулъ о нѣкое совершенно темное дно. И раздался гдѣ-то ударъ, раздробляющій камни.

Передъ ней мелькнула любовь этого несчастнаго лѣта; и любовь несчастнаго лѣта, какъ все, отвалилась отъ памяти; и опять раздался ударъ, раздробляющій камни. Промелькнувши, упали: весенніе разговоры ея съ Nicolas Аблеуховымъ; промелькнувши, упали: годы замужества, свадьба: нѣкая пустота отрывала, глотая, кусокъ за кускомъ. И неслись удары металла, дробящіе камень. Вся жизнь промелькнула, и упала вся жизнь, будто не было еще никогда ея жизни и будто сама она—нерожденная въ жизнь душа. Нѣкая пустота начиналась у нея непосредственно за спиною (потому что все провалилось тамъ, ударившись въ нѣкое дно); пустота продолжалась въ вѣка, а въ вѣкахъ слышался лишь ударъ за ударомъ: то слетая въ нѣкое дно, упадали куски ея жизней. Точно нѣкій металлическій конь, звонко цокая въ камень, у нея за спиной порастаптывалъ отлетѣвшее; точно тамъ за спиною, звонко цокая въ камень, погнался за нею металлическій всадникъ.

И когда она обернулась, ей представилось зрѣлище: абрисъ Мощнаго Всадника... Тамъ—двѣ конскихъ ноздри проницали, пылая, туманъ раскаленнымъ столбомъ.

То ее настигала мѣдновѣнчанная Смерть.

Тутъ Софья Петровна очнулась: обгоняя пролетку, про-

Digitized by Microsoft ®

летѣлъ вѣстовой, держа факелъ въ туманъ. Проблистала на мигъ его тяжелая мѣдная каска; а за нимъ, громыхая, пылая, разлетѣлась въ туманъ и пожарная часть.

— „Что это тамъ, пожаръ?"—обратилась Софья Петровна къ извозчику.

— „Да какъ будто пожаръ: сказывали—горятъ острова..."

Это ей доложилъ изъ тумана извозчикъ: пролетка стояла у ея подъѣзда на Мойкѣ.

Софья Петровна все вспомнила: все выплыло передъ ней съ ужасающимъ прозаизмомъ; точно не было этого ада, этихъ пляшущихъ масокъ и Всадника. Маски теперь показались ей неизвѣстными шутниками, вѣроятно, знакомыми, посѣщавшими и ихъ домъ; а печальный и длинный,—тотъ, навѣрное, былъ кѣмъ-нибудь изъ т о в а р и щ е й (вотъ спасибо ему, проводилъ до извозчика). Только Софья Петровна съ досадою прикусила теперь свою полную губку: какъ могла она ошибиться и спутать знакомаго съ мужемъ? И нашептывать ему въ уши признанія о какой-то тамъ совершенно вздорной винѣ? Вѣдь, теперь незнакомый знакомецъ (спасибо ему, проводилъ до извозчика) будетъ всѣмъ разсказывать совершенную ерунду, будто она мужа боится. И пойдетъ гулять по городу сплетня... Ахъ, ужъ этотъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ: вы сейчасъ заплатите мнѣ за ненужный позоръ!

Съ негодованіемъ ножкою она ударила въ подъѣздную дверь; съ негодованіемъ бухнула подъѣздная дверь за ея склоненной головкой. Тьма объяла ее, невыразимое на мгновенье ее охватило (такъ бываетъ, навѣрное, въ первый мигъ послѣ смерти); но о смерти Софья Петровна Лихутина не помышляла нисколько: наоборотъ—помышляла она о такомъ все простомъ. Помышляла она, какъ она велитъ сейчасъ Мàврушкѣ поставить ей самоварчикъ; пока ставится самоваръ, будетъ она пилить и отчитывать мужа (она могла, не смолкая, пилить болѣе четырехъ, вѣдь, часовъ); а когда Мàврушка ей подастъ самоваръ, то съ мужемъ они помирятся.

Софья Петровна Лихутина теперь позвонила. Громкій звонокъ оповѣстилъ ночную квартиру о ея возвращеніи. Вотъ

Digitized by Microsoft ®

сейчасъ ей послышится близъ передней торопливый шагъ Мàврушки. Торопливаго шага не слышалось. Софья Петровна обидѣлась и позвонила опять.

Мàврушка, видно, спала: стоитъ только ей уѣхать изъ дому, эта дура падаетъ на постель... Но хорошъ же и мужъ ея, Сергѣй Сергѣичъ: онъ, конечно, ее съ нетерпѣніемъ поджидаетъ и не часъ, и не два; и, конечно, онъ разслышалъ звонокъ, и, конечно, онъ понялъ, что прислуга заснула. И—ни съ мѣста! А! Скажите, пожалуйста! Обижается!

Ну, такъ быть же ему безъ примиренья и чая!..

Софья Петровна принялась звонить у двери: дребезжали ея звонки — звонокъ за звонкомъ... Никого, ничего! И она припала головкою къ самой скважинѣ двери; и когда она припала головкою къ самой скважинѣ двери, то за скважиной двери, отъ уха ея въ разстояньи вершка, явственно такъ послышались: прерывистое сопѣнье и чирканье спички. Господи Іисусе Христе, кто же могъ тамъ сопѣть? И Софья Петровна съ изумленіемъ отступила отъ двери, протянувши головку.

Мàврушка? Нѣтъ, не Мàврушка... Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ? Да, онъ. Почему же онъ тамъ молчитъ, не отворяетъ, приложилъ къ дверной скважинѣ голову и прерывисто дышетъ?

Въ предчувствіи чего-то недобраго Софья Петровна заколотилась отчаянно въ дверной колкій войлокъ. Въ предчувствіи чего-то недобраго Софья Петровна воскликнула:

— „Отворите же!“

А за дверью продолжали стоять, молчать и сопѣть такъ испуганно, такъ ужасно прерывисто.

— „Сергѣй Сергѣичъ! Ну, полно...“

Молчаніе.

— „Это—вы? Что тамъ съ вами?“

Ту-ту-ту—отступило отъ двери.

— „Что же это такое? Господи: я боюсь, я боюсь... Отворите, голубчикъ!“

Что-то громко завыло за дверью и со всѣхъ ногъ побѣжало въ дальнія комнаты, тамъ возилось сперва, послѣ дви-

Digitized by Microsoft ®

гало стульями; ей казалось, въ гостиной тамъ громко дзянкнула лампа; прогремѣлъ откуда-то издали отодвигаемый столъ. Все на минуту притихло.

И потомъ раздался ужасающій грохотъ, будто упалъ потолокъ и будто бы осыпалась сверху известка; въ этомъ грохотѣ Софью Петровну Лихутину поразилъ одинъ только звукъ: глухое паденіе откуда-то сверху тяжелаго человѣчьяго тѣла.

Тревога.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, говоря тривіально, не переваривалъ никакихъ выѣздовъ изъ дому; всякій осмысленный выѣздъ былъ для него выѣздомъ въ Учрежденіе или съ докладомъ къ министру. Такъ шутливо ему однажды замѣтилъ управляющій министерствомъ юстиціи.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, говоря откровенно, не переваривалъ непосредственныхъ разговоровъ, сопряженныхъ съ глядѣніемъ другъ другу въ глаза: разговоръ посредствомъ телефоннаго провода устранялъ неудобство. Отъ стола Аполлона Аполлоновича телефонные провода бѣжали во всѣ департаменты. Аполлонъ Аполлоновичъ прислушивался съ удовольствіемъ къ гудѣнію телефона.

Только разъ какой-то шутникъ на вопросъ Аполлона Аполлоновича, изъ какого онъ вѣдомства, со всего размаху ударилъ ладонью по отверстію телефона, отчего Аполлонъ Аполлоновичъ имѣлъ впечатлѣніе, будто онъ получилъ ударъ по щекѣ.

Всякій словесный обмѣнъ, по мнѣнію Аполлона Аполлоновича, имѣлъ явную и прямую, какъ линія, цѣль. Все же прочее относилось имъ къ чаепитію и куренью окурковъ: Аполлонъ Аполлоновичъ всякую папиросу называлъ неуклонно окуркомъ; и онъ полагалъ, что русскіе люди — никчемные чаепійцы, пьяницы и потребители никотина (на продукты послѣдняго онъ не разъ предлагалъ повысить налогъ); оттого-то къ сорокапятилѣтнему возрасту русскаго человѣка, по мнѣнію Аполлона Аполлоновича, съ головой выдавалъ неприличный

Digitized by Microsoft®

животъ и кроваваго цвѣта носъ; Аполлонъ Аполлоновичъ кидался, какъ быкъ, на все красное (между прочимъ кидался на носъ).

Самъ Аполлонъ Аполлоновичъ былъ обладатель мертвенно-сѣраго носика и тоненькой таліи—вы сказали бы таліи шестнадцатилѣтней дѣвчонки—и этимъ гордился.

Съ своеобразною ловкостью тѣмъ не менѣе Аполлонъ Аполлоновичъ объяснялъ себѣ посѣщенье гостей: журфиксы были для большинства мѣстомъ для совмѣстнаго чаепитія и куренья окурковъ, если только выѣзжатель не собирался пристроиться къ бездѣльному вѣдомству и для этого заискивалъ въ посѣщаемомъ домѣ, если только не желалъ онъ пристроить къ этому вѣдомству сына, или этого сына женить на дочери чиновника вѣдомства: было одно такое бездѣльное вѣдомство. Съ этимъ вѣдомствомъ Аполлонъ Аполлоновичъ упорно боролся.

Аполлонъ Аполлоновичъ поѣхалъ къ Цукатовымъ съ единственной цѣлью: нанести ударъ вѣдомству. Вѣдомство стало что-то кокетничать съ одной несомнѣнно умѣренной партіей, подозрительной не своимъ отрицаньемъ порядка, а желаніемъ тотъ порядокъ чуть-чуть измѣнить. Аполлонъ Аполлоновичъ презиралъ компромиссы, презиралъ представителей партіи и, что́ главное, вѣдомство. Представителю вѣдомства равно какъ и представителю партіи онъ хотѣлъ показать, каково будетъ ближайшее его поведеніе по отношенію къ вѣдомству на высокомъ и только-что ему предложенномъ посту.

Вотъ почему Аполлонъ Аполлоновичъ съ неудовольствіемъ счелъ себя обязаннымъ просидѣть у Цукатовыхъ, имѣя подъ носомъ непріятнѣйшій объектъ созерцанья: конвульсіи танцующихъ ногъ и кровавокрасныя непріятно шуршащія складки арлекинскихъ нарядовъ; эти красныя тряпки онъ видѣлъ когда-то: да, на площади передъ Казанскимъ соборомъ; тамъ эти красныя тряпки именовались знаменами.

Эти красныя тряпки теперь, на простой вечеринкѣ и въ присутствіи главы того самаго Учрежденія показались ему неумѣстною, недостойною и прямо позорною шуткой; а кон-

Digitized by Microsoft®

вульсіи танцующихъ ногъ вызвали въ его представленіи одну печальную (неизбѣжную, впрочемъ) мѣру для предотвращенія государственныхъ преступленій.

Аполлонъ Аполлоновичъ непріязненно покосился на гостепріимныхъ хозяевъ и сталъ непріятенъ.

Пляски красныхъ паяцевъ для него обернулись въ иныя, кровавыя пляски; пляски эти, какъ, впрочемъ, и все, начинались на улицѣ; пляски эти, какъ все, далѣе продолжались подъ перекладиной двухъ небезызвѣстныхъ столбовъ. Аполлонъ Аполлоновичъ думалъ: допусти только здѣсь эти съ виду невинныя пляски, ужъ, конечно, продолжатся эти пляски на улицѣ; и окончатся пляски, конечно,—тамъ, тамъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ, впрочемъ, самъ плясалъ въ юности: польку-мазурку — навѣрное и, быть можетъ, лансье.

Одно обстоятельство усугубило печальное настроеніе высокосановной особы: какое-то вздорное домино было ему непріятно до крайности, вызвавши у него тяжелой формы припадокъ грудной ангины (былъ ли то еще припадокъ ангины, — Аполлонъ Аполлоновичъ сомнѣвался; и странно: что̀ такое ангина знаютъ рѣшительно всѣ, кому приходилось вращать хоть немного колеса столь внушительныхъ механизмовъ, какъ, напримѣръ, У ч р е ж д е н і е). Такъ вотъ: вздорное домино, шутъ гороховый, съ нимъ нахальнѣйшимъ образомъ встрѣтилось при его появленіи въ залѣ; при его вхожденіи въ залу вздорное домино (шутъ гороховый) съ ужимками подбѣжало къ нему.

Аполлонъ Аполлоновичъ тщетно пытался припомнить, гдѣ онъ видѣлъ ужимки: и припомнить не могъ.

Съ откровенною скукою, съ едва перемогаемымъ отвращеніемъ Аполлонъ Аполлоновичъ возсѣдалъ, будто палка, прямой, съ крохотной фарфоровой чашечкой въ миніатюрнѣйшихъ ручкахъ; перпендикулярно въ бухарскій пестрый коверъ оперлись его тощія ножки съ поджарыми икрами, образуя нижнія части, которыя съ верхними составляли подъ колѣнными чашками прямые, девяностоградусные углы; перпендикулярно къ груди протянулись къ фарфоровой чашечкѣ

Digitized by Microsoft ®

чая его тонкія руки. Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, особа перваго класса, казалась написанной на коврѣ фигуркою египтянина—угловатой, плечистой, презирающей всѣ правила анатоміи (у Аполлона Аполлоновича, вѣдь, не было мускуловъ: Аполлонъ Аполлоновичъ состоялъ изъ костей, сухожилій и жилъ).

Вотъ съ такою же точно вмѣненной въ обычай имъ угловатостью Аполлонъ Аполлоновичъ, египтянинъ, излагалъ мудрѣйшую систему запретовъ притекшему на этотъ вечеръ профессору статистическихъ данныхъ — лидеру новообразованной партіи, партіи умѣренной государственной измѣны, но все же измѣны; и съ такою же точно вмѣненной имъ въ обычай сухой угловатостью излагалъ докторально систему мудрѣйшихъ совѣтовъ редактору консервативной газеты изъ либеральныхъ поповичей.

Съ обоими Аполлону Аполлоновичу, особѣ перваго класса, было нечего дѣлать: у обоихъ были и толстые, такъ сказать, животы (отъ невоздержанія въ отношеніи чая); оба были, кстати сказать, красноносы (отъ неумѣреннаго потребленія алкогольныхъ напитковъ). Одинъ былъ вдобавокъ поповичъ, а поповичей Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ имѣлъ понятную и къ тому же отъ предковъ имъ унаслѣдованную слабость: не выносить. Когда Аполлонъ Аполлоновичъ разговаривалъ по служебному долгу съ сельскими, городскими и консисторіальными попами, поповскими сыновьями и внуками, то онъ слышалъ такъ явственно дурной запахъ отъ ногъ; у сельскихъ поповъ, у поповъ городскихъ... даже консисторіальныхъ съ ихъ сынами и внуками, вѣдь, такъ явственно выступала черная, неумытая шея и желтые ногти.

Вдругъ Аполлонъ Аполлоновичъ окончательно завертѣлся между двумя пузатыми сюртуками, принадлежащими поповичу и умѣренному государственному измѣннику, какъ будто его обоняніе различило такъ явственно дурной запахъ отъ ногъ; но такое волненіе именитаго мужа происходило вовсе не отъ раздраженія обонятельныхъ центровъ; такое волненіе произошло отъ внезапнаго потрясенія чувствительной ушной

Digitized by Microsoft ®

перепонки: въ это время таперъ опять упалъ пальцами на рояль, а всякія звуковыя созвучія и всякія прохожденья мелодіи сквозь сѣть гармоническихъ диссонансовъ слуховой аппаратъ Аполлона Аполлоновича воспринималъ, какъ безцѣльныя скрежетанія по стеклу, по крайней мѣрѣ, десятка ногтей.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ повернулся всѣмъ корпусомъ; и—тамъ, тамъ: онъ увидѣлъ конвульсіи уродливыхъ ногъ, принадлежащихъ компаніи государственныхъ преступниковъ: виноватъ: танцующей молодежи; среди этихъ дьявольскихъ танцевъ вниманіе его поразило то же все домино, развернувшее въ танцѣ кровавый атласъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ тщетно пытался припомнить, гдѣ видѣлъ онъ всѣ эти жесты. И припомнить не могъ.

А когда къ нему почтительно подлетѣлъ сладенькій и на видъ паршивенькій господинчикъ, то Аполлонъ Аполлоновичъ оживился до крайности, вычертивъ рукой привѣтственный треугольникъ въ пространствѣ.

Дѣло въ томъ, что паршивенькій господинчикъ, презираемый всѣми, былъ одной, такъ сказать, необходимой фигурой: ну, само собой разумѣется—фигурою переходнаго времени, существованье которой Аполлонъ Аполлоновичъ въ принципѣ порицалъ, существованье которой въ предѣлахъ законности было, конечно, плачевно, но... что̀ подѣлаете? необходимо, удобно и... во всякомъ случаѣ разъ фигура — существовала, то съ ней приходилось мириться. Въ паршивенькомъ господинчикѣ, если принять во вниманіе затруднительность его положенія, было то хорошо, что паршивенькій господинчикъ, зная цѣну себѣ, не заносился нисколько; не рядился шумихою праздно пущенныхъ фразъ, какъ вотъ этотъ профессоръ; не стучалъ неприличнѣйшимъ образомъ по столу кулакомъ, какъ вотъ этотъ редакторъ. Сладенькій господинчикъ, такъ себѣ, молчаливо обслуживалъ разнообразныя вѣдомства, состоя въ одномъ вѣдомствѣ. Аполлонъ Аполлоновичъ поневолѣ цѣнилъ господинчика, ибо онъ на равной ногѣ съ чиновниками или просто людьми общества не пы-

Digitized by Microsoft ®

тался стоять — словомъ, былъ паршивенькій господинчикъ откровеннымъ лакеемъ. Что-жъ такое? Съ лакеями Аполлонъ Аполлоновичъ былъ отмѣнно учтивъ: прослуживъ въ аблеуховскомъ домѣ, ни одинъ лакей не имѣлъ еще повода къ жалобамъ.

И Аполлонъ Аполлоновичъ съ подчеркнутой вѣжливостью погрузился съ фигуркою въ обстоятельный разговоръ.

То, что̀ вынесъ онъ изъ этого разговора, его поразило, какъ громомъ: кровавое, непріятное домино, шутъ гороховый, о которомъ подумалъ онъ только-что, по словамъ подсѣвшаго господинчика, оказалось... Нѣтъ, нѣтъ (Аполлонъ Аполлоновичъ сдѣлалъ гримасу, будто онъ увидѣлъ, какъ рѣжутъ лимонъ и какъ рѣжущій ножикъ окисляется въ сокѣ)—нѣтъ, нѣтъ: домино оказалось родным̀ъ его сыномъ!..

Подлинно, ужъ родной ли ему его сынъ? Его родной сынъ можетъ, вѣдь, оказаться просто-напросто сыномъ Анны Петровны, благодаря случайному, такъ сказать, преобладанію въ жилахъ матерней крови; а въ матерней крови—въ крови Анны Петровны -- оказалась же по точнѣйшимъ образомъ наведеннымъ справочкамъ... поповская кровь (эти справочки Аполлонъ Аполлоновичъ навелъ послѣ бѣгства супруги)! Вѣроятно, поповская кровь изгадила незапятнанный аблеуховскій родъ, подаривъ именитаго мужа просто гаденькимъ сыномъ. Только гаденькій сынъ — настоящій ублюдокъ — могъ продѣлывать подобныя предпріятія (въ аблеуховскомъ родѣ со временъ переселенія въ Россію киргизъ-кайсака, Абъ-Лая,—со временъ Анны Іоанновны—ничего подобнаго не было).

Всего болѣе поразило сенатора то обстоятельство, что гадкое, тамъ скакавшее домино (Николай Аполлоновичъ) имѣло, какъ докладывалъ господинчикъ, и гадкое прошлое, что объ этихъ гадкихъ повадкахъ писала жидовская пресса; тутъ Аполлонъ Аполлоновичъ рѣшительнымъ образомъ пожалѣлъ, что всѣ эти дни не удосужился онъ пробѣжать Дневника происшествій; въ одномъ ни съ чѣмъ несравнимомъ мѣстѣ онъ имѣлъ только время, чтобъ ознако-

Digitized by Microsoft ®

миться съ передовицами, принадлежащими перу умѣренныхъ государственныхъ преступниковъ (передовицы же преступниковъ неумѣренныхъ Аполлонъ Аполлоновичъ не читалъ).

Аполлонъ Аполлоновичъ перемѣнилъ положеніе тѣла: быстро онъ всталъ и хотѣлъ пробѣжать въ сосѣднюю комнату для розыска домино, но оттуда, изъ комнаты, быстро-быстро къ нему подлетѣлъ британскій гимназистикъ, затянутый въ сюртучную пару; и ему разсѣянно Аполлонъ Аполлоновичъ чуть не подалъ руки; британскій гимназистикъ при ближайшемъ осмотрѣ оказался сенаторомъ Аблеуховымъ: съ разбѣгу Аполлонъ Аполлоновичъ чуть не кинулся въ зеркало, спутавши расположеніе комнатъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ перемѣнилъ положеніе тѣла, повернувъ спину зеркалу; и — тамъ, тамъ: въ комнатѣ, промежуточной межъ гостиной и залой, Аполлонъ Аполлоновичъ вновь увидѣлъ подлое домино (ублюдка), погруженное въ чтеніе какой-то (вѣроятно, подлой) записки (вѣроятно, порнографическаго содержанія). И Аполлонъ Аполлоновичъ не имѣлъ достаточно мужества, чтобъ уличить сына.

Аполлонъ Аполлоновичъ не разъ мѣнялъ положеніе совокупности сухожилій, кожи, костей, именуемыхъ тѣломъ, и казался маленькимъ египтяниномъ. Съ неумѣренной нервностью потиралъ свои ручки, подходилъ многократно къ карточнымъ столикамъ, обнаруживъ внезапно чрезвычайную вѣжливость, чрезвычайное любопытство относительно весьма многообразныхъ предметовъ: у статистика Аполлонъ Аполлоновичъ освѣдомлялся некстати объ ухабахъ Ухтомской волости Площегорской губерніи; у земскаго-жъ дѣятеля Площегорской губерніи онъ освѣдомился о потребленіи перца на островѣ Ньюфаундлендѣ. Профессоръ статистики, тронутый вниманіемъ именитаго мужа, но не свѣдущій вовсе въ ухабномъ вопросѣ Площегорской губерніи, обѣщалъ прислать особѣ перваго класса одно солидное руководство о географическихъ особенностяхъ всей планеты Земли. Земскій же дѣятель, неосвѣдомленный въ вопросѣ о перцѣ, лицемѣрно замѣтилъ, будто перецъ потребляется ньюфаундлендцами въ

Digitized by Microsoft ®

огромномъ количествѣ, что̀ есть фактъ постоянный для всѣхъ конституціонныхъ странъ.

Скоро до слуха Аполлона Аполлоновича докатились какіе-то конфузливо возникшіе шопоты, шелестѣнье и кривые смѣшки; Аполлонъ Аполлоновичъ явно замѣтилъ, что конвульсія танцующихъ ногъ прекратилась внезапно: на одно мгновеніе успокоился его взволнованный духъ. Но потомъ опять заработала голова его съ ужасающей ясностью; роковое предчувствіе всѣхъ этихъ безпокойно текущихъ часовъ подтвердилось: сынъ его, Николай Аполлоновичъ, ужаснѣйшій негодяй, потому что только ужаснѣйшій негодяй могъ вести себя такимъ отвратительнымъ образомъ: въ продолженіе нѣсколькихъ дней надѣвать красное домино, въ продолженіе нѣсколькихъ дней подвязывать маску, въ продолженіе нѣсколькихъ дней волновать жидовскую прессу.

Аполлонъ Аполлоновичъ сообразилъ съ рѣшительной ясностью, что пока плясали тамъ въ залѣ—офицеры, барышни, дамы съ абитуріэнтами учебно-воспитательныхъ заведеній, его сынъ, Николай Аполлоновичъ, доплясался до... Но Аполлонъ Аполлоновичъ такъ и не могъ привести къ отчетливой ясности мысль, до чего именно доплясался Николай Аполлоновичъ: Николай Аполлоновичъ все же былъ его сыномъ, а не просто, такъ себѣ...—особой мужского пола, прижитой Анной Петровною, можетъ быть, чортъ знаетъ—гдѣ; у Николая Аполлоновича были, вѣдь, уши всѣхъ Аблеуховыхъ—уши невѣроятныхъ размѣровъ и притомъ оттопыренныя.

Эта мысль объ ушахъ чуть смягчила гнѣвъ Аполлона Аполлоновича: Аполлонъ Аполлоновичъ отложилъ намѣренье выгнать сына изъ дома, не наведя точнѣйшаго слѣдствія о причинахъ, заставившихъ сына носить домино. Но во всякомъ случаѣ Аполлонъ Аполлоновичъ теперь лишался поста, отъ поста онъ долженъ былъ отказаться; онъ не могъ принять поста, не отмывши позорныхъ, честь дома порочащихъ пятенъ въ поведеніи сына (какъ-никакъ—Аблеухова).

Съ этою плачевною мыслію и съ кривыми устами (будто

Digitized by Microsoft®

онъ высосалъ блѣдно-желтый лимонъ) Аполлонъ Аполлоновичъ подалъ всѣмъ палецъ и стремительно побѣжалъ изъ гостиной въ сопровожденіи хозяевъ. И когда, пролетая по залу, въ совершеннѣйшемъ ужасѣ озирался онъ по направленію стѣнъ, находя пространство освѣщеннаго зала чрезмѣрно огромнымъ, то онъ явственно видѣлъ: кучечка сѣдобровыхъ матронъ расшепталась язвительно.

До слуха Аполлона Аполлоновича долетѣло одно только слово:

— „Цыпленокъ".

Аполлонъ Аполлоновичъ ненавидѣлъ видъ безголовыхъ, ощипанныхъ цыплятъ, продаваемыхъ въ лавкахъ.

Какъ бы то ни было, Аполлонъ Аполлоновичъ пробѣжалъ стремительно залъ. Въ совершенной наивности онъ, вѣдь, не вѣдалъ, что въ шепчущемъ залѣ нѣтъ уже ни единой души, для которой осталось бы тайной, кто такое красное, здѣсь недавно плясавшее домино: Аполлону Аполлоновичу такъ-таки не сказали ни слова о томъ обстоятельствѣ, что сынъ его, Николай Аполлоновичъ, за четверть часа передъ тѣмъ бросился въ неприличное бѣгство вдоль зала, гдѣ теперь съ такою явной поспѣшностью пробѣгалъ и онъ самъ.

Письмо.

Николай Аполлоновичъ, пораженный письмомъ, пробѣжалъ за четверть часа до сенатора мимо веселаго контрданса. Какъ онъ вышелъ изъ дома, онъ совершенно не помнилъ. Онъ очнулся въ полной прострацiи передъ подъѣздомъ Цукатовыхъ; продолжалъ тамъ стоять въ сплошномъ темномъ снѣ, въ сплошной темной слякоти, машинально считая количество стоявшихъ каретъ, машинально слѣдя за движеніемъ кого-то печальнаго, длиннаго, распоряжавшагося порядкомъ: это былъ околоточный надзиратель.

Вдругъ прошелся печальный и длинный мимо носа Николая Аполлоновича: Николая Аполлоновича вдругъ обжегъ синій взоръ; околоточный надзиратель, разгнѣванный на сту-

Digitized by Microsoft ®

дента въ шинели, тряхнулъ бѣлольняной бородкою: поглядѣлъ и прошелъ.

Совершенно естественно тронулся съ мѣста и Николай Аполлоновичъ въ сплошномъ темномъ снѣ, въ сплошной темной слякоти, сквозь которую поглядѣло упорно рыжее пятно фонаря; изъ тумана въ пятно сверху мертвенно пала каріатида подъѣзда надъ остріемъ фонаря, да въ пятнѣ выступалъ кусочекъ сосѣдняго домика; домикъ былъ черный, одноэтажный, съ полукруглыми окнами и съ рѣзьбой деревянныхъ мелкихъ скульптуръ.

Но едва Николай Аполлоновичъ тронулся, какъ онъ равнодушно замѣтилъ, что ноги его совершенно отсутствуютъ: безтолково захлюпали въ лужѣ какія-то мягкія части; тщетно онъ пытался съ тѣми частями управиться: мягкія части не повиновались ему; съ виду онѣ имѣли всю видимость очертанія ногъ, но ногъ онъ не слышалъ (ногъ не было). Николай Аполлоновичъ опустился невольно на приступочкѣ чернаго домика; просидѣлъ такъ съ минуту, запахнувшись въ шинель.

Это было естественно въ его положеніи (все его поведенье было совершенно естественно); такъ же естественно распахнулъ онъ шинель, обнаруживши красное пятно своего домино; такъ же естественно закопался въ карманахъ, вытащилъ мятый конвертикъ, перечитывалъ снова и снова содержаніе записки, стараясь въ ней отыскать слѣдъ простой шутки или слѣдъ издѣвательства. Но слѣдовъ того и другого не могъ отыскать онъ...

„Помня ваше лѣтнее предложеніе, мы спѣшимъ васъ, товарищъ, увѣдомить, что очередь нынѣ за вами; и вотъ вамъ немедленно поручается приступить къ совершенію дѣла надъ... „далѣе Николай Аполлоновичъ не могъ прочитать, потому что тамъ стояло имя отца—и далѣе: „Нужный вамъ матеріалъ въ видѣ бомбы съ часовымъ механизмомъ своевременно переданъ въ узелкѣ. Торопитесь: время не терпитъ; желательно, чтобы все предпріятіе было исполнено въ ближайшіе дни“... Далѣе—слѣдовалъ лозунгъ: Николаю Апол-

Digitized by Microsoft ®

лоновичу въ одинаковой степени были знакомы и лозунгъ, и почеркъ. Это писалъ—Неизвѣстный: неоднократно онъ получалъ записки отъ того Неизвѣстнаго.

Сомнѣнія не было никакого.

У Николая Аполлоновича повисли руки и ноги; нижняя губа Николая Аполлоновича отвалилась отъ верхней.

Съ самаго рокового момента, какъ какая-то дама подала ему смятый конвертикъ, Николай Аполлоновичъ все старался какъ-нибудь уцѣпиться за простыя случайности, за постороннія совершенно праздныя мысли, что̀ какъ стаи выстрѣломъ спугнутыхъ огалтѣлыхъ воронъ снимаются съ суковатаго дерева и начинаютъ кружиться—туда и сюда, туда и сюда, до новаго выстрѣла; такъ кружились въ его головѣ совершенно праздныя мысли, напримѣръ: о количествѣ книжекъ, вмѣщаемыхъ полкою его книжнаго шкафа, объ узорахъ оборки, которой обшита нижняя юбочка какой-то имъ любимой прежде особы, когда эта особа кокетливо выходила изъ комнаты, приподнявъ чуть-чуть юбочку (что особа эта—Софья Петровна Лихутина, и не вспомнилось какъ-то).

Николай Аполлоновичъ все старался не думать, старался не понимать: думать, п о н я т ь—развѣ есть пониманіе э т о г о; э т о—п р и ш л о, р а з д а в и л о, р е в ѣ л о; если-жъ подумать—прямо бросишься въ прорубь... Что̀ тутъ подумаешь? Думать нечего тутъ... потому что э т о... э т о... Ну, какъ э т о?...

Нѣтъ, никто тутъ не въ силахъ подумать.

Въ первую минуту по прочтеніи записки въ душѣ его что-то жалобно промычало: промычало такъ жалобно, какъ мычитъ кроткій волъ подъ ножомъ быкобойца; въ первую минуту отыскалъ онъ взоромъ отца; и отецъ показался ему просто такъ себѣ, такъ себѣ: показался маленькимъ, старенькимъ—показался безпёрымъ курёнкомъ; ему стало тошно отъ ужаса; въ душѣ его опять что-то жалобно промычало: такъ покорно и жалобно.

Тутъ онъ бросился вонъ.

А теперь Николай Аполло̀новичъ все старался цѣпляться за внѣшности: вонъ—каріатида подъѣзда; ничего себѣ: каріа-

Digitized by Microsoft ®

тида... И—нѣтъ, нѣтъ! Не такая каріатида—ничего подобнаго онъ никогда не видалъ: виснетъ надъ пламенемъ. А вонъ—домикъ: ничего себѣ—черный домикъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Домикъ не спроста, какъ не спроста и все: все смѣстилось въ немъ, сорвалось; самъ съ себя онъ сорвался; и откуда-то (неизвѣстно откуда), гдѣ онъ не былъ еще никогда, онъ глядитъ!

Вотъ и ноги—ничего себѣ ноги... Нѣтъ, нѣтъ! Не ноги—совершенно мягкія незнакомыя части тутъ праздно болтаются.

Но попытка Николая Аполлоновича уцѣпиться за постороннія мысли и мелочи какъ-то сразу оборвалась, когда подъѣздъ того высокаго дома, гдѣ только-что онъ безумствовалъ, сталъ шумно распахиваться и оттуда повалила кучка за кучкой; тронулись тамъ въ туманѣ кареты, тронулись по бокамъ огни фонарей. Николай Аполлоновичъ съ усиліемъ тронулся съ приступочки чернаго домика, Николай Аполлоновичъ завернулъ въ пустой закоулокъ.

Закоулокъ былъ пустъ, какъ и все: какъ тамъ вверху пространства; такъ же пустъ, какъ пуста человѣческая душа. На минуту Николай Аполлоновичъ попытался вспомнить о трансцендентальныхъ предметахъ, о томъ, что событія этого бреннаго міра не посягаютъ нисколько на безсмертіе его центра и что даже мыслящій мозгъ лишь феноменъ сознанія; что поскольку онъ, Николай Аполлоновичъ, дѣйствуетъ въ этомъ мірѣ, онъ—не онъ; и онъ—бренная оболочка; его подлинный духъ-созерцатель все такъ же способенъ освѣтить ему его путь: освѣтить ему его путь даже съ этимъ; освѣтить даже... это... Но кругомъ встало это: встало заборами; а у ногъ онъ замѣтилъ: какую-то подворотню и лужу.

И ничто не свѣтило.

Сознаніе Николая Аполлоновича тщетно тщилось свѣтить; оно не свѣтило; какъ была ужасная темнота, такъ темнота и осталась. Испуганно озираясь, какъ-то жалко дополъзъ онъ до пятна фонаря; подъ пятномъ лепетала струя тротуара, на пятнѣ пронеслась апельсинная корочка. Николай

Digitized by Microsoft ®

Аполлоновичъ опять принялся за записочку. Стаи мыслей слетѣли отъ центра сознанія, будто стаи оголтѣлыхъ, бурей спугнутыхъ птицъ, но и центра сознанія не было: мрачная тамъ прозіяла дыра, передъ которой стоялъ растерянный Николай Аполлоновичъ, какъ предъ мрачнымъ колодцемъ. Гдѣ и когда онъ стоялъ подобнымъ же образомъ? Николай Аполлоновичъ силился вспомнить; и вспомнить не могъ. И опять принялся за записочку: стая мыслей, какъ птицы, низверглись стремительно въ ту пустую дыру; и теперь копошились тамъ какія-то дряблыя мыслишки.

„Помня ваше лѣтнее предложеніе", перечитывалъ Николай Аполлоновичъ и старался къ чему-то придраться. И придраться не могъ.

„Помня ваше лѣтнее предложеніе"... Предложеніе дѣйствительно было, но о немъ онъ забылъ: онъ однажды какъ-то и вспомнилъ, да потомъ нахлынули эти событія только-что миновавшаго прошлаго, нахлынуло домино; Николай Аполлоновичъ съ изумленіемъ окинулъ недавнее прошлое и нашелъ его просто неинтереснымъ; тамъ была какая-то дама съ хорошенькимъ личикомъ; впрочемъ, такъ себѣ,— дама, дама и дама!..

Стаи мыслей вторично слетѣли отъ центра сознанія; но центра сознанія не было; предъ глазами была подворотня, а въ душѣ—пустая дыра; надъ пустою дырой задумался Николай Аполлоновичъ. Гдѣ и когда онъ стоялъ подобнымъ же образомъ? Николай Аполлоновичъ силился вспомнить; и— вспомнилъ: онъ подобнымъ же образомъ стоялъ въ сквозняхъ приневскаго вѣтра, перегнувшись черезъ перила моста, и глядѣлъ въ зараженную бациллами воду (вѣдь, все и пошло съ этой ночи: ужасное предложеніе, домино и вотъ...) Вотъ: Николай Аполлоновичъ стоялъ, согнувшись такъ низко, продолжая читать записку ужаснаго содержанія (все это—было когда-то: было множество разъ).

„Мы спѣшимъ васъ увѣдомить, что очередь нынѣ за вами", читалъ Николай Аполлоновичъ. И обернулся: за спиною его раздавались шаги; какая-то непокойная тѣнь дву-

Digitized by Microsoft ®

смысленно замаячила въ сквознякахъ закоулка. Николай Аполлоновичъ за своими плечами увидѣлъ: котелокъ, трость, пальто, бороденку и носъ.

Николай Аполлоновичъ пошелъ навстрѣчу прохожему, выжидательно вглядываясь; и увидѣлъ котелокъ, трость, пальто, бороденку и носъ; все то проходило, не обратило никакого вниманія (только слышался шагъ да билось разрывчато сердце); на в с е т о Николай Аполлоновичъ обернулся и глядѣлъ за собой въ грязноватый туманъ—туда, куда стремительно проходили: котелокъ, трость и уши; долго еще онъ стоялъ изогнувшись (и все то — было когда-то), раскрывая ротъ непріятнѣйшимъ образомъ и во всякомъ случаѣ представляя собою довольно смѣшную фигуру безрукаго (онъ былъ въ николаевкѣ) съ такъ нелѣпо плясавшимъ по вѣтру шинельнымъ крыломъ... Развѣ можно было съ его близорукостью разсмотрѣть что̀ бы то ни было, кромѣ края забора?

И вернулся онъ къ чтенію.

„Нужный вамъ матеріалъ въ видѣ бомбы съ часовымъ механизмомъ своевременно переданъ въ узелкѣ...“ Николай Аполлоновичъ къ этой фразѣ придрался: нѣтъ, не переданъ, нѣтъ, не переданъ! И придравшись, онъ ощутилъ нѣчто въ родѣ нядежды, что все это — шутка... Бомба?.. Бомбы нѣтъ у него?!. Да, да—нѣтъ!!

. . . . . .

Въ узелкѣ?!

. . . . . .

Тутъ припомнилось все: разговоръ, узелокъ, подозрительный посѣтитель, сентябрьскій денекъ, и все прочее. Николай Аполлоновичъ явственно вспомнилъ, какъ онъ взялъ узелочекъ, какъ его засунулъ онъ въ столикъ (узелочекъ былъ мокрый).

Тутъ только Николай Аполлоновичъ впервые сумѣлъ осознать весь ужасъ своего положенія. Какъ же такъ, какъ же такъ? И впервые его охватилъ невыразимый испугъ: онъ почувствовалъ острое колотье въ сердцѣ: край подворотни предъ нимъ завертѣлся; тьма объяла его, какъ только-что

Digitized by Microsoft ®

его обнимала; его я оказалось лишь чернымъ вмѣстилищемъ, если только оно не было тѣснымъ чуланомъ, погруженнымъ въ абсолютную темноту; и тутъ, въ темнотѣ, въ мѣстѣ сердца, вспыхнула искорка... искорка съ бѣшеной быстротой превратилась въ багровый шаръ: шаръ—ширился, ширился, ширился; и шаръ лопнулъ: лопнуло все... Николай Аполлоновичъ очнулся: непокойная тѣнь оказалась вторично поблизости: котелокъ, трость и уши; то какой-то паршивенькій господинчикъ съ бородавкой у носа (позвольте: какъ будто онъ только-что господинчика видѣлъ; какъ будто онъ видѣлъ господинчика на балу; какъ будто бы господинчикъ въ гостиной тамъ стоялъ передъ тѣмъ, старенькимъ, потирая ручонками) — паршивенькій господинчикъ съ бородавкой у носа остановился въ двухъ шагахъ отъ него передъ старымъ заборомъ—за естественною нуждою; но ставъ передъ старымъ заборомъ, онъ лицо повернулъ къ Аблеухову, щелкнулъ какъ-то губами и чуть-чуть усмѣхнулся:

— „Вѣрно съ бала?“

— „Да, съ бала...“

Николай Аполлоновичъ былъ застигнутъ врасплохъ; да и что-жъ тутъ такого: быть на балу еще не есть преступленіе.

— „Я ужъ знаю...“

— „Вотъ какъ? Почему же вы знаете?“

— „Да у васъ подъ шинелью виднѣется, какъ бы это сказать: ну—кусокъ домино“.

— „Ну да, домино...“

— „И вчера онъ виднѣлся...“

— „То-есть, какъ вчера?“

— „У Зимней Канавки...“

— „Милостивый государь, вы забываетесь...“

— „Ну, полноте: вы и есть домино?“

— „То-есть, какое такое?“

— „Да—то самое“.

— „Не понимаю васъ: и во всякомъ случаѣ странно подходить къ неизвѣстному вамъ человѣку...“

— „И вовсе не къ неизвѣстному: вы Николай Аполлоно-

Digitized by Microsoft ®

вичъ Аблеуховъ: и еще вы — Красное Домино, о которомъ пишутъ въ газетахъ..."

Николай Аполлоновичъ былъ блѣднѣй полотна:

— „Послушайте",—протянулъ онъ руку къ сладкому господинчику,—„послушайте..."

Но господинчикъ не унимался:

— „Я и батюшку вашего знаю, Аполлона Аполлоновича: только-что имѣлъ честь съ нимъ бесѣдовать".

— „О, повѣрьте мнѣ",—заволновался Николай Аполлоновичъ,—„это все какіе-то поганые слухи..."

Но окончивъ естественную нужду, господинчикъ медленно отошелъ отъ забора, застегнулъ пальтецо, фамильярно засунулъ въ карманъ свою руку и значительно подмигнулъ:

— „Вамъ куда?"

— „На Васильевскій Островъ",—брякнулъ Николай Аполлоновичъ.

— „И мнѣ на Васильевскій: вотъ—попутчики".

— „То-есть, мнѣ—на Набережную..."

. . . . . .

— „Видно вы сами не знаете, куда слѣдуетъ вамъ",—усмѣхнулся паршивенькій господинчикъ, — „и по этому случаю—забѣжимъ въ ресторанчикъ".

Закоулокъ бѣжалъ въ закоулокъ: закоулки вывели къ улицѣ. По улицѣ пробѣгали обыденные обыватели въ видѣ черненькихъ, безпокойныхъ тѣней.

Попутчикъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, въ сѣромъ пальто и въ высокомъ черномъ цилиндрѣ, съ лицомъ, напоминающимъ сѣрую, чуть подернутую зеленью замшу, какъ-то испуганно выскочилъ въ открытую подъѣздную дверь, дробнымъ шагомъ сбѣжалъ съ подъѣздныхъ ступенекъ, оказавшись вдругъ на промокшемъ и скользкомъ крыльцѣ, затуманенномъ сыростью.

Кто-то выкрикнулъ его имя и на этотъ почтительный вы-

Digitized by Microsoft ®

крикъ черное очертанье кареты изъ рыжѣющей мглы вдвинулось въ кругъ фонаря, подставляя свой гербъ: единорога, прободающаго рыцаря; только-что Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, согнувши угломъ свою ногу, чтобы ею опереться о подножку кареты, изобразилъ въ сыроватомъ туманѣ египетскій силуэтъ, только-что собрался онъ прыгнуть въ карету и улетѣть вмѣстѣ съ ней въ сыроватый туманъ тотъ, какъ подъѣздная дверь за нимъ распахнулась; паршивенькій господинчикъ, только-что передъ тѣмъ открывшій Аполлону Аполлоновичу правдивую, но прискорбную истину, показался на улицѣ; онъ, на носъ надвинувши котелокъ, затрусилъ прочь налѣво.

Аполлонъ Аполлоновичъ опустилъ тогда свою угломъ поднятую ногу, прикоснулся краемъ перчатки къ борту цилиндра и далъ сухой приказъ оторопѣвшему кучеру: возвращаться домой безъ него. Послѣ Аполлонъ Аполлоновичъ совершилъ невѣроятный поступокъ; такого поступка исторія его жизни не знала лѣтъ ужъ пятнадцать: самъ Аполлонъ Аполлоновичъ, недоумѣнно моргая и прижавъ руку къ сердцу, дабы умѣрить одышку, побѣжалъ вдогонку за ускользавшей въ туманѣ спиной господинчика; примите же во вниманіе одинъ существенный фактъ: нижнія оконечности именитаго мужа были миніатюрны до крайности; если вы примете во вниманіе этотъ существенный фактъ, вы поймете, конечно, что Аполлонъ Аполлоновичъ, помогая себѣ, сталъ въ бѣгѣ размахивать ручкою.

Сообщаю эту драгоцѣнную черточку въ поведеніи недавно почившей особы перваго класса единственно во вниманіе къ многочисленнымъ собирателямъ матеріаловъ его будущей біографіи, о которой, кажется, такъ недавно писали въ газетахъ.

Ну, такъ вотъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ совершилъ два невѣроятнѣйшихъ отступленія отъ кодекса своей размѣренной жизни; во-первыхъ: не воспользовался услугой кареты (принимая во вниманіе его пространственную болѣзнь, это можно

Digitized by Microsoft ®

назвать дѣйствительнымъ подвигомъ); во-вторыхъ: въ буквальнѣйшемъ, а не переносномъ смыслѣ понесся онъ темною ночью по безлюднѣйшей улицѣ. А когда съ него вѣтеръ сбилъ высокій цилиндръ, когда Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ сѣлъ на карачки надъ лужею для извлеченья цилиндра, то вдогонку убѣгающей куда-то спинѣ онъ надтреснутымъ голосомъ закричалъ:

— „Мм... Послушайте!..“

Но спина не внимала (собственно, не спина—надъ спиной бѣгущія уши).

— „Остановитесь же... Павелъ Павловичъ!“

Тамъ мелькающая спина остановилась, повернула тамъ голову и узнавши сенатора побѣжала навстрѣчу (не спина побѣжала навстрѣчу, а ея обладатель—господинъ съ бородавкою). Господинъ съ бородавкою, увидѣвъ сенатора на карачкахъ предъ лужею, изумился до крайности и принялся вылавливать изъ лужи плывущій цилиндръ.

— „Ваше высокопревосходительство!.. Аполлонъ Аполлоновичъ! Какими судьбами?.. Вотъ-съ, извольте получить (съ этими словами паршивенькій господинчикъ подалъ именитому мужу высочайшій цилиндръ, предварительно вытертый рукавомъ пальто господинчика).

— „Ваше высокопревосходительство, а ваша карета?..“

Но Аполлонъ Аполлоновичъ, надѣвая цилиндръ, прервалъ изліянія.

— „Ночной воздухъ полезенъ мнѣ...“

Оба они направились въ одну сторону: на ходу господинчикъ старался совпасть въ шагѣ съ сенаторомъ, что̀ было воистину невозможно (шажки Аполлона Аполлоновича можно-бъ было разсматривать подъ стекломъ микроскопа).

Аполлонъ Аполлоновичъ поднялъ глаза на попутчика: проморгалъ и сказалъ—сказалъ съ видимымъ замѣшательствомъ.

— „Я... знаешь-тили“ (Аполлонъ Аполлоновичъ и на этотъ разъ ошибся въ окончаніи слова)...

— „Да-съ?“—насторожился тутъ господинчикъ.

Digitized by Microsoft ®

— „Я знаете ли... хотѣлъ бы имѣть точнѣйшій вашъ адресъ, Павелъ Павловичъ...

— „Павелъ Яковлевичъ!..“—робко поправилъ попутчикъ.

— „Виноватъ, Павелъ Яковлевичъ: у меня, знаете ли, плохая память на имена...“

— „Ничего-съ, помилуйте: ничего-съ“.

Паршивенькій господинчикъ подумалъ лукаво: это онъ все о сынѣ... тоже хочется знать... а спросить-то и стыдно...

— „Ну, вотъ-съ Павелъ Яковлевичъ: такъ давайте мнѣ адресъ“.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, разстегнувши пальто, досталъ свою записную книжечку, переплетенную въ кожу павшаго носорога; оба стали подъ фонаремъ.

— „Адресъ мой“, — завертѣлся вдругъ господинчикъ, — „перемѣнчивый адресъ: чаще всего я бываю на Васильевскомъ Островѣ. Ну, да вотъ: восемнадцатая линія, домъ 17. У сапожнаго мастера, Безсмертнаго. У него я снимаю двѣ комнаты. Участковому писарю Воронкову“.

— „Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ: я у васъ буду надняхъ...

Вдругъ Аполлонъ Аполлоновичъ приподнялъ надбровныя дуги: изумленіе изобразили его черты:

— „Но почему“,—началъ онъ,—„почему...“

— „Моя фамилія Воронковъ, тогда какъ я на самомъ дѣлѣ Морковинъ?

— „Вотъ именно...“

— „Такъ, вѣдь, это, Аполлонъ Аполлоновичъ, потому, что тамъ я живу по фальшивому паспорту“.

На лицѣ Аполлона Аполлоновича изобразилась брезгливость (вѣдь и онъ въ принципѣ отрицалъ существованіе подобныхъ фигуръ).

— „А моя настоящая квартира на Невскомъ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ подумалъ: „Что подѣлаешь: существованіе подобныхъ фигуръ въ переходное время и въ предѣлахъ строгой законности — необходимость печальная; и все же—необходимость“.

— „Я, ваше высокопревосходительство, въ настоящее

Digitized by Microsoft ®

время, какъ видите, занимаюсь все розыскомъ: теперь—чрезвычайно важныя времена".

— „Да, вы правы" — согласился и Аполлонъ Аполлоновичъ.

— „Подготовляется одно преступленіе государственной важности... Осторожнѣй: здѣсь—лужица... Преступленіе это..."

— „Такъ-съ..."

— „Намъ удастся въ скоромъ времени обнаружить... Вотъ сухое мѣсто-съ: позвольте мнѣ руку".

Аполлонъ Аполлоновичъ переходилъ огромную площадь: въ немъ проснулась боязнь такихъ широкихъ пространствъ; и невольно онъ жался теперь къ господинчику.

— „Такъ-съ, такъ-съ: очень хорошо-съ..."

Аполлонъ Аполлоновичъ старался бодриться въ семъ громадномъ пространствѣ, и все же терялся; къ нему прикоснулась вдругъ ледяная рука господина Морковина, взяла за руку, повела мимо лужъ: и онъ шелъ, шелъ и шелъ за ледяною рукою; и пространства летѣли ему навстрѣчу. Аполлонъ Аполлоновичъ все же понурился: мысль о судьбѣ, грозившей Россіи, пересилила на мгновенье всѣ его личные страхи: страхъ за сына и страхъ перейти столь огромную площадь; съ уваженіемъ Аполлонъ Аполлоновичъ бросилъ взглядъ на самоотверженнаго охранителя существующаго порядка: господинъ Морковинъ все-таки привелъ его къ тротуару.

— „Подготовляется террористическій актъ?"

— „Онъ самый-съ..."

— „И жертвой его?.."

— „Долженъ пасть одинъ высокій сановникъ..."

По спинному хребту Аполлона Аполлоновича побѣжали мурашки: Аполлонъ Аполлоновичъ надняхъ получилъ угрожающее письмо; въ письмѣ извѣщался онъ, что въ случаѣ принятія имъ отвѣтственнаго поста въ него бросятъ бомбу; Аполлонъ Аполлоновичъ презиралъ всѣ подметныя письма; и письмо разорвалъ онъ; постъ же принялъ.

— „Извините, пожалуйста, если это не секретъ: въ кого-жъ они теперь мѣтятъ?"

Digitized by Microsoft ®

Тутъ произошло нѣчто поистинѣ странное; всѣ предметы вокругъ вдругъ какъ будто принизились, просырѣли такъ явственно и казались ближе, чѣмъ слѣдуетъ; господинъ же Морковинъ какъ будто принизился тоже, показался ближе, чѣмъ слѣдуетъ: показался стариннымъ и какимъ-то знакомымъ; усмѣшечка прошлась по его губамъ, когда онъ, наклонивъ къ сенатору голову, произнесъ шопоточкомъ:

— „Какъ въ кого? Въ васъ, ваше высокопревосходительство, въ васъ!“

Аполлонъ Аполлоновичъ увидѣлъ: вонъ—каріатида подъѣзда; ничего себѣ: каріатида. И—нѣтъ, нѣтъ! Не такая каріатида—ничего подобнаго во всю жизнь онъ не видѣлъ: виснетъ въ туманѣ. Вонъ — бокъ дома; ничего себѣ бокъ: бокъ какъ бокъ—каменный. И—нѣтъ, нѣтъ: бокъ не спроста, какъ не спроста и все: все смѣстилось въ немъ, сорвалось; самъ съ себя онъ сорвался и безсмысленно теперь бормоталъ въ полуночную темь:

— „Какъ же такъ?.. Нѣтъ, позвольте, позвольте...“

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ все никакъ себѣ реально представить не могъ, что вотъ эта перчаткою стянутая рука, завертѣвшая пуговицу у чужого пальто, что вотъ эти, вотъ, ноги и это усталое, совершенно усталое (вѣрьте мнѣ!) сердце подъ вліяніемъ расширенія газовъ внутри какой-то тамъ бомбы во мгновеніе ока могутъ вдругъ превратиться... въ...

— „То-есть, какъ это?“

— „Да никакъ-съ, Аполлонъ Аполлоновичъ, а очень все просто...“

Чтобы э т о было такъ просто, Аполлонъ Аполлоновичъ повѣрить не могъ: сначала онъ какъ-то задорно профыркалъ въ свои сѣрыя бачки (—и бачки!), выпятилъ губы (губъ не будетъ тогда), а потомъ и осунулся, голову свою опустилъ низко-низко и бездумно глядѣлъ, какъ у ногъ его лепетала грязная тротуарная струечка. Все кругомъ лепетало мокрыми пятнами, шелестѣло, шептало: то несся старушечій шопотъ осенняго времени.

Digitized by Microsoft ®

Подъ фонаремъ Аполлонъ Аполлоновичъ стоялъ, чуть покачивалъ сѣропепельнымъ своимъ ликомъ, раскрывалъ удивленно глаза, ихъ закатывалъ, вращая бѣлками (громыхала пролетка, но казалось, что тамъ громыхало что-то страшное, тяжкое: будто удары металла, дробящіе жизнь).

Господину Морковину, очевидно, стало весьма даже жаль это старое, передъ нимъ точно въ грязь осѣвшее очертаніе. Онъ прибавилъ:

— „Вы, ваше высокопревосходительство, не пугайтесь, ибо приняты строжайшія мѣры; и мы не допустимъ: непосредственной опасности нѣтъ ни сегодня, ни завтра... Чрезъ недѣлю же вы будете въ курсѣ... Повремените немного...“

Наблюдая дрожавшее жалобно лицевое пятно, напоминавшее трупъ, осіянный блѣднымъ блескомъ фонарнаго пламени, господинъ Морковинъ подумалъ невольно: „Какъ же онъ постарѣлъ: да онъ просто развалина...“ Но Аполлонъ Аполлоновичъ съ чуть замѣтнымъ кряхтѣньемъ повернулъ къ господинчику безбородый свой ликъ и вдругъ улыбнулся печально, отчего подъ глазами его образовались огромные морщинистые мѣшки.

Чрезъ минуту, однако, Аполлонъ Аполлоновичъ совершенно оправился, помолодѣлъ, побѣлѣлъ: крѣпко онъ тряхнулъ Морковину руку и пошелъ, какъ палка прямой, въ грязноватую, осеннюю муть, напоминая профилемъ мумію фараона Рамзеса Второго.

Ночь чернѣла, синѣла и лиловѣла, переходя въ красноватыя фонарныя пятна, точно въ пятна огненной сыпи. Высились подворотни, стѣны, заборы, дворы и подъѣзды—и отъ нихъ исходили всевозможные лепеты и всевозможные вздохи; несогласные многіе вздохи въ переулкѣ бѣгущихъ вѣтряныхъ сквозняковъ, гдѣ-то тамъ, за домами, стѣнами, заборами, подворотнями, сочетались во вздохи согласные; а бѣглые лепеты струечекъ, гдѣ-то тамъ, за домами, стѣнами, заборами, подворотнями, всѣ сходились въ одинъ бѣглый лепетъ: становились вздыханьемъ всѣ лепеты; и всѣ вздохи начинали тамъ лепетать.

Digitized by Microsoft ®

У! Какъ было сыро, какъ мозгло, какъ ночь синѣла и лиловѣла, переходя болѣзненно въ ярко-красную сыпь фонарей, какъ изъ этой синей лиловости подъ круги фонарей выбѣгалъ Аполлонъ Аполлоновичъ, и опять убѣгалъ изъ-подъ краснаго круга въ лиловость!

Полоумный.

Мы оставили Сергѣя Сергѣевича Лихутина въ тотъ роковой моментъ его жизни, когда бѣлый, какъ смерть, совершенно спокойный, съ ироническою улыбкой на твердо сжатыхъ устахъ онъ стремительно бросился въ переднюю комнату (то-есть, просто въ переднюю) за непослушной женою и потомъ, щелкнувъ шпорами, такъ почтительно сталъ передъ дверью съ мѣховой шубкой въ рукахъ; а когда Софья Петровна Лихутина прошуршала задорно мимо носа сердитаго подпоручика, то Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ, какъ видѣли мы, все съ тѣми же слишкомъ рѣзвыми жестами сталъ повсюду ходить и повсюду гасить электричество.

Почему же онъ обнаружилъ свое необычное состояніе духа этимъ страннымъ поступкомъ? Ну, какая можетъ быть связь между всей этой пакостью и горѣлками? Столь же мало здѣсь связи и смысла, сколь мало этой связи и этого смысла между угловато-длинной и печальной фигурою подпоручика въ темнозеленомъ мундирѣ, слишкомъ рѣзвыми жестами и задорной, льняной бородкой помолодѣвшаго лица, будто вырѣзаннаго изъ пахучаго кипариса. Никакой связи и не было; развѣ вотъ — зеркала: на свѣту они отражали — угловато-длиннаго человѣка съ помолодѣвшимъ вдругъ личикомъ: угловато-длинное отраженіе съ помолодѣвшимъ вдругъ личикомъ, подойдя вплотную къ зеркальной поверхности, ухватило себя за бѣлую тонкую шею—ай, ай, ай! Никакой вотъ связи и не было между свѣтомъ и жестами.

„Щелкъ-щелкъ-щелкъ“,—тѣмъ не менѣе щелкали выключатели, погружая во тьму угловато-длиннаго человѣка съ

Digitized by Microsoft ®

слишкомъ рѣзвыми жестами. Это, можетъ быть, не подпоручикъ Лихутинъ?

Нѣтъ, войдите въ его ужасное положеніе: отразиться такъ пакостно въ зеркалахъ, оттого что какое-то домино нанесло оскорбленіе его честному дому, оттого что, согласно офицерскому слову, онъ обязанъ теперь и жену не пускать къ себѣ на порогъ. Нѣтъ, войдите въ его ужасное положеніе: это все-таки былъ подпоручикъ Лихутинъ—онъ самый.

„Щелкъ-щелкъ-щелкъ",—выключатель защелкалъ въ сосѣдней ужъ комнатѣ. Такъ же онъ прощелкалъ и въ третьей. Этотъ звукъ встревожилъ и Мàврушку; и когда она изъ кухни прошлепала въ комнаты, то ее охватила такъ густо совершенная темнота.

И она проворчала:

— „Это что́ же такое?"

Но изъ тьмы раздался сухой, чуть сдержанный кашель:

— „Уходите отсюда..."

— „Какъ же такъ это, баринъ..."

Кто-то ей изъ угла просвистѣлъ повелительнымъ, негодующимъ шопотомъ:

— „Уходите отсюда..."

— „Какъ же, баринъ: вѣдь, за барыней надо прибрать...

— „Уходите вовсе изъ комнатъ".

. . . . . .

— „И потомъ, сами знаете, не стелёны постели..."

. . . . . .

— „Вонъ, вонъ, вонъ!.."

. . . . . .

И едва она вышла изъ комнаты въ кухню, какъ къ ней въ кухню пожаловалъ баринъ:

— „Убирайтесь вовсе изъ дому..."

— „Да какъ же мнѣ, баринъ..."

— „Убирайтесь, скорѣй убирайтесь..."

— „Да куда мнѣ дѣваться?"

— „Куда знаете сами: чтобъ ноги вашей...

— „Баринъ!.."

Digitized by Microsoft ®

— „Не было здѣсь до завтра...“

— „Да баринъ же!!.“

— „Вонъ, вонъ, вонъ...“

Шубу ей въ руки, да—въ дверь: заплакала Мàврушка; испугалась какъ—ужасти: видно, баринъ-то—не того: ей бы къ дворнику да въ полицейскій участокъ, а она то сдуру—къ подругѣ.

Ай, Мàврушка...

. . . . . .

Какъ ужасна участь обыденнаго, совершенно нормальнаго человѣка: его жизнь разрѣшается словаремъ понятливыхъ словъ, обиходомъ чрезвычайно ясныхъ поступковъ; тѣ поступки влекутъ его въ даль безбережнаго, какъ суденышко, оснащенное и словами, и жестами, выразимыми — вполнѣ; если же суденышко то невзначай налетитъ на подводную скалу житейской невнятности, то суденышко, налетѣвъ на скалу, разбивается, и мгновенно тонетъ простодушный пловецъ... Господа, при малѣйшемъ житейскомъ толчкѣ обыденные люди лишаются разумѣнія; нѣтъ, безумцы не вѣдаютъ столькихъ опасностей поврежденія мозга: ихъ мозги, вѣрно, сотканы изъ легчайшаго эѳирнаго вещества. Для простодушнаго мозга непроницаемо вовсе все то, что̀ эти мозги проницаютъ: простодушному мозгу остается разбиться; и онъ—разбивается.

Со вчерашняго вечера Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ ощущалъ у себя въ головѣ острѣйшую мозговую боль, точно онъ съ разбѣга ударился лбомъ о желѣзную стѣну; и пока онъ стоялъ предъ стѣною, онъ видѣлъ, что стѣна—не стѣна, что она проницаема, и что тамъ, за стѣною, есть какой-то невидимый ему свѣтъ и какіе-то законы безсмыслицъ, какъ вонъ тамъ, за стѣнами квартирки, и свѣтъ, и движенья извозчиковъ... Тутъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ тяжело промычалъ и качнулъ головою, ощущая острѣйшую мозговую работу, неизвѣстную ему самому. По стѣнѣ ползли отсвѣты: это, вѣрно, какой-нибудь пароходикъ проносился мимо по Мойкѣ, оставляя на водахъ свѣтлѣйшія полосы.

Digitized by Microsoft ®

Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ помычалъ еще и еще; еще и еще онъ мотнулъ головою: его мысли запутались окончательно, какъ запуталось все. Началъ онъ свои размышленія съ анализа поступковъ своей невѣрной жены, а кончилъ онъ тѣмъ, что поймалъ себя на какой-то безсмысленной дряни: можетъ быть, твердая плоскость непроницаема для него одного, и зеркальныя отраженія комнатъ суть подлинно комнаты; и въ тѣхъ подлинныхъ комнатахъ живетъ семья какого-то заѣзжаго офицера; надо будетъ закрыть зеркала: неудобно изслѣдовать любопытными взглядами поведеніе замужняго офицера съ молодою женою; можно встрѣтить тамъ всякую дрянь; и на этой дряни Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ сталъ ловить самъ себя; и нашелъ, что самъ занимается дрянью, отвлекаясь отъ существенной, совершенно существенной мысли (хорошо, что Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ закрылъ электричество; зеркала бы его отвлекали ужасно, а ему сейчасъ было нужно все усиліе воли, чтобъ въ себѣ самомъ отыскать какой-нибудь мысленный ходъ).

Такъ вотъ почему послѣ ухода жены подпоручикъ Лихутинъ сталъ повсюду ходить и повсюду гасить электричество.

Какъ теперь ему быть? Со вчерашняго вечера о н о—н а ч а л о с ь: п р и п о л з л о, з а ш и п ѣ л о; что такое о н о—почему о н о н а ч а л о с ь? Кромѣ факта переодѣванья Николая Аполлоновича Аблеухова прицѣпиться здѣсь было рѣшительно не къ чему. Голова подпоручика была головой обыденнаго человѣка: голова эта служить отказалась въ семъ деликатномъ вопросѣ, а кровь брызнула въ голову: хорошо бы теперь на виски да мокрое полотенце; и Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ положилъ себѣ на виски мокрое полотенце: положилъ и сорвалъ. Что-то, во всякомъ случаѣ, было; и во всякомъ случаѣ онъ, Лихутинъ, вмѣшался: и вмѣшавшись, соединился онъ съ тѣмъ; вотъ—о н о: такъ стучитъ, такъ играетъ, такъ бьется, такъ дергаетъ височныя жилы.

Простодушнѣйшій человѣкъ, онъ разбился о стѣну: а туда, въ зазеркальную глубину онъ проникнуть не могъ: онъ всего-то лишь вслухъ, при женѣ, далъ свое офицерское

Digitized by Microsoft ®

честное слово, что къ себѣ добровольно жену онъ не пуститъ обратно, если только эта жена безъ него поѣдетъ на балъ.

Какъ же быть? Какъ же быть?

Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ заволновался и зачиркалъ вновь спичкою: протрепетали рыжіе свѣточи; рыжіе свѣточи озарили лицо сумасшедшаго; тревожно оно теперь припало къ часамъ: протекли уже два часа съ ухода Софьи Петровны; два часа, то-есть, сто двадцать минутъ; вычисливъ количество убѣжавшихъ минутъ, Сергѣй Сергѣичъ принялся высчитывать и секунды:

— „Шестидесятью сто двадцать? Дважды шесть—двѣнадцать; да одинъ въ умѣ...“

Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ схватился за голову:

— „Одинъ въ умѣ; умъ—да: умъ разбился о зеркало... Надо бы вынести зеркала! Двѣнадцать, одинъ въ умѣ—да: одинъ кусочекъ стекла... Нѣтъ, одна прожитая секунда...“

Мысли запутались: Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ расхаживалъ въ совершеннѣйшей тьмѣ: ту-ту-ту, — раздавался шагъ Сергѣя Сергѣича; и Сергѣй Сергѣичъ продолжалъ вычислять:

— Дважды шесть — двѣнадцать; да одинъ въ умѣ: одинажды шесть — шесть; плюсъ — единица: отвлеченная единица — не кусочекъ стекла. Да еще два нуля: итого — семь тысячъ двѣсти секундищъ.

И восторжествовавши надъ сложнѣйшею мозговою работою, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ неумѣстно какъ-то обнаружилъ восторгъ свой. Вдругъ онъ вспомнилъ: лицо его омрачилось:

— „Семь тысячъ двѣсти секундищъ, какъ она убѣжала: двѣсти тысячъ секундъ—нѣтъ, все кончено!“

По истеченіи семи тысячъ секундъ, двѣсти первая, вѣдь, секунда открывала во времени начало исполненія даннаго офицерскаго слова: семь тысячъ двѣсти секундъ пережилъ онъ, какъ семь тысячъ лѣтъ; отъ созданія міра до сей поры протекло немногимъ, вѣдь, болѣе. И Сергѣю Сергѣичу показалось, что онъ отъ созданія міра заключенъ въ этотъ

Digitized by Microsoft ®

мракъ съ острѣйшею головною болѣзнью: самопроизвольнымъ мышленіемъ, автономіей мозга помимо терзавшейся личности. И Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ лихорадочно завозился въ углу; на минуту притихъ; сталъ креститься; изъ какого-то ящика спѣшно выбросилъ онъ веревку (подобіе змія), размоталъ, изъ нея сдѣлалъ петлю: петля не хотѣла затягиваться. И Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, отчаявшись, побѣжалъ въ кабинетикъ; веревка поволочилась за нимъ.

Что же дѣлалъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ? Сдерживалъ свое офицерское слово? Нѣтъ, помилуйте,—нѣтъ. Просто онъ для чего-то вынулъ мыло изъ мыльницы, сѣлъ на корточки и мылилъ веревку передъ на полъ поставленнымъ тазикомъ. И едва онъ намылилъ веревку, какъ всѣ его дѣйствія приняли прямо-таки фантастическій отпечатокъ; можно было сказать; никогда въ своей жизни не продѣлывалъ онъ столь оригинальныхъ вещей.

Посудите же сами!

Для чего-то взобрался на столъ (предварительно со стола снялъ онъ скатерть); а на столъ отъ полу приподнялъ вѣнскій стуликъ; взгромоздившись на стулъ, осторожно снялъ лампу; бережно ее опустилъ себѣ подъ ноги; вмѣсто же лампы накрѣпко прикрѣпилъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ къ крюку скользкую отъ мыла веревку; перекрестился и замеръ; и медленно на рукахъ своихъ приподнялъ надъ головой свою петлю, имѣя видъ человѣка, рѣшившаго обмотаться змѣей.

Но одна блестящая мысль осѣнила Сергѣя Сергѣича: надо было все-таки выбрить свою волосатую шею; да и кромѣ того: надо было вычислить количество терцій и квартъ: дважды умножить на число шестьдесятъ—семь тысячъ двѣсти.

Съ этою блестящею мыслью Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ прошествовалъ въ кабинетикъ; тамъ при свѣтѣ огарка сталъ брить онъ свою волосатую шею (у Сергѣя Сергѣича была слишкомъ нѣжная кожа, и на шеѣ во время бритья эта нѣжная кожа покрылась прыщами). Выбривши под-

Digitized by Microsoft ®

бородокъ и шею, Сергѣй Сергѣичъ бритвою неожиданно отхватилъ себѣ усъ: надо было выбриться до конца, потому что — какъ же иначе? Какъ они взломаютъ тамъ двери и войдутъ, то увидятъ его, одноусаго, и притомъ... въ такомъ положеніи; нѣтъ, никакъ нельзя начинать предпріятія, окончательно не пробившись.

И Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ начисто выбрился: и обрившися, выглядѣлъ онъ совершеннѣйшимъ идіотомъ.

Ну, теперь медлить нечего: все кончено—на лицѣ его совершенная бритость. Но какъ разъ въ эту минуту въ передней раздался звонокъ; и Сергѣй Сергѣичъ съ досадою бросилъ мыльную бритву, перепачкавъ всѣ пальцы себѣ въ волосиночкахъ, съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на часы (сколько часовъ пролетѣло?) — какъ же быть, какъ же быть? Одну минуту Сергѣй Сергѣичъ подумалъ отложить свое предпріятіе: онъ не зналъ, что его застигнутъ врасплохъ; что времени терять невозможно, это ему напомнилъ звонокъ, прозвонившій вторично; и онъ вспрыгнулъ на столъ, чтобъ снять съ крюка петлю; но веревка не слушалась, скользя въ мыльныхъ пальцахъ; Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ быстрѣйшимъ образомъ слѣзъ и сталъ красться въ переднюю; и пока онъ крался въ переднюю, онъ замѣтилъ: медленно начинала истаивать въ комнатахъ черно-синяя, всю ночь заливавшая его чернилами, мгла; медленно чернильная мгла просѣрѣла, становясь мглою сѣрой: и въ сѣрѣющей мглѣ обозначались предметы; на столѣ поставленный стуликъ, лежащая лампа; и надъ всѣмъ этимъ—мокрая петля.

Въ передней Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ приложилъ голову къ двери; онъ замеръ; но, должно быть, волненіе породило въ Сергѣѣ Сергѣичѣ ту степень забывчивости, при которой немыслимо предпринять какое бы то ни было дѣло: Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ не замѣтилъ, вѣдь, вовсе, какъ онъ сильно сопитъ; и когда изъ-за двери услышалъ онъ женины тревожные окрики, то съ испугу онъ закричалъ благимъ матомъ; закричавъ, онъ увидѣлъ, что все погибаетъ, и бросился приводить въ исполненіе оригинальный свой за-

Digitized by Microsoft ®

мыселъ; быстро вспрыгнулъ на столъ, вытянулъ свѣже обритую шею; и на свѣже выбритой шеѣ, покрытой прыщами, сталъ затягивать быстро веревку, предварительно для чего-то подсунувъ два пальца межъ веревкой и шеей:

Послѣ этого онъ для чего-то вскричалъ:

— „Слово и дѣло!“

Оттолкнулъ столъ ногою; и столъ откатился отъ Сергѣя Сергѣича на мѣдныхъ колесикахъ (этотъ звукъ и услышала Софья Петровна Лихутина—тамъ за дверью).

Что же далѣе?

Мгновеніе...—

Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ во мракѣ задрыгалъ ногами; при этомъ онъ явственно видѣлъ фонарные отблески на отдушникѣ печки; онъ явственно слышалъ и стукъ, и царапанье во входную дверь; что-то съ силою ему прижало къ подбородку два пальца, такъ что онъ болѣе ужъ ихъ вырвать не могъ, далѣе ему показалось, что онъ задыхается; ужъ надъ нимъ послышался трескъ (въ головѣ вѣрно лопнули жилы), вокругъ полетѣла известка; и Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ грохнулся (прямо въ смерть); и тотчасъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ изъ этой смерти возсталъ, получивши въ томъ бытіи здоровенный пинокъ; тутъ увидѣлъ онъ, что очнулся; и когда очнулся, то понялъ, что не возсталъ, а возсѣлъ на какой-то плоской предметности: онъ сидѣлъ у себя на полу, ощущая боль въ позвоночникѣ да свои невзначай продѣтые и теперь прищемленные пальцы—межъ веревкой и горломъ: Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ сталъ рвать на горлѣ веревку; и петля расширилась.

Тутъ понялъ онъ, что онъ едва не повѣсился: недоповѣсился—чуть-чуть. И вздохнулъ облегченно.

Вдругъ чернильная мгла просѣрѣла; и стала мглой сѣрой: сѣроватой—сперва; а потомъ—чуть сѣрѣющей; Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ такъ явственно видѣлъ, какъ сидитъ онъ безсмысленно въ окруженіи стѣнъ, какъ явственно стѣны сѣрѣютъ японскими пейзажами, незамѣтно сливаясь съ

Digitized by Microsoft ®

окружающей ночью; потолокъ, явственно изукрашенный ночью рыжимъ кружевомъ фонаря, сталъ терять свое кружево; кружево фонаря изсякало давно, становилось тусклыми пятнами, удивленно глядѣвшими въ сѣроватое утро.

Но вернемся къ несчастному подпоручику.

Надо сказать о Сергѣѣ Сергѣичѣ нѣсколько оправдательныхъ словъ: вздохъ облегченія у Сергѣя Сергѣича вырвался безотчетно, какъ безотчетны движенья самовольныхъ утопленниковъ передъ погруженіемъ ихъ въ зеленую и холодную глубину. Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ (не улыбайтесь!) совершенно серьезно намѣревался покончить всѣ свои счеты съ землею, и намѣренье это онъ бы безъ всякихъ сомнѣній осуществилъ, если бы не гнилой потолокъ (въ этомъ вините строителя дома); такъ что вздохъ облегченія относился не къ личности Сергѣя Сергѣича, а къ животно-плотской и безличной его оболочкѣ. Какъ бы то ни было, оболочка эта сидѣла на корточкахъ и внимала всему (тысячамъ шороховъ); духъ же Сергѣя Сергѣича изъ глубины оболочки обнаруживалъ полнѣйшее хладнокровіе.

Во мгновеніе ока прояснились всѣ мысли; во мгновеніе ока предъ его сознаньемъ встала дилемма: какъ же быть теперь, какъ же быть? Револьверы гдѣ-то запрятаны; ихъ отыскивать долго... Бритва? Бритвою—ууу! И невольно въ немъ все передернулось: начинать съ бритвою опытъ послѣ только-что бывшаго перваго... Нѣтъ: всего естественнѣй растянуться здѣсь, на полу, предоставивъ судьбѣ все дальнѣйшее; да, но въ этомъ естественномъ случаѣ Софья Петровна (несомнѣнно, она услышала стукъ) немедленно бросится, если не бросилась, къ дворнику; протелефонятъ полиціи, соберется толпа; подъ напоромъ ея сломаются входныя двери, и о н и нагрянутъ сюда; и нагрянувъ, увидятъ, что онъ, подпоручикъ Лихутинъ, съ необычнымъ бритымъ лицомъ (Сергѣй Сергѣичъ не подозрѣвалъ, что онъ выглядитъ безъ усовъ такимъ идіотомъ) и съ веревкой на шеѣ тутъ разсѣлся на корточкахъ посреди кусковъ штукатурки.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никогда до этого не дойдетъ подпо-

Digitized by Microsoft ®

ручикъ: честь мундира дороже ему женѣ даннаго слова. Остается одно: со стыдомъ открыть дверь, поскорѣй примириться съ женою, Софьей Петровной, и дать правдоподобное объясненіе безпорядку и штукатуркѣ.

Быстро кинулъ онъ веревку подъ диванъ и позорнѣйшимъ образомъ побѣжалъ къ входной двери, за которой теперь ничего не было слышно.

Съ тѣмъ же самымъ непроизвольнымъ сопѣньемъ онъ открылъ переднюю дверь, нерѣшительно ставъ на порогѣ; жгучій стыдъ его охватилъ (недоповѣсился!); и притихла въ душѣ бушевавшая буря; точно онъ, сорвавшись съ крюка, оборвалъ въ себѣ все, бушевавшее только-что: оборвался гнѣвъ на жену, оборвался гнѣвъ по поводу безобразнаго поведенія Николая Аполлоновича. Вѣдь онъ самъ совершилъ теперъ небывалое, ни съ чѣмъ несравнимое безобразіе: думалъ повѣситься — вмѣсто-жъ этого вырвалъ крюкъ съ потолка.

Мгновеніе...—

Въ комнату никто не вбѣжалъ: тѣмъ не менѣе тамъ стояли (онъ видѣлъ); наконецъ, влетѣла Софья Петровна Лихутина; влетѣла и разрыдалась:

— „Что-жъ это? Что-жъ это? Почему темнота?“

А Сергѣй Сергѣичъ конфузливо тупился.

— „Почему тутъ былъ шумъ и возня?“

Сергѣй Сергѣичъ холодные пальчики ей конфузливо пожалъ въ темнотѣ.

— „Почему у васъ руки всѣ въ мылѣ?.. Сергѣй Сергѣевичъ, голубчикъ, да что̀ это значитъ?“

— „Видишь ли, Сонюшка...“

Но она его прервала:

— „Почему вы хрипите?..“

— „Видишь ли, Сонюшка... я... простоялъ передъ открытою форточкой (неосторожно, конечно)... Ну, такъ вотъ и охрипъ... Но дѣло не въ этомъ...“

Онъ замялся.

— „Нѣтъ, не надо, не надо“,—почти прокричалъ Сергѣй

Digitized by Microsoft®

Сергѣичъ Лихутинъ, отдернувши руку жены, собиравшейся открыть электричество,— не сюда, не сейчасъ — въ эту вотъ комнату".

И насильно онъ ее протащилъ въ кабинетикъ.

Въ кабинетикѣ явственно уже выдѣлялись предметы; и мгновенье казалось, будто сѣрая вереница изъ линій стульевъ и стѣнъ съ чуть лежащими плоскостями тѣней, и съ безконечностью бритвенныхъ кое-какъ разброшенныхъ принадлежностей,—только воздушное кружево, паутина; и сквозь эту тончайшую паутину проступало стыдливо и нѣжно въ окошкѣ разсвѣтное небо. Лицо Сергѣя Сергѣича выступало неясно; когда же Софья Петровна къ лицу приникла вплотную, то она увидѣла предъ собою... Нѣтъ, это—неописуемо: увидѣла предъ собой совершенно синее лицо неизвѣстнаго идіота; и это лицо виновато потупилось.

— „Что̀ вы сдѣлали? Вы обрились? Да вы просто какой-то дуракъ!.."

— „Видишь, Сонюшка", — прохрипѣлъ ей въ уши испуганный его шопотъ,—„тутъ есть одно обстоятельство..."

Но она не слушала мужа и съ безотчетной тревогою бросилась осматривать комнаты. Ей вдогонку изъ кабинетика понеслись слезливые и хрипло звучащіе выкрики:

— „Ты найдешь тамъ у насъ безпорядокъ..."

— „Видишь ли, другъ мой, я чинилъ потолокъ..."

— „Потолокъ тамъ растрескался..."

— „Надо было..."

Но Софья Петровна Лихутина не слушала вовсе: она стояла въ испугѣ предъ грудою на коверъ упавшихъ кусковъ штукатурки, межъ которыми прочернѣлъ на полъ грянувшій крюкъ; столъ съ опрокинутымъ на немъ стуломъ былъ круто отдвинутъ; изъ-подъ мягкой кушетки, на которой Софья Петровна Лихутина такъ недавно читала Анри Безансонъ,— изъ-подъ мягкой кушетки торчала сѣрая петля. Софья Петровна Лихутина дрожала, мертвѣла и горбилась.

Тамъ за окнами брызнули легчайшія пламена, и вдругъ все просвѣтилось, какъ вошла въ пламена розоватая рябь

Digitized by Microsoft®

облачковъ, будто сѣть перламутринокъ; и въ разрывахъ той сѣти теперь голубѣло чуть-чуть: голубѣло такое все нѣжное; все наполнилось трепетной робостью; все наполнилось удивленнымъ вопросомъ: „Да какъ же? А какъ же? Развѣ я—не сіяю?“ Тамъ на окнахъ, на шпицахъ намѣчался все болѣе трепетъ; тамъ на шпицахъ высокихъ высоко рубинился блескъ. Надъ душою ея вдругъ прошлись легчайшіе голоса: и ей все просвѣтилось, какъ на сѣрую петлю палъ изъ окна блѣдно-розовый, блѣдноковровый косякъ отъ луча встающаго солнца. Ея сердце наполнилось неожиданнымъ трепетомъ и удивленнымъ вопросомъ: „Да какъ же? А какъ же? Почему я забыла?“

Софья Петровна Лихутина тутъ склонилась на землю, протянула руку къ веревкѣ, на которой зарѣли нѣжнѣйшія розоватыя кружева; Софья Петровна Лихутина поцѣловала веревку и тихонько заплакала: чей-то образъ далекаго и вновь возвращеннаго дѣтства (образъ забытый не вовсе—гдѣ она его видѣла: гдѣ-то недавно, сегодня?): этотъ образъ надъ ней поднимался, поднялся и вотъ всталъ за спиной. А когда она повернулась назадъ, то она увидала: за спиной стоялъ ея мужъ, Сергѣй Сергѣевичъ Лихутинъ, долговязый, печальный и бритый: на нее поднималъ голубой кроткій взоръ:

— „Ужъ прости меня, Сонюшка!“

Почему-то она припала къ его ногамъ, обнимала и плакала:

— „Бѣдный, бѣдный: любимый мой!..“

Что̀ они межъ собою шептали, Богъ вѣдаетъ: это все осталось межъ ними; видно было: въ зарю поднималась надъ ней его сухая рука:

— „Богъ проститъ... Богъ проститъ...“

Бритая голова разсмѣялась такъ счàстливо: кто же могъ теперь не смѣяться, когда въ небѣ смѣялись такія легчайшія пламена?

Розоватое, клочковатое облачко протянулось по Мойкѣ: это было облачко отъ трубы пробѣжавшаго пароходика; отъ пароходной кормы холодомъ проблистала зеленая полоса, ударяясь о берегъ и отливая янтарнымъ, отдавая—здѣсь, тамъ—искрою золотой, отдавая—здѣсь, тамъ—брилліантомъ;

Digitized by Microsoft ®

отлетая отъ берега, полоса разбивалась о полосу, бьющую ей навстрѣчу, отчего обѣ полосы начинали блистать роемъ кольчатыхъ змѣй. Въ этотъ рой въѣхала лодка; и всѣ змѣи разрѣзались на алмазныя струнки; струночки тотчасъ же путались въ серебро чертящую канитель, чтобъ потомъ на поверхности водной качнуться звѣздами. Но минутное волненіе водъ успокоилось; воды сгладились, и на нихъ погасли всѣ звѣзды. Понеслись теперь снова блиставшія воднозеленыя плоскости между каменныхъ береговъ. Поднимаясь къ небу чернозеленой скульптурой, странно съ берега встало зеленое, бѣлоколонное зданіе, какъ живой кусокъ Реннесанса.

Обыватель.

На далекое разстояніе и туда, и сюда раскидалися закоулки и улички, улицы просто, проспекты; то изъ тьмы выступалъ высоковерхій бокъ дома, кирпичный, сложенный изъ однѣхъ только тяжестей, то изъ тьмы стѣна зіяла подъѣздомъ, надъ которымъ два каменныхъ египтянина на рукахъ своихъ возносили каменный выступъ балкона. Мимо высоковерхаго дома, мимо кирпичнаго бока, мимо всѣхъ милліонно-пудовыхъ громадъ—изъ тьмы въ тьму — въ петербургскомъ туманѣ Аполлонъ Аполлоновичъ шелъ, шелъ, шелъ, преодолѣвая всѣ тяжести: передъ нимъ ужъ вычерчивался сѣрый, гниловатый заборчикъ.

Тутъ откуда-то сбоку стремительно распахнулась низкая дверь и осталась открытой; повалилъ бѣлый паръ, раздалась руготня, дребезжанье жалкое балалайки и голосъ. Аполлонъ Аполлоновичъ невольно прислушался къ голосу, озирая мертвыя подворотни, стрекотавшій въ вѣтрѣ фонарь и отхожее мѣсто.

Голосъ пѣлъ:

„Духомъ мы къ Тебѣ, Отецъ,
„Въ небо мыслію паримъ
„И за пищу отъ сердецъ
„Мы Тебя благодаримъ“.

Digitized by Microsoft ®

Такъ пѣлъ голосъ.

Дверь захлопнулась. Въ обывателѣ Аполлонъ Аполлоновичъ подозрѣвалъ что-то мелкое, пролетающее за стекломъ каретныхъ отверстій (разстояніе, вѣдь, между ближайшей стѣною и дверцей кареты исчислялось Аполлономъ Аполлоновичемъ многими милліардами верстъ). И вотъ передъ нимъ всѣ пространства смѣстились: жизнь обывателя вдругъ обстала его подворотнями, стѣнами, а самъ обыватель предсталъ предъ нимъ голосомъ.

Голосъ же пѣлъ:

„Духомъ мы къ Тебѣ, Отецъ,
„Въ небо мыслію паримъ
„И за пищу отъ сердецъ
„Мы Тебя благодаримъ".

Вотъ какой обыватель? Къ обывателю Аполлонъ Аполлоновичъ восчувствовалъ интересъ, и былъ мигъ, когда онъ хотѣлъ постучаться въ первую дверь, чтобъ найти обывателя; тутъ онъ вспомнилъ, что обыватель его собирается казнить позорною смертью: набокъ съѣхалъ цилиндръ, дрябло такъ опустились надъ грудью изможденныя плечи:—

—да, да, да: они его разорвали на части: не его, Аполлона Аполлоновича, а другого, лучшаго друга, только разъ посланнаго судьбой; одинъ мигъ Аполлонъ Аполлоновичъ вспоминалъ тѣ сѣдые усы, зеленоватую глубину на него устремленныхъ глазъ, когда они оба склонялись надъ географической картой имперіи, и пылала мечтами молодая такая ихъ старость (это было ровно за день до того, какъ)... Но они разорвали даже лучшаго друга, перваго между первыми... Говорятъ, это длится секунду; и потомъ—какъ есть ничего... Что-жъ такое? Всякій государственный человѣкъ есть герой, но—брр-брр...—

Digitized by Microsoft®

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ поправилъ цилиндръ и выпрямилъ плечи, проходя въ гниловатый туманчикъ, въ гниловатую жизнь обывателя, въ эти сѣти изъ стѣнъ, подворотенъ, заборовъ, наполненныхъ слизью, осѣдающихъ жалко и дрябло, словомъ—въ сплошное дрянное, гнилое, пустое и общее отхожее мѣсто. И ему показалось теперь, что его ненавидитъ и та вотъ тупая стѣна, и этотъ вотъ гниловатый заборчикъ; Аполлонъ Аполлоновичъ по опыту зналъ, что о н и ненавидѣли (днемъ и ночью ходилъ онъ покрытый туманомъ и х ъ злобы). Кто такое о н и? Ничтожная кучка, смрадная, какъ и все? Мозговая игра Аполлона Аполлоновича воздвигала предъ взоромъ его туманныя плоскости; но разорвалися всѣ плоскости: исполинская карта Россіи предстала предъ нимъ, такимъ маленькимъ: неужели э т о враги: враги—исполинская совокупность племенъ, обитающихъ въ этихъ пространствахъ: с т о м и л л і о н о в ъ. Нѣтъ, больше...

„Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до Пламенной Колхиды“...

Что такое? Его ненавидѣли?.. Нѣтъ: простиралась Россія. А его?.. Его собираются... собираются... Нѣтъ: брр-брр... Праздная мозговая игра. Лучше цитировать Пушкина:

„Пора, мой другъ, пора!.. Покоя сердце проситъ.
„Бѣгутъ за днями дни. И каждый день уноситъ
„Частицу бытія. А мы съ тобой вдвоемъ
„Располагаемъ жить. А тамъ: глядь—и умремъ...

Съ кѣмъ же вдвоемъ располагаетъ онъ жить? Съ сыномъ? Сынъ—ужаснѣйшій негодяй. Съ обывателемъ? Обыватель собирается... Аполлонъ Аполлоновичъ вспомнилъ, что нѣкогда располагалъ онъ прожить свою жизнь съ Анной Петровной, по окончаніи государственной службы перебраться на дачку въ Финляндію, а, вѣдь, вотъ: Анна Петровна уѣхала—да-съ, уѣхала!..

— „Уѣхала, знаете ли: ничего не подѣлаешь...“

Аполлонъ Аполлоновичъ понялъ, что у него нѣтъ никакого спутника жизни (до этой минуты онъ какъ-то объ этомъ не удосужился вспомнить), и что смерть на посту будетъ все-таки украшеніемъ прожитой его жизни. Ему стало какъ-то

Digitized by Microsoft ®

по-дѣтски и печально, и тихо,—такъ тихо, такъ какъ-то уютно. Вокругъ только слышался шелестъ струящейся лужицы, точно чья-то мольба—все о томъ, объ одномъ: о томъ, чего не было, но что̀ быть бы могло.

Медленно начинала истаивать черносѣрая, всю ночь душившая мгла. Медленно черносѣрая мгла просѣрѣла и стала мглой сѣрой: сѣроватой—сначала; потомъ—чуть сѣрѣющей; а домовыя стѣны, освѣщенныя въ ночи фонарями, стали блѣдно сливаться съ отлетающей ночью. И казалось, что рыжіе фонари, вкругъ себя бросавшіе только-что рыжіе свѣты, стали вдругъ изсякать; и постепенно изсякли. Лихорадочно горѣвшіе свѣточи пропадали на стѣнахъ. Наконецъ, фонари стали тусклыми точками, удивленно глядѣвшими въ сѣроватый туманъ; и мгновенье казалось, будто сѣрая вереница изъ линій, шпицевъ и стѣнъ съ чуть лежащими плоскостями тѣней, съ безконечностью оконныхъ отверстій—не громада камней, а воздушно вставшее кружево, состоящее изъ узоровъ тончайшей работы, и сквозь эти узоры разсвѣтное небо проступило стыдливо.

Навстрѣчу Аполлону Аполлоновичу быстро кинулся бѣдно одѣтый подростокъ; дѣвушка лѣтъ пятнадцати, повязанная платочкомъ; а за нею въ разсвѣтномъ туманѣ шло очертанье мужчины: котелокъ, трость, пальто, уши, усы и носъ; очертаніе, очевидно, пристало къ подростку съ гнуснѣйшими предложеніями; Аполлонъ Аполлоновичъ считалъ себя рыцаремъ; неожиданно для себя снялъ онъ цилиндръ:

— „Милостивая государыня, осмѣлюсь ли я предложить вамъ до дому руку: въ это позднее время молодымъ особамъ вашего пола не безопасно появляться на улицѣ“.

Бѣдно одѣтый подростокъ увидѣлъ такъ явственно, что какая-то черная тамъ фигурка почтительно передъ ней приподняла цилиндръ; бритая, мертвая голова выползла на мгновенье изъ-подъ воротника и опять туда уползла.

Они шли въ глубокомъ безмолвіи; все казалось ближе, чѣмъ слѣдуетъ: мокрымъ и старымъ, уходящимъ въ вѣка; все это и прежде Аполлонъ Аполлоновичъ видывалъ издали.

Digitized by Microsoft®

А теперь—вотъ оно: подворотни, домики, стѣны и вотъ этотъ къ рукѣ его боязнью прижатый подростокъ, для котораго онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, не злодѣй, не сенаторъ: просто такъ себѣ—неизвѣстный добрый старикъ.

Они шли до зеленаго домика съ кривыми воротами и съ гнилой подворотней; на крылечкѣ приподнялъ сенаторъ цилиндръ, прощаясь съ подросткомъ; а когда за нимъ захлопнулась дверь, то старческій ротъ искривился такъ жалобно; въ совершенную пустоту зажевали мертвыя губы; въ это время откуда-то издали раздалось, будто пѣнье смычка: пѣніе петербургскаго пѣтела, извѣщавшаго неизвѣстно о чемъ и будившаго неизвѣстно кого.

Гдѣ-то сбоку на небѣ брызнули легчайшія пламена, и вдругъ все просвѣтилось, какъ вошла въ пламена розоватая рябь облачковъ, будто сѣть перламутринокъ; и въ разрывахъ той сѣти теперь голубѣлъ голубой лоскуточекъ. Отяжелѣла и очертилась вереница линій и стѣнъ; проступили сбоку какія-то тяжести—и уступы, и выступы; проступили подъѣзды, каріатиды и карнизы кирпичныхъ балконовъ; но на окнахъ, на шпицахъ замѣчался все болѣе трепетъ; и отъ оконъ, отъ шпицевъ зарубинился блескъ.

Легчайшее кружево обернулось утреннимъ Петербургомъ: Петербургъ расцвѣтился легко и причудливо, тамъ стояли дома песочнаго цвѣта о пяти своихъ этажахъ; тамъ стояли дома темносиніе, тамъ—сѣрые; рыжекрасный дворецъ зазарѣлъ.

Конецъ четвертой главы.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ПЯТАЯ,

въ которой повѣствуется о господинчикѣ съ бородавкой у носа и о сардинницѣ ужаснаго содержанія.

Блеснетъ заутра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день,
А я, быть можетъ, ужъ гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь.

А. Пушкинъ.

Digitized by Microsoft ®

Господинчикъ.

Николай Аполлоновичъ молчалъ всю дорогу.

Николай Аполлоновичъ обернулся и уставился прямо въ лицо за нимъ бѣгущему господинчику:

— „Извините меня: съ кѣмъ...“

Петербургская слякоть шелестѣла талыми струями; тамъ карета въ туманъ пролетѣла огнемъ фонарей...

— „Съ кѣмъ имѣю честь?..“

Всю дорогу онъ слышалъ докучное хлюпанье за нимъ бѣгущихъ калошъ да чувствовалъ бѣганье у себя по спинѣ воспаленныхъ и маленькихъ глазокъ того котелочка, который за нимъ увязался отъ подворотни—тамъ, въ закоулочкѣ.

— „Павелъ Яковлевичъ Морковинъ...“

И вотъ: Николай Аполлоновичъ обернулся назадъ и уставился прямо въ лицо господинчику; лицо ничего не сказало: котелокъ, трость, пальто, бороденка и носъ.

Послѣ впалъ онъ въ забвеніе, отвернувшись къ стѣнѣ, по которой бѣжалъ всю дорогу тѣневой котелочекъ, чуть-чуть сдвинутый на бокъ; видъ этого котелочка ему внушилъ омерзѣніе; петербургскія сырости заползали подъ кожу; петербургскія слякоти шелестѣли талыми струями; гололедица, изморозь промочили пальто.

Котелокъ на стѣнѣ то вытягивалъ свою тѣнь, а то умалялся; опять отчетливый голосъ раздался за спиной Аблеухова:

— „Бьюсь объ закладъ, что вы изъ сплошного кокетства изволите на себя напустить этотъ тонъ равнодушія...“

Digitized by Microsoft®

Все то было когда-то.

— „Слушайте,—попытался сказать котелку Николай Аполлоновичъ,—я, признаться сказать, удивленъ; я, признаться сказать...“

Вонъ тамъ вспыхнуло первое свѣтлое яблоко; тамъ—второе; тамъ—третье; и линія электрическихъ яблокъ обозначила Невскій проспектъ, гдѣ стѣны каменныхъ зданій заливаются огненнымъ порокомъ во всю круглую, петербургскую ночь, и гдѣ яркіе ресторанчики кажутъ въ оторопь этой ночи свои ярко-кровавыя вывѣски, подъ которыми шныряютъ все какія-то пернатыя дамы, укрывая въ боа кармины подрисованныхъ губъ,—средь цилиндровъ, околышей, котелковъ, косоворотокъ, шинелей—въ свѣтовой, тусклой мути, являющей изъ-за бѣдныхъ финскихъ болотъ надъ многоверстной Россіей геенны широкоотверстую раскаленную пасть.

Николай Аполлоновичъ слѣдилъ, все слѣдилъ за пробѣгомъ по стѣнамъ тѣневого чернаго котелка, вѣковой темной тѣни; Николай Аполлоновичъ зналъ: обстоятельства встрѣчи съ загадочнымъ Павломъ Яковлевичемъ ему не позволили оборвать эту встрѣчу прямо тамъ—подъ заборчикомъ—съ настоящимъ достоинствомъ для себя: надо было съ величайшею осторожностью выпытать, что̀ такое подлинно этотъ Павелъ Яковлевичъ о немъ знаетъ, что̀ такое подлинно было сказано между нимъ и отцомъ; оттого-то онъ медлилъ прощаться.

Вотъ открылась Нева: каменный перегибъ Зимней канавки подъ собой показывалъ плаксивый просторъ, и оттуда бросились натиски мокраго вѣтра; за Невой встали абрисы острововъ и домовъ; и бросали грустно въ туманъ янтарныя очи; и казалось, что плачутъ.

— „А на самомъ дѣлѣ и вы не прочь бы со мною, что называется, снюхаться?“—приставалъ за спиной тотъ же все паршивенькій голосъ.

Вотъ и площадь; та же сѣрая на площади возвышалась скала; тотъ же конь кидался копытомъ; но странное дѣло: тѣнь покрыла Мѣднаго Всадника. И казалось, что Всадника

Digitized by Microsoft ®

не было; тамъ вдали, на Невѣ, стояла какая-то рыболовная шхуна; и на шхунѣ блестѣлъ огонечекъ.

— „Мнѣ пора бы домой...“

— „Нѣтъ, пожалуйста: что̀ теперь дома!“

И они прошли по̀-мосту.

Впереди ихъ шла пара: сорокапятилѣтній одѣтый въ черную кожу морякъ; у него была шапка съ наушниками, были и синеватыя щеки и ярко-рыжая съ просѣдью борода; сосѣдъ его, просто какой-то гигантъ въ сапожищахъ, съ темно-зеленою поярковой шляпой шагалъ — чернобровый, черноволосый съ маленькимъ носикомъ, съ маленькими усами. Оба что-то напомнили; и оба прошли въ раскрытую дверь ресторанчика подъ брилліантовой вывѣской.

Подъ буквами брилліантовой вывѣски Павелъ Яковлевичъ Морковинъ съ непонятнымъ нахальствомъ схватилъ Аблеухова за крыло николаевки:

— „Вотъ сюда, Николай Аполлоновичъ, въ ресторанчикъ: вотъ—какъ разъ, вотъ—сюда-съ!..“

— „Да позвольте же...“

Павелъ же Яковлевичъ, рукою держа крыло николаевки, тутъ принялся зѣвать: онъ выгибался, гнулся, вытягивался, подставляя открытое ротовое отверстіе Николаю Аполлоновичу, какъ какой людоѣдъ, собиравшійся Аблеухова проглотить: проглотить непремѣнно.

Этотъ припадокъ зѣвоты перешелъ къ Аблеухову; губы послѣдняго закривились:

— „Ааа—а: аааа...“

Аблеуховъ попробовалъ вырваться:

— „Нѣтъ, пора мнѣ, пора“.

Но таинственный господинъ, получившій даръ слова, непочтительнымъ образомъ перебилъ:

— „Э, да ну васъ—все знаю: скучаете?

И не давши сказать, перебилъ его вновь:

— „Да, скучаю и я: а при этомъ, добавьте, я съ насморкомъ; всѣ эти дни я лѣчусь сальной свѣчкой...“

Digitized by Microsoft®

Николай Аполлоновичъ хотѣлъ что-то вставить, но ротъ его разорвался въ зѣвотѣ:

— „Ааа: ааа—ааа!.."

— „Ну-ну—видите, какъ скучаете!"

— „Просто хочется спать..."

— „Ну, допустимъ, а все же (вникните и вы въ мое положеніе): рѣдкій случай, ррѣдчайшій..."

Дѣлать нечего: Николай Аполлоновичъ чуть-чуть передернулъ плечами и съ едва замѣтной брезгливостью открылъ ресторанную дверь... Чернотой обвисшія вѣшалки: котелками, палками, польтами.

— „Рѣдкій случай, ррѣдчайшій", — щелкнулъ пальцемъ Морковинъ,—говорю это вамъ напрямикъ: молодой человѣкъ такихъ исключительныхъ дарованій, какъ вы?... Отпустить?.. Оставить въ покоѣ?!.

Густоватый, бѣлѣющій паръ какого-то блиннаго запаха, смѣшанный съ уличной мокротою; леденящимъ обжогомъ въ ладонь упалъ номерокъ.

— „Хи-хи-хи,—потиралъ ладонями расходившійся Павелъ Яковлевичъ, снявшій пальтишко,—молодому философу меня узнать любопытно: не правда ли?"

Петербургская улица начинала теперь, въ помѣщеніи, ѣдко печь лихорадкой, расползаясь по тѣлу десятками красноногихъ мурашиковъ:

— „Вѣдь, всѣ меня знаютъ... Александръ Ивановичъ, вашъ батюшка, Бутищенко, Шишигановъ, Пеппѳвичъ..."

Послѣ этихъ сказанныхъ словъ Николай Аполлоновичъ почувствовалъ живѣйшее любопытство отъ трехъ обстоятельствъ; во-первыхъ: незнакомецъ—въ который разъ!—подчеркнулъ знакомство съ отцомъ (это что-нибудь значило); во-вторыхъ: незнакомецъ обмолвился объ Александрѣ Ивановичѣ и привелъ это имя и отчество рядомъ съ именемъ отчимъ; наконецъ, незнакомецъ привелъ рядъ фамилій (Бутищенко, Шишигановъ, Пеппѳвичъ), такъ странно знакомо звучащихъ...

— „Интересная-съ", — подтолкнулъ Павелъ Яковлевичъ

Digitized by Microsoft ®

Аблеухова на ярко-губую проститутку въ свѣтло-оранжевомъ платьѣ и съ турецкою папироской въ зубахъ...

— „Вы какъ насчетъ женщинъ?.. А то бы...“

— „?“

— „Ну, не буду, не буду: вижу, что скромникъ... Да и вовсе не время... Есть о чемъ...“

А кругомъ раздавалось:

— „Кто да кто?“

— „Кто?.. Иванъ!..“

— „Иванъ Иванычъ!..“

— „Иванъ Иванычъ Ивановъ...“

— „Такъ вотъ—я говорю: Ивванъ-Иванчъ?.. А?.. Ивванъ-Иванчъ?.. Что же вы Ивванъ-Иванчъ? Ай, ай, ай!..“

— „А Иванъ Иванычъ-то...“

— „Все это враки“.

— „Нѣтъ, не враки... Спросите Ивана Иваныча: вотъ онъ тамъ, въ билліардной... Эй, эй!“

— „Ивванъ!..“

— „Иванъ Иванычъ!“

— „Ивванъ Ивванычъ Ивановъ...“

— „И какая же ты, Иванъ Иванычъ, свинья!“

Гдѣ-то подняли дымъ коромысломъ; оттуда машина, какъ десятокъ крикливыхъ роговъ, въ копоть бросившихъ уши рвущіе звуки, — вдругъ рявкнула: подъ машиной купецъ, Иванъ Иванычъ Ивановъ, махая зеленой бутылкою, всталъ въ плясовую позицію съ дамой въ растерзанной кофточкѣ; тамъ горѣла грязь ея нечистыхъ ланитъ; изъ-подъ рыжихъ волосъ, изъ-подъ павшихъ на лобъ малиновыхъ перьевъ, къ губамъ прижимая платокъ, чтобы вслухъ не икать, пучеглазая дама смѣялась; и въ смѣхѣ запрыгали груди; ржалъ Иванъ Иванычъ Ивановъ; публика пьяная разгремѣлась вокругъ.

Николай Аполлоновичъ глядѣлъ изумленно: какъ онъ могъ попасть въ такое поганое мѣсто и въ такой поганой компаніи въ тѣ минуты, когда?..“

— „Ха-ха-ха-ха-ха-ха“, — разревѣлась все та же пьяная

Digitized by Microsoft®

кучка, когда Иванъ Иванычъ Ивановъ схватилъ свою даму за волосы и пригнулъ ее къ полу, отрывая громадное малиновое перо; дама плакала, ожидая побоевъ; но купца успѣли во̀-время отъ нея оторвать. Ожесточенно, мучительно въ дикой машинѣ, взревая и бацая бубнами, страшная старина, какъ на насъ изъ глубинъ набѣгающій вулканическій взрывъ подземныхъ неистовствъ, звукомъ крѣпла, разрасталась и плакала въ ресторанное зало изъ трубъ золотыхъ: „Ууй-мии-теесь ваалнеенія страа-аа-сти...

— „Уу-снии безнаа-дее-жнаа-ее сее-ее-рдцее...“

. . . . . .

— „Ха-ха-ха-ха-ха-ха!..“

Рюмку водочки!

Вонъ грязныя комнаты стараго, адскаго кабачка; вонъ его стѣны; стѣны эти расписаны рукой маляра: кипень финскихъ валовъ, откуда—изъ дàлей, проницая мозглый и зеленоватый туманъ, на тѣневыхъ большихъ парусахъ къ Петербургу опять полетѣли судна осмоленныя снасти.

— „Признавайтесь-ка... Эй, двѣ рюмочки водки!—признайтесь...“—выкрикивалъ Павелъ Яковлевичъ Морковинъ—бѣлый, бѣлый: обрюзгшій—весь оплылъ, ожирѣлъ; бѣлое, желтоватое личико казалось все-жъ худенькимъ, хотя расплылось, ожирѣло: здѣсь — мѣшкомъ; здѣсь — сосочкомъ; здѣсь — бѣлою бородавочкой...

— „Я бьюсь объ закладъ, что для васъ представляю загадку, надъ которою въ эту минуту тщетно работаетъ вашъ умственный аппаратъ...“

Вонъ, вонъ столикъ: за столикомъ сорокапятилѣтній морякъ, одѣтый въ черную кожу (и какъ будто — голландецъ), синеватымъ лицомъ наклонился надъ рюмкою.

— „Вамъ съ пикончикомъ?..“

Кровавыя губы голландца—въ который разъ? — тамъ тянули пламенемъ жгущій аллашъ...

— „Такъ съ пикончикомъ?“

Digitized by Microsoft®

А рядомъ съ голландцемъ, за столикомъ грузно такъ опустилась тяжеловѣсная, будто изъ камня, громада.

— „Съ пикончикомъ“.

Чернобровая, черноволосая, — громада смѣялась двусмысленно на Николая Аполлоновича.

— „Ну-съ, молодой человѣкъ?“—раздался въ это время надъ ухомъ его тенорокъ незнакомца.

— „Что такое?“

— „Что вы скажете о моемъ поведеніи на улицѣ?“

И казалось, что та вотъ громада кулакомъ ударитъ по столику—трескъ разсѣвшихся досокъ, звонъ разбитыхъ стаканчиковъ огласитъ ресторанъ.

— „Что̀ сказать о вашемъ поведеньѣ на улицѣ? Ахъ, да что вы объ улицѣ? Я же, право, не знаю“.

Вотъ громада вынула трубочку изъ тяжелыхъ складокъ кафтана, всунула въ крѣпкія губы, и тяжелый дымокъ вонючаго курева задымился надъ столикомъ.

— „По второй?“

— „По второй...“

. . . . . .

Передъ нимъ блисталъ терпкій ядъ; и желая себя успокоить, онъ выбралъ себѣ на тарелку какіе-то вялые листья; такъ стоялъ съ полной рюмкой въ рукѣ, пока Павелъ Яковлевичъ озабоченно копошился, стараясь дрожащею вилкою попасть въ склизкій рыжичекъ; и попавъ въ склизкій рыжичекъ, Павелъ Яковлевичъ обернулся (на усахъ его повисли соринки).

— „Неправда ли, было т а м ъ странно?“

Такъ стоялъ онъ когда-то (ибо все это—было)... Но рюмки чокнулись звонко; такъ же чокнулись рюмки... — гдѣ чокнулись?

— „Гдѣ?“

Николай Аполлоновичъ силился вспомнить. Николай Аполлоновичъ, къ сожалѣнію, вспомнить не могъ.

— „А т а м ъ—подъ заборомъ... Нѣтъ, хозяинъ, сардинокъ не надо: плаваютъ въ желтой слизи“.

Digitized by Microsoft®

Павелъ Яковлевичъ сдѣлалъ Аблеухову пояснительный жестъ.

— „Какъ я т а м ъ васъ настигъ: вы стояли надъ лужею и читали записочку: ну, думаю я, рѣдкій случай, ррѣдчайшій...“

Кругомъ стояли все столики; за столиками бражничалъ какой-то ублюдочный родъ; и валилъ, валилъ сюда этотъ родъ: ни люди, ни тѣни, — поражая какими-то воровскими ухваточками; все то были жители острововъ, а жители острововъ—родъ ублюдочный, странный: ни люди, ни тѣни. Павелъ Яковлевичъ Морковинъ тоже былъ съ острова: улыбался, хихикалъ, поражая какими-то воровскими ухватками.

— „Знаете что, Павелъ Яковлевичъ, я, признаться сказать, жду отъ васъ объясненія...“

— „Моего поведенія?“

— „Да!“

— „Я его объясню...

Вновь блеснулъ терпкій ядъ: онъ пьянѣлъ—все вертѣлось; призрачнѣй блисталъ кабачекъ; синеватый казался голландецъ, а громада—огромнѣй; тѣнь ея изломалась на стѣнахъ и казалась будто увѣнчанной нѣкимъ вѣнцомъ.

Павелъ Яковлевичъ все болѣе лоснился—оплывалъ, ожирѣвалъ: здѣсь—мѣшкомъ; здѣсь—сосочкомъ; здѣсь — бѣлою бородавочкой; одутловатое это лицо въ его памяти вызвало кончикъ сальной, свиной, оплывающей свѣчки.

— „Такъ по третьей?“

— „По третьей...“

. . . . . .

— „Ну, такъ что же вы скажете о разговорѣ подъ подворотней?

— „Про домино?“

— „Ну, само собой разумѣется!..“

— „Я скажу, что̀ сказалъ...“

— „Со мной можно быть вполнѣ откровеннымъ“.

Отъ пахнущихъ губъ господина Морковина Николай Аполлоновичъ хотѣлъ съ отвращеніемъ отвернуться, но себя пере-

Digitized by Microsoft ®

могъ; а когда его чмокнули въ губы, то невольно свой взглядъ, полный пытки, бросилъ онъ въ потолокъ, сметая рукою съ высокаго лба прядь своихъ волосинокъ, въ то время, какъ губы его неестественно растянулись въ улыбкѣ и, натянуто прыгая, задрожали (неестественно прыгаютъ такъ лапки терзаемыхъ лягушатъ, когда лапокъ этихъ коснутся концы электрическихъ проволокъ).

— „Ну вотъ: такъ-то лучше; и не думайте ничего: домино — такъ себѣ. Домино просто выдумалъ я для знакомства...“

— „Виноватъ, вы закапались сардиночнымъ жиромъ, — перебилъ его Николай Аполлоновичъ, а самъ думалъ: „Это онъ все хитритъ, чтобы выпытать: надо быть осторожнымъ...“ Мы забыли сказать: домино съ себя Николай Аполлоновичъ снялъ въ ресторанной передней.

— „Согласитесь: дикая мысль, что вы—домино... Хи-хи-хи: ну, откуда такое возьмется—а? Послушайте? Я себѣ говорю: эй, Павлуша, да это, батенька мой, просто такъ себѣ: курьезное озареніе — и при томъ подъ заборомъ, при свершеніи, такъ сказать, необходимой потребности человѣческой... Домино!.. Просто-напросто, предлогъ для знакомства, милый вы человѣкъ, потому что очень, очень, очень наслышаны: о вашихъ умственныхъ качествахъ“.

Они отошли отъ водочной стойки, пробираясь межъ столиковъ. И опять оттуда машина, какъ десятокъ крикливыхъ роговъ, въ копоть бросившихъ уши рвущіе звуки, вдругъ рявкнула; задилинькали, разбиваясь объ уши, стаи маленькихъ колокольчиковъ; изъ отдѣльнаго кабинета неслась чья-то наглая похвальба.

— „Человѣкъ: чистую скатерть...“

— „И водки...“

— „Ну, такъ вотъ-съ: покончили съ домино. А теперь, дорогой, о другомъ насъ связующемъ пунктикѣ...“

. . . . . .

— „Вы сказали о какомъ-то насъ связующемъ пунктѣ... Что же это за пунктъ?“

Digitized by Microsoft®

Положили локти на столикъ. Николай Аполлоновичъ ощутилъ опьяненіе (отъ усталости, вѣрно); всѣ краски, всѣ звуки, всѣ запахи безобразнѣй ударились въ раскаленный до-бѣла мозгъ.

— „Да-да-да: курьезнѣйшій, любопытнѣйшій пунктикъ... Прекрасно: мнѣ почки съ мадерою, а вамъ... тоже почекъ?

— „Что же это за пунктъ?“

— „Половой, двѣ порціи почекъ... Вы изволили спрашивать о любопытнѣйшемъ пунктѣ? Ну, такъ вотъ-съ — я признаюсь: узы-то—насъ связавшія узы — суть священныя узы...

— „?“

— „Это узы родства“

— „?“

— „Узы крови...“

Въ это время подали почки.

— „О, не думайте, чтобы узы тѣ... — Соли, перцу, горчицы!—были связаны съ пролитіемъ крови: да что вы дрожите, голубчикъ? Ишь ты, какъ вспыхнули, занялись—молодая дѣвица! Передать вамъ горчицы? Вотъ перецъ“.

Николай Аполлоновичъ такъ же, какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ, переперчивалъ супъ; но онъ остался съ висящей въ воздухѣ перечницей.

— „Что вы сказали?“

— „Я сказалъ вамъ: вотъ перецъ...“

— „О крови...“

— „А? Объ узахъ? Подъ кровными узами разумѣю я узы родства“.—Маленькій столикъ побѣжалъ тутъ по залу (водка дѣйствовала); маленькій столъ расширялся безъ толку и мѣры; Павелъ же Яковлевичъ вмѣстѣ съ краемъ стола отлетѣлъ, подвязался грязной салфеткою, копошился въ салфеткѣ и имѣлъ видъ трупнаго червяка.

— „Все-таки, извините меня я, должно быть, васъ вовсе не понялъ: скажите же, что разумѣете вы подъ нашимъ родствомъ?“

— „Я, Николай Аполлоновичъ, прихожусь, вѣдь, вамъ братомъ...“

Digitized by Microsoft ®

— „Какъ братомъ?“

Николай Аполлоновичъ даже привсталъ, но лицо перегнулъ черезъ столъ къ господинчику; съ задрожавшими нервно ноздрями лицо его казалось теперь бѣлорозовымъ въ шапкѣ вставшихъ дыбомъ волосъ; волосы же были какого-то туманнаго цвѣта.

— „Разумѣется, незаконнымъ, ибо я, какъ-никакъ, плодъ несчастной любви родителя вашего... съ домовой бѣлошвейкою...

Николай Аполлоновичъ сѣлъ; темносинія и еще потемнѣвшія очи и легчайшее благовонье уайтъ-розовыхъ ароматовъ, и тонкіе скатерть терзавшіе пальцы его выражали томленіе смерти: Аблеуховы дорожили всегда чистотой своей крови; дорожилъ кровью и онъ; — какъ же такъ, какъ же такъ: папаша его, стало быть, имѣлъ...

— „Папаша вашъ, стало быть, имѣлъ въ своей юности интересный рроманчикъ...“

Николай Аполлоновичъ вдругъ подумалъ, что Морковинъ фразу продолжитъ словами: „который окончился моимъ появленьемъ“ (что за чушь, что за шалая мысль!).

— „Который окончился моимъ появленьемъ на свѣтъ“.

Безуміе!

Это было когда-то.

— „И по этому случаю нашей родственной встрѣчи разопьемъ еще по одной“.

Ожесточенно, мучительно въ дикой машинѣ, взревая и бацая бубнами, страшная старина, какъ на насъ изъ глубинъ набѣгающій вопль, звукомъ крѣпла, разрасталась и плакала въ ресторанное зало изъ трубъ золотыхъ.

. . . . . .

— „Вы хотѣли сказать, что родитель мой...“

— „Нашъ о б щ і й родитель“.

— „Если хотите, н а ш ъ общій“,—Николай Аполлоновичъ передернулъ плечами.

— „А-а-а: плечико? Какъ передернулось!“—перебилъ его Павелъ Яковлевичъ.—„Передернулось—знаете отчего?“

Digitized by Microsoft®

— „Отчего?“

— „Оттого, что для васъ, Николай Аполлоновичъ, родство съ подобнымъ субъектомъ, какъ-никакъ, оскорбительно... И потомъ вы, знаете, похрабрѣли“.

— „Похрабрѣлъ? Съ какой стати мнѣ трусить?“

— „Ха-ха-ха!“—не слушалъ его Павелъ Яковлевичъ,—„похрабрѣли вы оттого, что по вашему мнѣнію...—Еще почекъ...“

— „Благодарствуйте...“

— „Объяснилось мое отмѣнное любопытство и нашъ разговоръ подъ заборомъ... И соусу... Вы меня, пожалуйста, извините, что я примѣняю къ вамъ, мой голубчикъ, психологическій методъ, такъ сказать, пытки — разумѣется, ожиданіемъ; я васъ щупаю, мой родной, отсюда, оттуда: забѣгу и туда, и сюда; присяду въ засаду. И потомъ выскочу.

Николай Аполлоновичъ прищурилъ глаза, и изъ темныхъ длиннѣйшихъ рѣсницъ глаза его просинѣли и дикой, и терпкой рѣшимостью не просить о пощадѣ, въ то время какъ пальцы пробарабанили по столу.

— „Вотъ то же о нашемъ съ вами родствѣ; и это — нащупыванье: какъ отнесетесь... А теперь долженъ я васъ одновременно обрадовать и огорчить-съ... Нѣтъ, вы меня извините — я всегда при новомъ знакомствѣ поступаю подобнымъ же образомъ: остается замѣтить вамъ, что братьями, но... при разныхъ родителяхъ“.

— „?...“

— Про Аполлона Аполлоновича всего-навсего я пошутилъ: никакого романчика съ бѣлошвейкой и не было; не было вообще — хе-хе-хе — никакого романчика... Исключительно нравственный человѣкъ въ нашъ безнравственный вѣкъ...“

— „Такъ почему же мы—братья?“

— „По убѣжденію...“

— „Какъ вы можете мои убѣжденія знать?“

— „Вы—убѣжденнѣйшій террористъ, Николай Аполлоновичъ“. (Все-все-все въ Николаѣ Аполлоновичѣ слилось въ сплошное томленіе; все-все-все слилось въ одну пытку).

Digitized by Microsoft ®

— „Террористъ завзятый и я: изволите видѣть, фамиліи небезызвѣстныя вамъ я закинулъ не спроста: Бутищенка, Шишиганова и Пеппо̀вича... Помните, давеча приводилъ? Здѣсь былъ тонкій намекъ, понимайте, молъ, какъ хотите... Александръ Ивановичъ Дудкинъ, Неуловимый!.. А? А?.. Вы— поняли, поняли? Не смущайтесь же: поняли, ибо вы — начитанный человѣкъ, теоретикъ нашъ, умнѣйшая бестія: ууу, каналья моя, дайте васъ расцѣлую...“

— „Ха-ха-ха“, — откинулся Николай Аполлоновичъ на спинку убогаго стула,—„ха-ха-ха-ха-ха...“

— „И-хи-хи“,—подхватилъ Павелъ Яковлевичъ,—„и-хи-хи...“

— „Ха-ха-ха“,—продолжалъ хохотать Николай Аполлоновичъ.

— „И-хи-хи“,—подхихикивалъ и Морковинъ.

Громада съ сосѣдняго столика разгнѣванно повернулась на нихъ и глядѣла внимательно.

— „Вы чего?“

Николай Аполлоновичъ разсердился.

— „Своя своихъ не познаша“.

— „Я вамъ вотъ что̀ скажу,“—совершенно серьезно сказалъ Николай Аполлоновичъ, сдѣлавши видъ, что онъ бѣшеный хохотъ осилилъ (онъ смѣялся насильно),—вы ошибаетесь, потому что къ террору у меня отношеніе отрицательное; да и кромѣ все: скажите мнѣ, откуда вы заключаете?“

— „Помилуйте, Николай Аполлоновичъ! Да я же все о васъ знаю: объ узелочкѣ, объ Александрѣ Иванычѣ Дудкинѣ и о Софьѣ Петровнѣ...“

. . . . . .

— „Знаю все изъ личнаго любопытства и далѣе: по служебному долгу...“

— „А, вы служите?“

— „Да: въ охранкѣ...“

— „Въ охранѣ?“

— „Что это вы, мой родной, ухватились за грудь съ такимъ выраженьемъ, будто тамъ у васъ опаснѣйшій и секретнѣйшій документъ... Рюмку водочки!..“

Digitized by Microsoft®

Я гублю безъ возврата.

На мгновеніе оба застыли; изъ-за края стола Павелъ Яковлевичъ Морковинъ, чиновникъ охраннаго отдѣленія, росъ, тянулся, вытягивался съ вверхъ поставленнымъ пальцемъ; вотъ ужъ острый кончикъ этого крючковатаго пальца черезъ столъ зацѣпился за пуговицу Николая Аполлоновича; тогда Николай Аполлоновичъ съ вовсе новою виноватой улыбкою вытащилъ изъ бокового кармана переплетенную книжечку, оказавшуюся записной.

— „А, а, а! Пожалуйте-ка эту книжечку мнѣ... на просмотръ...“ Николай Аполлоновичъ не противился; онъ сидѣлъ все съ тою же виноватой улыбкою; пытка его перешла всѣ границы; экстазы терзаемыхъ и вдохновеніе жертвенной ролью пропали; налицо оказались: униженность, покорность (остатки разрушенной гордости); впереди для него оставался единственный путь: путь тупого безчувствія. Какъ бы то ни было: книжечку подалъ онъ сыщику на просмотръ, какъ уличенный преступникъ, распятый страданьемъ, и какъ оклеветанный святоша (безстыдный обманщикъ!).

Павелъ же Яковлевичъ, наклонившись надъ книжечкой, выставилъ изъ-за края стола свою голову, которая показалась прикрѣпленной не къ шеѣ, а къ двумъ кистямъ рукъ; на одно мгновеніе сталъ онъ просто чудовищемъ: Николай Аполлоновичъ въ это мгновенье увидѣлъ: поганая, заморгавшая глазками голова, съ волосами, точно изъ псиной, гребнемъ начесанной шерсти, окрысившись отвратительнымъ смѣхомъ, желтыми складками кожи бѣгала надъ столомъ на десяти своихъ прыгавшихъ пальцахъ по листикамъ книжечки, видъ имѣя огромнаго насѣкомаго: десятиногаго паука, по бумагѣ шуршавшаго лапами.

Но все было комедіей...

Павелъ Яковлевичъ, видно, хотѣлъ Аблеухова напугать видомъ этого сыска (милая шуточка!); такъ же крысясь отъ хохота, книжечку Аблеухову бросилъ обратно онъ черезъ столъ.

Digitized by Microsoft ®

— „Да зачѣмъ же, помилуйте: такая покорность... Я, вѣдь, кажется, васъ не собираюсь допрашивать... Не пугайтесь, голубчикъ: въ охранное-жъ отдѣленіе я приставленъ отъ партіи... И напрасно вы, Николай Аполлоновичъ, растревожились: ей Богу, напрасно...“

— „Вы смѣетесь?“

— „Ни капли!.. Будь я подлиннымъ полицейскимъ, вы бы были уже арестованы, потому что вашъ жестъ, знаете ли, былъ достоинъ вниманія; вы сперва схватились за грудь съ испуганнымъ выраженіемъ лица, будто тамъ у васъ документъ... Если въ будущемъ встрѣтите сыщика, не повторяйте этого жеста; этотъ жестъ васъ и выдалъ... Согласны?“

— „Пожалуй...“

— „А потомъ позволю замѣтить, вы сдѣлали новый промахъ: вынули невинную записную книжечку въ то еще время, когда ее никто у васъ не спросилъ; вынули для того, чтобъ отвлечь вниманіе отъ другого чего-нибудь; но цѣли вы не достигли; не отвлекли отъ вниманья, а привлекли вниманье; заставили меня думать, что какой-нибудь эдакій документъ все же остался въ карманѣ... Ахъ, какъ вы легкомысленны... Посмотрите же на эту страничку вами данной мнѣ книжечки; вы открыли невольно мнѣ любовный секретикъ: тутъ вотъ, тутъ полюбуйтесь...“

Слышались животные вопли машины: крикъ исполинскаго зарѣзаемаго на бойнѣ быка: бубны — лопались, лопались, лопались.

. . . . . .

— „Слушайте!“

Николай Аполлоновичъ произнесъ это слушайте съ дѣйствительнымъ бѣшенствомъ.

— „Къ чему эта пытка? Если вы дѣйствительный тотъ, за кого себя выдаете, — человѣкъ, получите! — то все поведеніе ваше, всѣ ваши ужимочки—недостойны“.

Оба встали.

Въ бѣлыхъ клубахъ изъ кухни валившаго смрада стоялъ Николай Аполлоновичъ—блѣдный, бѣлый и бѣшеный, разо-

Digitized by Microsoft ®

рвавшій безъ всякаго смѣха красный свой ротъ, въ ореолѣ изъ льняно-туманной шапки свѣтлѣйшихъ волосъ своихъ; какъ оскаленный звѣрь, затравленный гончими, онъ презрительно обернулся къ Морковину, бросивши половому полтинникъ.

Машина ужъ смолкла; давно уже опустѣвали сосѣдніе столики, и ублюдочный родъ разошелся по линіямъ Острова; вдругъ повсюду погасло бѣлое электричество; рыжій свѣтъ свѣчки тамъ и здѣсь проницалъ мертвую пустоту; и стѣны истаяли въ мракѣ: только тамъ, гдѣ стояла свѣча да виднѣлся край размалеванной стѣнки, въ залу билась съ шипѣніемъ бѣлая пѣна. И оттуда, изъ дали, на тѣневыхъ своихъ парусахъ, къ Петербургу летѣлъ Летучій Голландецъ (у Николая Аполлоновича это, вѣрно, кружилась голова отъ семи выпитыхъ рюмокъ); со столика приподнялся сорокапятилѣтній морякъ (не Голландецъ ли?); на минуту глаза его сверкнули зеленоватыя искры; но онъ скрылся во мракѣ.

Господинъ же Морковинъ, оправивши свой сюртучекъ, посмотрѣлъ на Николая Аполлоновича съ какой-то задумчивой нѣжностью (состояніе духа послѣдняго, видно, проняло и его); меланхолически онъ вздохнулъ; и глаза опустилъ; такъ съ минуту они не проронили ни слова.

Наконецъ Павелъ Яковлевичъ произнесъ съ разстановкой.

— „Полноте: мнѣ такъ же трудно, какъ вамъ...“

— „И что таиться, товарищъ?..“

— „Я сюда пришелъ не для шутокъ...“

— „Развѣ намъ не надо условиться?..“

. . . . . .

— „?“

. . . . . .

— „Ну, да, да: условиться о днѣ исполненія обѣщанія... Въ самомъ дѣлѣ, Николай Аполлоновичъ, вы чудакъ, какихъ мало; неужели же вы могли хоть минуту подумать, чтобы я, такъ, безъ дѣла, шлялся за вами по улицамъ, наконецъ, съ трудомъ нашелъ предлогъ разговора...“

И потомъ, строго глядя въ глаза Аблеухова, онъ приба-

Digitized by Microsoft ®

вилъ съ достоинствомъ: „Партія, Николай Аполлоновичъ, немедленно ожидаетъ отвѣта“.

Николай Аполлоновичъ тихо спускался по лѣстницѣ; конецъ лѣстницы ушелъ въ темноту; внизу же — у двери — стояли: о н и; кто такое о н и, положительно на этотъ вопросъ онъ не могъ себѣ точно отвѣтить: черное очертаніе и какая-то зеленая-раззеленая муть, будто тускло горящая фосфоромъ (это падалъ лучъ наружнаго фонаря); и о н и его ждали.

А когда прошелъ онъ къ той двери, то по обѣ стороны отъ себя онъ почувствовалъ зоркій взглядъ наблюдателя: и одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый гигантъ, что̀ тянулъ аллашъ за сосѣднимъ съ нимъ столикомъ: освѣщенный лучомъ наружнаго фонаря, онъ сталъ тамъ у двери мѣдноглавой громадой; на Аблеухова, войдя въ лучъ, на мгновенье уставилось металлическое лицо, горящее фосфоромъ; и зеленая, многосотпудовая рука погрозила.

— „Кто это?“

— „Кто губитъ насъ безъ возврата...“

— „Сыщикъ?“

— „Никогда...“

Хлопнула ресторанная дверь.

Многоглазые, высокіе фонари, терзаемые вѣтрами, трепетали странными свѣтами, ширясь въ долгую петербургскую ночь; черные, черные пѣшеходы протекали изъ темени; опять побѣжалъ котелокъ рядомъ съ нимъ по стѣнѣ.

— „Ну, а если я отклоню порученіе?“

— „Я васъ арестую...“

— „Вы? Меня? Арестуете?“

— „Не забывайте, что я...“

— „Что вы конспираторъ?“

— „Я — чиновникъ охраннаго отдѣленія; какъ чиновникъ охраннаго отдѣленія, я васъ арестую...“

Невскій вѣтеръ присвистывалъ въ проводахъ телеграфа и плакался въ подворотняхъ; видѣлись ледяные клоки полуизорванныхъ тучъ; и казалось, что вотъ изъ самаго клочко-

Digitized by Microsoft®

ватаго облака оборвутся полосы хлопотливыхъ дождей — стрекотать, пришепетывать, бить по плитамъ каменнымъ каплями, закрутивши на булькнувшихъ лужахъ свои холодные пузыри.

— „Что же скажетъ вамъ партія?“

— „Партія меня оправдаетъ: пользуясь моимъ положеніемъ въ охранѣ, я отомщу вамъ за партію...“

— „Ну, а если я на васъ донесу?“

— „Попробуйте...“

Вотъ изъ самаго клочковатаго облака стали падать полосы хлопотливыхъ дождей — стрекотать, пришепетывать, бить по плитамъ каменнымъ каплями, закрутивши по булькнувшимъ лужамъ свои холодные пузыри.

— „Нѣтъ, Николай Аполлоновичъ, я прошу — шутки въ сторону: потому что я очень, очень серьёзенъ; и долженъ замѣтить: ваше сомнѣніе, нерѣшительность ваша меня убиваютъ; надо было взвѣсить всѣ шансы заранѣе... Наконецъ, вы могли отказаться (слава Богу, два мѣсяца). Этого вы своевременно не позаботились сдѣлать; у васъ — одинъ путь; и вамъ предстоитъ—выбирайте: арестъ, самоубійство, убійство. Вы, надѣюсь, теперь меня поняли?.. До свиданья...“

Котелочекъ трусилъ по направленію къ семнадцатой линіи, а шинель—къ мосту.

Петербургъ, Петербургъ!

Осаждаясь туманомъ, и меня ты преслѣдовалъ праздною мозговою игрой: ты—мучитель жестокосердый: но ты—непокойный призракъ: ты, бывало, года̀ на меня нападалъ; бѣгалъ и я на твоихъ ужасныхъ проспектахъ, чтобъ съ разбѣга влетѣть вотъ на этотъ блистающій мостъ...

О, большой, электричествомъ блещущій мостъ! О, зеленыя, кишащія бациллами воды! Помню я одно роковое мгновенье; чрезъ твои сырыя перила сентябрьскою ночью я перегнулся; и мигъ: тѣло мое пролетѣло-бъ въ туманы.

На большомъ чугунномъ мосту Николай Аполлоновичъ обернулся; не увидѣлъ онъ за собой—ничего, никого: надъ сырыми, сырыми перилами, надъ кишащей бациллами зеле-

Digitized by Microsoft ®

новатой водою его охватили плаксиво одни сквозняки приневскаго, холоднаго вѣтра; здѣсь, на этомъ вотъ мѣстѣ, за два съ половиною мѣсяца передъ тѣмъ, Николай Аполлоновичъ далъ свое ужасное обѣщаніе: восковое, все то же лицо, оттопыривши губы, надъ сырыми перилами протянулось изъ сѣрой шинели; надъ Невой онъ стоялъ, какъ-то тупо уставившись въ зелень—или нѣтъ: улетая взоромъ туда, гдѣ принизились берега; и потомъ быстрехонько засѣменилъ прочь, косолапо путаясь въ полахъ шинели.

Какое-то фосфорическое пятно и туманно, и бѣшено проносилось по небу; фосфорическимъ блескомъ протуманилась невская даль; и отъ этого зелено замерцали беззвучно летящія плоскости, отдавая то тамъ, то здѣсь искрою золотой. За Невой теперь вставали громадныя зданія острововъ и бросали въ туманъ заогневѣвшія очи. Выше—бѣшено простирали клочковатыя руки какія-то смутныя очертанія; рой за роемъ они восходили.

Набережная была пуста.

Изрѣдка проходила черная тѣнь полицейскаго; площадь пустѣла; справа поднимали свои этажи Сенатъ и Синодъ. Высилась и скала: Николай Аполлоновичъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ глаза выпучилъ на громадное очертаніе Всадника. Давеча, когда они проходили здѣсь съ Павломъ Яковлевичемъ, Аблеухову показалось, что Всадника не было (тѣнь его покрывала); теперь же зыбкая полутѣнь покрывала Всадниково лицо; и металлъ лица двусмысленно улыбался.

Вдругъ тучи разорвались, и зеленымъ дымкомъ распаявшейся мѣди закурились подъ мѣсяцемъ облака... На мгновенье все вспыхнуло: воды, крыши, граниты; вспыхнуло—Всадниково лицо, мѣднолавровый вѣнецъ; много тысячъ металла свисало съ матово зеленѣющихъ плечъ мѣдноглавой громады; фосфорически заблистали и литое лицо, и вѣнецъ, зеленый отъ времени, и простертая повелительно прямо въ сторону Николая Аполлоновича многосотпудовая рука; въ мѣдныхъ впадинахъ глазъ зеленѣли мѣдныя мысли; и каза-

Digitized by Microsoft ®

лось: рука шевельнется (протрезвонятъ о локоть плаща тяжелыя складки), металлическія копыта съ громкимъ грохотомъ упадутъ на скалу и раздастся на весь Петербургъ гранитъ раздробляющій голосъ:

— „Да, да, да...“

— „Это—я...“

— „Я гублю безъ возврата“.

На мгновеніе для Николая Аполлоновича озарилось вдругъ все; да—онъ теперь понялъ, какая громада сидѣла тамъ за столомъ, въ васильеостровскомъ кабачкѣ (неужели же и его посѣтило видѣніе?); какъ прошелъ онъ къ той двери, на него изъ угла, освѣщенное уличнымъ фонаремъ, предстало вотъ это лицо; и вотъ эта зеленая рука ему пригрозила. На мгновеніе для Аблеухова все стало ясно: судьба его озарилась: да—онъ долженъ; и да—онъ обреченъ.

Но тучи врѣзались въ мѣсяцъ; полетѣли подъ небомъ обрывки вѣдьмовскихъ косъ.

Николай Аполлоновичъ съ хохотомъ побѣжалъ отъ Мѣднаго Всадника:

— „Да, да, да...“

— „Знаю, знаю...“

— „Погибъ безъ возврата...“

Въ пустой улицѣ пролетѣлъ снопъ огня: то придворная черная карета пронесла яркокрасные фонари, будто кровью налитые взоры; призрачный абрисъ треуголки лакея и абрисъ шинельныхъ крыльевъ пролетѣли съ огнемъ изъ тумана въ туманъ.

Грифончики.

И простерлись проспекты—тамъ, тамъ: простерлись проспекты; пасмурный пѣшеходъ не торопилъ шаговъ: пасмурный пѣшеходъ озирался томительно: безконечности зданій! Пасмурный пѣшеходъ былъ Николай Аполлоновичъ.

...Не теряя минуты, надо было тотчасъ же предпринять—но что̀ предпринять? Вѣдь, не онъ ли, не онъ ли густо сѣялъ сѣмя теорій о безуміи всяческихъ жалостей? Передъ той

Digitized by Microsoft ®

молчаливою кучкой когда-то не онъ ли выражалъ свои мнѣнія—все о томъ, объ одномъ: о глухомъ своемъ отвращеніи къ барину, къ барскимъ старымъ ушамъ, ко всему татарству и барству, вплоть... до этой по-птичьему протянутой шеи... съ подкожною жилою.

Наконецъ, онъ нанялъ какого-то запоздалаго Ваньку: мимо него поѣхали, полетѣли четырехъэтажныя зданія.

Адмиралтейство продвинуло восьмиколонный свой бокъ: пророзовѣло и скрылось; съ той стороны, за Невой, между бѣлыми каймами штукатурки стѣны стараго зданія бросили ярко-морковный свой цвѣтъ; чернобѣлая солдатская будка осталась налѣво; въ сѣрой шинели расхаживалъ тамъ старый павловскій гренадеръ; за плечо перекинулъ онъ острый искристый штыкъ свой.

Равномѣрно, медленно, вяло протрусилъ мимо павловца Ванька; равномѣрно, медленно, вяло протрясся мимо павловца и Николай Аполлоновичъ. Ясное утро, горящее невскими искрами, претворило всю воду тамъ въ пучину червоннаго золота; и въ пучину червоннаго золота съ разлету ушла труба свиставшаго пароходика; онъ увидѣлъ, что сухая фигурочка на тротуарѣ торопитъ запоздалый свой шагъ, какъ-то прыгая по камнямъ—та сухая фигурочка, которая... въ которой... которую онъ узналъ: то былъ Аполлонъ Аполлоновичъ. Николай Аполлоновичъ хотѣлъ извозчика задержать, чтобы дать время фигуркѣ отдалиться настолько, чтобъ... — было ужъ поздно: старая, бритая голова повернулась къ извозчику, покачалась и отвернулась. Николай Аполлоновичъ, чтобъ не быть узнаннымъ, повернулъ свою спину къ запоздалому пѣшеходу: носъ уткнулъ онъ въ боберъ; виднѣлись—воротникъ да фуражка; уже дома желтая глыба передъ нимъ тамъ встала въ туманъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, проводившій подростка, теперь спѣшилъ къ порогу желтаго дома; и мимо него Адмиралтейство продвинуло только-что восьмиколонный свой бокъ; черно-бѣлая полосатая будка осталась налѣво; уже онъ шелъ по Набережной, созерцая тамъ, на Невѣ, пу-

Digitized by Microsoft®

чину червоннаго золота, куда влетѣла съ разлету труба свиставшаго пароходика.

Тутъ у себя за спиной Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ услышалъ гремѣнье пролетки; повернулась къ пролеткѣ старая бритая голова; и когда извозчикъ поравнялся съ сенаторомъ, то сенаторъ увидѣлъ: тамъ, надъ сидѣньемъ,—скорчился старообразный и уродливый юноша, непріятнѣйшимъ образомъ завернувшись въ шинель; и когда этотъ юноша поглядѣлъ на сенатора, носъ уткнувши въ шинель (виднѣлись лишь глаза да фуражка), то сенатора старая голова такъ стремительно отлетѣла къ стѣнѣ, что цилиндръ ударился о каменный плодъ чернаго домового выступа (Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ методично цилиндръ свой поправилъ), и Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ на минуту уставился въ водную глубину: въ изумрудно-красную бездну.

Ему показалось тутъ, что глаза непріятнаго юноши, увидавши его, во мгновеніе ока стали шириться, шириться, шириться: во мгновеніе ока непріятно расширились, остановились полнымъ ужаса взоромъ. Въ ужасѣ Аполлонъ Аполлоновичъ остановился предъ ужасомъ: этотъ взоръ преслѣдовалъ Аполлона Аполлоновича все чаще и чаще; этимъ взоромъ смотрѣли на него подчиненные, этимъ взоромъ смотрѣлъ на него проходящій ублюдочный родъ: и студентъ, и мохнатая манджурская шапка; да, да, да: тѣмъ самымъ взоромъ взглянули и тѣмъ самымъ блескомъ расширились; а уже извозчикъ, его обогнавши, докучливо подпрыгивалъ на камняхъ; и мелькалъ номеръ бляхи: тысяча девятьсотъ пятый; и Аполлонъ Аполлоновичъ въ совершенномъ испугѣ глядѣлъ въ багровую, многотрубную даль; и Васильевскій Островъ мучительно, оскорбительно, нагло глядѣлъ на сенатора.

Николай Аполлоновичъ выскочилъ изъ пролетки, косолапо запутавшись въ полахъ шинели, старообразый и какой-то весь злой, побѣжалъ быстро-быстро къ подъѣзду желтаго дома, переваливаясь по-утиному и захлопавши въ воздухѣ шинельными крыльями на фонѣ ярко-багровой зари;

Digitized by Microsoft ®

Аблеуховъ сталъ у подъѣзда; Аблеуховъ звонилъ; и какъ прежде множество разъ (точно такъ же и нынче) на него откуда-то издали кинулся голосъ сторожа, Николаича:

— „Здравія желаемъ, Николай Аполлоновичъ!.. Много вамъ благодарны-съ... Поздненечко...“

И какъ прежде множество разъ, точно такъ же и нынче, пятьалтынникъ упалъ въ руку сторожа, Николаича.

Николай Аполлоновичъ съ силой дернулъ звонокъ: о, скорѣе бы дверь открылъ тамъ Семенычъ, а то—изъ тумана покажется та сухая фигурочка (почему она была не въ каретѣ?); и на каждой изъ сторонъ тяжелаго домоваго крыльца онъ увидѣлъ по разъятой пасти грифона, розоватаго отъ зари, и когтями державшаго кольца для дрéвковъ красно-бѣло-синяго флага, развѣвавшаго надъ Невой свое трехцвѣтное полотнище въ извѣстные календарные дни; надъ грифонами изваялся на камнѣ и гербъ Аблеуховыхъ; этотъ гербъ изображалъ длинноперaго рыцаря въ завиткахъ рококо и пронизаннаго единорогомъ; въ Николаѣ Аполлоновичѣ Аблеуховѣ, будто рыба, скользнувшая на мгновеніе по поверхности водъ,—прошла дикая мысль: Аполлонъ Аполлоновичъ, проживающій за порогомъ клейменой той двери, вѣдь и есть прободаемый рыцарь; а за этою мыслью и вовсе туманно скользнуло, не поднимаясь къ поверхности (протемнится такъ издали рыба), родовой старый гербъ относился ко всѣмъ Аблеуховымъ; и онъ, Николай Аполлоновичъ, такъ же былъ прободаемъ—но кѣмъ прободаемъ?

Вся та мысленная галиматья пробѣжала въ душѣ въ одну десятую долю секунды: и ужъ тамъ, и ужъ тамъ, на панели,—въ туманѣ—увидѣлъ онъ спѣшащую къ дому ту сухую фигурочку: та сухая фигурочка подбѣгала стремительно,—та сухая фигурочка, въ которой... которую... которая издали передъ нимъ предстала въ видѣ заморыша-недоноска: съ желтымъ-желтымъ лицомъ, истощенный, геморроидальный, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, родитель, напоминалъ смерть въ цилиндрѣ; Николай Аполлоновичъ — бываютъ же шалыя мысли — представилъ себѣ фигурочку Аполлона Аполлоно-

Digitized by Microsoft®

вича въ моментъ исполненія супружескихъ отношеній къ матери, Аннѣ Петровнѣ: и Николай Аполлоновичъ съ новой силой почувствовалъ знакомую тошноту (вѣдь, въ одинъ изъ этихъ моментовъ онъ и былъ зачатъ).

Негодованіе охватило его: нѣтъ, пусть будетъ, что̀ будетъ!

Между тѣмъ, фигурочка приближалась. Николай Аполлоновичъ, къ своему позору, увидѣлъ, что приливъ его ярости, подогрѣтый искусственно, гаснетъ и гаснетъ: знакомое замѣшательство овладѣло имъ, и...

И взору Аполлона Аполлоновича представилось непріятное зрѣлище: Николай Аполлоновичъ, старообразый и какой-то весь злой, съ желтымъ-желтымъ лицомъ, съ воспаленными докрасна вѣками, съ оттопыренною губою—Николай Аполлоновичъ стремительно соскочилъ со ступенекъ крыльца и, переваливаясь по-утиному, бѣжалъ виновато навстрѣчу родителю, съ моргающимъ, избѣгающимъ взглядомъ и съ протянутой изъ-подъ мѣха шинели надушенной рукою:

— „Доброе утро, папаша...“

Молчаніе.

— „Вотъ нежданная встрѣча, а я—отъ Цукатовыхъ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ подумалъ, что этотъ вотъ съ виду застѣнчивый юноша—юноша негодяй; но Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ конфузился этой мысли, особенно въ присутствіи сына; и, сконфузившись, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ застѣнчиво бормоталъ:

— „Такъ-съ, такъ-съ: доброе утро, Коленька... Да, вотъ,—подите же—встрѣтились... А? Да, да, да...“

И какъ прежде множество разъ, точно такъ же и нынче, раздался тутъ въ туманѣ голосъ сторожа, Николаича:

— „Здравія желаемъ-съ, ваше высокопревосходительство!“

На крыльцѣ, по обѣ стороны двери, ужасомъ разорвали гриффончики свои клювовидныя пасти; длинноперый каменный рыцарь въ завиткахъ рококо и съ разорванной грудью прободался единорогомъ; чѣмъ слѣпительнѣй и воздушнѣй разлетались по небу розовоперстыя предвѣстія дня, тѣмъ

Digitized by Microsoft ®

отчетливѣй тяжелѣли всѣ выступы зданій; тѣмъ малиновѣй, пурпурнѣй былъ самъ пасть разѣвавшій гриффончикъ.

Двери разорвались; запахъ знакомаго помѣщенія охватилъ Аблеуховыхъ; въ отверстіе двери просунулись жиловатые пальцы лакея: самъ сѣрый Семенычъ, весь заспанный, въ наспѣхъ накинутой курткѣ, схваченной въ воротѣ семидесятилѣтней рукой, щурился, пропуская господъ, отъ нестерпимаго заневскаго блеска.

Аблеуховы какъ-то бочкомъ пролетѣли въ отверстіе двери.

Красный, какъ огонь.

Оба знали, что имъ предстоитъ разговоръ; разговоръ этотъ назрѣвалъ въ долгіе годы молчанія; Аполлонъ Аполлоновичъ, отдавая лакею цилиндръ, пальто и перчатки, что-то здѣсь замѣшался съ калошами; бѣдный, бѣдный сенаторъ: развѣ онъ зналъ, что Николай Аполлоновичъ по отношенію къ нему имѣетъ т о с а м о е порученіе. Въ равной степени Николай Аполлоновичъ не могъ догадаться, что въ совершенствѣ извѣстна родителю вся исторія краснаго домино. Оба въ минуту ту вдыхали запахи знакомаго помѣщенія; на лакейскую, жиловатую руку мягко палъ, серебрясь, пышный бобръ; сонно какъ-то свалилась шинель—такъ-таки въ своемъ домино и предсталъ Николай Аполлоновичъ передъ окомъ родителя. У Аполлона Аполлоновича, при видѣ этого домино, въ умѣ завертѣлись давно затверженныя строчки:

Краски огненнаго цвѣта
Брошу на ладонь,
Чтобъ предсталъ онъ въ безднѣ свѣта
Красный, какъ огонь.

Точно такою-жъ, какъ у Семеныча, жиловатой рукой (только начисто вымытой) онъ пощупывалъ бачки:

— „А... а... Красное домино?.. Скажите, пожалуйста!..“

— „Я былъ ряженымъ...“

— „Такъ-съ... Коленька... такъ-съ...“

Digitized by Microsoft®

Аполлонъ Аполлоновичъ стоялъ передъ Коленькой съ какою-то горькой ироніей, не то шамкая, а не то жуя свои губы; дрянно какъ-то, съ ироніей, собралась на лбу его кожа — въ морщиночки; дрянно какъ-то она натянулась на черепѣ. Чуялось предстоящее объясненіе: чуялось, что на древѣ ихъ жизни выросшій плодъ ужъ созрѣлъ; вотъ сейчасъ онъ сорвется: сорвался и...—вдругъ:

Аполлонъ Аполлоновичъ уронилъ карандашикъ (у ступенекъ бархатной лѣстницы); Николай Аполлоновичъ, слѣдуя стародавнему навыку, бросился почтительно его поднимать; Аполлонъ Аполлоновичъ, въ свою очередь, бросился упреждать услужливость сына, но споткнулся, упадая на корточки и руками касаясь ступенекъ; быстро лысая голова его пролетѣла внизъ и впередъ; неожиданно оказавшись подъ пальцами протянувшаго руки сына: Николай Аполлоновичъ предъ собою мгновенно увидѣлъ желтую жиловатую шею отца, напоминавшую выцвѣтшій рачій хвостикъ (сбоку билась артерія); косолапыхъ движеній своихъ Николай Аполлоновичъ не разсчиталъ, неожиданно прикоснувшися къ шеѣ; теплая пульсація шеи испугала его, и отдернулъ онъ руку, но—поздно отдернулъ: подъ прикосновеніемъ его холодной руки (всегда чуть потѣющей) Аполлонъ Аполлоновичъ повернулся и увидѣлъ — т о т ъ с а м ы й взглядъ; голова сенатора мгновенно передернулась тикомъ, кожа дрянно такъ собралась въ морщинки надъ черепомъ и чуть дернулись уши. Въ своемъ домино Николай Аполлоновичъ казался весь—огненнымъ; и сенаторъ, какъ

Digitized by Microsoft ®

вертлявый японецъ, изучившій пріемы Джу-Джицу, отбросился въ сторону, распрямляясь вдругъ на хрустящихъ колѣнкахъ—вверхъ, вверхъ и вбокъ...

Все это длилось мгновеніе. Николай Аполлоновичъ молчаливо взялъ карандашикъ и подалъ сенатору.

— „Вотъ, папаша!“

Чистая мелочь, стукнувши ихъ другъ о друга, породила въ обоихъ взрывъ разнороднѣйшихъ пожеланій, мыслей и чувствъ; Аполлонъ Аполлоновичъ переконфузился безобразію только-что бывшаго: своего испуга въ отвѣтъ на почтительность незначащей сыновней услуги (этотъ, весь красный, мужчина все же былъ его сыномъ: плотью отъ плоти его; и пугаться собственной плоти позорно, чего-жъ испугался онъ?); тѣмъ не менѣе безобразіе было: онъ сидѣлъ подъ сыномъ на корточкахъ и физически на себѣ ощущалъ тотъ самый взоръ. Вмѣстѣ съ конфузомъ Аполлонъ Аполлоновичъ испыталъ и досаду: онъ пріосанился, кокетливо изогнулъ свою талію, горделиво сжалъ губы въ колечко, принимая въ руки поднятый карандашъ.

— „Спасибо, Коленька... Очень тебѣ благодаренъ.. И желаю тебѣ пріятнаго сна...“

Благодарность отца въ тотъ же мигъ переконфузила сына; Николай Аполлоновичъ почувствовалъ приливъ крови къ щекамъ; и когда онъ подумалъ, что онъ розовѣетъ, онъ былъ ужъ багровый. Аполлонъ Аполлоновичъ поглядѣлъ на сына украдкой; и, увидѣвъ, что сынъ багровѣетъ, сталъ самъ розовѣть; чтобы скрыть эту розовость, онъ съ кокетливой граціей полетѣлъ быстро-быстро по лѣстницѣ, полетѣлъ, чтобы тотчасъ почить въ своей спаленкѣ, завернувшись въ тончайшее полотно.

Николай Аполлоновичъ очутился одинъ на ступенькахъ бархатной лѣстницы, погруженный въ глубокую и упорную думу; но голосъ лакея оборвалъ его мысленный ходъ.

— „Батюшки!.. Вотъ затменіе-съ!.. Память-то вовсе отшибло... Баринъ мой, милый: вѣдь, случилось-то что!..

Digitized by Microsoft®

— „Что̀ случилось?“

— „А такое, что—иии... Какъ сказать-то—не смѣю...“

На ступени сѣрѣющей лѣстницы, устланной бархатомъ (попираемымъ ногою министровъ), временилъ Николай Аполлоновичъ; изъ окошка же, на то самое мѣсто, гдѣ споткнулся родитель, подъ ноги падала сѣточка изъ пурпуровыхъ пятенъ; эта сѣточка изъ пурпуровыхъ пятенъ почему-то напомнила кровь (кровь багрянѣла и на старинномъ оружіи). Знакомая, постылая тошнота, только не въ прежнихъ (въ ужасныхъ) размѣрахъ, поднялась отъ желудка: не страдалъ ли онъ несвареніемъ пищи?

— „Ужъ такое случилось! Да—вотъ-съ: барыня наша-то...“

— „Барыня наша, Анна Петровна-съ...“

— „Пріѣхали-съ!!“

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ въ этотъ мигъ съ тошноты сталъ зѣвать: и громадное отверстіе его рта ширилось на зарю: онъ стоялъ тамъ, красный, какъ факелъ.

Старыя губы лакея протянулись подъ бѣлокурую шапку пышнѣйшихъ и тончайшихъ волосъ:

— „Пріѣхали-съ!“

— „Кто пріѣхалъ?“

— „Анна Петровна-съ...“

— „Какая такая?..“

— „Какъ какая?.. Родительница... Что это вы, баринъ-голубчикъ, все равно, какъ чужой: матушка ваша...“

— „?“

— „Изъ Гишпаніи въ Петербурхъ возвратились...“

. . . . . .

— „Письмецо съ посыльнымъ прислали-съ: остановились въ гостиницѣ... Потому—сами знаете... Положеніе ихъ такое-съ...„

— „?“

— „Только что ихъ высокопревосходительство, Аполлонъ Аполлоновичъ, изволили выѣхать, какъ—посыльный: съ письмомъ-съ... Ну, письмо я—на столъ, а посыльному въ руки—двугривенникъ...“

Digitized by Microsoft ®

— „Почитай, не прошло еще часу, какъ—Богъ ты мой: заявились вдругъ сами-съ!... Съ достовѣрностью, видно, имъ было извѣстно, что нѣтути на дому никого-съ...“

. . . . . .

Передъ нимъ поблескивалъ шестоперъ: пятно павшаго воздуха багровѣло такъ странно; пятно павшаго воздуха багровѣло мучительно: столбъ багровый тянулся отъ стѣны до окошка; въ столбѣ плясали пылиночки и казались пунцовыми. Николай Аполлоновичъ думалъ, что точно вотъ такъ же расплясалась въ немъ кровь; Николай Аполлоновичъ думалъ, что и самъ человѣкъ—только столбъ дымящейся крови.

. . . . . .

— „Позвонились... Отворяю я, значитъ, дверь... Вижу: неизвѣстная барыня, почтенная барыня; только простенько одѣтая; и вся — въ черномъ... Я это имъ: „чего угодно-съ, сударыня?“ А они на меня: „Митрій Семенычъ, али не узнаешь?“— Я же къ ручкѣ: „Матушка, молъ, Анна Петровна...“

. . . . . .

Стоитъ первому встрѣчному негодяю въ человѣка ткнуть попросту лезвіемъ, какъ разрѣжется бѣлая, безволосая кожа (такъ, какъ рѣжется заливной поросенокъ подъ хрѣномъ), а въ виски стучащая кровь изольется вонючею лужею...

. . . . . .

— „Анна же Петровна—дай имъ, Боже, здоровья-съ—посмотрѣли: посмотрѣли, іетта, онѣ на меня... Посмотрѣли онѣ на меня да и въ слезы: „Вотъ хочу посмотрѣть, какъ вы тутъ безъ меня“... Изъ ридикюльчика—ридикюльчикъ не нашихъ фасоновъ—повынимали платочекъ-съ...“

— „У меня же, сами, небось, изволите знать, строжайшій приказъ: не пущать... Ну, только я барыню нашу пустилъ... А онѣ...“

Старичокъ выпучилъ глазки; онъ остался съ широко открытымъ ртомъ и, вѣрно, подумалъ, что въ лаковомъ домѣ господа уже давно посходили съума: вмѣсто всякаго удивленія, сожалѣнія, радости—Николай Аполлоновичъ полетѣлъ

Digitized by Microsoft ®

вверхъ по лѣстницѣ, развивая въ пространство причудливо яркокрасный атласъ, будто хвостъ беззаконной кометы.

. . . . . .

Онъ, Николай Аполлоновичъ... Или не онъ? Нѣтъ, онъ—онъ: онъ имъ, кажется, тогда говорилъ, что постылаго старика ненавидитъ онъ; что постылый старикъ, носитель бриллiантовыхъ знаковъ, просто-напросто, есть отпѣтый мошенникъ... Или это онъ все говорилъ про себя?

Нѣтъ—имъ, имъ!..

Николай Аполлоновичъ оттого полетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ, прервавши Семеныча, что онъ ясно представилъ себѣ: одно скверное дѣйствiе негодяя надъ негодяемъ; вдругъ ему представился негодяй; лязгнули въ пальцахъ у этого негодяя блиставшiя ножницы, когда негодяй этотъ мѣшковато бросился простригать сонную артерiю костляваго старикашки; у костляваго старикашки лобъ собрался въ морщинки; у костляваго старика была теплая, пульсомъ бьющая шея и... какая-то рачья; негодяй лязгнулъ ножницами по артерiи костляваго старикашки, и вонючая липкая кровь облила и пальцы, и ножницы, старикашка же—безбородый, морщинистый, лысый—тутъ заплакалъ навзрыдъ и вплотную уставился прямо въ очи его, Николая Аполлоновича, умоляющимъ выраженьемъ, присѣдая на корточки и силясь зажать трясущимся пальцемъ то отверстiе въ шеѣ, откуда съ чуть слышными свистами красныя струи все—прядали, прядали, прядали...

Этотъ образъ столь ярко предсталъ передъ нимъ, будто онъ былъ уже только-что (вѣдь, когда старикъ упалъ на карачки, то онъ могъ бы во мгновенiе ока сорвать со стѣны шестоперъ, размахнуться, и...). Этотъ образъ столь ярко предсталъ передъ нимъ, что онъ испугался.

Оттого-то вотъ Николай Аполлоновичъ бросился въ бѣгство по комнатамъ, мимо лаковъ и блесковъ, топоча каблуками и рискуя вызвать сенатора изъ далекой опочивальни.

Digitized by Microsoft ®

Дурной знакъ.

Если я ихъ сіятельствамъ, превосходительствамъ, милостивымъ государямъ и гражданамъ предложилъ бы вопросъ, что̀ же есть квартира нашихъ имперскихъ сановниковъ, то, навѣрное, эти почтенныя званія мнѣ отвѣтили-бъ прямо въ томъ утвердительномъ смыслѣ, что квартира сановниковъ есть, во-первыхъ, пространство, подъ которымъ мы всѣ разумѣемъ совокупности комнатъ; эти комнаты состоятъ: изъ единственной комнаты, называемой залой и заломъ, что̀—замѣтьте себѣ—все равно; состоятъ онѣ далѣе изъ комнаты для пріема многоразличныхъ гостей; и протчая, протчая, протчая (остальное здѣсь—мелочи).

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; Аполлонъ Аполлоновичъ былъ особой перваго класса (что̀ опять-таки—то же), наконецъ: Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ сановникъ имперіи; все то видѣли мы съ первыхъ строкъ нашей книги. Такъ вотъ: какъ сановникъ, какъ даже чиновникъ имперіи, онъ не могъ не селиться въ пространствахъ, имѣющихъ три измѣренія; и онъ селился въ пространствахъ: въ пространствахъ кубическихъ, состоявшихъ, замѣтьте себѣ: изъ зала (иль—залы) и протчаго, протчаго, протчаго, что̀ при бѣгломъ осмотрѣ успѣли мы наблюсти (остальное здѣсь—мелочи); среди этихъ-то мелочей былъ его кабинетъ, были—такъ себѣ—комнаты.

Эти, такъ себѣ, комнаты освѣтились ужъ солнцемъ; и стрѣляла ужъ въ воздухѣ инкрустація столиковъ, и блестѣли ужъ весело зеркала: и всѣ зеркала засмѣялись, потому, что первое зеркало, что̀ глядѣло въ залъ изъ гостиной, отразило бѣлый, будто въ мукѣ, ликъ Петрушки, самъ балаганный Петрушка, яркокрасный, какъ кровь, разбѣжался изъ зала (топалъ шагъ его); тотчасъ зеркало перекинуло зеркалу отраженіе; и во всѣхъ зеркалахъ отразился балаганный Петрушка: то былъ Николай Аполлоновичъ, съ разбѣгу влетѣвшій въ

Digitized by Microsoft®

гостиную и тамъ вставшій, какъ вкопанный, убѣгая глазами въ холодныя зеркала, потому что онъ видѣлъ: первое зеркало, что̀ глядѣло въ залъ изъ гостиной, Николаю Аполлоновичу отразило нѣкій предметикъ: смертный остовъ въ застегнутомъ сюртукѣ, обладающій черепомъ, отъ котораго вправо и влѣво загнулось по голому уху и по маленькой бачкѣ; но межъ бакъ и ушей показался больше, чѣмъ слѣдуетъ, заостренный носикъ; надъ заостреннымъ носикомъ двѣ темныя орбиты поднялись укоризненно...

Николай Аполлоновичъ понялъ, что Аполлонъ Аполлоновичъ сына здѣсь поджидалъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ вмѣсто сына увидѣлъ въ зеркалахъ просто-напросто балаганную красную маріонетку; и увидѣвши балаганную маріонетку, Аполлонъ Аполлоновичъ замеръ; балаганная маріонетка остановилась средь зала такъ странно-растерянно...

Тогда Аполлонъ Аполлоновичъ неожиданно для себя притворилъ двери въ зало; отступленіе было отрѣзано. Что̀ онъ началъ, надо было скорѣе кончать. Разговоръ по поводу страннаго поведенія сына Аполлонъ Аполлоновичъ разсматривалъ, какъ тягостный хирургическій актъ. Какъ хирургъ, подбѣгающій къ операціонному столику, на которомъ разложены ножички, пилочки, свёрла,—Аполлонъ Аполлоновичъ, потирая желтые пальцы, подошелъ вплотную тутъ къ Nicolas, остановился, и ища избѣгающихъ глазъ, безсознательно вынулъ футляръ отъ очковъ, повертѣлъ между пальцами, спряталъ, какъ-то сдержанно кашлянулъ, помолчалъ и сказалъ:

— „Такъ-то вотъ: домино“.

Въ то же время подумалъ онъ, что вотъ этотъ съ виду застѣнчивый юноша, ротъ оскалившій до ушей и прямо въ глаза неглядящій тѣми самыми взорами—этотъ застѣнчивый юноша и наглое петербургское домино, о которомъ писала жидовская пресса, есть одно и то же лицо; что онъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, особа перваго класса и столбовой дворянинъ—онъ его породилъ; въ это самое время Николай Аполлоновичъ какъ-то смущенно замѣтилъ:

Digitized by Microsoft ®

— „Да, вотъ... многіе были въ маскахъ... Такъ вотъ и я себѣ тоже... костюмчикъ...“

Въ это самое время Николай Аполлоновичъ думалъ, что вотъ это двухаршинное тѣльце родителя, составлявшее въ окружности не болѣе двѣнадцати съ половиной вершковъ, есть центръ и окружность нѣкаго безсмертнаго центра: тамъ засѣло, вѣдь, „я“; и любая доска, сорвавшись не во̀-время, этотъ центръ могла придавить: придавить окончательно; можетъ быть, подъ вліяніемъ этой воспринятой мысли Аполлонъ Аполлоновичъ пробѣжалъ быстро-быстро къ тому отдаленному столику, пробарабанилъ на немъ двумя пальцами, въ то время, какъ Николай Аполлоновичъ, наступая, виновато смѣялся:

— „Было, знаешь ли, весело... Танцовали мы, знаешь ли...“

А самъ-то онъ думалъ: кожа, кости да кровь, безъ единаго мускула; да, но эта преграда—кожа, кости да кровь—по велѣнью судьбы должна разорваться на части; если это будетъ сегодня избѣгнуто, будетъ съ завтрашнимъ вечеромъ опять набѣгать, чтобы завтрашней ночью...

Тутъ Аполлонъ Аполлоновичъ, поймавшій въ блистающемъ зеркалѣ т о т ъ с а м ы й взглядъ исподлобья, повернулся на каблучкахъ и поймалъ кончикъ фразы.

— „Потомъ, знаешь ли, мы играли въ p e t i t - j e u“.

Аполлонъ Аполлоновичъ, глядя на сына въ упоръ, ничего не отвѣтилъ; и т о т ъ с а м ы й взглядъ исподлобья уперся въ паркетики пола... Аполлонъ Аполлоновичъ вспомнилъ: вѣдь, этотъ посторонній „Петрушка“ былъ маленькимъ тѣльцемъ; тѣльце это, бывало, онъ съ отеческой нѣжностью таскалъ на рукахъ; бѣлокудрый мальченочекъ, надѣвъ колпачекъ изъ бумаги, взбирался на шею. Аполлонъ Аполлоновичъ, детонируя и срываясь, съ хрипотой напѣвалъ:

„Дурачекъ-простачекъ,
Коленька танцуетъ;
Онъ надѣлъ колпачекъ,
На конѣ гарцуетъ.

Digitized by Microsoft®

Послѣ онъ подносилъ ребенка вотъ къ этому зеркалу; въ зеркалѣ отражались и старый, и малый; онъ показывалъ мальчику отраженія, приговаривая:

— „Посмотри-ка, сыночекъ: чужіе тамъ...“

Иногда Коленька плакалъ и потомъ кричалъ по ночамъ. А теперь, а теперь? Аполлонъ Аполлоновичъ увидѣлъ не тѣльце, а тѣло: чужое, большое... Чужое ли?

Аполлонъ Аполлоновичъ зациркулировалъ по гостиной, и впередъ, и назадъ:

— „Видишь ли, Коленька...“

Аполлонъ Аполлоновичъ опустился въ глубокое кресло.

— „Мнѣ, Коленька, надо... То-есть, не мнѣ, а—надѣюсь—намъ надо... надо съ тобой объясниться: располагаешь ли ты сейчасъ достаточнымъ временемъ? Вопросъ, и волнующій, заключается въ томъ, что“... Аполлонъ Аполлоновичъ споткнулся на полусловѣ, подбѣжалъ снова къ зеркалу (въ это время забили куранты), и изъ зеркала на Николая Аполлоновича посмотрѣла смерть въ сюртукѣ, поднялся укоризненный взоръ, пробарабанили пальцы; и зеркало съ хохотомъ лопнуло: поперекъ его молніей съ легкимъ хрустомъ пролетѣла кривая игла; и застыла навѣки тамъ серебристымъ зигзагомъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ бросилъ взоры на зеркало, и зеркало раскололось; суевѣры сказали бы:

— „Дурной знакъ, дурной знакъ...“

Кончено, совершилось: разговоръ предстоялъ:

Николай Аполлоновичъ всѣми способами, очевидно, старался на возможно большее время оттянуть объясненіе; а съ сегодняшней ночи объясненіе было излишне: все и такъ объяснилось бы. Николай Аполлоновичъ пожалѣлъ, что онъ во-время не удралъ изъ гостиной (уже сколько часовъ агонія все тянется, тянется: и подъ сердцемъ его что-то пухнетъ, пухнетъ и пухнетъ); въ своемъ ужасѣ онъ испытывалъ странное сладострастіе: отъ отца не могъ оторваться.

— „Да, папаша: я, признаться сказать, объясненія нашего ждалъ“.

Digitized by Microsoft ®

— „Аа... ты ждалъ?“

— „Да, я ждалъ“.

— „Ты свободенъ?“

— „Да, я свободенъ“.

Отъ отца не могъ оторваться: передъ нимъ... Но здѣсь я долженъ сдѣлать краткое отступленіе.

О, достойный читатель: мы явили наружность носителя брилліантовыхъ знаковъ въ утрированныхъ, слишкомъ рѣзкихъ чертахъ, но безъ всякаго юмора; мы явили наружность носителя брилліантовыхъ знаковъ лишь такъ, какъ она предстояла бы всякому постороннему наблюдателю,—а вовсе не такъ, какъ она несомнѣнно открылась бы и себѣ, и намъ: мы, вѣдь, къ ней присмотрѣлись; мы проникли въ до-нельзя потрясенную душу и въ ярые вихри сознанія; не мѣшаетъ же напомнить читателю видъ той самой наружности въ самыхъ общихъ чертахъ, потому что мы знаемъ: каковъ видимый видъ, такова же и суть. Здѣсь достаточно лишь замѣтить, что если бы эта суть намъ предстала, что если бы передъ нами промчались всѣ эти вихри сознанія, разорвавши лобныя кости, и если бы мы могли холодно вскрыть синія сухожильныя вздутія, то... Но—молчаніе. Словомъ, словомъ: посторонній взоръ здѣсь увидѣлъ бы, на этомъ вотъ мѣстѣ, остовъ старой гориллы, затянутый въ сюртукъ...

— „Да, я свободенъ...“

— „Въ такомъ случаѣ, Коленька, пойди къ себѣ въ комнату: соберись прежде съ мыслями. Если ты найдешь въ себѣ нѣчто, что̀ не мѣшало бы намъ обсудить, приходи ко мнѣ въ кабинетъ“.

— „Слушаю, папа...“

— „Да, кстати: сними съ себя эти балаганныя тряпки... Говоря откровенно, мнѣ все это крайне не нравится...

— „?“

— „Да, крайне не нравится! Не нравится въ высшей степени!!“

Аполлонъ Аполлоновичъ уронилъ свою руку; двѣ желтыхъ костяшки отчетливо пробарабанили на ломберномъ столикѣ.

Digitized by Microsoft®

— „Собственно“, — запутался Николай Аполлоновичъ, — „собственно, надо бы мнѣ...“

Но хлопнула дверь: Аполлонъ Аполлоновичъ процирку-лировалъ въ кабинетикъ.

У столика.

Николай Аполлоновичъ такъ и остался у столика: его взоры забѣгали по листикамъ бронзовой инкрустаціи, по коробочкамъ, полочкамъ, выходящимъ изъ стѣнъ. Да, вотъ тутъ онъ игралъ; тутъ подолгу онъ сиживалъ — на этомъ вотъ креслѣ, гдѣ на блѣдно-атласной лазури сидѣнья завивались гирляндочки; и все такъ же, какъ прежде, висѣла копія съ картины Давида „Distribution des aigles par Napoléon Premier“. Картина изображала великаго императора въ вѣнкѣ и въ порфирѣ, простиравшаго руку къ собранію маршаловъ.

Что онъ скажетъ отцу? Снова мучительно лгать? Лгать, когда уже ложь безполезна? Лгать, когда его положеніе нынѣ исключаетъ всякую ложь? Лгать... Николай Аполлоновичъ вспомнилъ, какъ лгалъ онъ въ годы далекаго дѣтства.

Вотъ и рояль, стильный, желтый: прикоснулся къ паркету узкихъ ножекъ колесиками. Какъ, бывало, садилась здѣсь матушка, Анна Петровна, какъ старые звуки Бетховена потрясали здѣсь стѣны: старинная старина, взрываясь и жалуясь звуками, тѣмъ же вставала томленіемъ въ младенческомъ сердцѣ, что и блѣднѣющій мѣсяцъ, который восходитъ, весь красный, и выше возноситъ надъ городомъ свою блѣдно-палевую печаль...

Не пора ли итти объясняться—въ чемъ объясняться?

Въ этотъ мигъ въ окна глянуло солнце; солнце, яркое солнце бросало тамъ сверху свои мечевидные свѣточи: золотой тысячерукій титанъ изъ старины бѣшено занавѣшивалъ пустоту, освѣщая и шпицы, и крыши, и струи, и камни, и къ стеклу приникающій божественный, склеротическій лобъ; золотой, тысячерукій титанъ нѣмо плакался тамъ на

Digitized by Microsoft ®

свое одиночество: „Приходите, идите ко мнѣ—къ старинному солнцу!“

Но солнце ему показалось громаднѣйшимъ тысячелапымъ тарантуломъ, съ сумасшедшею страстностью нападавшимъ на землю...

И невольно Николай Аполлоновичъ зажмурилъ глаза, потому что все вспыхнуло: вспыхнулъ ламповый абажуръ; ламповое стекло осыпалось аметистами; искорки разблистались на крылѣ золотого амура (амуръ подъ зеркальной поверхностью свое тяжелое пламя просунулъ въ золотые розаны вѣнка); вспыхнула поверхность зеркалъ—да: зеркало раскалолось.

Суевѣры сказали бы:

— „Дурной знакъ, дурной знакъ...“

Въ это время, среди всего золотого и яркаго, за спиной Аблеухова встало неяркое очертаніе; по всему такому нѣмому, какъ солнечный зайчикъ, пробѣжало явственно бормотаніе.

— „А какъ же... мы...“

Николай Аполлоновичъ поднялъ свой ликъ...

— „Какъ же мы... съ барыней?“

И увидѣлъ Семеныча.

Про возвращеніе матери онъ и вовсе забылъ; а она, мать, возвратилась; возвратилась съ ней старина—съ церемонностью, сценами, съ дѣтствомъ и съ двѣнадцатью гувернантками, изъ которыхъ каждая собою являла олицетворенный кошмаръ.

— „Да... Не знаю я, право...“

Передъ нимъ Семенычъ озабоченно пожевывалъ свои старыя губы.

— „Барину, что ли, докладывать?“

— „Развѣ папаша не знаетъ?“

— „Не осмѣлился я...“

— „Такъ идите, скажите...“

— „Ужъ пойду... Ужъ скажу...“

И Семенычъ пошелъ въ корридоръ.

Digitized by Microsoft®

Старое возвращалось: нѣтъ, старое не вернется; если старое возвращается, то оно глядитъ по-иному. И старое на него поглядѣло—ужасно!

Все, все, все: этотъ солнечный блескъ, стѣны, тѣло, душа—все провалится; все ужъ валится, валится; и—будетъ: бредъ, бездна, бомба.

Бомба—быстрое расширеніе газовъ... Круглота расширенія газовъ вызвала въ немъ одну позабытую дикость, и безвластно изъ легкихъ его въ воздухъ вырвался вздохъ.

Въ дѣтствѣ Коленька бредилъ; по ночамъ иногда передъ нимъ начиналъ попрыгивать эластичный комочекъ, не то—изъ резины, не то—изъ матеріи очень странныхъ міровъ; эластичный комочекъ, касаясь пола, вызывалъ на полу тихій лаковый звукъ: пéппъ-пеппéпъ; и опять: пéппъ-пеппéпъ. Вдругъ комочекъ, разбухая до ужаса, принималъ всю видимость шаровиднаго толстяка-господина; господинъ же толстякъ, ставъ томительнымъ шаромъ,—все ширился, ширился ширился и грозилъ окончательно навалиться, чтобъ лопнуть.

И пока надувался онъ, становясь томительнымъ шаромъ, чтобъ лопнуть, онъ попрыгивалъ, багровѣлъ, подлеталъ, на полу вызывая тихій, лаковый звукъ:

— „Пѐппъ...“

— „Пéпповичъ...“

— „Пéппъ...“

И онъ разрывался на части.

А Николенька, весь въ бреду, принимался выкрикивать праздныя ерундовскія вещи—все о томъ, объ одномъ: что и онъ округляется, что и онъ—круглый ноль; все въ немъ нолилось—ноллилось—ноллл...

Гувернантка же, Каролина Карловна, въ ночной бѣлой кофточкѣ, съ чертовскими папильотками въ волосахъ, принявшихъ оттѣнокъ съ нимъ только-что бывшаго ужаса,—на крикъ вскочившая изъ своей пуховой постели балтійская нѣмка,—Каролина Карловна на него сердито смотрѣла изъ желтаго круга свѣчи, а кругъ—ширился, ширился, ширился. Каролина же Карловна повторяла множество разъ:

Digitized by Microsoft ®

— „Успокойсія, малинка Колинка: это—ростъ...“

Не глядѣла, а—карлилась; и не ростъ—расширеніе: ширился, пучился, лопался:—

Пе́ппъ Пе́пповичъ Пе́ппъ...

— „Что я, брежу?“

Николай Аполлоновичъ приложилъ ко лбу свои холодные пальцы: будетъ—бредъ, бездна, бомба.

А въ окнѣ, за окномъ—издалека-далека, гдѣ принизились берега, гдѣ покорно присѣли холодныя островныя зданія, нѣмо, остро, мучительно, немилосердно блистая, уткнулся въ высокое небо петропавловскій шпицъ.

По корридору прошелъ шагъ Семеныча. Медлить нечего: родитель, Аполлонъ Аполлоновичъ, его ждетъ.

Карандашныя пачки.

Кабинетъ сенатора былъ простъ чрезвычайно; посреди, конечно, высился столъ; и это не главное; несравненно важнѣе здѣсь вотъ что̀: шли шкафы по стѣнамъ; справа шкафъ—первый, шкафъ—третій, шкафъ—пятый; слѣва: второй, четвертый, шестой; полныя полки ихъ гнулись подъ планомѣрно разставленной книгою; посединѣ же стола лежалъ курсъ „Планиметріи“.

Аполлонъ Аполлоновичъ предъ отходомъ къ сну обычно развертывалъ книжечку, чтобы сну непокорную жизнь въ своей головѣ успокоить въ созерцаніи блаженнѣйшихъ очертаній: параллелепипедовъ, параллелограммовъ, конусовъ, кубовъ и пирамидъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ опустился въ черное кресло; спинка кресла, обитая кожею, всякаго бы манила откинуться, а тѣмъ болѣе бы манила откинуться безсоннымъ томительнымъ утромъ. Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ самъ съ собой чопоренъ; и томительнымъ утромъ онъ сидѣлъ надъ столомъ, совершенно прямой, поджидая къ себѣ своего негоднаго сына. Въ ожиданіи-жъ сына онъ выдвинулъ ящичекъ; тамъ подъ литерой р онъ досталъ дневничокъ, оза-

Digitized by Microsoft®

главленный „Наблюденія“; и туда, въ „Наблюденія“, сталъ записывать онъ свои опытомъ искушенныя мысли. Перо заскрипѣло: „Государственный человѣкъ отличается гуманизмомъ... Государственный человѣкъ...“

Наблюденіе начиналось отъ прописи; но на прописи его оборвали; за спиной его раздался испуганный вздохъ; Аполлонъ Аполлоновичъ позволилъ себѣ сильнѣйшій нажимъ, повернувшись (перо обломалось), онъ увидѣлъ Семеныча.

— „Баринъ, ваше высокопревосходительство... Осмѣлюсь вамъ доложить (давеча-то запамятовалъ)...“

— „Что̀ такое!“

— „А такое, что—иии... Какъ сказать-то, не знаю...“

— „А—такъ-съ, такъ-съ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ вырѣзался всѣмъ корпусомъ, являясь для внѣшняго наблюденія совершеннѣйшимъ сочетаньемъ изъ линій: сѣрыхъ, бѣлыхъ и черныхъ; и казался офортомъ.

— „Да вотъ-съ: барыня наша-съ,—осмѣлюсь вамъ доложить,—Анна Петровна-съ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ сердито вдругъ повернулъ къ лакею свое громадное ухо...

— „Что̀ такое—аа?.. Говорите громче: не слышу“.

Дрожащій Семенычъ склонился къ самому блѣдно-зеленому уху, глядящему на него выжидательно:

— „Барыня... Анна Петровна-съ... Вернулись...

— „?..“

— „Изъ Гишпаніи—въ Питербурхъ...“

. . . . . .

— „Такъ-съ, такъ-съ: очень хорошо-съ!..“

. . . . . .

— „Письмецо съ посыльнымъ прислали-съ...“

— „Остановились въ гостиницѣ...“

— „Только-что ваше высокопревосходительство изволили выѣхать-съ, какъ посыльный-съ, съ письмомъ-съ...“

— „Ну, письмо я на столъ, а посыльному въ руку—двугривенный...“

Digitized by Microsoft®

— „Не прошло еще часу, вдругъ: слышу я іетта—звонятся...“

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ, положивши руку на руку, сидѣлъ въ совершенномъ безстрастіи, безъ движенья; казалось, сидѣлъ онъ безъ мысли: равнодушно взглядъ его падалъ на книжные корешки; съ книжнаго корешка золотѣла внушительно надпись: „Сводъ Россійскихъ Законовъ. Томъ первый“. И далѣе: „Томъ второй“. На столѣ лежали пачки бумагъ, золотѣла чернильница, примѣчались ручки и перья; на столѣ стояло тяжелое прессъ-папье въ видѣ толстой подставочки, на которой серебряный мужичекъ (вѣрноподданный) поднималъ во здравіе брàтину. Аполлонъ Аполлоновичъ передъ перьями, передъ ручками, передъ пачечками бумагъ, скрестивъ руки, сидѣлъ безъ движенья, безъ дрожи...

. . . . . .

— „Отворяю я, ваше высокопревосходительство, дверь: неизвѣстная барыня, почтенная барыня...“

— „Я это имъ: „Чего угодно?..“ Барыня же на меня: „Митрій Семенычъ...“

— „Я же къ ручкѣ: Матушка, молъ, Анна Петровна...“

— „Посмотрѣли они, да и въ слезы...“

— „Говорятъ: „Вотъ хочу посмотрѣть, какъ вы тутъ безъ меня...“

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ ничего не отвѣтилъ, но снова выдвинулъ ящикъ, вынулъ дюжину карандашиковъ (очень-очень дешевыхъ), взялъ пару ихъ въ пальцы—и захрустѣла въ пальцахъ сенатора карандашная палочка. Аполлонъ Аполлоновичъ иногда выражалъ свою душевную муку этимъ способомъ: ломалъ карандашныя пачки, для этого случая тщательно содержимыя въ ящикѣ подъ литерой б е.

— „Хорошо... Можете итти...“

. . . . . .

Но хрустя карандашными пачками, все же онъ достойно сумѣлъ сохранить безпристрастный свой видъ; и никто, ни-

Digitized by Microsoft®

кто не сказалъ бы, что чопорный баринъ, незадолго до этого мига, задыхаясь и чуть ли не плача, провожалъ по слякоти кухаркину дочь; никто, никто-бъ не сказалъ, что огромная лобная выпуклость такъ недавно таила желанье смести непокорныя толпы, опоясавши землю, какъ цѣпью, желѣзнымъ проспектомъ.

А когда Семенычъ ушелъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, бросивъ въ корзинку обломки карандашей, откинулся головой прямо къ спинкѣ чернаго кресла: старое личико помолодѣло; быстро онъ сталъ поправлять на шеѣ свой галстукъ; быстро какъ-то вскочилъ и забѣгалъ, циркулируя отъ угла до угла: небольшого росточку и какой-то вертлявенькій, Аполлонъ Аполлоновичъ всѣмъ напомнилъ бы сына: еще болѣе онъ напомнилъ фотографическій снимокъ съ Николая Аполлоновича тысяча девятьсотъ четвертаго года.

Въ это время изъ дальняго помѣщенія, изъ—такъ себѣ—комнатъ, раздался ударъ за ударомъ; начинаясь гдѣ-то вдали, приближались удары; точно кто-то тамъ шелъ, металлическій, грозный; и раздался ударъ, раздробляющій все. Аполлонъ Аполлоновичъ невольно остановился и хотѣлъ бѣжать къ двери, запереть на ключъ кабинетъ, но... задумался, остался на мѣстѣ, потому что ударъ, раздробляющій все, оказался звукомъ захлопнутой двери (звукъ шелъ изъ гостиной); несказанно мучительно шелъ кто-то къ двери, громко кашляя и шлепая неестественно туфлями: страшная старина, какъ на насъ изъ глубинъ набѣгающій вопль, вдругъ окрѣпла въ памяти звуками стародавняго пѣнія, подъ которое Аполлонъ Аполлоновичъ нѣкогда впервые влюбился въ Анну Петровну: „Уйми-теесь... ваалнее-нія... стра-ааа-стии...“

— „Уу-снии... бее-знааа-дее-жнаа-ее сее-еее-рдце...“

— „Такъ почему же, такъ что же?“

Дверь отворилась: на порогѣ ея стоялъ Николай Аполлоновичъ, въ мундирчикѣ, даже при шпагѣ (такъ онъ былъ на балу, только снялъ домино), но въ туфляхъ и въ пестрой татарской ермолкѣ.

— „Вотъ, папаша, и я...“

Digitized by Microsoft ®

Лысая голова повернулась на сына; ища подходящаго слова, защелкалъ онъ пальцами:

— „Видишь ли, Коленька", — Аполлонъ Аполлоновичъ, вмѣсто рѣчи о домино (до домино ли теперь?), заговорилъ о другомъ обстоятельствѣ: объ обстоятельствѣ, принудившемъ только-что его обратиться къ перевязанной пачкѣ карандашей.

— „Видишь ли, Коленька: до сихъ поръ я съ тобой не обмѣнялся извѣстіемъ, о которомъ ты, мой другъ, безъ сомнѣнія, слышалъ... Твоя мать, Анна Петровна, вернулась..."

Николай Аполлоновичъ вздохнулъ облегченно и подумалъ: „Такъ вотъ оно что", но притворился взволнованнымъ:

— „Какъ же, какъ же: я—знаю..."

Дѣйствительно: въ первый разъ Николай Аполлоновичъ себѣ точно представилъ, что мать его, Анна Петровна, вернулась; но, представивши это, принялся за старое: за созерцаніе вдавленной груди, шеи, пальцевъ, ушей, подбородка передъ нимъ бѣгущаго старика... Эти ручки, та шейка (какая-то рачья)! Испуганный, переконфуженный видъ и чисто дѣвичья стыдливость, съ которой старикъ...

— „Анна Петровна, другъ мой, совершила поступокъ, который... который... такъ сказать, трудно... трудно мнѣ, Коленька, съ достаточнымъ хладнокровіемъ квали-фицировать..."

Что-то въ углу зашуршало: затрепеталась, забилась тамъ, пискнула—мышь.

— „Словомъ, поступокъ этотъ тебѣ, надѣюсь, извѣстенъ; этотъ поступокъ я до сихъ поръ,—ты это замѣтилъ,—воздерживался при тебѣ обсуждать, во вниманіе къ твоимъ естественнымъ чувствамъ..."

Естественнымъ чувствамъ! Чувства эти были во всякомъ случаѣ неестественны...

— „Къ твоимъ естественнымъ чувствамъ..."

— „Да, спасибо, папаша: я васъ понимаю..."

— „Конечно", — Аполлонъ Аполлоновичъ засунулъ два пальца въ жилетный карманчикъ и снова забѣгалъ по діа-

гонали (отъ угла къ углу).—Конечно: возвращеніе въ Петербургъ твоей матери для тебя неожиданность".

(Аполлонъ Аполлоновичъ остановилъ взглядъ на сынѣ, приподнявшись на ципочкахъ).

— „Полная..."

— „Неожиданность для всѣхъ насъ..."

— „Кто бы могъ подумать, что мама вернется..."

— „То же самое и я говорю: кто бы могъ подумать",— Аполлонъ Аполлоновичъ растерянно развелъ руками, поднялъ плечи, раскланялся передъ поломъ,—„что Анна Петровна вернется..."—И забѣгалъ опять:—„Эта полная неожиданность можетъ окончиться, какъ ты имѣешь всѣ основанія полагать, измѣненіемъ (Аполлонъ Аполлоновичъ многозначительно поднялъ свой палецъ, гремя на всю комнату басомъ, точно онъ предъ толпой произносилъ важную рѣчь) нашего домашняго status quo; или же (онъ повернулся) все останется по-старинному"

— „Да, я такъ полагаю..."

— „Въ первомъ случаѣ—милости просимъ".

Аполлонъ Аполлоновичъ раскланялся двери.

— „Во второмъ случаѣ, — Аполлонъ Аполлоновичъ растерянно заморгалъ, — ты ее увидишь, конечно, но я... я... я..."

И Аполлонъ Аполлоновичъ поднялъ на сына глаза; глаза были грустные: глаза трепетавшей, затравленной лани:

— „Я, Коленька, право, не знаю: но думаю... Впрочемъ, это такъ трудно тебѣ объяснить, принявъ во вниманіе естественность чувства, которое..."

Николай Аполлоновичъ затрепеталъ отъ взгляда сенатора, съ которымъ тотъ къ нему повернулся, и странное дѣло: онъ почувствовалъ неожиданный приливъ — можете себѣ представить чего? Любви? Да, любви къ этому старому деспоту, обреченному разлетѣться на части.

Подъ вліяніемъ этого чувства онъ рванулся къ отцу: еще мигъ, онъ упалъ бы предъ нимъ на колѣни, чтобъ каяться и молить о пощадѣ; но старикъ, при видѣ встрѣчнаго дви-

Digitized by Microsoft®

женія сына, вновь поджалъ свои губы, отбѣжалъ какъ-то вбокъ и брезгливо сталъ помахивать ручками:

— „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Оставьте, пожалуйста... Да-съ, я знаю, что̀ надо вамъ!.. Вы меня слышали: потрудитесь теперь меня оставить въ покоѣ“.

Повелительно по столу простучали два пальца; рука поднялась и показала на дверь:

— „Вы, милостивый государь, изволите водить меня за носъ; вы, милостивый государь, мнѣ не сынъ; вы—ужаснѣйшій негодяй!“

Все это Аполлонъ Аполлоновичъ не сказалъ, а воскликнулъ; эти слова вырвались неожиданно. Николай Аполлоновичъ не помнилъ, какъ онъ выскочилъ въ корридоръ съ прежнею тошнотой и съ теченіемъ гадливенькихъ мыслей: эти пальцы, та шейка и два оттопыренныхъ уха станутъ—кровавою слякотью.

Пе́ппъ Пе́пповичъ Пе́ппъ.

Чуть ли не лбомъ Николай Аполлоновичъ ударился въ дверь своей комнаты; и вотъ щелкнуло электричество (для чего оно щелкнуло—солнце, солнце смотрѣло тамъ въ окна); на ходу опрокинувши стулъ, подбѣжалъ онъ къ столу:

— „Ай, ай, ай... Гдѣ же ключикъ?“

— „?“

— „!“

— „А!..“

— „Ну, вотъ-съ...“

— „Хорошо-съ...“

Николай Аполлоновичъ такъ же, какъ Аполлонъ Аполлоновичъ, самъ съ собой разговаривалъ.

И—да: торопился... Выдвигалъ неподатливый ящикъ, а ящикъ не слушался; онъ изъ ящика кинулъ на столъ пачечки перевязанныхъ писемъ; большой кабинетный портретъ оказался подъ пачками; взглядъ скользнулъ по портрету; и оттуда бросила отвѣтный свой взглядъ какая-то миловидная

Digitized by Microsoft®

дамочка: поглядѣла съ усмѣшкой—въ сторону полетѣлъ кабинетный портретъ; подъ портретомъ же былъ узелочекъ; съ дѣланнымъ равнодушіемъ взвѣсилъ его на ладони: тамъ была какая-то тяжесть; поскорѣй опустилъ.

Николай Аполлоновичъ быстро сталъ развязывать узлы полотенца, потянувши за вышитый кончикъ, изображавшій фазана: небольшого росточку — вертлявенькій — Николай Аполлоновичъ теперь напомнилъ сенатора: еще болѣе онъ напомнилъ фотографическій снимокъ сенатора тысяча восемьсотъ шестидесятаго года.

Но чего суетился онъ? Спокойствія, о, побольше спокойствія! Все равно, дрожащіе пальцы не развязали узла; да и нечего было развязывать: все и такъ было ясно. Тѣмъ не менѣе, узелокъ развязалъ; его изумленіе не имѣло границъ:

— „Бонбоньерка...“

— „А!..“

— „Ленточка!..“

— „Скажите, пожалуйста?“

Николай Аполлоновичъ такъ же, какъ Аполлонъ Аполлоновичъ, самъ съ собой разговаривалъ.

А когда онъ ленту сорвалъ, то надежда разбилась (онъ на что-то надѣялся), потому что въ ней—въ бонбоньеркѣ, подъ розовой ленточкой — вмѣсто сладкихъ конфектъ отъ Баллэ заключалась простая жестяночка; крышка жестяночки обожгла его палецъ непріятнѣйшимъ холодкомъ.

Тутъ, попутно, замѣтилъ онъ часовой механизмъ, придѣланный сбоку: надо было сбоку вертѣть металлическимъ ключикомъ, чтобы острая черная стрѣлка стала на назначенный часъ. Николай Аполлоновичъ глухо почувствовалъ встающую въ его сознаньи увѣренность, долженствующую доказать его дрянность и слабость: онъ почувствовалъ, что повернуть этотъ ключикъ никогда онъ не сможетъ, ибо не было средствъ остановить пущенный въ ходъ механизмъ. И чтобъ тутъ же отрѣзать себѣ всякое дальнѣйшее отступленіе, Николай Аполлоновичъ тотчасъ же заключилъ метал-

Digitized by Microsoft ®

лическій ключикъ межъ пальцевъ; оттого ли, что дрогнули пальцы, оттого ли, что Николай Аполлоновичъ, почувствовавъ головокруженіе, свалился въ ту самую бездну, которую онъ хотѣлъ всею силой души избѣжать—только, только: ключикъ медленно повернулся на часъ, потомъ повернулся на два часа, а Николай Аполлоновичъ... сдѣлалъ невольное антраша: отлетѣлъ какъ-то въ сторону; отлетѣвъ какъ-то въ сторону, онъ опять покосился на столикъ: такъ же все на столѣ продолжала стоять жестяная коробочка изъ-подъ жирныхъ сардинокъ (онъ однажды объѣлся сардинками и съ тѣхъ поръ ихъ не ѣлъ); сардинница, какъ сардинница: блестящая, круглогранная....

Нѣтъ—нѣтъ—нѣтъ!

Не сардинница, а сардинница ужаснаго содержанія!

Металлическій ключикъ уже повернулся на два часа, и особая, уму непостижная жизнь въ сардинницѣ уже вспыхнула; и сардинница хоть и та-жъ — да не та; тамъ навѣрно ползутъ: часовая и минутная стрѣлки; суетливая секундная волосинка заскакала по кругу, вплоть до мига (этотъ мигъ теперь недалекъ)—до мига, до мига, когда...—

— ужасное содержанье сардинницы безобразно вдругъ вспучится; кинется—расширяться безъ мѣры; и тогда и тогда: разлетится сардинница....

— струи ужаснаго содержанія какъ-то прытко раскинутся по кругамъ, разрывая на части съ бурнымъ грохотомъ столикъ: что-то лопнетъ въ немъ, хлопнувъ, и тѣло—будетъ тоже разорвано; вмѣстѣ съ щепками, вмѣстѣ съ брызнувшимъ во всѣ стороны газомъ оно разбросается омерзительной кровавою слякотью на стѣнныхъ холодныхъ камняхъ...—

Digitized by Microsoft®

— въ сотую долю секунды все то совершится: въ сотую долю секунды провалятся стѣны, а ужасное содержаніе, ширясь, ширясь и ширясь, свиснетъ въ тусклое небо щепками, кровью и камнемъ.

Въ тусклое небо стремительно разовьются косматые дымы, впустивъ хвосты на Неву.

Что̀-жъ онъ сдѣлалъ, что̀ сдѣлалъ онъ?

На столѣ, вѣдь, пока еще все стояла коробочка; разъ онъ ключъ повернулъ, надо было немедленно схватить ту коробочку, положить ее на должное мѣсто (напримѣръ—въ бѣлой спаленкѣ подъ подушку); или тотчасъ же раздавить подъ пятою. Но упрятать ее въ должномъ мѣстѣ, подъ взбитой отцовской подушкою, чтобы старая, лысая голова, утомленная только-что бывшимъ, упала съ размаху на бомбу,— нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: на это онъ неспособенъ; предательство это.

Раздавить подъ пятой?

Но при этой мысли ощутилъ онъ нѣчто такое, отъ чего его уши положительно дернулись: онъ испытывалъ столь огромную тошноту (отъ семи выпитыхъ рюмокъ), точно бомбу онъ проглотилъ, какъ пилюлю; и теперь подъ ложечкой что-то вспучилось: не то — изъ резины, не то — изъ матеріи очень странныхъ міровъ...

Никогда не раздавитъ онъ, никогда.

Остается бросить въ Неву, но на это есть время: стоитъ только разъ двадцать повернуть еще ключикъ; и п о к а все отсрочится; разъ онъ ключъ повернулъ, надо было немедленно растянуть то п о к а; но онъ медлилъ, въ совершенномъ безсиліи опустившись въ кресло; тошнота, странная слабость, дремота одолѣвали ужасно; а ослабшая мысль, отрываясь отъ тѣла, рисовала безсмысленно Николаю Аполлоновичу все какія-то дрянныя, праздныя, безсильныя арабески... погружаясь въ дремоту.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ былъ человѣкъ просвѣщенный; Николай Аполлоновичъ не безсмысленно посвятилъ филосо-

Digitized by Microsoft ®

фіи свои лучшіе годы жизни; предразсудки съ него посвалились давно, и Николай Аполлоновичъ былъ рѣшительно чуждъ волхвованію и всяческимъ кудесамъ; волхвованіе и всякія чудеса затемняли (почему онъ думаетъ о постороннемъ, надо думать объ этомъ... О чемъ думать? Николай Аполлоновичъ силился изъ дремоты возстать; и возстать онъ не могъ)... затемняли... всякія чудеса... представленіе объ источникѣ совершенства; для философа источникомъ совершенства была Мысль: такъ сказать, богъ, то-есть, Совершенное Правило... Законодатели же великихъ религій разнообразныя правила выражали въ образной формѣ; законодателей великихъ религій Николай Аполлоновичъ, такъ сказать, уважалъ, не вѣря, само собой разумѣется, ихъ божественной сущности.

Да: почему о религіи? Есть ли время подумать... Вѣдь, совершилось: скорѣй... Что совершилось?.. Послѣднее усиліе Николая Аполлоновича возстать изъ дремоты не увѣнчалось успѣхомъ; ни о чемъ онъ не вспомнилъ; все показалось спокойнымъ... до обыденности, и ослабшая его мысль, отрываясь отъ тѣла, рисовала безсмысленно все какія-то дрянныя, праздныя, безсильныя арабески.

Будду Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ особенно уважалъ, полагая, что буддизмъ превзошелъ всѣ религіи и въ психологическомъ, и въ теоретическомъ отношеніи; въ психологическомъ—научая любить и животныхъ; въ теоретическомъ: логика развивалась любовно тибетскими ламами. Такъ: Николай Аполлоновичъ вспомнилъ, что онъ когда-то читалъ логику Дармакирти съ комментаріемъ Дармотарры...

Это—во-первыхъ.

Во-вторыхъ: во-вторыхъ (замѣчаемъ мы отъ себя), Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ человѣкъ безсознательный (не Николай Аполлоновичъ номеръ первый, а Николай Аполлоновичъ номеръ второй); отъ поры до поры, между двухъ подъѣздныхъ дверей на него нападало (какъ и на Аполлона Аполлоновича) одно странное, очень странное, чрезвычайно странное состояніе: будто все, что было за

Digitized by Microsoft®

дверью, было не тѣмъ, а инымъ; какимъ, — этого Николай Аполлоновичъ сказать бы не могъ. Вообразите лишь, что за дверью—нѣтъ ничего, и что если дверь распахнуть, то дверь распахнется въ пустую, космическую безмѣрность, куда остается... развѣ что кинуться внизъ головой, чтобъ летѣть, летѣтъ и летѣть—и куда пролетѣвши, узнаешь, что та безмѣрность есть небо и звѣзды — тѣ же небо и звѣзды, что̀ видимъ мы надъ собой, и видя — не видимъ. Туда остается летѣть мимо странно недвижныхъ, теперь немерцающихъ звѣздочекъ и багровыхъ планетныхъ шаровъ — въ абсолютномъ нолѣ, въ атмосферѣ двухсотъ семидесяти трехъ градусовъ холода. То же Николай Аполлоновичъ испытывалъ вотъ теперь.

Странное, очень странное полусонное состояніе.

Страшный судъ.

Вотъ въ такомъ состояніи онъ сидѣлъ передъ сардинницей: видѣлъ—не видѣлъ онъ; слышалъ—не слышалъ; будто въ ту неживую минуту, когда въ черное объятіе кресла грянулось это усталое тѣло, грянулся этотъ духъ прямо съ паркетиковъ пола въ неживое какое-то море, въ абсолютный нуль градусовъ; и видѣлъ—не видѣлъ: нѣтъ, видѣлъ. Когда усталая голова склонилась неслышно на столъ (на сардинницу), то въ открытую дверь корридора глядѣлось бездонное, странное, что̀ Николай Аполлоновичъ постарался откинуть, переходя къ текущему дѣлу: къ далекому астральному путешествію, или сну (что̀, замѣтимъ мы—то же); а открытая дверь продолжала зіять средь текущаго, открывая въ текущее свою нетекущую глубину: космическую безмѣрность.

Николаю Аполлоновичу чудилось, что изъ двери, стоя въ безмѣрности, на него поглядѣли, что какая-то тамъ просовывалась голова (стоило на нее поглядѣть, какъ она исчезала): голова какого-то б о г а (Николай Аполлоновичъ эту голову отнесъ бы къ головамъ деревянныхъ божковъ, какихъ встрѣтите вы и понынѣ у сѣверовосточныхъ народностей,

Digitized by Microsoft ®

искони населяющихъ тусклыя тундры Россіи). Вѣдь, такимъ же точно божкамъ, можетъ быть, въ старинныя времена поклонялись его киргизъ-кайсацкіе предки; эти киргизъ-кайсацкіе предки, по преданію, находились въ сношеніи съ тибетскими ламами; въ крови Абъ-Лай-Уховыхъ они копошились изрядно. Не оттого ли Николай Аполлоновичъ могъ испытывать нѣжность къ буддизму? тутъ сказалась наслѣдственность; наслѣдственность приливала къ сознанію; въ склеротическихъ жилахъ наслѣдственность билась милліонами кровяныхъ желтыхъ шариковъ. И теперь, когда открытая дверь Аблеухову показала безмѣрность, онъ отнесся къ этому весьма странному обстоятельству съ достойнымъ хладнокровіемъ (вѣдь, это ужъ было): опустилъ въ руки голову.

Мигъ, — и онъ бы спокойно отправился въ обычное астральное путешествіе, развивая отъ бренной своей оболочки туманный, космическій хвостъ, проницающій стѣны въ безмѣрное, но сонъ оборвался: несказанно, мучительно, нѣмо шелъ кто-то къ двери, взрывая вѣтрами небытія: страшная старина, какъ на насъ налетающій вопль бѣгущаго таксомотора, вдругъ окрѣпла звуками стариннаго пѣнія.

Это пѣніе Николай Аполлоновичъ вѣрнѣй отгадалъ, чѣмъ узналъ:

— „Уймии-теесь... ваа-лнее-нія страа-аа-стии...“

Это же незадолго предъ тѣмъ ревѣла машина:

— „Уснии... безнаа...“

— „Ааа“—взревѣло въ дверяхъ: труба граммофона? таксомоторный рожокъ? Нѣтъ: въ дверяхъ стояла старинная-старинная голова“.

Николай Аполлоновичъ привскочилъ.

Старинная, старинная голова: Конъ-Фу-Дзы или Будды? Нѣтъ, въ двери заглядывалъ, вѣрно, прапрадѣдъ, Абъ-Лай.

Лепеталъ, пришепетывалъ пестрый шелковый переливный халатъ; почему-то вспомнился Николаю Аполлоновичу его собственный бухарскій халатъ, на которомъ павлиньи переливныя перья... Пестрый шелковый переливный халатъ, на которомъ по дымному, дымно-сапфирному полю (и въ

Digitized by Microsoft®

дымное поле) ползли все дракончики, остроклювые, золотые, крылатые, малыхъ размѣровъ; о пяти своихъ ярусахъ пирамидальная шапка съ золотыми полями показалася митрою; надъ головой и свѣтилъ, и потрескивалъ многолучевой ореолъ: видъ чудесный и знакомый намъ всѣмъ! Въ центрѣ этого ореола какой-то морщинистый ликъ разъялъ свои губы съ х р о н и ч е с к и м ъ видомъ; преподобный монголъ вошелъ въ пеструю комнату; и за нимъ провѣяли тысячелѣтніе вѣтерки.

Въ первое мгновеніе Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ подумалъ, что подъ видомъ монгольскаго предка, Абъ-Лая, къ нему пожаловалъ Хроносъ (вотъ что̀ таилось въ немъ!); суетливо заёрзали его взоры: онъ въ рукахъ Незнакомца отыскивалъ лезвіе традиціонной косы; но косы въ рукахъ не было: въ благоуханной, какъ первая лилія, желтоватой рукѣ было лишь восточное блюдце съ пахнущей кучечкой, сложенной изъ китайскихъ розовыхъ яблочекъ: райскихъ.

Рай Николай Аполлоновичъ отрицалъ: рай, или садъ (что̀, какъ видѣлъ онъ,—то же) не совмѣщался въ представленіи Николая Аполлоновича съ идеаломъ высшаго блага (не забудемъ, что Николай Аполлоновичъ былъ кантіанецъ; болѣе того: когэніанецъ); въ этомъ смыслѣ онъ былъ человѣкъ нирваническій.

Подъ Нирваною разумѣлъ онъ—Ничто.

И Николай Аполлоновичъ вспомнилъ: онъ—старый туранецъ—воплощался многое множество разъ; воплотился и нынѣ: въ кровь и плоть столбоваго дворянства Россійской имперіи, чтобъ исполнить одну стародавнюю, заповѣдную цѣль: расшатать всѣ устои; въ испорченной крови арійской долженъ былъ разгорѣться Старинный Драконъ и все пожрать пламенемъ; стародавній востокъ градомъ невидимыхъ бомбъ осыпалъ наше время. Николай Аполлоновичъ—старая туранская бомба—теперь разрывался восторгомъ, увидѣвши родину; на лицѣ Николая Аполлоновича появилось теперь забытое, монгольское выраженіе; онъ казался теперь мандариномъ Срединной имперіи, облеченнымъ въ сюртукъ при

Digitized by Microsoft ®

своемъ проѣздѣ на западъ (вѣдь, онъ былъ здѣсь съ единственной и секретнѣйшей миссіей).

— „Такъ-съ...“

— „Такъ-съ...“

— „Такъ-съ...“

— „Очень хорошо-съ!“

Странное дѣло: какъ онъ вдругъ напомнилъ отца!

Такъ съ душившимъ душу восторгомъ старинный туранецъ, облеченный на время въ бренную арійскую оболочку, бросился къ кипѣ старыхъ тетрадокъ, въ которыхъ были начертаны положенія имъ продуманной метафизики; и смущенно, и радостно ухватился онъ за тетрадки: всѣ тетрадки сложились предъ нимъ въ одно громадное дѣло—дѣло всей жизни (уподобились суммѣ дѣлъ Аполлона Аполлоновича). Дѣло жизни его оказалось не просто жизненнымъ дѣломъ: сплошное, громадное, монгольское дѣло засквозило въ запискахъ подъ всѣми этими пунктами и всѣми параграфами: до рожденья ему врученная и великая миссія: миссія разрушителя.

Этотъ гость, преподобный туранецъ, стоялъ неподвижно: ширилась его глазъ безпросвѣтная, какъ ночь, темнота; а руки—а руки: ритмически, мелодически, плавно поднялись онѣ въ безкрайнюю вышину; и плеснула одежда; шумъ ея напомнилъ трепеты пролетающихъ крылъ; поле дымнаго фона очистилось, углубилось и стало кускомъ далекаго неба, глядящаго сквозь разорванный воздухъ этого кабинетика: темно-сапфирная щель—какъ она оказалась въ шкафами заставленной комнатѣ? Туда пролетѣли дракончики, что̀ были расшиты на переливномъ халатѣ (вѣдь, халатъ-то сталъ щелью); въ глубинѣ мерцали тамъ звѣздочками... И сама старинная старина стояла небомъ и звѣздами: и оттуда билъ кубовый воздухъ, настоянный на звѣздѣ.

Николай Аполлоновичъ бросился къ гостю—туранецъ къ туранцу (подчиненный къ начальнику) съ грудой тетрадокъ въ рукѣ:

— „Параграфъ первый: Кантъ (доказательство, что и Кантъ былъ туранецъ)“.

Digitized by Microsoft®

— „Параграфъ второй: цѣнность, понятая, какъ никто и ничто".

— „Параграфъ третій: соціальныя отношенія, построенныя на цѣнности".

— „Параграфъ четвертый: разрушеніе арійскаго міра системою цѣнностей".

— „Заключеніе: стародавнее монгольское дѣло".

Но туранецъ отвѣтилъ.

— „Задача не понята: вмѣсто Канта — быть долженъ Проспектъ.

— „Вмѣсто цѣнности—нумерація: по домамъ, этажамъ и по комнатамъ на вѣковѣчныя времена.

— „Вмѣсто новаго строя: циркуляція гражданъ Проспекта—равномѣрная, прямолинейная.

— „Не разрушенье Европы—ея неизмѣнность..."

— „Вотъ какое—монгольское дѣло..."

. . . . . .

Николаю Аполлоновичу представилось, что онъ осужденъ: и пачка тетрадокъ на рукахъ его распалась кучечкой пепла; а морщинистый ликъ, знакомый до ужаса, наклонился вплотную: тутъ взглянулъ онъ на ухо, и—понялъ, все понялъ: старый туранецъ, нѣкогда его наставлявшій всѣмъ правиламъ мудрости, былъ Аполлонъ Аполлоновичъ; вотъ на кого онъ, понявши превратно науку, поднималъ свою руку.

Это былъ Страшный Судъ.

. . . . . .

— „Какъ же это такое? Кто же это такое?"

— „Кто такое? Отецъ твой..."

— „Кто-жъ отецъ мой?"

— „Сатурнъ..."

— „Какъ же это возможно?"

— „Нѣтъ невозможнаго!.."

. . . . . .

Страшный Судъ наступилъ.

Какія-то протекшія сновидѣнія тутъ были дѣйствительно; тутъ бѣжали дѣйствительно планетные циклы—въ милліард-

Digitized by Microsoft®

ногодинной волнѣ: не было ни Земли, ни Венеры, ни Марса, лишь бѣжали вкругъ Солнца три туманныхъ кольца; еще только-что разорвалось четвертое, и огромный Юпитеръ собирался стать міромъ; одинъ стародавній Сатурнъ поднималъ изъ огнёвого центра черныя эонныя волны: бѣжали туманности; а ужъ Сатурномъ, родителемъ, Николай Аполлоновичъ былъ сброшенъ въ безмѣрность; и текли вокругъ одни разстоянья.

На исходѣ четвертаго царства онъ былъ на землѣ: мечъ Сатурна тогда повисалъ неистекшей грозою; рушился материкъ Атлантиды: Николай Аполлоновичъ, Атлантъ, былъ развратнымъ чудовищемъ (земля подъ нимъ не держалась— опустилась подъ воды); послѣ былъ онъ въ Китаѣ: Аполлонъ Аполлоновичъ, богдыханъ, повелѣлъ Николаю Аполлоновичу перерѣзать многія тысячи (что̀ и было исполнено); и въ сравнительно недавнее время, какъ на Русь повалили тысячи тамерлановыхъ всадниковъ, Николай Аполлоновичъ прискакалъ въ эту Русь на своемъ степномъ скакунѣ; послѣ онъ воплотился въ кровь русскаго дворянина; и принялся за старое: и какъ нѣкогда онъ перерѣзалъ т а м ъ тысячи, такъ онъ нынче хотѣлъ разорвать: бросить бомбу въ отца; бросить бомбу въ самое быстро-текущее время. Но отецъ былъ— Сатурнъ, кругъ времени повернулся, замкнулся: сатурново царство вернулось (здѣсь отъ сладости разрывается сердце).

Теченіе времени перестало быть; тысячи милліоновъ лѣтъ созрѣвала въ духѣ матерія; но самое время возжаждалъ онъ разорвать; и вотъ все погибало.

— „Отецъ!“

— „Ты меня хотѣлъ разорвать; и отъ этого все погибаетъ“.

— „Не тебя, а...“

— „Поздно: птицы, звѣри, люди, исторія, міръ—все рушится: валится на Сатурнъ...“

Все падало на Сатурнъ; атмосфера за окнами темнѣла, чернѣла; все пришло въ старинное, раскаленное состояніе, расширяясь безъ мѣры, всѣ тѣла не стали тѣлами; все вертѣлось обратно—вертѣлось ужасно.

Digitized by Microsoft®

— „Cela... tourne...“ въ совершеннѣйшемъ ужасѣ заревѣлъ Николай Аполлоновичъ, окончательно лишившійся тѣла, но этого не замѣтившій...“

— „Нѣтъ, sa... tourne...“

. . . . . .

Лишившійся тѣла, все же онъ чувствовалъ тѣло: нѣкій невидимый центръ, бывшій прежде и сознаньемъ, и *я*, оказался имѣющимъ подобіе прежняго, испепеленнаго: предпосылки логики Николая Аполлоновича обернулись костями; силлогизмы вкругъ этихъ костей завернулись жесткими сухожильями; содержанье же логической дѣятельности обросло и мясомъ, и кожей; такъ *я* Николая Аполлоновича снова явило тѣлесный свой образъ, хоть и не было тѣломъ; и въ этомъ н е-т ѣ л ѣ (въ разорвавшемся *я*) открылось чуждое „*я*“: это я пробѣжало съ Сатурна и вернулось къ Сатурну.

Онъ сидѣлъ предъ отцомъ (какъ сиживалъ и раньше)— безъ тѣла, но въ тѣлѣ (вотъ странность-то!): за окнами его кабинета, въ совершеннѣйшей темнотѣ, раздавалось громкое бормотаніе: т у р н ъ—т у р н ъ—т у р н ъ.

То лѣтоисчисленіе бѣжало обратно.

— „Да какого же мы лѣтоисчисленія?“

Но Сатурнъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, расхохотавшись, отвѣтилъ:

— „Никакого, Коленька, никакого: времяисчисленіе, мой родной—нулевое...“

Ужасное содержанье души Николая Аполлоновича безпокойно вертѣлось (тамъ, въ мѣстѣ сердца), какъ жужжавшій волчокъ: разбухало и ширилось; и казалось: ужасное содержанье души—круглый нуль—становилось томительнымъ шаромъ; казалось: вотъ логика—кости разорвутся на части.

Это былъ Страшный Судъ.

— „Ай, ай, ай: что-жъ такое „я е с м ь“?“

— „Я есмь? Нуль...“

— „Ну, а нуль?“

— „Это, Коленька, бомба...“

Николай Аполлоновичъ понялъ, что онъ—только бомба;

Digitized by Microsoft ®

и лопнувши, хлопнулъ: съ того мѣста, гдѣ только-что возникало изъ кресла подобіе Николая Аполлоновича и гдѣ теперь видѣлась какая-то дрянная разбитая скорлупа (въ родѣ яичной), бросился молніеносный зигзагъ, ниспадая въ черныя, эонныя волны...

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ тутъ очнулся отъ сна; съ трепетомъ понялъ онъ, что его голова лежитъ на сардинницѣ.

И вскочилъ: страшный сонъ... А какой? Сонъ не припомнился; дѣтскіе кошмары вернулись: Пе́ппъ Пе́пповичъ Пе́ппъ, распухающій изъ комочка въ громаду, видно тамъ до времени пріутихъ — въ сардинной коробочкѣ; стародавніе дѣтскіе бреды возвращались назадъ, потому что—

— Пе́ппъ Пе́пповичъ Пе́ппъ, комочекъ ужаснаго содержанія, есть просто-на́просто партійная бомба: тамъ она неслышно стрекочетъ волосинкой и стрѣлками; Пе́ппъ Пе́пповичъ Пе́ппъ будетъ шириться, шириться, шириться. И Пе́ппъ Пе́пповичъ Пе́ппъ лопнетъ: лопнетъ все...

— „Что я... брежу?“

Въ головѣ его опять завертѣлось съ ужасающей быстротою: что-жъ дѣлать? Остается четверть часа: повернуть еще ключъ?

Ключикъ онъ еще повернулъ двадцать разъ; и двадцать разъ что-то хрипнуло тамъ, въ жестяночкѣ: стародавніе бреды на краткое время ушли, чтобы утро осталося утромъ, а день остался бы днемъ, вечеръ — вечеромъ; на исходѣ же ночи никакое движеніе ключика ничего не отсрочитъ: будетъ что-то такое, отчего развалятся стѣны, пурпуромъ освѣщенныя небеса разорвутся на части, смѣшавшись съ разбрызганной кровью въ одну тусклую, первозданную тьму.

Конецъ пятой главы.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

въ которой разсказаны происшествія сѣренькаго денька.

„За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
„Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ".

А. Пушкинъ.

Вновь нащупалась нить его бытія.

Было тусклое петербургское утро.

Вернемся же къ Александру Ивановичу; Александръ Ивановичъ проснулся; Александръ Ивановичъ пріоткрылъ слипавшіеся глаза: бѣжали событія ночи—въ подсознательный міръ; нервы его развинтились; ночь для него была событіемъ исполинскихъ размѣровъ.

Переходное состояніе между бдѣньемъ и сномъ его бросало куда-то: точно съ пятаго этажа выскакивалъ онъ чрезъ окошко; ощущенія открывали ему въ его мірѣ вопіющую брешь; онъ влеталъ въ эту брешь, проносясь въ роящійся міръ, о которомъ мало сказать, что въ немъ нападали субстанціи, подобныя фуріямъ: самая міровая ткань представлялась тамъ фурійной тканью.

Лишь подъ самое утро Александръ Ивановичъ пересиливалъ этотъ міръ; и тогда попадалъ онъ въ блаженство; пробужденіе стремительно его низвергало оттуда: онъ чего-то жалѣлъ, а все тѣло при этомъ и болѣло, и ныло.

Первое мгновеніе по своемъ пробужденіи онъ замѣтилъ, что его трясетъ жесточайшій ознобъ; ночь прометался онъ: что-то было—навѣрное... Только что?

Во всю долгую ночь длилось бредное бѣгство по туманнымъ проспектамъ, не то—по ступенямъ таинственной лѣстницы; а всего вѣрнѣе, что бѣгала лихорадка: по жиламъ; воспоминаніе говорило о чемъ-то, но—воспоминаніе ускользало; и связать чего-то онъ памятью все не могъ.

Digitized by Microsoft®

Это все—лихорадка.

Не на шутку испуганный (Александръ Ивановичъ при своемъ одиночествѣ боялся болѣзней), подумалъ онъ, что ему не мѣшало бы высидѣть дома.

Съ этой мыслью онъ сталъ забываться; и, забываясь, онъ думалъ:

— „Мнѣ бы хинки".

Заснулъ.

И проснувшись—прибавилъ:

— „Да крѣпкаго чаю..."

И подумавши вновь, онъ прибавилъ еще:

— „Съ малинкою..."

Онъ подумалъ о томъ, что онъ всѣ эти дни проводилъ съ недопустимою для его положенія легкостью; легкость эта тѣмъ болѣе ему показалась постыдной, что надвигались огромные и тяжелые дни.

Онъ невольно вздохнулъ:

— „И еще бы мнѣ—строгое воздержанье отъ водки... Не читать Откровеніе... Не спускаться бы къ дворнику... Да и эти бесѣды съ проживающимъ у дворника Степкой: не болтать бы со Степкой..."

Эти мысли о малиновомъ чаѣ, о водкѣ, о Степкѣ, о Іоанновомъ Откровеніи сперва его успокоили, низводя происшествія ночи къ совершеннѣйшей ерундѣ.

Но умывшись изъ крана, какъ ледъ, холодной водою при помощи жалкаго своего обмылка и мыльной желтѣющей слякоти, Александръ Ивановичъ почувствовалъ снова приливъ ерунды.

Онъ окинулъ взоромъ свою двѣнадцатирублевую комнату (чердачное помѣщеніе).

Что̀ за убогое обиталище!

Главнымъ украшеніемъ убогаго обиталища представлялась постель; постель состояла изъ четырехъ треснувшихъ досокъ, кое-какъ положенныхъ на деревянные козлы; на растресканной поверхности этихъ козелъ выдавались противныя темно-красныя, засохшія, вѣроятно, клопиныя пятна, потому

Digitized by Microsoft ®

что съ этими темно-красными пятнами Александръ Ивановичъ много мѣсяцевъ упорно боролся при помощи персидскаго порошка.

Козла были покрыты тощимъ, набитымъ мочаломъ матрасикомъ; сверху матрасика на грязную одну простыню рука Александра Ивановича бережно набросила вязаное одѣяльце, которое врядъ ли можно было назвать полосатымъ: скудные намеки здѣсь когда-то бывшихъ голубыхъ и красныхъ полосъ покрывались налетами сѣрости, появившейся, впрочемъ, по всей вѣроятности не отъ грязи, а отъ многолѣтняго и дѣятельнаго употребленія; съ этимъ чьимъ-то подаркомъ (можетъ быть, матери), Александръ Ивановичъ все что-то медлилъ разстаться; можетъ быть, медлилъ разстаться за неимѣніемъ средствъ (оно ѣздило съ нимъ и въ Якутскую область).

Кромѣ постели...—да: долженъ здѣсь я сказать: надъ постелью висѣлъ образокъ, изображавшій тысячаночную молитву Серафима Саровскаго среди сосенъ, на камнѣ (долженъ здѣсь я сказать—Александръ Ивановичъ подъ сорочкою носилъ серебряный крестикъ).

Кромѣ постели можно было замѣтить гладко обструганный и лишенный всякаго украшенія столикъ: точно такіе же столики фигурируютъ въ видѣ скромныхъ подставокъ для умывальнаго таза—на дешевенькихъ дачкахъ; точно такіе же столики продаются повсюду по воскресеньямъ на рынкахъ; въ обиталищѣ Александра Ивановича такой столикъ служилъ одновременно и письменнымъ, и ночнымъ столикомъ; умывальный же тазикъ отсутствовалъ вовсе: Александръ Ивановичъ при совершеніи туалета пользовался услугами водопроводнаго крана, раковины и сардинной коробочкой, содержащей обмылокъ казанскаго мыла, плававшій въ своей собственной слизи; была еще вѣшалка: со штанами; кончикъ стоптанной туфли изъ-подъ постели выглядывалъ своимъ дырявымъ носкомъ (Александръ Ивановичъ видѣлъ сонъ, будто эта дырявая туфля есть живое созданіе: комнатное созданіе, что ли, какъ собачка иль кошка; она самостоятельно шлепала, переползая по комнатѣ и шурша по угламъ; когда

Digitized by Microsoft®

Александръ Ивановичъ собрался ее покормить во рту разжеваннымъ ситникомъ, то шлепающее созданіе это своимъ дырявымъ отверстіемъ его укусило за палецъ, отчего онъ проснулся).

Былъ еще коричневый чемоданъ, измѣнившій давно первоначальную форму и хранящій предметы самаго ужаснаго содержанія.

Все убранство, съ позволенія сказать, комнаты отступало на задній планъ передъ цвѣтомъ обой, непріятныхъ и наглыхъ, нето темножелтыхъ, а нето темновато-коричневыхъ, выдававшихъ громадныя пятна сырости: по вечерамъ то по этому пятну, то по другому переползала мокрица. Все комнатное убранство было затянуто полосами табачнаго дыма. Нужно было не переставая курить по крайней мѣрѣ двѣнадцать часовъ сподрядъ, чтобъ безцвѣтную атмосферу превратить въ темно-сѣрую, синюю.

Александръ Ивановичъ Дудкинъ оглядывалъ свое обиталище, и его опять (такъ бывало и прежде) потянуло изъ перекуренной комнаты—прочь: потянуло на улицу, въ грязноватый туманъ, чтобы слипнуться, склеиться, слиться съ плечами, со спинами, съ зеленоватыми лицами на петербургскомъ проспектѣ и явить собою сплошное, громадное, сѣрое—лицо и плечо.

Къ окну его комнаты зелено прилипали рои октябрёвскихъ тумановъ; Александръ Ивановичъ Дудкинъ почувствовалъ неудержимое желаніе пронизаться туманомъ, пронизать свои мысли имъ, чтобы въ немъ утопить стрекотавшую въ мозгахъ ерунду, угасить ее вспышками бреда, возникавшими огневыми шарами (шары потомъ лопались), угасить гимнастикой шагающихъ ногъ; надо было шагать—вновь шагать, все шагать: отъ проспекта къ проспекту, отъ улицы къ улицѣ; зашагать до полнаго онѣмѣнія мозга, чтобъ свалиться на столикъ харчевни и обжечь себя водкой. Только въ этомъ безцѣльномъ блужданьи по улицамъ да кривымъ переулкамъ—подъ фонарями, заборами, трубами—угашаются душу гнетущія мысли.

Digitized by Microsoft ®

Надѣвая пальтишко, Александръ Ивановичъ ощутилъ свой ознобъ; и онъ съ грустью подумалъ:

— „Эхъ, теперь бы да хинки!“

Но какая тамъ хинка...

И спускаясь по лѣстницѣ, снова грустно подумалъ онъ:

— „Эхъ, теперь бы да крѣпкаго чаю съ малинкою!..“

Лѣстница.

Лѣстница!

Грозная, тѣневая, сырая,—она отдавала безжалостно его шаркнувшій шагъ: грозная, тѣневая, сырая! Это было сегодняшней ночью. Александръ Ивановичъ Дудкинъ впервые тутъ вспомнилъ, что онъ здѣсь вчера дѣйствительно проходилъ: не во снѣ это было: это—б ы л о. А что было?

Что?

Да: изо всѣхъ дверей вонъ—ширилось погибельное молчаніе на него; раздавалось безъ мѣры и строило все какіе-то шорохи; и безъ мѣры, безъ устали неизвѣстный тамъ губошлёпъ глоталъ свои слюни въ тягучей отчетливости (не во снѣ было и это); были страшные, неизвѣстные звуки, всѣ сплетенные изъ глухого стенанья временъ; сверху, въ узкія окна можно было увидѣть—и онъ это видѣлъ—какъ порой прометалась тамъ мгла, какъ она тамъ взметалась въ клочкастыя очертанія, и какъ все озарялось, когда тускло блѣдная бирюза подъ ноги стлалась безъ единаго звука, чтобъ лежать безтрепетно и мертво.

Тамъ—туда: тамъ глядѣла луна.

Но рои набѣгали: рой за роемъ—косматые, призрачно-дымные, грозовые—всѣ рои набрасывались на луну: тускло-блѣдная бирюза омрачалась; отовсюду выметывалась тѣнь; все тѣнь покрывала.

Здѣсь Александръ Ивановичъ Дудкинъ и вспомнилъ впервые, какъ по лѣстницѣ этой онъ вчера пробѣжалъ, напрягая послѣднія угасавшія силы и безъ всякой надежды (какой же?) осилить—что именно? А какое-то черное очертаніе

Digitized by Microsoft®

(неужели было и это?), что есть мочи бѣжало — по его пятамъ, по его слѣдамъ.

И губило его безъ возврата.

. . . . . .

Лѣстница!

Въ сѣрый будничный день она мирна, обыденна; внизу ухаютъ глухіе удары: это рубятъ капусту—на зиму обзавелся капустою жилецъ изъ четвертаго номера; обыденно такъ выглядятъ—перила, двери, ступени; на перилахъ: кошкою пахнущій, полурваный, протертый коверъ—изъ четвертаго номера; полотеръ съ опухшей щекою въ него бьетъ выбивалкой; и чихаетъ отъ пыли въ передникъ какая-то бѣлокурая халда, вылѣзающая изъ двери; межъ полотеромъ и халдою, сами собой, возникаютъ слова:

— „Ухъ!“

— „Подсоби-ка, любезный...“

— „Степанида Марковна... Еще чего нанесли!..“

— „Ладно, ладно...“

— „И какая такая, стало быть...“

— „Теперича „н а н е с л и“, а тамъ—за „ч а и ш к о м ъ...“

— „И какая такая, стало быть,—говорю я—работа...“

— „На митѝнгу не шлялись бы: спорилась бы и работа...“

— „Вы митѝнгу не уязвляйте: сами впослѣдствіи ими будете благодарны!“

— „Повыбивай-ка перину, ей, ты,—кавалеръ!“

. . . . . .

Двери!

Та — вонъ, та; да и — та... Отъ той отодралась клеенка; конскій волосъ космато выпираетъ изъ дыръ; а у этой вотъ двери булавкой приколота карточка; карточка пожелтѣла; и на ней стоитъ: „Закаталкинъ“... Кто такой Закаталкинъ, какъ зовутъ, какъ по отчеству, какой профессіей занимается,—предоставляю судить любопытнымъ: „Закаталкинъ“—и все тутъ.

Изъ-за двери скрипичный смычокъ трудолюбиво выпиливаетъ знакомую пѣсенку. И слышится голосъ:

Digitized by Microsoft ®

— „Атчизнѣ любимай...“

Я такъ полагаю, что Закаталкинъ—находящійся въ услуженьи скрипачъ: скрипачъ изъ оркестрика какой-нибудь рестораціи.

Вотъ и все, что̀ можно замѣтить при наблюденіи дверей... Да—еще: въ прежніе годы около двери ставилась кадка, отдававшая горклостью: для наполненія водовозной водою: съ проведеньемъ воды повывелись въ городахъ водовозы.

Ступени?

Онѣ усѣяны огуречными корками, шлепиками уличной грязи и яичною скорлупой...

И, вырвавшись, побѣжалъ.

Александръ Ивановичъ Дудкинъ взоромъ окидывалъ лѣстницу, полотера и халду, прущую съ новой периной изъ двери; и—странное дѣло: обыденная простота этой лѣстницы не разсѣяла пережитого здѣсь за послѣднюю ночь; и теперь, среди дня, средь ступенекъ, скорлупъ, полотера и кошки, пожирающей на окошкѣ куриную внутренность, къ Александру Ивановичу возвращался когда-то испытанный имъ перепугъ: все, что̀ было съ нимъ минувшею ночью,—то подлинно было; и сегодняшней ночью вернется то, подлинно бывшее: вотъ какъ ночью вернется онъ: лѣстница будетъ тѣневая и грозная; какое-то черное очертаніе вновь погонится по пятамъ; за дверью, гдѣ на карточкѣ стоитъ „Закаталкинъ“, будетъ вновь глотанье слюней губошлёпа (можетъ быть,—глотанье слюней, а, можетъ быть,—крови)...

И раздастся знакомое, невозможное слово въ совершенной отчетливости...

— „Да, да, да... Это—я... Я гублю безъ возврата...“

Гдѣ это слышалъ онъ?

. . . . . .

Прочь отсюда! На улицу!..

Надо вновь зашагать, все шагать, прочь шагать: до полнаго истощенія силъ, до полнаго онѣмѣнія мозга и свалиться

Digitized by Microsoft®

на столикъ харчевни, чтобъ не снилися мороки; и потомъ приняться за прежнее: отшагать Петербургъ, затеряться въ сыромъ тростникѣ, въ дымахъ виснущихъ взморья, въ оцѣпенѣніи отъ всего отмахнуться и очнуться уже средь сырыхъ огоньковъ петербургскихъ предмѣстій.

Александръ Ивановичъ Дудкинъ затрусилъ-было внизъ по каменной многоступенчатой лѣстницѣ; но внезапно остановился; онъ замѣтилъ, что какой-то странный субъектъ въ итальянской черной накидкѣ и въ такой же точно фантастически загнутой шляпѣ черезъ три ступени шагая, къ нему несется на встрѣчу, опустивъ низко голову и отчаянно завертѣвши въ рукѣ тяжеловѣсную трость.

Выгибалась его спина.

Этотъ странный субъектъ въ итальянской черной накидкѣ впопыхахъ налетѣлъ на Александра Ивановича; онъ его едва не ткнулъ въ грудь головою; а когда закинулась голова, то Александръ Ивановичъ Дудкинъ прямо подъ носомъ своимъ увидалъ мертвенно-блѣдный и покрытый испариной лобъ—вы представьте!—Николая Аполлоновича: лобъ съ бьющейся, надутою жилой; только по этому характерному признаку (по прыгавшей жилѣ) Александръ Ивановичъ и узналъ Аблеухова: не по дико косящимъ глазамъ, не по странной, заграничной одеждѣ.

— „Здравствуйте: это я—къ вамъ".

Николай Аполлоновичъ быстро-быстро отрѣзалъ эти слова; и — что̀ такое? Отрѣзалъ угрожающимъ шопотомъ? Э, да какъ же онъ запыхался. Не подавши даже руки, онъ стремительно произнесъ—угрожающимъ шопотомъ:

— „Долженъ я вамъ, Александръ Иванычъ, замѣтить, что я—не могу".

— „?"

— „Вы, конечно, поняли, чего именно не могу: не могу, да и не хочу; словомъ—не стану".

— „!"

— „Это—отказъ: безповоротный отказъ. Можете такъ передать. И прошу меня оставить въ покоѣ..."

Digitized by Microsoft ®

На лицѣ Николая Аполлоновича при этомъ отразилось смущеніе, будто даже испугъ.

Николай Аполлоновичъ повернулся; и, вертя тяжеловѣсную свою трость, Николай Аполлоновичъ бросился по ступенькамъ обратно, будто бросился въ бѣгство.

— „Да постойте, да стойте же“,—заспѣшилъ за нимъ и Александръ Ивановичъ Дудкинъ, и почувствовалъ подъ ногами дробь летящей ступенями лѣстницы.

— „Николай Аполлоновичъ?“

У выхода онъ поймалъ Аблеухова за рукавъ, но тотъ вырвался. На Александра Ивановича Николай Аполлоновичъ повернулся; Николай Аполлоновичъ чуть дрожащей рукою придерживалъ поля своей ухарски заломленной шляпы; и, храбрясь, выпалилъ онъ полушопотомъ:

— „Это, такъ сказать,... гадко?.. Вы слышите?“

Припустился по дворику.

Александръ Ивановичъ на мгновеніе ухватился за дверь; Александръ Ивановичъ почувствовалъ сильнѣйшее безпокойство: оскорбленіе — ни за что, ни про что; онъ секунду помедлилъ, соображая, что́ теперь ему предпринять; непроизвольно онъ задергался; непроизвольнымъ движеніемъ обнаружилъ свою нѣжнѣйшую шею; и потомъ въ два скачка онъ нагналъ бѣглеца.

Онъ вцѣпился рукой въ отлетающій отъ него черный край итальянской накидки; обладатель накидки тутъ сталъ вырываться отчаянно; на мгновеніе они забарахтались между сложенныхъ дровъ и въ борьбѣ что-то упало, прозвенѣвъ по асфальту. Николай Аполлоновичъ съ приподнятой палкой отрывисто, задыхаясь отъ гнѣва, сталъ выкрикивать громко уже какую-то недопустимую и, главное, оскорбительную свою ерунду: оскорбительную для Александра Ивановича.

— „Это вы называете выступленіемъ, партійной работой? Окружить меня сыскомъ... Всюду слѣдовать за мной по пятамъ... Самому же во всемъ разувѣриться... Заниматься чтеніемъ Откровенія... Одновременно выслѣживать... Милостивый государь, вы... вы... вы...“

Digitized by Microsoft®

Наконецъ, снова вырвавшись, Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ побѣжалъ: они летѣли по улицѣ.

Улица.

Улица!

Какъ она измѣнилась: какъ и ее измѣнили эти суровые дни!

Тамъ вонъ—тѣ чугунныя жерди рѣшетки какого-то садика; въ вѣтеръ бились багряные листья тамъ кленовъ, ударяясь о жерди; но багряные листья ужъ свѣялись; и суки — сухіе скелеты—одни тамъ и чернѣли, и скрежетали.

Былъ сентябрь: небо было голубое и чистое; а теперь все не то: наливаться потокомъ тяжелаго олова стало небо съ утра; сентября—нѣтъ.

Они летѣли по улицѣ:

— „Но позвольте, Николай Аполлоновичъ“,—не унимался взволнованный и разобиженный Дудкинъ,—„вы согласитесь, что теперь безъ объясненія намъ разстаться нельзя...“

— „Больше намъ не о чемъ говорить“, — сухо отрѣзалъ Николай Аполлоновичъ изъ-подъ ухарски загнутой шляпы.

— „Объяснитесь толковѣе“—настаивалъ въ свою очередь Александръ Ивановичъ.

Обида и безпокойное изумленіе изобразились въ дергавшихся чертахъ; изумленіе, скажемъ мы отъ себя, было тутъ неподдѣльнымъ, и столь неподдѣльнымъ, что Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ неподдѣльность того изумленія вопреки разсѣянью гнѣва не могъ не замѣтить.

Онъ обернулся и безъ прежней запальчивости, но съ какою-то плаксивою злостью затараторилъ стремительно:

— „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. О чемъ еще тамъ объясняться?.. И не смѣйте оспаривать... Самъ я въ правѣ потребовать величайшей отчетливости... Самъ-то я вѣдь страдаю, не вы, не товарищъ вашъ...“

— „Что?.. Да что же?“

— „Передать узелокъ...“

Digitized by Microsoft ®

— „Ну?“

— „Безъ всякаго предупрежденія, объясненія, просьбы...“

Александръ Ивановичъ густо весь покраснѣлъ.

— „И потомъ въ воду кануть... Чрезъ какое-то подставное лицо угрожать мнѣ полиціей...“

Александръ Ивановичъ при этомъ незаслуженномъ обвиненіи нервно дернулся къ Аблеухову:

— „Остановитесь: какая полиція?“

— „Да, полиція...“

— „О какой вы полиціи?.. Что за мерзость?.. Что за намеки?.. Кто изъ насъ невмѣняемъ?“

Но Николай Аполлоновичъ, чья плаксивая злость перешла снова въ ярость, прохрипѣлъ ему въ ухо:

— „Я бы васъ“ — раздался его хрипъ (оскаленный ротъ улыбался, казалось: кусая, кидался на ухо)... Я бы васъ... вотъ сейчасъ—вотъ на этомъ вотъ мѣстѣ: я бы... я... среди бѣлаго дня въ назиданіе этой вотъ публикѣ, Александръ Ивановичъ, мой милѣйшій...“ (онъ путался)...

Тамъ вонъ, тамъ...—

Изъ того рѣзного окошка того глянцевитаго домика въ лѣтній вечеръ іюльскій на закатъ жевала губами все какая-то старушеночка (—„Я бы васъ...“—донеслось откуда-то издали до Александра Ивановича); съ августа затворилось окошко и пропала старушка; въ сентябрѣ вынесли глазетовый гробъ; за гробомъ шла кучка: господинъ въ потертомъ пальто и въ фуражкѣ съ кокардою; съ нимъ — семеро бѣлобрысыхъ мальчатъ.

Былъ гробъ заколоченъ.

(— „Да-съ, Александръ Ивановичъ, да-съ“ — донеслось откуда-то до Александра Ивановича).

Послѣ въ домъ зашныряли картузы и обшваркали лѣстницу; говорили, будто бы за стѣнами тамъ фабрикуютъ снаряды; Александръ Ивановичъ зналъ, что тотъ самый снарядъ принесенъ былъ сперва къ нему на чердакъ—изъ этого домика.

И тутъ вздрогнулъ невольно.

Digitized by Microsoft ®

Какъ странно: возвращенный грубо къ дѣйствительности (странный онъ былъ человѣкъ: думалъ о домикѣ въ то самое время, когда Николай Аполлоновичъ кидалъ ему свои фразы...)—ну, такъ вотъ: изъ невнятнаго бреда сенаторскаго сынка о полиціи, рѣшительномъ и безповоротномъ отказѣ, Александръ Ивановичъ понялъ единственно:

— „Слушайте", — сказалъ онъ, — „немногое, что̀ мнѣ понятно, въ вашей рѣчи понятно, это — вотъ только что̀: весь вопросъ въ узелкѣ..."

— „О н е й, разумѣется: вы мнѣ собственноручно передали е е на храненіе".

— „Странно..."

Странно: разговоръ происходилъ у т о г о с а м а г о домика, гдѣ бомба возникла: бомба-то, ставши умственной, описала правильный кругъ, такъ что рѣчь о бомбѣ возникла въ мѣстѣ возникновенія бомбы.

— „Тише же, Николай Аполлоновичъ: непонятно мнѣ, признаться, волненіе ваше... Вы вотъ меня оскорбляете: что̀ же вы видите предосудительнаго въ томъ поступкѣ моемъ?

— „Какъ что̀?"

— „Да, что̀ подлаго въ томъ, что партія"—слова эти произнесъ шепоточкомъ онъ—„васъ просила до времени поберечь узелокъ? Вы же сами были согласны? И—все тутъ... Такъ что если вамъ непріятно держать у себя узелочекъ, то ничего мнѣ не стоитъ за узелкомъ забѣжать..."

— „Ахъ, оставьте, пожалуйста, эту мину невинности: если бы дѣло касалось одного узелка..."

— „Тссъ! Потише: насъ могутъ услышать..."

— „Одного узелка,—то... я бы васъ понялъ... Не въ этомъ дѣло: не притворяйтесь несвѣдущимъ..."

— „Въ чемъ же дѣло?"

— „Въ насиліи".

— „Насилія не было..."

— „Въ организованномъ сыскѣ..."

— „Насилія, повторяю же, не было: вы согласились охотно; что-жъ касается сыска, то я..."

Digitized by Microsoft ®

— „Да, тогда—лѣтомъ...

— „Что̀ лѣтомъ?“

— „Въ принципѣ я соглашался, или, вѣрнѣй, предлагалъ, и... пожалуй... я далъ обѣщаніе, предполагая, что принужденія никакого не можетъ тутъ быть, какъ и нѣтъ принужденія въ партіи; а если тутъ у васъ принужденіе, то—вы, просто на̀просто, шаечка подозрительныхъ интригановъ... Ну, что-жъ?.. Обѣщаніе далъ, но развѣ я думалъ, что обѣщаніе не можетъ быть взято обратно...“

— „Постойте...“

— „Не перебивайте меня: развѣ я зналъ, что самое предложеніе они истолкуютъ т а к ъ: т а к ъ повернутъ... И мнѣ—э т о предложатъ...“

— „Нѣтъ, постойте: я все-таки васъ перебью... Это вы о какомъ обѣщаніи? Выражайтесь точнѣе...“

Александру Ивановичу тутъ смутно припомнилось что-то (какъ однако онъ все позабылъ!).

— „Да, вы о т о м ъ обѣщаніи?..“

Вспомнилось, какъ однажды въ трактирчикѣ сообщила о с о б а ему (мысль объ этой о с о б ѣ заставила его пережить непріятное что-то)—о с о б а, то-есть, Николай Степанычъ Липпанченко, — ну, такъ вотъ: сообщила, что будто бы Николай Аполлоновичъ — фу!.. Не хочется вспоминать!.. И онъ быстро прибавилъ:

— „Такъ вѣдь я н е о т о м ъ, такъ вѣдь дѣло н е в ъ т о м ъ“.

— „Какъ не въ т о м ъ? Вся суть—въ обѣщаніи: въ обѣщаніи, истолкованномъ безповоротно и п о д л о“.

— „Тише, тише, Николай Аполлоновичъ, что тутъ по-вашему подлаго? И гдѣ—подлость?“

— „Какъ гдѣ подлость?“

— „Да, да, да: гдѣ? Партія васъ просила до времени поберечь узелокъ... Вотъ и все...“

— „Это по-вашему все?“

— „Все...“

— „Если-бъ дѣло касалось узелка, то я бы васъ понялъ: но извините...“ И махнулъ онъ рукой.

Digitized by Microsoft ®

— „Нечего намъ объясняться: развѣ не видите, что весь разговоръ нашъ топчется вокругъ да около одного и того же: сказка про бѣлаго бычка, да и только...“

— „И я замѣчаю... И все-таки: вы тутъ заладили—затвердили о какомъ-то насиліи, я вотъ припомнилъ: и до меня дошли слухи—тогда, лѣтомъ...“

— „Ну?“

— „О насильственномъ поступкѣ, который вы намъ предложили: такъ вотъ это намѣреніе исходило, какъ кажется, не отъ насъ, а отъ васъ!“

Александръ Ивановичъ вспомнилъ (о с о б а все тогда ему разсказала въ трактирчикѣ, подливая ликеру): Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ чрезъ какое-то подставное лицо предложилъ имъ тогда собственноручно покончить съ отцомъ; помнится, что о с о б а тогда говорила съ отвратнымъ спокойствіемъ, прибавляя однако, что партіи остается одно: предложеніе отклонить; необычность намѣренья, неестественность въ выборѣ жертвы и оттѣнокъ цинизма, граничащій съ гнусностью,—все это отозвалось на чувствительномъ сердцѣ Александра Ивановича приступомъ жесточайшаго омерзѣнія (Александръ Ивановичъ былъ тогда пьянъ; и такъ вся бесѣда съ Липпанченко представлялась впослѣдствіи лишь игрой захмелѣвшаго мозга, а не трезвой дѣйствительностью): это все онъ и вспомнилъ теперь:

— „И признаться...“

— „Требовать отъ меня“,—перебилъ Аблеуховъ,—„что я... чтобы я... собственноручно...“

— „Вотъ-вотъ...“

— „Это гадко!“

— „Да — гадко: и, такъ сказать, Николай Аполлоновичъ, я тогда не повѣрилъ... Повѣрь я, вы упали тогда бы... во мнѣніи партіи...“

— „Такъ и вы считаете гадостью?“

— „Извините: считаю...“

— „Вотъ видите! Сами же вы называете э т о гадостью; и вы сами же, стало-быть, приложили къ г а д о с т и руку?“

Digitized by Microsoft ®

Что-то такое взволновало вдругъ Дудкина: дернулась нѣжнѣйшая шея:

— „Постойте...“

И, ухватившись дрожащей рукою за пуговицы итальянской накидки, такъ и впился онъ глазами въ какую-то постороннюю точку:

— „Не заговаривайтесь: мы вотъ тутъ упрекаемъ другъ друга, между тѣмъ мы оба согласны...“—съ удивленіемъ перевелъ онъ глаза на глаза Аблеухова—„въ наименованьи поступка... Вѣдь подлость?“

Николай Аполлоновичъ вздрогнулъ:

— „Ну, конечно же подлость!..“

Они помолчали...

— „Видите, оба согласны мы...“

Николай Аполлоновичъ, доставъ изъ кармана платокъ, остановился, обтирая лицо.

— „Это меня удивляетъ...“

— „И меня...“

Съ недоумѣніемъ они поглядѣли другъ другу въ глаза. Александръ Ивановичъ (онъ теперь позабылъ, что его трясетъ лихорадка) опять протянулъ свою руку и дотронулся пальцемъ до края итальянской накидки:

— „Чтобъ распутать весь этотъ узелъ, отвѣтьте же мнѣ вотъ на что: обѣщанія собственноручно (и такъ далѣе).— Обѣщаніе это не отъ васъ исходило?...“

— „Нѣтъ! Нѣтъ же!“

— „И къ т а к о м у убійству, стало-быть, непричастны вы мыслью, я такъ спрашиваю потому, что мысль иногда невзначай выражается непроизвольными жестами, интонаціей, взглядами,—даже: дрожаніемъ губъ...“

— „Нѣтъ же, нѣтъ...то-есть...“—спохватился Николай Аполлоновичъ, тутъ же онъ спохватился, что вслухъ спохватился о какомъ-то своемъ подозрительномъ мысленномъ ходѣ; и спохватившися вслухъ, покраснѣлъ; и—сталъ объясняться:

— „То-есть я отца не любилъ... И, кажется, я не разъ выражался... Но чтобы я?... Никогда!“

Digitized by Microsoft®

— „Хорошо, я вамъ вѣрю“.

Николай Аполлоновичъ тутъ, какъ на зло, покраснѣлъ до корня ушей; и покраснѣвъ, захотѣлъ еще объясняться, но Александръ Ивановичъ рѣшительно покачалъ головой, не желая касаться какого-то деликатнаго оттѣночка непередаваемой мысли, обоимъ имъ одновременно блеснувшей.

— „Да не надо... Я—вѣрю... Я не то,—о другомъ я: вотъ вы что мнѣ скажите... Мнѣ скажите теперь откровенно: я, что ли,—причастенъ?“

Николай Аполлоновичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на наивнаго собесѣдника: посмотрѣлъ, покраснѣлъ, и съ чрезмѣрной горячностью, съ форсированной убѣжденностью, ему нужной теперь, чтобъ прикрыть какую-то мысль, — онъ выкрикнулъ:

— „Я считаю, что—да... Вы е м у помогали...“

— „Кому это?“

— „Неизвѣстному...“

— „?“

— „Н е и з в ѣ с т н ы й же требовалъ...“

— „!“

— „Совершенія гадости“.

— „Гдѣ?“

— „Въ своей скверной запискѣ...“

— „Такого не знаю...“

— „Неизвѣстный“—растерянно настаивалъ Николай Аполлоновичъ—вашъ товарищъ по партіи... Что вы такъ удивились? Что васъ такъ удивило?“

. . . . . .

— „Увѣряю васъ: Н е и з в ѣ с т н а г о въ партіи у насъ нѣтъ...“

. . . . . .

Пришла очередь удивляться и Николаю Аполлоновичу:

— „Какъ? Нѣтъ въ партіи Неизвѣстнаго...“

— „Да потише же... Нѣтъ...“

— „Я три мѣсяца получаю записочки...“

— „Отъ кого?“

Digitized by Microsoft ®

— „Отъ него...“

Оба они замолчали.

Оба они тяжело задышали и оба вцѣпились глазами въ вопросительно вскинутые глаза; и по мѣрѣ того, какъ одинъ растерянно поникалъ, ужасаясь, пугаясь, тѣнь слабой надежды блеснула въ глазахъ у другого.

. . . . . .

— „Николай Аполлоновичъ“,—безконечное возмущеніе, побѣдивши испугъ, разливалось на блѣдныхъ скулахъ Александра Ивановича двумя багровыми пятнами,—„Николай Аполлоновичъ!“

— „Ну?“—схватилъ его за руку тотъ.

Но Александръ Ивановичъ все не могъ отдышаться, наконецъ онъ поднялъ глаза, и — ну, вотъ: что-то печальное, что̀ бываетъ во снахъ, — невыразимое что-то, безъ словъ понятное всѣмъ, тутъ пахнуло внезапно отъ его чела, отъ его костенѣющихъ пальцевъ.

— „Ну же, ну—не томите!“

Но Александръ Ивановичъ Дудкинъ, приложивши палецъ къ губамъ, продолжалъ качать головой и молчать: невыразимое что-то, но понятное въ снахъ, отъ него простроилось незримо—отъ чела его, отъ костенѣющихъ пальцевъ.

Наконецъ съ трудомъ онъ сказалъ:

— „Завѣряю васъ—честное слово: я во всей этой темной исторіи ни при чемъ...“

Николай Аполлоновичъ сперва не повѣрилъ.

— „Что̀ сказали вы? Повторите же, не молчите: поймите же и мое положеніе...“

— „Я—ни при чемъ...“

— „Ну, такъ что-жъ это значитъ?“

— „Не знаю...“ — и прибавилъ порывисто: — „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: это—ложь, это—бредъ, абракадабра, насмѣшка...“

— „Развѣ я знаю?...“

Николай Аполлоновичъ посмотрѣлъ невидящими глазами на Александра Ивановича; а потомъ и въ глубь улицы: какъ улица измѣнилась!

Digitized by Microsoft ®

— „Да развѣ я знаю?... Мнѣ не легче отъ этого... Я не спалъ эту ночь“.

Верхъ пролетки стремительно уносился въ глубь улицы: какъ улица измѣнилась, — какъ и ее измѣнили эти суровые дни!

Вѣтеръ отъ взморья рванулся: посыпались послѣдніе листья; больше листьевъ не будетъ до мѣсяца мая; сколькихъ въ маѣ не будетъ? Эти павшіе листья воистину — послѣдніе листья. Александръ Ивановичъ все зналъ наизусть: будутъ, будутъ кровавые, полные ужаса дни; и потомъ—все провалится; о, кружитесь, о, вейтесь, послѣдніе, ни съ чѣмъ несравнимые дни!

О, кружитесь, о, вейтесь по воздуху вы,—послѣдніе листья! Опять праздная мысль...

Рука помощи.

— „Такъ онъ былъ на балу?“
— „Да, онъ былъ...“
— „Разговаривалъ съ вашимъ батюшкой...“
— „Вотъ именно: упоминалъ и о васъ...“
— „Послѣ встрѣтился въ переулкѣ?...“
— „И увелъ въ ресторанчикъ“.
— „И назвался?...
— „Морковинымъ...“
— „Абракадабра!“

. . . . . .

Когда Александръ Ивановичъ Дудкинъ, оторвавшійся отъ созерцанія вьющихся листьевъ, наконецъ вернулся къ дѣйствительности, то онъ понялъ, что Николай Аполлоновичъ, забѣгая впередъ, даже съ несвойственной ему живостью растараторился до-нельзя; жестикулировалъ онъ; наклонялъ низко профиль съ непріятнымъ оскаломъ разорвавшагося рта, напоминая трагическую, античную маску, несочетавшуюся съ быстрой вертлявостью ящера въ одно согласное цѣлое: словомъ, выглядѣлъ онъ попрыгунчикомъ съ застывшимъ лицомъ.

Digitized by Microsoft ®

Александръ Ивановичъ изрѣдка лишь вставлялъ замѣчанія:

— „И при этомъ о н ъ говорилъ про охрану?“

— „И охраной пугалъ...“

— „Утверждая, что такое запугиванье въ планѣ партіи, и это партія одобряетъ?...“

— „Ну да, одобряетъ...“—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ твердилъ Николай Аполлоновичъ и, краснѣя, пытался освѣдомиться:

— „Сами же вы, помнится, тогда говорили, что партійные предразсудки...“

— „Что̀ такое я говорилъ?“—строго вспыхнулъ и Дудкинъ.

— „Помнится, говорили вы, что партійные предразсудки низовъ не раздѣляются верхомъ, которому служите...“

— „Вздоръ!“—и Дудкинъ тутъ корпусомъ дернулся: и въ волненіи все усиливалъ шагъ.

Николай Аполлоновичъ въ свою очередь хваталъ его за руки съ тѣнью слабой надежды, отвѣчая на вопросы, какъ школьникъ, и неестественно улыбаясь. Наконецъ, улучивъ вновь минуту, продолжалъ онъ свои изліянія о событіяхъ этой ночи: о балѣ, о маскѣ, о бѣгствѣ по залу, о сидѣніи на приступочкѣ чернаго домика, о подворотнѣ, записочкѣ; наконецъ,—о поганомъ трактирчикѣ.

Это былъ подлинный бредъ.

Абракадабра все перепутала; всѣ они давно уже посходили съ ума, если только т о, г у б я щ е е б е з в о з в р а т н о, не существуетъ въ дѣйствительности.

. . . . . .

Съ улицы покатились на встрѣчу имъ черныя гущи людскія: многотысячные рои котелковъ вставали, какъ волны. Съ улицы покатились на встрѣчу имъ: лаковые цилиндры; поднимались изъ волнъ, какъ пароходныя трубы; съ улицы запѣнилось въ лица имъ: страусовое перо; блинообразная фуражка заулыбалась околышемъ; и были околыши: синіе, желтые, красные.

Отовсюду выскакивалъ преназойливый носъ.

Носы протекали во множествѣ: носъ орлиный и носъ

Digitized by Microsoft®

пѣтушиный; утиный носъ, курій; и такъ далѣе, далѣе...; носъ былъ свернутый нà-бокъ; и носъ былъ вовсе не свернутый: зеленоватый, зеленый, блѣдный, бѣлый и красный.

Все это съ улицы покатилось на встрѣчу имъ: безсмысленно, торопливо, обильно.

Николай Аполлоновичъ, просительно едва поспѣвавшій за Дудкинымъ, все какъ будто боялся оформить предъ нимъ основной свой вопросъ, вытекающій изъ открытія, что авторъ ужасной записки не могъ быть носителемъ партійнаго директива; въ этомъ состояла теперь его главная мысль: мысль огромнѣйшей важности—по практическимъ слѣдствіямъ; эта мысль застряла теперь у него въ головѣ (перемѣнились ихъ роли: теперь Александръ Ивановичъ, не Николай Аполлоновичъ, ожесточенно расталкивалъ ихъ обставшіе котелки).

— „Итакъ, стало-быть, полагаете вы,—итакъ, стало-быть: во всемъ этомъ вкралась ошибка?“

Сдѣлавши этотъ робкій подходъ къ своей мысли, Николай Аполлоновичъ почувствовалъ, какъ по тѣлу его разсыпались горстями мурашки: а ну, если онъ представляется — думалось—и—одолѣвала боязнь.

— „Это вы о запискѣ-то?—вскинулъ глазами Александръ Ивановичъ; и оторвался отъ угрюмаго созерцанія текшаго изобилія: котелковъ, головъ и усовъ.

— „Ну, разумѣется: мало сказать, что ошибка... Не ошибка, а гнусное шарлатанство тутъ вмѣшалось во все; безсмысліе выдержано въ совершенствѣ—съ сознательной цѣлью: произвольно ворваться въ отношеніе тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ людей, перепутать ихъ; и въ партійномъ хаосѣ утопить выступленіе партіи“.

— „Такъ помогите мнѣ...“

— „Недопустимое издѣвательство“—перебилъ его Дудкинъ—„вмѣшалось—изъ сплетенъ и мòроковъ“.

— „Умоляю же васъ, посовѣтуйте мнѣ...“

— „И во все вмѣшалась измѣна: тутъ несетъ чѣмъ-то грознымъ, зловѣщимъ...“

— „Я не знаю... Запутался я... Я... не спалъ эту ночь...“

Digitized by Microsoft ®

— „И все это—морокъ".

Теперь Александръ Ивановичъ Дудкинъ протянулъ Аблеухову въ порывѣ участія руку; и здѣсь, кстати, замѣтилъ: Николай Аполлоновичъ значительно ниже его (Николай Аполлоновичъ не отличался росточкомъ).

— „Соберите же все хладнокровіе..."

— „Господи! Вамъ легко говорить: хладнокровіе — я не спалъ эту ночь... я не знаю, что̀ мнѣ теперь дѣлать..."

— „Сидите и ждите..."

— „Вы придете ко мнѣ?"

— „Говорю—сидите и ждите: я берусь вамъ помочь".

Онъ сказалъ такъ увѣренно, убѣжденно, почти вдохновенно, что Аблеуховъ угомонился мгновенно; а, по правдѣ сказать, въ порывѣ сочувствія Аблеухову Александръ Ивановичъ переоцѣнивалъ свою помощь... Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ могъ онъ помочь? Онъ былъ одинокій, отрѣзанный отъ общенія; конспирація позакрывала ему доступъ въ самое партійное тѣло; въ Комитетѣ же Александръ Ивановичъ не состоялъ никогда, хоть онъ и хвастался Аблеухову штабъ-квартирою; если могъ онъ помочь, то единственно могъ помочь онъ Липпанченкой; могъ сказать онъ Липпанченкѣ, воздѣйствовать чрезъ Липпанченку. Надо было прежде всего Липпанченку захватить. Предварительно же надо было скорѣй успокоить этого до глубины души потрясеннаго человѣка.

И онъ—успокоилъ:

— „Я увѣренъ, что узлы гадкой козни распутать сумѣю я: я сегодня же, тотчасъ, наведу надлежащія справки, и..."

И—запнулся: надлежащія справки могъ дать лишь Липпанченко; болѣе же — никто... Что̀ если нѣтъ его въ Петербургѣ?

— „И...?"

— „И дамъ завтра отвѣтъ".

— „Благодарю васъ, спасибо, спасибо"—и Николай Аполлоновичъ бросился пожимать ему руки; Александръ Ивановичъ тутъ смутился невольно (все зависѣло отъ того, гдѣ

Digitized by Microsoft®

теперь находилась особа и какими справками располагала она).

— „Ахъ, оставьте же: ваше дѣло касается всѣхъ насъ лично...“

Но Николай Аполлоновичъ, пребывавшій до этой минуты въ совершеннѣйшемъ ужасѣ, только и могъ отозваться на всякое слово поддержки либо вполнѣ апатично, либо — восторженно.

И Николай Аполлоновичъ отозвался восторженно.

Между тѣмъ Александръ Ивановичъ уже вновь влетѣлъ въ свою мысль; поразилъ его одинъ маленькій фактикъ: Николай Аполлоновичъ и божился, и клялся, что ужасное порученіе исходило отъ неизвѣстнаго анонима; анонимъ Аблеухову писывалъ ужъ не разъ; и было тутъ ясно: неизвѣстный тотъ анонимъ и былъ, собственно, провокаторомъ.

Далѣе...

Изъ аблеуховской путаной рѣчи все же можно было вывести слѣдствіе; свои особыя сношенія съ партіей были тутъ налицо, и изъ этихъ особыхъ сношеній нечистота выростала; силился Александръ Ивановичъ себѣ выяснить и еще кое-что; и силился тщетно: мысль его продождилась въ текшее на нихъ изобиліе—усовъ, бородъ, подбородковъ.

Невскій Проспектъ.

Бороды, усы, подбородки: то изобиліе составляло верхнія оконечности человѣческихъ туловищъ.

Протекали плечи, плечи и плечи; черную, какъ смола, гущу образовали всѣ плечи; въ высшей степени вязкую и медленно текущую гущу образовали всѣ плечи, и плечо Александра Ивановича моментально приклеилось къ гущѣ: такъ сказать, оно влипло; и Александръ Ивановичъ Дудкинъ послѣдовалъ за своенравнымъ плечомъ, сообразуясь съ закономъ о нераздѣльной цѣльности тѣла; такъ былъ выкинутъ онъ на Невскій Проспектъ; тамъ икринкой вдавился онъ въ чернотой текущую гущу.

Digitized by Microsoft ®

Что̀ такое икринка? Она есть и міръ, и объектъ потребленія; какъ объектъ потребленія, икринка не представляетъ собой удовлетворяющей цѣльности; таковая цѣльность—икра: совокупность икринокъ; потребитель не знаетъ икринокъ; но онъ знаетъ икру, то-есть, гущу икринокъ, намазанныхъ на поданномъ бутербродѣ. Такъ вотъ тѣло влетающихъ на панель индивидуумовъ превращается на Невскомъ Проспектѣ въ органъ общаго тѣла, въ икринку икры: тротуары Невскаго—бутербродное поле. То же стало и съ тѣломъ сюда влетѣвшаго Дудкина; то же стало и съ его упорною мыслью: въ чуждую, уму непостижную мысль она влипла мгновенно—въ мысль огромнаго, многоногаго существа, пробѣгающаго по Невскому.

Они сошли съ тротуара; тутъ бѣжали многія ноги; и безмолвно они заглядѣлись на многія ноги пробѣгающей темной гущи людской: эта гуща, кстати сказать, не текла, а ползла: переползала и шаркала—переползала и шаркала на протекающихъ ножкахъ; изъ многотысячныхъ членниковъ была склеена гуща; каждый членикъ былъ — туловищемъ: туловища бѣжали на ножкахъ.

Не было на Невскомъ Проспектѣ людей; но ползучая, голосящая многоножка была тамъ; въ одно сырое пространство ссыпало многоразличіе голосовъ — многоразличіе словъ; членораздѣльныя фразы разбивались тамъ другъ о друга; и безсмысленно, и ужасно тамъ разлетались слова, какъ осколки пустыхъ и въ одномъ мѣстѣ разбитыхъ бутылокъ: всѣ они, перепутавшись, вновь сплетались въ безконечность летящую фразу безъ конца и начала; эта фраза казалась безсмысленной и сплетенной изъ небылицъ: непрерывность безсмыслія составляемой фразы черной копотью повисала надъ Невскимъ; надъ пространствомъ стоялъ черный дымъ небылицъ.

И отъ тѣхъ небылицъ, порой надуваясь, Нева и ревѣла, и билась въ массивныхъ гранитахъ.

Ползучая многоножка ужасна. Здѣсь, по Невскому, она пробѣгаетъ столѣтія. А повыше, надъ Невскимъ, — тамъ бѣ-

Digitized by Microsoft®

гутъ времена: вёсны, осени, зимы. Перемѣнчива тамъ череда; и здѣсь—череда неизмѣнна вёснами, лѣтами, зимами; веснами, лѣтами, зимами череда эта та же. И періодамъ времени, какъ извѣстно, положенъ предѣлъ; и — періодъ слѣдуетъ за періодомъ; за весной идетъ лѣто; слѣдуетъ осень за лѣтомъ и переходитъ въ зиму; и все таетъ весною. Нѣтъ такого предѣла у людской многоножки; и ничто ея не смѣняетъ; ея звенья мѣняются, а она—та же вся; гдѣ-то тамъ, за вокзаломъ, завернулась ея голова; хвостъ просунутъ въ Морскую; а по Невскому шаркаютъ членистоногія звенья—безъ головы, безъ хвоста, безъ сознанья, безъ мысли; многоножка ползаетъ, какъ ползла; будетъ ползать, какъ ползала.

Совсѣмъ сколопендра!

И испуганный металлическій конь всталъ давно тамъ съ угла Аничкова Моста; и металлическій конюхъ повисъ на немъ: конюхъ ли осѣдлаетъ коня, или конюха конь разобьетъ? Эта тяжба длится годами, и—мимо нихъ, мимо!

А мимо нихъ, мимо: одиночки, пары, четверки и пары за парами—сморкаютъ, кашляютъ, шаркаютъ, клевеща и смѣясь, и ссыпаютъ въ сырое пространство многоразличными голосами многоразличіе словъ, оторвавшихся отъ ихъ родившаго смысла: котелки, перья, фуражки; фуражки, кокарды, перья; треуголка, цилиндръ, фуражка; зонтикъ, платочекъ, перо.

Діонисъ.

Да, вѣдь съ нимъ говорили!

Александръ Ивановичъ Дудкинъ снова вытащилъ свою мысль изъ бѣгущаго изобилія; протекавшія ахинеи ее загрязнили порядочно; послѣ купанія въ мысленномъ коллективѣ ахинеей стала сама она; онъ съ трудомъ ее обратилъ на слова, стрекотавшія въ ухо: это были слова Николая Аполлоновича; Николай Аполлоновичъ ужъ давно бился въ ухо словами; но прохожее слово, въ уши влетая осколкомъ, разбивало смыслъ фразы; вотъ поэтому Александру Ивановичу было трудно понять, что̀ такое ему затвердили въ барабан-

Digitized by Microsoft ®

ную перепонку; въ барабанную перепонку праздно, долго, томительно барабанныя палки выбивали мелкую дробь: то Николай Аполлоновичъ, выдираясь изъ гущи, растараторился безостановочно, быстро.

— „Понимаете ли“,—твердилъ Николай Аполлоновичъ,— „понимаете ли вы, Александръ Иванычъ, меня...“

— „О, да: понимаю“.

И Александръ Ивановичъ старался вытащить ухомъ къ нему обращенныя фразы: это было не такъ-то легко, потому что прохожее слово разбивалось объ уши его, точно каменный градъ:

— „Да, я васъ понимаю...“

— „Тамъ, въ жестянницѣ“,—твердилъ Николай Аполлоновичъ,—„копошилась навѣрное жизнь: какъ-то странно тамъ тикали часики...“

Александръ Иванычъ подумалъ тутъ:

— „Что такое жестянница, какая такая жестянница? И какое мнѣ дѣло до какихъ-то жестянницъ?“

Но внимательнѣй вслушавшись въ то, что́ твердилъ сенаторскій сынъ, сообразилъ онъ, что рѣчь шла о бомбѣ.

— „Навѣрное копошилась тамъ жизнь, какъ я привелъ ее въ дѣйствіе: была, такъ себѣ, мертвой... Ключикъ я повернулъ; даже, да: стала всхлипывать, увѣряю васъ, точно пьяное тѣло, съ просонья, когда его растолкаютъ...“

— „Такъ вы ее завели?“

— „Да, затикала...“

— „Стрѣлка?“

— „На двадцать четыре часа“.

— „Зачѣмъ это вы?“

— „Я ее, жестяночку, поставилъ на столъ и смотрѣлъ на нее, все смотрѣлъ; пальцы сами собой протянулись къ ней; и—такъ себѣ: повернули сами собой какъ-то ключикъ...“

— „Что́ вы сдѣлали?! Скорѣй ее въ рѣку!?!“—въ неподдѣльномъ испугѣ всплеснулъ Александръ Ивановичъ руками; дернулась его шея.

— „Понимаете ли, скривила мнѣ рожу?..“

Digitized by Microsoft®

— „Жестянница?“

— „Вообще говоря, очень-очень обильныя ощущенія овладѣли мной, безперерывно смѣняясь, какъ стоялъ я надъ ней: очень-очень обильныя... Просто чортъ знаетъ что̀... Ничего подобнаго я, признаться, и не испытывалъ въ жизни... Отвращеніе меня одолѣло — да такъ, что меня отвращеніе распирало... Дрянь всякая лѣзла и, повторяю, — страшное отвращеніе къ н е й, невѣроятное, непонятное: къ самой формѣ жестянницы, къ мысли, что, можетъ быть, прежде плавали въ ней сардинки (видѣть ихъ не могу); отвращеніе къ ней подымалось, какъ къ огромному, твердому насѣкомому, застрекотавшему въ уши непонятную насѣкомью свою болтовню; понимаете ли, — мнѣ осмѣлилась что-то такое тиликать?... А?...

— „Гмъ!..“

— „Отвращеніе, какъ къ громадному насѣкомому, котораго скорлупа отливаетъ тошнотворною жестью; не то что-то было тутъ насѣкомье, не то что-то—отъ нелуженой посуды... Вѣрите ли, — такъ меня распира̀ло, тошнило!.. Ну, будто бы я ее... проглотилъ...

— „Проглотили? Фу, гадость...“

— „Просто чортъ знаетъ что̀—проглотилъ; понимаете ли что̀ это значитъ? То-есть, сталъ ходячею на двухъ ногахъ бомбою съ отвратительнымъ тиканьемъ въ животѣ.

— „Тише же, Николай Аполлоновичъ,—тише: здѣсь насъ могутъ услышать!“

— „Не поймутъ они ничего: тутъ понять невозможно... Надо вотъ такъ: подержать въ столѣ, постоять и прислушаться къ тиканью... Словомъ, надо все пережить самому, въ ощущеніяхъ...“

— „А знаете“—заинтересовался теперь и Александръ Ивановичъ словами—„я понимаю васъ: тиканье... Звукъ воспринимаешь по разному; если только прислушаться къ з у ку, будетъ въ немъ—то же все, да не то... Я разъ напугалъ неврастеника; въ разговорѣ сталъ по столу пристукивать пальцемъ, со смысломъ, знаете ли, — въ тактъ разговору; такъ

Digitized by Microsoft ®

вотъ онъ вдругъ на меня посмотрѣлъ, поблѣднѣлъ, замолчалъ, да какъ спроситъ: „Что вы это?“ А я ему: „Ничего“, а самъ продолжаю постукивать по столу... Вѣрите ли — съ нимъ припадокъ: обидѣлся—до того, что на улицѣ не отвѣчалъ на поклоны... Понимаю я это...“

— „Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ: тутъ понять невозможно... Что-то тутъ—приподымалось, припоминалось—какіе-то незнакомые и все же знакомые бреды...“

— „Припоминалось дѣтство—неправда ли?“

— „Будто слетѣла какая-то повязка со всѣхъ ощущеній... Шевелилось надъ головой — знаете? Волосы дыбомъ: это я понимаю, что̀ значитъ; только это не то—не волоса, потому что стоишь съ раскрывшимся теменемъ. Волосы дыбомъ—выраженіе это я понялъ сегодняшней ночью; и это—не волосы; все тѣло было, какъ волосы,—дыбомъ: ощетинилось волосинками; и ноги, и руки, и грудь—все, будто изъ невидной шерсти, которую щекочутъ соломинкой; или вотъ тоже: будто садишься въ нарзанную холодную ванну и углекислота пузырьками по кожѣ — щекочетъ, пульсируетъ, бѣгаетъ — все быстрѣе, быстрѣе, такъ что если замрешь, то біенія, пульсы, щекотка превращаются въ какое-то мощное чувство, будто тебя терзаютъ на части, растаскиваютъ члены тѣла въ противоположныя стороны: спереди вырывается сердце, сзади, изъ спины, вырываютъ, какъ изъ плетня хворостину, собственный позвоночникъ твой; за̀-волосы тащутъ вверхъ; за̀-ноги — въ нѣдра... Двинешься — и все замираетъ какъ будто...“

— „Словомъ, были вы, Николай Аполлоновичъ, какъ Діонисъ терзаемый... Но — въ сторону шутки: вы теперь говорите совсѣмъ другимъ языкомъ; не узнаю я васъ... Не по Канту теперь говорите... Этого языка я отъ васъ еще не слыхалъ...“

— „Да я ужъ сказалъ вамъ: какая-то слетѣла повязка—со всѣхъ ощущеній... Не по Канту—вы вѣрно сказали... Какое тамъ!.. Тамъ—все другое...

— „Тамъ, Николай Аполлоновичъ, логика, проведенная

Digitized by Microsoft®

въ кровь, т.-е., ощущеніе мозга въ крови или — мертвый застой; а вотъ налетѣло на васъ настоящее потрясеніе жизни и кровь бросилась къ мозгу; оттого и въ словахъ вашихъ слышно біеніе подлинной крови...“

— „Стою я, знаете ли, надъ н е й, и—скажите пожалуйста: мнѣ кажется,—да, о чемъ это я?“

— „Вамъ „к а ж е т с я“, сказали вы“ — подтвердилъ Александръ Ивановичъ...

— „Мнѣ кажется — весь-то я пухну, весь-то я давно порaспухъ: можетъ быть, сотни лѣтъ, какъ я пухну; да и расхаживаю себѣ, не замѣчая того,—распухшимъ уродомъ... Это, правда, ужасно“.

— „Это все—ощущенія...“

— „А скажите, я... не...“

Александръ Ивановичъ сострадательно усмѣхнулся:

— „Наоборотъ, вы осунулись: щеки—втянуты, подъ глазами—круги“.

— „Я стоялъ тамъ надъ н е й... Да не *я* тамъ стоялъ—не я же, не я же, а... какой-то, такъ сказать, великанъ съ преогромною идіотскою головою и съ несросшимся теменемъ; и при этомъ—пульсируетъ тѣло; всюду-всюду на кожѣ—иголочки: стрѣляетъ, покалываетъ; и я явственно слышу уколъ—въ разстояніи по крайней мѣрѣ на четверть аршина отъ тѣла, внѣ тѣла!.. А?.. Подумайте только!.. Потомъ—другой, третій: много-много уколовъ въ ощущеньи совершенно тѣлесномъ—внѣ тѣла... А уколы-то, біенія, пульсы—поймите вы!—очертили собственный контуръ мой — за предѣлами тѣла, внѣ кожи: кожа — внутри ощущеній. Что это? Или я былъ вывернутъ на изнанку, кожей — внутрь, или выскочилъ мозгъ?

— „Просто были вы внѣ себя...“

— „Хорошо это вамъ говорить „внѣ себя“; „внѣ себя“—такъ всѣ говорятъ; выраженіе это — аллегорія просто, не опирающаяся на тѣлесныя ощущенія, а, въ лучшемъ случаѣ, лишь на эмоцію. Я же чувствовалъ себя в н ѣ с е б я совершенно тѣлесно, физіологически, что ли, и вовсе не эмоціонально... Разумѣется, кромѣ того, я былъ еще в н ѣ с е б я

Digitized by Microsoft ®

въ вашемъ смыслѣ: то-есть, былъ потрясенъ. Главное же не это, а то, что ощущенія органовъ чувствъ разлились вкругъ меня, вдругъ расширились, распространились въ пространство: разлетался я, какъ бомб...“

— „Тссъ!“

— „На части!..“

— „Могутъ услышать...“

— „Кто же это тамъ стоялъ, ощущалъ — я, не я? Это было со мною, во мнѣ, внѣ меня... Видите, какой наборъ словъ?..“

— „Помните, давеча, какъ я у васъ былъ, съ узелкомъ, то я у васъ спрашивалъ, почему это *я — я*. Вы тогда меня не поняли вовсе...

— „А теперь я в с е понялъ: но вѣдь это — ужасъ, вѣдь ужасъ...“

— „Не ужасъ, а подлинное переживанье Діониса: не словесное, не книжное, разумѣется... Умирающаго Діониса...“

— „Просто, чортъ знаетъ что!“

— „Успокойтесь же, Николай Аполлоновичъ, вы страшно устали; и устать вамъ немудрено: столькое пережить за одну только ночь... И не такого свалило бы“.—Александръ Ивановичъ положилъ свою руку ему на плечо; плечо передъ нимъ выдавалось на уровнѣ груди; и плечо то дрожало; Александръ Ивановичъ теперь испытывалъ прямо-таки потребность отдѣлаться отъ нервно трещавшаго передъ нимъ Николая Аполлоновича, чтобы отдать себѣ въ происшедшемъ ясный и спокойный отчетъ.

— „Да я спокоенъ, совершенно спокоенъ; теперь знаете ли, я не прочь даже выпить; бодрость эдакая, подъемъ... Вѣдь вы навѣрное можете мнѣ сказать, что порученье—обманъ?“

Этого навѣрное не могъ сказать Александръ Ивановичъ; тѣмъ не менѣе Александръ Ивановичъ съ необычною пылкостью отрѣзалъ всего лишь:

— „Ручаюсь...“

Подпись от Microsoft

Откровеніе.

Наконецъ онъ простился.

Надо было теперь зашагать: все шагать, вновь шагать—до полнаго одурѣнія мозга, чтобъ свалиться на столикъ харчевни—соображать и пить водку.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ: письмецо, письмецо! Самъ-то онъ вѣдь долженъ былъ передать письмецо — по порученію нѣкой особы: передать Аблеухову.

Какъ онъ все позабылъ! Письмецо съ собою онъ бралъ, отправляясь тогда къ Аблеухову—съ узелочкомъ; письмецо передать онъ забылъ; передалъ вскорѣ послѣ — Варварѣ Евграфовнѣ, которая ему говорила, что съ Аблеуховымъ встрѣтится. Письмецо-то вотъ и могло оказаться письмецомъ роковымъ.

Нѣтъ, да нѣтъ!

Не тѣмъ оно было; да и то, роковое, по словамъ Аблеухова, ему было передано на балу; и—какою-то маскою... Маска, балъ и—Варвара Евграфовна Соловьева!

Нѣтъ и нѣтъ!

Александръ Ивановичъ успокоился: значитъ то письмецо вовсе не было этимъ, переданнымъ Соловьевой и полученнымъ отъ Липпанченки; значитъ онъ, Александръ Ивановичъ Дудкинъ, непричастенъ былъ въ этомъ дѣлѣ; но—главное: ужасное порученіе отъ особы исходить не могло; это былъ главный козырь въ рукахъ его: козырь, побивающій бредъ и всѣ бредныя его подозрѣнія (подозрѣнія эти опять пронеслись у него въ головѣ, когда онъ обѣщался, ручался, за партію—за Липпанченко, то-есть, потому что Липпанченко былъ его органъ общенія съ партіей); если бы не этотъ въ рукахъ его находящійся козырь, то-есть, если бы письмецо шло отъ партіи, отъ Липпанченко, то особа, Липпанченко, была бы особою подозрительной, а онъ, Александръ Ивановичъ Дудкинъ, оказался бы связаннымъ онъ съ подозрительной личностью.

Digitized by Microsoft ®

И встали бы бреды.

Только-что онъ сообразилъ это все, и уже собирался пересѣчь токъ пролетокъ, чтобъ прыгнуть въ навстрѣчу бѣгущую конку (трамвая вѣдь еще не было), какъ его позвалъ голосъ:

— „Александръ Иванычъ, постойте... Минуточку...“

Обернулся и видѣлъ, что оставленный имъ за мгновенье предъ тѣмъ Николай Аполлоновичъ, задыхаясь, бѣжитъ за нимъ чрезъ толпу—весь дрожащій и потный, съ лихорадочнымъ огонечкомъ въ глазахъ онъ махалъ ему тростью черезъ головы удивленныхъ прохожихъ...

— „Минуточку...“

Ахъ ты Господи!

— Стойте: мнѣ, Александръ Ивановичъ, трудно съ вами разстаться... Я вотъ только скажу вамъ еще...“—онъ взялъ его за руку и отвелъ къ ближайшей витринѣ.

— „Мнѣ открылось еще... Откровеніе это, что ли—тамъ, надъ жестяночкой?..“

— „Слушайте, Николай Аполлоновичъ, мнѣ пора; и по вашему дѣлу пора...“

— „Да, да, да: я сейчасъ... я секундочку, терцію...“

— „Ну—ну: слушаю...“

Николай Аполлоновичъ обнаруживалъ теперь своимъ видомъ, ну, прямо-таки, вдохновенье какое-то; съ радости онъ, очевидно, забылъ, что не все еще распуталось для него, и—что̀ главное: жестянница еще тикала, преодолѣвая безъ устали двадцать четыре часа.

— „Будто какое-то откровеніе, что я — росъ: росъ я, знаете ли, въ неизмѣримость, преодолѣвая пространства; увѣряю васъ, что то было реально: и со мною росли всѣ предметы; и—комната, и—видъ на Неву, и—Петропавловскій шпицъ: все выростало, росло — все; и уже приканчивался ростъ (просто рости было нé-куда, нé-вочто); въ этомъ же, что̀ кончалось, въ концѣ, въ окончаніи,—тамъ, казалось мнѣ, было какое-то иное начало: законечное, что ли... Какое-то оно пренелѣпѣйшее, непріятнѣйшее и дичайшее—дичайшее,

Digitized by Microsoft®

вотъ что—главное; дичайшее, можетъ быть, потому что у меня не имѣется органа, который бы умѣлъ осмысливать этотъ смыслъ, такъ сказать, законечный; въ мѣстѣ органовъ чувствъ ощущеніе было — „ноль“ ощущеніемъ; а воспринималося нѣчто, что̀ и не ноль, и не единица, а—менѣе, чѣмъ единица. Вся нелѣпость была, можетъ быть, только въ томъ, что ощущеніе было — ощущеніемъ „ноль минусъ нѣчто“, хоть пять, напримѣръ“.

— „Слушайте“,—перебилъ Александръ Ивановичъ—„вы скажите-ка лучше мнѣ вотъ что̀: письмецо то вы чрезъ Варвару Евграфовну Соловьеву, небось, получили?..“

— „Письмо...“

— „Да не то, не записочку: письмо, шедшее чрезъ Варвару Евграфовну...“

— „Ахъ, про стихи эти съ подписью „Пламенная Душа?“

— „Да ужъ я тамъ не знаю: словомъ, шедшее чрезъ Варвару Евграфовну...“

— „Получилъ, получилъ... Нѣтъ — вотъ я говорю, что вотъ „ноль минусъ нѣчто“... Что это?“

Господи: все о томъ же!..

— „Почитали бы вы Апокалипсисъ...“

— „Я отъ васъ и прежде слышалъ упрекъ, что Апокалипсисъ мнѣ неизвѣстенъ; а теперь прочту — непремѣнно прочту; теперь, когда вы меня успокоили относительно... всего этого, чувствую, какъ у меня пробуждается интересъ къ кругу вашего чтенія; вотъ засяду, знаете, дома, буду пить бромъ и читать Апокалипсисъ; у меня громаднѣйшій интересъ: что-то осталось отъ ночи: все то—да не то... Вотъ, напримѣръ, посмотрите: витрина... А въ витринѣ-то — отраженія: вотъ прошелъ господинъ въ котелкѣ — посмотрите... уходитъ... Вотъ — мы съ вами, видите? И все — какъ-то странно...“

— „Какъ-то странно“ — кивнулъ головой утвердительно Александръ Ивановичъ: Господи, да вѣдь по части „какъ странно“ былъ онъ, кажется, спеціалистъ.

— „Или вотъ тоже: предметы... Чортъ ихъ знаетъ, что̀

Digitized by Microsoft ®

они на самомъ дѣлѣ: то же все — да не то... Это я постигъ на жестянницѣ: жестянница, какъ жестянница; и—нѣтъ, нѣтъ: не жестянница, а...“

— „Тссъ!“

— „Жестянница ужаснаго содержанія!“

— „А жестянницу вы скорѣе въ Неву; и все—вдвинется; все вернется на мѣсто...“

— „Не вернется, не станетъ, не будетъ...“

Онъ тоскливо обвелъ мимо бѣгущія пары; онъ тоскливо вздохнулъ, потому что онъ зналъ: не вернется, не станетъ, не будетъ—никогда, никогда!

Александръ Ивановичъ удивлялся потоку болтливости, хлынувшему изъ устъ Аблеухова; онъ, признаться, не зналъ, что ему съ той болтливостью дѣлать: успокаивать ли, поддерживать ли, наоборотъ—оборвать разговоръ (присутствіе Аблеухова прямо его угнетало).

— „Это вамъ только, Николай Аполлоновичъ, ощущенія ваши кажутся странными; просто вы до сихъ поръ сидѣли надъ Кантомъ въ непровѣтренной комнатѣ; налетѣлъ на васъ шквалъ—вотъ и стали вы въ себѣ замѣчать: вы прислушались къ шквалу; и себя услыхали въ немъ... Состоянія ваши многообразно описаны; они — предметъ наблюденій, учёбы...“

— „Гдѣ же, гдѣ?“

— „Въ беллетристикѣ, въ лирикѣ, въ психіатріяхъ, въ оккультическихъ изысканіяхъ“.

Александръ Ивановичъ улыбнулся невольно такой вопіющей (съ его точки зрѣнія) безграмотности этого умственно развитого схоласта, и улыбнувшися, продолжалъ онъ серьезно:

— „Психіатръ...“

— „?“

— „Назоветъ...“

— „Да-да-да...“

— „Это все...“

— „Что „это все“ — то да не то?“

Digitized by Microsoft ®

— „Ну, т о д а н е т о—зовите хоть такъ—для него обычнѣйшимъ терминомъ: псевдо-галлюцинаціей...“

— „?“

— „То-есть родомъ символическихъ ощущеній, несоотвѣтствующихъ раздраженію ощущенія“.

— „Ну такъ что-жъ: такъ сказать, это все равно, что ничего не сказать!..“

— „Да, вы правы...“

— „Нѣтъ, меня не удовлетворяетъ...“

— „Конечно: модернистъ назоветъ ощущеніе это—ощущеніемъ бездны, то-есть символическому ощущенію, не переживаемому обычно, будетъ онъ подыскивать соотвѣтственный образъ“.

— „Такъ вѣдь тутъ аллегорія“.

— „Не путайте аллегорію съ символомъ: аллегорія это символъ, ставшій ходячей словесностью; напримѣръ, обычное пониманіе вашего „в н ѣ с е б я“; символъ же есть самая апелляція къ пережитому вами тамъ — надъ жестянницей; приглашеніе что-либо искусственно пережить пережитое т а к ъ... Но болѣе соотвѣтственнымъ терминомъ будетъ терминъ иной: пульсація стихійнаго тѣла. Вы такъ именно пережили себя; подъ вліяніемъ потрясенія совершенно реально въ васъ дрогнуло стихійное тѣло, на мгновеніе отдѣлилось, отлипло отъ тѣла физическаго, и вотъ вы пережили все то, что̀ вы тамъ пережили: затасканныя словесныя сочетанія въ родѣ „б е з д н а—б е з ъ д н а“ или „в н ѣ... с е б я“ углубились, для васъ стали жизненной правдою, символомъ; переживанія своего стихійнаго тѣла по ученію иныхъ мистическихъ школъ превращаютъ словесные смыслы и аллегоріи въ смыслы реальные, въ символы; такъ какъ этими символами изобилуютъ произведенія мистиковъ, то теперь-то послѣ пережитаго, я и совѣтую вамъ этихъ мистиковъ почитать...“

— „Я сказалъ вамъ, что буду: и—буду...“

— „А по поводу бывшаго съ вами я могу лишь прибавить одно: этотъ родъ ощущеній будетъ первымъ вашимъ переживаньемъ загробнымъ, какъ о томъ повѣствуетъ Пла-

Digitized by Microsoft ®

тонъ, приводя въ свидѣтельство завѣренья бакхантовъ... Есть школы опыта, гдѣ ощущенія эти вызываютъ сознательно—вы не вѣрите?... Есть: это я говорю вамъ увѣренно, потому что единственный другъ мой и близкій—тамъ, въ этихъ школахъ; школы опыта вашъ кошмаръ претворяютъ работою въ закономѣрность гармоніи, изучая тутъ ритмы, движенья, пульсаціи, и вводя всю трезвость сознанія въ ощущеніе расширенія, напримѣръ... Впрочемъ, что̀ мы стоимъ: заболтались... Вамъ необходимо скорѣе домой, и... жестянницу въ рѣку; и сидите, сидите: никуда—ни ногой (вѣроятно за вами слѣдятъ); такъ сидите ужъ дома, читайте себѣ Апокалипсисъ, пейте бромъ: вы ужасно измучились... Впрочемъ, лучше безъ брома: бромъ притупляетъ сознаніе; злоупотреблявшіе бромомъ становятся неспособными ни на что... Ну, а мнѣ пора въ бѣгство, и—по вашему дѣлу".

Пожавъ Аблеухову руку, Александръ Ивановичъ отъ него шмыгнулъ неожиданно въ черный токъ котелковъ, обернулся изъ этого тока и еще разъ оттуда онъ выкрикнулъ:

— „А жестянницу—въ рѣку!"

Въ плечи влипло его плечо: онъ стремительно былъ унесенъ безголовою многоножкою.

Николай Аполлоновичъ вздрогнулъ: жизнь клокотала въ жестяночкѣ; часовой механизмъ дѣйствовалъ и сейчасъ; поскорѣе же къ дому, скорѣе; вотъ сейчасъ найметъ онъ извозчика; какъ вернется, засунетъ ее въ боковой свой карманъ; и—въ Неву ее!

Николай Аполлоновичъ вновь сталъ чувствовать, что онъ расширяется; одновременно онъ чувствовалъ: накрапывалъ дождикъ.

Каріатида.

Тамъ, напротивъ, чернѣлъ перекрестокъ; и тамъ — была улица; каменно принависла тамъ каріатида подъѣзда.

Учрежденіе возвышалось оттуда: Учрежденіе, гдѣ главенствовалъ надо всѣмъ Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ.

Digitized by Microsoft ®

Есть предѣлъ осени; и зимѣ есть предѣлъ: самые періоды времени протекаютъ циклически. И надъ этими циклами принависла бородатая каріатида подъѣзда; головокружительно въ стѣну вдавилось ея каменное копыто; такъ и кажется, что вся она оборвется и просыплется на улицу камнемъ.

И вотъ—не срывается.

То, что̀ видитъ она надъ собой, какъ жизнь, перемѣнчиво, неизъяснимо, невнятно: тамъ плывутъ облака; въ неизъяснимости бѣлые вьются барашки; или—сѣется дождикъ; сѣется, какъ теперь: какъ вчера, какъ позавчера.

То же, что̀ видитъ она подъ ногами, какъ и она—неизмѣнно: неизмѣнно теченіе людской многоножки по освѣщенной панели; или же: какъ теперь, — въ мрачной сырости; мертвенно шелестѣніе пробѣгающихъ ногъ; и вѣчно-зелены лица; нѣтъ, не видно по нимъ, что событія ужъ гремятъ.

Наблюдая проходъ котелковъ, не сказалъ бы ты никогда, что гремѣли событія, напримѣръ, въ городкѣ Акъ-Тюке, гдѣ рабочій на станціи, поссорившись съ желѣзнодорожнымъ жандармомъ, присвоилъ кредитку жандарма, введя ее въ свой желудокъ при помощи ротового отверстія, отчего въ тотъ желудокъ введено было рвотное—желѣзнодорожнымъ врачомъ; наблюдая проходъ котелковъ, не сказалъ бы никто, что уже въ Кутаисскомъ театрѣ публика воскликнула: „Граждане!...“ Не сказалъ бы никто, что въ Тифлисѣ открылъ околоточный фабрикацію бомбъ, библіотека въ Одессѣ закрылась и въ десяти Университетахъ Россіи шелъ многотысячный митингъ—въ одинъ день, въ одинъ часъ; не сказалъ бы никто, что именно въ это время тысячи убѣжденныхъ бундистовъ привалили на сходку, что кочевряжились пермяки, и что именно въ это время сталъ выкидывать свои красные флаги, окруженный казаками, ревельскій чугунно-литейный заводъ.

Наблюдая проходъ котелковъ, не сказалъ бы никто, что ключомъ била новая жизнь, что Потапенко подъ такимъ заглавіемъ оканчивалъ пьесу, что уже началась забастовка на Московско-Казанской дорогѣ; поразбивали на станціяхъ стекла, врывались въ пакгаузы, прекращали работу на Курской, Вин-

Digitized by Microsoft ®

давской, Нижегородской и Муромской желѣзныхъ дорогахъ; и десятками тысячъ вагоны, пораженные столбнякомъ, останавливались въ многообразныхъ пространствахъ; сообщеніе—мертвенѣло. Наблюдая проходъ котелковъ, не сказалъ бы никто, что въ Петербургѣ ужъ гремѣли событія, что наборщики почти всѣхъ типографій, избравъ делегатовъ, сроились; и — бастовали заводы: судостроительный, Александровскій, прочіе; что пригороды Петербурга кишѣли манджурскою шапкою; наблюдая проходъ котелковъ, не сказалъ бы никто, что идущіе были тѣ, да не тѣ; что не просто шагали, но шагали, тая въ себѣ безпокойство, чувствуя свою голову головой идіотской, съ несросшимся теменемъ, разрубаемымъ шашкою, расшибаемымъ и просто деревяннымъ коломъ; если бы припасть ухомъ къ землѣ, то услышали бы они чей-то ласковый шелестъ: шелестъ отъ непрерывнаго револьвернаго треска — отъ Архангельска до Колхиды, и отъ Либавы до Благовѣщенска.

Но циркуляція не нарушилась: монотонно, медлительно, мертвенно еще текли котелки подъ ногами каріатиды.

. . . . . .

Сѣрая каріатида нагнулась и подъ-ноги себѣ—смотритъ: на все ту же толпу; нѣтъ предѣла презрѣнію въ старомъ камнѣ очей; пресыщенію—нѣтъ предѣла; и нѣтъ предѣла—отчаянью.

И, о, если бы силу!

Распрямились бы мускулистыя руки на взлетѣвшихъ надъ каменной головою локтяхъ; и рѣзцомъ изсѣченное темя рванулось бы бѣшено; въ гулкомъ ревѣ, въ протяжно-отчаянномъ ревѣ,—разорвался бы ротъ; ты сказалъ бы: „То ревъ урагана“ (такъ ревѣли черныя тысячи картузовъ городскихъ громилъ на погромахъ); какъ изъ свистка паровоза, паромъ обдало-бъ улицу; привскочилъ бы надъ улицей ею оторванный отъ стѣны самъ балконный карнизъ; и распался-бъ на крѣпкіе громко-гремящіе камни (очень скоро потомъ разбивали камнями окна земскихъ управъ и губернскихъ земскихъ собраній); каменнымъ градомъ на улицу оборвалося бы ста-

Digitized by Microsoft®

рое изваяніе это, описавши въ мрачнѣющемъ воздухѣ и стремительную, и ослѣпительную дугу; и кровавясь осколками, улеглось бы оно на испуганныхъ котелкахъ, проходившихъ здѣсь—мертвенно, монотонно, медлительно...

. . . . . .

Въ этотъ сѣренькій петербургскій денечекъ распахнулась тяжелая, роскошная дверь: сѣрый бритый лакей съ золотымъ галуномъ на отворотахъ бросился изъ передней подавать знаки кучеру; кони кинулись на подъѣздъ, подкатили лаковую карету; сѣрый, бритый лакей поглупѣлъ и вытянулся въ струну, когда Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, сутуловатый, согбенный, небритый, съ болѣзненно-опухшимъ лицомъ и съ отвисшей губой прикоснулся къ краю цилиндра (цвѣта вóронаго крыла) перчатками (цвѣта вóронаго крыла).

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ бросилъ мгновенный, исполненный равнодушія взглядъ на вытянутаго лакея, на карету, на кучера, на большой черный мостъ, на равнодушныя пространства Невы, гдѣ такъ блекло чертились туманныя, многотрубныя дали и гдѣ пепельно всталъ неотчетливый Васильевскій Островъ съ бастовавшими десятками тысячъ.

Вытянутый лакей захлопнулъ каретную дверцу, на которой изображался стародворянскій гербъ: единорогъ, прободающій рыцаря; карета стремительно пролетѣла въ грязноватый туманъ—мимо матово намѣчавшагося черноватаго храма, Исакія, мимо коннаго памятника императора Николая — на Невскій, гдѣ сроилась толпа, гдѣ, отрываясь отъ деревяннаго древка, грéбнями разрывались по воздуху, гдѣ трепались и рвались — легкосвистящія лопасти краснаго кумачоваго полотнища; черный контуръ кареты, абрисъ треуголки лакея и разлетѣвшихся въ воздухѣ крыльевъ шинели неожиданно врѣзался въ черную, косматую гущу, гдѣ манджурскія шапки, околыши, картузы, сроившись, грянули въ стекла кареты отчетливымъ пѣніемъ.

Карета остановилась въ толпѣ.

Digitized by Microsoft ®

— „Mais j'espère..."

— „Вы надѣетесь?"

— „Mais j'espère que oui",—дзенкнула изъ-за двери рѣчь иностранца.

Шаги Александра Ивановича простучали по доскамъ терраски съ намѣренной твердостью; Александръ Ивановичъ подслушивать не любилъ. Дверь, ведущая въ комнаты, была полуоткрыта.

Темнѣло: синѣло.

Его шаговъ не разслышали. Александръ Ивановичъ Дудкинъ рѣшилъ не подслушивать; поэтому переступилъ порогъ двери онъ.

Въ комнатѣ стояло тяжелое благовоніе; смѣсь парфюмеріи съ какою-то терпкою кислотою: съ медикаментами.

Зоя Захаровна Флейшъ любезничала, какъ всегда. Въ кресло силилась она усадить какого-то захожаго иностранца; иностранецъ отнѣкивался.

Темнѣло: синѣло.

— „Ахъ, какъ рада васъ видѣть... Очень, очень рада васъ видѣть: оботрите ноги, раздѣньтесь..."

Но отвѣтной радости не послѣдовало; Александръ Ивановичъ пожалъ Зоину руку.

— „Вы, надѣюсь, вынесли прекрасное впечатлѣніе о Россіи... Не правда ли..." — обратилась она къ поджарому иностранцу.—„Какой небывалый подъемъ?"

И французъ сухо дзенкнулъ:

— „Mais j'espère..."

Зоя Захаровна Флейшъ, потирая пухлые пальцы, поперемѣнно обращала свой ласковый, немного растерянный взоръ то на француза, то на Александра Ивановича; у нея были выпуклые глаза: они вылѣзали изъ орбитъ. Зоѣ Захаровнѣ казалось лѣтъ сорокъ; Зоя Захаровна была большеголовой

Digitized by Microsoft®

брюнеткой; эмалированы были ея крѣпкія щеки; со щекъ сыпалась пудра.

— „А е г о еще нѣтъ... Вѣдь вамъ е г о надо?“—спросила она невзначай Александра Ивановича; въ этомъ бѣгломъ вопросѣ обнаружилась затаиваемая тревога; можетъ быть, затаилась враждебность; а, можетъ быть, ненависть; но тревогу, враждебность и ненависть ласково покрывали: улыбка и взоръ; такъ скрывается въ продаваемыхъ липко-сладкихъ конфетахъ вся отвратная грязь непровѣтряемыхъ кондитерскихъ кухонь.

— „Ну, я все-таки е г о подожду“.

Александръ Ивановичъ поклонился французу; онъ потянулся за грушею (на столѣ стояла ваза съ дюшесами); Зоя Захаровна Флейшъ отъ Александра Ивановича тутъ отставила вазу: Александръ Ивановичъ такъ любилъ груши.

Груши грушами, но не въ нихъ была сила.

Сила—въ голосѣ: въ голосѣ, запѣвавшемъ откуда-то; голосъ былъ совершенно надорванный, невозможно крикливый и сладкій; и при этомъ: голосъ былъ съ недопустимымъ акцентомъ. На зарѣ двадцатаго вѣка такъ пѣть невозможно; просто какъ-то безстыдно; въ Европѣ такъ не поютъ. Александру Ивановичу померещилось, что поющій—сладострастный, жгучій брюнетъ; брюнетъ—непремѣнно; у него такая вотъ впалая грудь, провалившаяся между плечъ, и такіе вотъ глаза совершеннаго таракана; можетъ быть, онъ чахоточный; и, вѣроятно, южанинъ: одесситъ или даже — болгаринъ изъ Варны (пожалуй, такъ будетъ лучше); ходитъ онъ не совсѣмъ въ опрятномъ бѣльѣ; пропагандируетъ что-нибудь, ненавидитъ деревню. Строя мысли свои о невидимомъ исполнителѣ пѣсенки, Александръ Ивановичъ потянулся вторично за грушею.

Между тѣмъ Зоя Захаровна Флейшъ ни на минуту отъ себя не отпускала француза:

— „Да, да, да: мы переживаемъ событія исторической важности... Всюду бодрость и молодость... Будущій историкъ напишетъ... Не вѣрите? Походите на митинги... Послушайте пылкія изліянія чувствъ, поглядите: всюду—восторгъ“.

Digitized by Microsoft ®

Но французъ не желалъ поддерживать разговоръ.

— „Pardon, madame, monsieur viendrat il bientôt?“

Чтобъ не быть свидѣтелемъ этого непріятнаго разговора, почему-то унизившаго его національное чувство, Александръ Ивановичъ подошелъ вплотную къ окошку, чуть было не споткнувшись о косматаго сенъ-бернара, на полу глодавшаго кость.

Дачка окнами выходила на море: темнѣло, синѣло.

Повернулся глазъ маяка; заморгалъ огонечекъ: „разъ-два-три“—и потухъ; полоскался по вѣтру тамъ темный плащъ отдаленнаго пѣшехода; еще дальше курчавились гребни; свѣтовою крупою поразсыпались береговые огни; многоглазое взморье ощетинилось тростникомъ; издали занывала сирена.

Какой вѣтеръ!

— „Вотъ вамъ пепельница...“

Пепельница опустилась подъ носомъ Александра Ивановича: но Александръ Ивановичъ былъ обидчивый человѣкъ, такъ что ткнулъ окуркомъ онъ въ цвѣточную вазу: ткнулъ изъ духа протеста.

— „А поетъ-то тамъ кто?“

Зоя Захаровна сдѣлала жестъ, изъ котораго явствовало, что Александръ Ивановичъ отсталъ: недопустимо отсталъ.

— „Какъ? Вы не знаете?.. Да, конечно: не знаете... Ну, такъ знайте: Шишнарфіевъ... Вотъ что̀ значитъ сидѣть бирюкомъ... Шишнарфіевъ,—онъ со всѣми нами освоился...“

— „Гдѣ-то фамилію слышалъ...“

— „Шишнарфіевъ замѣчательно артистиченъ...“

Зоя Захаровна произнесла эту фразу съ видомъ рѣшительнымъ — съ такимъ видомъ, какъ будто онъ, Александръ Ивановичъ, издавна надъ артистичностью всѣмъ извѣстнаго, со всѣми дружащаго обладателя имени поставилъ неумѣстнѣйшій вопросительный знакъ. Но Александръ Ивановичъ талантовъ этого самаго господина не намѣревался оспаривать.

Онъ спросилъ всего-навсего:

Digitized by Microsoft®

— „Армянинъ? Болгаринъ? Грузинъ?“

— „Нѣтъ и нѣтъ...“

— „Хорватъ? Персіанинъ?“

— „Персіанинъ изъ Шемахи, чуть было недавно не павшій жертвою рѣзни въ Испагани...“

— „А... младоперсъ?“

— „Разумѣется... Вы не знали?.. Стыдитесь...“

Взглядъ сожалѣнія, снисхожденія въ его сторону, и—Зоя Захаровна Флейшъ повернулась къ французу.

Александръ Ивановичъ, естественно, разговора не слушалъ: слушалъ онъ безнадежно сорванный теноръ; дѣятель младой Персіи пѣлъ тамъ страстный цыганскій романсъ и навѣивалъ на-душу все какія-то невеселыя думы. Между прочимъ: Александръ Ивановичъ вскользь подумалъ о томъ, что черты лица Зои Флейшъ по справедливости были сняты съ лицъ самыхъ разнообразныхъ красавицъ: носъ—съ одной, ротъ—съ другой, уши—съ третьей красавицы.

Вмѣстѣ-жъ взятыя, рѣшительно онѣ раздражали. И казалась Зоя Захаровна сшитою изъ многихъ красавицъ, будучи сама далеко не красива—ей, ей! Но существеннѣйшею чертою ея была принадлежность къ категоріи, что называется, жгучихъ восточныхъ брюнетокъ.

Трескучая болтовня Зои Захаровны тѣмъ не менѣе долетала и настигала Александра Ивановича:

— „Это вы о деньгахъ?“

Молчанье.

— „Деньги изъ-заграницы—понадобятся...“

Нетерпѣливое движеніе локтя.

— „Вашему редактору лучше не пріѣзжать послѣ разгрома организаціи Т. Т...“

Но французъ—ни гу-гу.

— „Потому что найдены документы“.

Если бы Александръ Ивановичъ могъ подумать о дѣлѣ, то извѣстіе о разгромѣ Т. Т. могло бы (это скажемъ мы) сшибить его съ ногъ; но онъ слушалъ,—какъ дѣятель младой Персіи заливался романсомъ. Французъ этимъ време-

Digitized by Microsoft ®

немъ, выведенный изъ себя такъ и лѣзшею къ нему Зоей Флейшъ, осадилъ:

— „Je serai bien triste d'avoir manqué l'occasion de parler à monsieur".

— „Все равно: говорите со мною..."

— „Excusez, dans certain cas je prefaire parler personellement"...

Въ окнѣ бился кустъ.

Межъ вѣтвями куста было видно, какъ пѣнились волны да раскачивалось парусное судно, вечеровое и синее; тонкимъ слоемъ рѣзало оно мглу острокрылатыми парусами; на поверхности паруса медленно уплотнялась синеватая ночь.

Казалось, что вовсе стирается парусъ.

Къ садику въ это время подъѣхалъ извозчикъ; тѣло грузнаго толстяка, страдающаго явно одышкой, неторопливо вываливалось изъ пролетки; обремененная полудюжиной на веревочкахъ заколебавшихся свертковъ, неповоротливая рука медлительно какъ-то стала возиться надъ кожанымъ кошелькомъ; изъ-подъ мышки надъ лужею косолапо выпалъ мѣшокъ; налету разрывая бумагу, антоновки покатились по грязи.

Господинъ завозился надъ лужею, подбирая антоновки; пальто его распахнулось; онъ очевидно кряхтѣлъ; затворяя калитку, онъ вновь едва не разсыпалъ покупочки.

Господинъ приблизился къ дачкѣ по садовой желтой дорожкѣ между двухъ рядовъ въ вѣтрѣ изогнутыхъ кустиковъ; распространилась вокругъ та гнетущая знакомая атмосфера; покрытая шапкой съ наушниками круто какъ-то на грудь осѣдала зловѣщая голова; глубоко въ орбитахъ сидящіе глазки на этотъ разъ не бѣгали вовсе (какъ бѣгали они передъ всякимъ пристальнымъ взоромъ); глубоко сидящіе глазки устало уставились въ стекла.

Александръ Ивановичъ успѣлъ подсмотрѣть въ этихъ глазкахъ (представьте себѣ!) какую-то особую, свою радость, смѣшанную съ усталостью и печалью—чисто животную радость: отогрѣться, выспаться и плотно поужинать послѣ

Digitized by Microsoft®

столькихъ перенесенныхъ трудовъ. Такъ звѣрь кровожадный: возвращаясь въ берлогу, кажется звѣрь кровожадный домашнимъ и кроткимъ, обнаруживъ беззлобіе, на какое способенъ и онъ; дружелюбно обнюхиваетъ тогда этотъ звѣрь свою самку; и облизываетъ заскулившихъ щенятъ.

Неужели это о с о б а?

Да: это—о с о б а; и о с о б а на этотъ разъ не ужасная; видъ ея—прозаическій; но это—особа.

. . . . . .

— „Вотъ и онъ!“

— „Enfin...“

— „Липпанченко!..“

— „Здравствуйте...“

Желтый песъ, сенъ-бернаръ, съ радостнымъ ревомъ метнулся чрезъ комнату и, подпрыгнувъ, палъ мохнатыми лапами прямо о с о б ѣ на грудь.

— „Пошелъ прочь, Томъ!..“

О с о б а не имѣла даже и времени запримѣтить своихъ незваныхъ гостей, защищая отчаянно отъ мохнатаго сенъ-бернара покупочки; на широкоплоскомъ, квадратномъ лицѣ отпечатлѣлась смѣсь юмора съ безпомощной злостью; проскользнула—просто какая-то дѣтскость:

— „Опять обслюнявилъ“.

И безпомощно повернувшись отъ Тома, особа воскликнула:

— „Зоя Захаровна, освободите-жъ меня...“

Но широкій песій языкъ неуважительно облизнулъ кончикъ о с о б и н а носа; тутъ о с о б а пронзительно вскрикнула—безпомощно вскрикнула (въ то же время она, представьте себѣ,—улыбалась)...

— „Томка же!“

Но увидѣвъ, что—гости, и что гости-то—ждутъ, нетерпѣливо посмѣиваясь на идиллію домашняго быта, о с о б а перестала смѣяться и отрѣзала безо всякой учтивости:

— „Позвольте, позвольте! Сейчасъ: вотъ я только...“

И при этомъ обидчиво дрогнула отвисающая губа; на губѣ же было написано:

Digitized by Microsoft®

— „И тутъ нѣтъ покою...“

Особа бросилась въ уголъ; тамъ топталась—въ углу: все не снимались калоши—новыя и нѣсколько тѣсныя; долго еще она стояла въ углу, медля снять пальтецо и рукой копаясь въ туго набитомъ карманѣ (будто тамъ былъ запрятанъ двѣнадцати-зарядный браунингъ); наконецъ рука вылѣзла изъ кармана — съ дѣтской куколкою, съ Ванькой-Встанькой.

Куколку эту она швырнула на столъ.

— „А это вотъ Акулининой Манькѣ...“

Гости, признаться, тутъ разинули рты.

Послѣ же, потирая озябшія руки, она обратилась къ французу съ робѣющей подозрительностью:

— „Пожалуйте... Вотъ сюда... Вотъ сюда“.

И—кинула Дудкину:

— „Повремените...“

Лобныя кости.

— „Зоя Захаровна...“

— „А?“

— „Шишнарфіевъ—это я понимаю: дѣятель младой Персіи, пылкая артистическая натура; но вотъ—причемъ тутъ французъ?“

— „Много станете знать—скоро станете стары“—не по-русски отвѣтила та, и чрезмѣрныя перси ея заходили надъ туго затянутымъ лифомъ; пошипывалъ въ рукѣ пульверизаторъ.

Въ комнатѣ слышалось тяжелое благовоніе: смѣсь парфюмеріи съ искусственно приготовляемымъ зубомъ (кто сиживалъ въ зубоврачебныхъ квартирахъ, тотъ запахъ этотъ знаетъ навѣрное—запахъ не изъ пріятныхъ).

Зоя Захаровна тутъ придвинулась къ Александру Ивановичу.

— „А вы все... отшельникомъ...“

Губы Александра Ивановича какъ-то криво поджались:

Digitized by Microsoft®

— „Вашъ же сожитель давно уже постарался объ этомъ...“

— „?“

— „Коли я не буду отшельникомъ, все равно: кто-нибудь отшельникомъ да ужъ будетъ...“

Направленіе разговора Зоѣ Захаровнѣ не понравилось явно, такъ что снова нервически сталъ въ рукахъ ея пошипывать пульверизаторъ; Александръ Ивановичъ улыбнулся нехорошей улыбкой, и—поправился.

— „Да и то сказать: мнѣ разсѣянье не къ лицу“.

Это новое теченіе мыслей Зоя Захаровна приняла; и поспѣшила сострить она:

— „Оттого-то вы такъ разсѣянны: пепломъ мнѣ засыпали скатерть?“

— „Простите...“

— „Ничего: вотъ вамъ пепельница...“

Александръ Ивановичъ протянулся за новою грушею; и, продѣлавши это движенье, Александръ Ивановичъ себѣ съ досадой сказалъ:

— „Экая скряга...“

Онъ увидѣлъ, что вазы съ дюшесами (онъ таки дюшесы любилъ)—вазы съ дюшесами не было.

— „Вы что? Вотъ вамъ пепельница...“

— „Знаю: я—за дюшесомъ...“

Зоя Захаровна не предложила дюшесовъ.

Двери въ ту дальнюю комнату были не вовсе притворены: въ полуоткрытую дверь съ ненасытимою жадностью онъ смотрѣлъ; тамъ виднѣлися два сидящія очертанія. Французикъ растараторился; и казалось, что дзенькаетъ; а особа глухо бубукала, перебивала французика; нетерпѣливо хваталась она въ разговорѣ за письменныя принадлежности—то за ту, то за эту; и чесала затылокъ угловатымъ жестомъ руки; видимо сообщеньемъ француза о с о б а была взволнована не на шутку; жестъ просто самообороны какой-то подмѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— „Бу-бу-бу...“

Такъ раздавалось оттуда.

Digitized by Microsoft ®

А сенъ-бернаръ Томъ на клѣтчатое колѣно особѣ положилъ свою слюнявую морду; и особа разсѣянно гладила его шерсть. Тутъ наблюденія Александра Ивановича перебили: перебила Зоя Захаровна.

— „Отчего это вы перестали бывать у насъ?“

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на ея оскаленный ротъ: посмотрѣлъ и замѣтилъ:

— „Да такъ себѣ: сами же вы сказали—отшельникъ я...“

Золото пломбы проблистало въ отвѣтъ:

— „Не отвертывайтесь“.

— „Да нисколько...“

— „Просто вы обижены на него...“

— „Вотъ еще...“—попытался-было возразить Александръ Ивановичъ, и оборвалъ свои оправданія: вышло—неубѣдительно.

— „Просто вы обижены на него. Всѣ на него обижаются. И тутъ вмѣшался Липпанченко... Этотъ Липпанченко!.. Портитъ ему репутацію... Да поймите-жъ: Липпанченко—необходимая, взятая роль... Безъ Липпанченко давно бы онъ былъ ужъ схваченъ... Липпанченкой онъ покрываетъ всѣхъ насъ... Но всѣ вѣрятъ въ Липпанченко...“

Нѣкоторыя существа имѣютъ печальное свойство: дурной запахъ во рту... Александръ Ивановичъ отодвинулся.

— „Всѣ на него обижаются... А скажите“,—Зоя Захаровна ухватилась за пульверизаторъ,—„гдѣ сыщете вы такого работника?.. А? Гдѣ сыщете?.. Кто согласится, скажите, какъ онъ, отказавшись отъ всѣхъ естественныхъ сантиментовъ, быть Липпанченкой—до конца...“

Александръ Иванычъ подумалъ, что особа была что-то ужъ слишкомъ Липпанченкой: но возражать не хотѣлъ.

— „Увѣряю васъ...“

Но она перебила:

— „Какъ же вамъ не стыдно такъ его оставлять, такъ таиться, скрываться; вѣдь Колечка мучается; рвать всѣ прошлыя, интимныя связи...“

Александръ Ивановичъ съ изумленіемъ вспомнилъ, что

Digitized by Microsoft®

о с о б а-то—Колечка: сколько мѣсяцевъ этого онъ, признаться, не вспомнилъ?

— „Ну, если тамъ онъ и выпьетъ, нагрубіянитъ; и—ну, тамъ—увлеченія... Такъ вѣдь: лучшіе же спивались, развратничали... И по личной охотѣ. Колечка же дѣлаетъ это для отвода лишь глазъ—какъ Липпанченко: для безопасности, гласности, предъ полиціей, для общаго дѣла онъ такъ губитъ себя".

Александръ Иванычъ усмѣхнулся невольно, но поймалъ на себѣ недовѣрчивый, озлобленный взглядъ:

— „Что?.."

И поспѣшилъ:

— „Нѣтъ... ничего я..."

— „Тутъ вѣдь самая страшная жертва... Не повѣрите ли, вѣдь ему грозитъ многое; отъ насильственныхъ частыхъ попоекъ, отъ обязательныхъ въ его положеніи кутежей преждевременно Николай погубитъ себя..."

Александръ Ивановичъ зналъ, что Зоя Захаровна подозрѣваетъ его въ томъ, что онъ слишкомъ часто бываетъ съ Липпанченко въ ресторанчикахъ, пріучая Липпанченко... къ многому...

— „Это можетъ вѣдь кончиться плохо..."

Ну и жизнь: здѣсь—можетъ кончиться плохо; онъ, Александръ Ивановичъ, медленно сходитъ съ ума. Николая Аполлоновича придавили тяжелыя обстоятельства; что-то такое неладное завелось у нихъ въ душахъ; тутъ ни—полиція, ни—произволъ, ни—опасность, а какая-то душевная гнилость; можно ли, не очистившись, приступать къ великому народному дѣлу? Вспомнилось: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите". А они приступали безъ всякаго страха. И—съ вѣрой ли? И такъ приступая, преступали какой-то душевный законъ: становились преступниками не въ томъ смыслѣ конечно..., а—иначе.

Все же они преступали.

— „Вспомните Гельсингфорсъ и катанье на лодкахъ..."— въ голосѣ Зои Захаровны тутъ послышалась неподдѣльная грусть.—„И потомъ: эти сплетни..."

Digitized by Microsoft ®

— „А какія?“

Онъ заинтересовался, онъ вздрогнулъ.

— „О Колечкѣ сплетни!.. Вы думаете, не подозрѣваетъ онъ, не терзается, не кричитъ по ночамъ“ (Александръ Иванычъ запомнилъ, что—к р и ч и т ъ п о н о ч а м ъ)—„какъ они о немъ говорятъ послѣ столькаго. И—нѣтъ благодарности, нѣтъ сознанія, что человѣкъ пожертвовалъ всѣмъ... Онъ все знаетъ: молчитъ, убивается... Оттого-то онъ мраченъ... Онъ душою кривить не умѣетъ... Выглядитъ онъ всегда непріятно“ — въ голосѣ Зои Захаровны послышался чуть не плачъ—„выглядитъ непріятно... съ этой... несчастной наружностью. Вѣрите: онъ—ребенокъ, ребенокъ...“

— „Ребенокъ?“

— „А вамъ удивительно?“

— „Нѣтъ“, — замялся онъ, — „только, знаете, какъ-то странно мнѣ это слышать,—все-таки представленіе о Николаѣ Степановичѣ не вяжется какъ-то...“

— „Настоящій ребенокъ! Посмотрите: куколка—Ванька-Встанька“ — рукою она указала на куколку, просверкавши браслетомъ... — „Вы вотъ уйдете: наговорите ему непріятностей, а онъ—онъ!..“

— „?“

— „Онъ посадитъ къ себѣ на колѣни кухаркину дочку и играетъ съ ней въ куклы... Видите? А они его упрекаютъ въ коварствѣ... Господи, онъ играетъ въ солдатики!..

— „Вотъ такъ-такъ!“

— „Въ оловянные: покупаетъ персовъ, выписываетъ изъ Нюренберга коробочки... Только—это секретъ... Вотъ какой онъ!.. Но“ — брови ея рѣзко сдвинулись — „но... въ дѣтской запальчивости онъ способенъ на все“.

Александръ Ивановичъ все болѣе убѣждался изъ словъ, что о с о б а-то скомпрометирована не на шутку; а онъ этого, признаться, не зналъ; эти намеки на ч т о-т о теперь принялъ онъ къ свѣдѣнію, уплывая взоромъ туда, гдѣ сидѣли они...

Круто какъ-то на грудь падала узколобая голова; въ орбитахъ глубоко затаились пытливо сверлящіе глазки, перепар-

Digitized by Microsoft®

хивающіе отъ предмета къ предмету; чуть вздрагивала и посасывала воздухъ губа. Многое было въ лицѣ: отвращеніемъ необоримымъ лицо стояло предъ Дудкинымъ, складываясь въ то самое странное цѣлое, уносимое памятью на чердакъ, чтобы ночью тамъ зашагать, забубукать — сверлить, посасывать, перепархивать и выдавливать изъ себя невыразимые смыслы, не существующіе нигдѣ.

Онъ теперь внимательно всматривался въ гнетущія и самою природою тяжело построенныя черты.

Эта лобная кость...—

Эта лобная кость выдавалась наружу въ одномъ крѣпкомъ упорствѣ — понять: что бы нѝ было, какою угодно цѣною— понять, или... разлетѣться на части. Ни ума, ни ярости, ни предательства не выдавала лобная кость; лишь усиліе—безъ мысли, безъ чувства: понять... И лобныя кости понять не могли; лобъ былъ жалобенъ: узенькій, въ поперечныхъ морщинахъ; казалось, онъ плачетъ.

Пытливо сверлящіе глазки...—

Пытливо сверлящіе глазки (приподнять бы имъ вѣки!)— стали бы и они, ...такъ себѣ,... глазками.

И они были грустными.

А посасывающая воздухъ губа напоминала—ну, право же!— губку полуторагодовалаго молокососа (только не было соски); если-бъ въ губы ему настоящую соску, то не было-бъ удивительно, что губа все посасываетъ; безъ соски же это движеніе придавало лицу прескверный оттѣночекъ.

Ишь вѣдь—тоже: играетъ въ солдатики!

Такъ внимательный разборъ чудовищной головы выдавалъ лишь одно: голова была — головой недоноска; чей-то хиленькій мозгъ обросъ ранѣе срока жировыми и костяными наростами; и въ то время какъ лобная кость выдавалась чрезмѣрно наружу надбровными дугами (посмотрите на черепъ гориллы), въ это время подъ костью, можетъ быть, протекалъ непріятный процессъ, называемый въ общежитіи размягченіемъ мозга.

Сочетаніе внутренней хилости съ носорожьимъ упор-

Digitized by Microsoft ®

ствомъ—неужели это вотъ сочетаніе въ Александрѣ Ивановичѣ и сложило химеру, а химера росла — по ночамъ: на кускѣ темножелтыхъ обой усмѣхалась она настоящимъ монголомъ.

Такъ онъ думалъ; въ ушахъ же его затвердилось:

— „Ванька-Встанька... Кричитъ по ночамъ... Выписываетъ изъ Нюренберга коробочки... Настоящій ребенокъ...“

И прибавилось отъ себя:

— „Расшибаетъ лбомъ лбы... Занимается вампиризмомъ... Предается разврату... И—тащитъ къ погибели...“

И опять затвердилось:

— „Ребенокъ...“

Но затвердилось только въ ушахъ: Зоя Захаровна уже вышла изъ комнаты.

Не хорошо...

Странное дѣло!

Доселѣ въ отношеніи къ Александру Ивановичу поведеніе нѣкой особы искони носило характеръ лишь однихъ сплошныхъ обязательствъ, и обязательствъ навязчивыхъ; многомѣсячно, многократно, многоразлично разводила особа свой орнаментъ изъ лести вокругъ Александра Ивановича: лести той хотѣлось вѣрить.

И лести той вѣрилось.

Онъ особой гнушался; онъ къ ней чувствовалъ физіологическое отвращеніе; болѣе того: Александръ Ивановичъ Дудкинъ убѣгалъ отъ особы всѣ эти послѣдніе дни, переживая мучительный кризисъ разувѣренья во всемъ. Но особа его настигала повсюду; часто онъ бросалъ ей насмѣшливо слишкомъ уже откровенные вызовы; вызовы эти принимала особа стоически — съ циническимъ смѣхомъ, если бы онъ особу спросилъ, почему этотъ смѣхъ, то особа отвѣтила-бъ:

— „Это—по вашему адресу“.

Но онъ зналъ, что особа хохочетъ надъ общимъ ихъ дѣломъ.

Digitized by Microsoft®

Онъ о с о б ѣ твердилъ, что программа ихъ партіи несостоятельна, отвлеченна, слѣпа; и о н а—соглашалась; онъ же зналъ, что въ выработкѣ программы особа участвовала; если бы онъ спросилъ, не провокація ли замѣшалась въ программу, то о с о б а отвѣтила-бъ:

— „Нѣтъ, и нѣтъ: дерзновеніе...“

Наконецъ онъ пытался е е поразить своимъ мистическимъ c r e d o, утвержденіемъ, что Общественность, Революція—не категоріи разума, а божественныя Vпостаси вселенной; противъ мистики ничего не имѣла о с о б а: слушала со вниманіемъ; и—даже: старалась понять.

Но понять не могла.

Только—только: о с о б а стояла предъ нимъ; всѣ протесты его и всѣ крайніе выводы принимала съ покорнымъ молчаніемъ; трепала его по плечу и тащила въ трактирчикъ; тамъ, за столикомъ, они тянули коньякъ; иногда подъ бубенъ машины ему говорила о с о б а:

— „Что-жъ? Я — что: ничего... Я всего лишь подводная лодка; вы у насъ — броненосецъ, кораблю большому и плаваніе...“

Тѣмъ не менѣе она его загнала на чердакъ: и загнавъ на чердакъ, тамъ запрятала; броненосецъ стоялъ на верфи безъ команды, безъ пушекъ; плаванія Александра Ивановича всѣ послѣднія эти недѣли ограничивались плаваніемъ отъ трактира къ трактиру; можно сказать, что за эти недѣли протеста Александра Ивановича превратила о с о б а въ пропоицу.

Гостепріимно она встрѣчала его; отъ всѣхъ бывшихъ бесѣдъ у него осталось одно несомнѣнное впечатлѣніе: если бы Александру Ивановичу вдругъ понадобилась бы серьезная помощь, эту помощь о с о б а была ему должна оказать; все это подразумѣвалось само собою, конечно; но услуги, но помощи для себя Александръ Ивановичъ боялся.

Лишь сегодня представился случай.

Аблеухову онъ далъ слово распутать; и распутаетъ онъ: при помощи, конечно, особы. Роковое смѣшеніе обстоя-

Digitized by Microsoft®

тельствъ Аблеухова бросило просто въ какую-то абракадабру; абракадабру онъ разскажетъ о с о б ѣ, а о с о б а, онъ вѣрилъ, ужъ сумѣетъ распутать тутъ все.

Появленіе его здѣсь было вызвано только словомъ, даннымъ имъ Аблеухову; и вотъ—нате же...

Тонъ о с о б ы къ нему перемѣнился обидно; это онъ замѣтилъ съ перваго появленія о с о б ы на дачкѣ; неузнаваемымъ сталъ тонъ о с о б ы къ нему,—непріятнымъ, обиднымъ, натянутымъ (такимъ тономъ начальники учрежденій встрѣчаютъ просителей, такимъ тономъ встрѣчаетъ редакторъ газеты газетнаго репортера, собирателя свѣдѣній о пожарахъ и кражахъ; и такъ попечитель говоритъ съ кандидатомъ на мѣсто учителя въ... Сольвычегодскѣ, въ Сарептѣ...)

Вотъ—нате же!..

Такъ: послѣ бесѣды съ французомъ (французъ теперь удалился) о с о б а вопреки всей манерѣ держаться съ Александромъ Ивановичемъ изъ кабинета не вышла, а продолжала сидѣть — тамъ, за письменнымъ столикомъ; и—обидно такъ вышло: будто бы его, Александра Ивановича и нѣтъ вовсе тутъ; будто бы онъ не знакомый, а — чортъ знаетъ что!—неизвѣстный проситель, располагающій своимъ временемъ. Александръ Ивановичъ Дудкинъ былъ все же—Неуловимый; партійная его кличка гремѣла въ Россіи и за границей; да и кромѣ всего: по происхожденію былъ онъ все же потомственный дворянинъ, а о с о б а, о с о б а—гмъ-гмъ; появленіе свое у о с о б ы онъ считалъ о с о б ѣ за честь...

Темнѣло: синѣло.

А въ темнѣющемъ всемъ, въ полусумракѣ кабинетика, пиджакомъ отвратительно прожелтилась особа; вовсе къ столику принагнулась квадратная голова (надъ спиною виднѣлся лишь крашеный кокъ), подставляя широкую мускулистую спину съ, должно быть, невымытой шеей; спина какъ-то выдавилась, подставляяся взору; и подставляясь не такъ: не прилично, а... какъ-то... глумливо. И ему отсюда казалось, что насмѣшливо разнахальничались оттуда, изъ полусумерокъ кабинетика, сутулосогбенныя — плечо и спина; и онъ

Digitized by Microsoft®

мысленно ихъ раздѣлъ; представилась жирная кожа, разрѣзаемая съ такою же легкостью, какъ кожа поросенка подъ хрѣномъ; проползалъ тараканъ (видно, здѣсь водились они въ изобиліи); ему стало противно: онъ—сплюнулъ.

Вдругъ безликой улыбкой повыдавилась межъ спиной и затылкомъ жировая шейная складка: точно въ креслѣ тамъ засѣло чудовище; и представилась шея лицомъ; точно въ креслѣ засѣло чудовище съ безносой, безглазою харею; и представилась шейная складка — беззубо разорваннымъ ртомъ.

Тамъ, на вывернутыхъ ногахъ, неестественно запрокинулось косолапое чудище—въ полусумеркахъ комнаты.

Фу, пакость!

Александръ Ивановичъ передернулъ плечомъ и подставилъ спинѣ свою спину; онъ принялся выщипывать усики съ независимымъ видомъ; онъ хотѣлъ бы представиться оскорбленнымъ, а представился независимымъ только; онъ выщипывалъ усики съ такимъ видомъ, будто онъ самъ по себѣ, а спина сама по себѣ. Ему бы уйти, хлопнувъ дверью; а уйти невозможно: отъ этого разговора зависѣло спокойствіе жизни Николая Аполлоновича; и стало-быть: уйти, хлопнувъ дверью, нельзя; и стало-быть, онъ все-таки отъ о с о б ы зависѣлъ.

Александръ Ивановичъ, сказали мы, подставилъ спинѣ свою спину; но спина съ шейной складкой была все же спиной притягательной; и онъ на нее повернулся: не повернуться не могъ... Тутъ особа, въ свою очередь, повернулась круто на стулѣ: поглядѣла въ упоръ наклоненная узколобая голова, напоминая дикаго кабана, готоваго вонзить клыкъ въ какого угодно преслѣдователя; повернулась и опять отвернулась. Жестъ этого поворота краснорѣчиво кричалъ—сплошнымъ желаніемъ нанести оскорбленіе. Но и не только это выразилъ жестъ. Должно быть о с о б а подмѣтила кое-что въ устремленномъ ей въ спину взорѣ, потому что взглядъ моргающихъ глазокъ язвительно выразилъ:

— „Э, э, э... Такъ-то вы, батенька?..“

Digitized by Microsoft ®

Александръ Ивановичъ сжалъ въ карманѣ кулакъ. И опять отвернулся.

Часы тикали. Александръ Ивановичъ крякнулъ два раза, чтобы слуха о с о б ы коснулось его нетерпѣніе (надо было и себя отстоять, и не слишкомъ обидѣть о с о б ы; обидь онъ особу, Николай Аполлоновичъ отъ обиды той вѣдь могъ потерпѣть)... Но кряхтѣнье Александра Ивановича вышло робѣющей спазмой приготовишки передъ школьнымъ учителемъ. Что̀ такое случилось съ нимъ? Откуда возникла та робость? О с о б ы онъ не боялся ничуть: онъ боялся галлюцинаціи, возникающей тамъ, на обояхъ,—не о с о б ы же...

О с о б а писать продолжала.

Александръ Ивановичъ крякнулъ еще. И еще. На этотъ разъ о с о б а отозвалась.

— „Повремените...“

Что за тонъ? Что за сухость?

Наконецъ о с о б а привстала и повернулась; грузная ладонь описала въ воздухѣ пригласительный жестъ:

— „Пожалуйте...“

Александръ Ивановичъ какъ-то весь растерялся; гнѣвъ его, перешедшій всѣ грани, выразился въ суетливомъ забвеніи общеупотребительныхъ словъ:

— „Я... видите ли... пришелъ...“

— „?“

— „Какъ вы знаете, или впрочемъ... Что за чортъ!...“ — И вдругъ коротко такъ отрѣзалъ онъ:

— „Дѣло есть...“

Но о с о б а, откинувшись въ кресло (онъ ее готовъ былъ безъ жалости придушить въ этомъ креслѣ) съ уничтожающимъ видомъ пробарабанила по столу обкусаннымъ пальцемъ; и — глухо бубукнула:

— „Долженъ предупредить васъ... Времени у меня нѣтъ сегодня, чтобъ слушать пространныя разъясненія. А потому...“

Каково!

— „Потому я просилъ бы васъ, мой милѣйшій, выражаться точнѣе и кратче...“

Digitized by Microsoft®

И въ кадыкъ вдавивъ подбородокъ, особа уставилась въ окна; и пустое отъ свѣта пространство оттуда кидало шелестящія горсточки своего листопада.

— „А скажите, съ какой поры у васъ этотъ... такой тонъ“— вырвалось у Александра Ивановича не иронически только, а какъ-то даже растерянно.

Но особа опять его перебила: перебила непріятнѣйшимъ образомъ:

— „Ну-те-съ?“

И скрестила руки у себя на груди.

— „Дѣло мое...“—и запнулся...

— „Ну-те-съ...“

— „Стало большой важности...“

Но особа въ третій разъ перебила:

— „Степень важности мы обсудимъ потомъ“.

И прищурила глазки.

Александръ Ивановичъ Дудкинъ, непонятнымъ образомъ растерявшись, покраснѣлъ и почувствовалъ, что больше ему не выдавить фразы. Александръ Ивановичъ молчалъ.

Молчала особа.

Въ окна билъ листопадъ: красные листья, ударяясь о стекла, облетая, шушукались; тамъ суки — сухіе скелеты — образовали черновато-туманную сѣть; былъ на улицѣ вѣтеръ: черноватая сѣть начинала качаться; черноватая сѣть начинала гудѣть. Безтолково, безпомощно, путаясь въ выраженіяхъ, Александръ Ивановичъ излагалъ аблеуховскій инцидентъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ вдохновлялся разсказомъ, преодолѣвая ухабы въ построеніи своей рѣчи, суше, суровѣе становилась особа: безстрастнѣе выступалъ и потомъ разгладился лобъ; пухлыя губки перестали посасывать; а въ томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ выступилъ провокаторъ Морковинъ, особа значительно вскинула брови и дернула носомъ: точно она до этого мѣста все старалась дѣйствовать на совѣсть разсказчика, будто съ этого мѣста разсказчикъ сталъ и вовсе безсовѣстнымъ, такъ что всѣ предѣлы терпимости, на какіе

Digitized by Microsoft®

способна о с о б а, въ этомъ мѣстѣ перейдены; и терпѣніе ея — окончательно лопнуло:

— „А?.. Видите?.. А вы говорили?..“

Александръ Ивановичъ вздрогнулъ.

— „А что такое я говорилъ?“

— „Ничего: продолжайте...“

Александръ Иванычъ вскричалъ въ совершенномъ отчаяньи:

— „Да я все сказалъ! Что же еще мнѣ прибавить!“

И въ кадыкъ вдавивъ подбородокъ, особа потупилась, покраснѣла, вздохнула, укоризненно впилась въ Александра Ивановича теперь не моргающимъ взглядомъ (взглядъ былъ грустный); и—прошептала чуть-чуть:

— „Нехорошо... Очень, очень нехорошо... Какъ вамъ не стыдно!..“

Въ смежной комнатѣ появилась Зоя Захаровна съ лампою; прислуга, Маланья, накрывала на столъ: и ставились рюмочки; господинъ Шишнарфіевъ появился въ столовой; разсыпался мелкимъ бисеромъ его тенорокъ, но весь этотъ бисеръ давилъ... акцентъ младоперса; самъ Шишнарфіевъ былъ отъ взора укрытъ цвѣточною вазою; все то Александръ Ивановичъ подмѣтилъ издалека, и — будто сквозь сонъ.

Александръ Ивановичъ чувствовалъ трепетаніе въ сердцѣ; и—ужасъ; при словахъ „какъ вамъ не стыдно“ онъ слышалъ, какъ яркій румянецъ заливалъ его щеки; явная угроза въ словахъ страшнаго собесѣдника притаилась губительно; Александръ Ивановичъ невольно заерзалъ на стулѣ, припоминая какую-то имъ не совершенную вовсе вину.

Странно: онъ не осмѣлился переспрашивать, что значитъ скрытая въ тонѣ о с о б ы угроза, и что значитъ по его адресу „с т ы д н о“. „С т ы д н о“ это онъ такъ-таки проглотилъ.

— „Что же мнѣ передать Аблеухову относительно провокаторской этой записки?“

Тутъ лобныя кости приблизились къ его лбу:

Digitized by Microsoft®

— „Какой такой провокаторской? Не провокаторской вовсе... Долженъ васъ охладить. Письмо къ Аблеухову написано мною самимъ".

Эта тирада произнеслась съ достоинствомъ, превозмогшимъ и гнѣвъ, и упрекъ, и обиду; съ достоинствомъ, превозмогшимъ себя и теперь снизошедшимъ до... уничижающей кротости.

— „Какъ? Письмо написано вами?"

— „И шло—черезъ васъ: помните?.. Или забыли?"

Слово „з а б ы л и" особа произнесла съ такимъ видомъ, какъ будто бы Александръ Ивановичъ все это прекрасно самъ зналъ, но для чего-то прикидывался незнающимъ; вообще о с о б а явно ему давала понять, что теперь она собирается съ его притворствомъ играть, какъ съ мышкою кошка...

— „Помните: это письмо передалъ я вамъ, тамъ — въ трактирчикѣ..."

— „Но я его передалъ, увѣряю васъ, не Аблеухову, а Варварѣ Евграфовнѣ..."

— „Полноте, Александръ Ивановичъ, полноте, батенька: ну, чего намъ, своимъ людямъ, хитрить: письмо нашло адресата... А остальное—увертки..."

— „И вы—авторъ письма?"

Сердце Александра Ивановича такъ трепетало, такъ билось, и казалось, что—выбьется; точно быкъ, замычало; и—побѣжало впередъ.

А о с о б а значительно стукнула по столу пальцемъ, смѣняя свой видъ равнодушія на гранитную твердость, о с о б а вскричала:

— „Что же васъ удивляетъ тутъ?.. Что письмо Аблеухову написано мною?.."

— „Конечно..."

— „Извините меня, но я сказалъ бы, что изумленіе ваше граничитъ уже съ откровеннымъ притворствомъ..."

Изъ-за вазы, оттуда, выставился черный профиль Шишнарфіева; Зоя Захаровна профилю зашептала, а профиль

Digitized by Microsoft ®

кивалъ головой; и потомъ уставился на Александра Ивановича. Но Александръ Ивановичъ ничего не видалъ. Онъ только воскликнулъ, кидаясь къ особѣ:

— „Или я сошелъ съ ума, или—вы!..“

Особа ему подмигнула:

— „Ну-те-ка?“

Видъ же ея говорилъ:

— „Э, э, э, батенька: давеча я видѣлъ, какъ ты посматривалъ... Думаешь, что со мной эдакъ можно?..“

Нѣчто произошло: бодро, какъ-то весело даже, какъ-то даже съ придурковатымъ задоромъ особа прищелкнула языкомъ, будто хотѣла воскликнуть:

— „Батенька, да подлость-то, право, съ тобою — только съ тобой: не со мной...“

Но она сказала лишь:

— „А?.. А?..“

Потомъ, сдѣлавши видъ, что свой сардоническій хохотъ она съ трудомъ подавила, строго, внушительно, снисходительно положила особа свою тяжелую руку на плечо къ Александру Ивановичу. Задумалась и прибавила:

— „Нехорошо... Очень, очень нехорошо...“

И то самое, странное, гнетущее и знакомое состояніе охватило Александра Ивановича: состояніе гибели предъ кускомъ темножелтыхъ обой, на которыхъ — вотъ-вотъ — появится роковое. Александръ Ивановичъ тутъ почувствовалъ за собой незнаемую вину; посмотрѣлъ, и будто бы облако понависло надъ нимъ, окуривая его изъ того направленія, гдѣ сидѣла особа, и выкуриваясь изъ особы.

А особа уставилась на него узколобою головой; все сидѣла и все повторяла:

— „Нехорошо...“

Наступило тягостное молчаніе.

— „Впрочемъ, конечно, соотвѣтствующихъ данныхъ я все еще подожду; нельзя же безъ данныхъ... А впрочемъ: обвиненіе—тяжкое; обвиненіе, скажу прямо вамъ, столь тяжко, что...“—тутъ особа вздохнула.

Digitized by Microsoft®

— „Но какія же данныя?“

— „Васъ лично пока не хочу я судить... Мы въ партіи дѣйствуемъ, какъ вы знаете, на основаніи фактовъ... А факты, а факты...“

— „Да какіе же факты?“

— „Факты о васъ собираются...“

Этого не хватало лишь!

Вставши съ кресла, о с о б а обрѣзала кончикъ гаванской сигары, двусмысленно замымыкала пѣсенку; непроницаемо она замкнулась теперь въ свое благодушіе; прошагала въ столовую, дружелюбно хватила Шишнарфіева по плечу.

Крикнула по направленію къ кухнѣ, откуда потягивало такимъ вкуснымъ жаркоемъ.

— „Смерть какъ хочется ѣсть...“

Оглядѣла столъ и замѣтила:

— Наливочки бы...“

Потомъ прошагала обратно она въ кабинетикъ.

. . . . . .

— „Ваши сидѣнія въ дворницкой... Ваша дружба съ домовой полиціей, съ дворникомъ... Наконецъ: попойки ваши съ участковымъ писцомъ Воронковымъ...“

И на вопросительный, недоумѣвающій взглядъ—взглядъ, полный ужаса — Липпанченко, то-есть о с о б а, продолжала язвительный, многосмысленный шопотъ, полагая ладонь на плечо къ Александру Ивановичу.

— „Будто сами не знаете? Строите удивленные взоры? Не знаете, кто такой Воронковъ?“

— „Кто такой Воронковъ? Воронковъ?!.. Позвольте... да что-жъ изъ этого... Что-жъ тутъ такого?..

Но особа, Липпанченко, хохотала, схватясь за бока:

— „Не знаете?..“

— „Я не утверждаю этого: знаю...“

— „Прелестно!..“

— „Воронковъ, — писецъ изъ участка: посѣщаетъ домоваго дворника Матвѣя Моржова...“

— „Съ сыщикомъ изволите видѣться, съ сыщикомъ изво-

Digitized by Microsoft ®

лите распивать, какъ не знаю кто, какъ послѣдній шпичишко...

— „Позвольте!..“

— „Ни слова, ни слова“—замахала особа, видя попытку Александра Ивановича, перепуганнаго не на шутку, что-то такое сказать.

— „Повторяю: фактъ вашего явнаго участія въ провокаціи не установленъ еще, но... предупреждаю—предупреждаю по дружбѣ: Александръ Ивановичъ, родной мой, вы затѣяли что-то неладное...“

— „Я?“

— „Отступите: не поздно...“

На мгновеніе Александру Ивановичу представилось явно, что слова „отступите, не поздно“ есть своего рода условіе нѣкой особы: не настаивать на разъясненіи инцидента съ Николаемъ Аполлоновичемъ; показалось и еще кое-что — особа-то (вспомнилъ онъ) и сама была чѣмъ-то крупно ославлена; что-то такое случилось тутъ—было явно: давешніе намеки Зои Захаровны Флейшъ—о чемъ же еще!

Но едва это Александръ Иванычъ подумалъ и, подумавъ, пріободрился немного, какъ знакомое, зловѣщее выраженіе—выраженіе той самой галлюцинаціи — мимолетно скользнуло на лицѣ толстяка; и лобныя кости напружились въ одномъ крѣпкомъ упорствѣ — сломать его волю: во что бы ни стало, какою угодно цѣною — сломать, или... разлетѣться на части.

И лобныя кости сломали.

Александръ Ивановичъ какъ-то сонно и угнетенно поникъ, а особа, мстящая за только-что бывшее мгновеніе противленія своей волѣ, уже опять наступала; квадратная голова наклонилась такъ низко.

Глазки—глазки хотѣли сказать:

— „Э, э, э, батенька... Да ты вотъ какъ?

И слюною брызгался ротъ:

— „Не прикидывайтесь такимъ простакомъ...“

— „Я не прикидываюсь...“

Digitized by Microsoft®

— „Весь Петербургъ это знаетъ...“
— „Что̀ знаетъ?“
— „О провалѣ *Т*... *Т*...
— „Какъ?!“
— „Да, да...“

Если бы о с о б а хотѣла сознательно отвлечь мысль Александра Ивановича отъ могущаго произойти въ немъ открытія подлинныхъ мотивовъ поведенья о с о б ы, то она совершенно успѣла, потому что извѣстіе о провалѣ *Т*. *Т*. поразило, какъ громомъ, слабаго Александра Ивановича:

— „Господи Іисусе Христе!..“

— „Іисусе Христе!“ — Издѣвалась особа. — „Это-жъ вамъ извѣстно прежде всѣхъ насъ... До показанья экспертовъ допустимъ, что такъ это... Только: не усугубляйте же на себя подозрѣній: и ни слова объ Аблеуховѣ“.

Должно быть, у Александра Ивановича въ ту минуту былъ крайне идіотическій видъ, потому что особа продолжала все хохотать и дразнила чернымъ оскаломъ широко раскрытаго рта: тѣмъ же самымъ оскаломъ изъ мясной глядитъ на насъ кровавая звѣриная туша съ ободранной кожею.

— „Не прикидывайтесь, родной мой, будто роль Аблеухова неизвѣстна вамъ; и будто вамъ неизвѣстны причины, которыя и заставили меня казнить Аблеухова даннымъ ему порученіемъ; будто вамъ неизвѣстно, какъ этотъ паскудный паршивецъ разыгралъ свою роль: роль, замѣтьте, разыграна ловко; и разсчетецъ былъ правильный, — разсчетецъ на сантиментальности эти, слюнтяйство, напримѣръ, въ родѣ вашего“—смягчилась о с о б а: признаніемъ, что и Александръ Иванычъ страдаетъ — слюнтяйствомъ, она великодушно снимала съ Александра Ивановича взведенное за минуту предъ тѣмъ обвиненье; вѣрно вотъ отчего при словѣ „с л ю н т я й с т в о“ что-то свалилось съ души Александра Иваныча; онъ уже глухо-глухо старался увѣрить себя, что относительно о с о б ы—ошибся онъ.

— „Да разсчетецъ былъ правильный: благородный де сынъ ненавидитъ отца, собирается де отца укокошить, а

Digitized by Microsoft ®

тѣмъ временемъ шныряетъ среди насъ съ рефератиками и прочею белибердою; собираетъ бумажки, а когда накопляется у него коллекція этихъ бумажекъ, то коллекцію эту онъ — преподноситъ папашѣ... А у всѣхъ у васъ къ гадинѣ этой какое-то неизъяснимое тяготѣніе..."

— „Да вѣдь онъ, Николай Степанычъ, онъ — плакалъ..."

— „Что же, слезы васъ удивили... Чудакъ же вы: слезы — это обычное состояніе интеллигентнаго сыщика; интеллигентный же сыщикъ, когда расплачется, то думаетъ, что расплакался искренне: и, пожалуй, даже онъ жалѣетъ, что — сыщикъ; только намъ отъ этихъ интеллигенческихъ слезъ нисколько не легче... И вы, Александръ Ивановичъ, — тоже вотъ плачете... Я вовсе не хочу сказать, что и вы виноваты" (неправда: только-что особа твердила тутъ о винѣ; и эта неправда на мгновеніе ужаснула Александра Ивановича; подсознательно въ душѣ его, какъ молнія, сверкнуло одно: „Совершается торгъ: мнѣ предлагается повѣрить отвратительной клеветѣ, или, точнѣе, не вѣря, съ клеветою этою согласиться цѣной снятія клеветы съ меня самого..." Все это сверкнуло за порогомъ сознанія, потому что ужасную правду заперли за этотъ порогъ надъ глазами склоненныя лобныя кости особы и гнетущая атмосфера грозы, и блескъ маленькихъ глазокъ съ ихъ „э, э, — батенька"... И онъ думалъ, что начинаетъ онъ клеветѣ этой вѣрить).

— „Вы, увѣренъ я, вы, Александръ Иванычъ, чисты, но — что касается Аблеухова: тутъ вотъ, въ этомъ вотъ ящикѣ у меня на храненьи досье: я представлю впослѣдствіи досье на судъ партіи". Тутъ особа отчаянно затопталась по кабинетику — изъ угла въ уголъ — и забила косолапо ладонью въ перекрахмаленную свою грудь. Въ тонѣ же послышалось неподдѣльное огорченіе, отчаянье — просто какое-то благородство (видно, торгъ заключенъ былъ удачно).

— „Впослѣдствіи-то меня, вѣрьте, поймутъ: теперь положеніе меня вынуждаетъ стремительно вырвать съ корнемъ заразу... Да... я дѣйствую, какъ диктаторъ, единственной волею... Но — вѣрьте мнѣ — жалко: жалко было подписывать

Digitized by Microsoft ®

ему приговоръ, но... гибнутъ десятки... изъ-за вашего... сенаторскаго сынка: гибнутъ десятки!.. И Пепповичъ, и Пеппъ уже арестованы... Вспомните, сами вы когда-то едва не погибли (Александръ Иванычъ подумалъ, что онъ-то—погибъ уже)... Кабы не я... Якутскую Область-ка вспомните!.. А вы заступаетесь, соболѣзнуете... Плачьте же, плачьте! Есть о чемъ плакать: гибнутъ де-сят-ки!!!...“

Тутъ о с о б а вскинула быстрыми глазками и вышла изъ кабинетика.

Стемнѣло: была чернота.

. . . . . .

Темнота напала; и встала она между всѣми предметами комнаты; столики, шкафы, кресла — все ушло въ глубокую темноту; въ темнотѣ посиживалъ Александръ Ивановичъ — одинъ одинешенекъ; темнота вошла въ его душу: онъ — плакалъ.

Александръ Ивановичъ припомнилъ всѣ оттѣнки рѣчи о с о б ы, и нашелъ всѣ эти оттѣнки оттѣнками искренними; о с о б а навѣрное не лгала; а подозрѣнія, ненависть — все это могло найти объясненіе въ томъ болѣзненномъ состояніи Александра Ивановича: какой-нибудь случайный полуночный кошмаръ, въ которомъ главную роль играла о с о б а, могъ случайно связаться какимъ-нибудь случайнымъ двусмысленнымъ выраженьемъ о с о б ы; и пища для душевной болѣзни на почвѣ алкоголизма готова; галлюцинація же монгола и безсмысленный въ нѣчи имъ слышанный шопотъ: „Енфраншишъ“—все это докончило остальное. Ну, что такое монголъ на стѣнѣ? Бредъ. И пресловутое слово

— „Енфраншишъ, енфраншишъ...“—что такое?

Абракадабра, ассоціація звуковъ—не болѣе.

Правда, къ н ѣ к о й о с о б ѣ питалъ онъ и прежде недобрыя чувства; но правда и то: о с о б ѣ былъ онъ обязанъ—о с о б а его выручала; отвращеніе, ужасъ были ничѣмъ не оправданы, развѣ что... бредомъ: п я т н о м ъ н а о б о я х ъ.

Э, да боленъ онъ, боленъ...

Темнота нападала: напала, обстала; съ какою-то серьез-

Digitized by Microsoft ®

ною грозностью выступали—столъ, кресло, шкафъ; темнота вошла въ его душу — онъ плакалъ: нравственный обликъ Николая Аполлоновича всталъ теперь впервые въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Какъ онъ могъ его не понять?

Вспомнилась первая встрѣча съ нимъ (Николай Аполлоновичъ у общихъ знакомыхъ тогда читалъ рефератикъ, въ которомъ ниспровергались всѣ цѣнности): впечатлѣніе вышло не изъ пріятныхъ; и—далѣе: Николай Аполлоновичъ, правду сказать, выказывалъ особое любопытство ко всѣмъ партійнымъ секретамъ; съ разсѣяннымъ видомъ мѣшковатаго выродка во все тыкалъ носъ: вѣдь разсѣянность эта могла и быть напускной. Александръ Иванычъ подумалъ: провокаторъ высшаго типа ужъ конечно бы могъ обладать наружностью Аблеухова — этимъ грустно-задумчивымъ видомъ (избѣгающимъ взора отвѣтнаго) и лягушечьимъ выраженіемъ этихъ растянутыхъ губъ; Александръ Ивановичъ медленно убѣждался: Николай Аполлоновичъ во всемъ этомъ дѣлѣ повелъ себя странно; и гибли—десятки...

По мѣрѣ того, какъ онъ увѣрялъ себя въ причастности Аблеухова въ дѣлѣ провала Т. Т., грозовое, гнетущее чувство, овладѣвавшее имъ въ бесѣдѣ съ о с о б о ю, пропадало; что-то легкое, почти беззаботное вошло въ его душу. Александръ Ивановичъ издавна почему-то особенно ненавидѣлъ сенатора: Аполлонъ Аполлоновичъ внушалъ ему особое отвращеніе, подобное отвращенію, которое намъ внушаетъ фаланга или даже тарантулъ; Николая же Аполлоновича онъ временами любилъ; теперь же сенаторскій сынъ для него объединился съ сенаторомъ въ одномъ приступѣ отвращенія и въ желаніи тарантуловое это отродье—искоренить, истребить.

— „О, погань!.. Гибнутъ десятки... О, погань...“

Лучше даже мокрицы, кусокъ темножелтыхъ обой, лучше даже о с о б а: въ о с о б ѣ есть по крайней мѣрѣ хоть величіе ненависти; съ о с о б о ю можно все же слиться въ желаніи—истребить пауковъ:

— „О, погань!..“

Digitized by Microsoft®

Черезъ комнату отъ него гостепріимно уже поблескивалъ столикъ; на столикѣ были уставлены в к у с н о с т и: колбаса, сигъ и холодныя телячьи котлеты; издали доносилось довольное гымканье въ конецъ уставшей о с о б ы да голосъ Шишнарфіева; этотъ послѣдній прощался; наконецъ онъ ушелъ.

Скоро въ комнату ввалилась о с о б а, подошла къ Александру Ивановичу, положила тяжелую на его плечи ладонь:

— „Такъ-то! Лучше намъ не ругаться, Александръ Ивановичъ; если свои будутъ въ ссорѣ, такъ... какъ же иначе?..“

. . . . . .

— „Ну, пойдемте же кушать... Откушайте съ нами... Только давайте за ужиномъ объ этомъ всемъ ужъ ни слова... Все это невесело... Да и Зоѣ Захаровнѣ это нечего знать: устала она у меня... Да и я порядкомъ усталъ... Всѣ мы порядкомъ устали... И все это — нервы... Мы съ вами нервные люди... Ну—ужинать, ужинать...“

Гостепріимно поблескивалъ столикъ.

Опять печальный и грустный.

Александръ Ивановичъ звонился множество разъ.

Александръ Ивановичъ звонился у воротъ своего суроваго дома; дворникъ не отворялъ ему; за воротами на звонокъ лишь отвѣтствовалъ лаемъ песъ; издали одиноко подалъ голосъ на полночь полуночный пѣтухъ; и — замеръ. Восемнадцатая линія убѣгала—туда: въ глубину, въ пустоту.

Пустота.

Александръ Ивановичъ испытывалъ нѣчто, подобное удовольствію, въ самомъ дѣлѣ: отсрачивался его приходъ въ сихъ плачевныхъ стѣнахъ; въ сихъ плачевныхъ стѣнахъ раздавались всю ночь шерохи, трески и писки.

Наконецъ — и что главное: надо было осилить во мракѣ двѣнадцать холодныхъ ступенекъ; повернувшись, отсчитать снова ровное ихъ число.

Это дѣлалъ Александръ Иванычъ четырежды.

Итого — девяносто шесть каменныхъ, гулкихъ ступеней;

Digitized by Microsoft ®

далѣе: надо было стоять передъ войлочной дверью; надо было со страхомъ вложить полуржавый въ скважину ключъ. Спичку рискованно было зажечь въ этомъ мракѣ кромѣшномъ; спичечный огонекъ могъ освѣтить неожиданно самую разнообразную дрянь; въ родѣ мыши; и еще кой-чего...

Такъ подумалъ Александръ Ивановичъ.

Поэтому-то все медлилъ онъ подъ воротами своего суроваго дома.

И—ну вотъ... —

— Кто-то печальный и длинный, кого Александръ Ивановичъ не разъ видывалъ у Невы, опять показался въ глубинѣ восемнадцатой линіи. На этотъ разъ тихо вступилъ онъ въ свѣтлый кругъ фонаря; но казалось, что свѣтлый свѣтъ золотой грустно заструился отъ чела, отъ его костенѣющихъ пальцевъ...—

— Такъ невѣдомый другъ показался и нынѣшній разъ.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ, какъ однажды окликнула милаго обитателя восемнадцатой линіи прохожая старушонка въ соломенной шляпѣ чепцомъ съ лиловыми лентами.

Мишей она его тогда назвала.

Александръ Ивановичъ вздрагивалъ всякій разъ, какъ печальный и длинный, проходя, обращалъ на него невыразимый, всевидящій взоръ; и все такъ же бѣлѣли при этомъ его впалыя щеки. Александръ Ивановичъ видѣлъ-невидѣлъ и слышалъ-неслышалъ послѣ этихъ встрѣчъ на Невѣ.

— „Если-бъ остановился!..“

— „О, если бы!..“

— „И, о, если бы выслушалъ!..“

Но печальный и длинный, не глядя, не останавливаясь, ужъ прошелъ.

Отчетливо удалялся звукъ его шага; этотъ отчетливый звукъ происходилъ оттого, что ноги прохожаго не были, какъ у прочихъ, обуты въ калоши. Александръ Ивановичъ

Digitized by Microsoft®

обернулся и тихо хотѣлъ ему что-то такое сказать; тихо хотѣлъ онъ позвать какого-то неизвѣстнаго Мишу...

Но то мѣсто, куда Миша уже ушелъ безвозвратно, — то мѣсто пустѣло теперь въ свѣтломъ колеблемомъ кругѣ; и не было—ничего, никого, кромѣ вѣтра да слякоти.

И оттуда мигалъ желтый огненный языкъ фонаря.

. . . . . .

Тѣмъ не менѣе онъ опять позвонился. Петербургскій пѣтухъ на звонокъ отвѣтствовалъ снова: въ скважинахъ просвисталъ сыроватый вѣтеръ морской; вѣтеръ стоналъ въ подворотнѣ и напротивъ съ размаху ударился о желѣзную вывѣску „Дешевой столовой“; и желѣзо грохнуло въ темноту.

Матвѣй Моржовъ.

Наконецъ заскрипѣли ворота.

Бородатый дворникъ, Матвѣй Моржовъ, давнишній пріятель Александра Ивановича, пропустилъ его за домовый порогъ: отступленіе было отрѣзано; и замкнулись ворота.

— „Што позненько?“

— „Все дѣла...“

— „Изволите искать себѣ мѣста?“

— „Да, мѣста...

— „Натурально: мѣстовъ таперича нѣтъ... Развѣ вотъ, ежели аслабанится въ Участкѣ...“

— „Да въ Участокъ меня, Матвѣй, не возьмутъ...“

— „Натурально: куда вамъ въ Участокъ...“

— „Вотъ видишь?“

— „А мѣстовъ таперича нѣтъ...“

Бородатый дворникъ, Матвѣй Моржовъ, иногда засылалъ къ Александру Ивановичу свою дебёлую бабу, все болѣвшую ушною болѣзнью, то съ кускомъ пирога, а то съ приглашеніемъ въ гости; такъ, они выпивали по праздникамъ, въ дворницкой: съ домовою полиціей Александру Ивановичу, какъ нелегальному человѣку, надлежало сохранять тѣснѣйшую дружбу.

Digitized by Microsoft ®

Да и кромѣ того.

Представлялся лишь выгодный случай безопасно сойти съ своего холоднаго чердака (свой чердакъ, какъ видѣли мы, Александръ Ивановичъ ненавидѣлъ, а, бывало, недѣлями онъ безвыходно въ немъ сидѣлъ, когда выходъ казался рискованъ).

Иногда къ ихъ компаніи прибавлялись: участковый писецъ Воронковъ да сапожникъ Безсмертный. А въ послѣднее время все въ дворницкой сиживалъ Степка: Степка же былъ безработный.

Александръ Ивановичъ, очутившись на дворикѣ, явственно слышалъ, какъ изъ дворницкой долетала до слуха его та же все пѣсенка:

„Кто канторшыка
„Ни любитъ, —
„А я стала бы
„Любить...
„Абразованныя
„Люди
„Знаютъ,
„Што пагаварить...“

. . . . . .

— „Опять гости?“

Матвѣй Моржовъ съ свирѣпой задумчивостью почесалъ свой затылокъ:

— „Маненечка забавляемся...“

Александръ Ивановичъ улыбнулся:

— „Небось, участковый писарь?..“

— „А то кто же... Онъ самый...“

Вдругъ Александръ Ивановичъ вспомнилъ, что имя писца Воронкова почему-то было настойчиво упомянуто — тамъ, о с о б о ю; почему о с о б а знала и писца Воронкова, и о писцѣ Воронковѣ, и объ этихъ сидѣньяхъ ихъ? Онъ тогда удивился, да спросить позабылъ.

. . . . . .

Купи маминька
На платье
Жиганету
Сѣрава:

Digitized by Microsoft®

Уважать теперь
Я буду
Васютку
Ликсѣева!..

. . . . . .

Дворникъ Моржовъ, видя какую-то нерѣшительность Александра Ивановича, посопѣлъ носомъ, да и мрачно отрѣзалъ:

— „Штошъ... Въ дворницкую-то... Захаживайте...“

И зашелъ бы Александръ Ивановичъ: въ дворницкой и тепло, и людно, и хмельно; на чердакѣ же одиноко и холодно. И—нѣтъ, нѣтъ: тамъ писецъ Воронковъ; о писцѣ Воронковѣ двусмысленно говорила о с о б а; и — чортъ его знаетъ! Но главное: заходъ въ дворницкую былъ бы рѣшительной трусостью: былъ бы бѣгствомъ отъ собственныхъ стѣнъ.

Александръ Ивановичъ со вздохомъ отвѣтилъ:

— „Нѣтъ, Матвѣй: спать пора...“

— „Натуральное дѣло: какъ знаете!..“

А какъ тамъ распѣвали:

Купи маминька
На платье
Жиганету
Синева:
Уважать теперь
Я буду
Сыночка
Васильева!..

— „А то выпили-бъ водки?“

И просто съ какимъ-то отчаяньемъ, просто съ какою-то злостью онъ выкрикнулъ:

— „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!“

И пустился бѣжать къ серебристымъ саженямъ дровъ.

Ужъ Матвѣй Моржовъ, уходя, распахнулъ на минуту дверь дворницкой: бѣлый паръ, снопъ свѣтовой, гамъ голосовъ и запахъ согрѣтой грязи, занесенной съ улицы сапожищами, выхватился на мгновенье оттуда; и — бацъ: захлопнулась за Матвѣемъ Моржовымъ дверь.

Digitized by Microsoft ®

Вторично отступленіе было отрѣзано.

Луна опять озаряла четкій дворикъ квадратный и серебристыя сажени осиновыхъ дровъ, межъ которыхъ юркнулъ Александръ Ивановичъ, направляясь къ черному подъѣздному входу. Въ спину ему изъ дворницкой долетали слова; вѣрно пѣлъ сапожникъ Безсмертный.

Желѣзнодорожныя рельсы!..
И насыпы!.. И стрѣлки сигналъ!
Какъ въ глину размытую поѣздъ
Слетѣлъ, низвергаясь со шпалъ.
Картина разбитыхъ вагоновъ!..
Картина несчастныхъ людей!..

Дальше не было слышно.

Александръ Ивановичъ остановился: такъ, такъ, такъ — начиналось; еще онъ не успѣлъ заключиться въ темножелтый свой кубъ, какъ уже: начиналась, возникла—неотвратимая, еженощная пытка. И на этотъ разъ она началась у черныхъ входныхъ дверей.

. . . . . .

Дѣло было все въ томъ же: Александра Ивановича о н и стерегли... Началось это такъ: какъ-то разъ, возвращаясь домой, онъ увидѣлъ сходящаго съ лѣстницы неизвѣстнаго человѣка, который сказалъ ему:

— „Вы съ Нимъ связаны...“

Кто былъ подлинно сходящій съ лѣстницы человѣкъ, кто былъ О н ъ (съ большой буквы), Кто связуетъ съ Собой, Александръ Ивановичъ не пожелалъ разузнать, но порывисто бросился отъ неизвѣстнаго вверхъ по лѣстницѣ. Неизвѣстный его не преслѣдовалъ.

И вторично съ Дудкинымъ—б ы л о: встрѣтилъ на улицѣ онъ человѣка въ глубоко на глаза надвинутомъ картузѣ и со столь ужаснымъ лицомъ (неизъяснимо ужаснымъ), что какая-то проходящая тутъ незнакомая дама въ перепугѣ схватила Александра Ивановича за рукавъ:

— „Видѣли? Это—ужасъ, вѣдь, ужасъ... Этого не бываетъ!.. О, что̀ это?..

Digitized by Microsoft®

Человѣкъ же прошелъ.

Но вечеромъ, на площадкѣ третьяго этажа Александра Ивановича схватили какія-то руки и толкали къ периламъ, явно пытаясь столкнуть—туда, внизъ. Александръ Иванычъ отбился, чиркнулъ спичкою, и... на лѣстницѣ не было никого: ни сбѣгающихъ, ни восходящихъ шаговъ. Было пусто.

Наконецъ въ послѣднее время по ночамъ Александръ Ивановичъ слышалъ нечеловѣческій крикъ... съ лѣстницы: какъ вскрикнетъ!.. Вскрикнетъ, и болѣе не кричитъ.

Но жильцы, какъ вскрикнетъ,—не слышали.

Только разъ слышалъ онъ на улицѣ этотъ крикъ—тамъ, у Мѣднаго Всадника: точь въ точь такъ кричало. Но то былъ автомобиль, освѣщенный рефлекторами. Только разъ иногда коротавшій съ нимъ ночи безработный Степанъ слышалъ, какъ... крикнуло. Но на всѣ приставанія къ нему Александра Ивановича лишь угрюмо сказалъ:

— „Это васъ о н и ищутъ...“

Кто о н и, на это Степка — молчокъ. И больше ни слова. Только сталъ Александра Ивановича этотъ Степка чуждаться, рѣже къ нему заходить; ночевать же—ни-ни... И ни дворнику, ни писцу Воронкову, ни сапожнику Степка—ни слова. Александръ Ивановичъ—то же ни слова...

Но каково быть насильственно вбитымъ в о в с е э т о, ни съ кѣмъ не дѣлиться!

— „Это васъ о н и ищутъ...“

Кто о н и, и почему о н и—ищутъ?..

. . . . . .

Вотъ и сейчасъ.

Александръ Ивановичъ непроизвольно бросилъ кверху свой взоръ: къ окошку на пятомъ чердашномъ этажикѣ; и въ окошкѣ былъ свѣтъ; было видно, что какая-то угловатая тѣнь безпокойно слонялась въ окошкѣ. Мигъ, — и онъ безпокойно въ карманѣ нащупалъ свой комнатный ключикъ: былъ ключикъ съ нимъ. Кто же тамъ очутился въ запертой его комнатѣ...

Можетъ быть—обыскъ? О, если бы только обыскъ: онъ

Digitized by Microsoft ®

влетѣлъ бы на обыскъ, какъ счастливѣйшій человѣкъ; пусть его заберутъ и упрячутъ, хотя-бъ... въ Петропавловку. Тѣ, кто спрячутъ его въ Петропавловку, все же хоть люди—во всякомъ случаѣ н е о н и.

— „Это васъ о н и ищутъ...“

Александръ Ивановичъ перевелъ дыханіе и далъ себѣ заранѣе слово не ужасаться чрезмѣрно, потому что событія, какія съ нимъ теперь могли совершиться—одна только праздная, мозговая игра.

Александръ Ивановичъ вошелъ въ черный ходъ.

Мертвый лучъ падалъ въ окошко.

Такъ, такъ, такъ: тамъ стояли о н и; такъ же стояли о н и при послѣднемъ ночномъ возвращеніи. И о н и его ждали. Кто о н и были, этого сказать положительно было нельзя: два очертанія. Мертвый лучъ падалъ въ окошко съ третьяго этажа; бѣлесовато ложился на сѣрыхъ ступеняхъ.

И въ совершеннѣйшей темнотѣ бѣлесоватыя пятна лежали такъ ужасно спокойно—безтрепетно.

Въ бѣлесоватое, вотъ это, пятно вступали лѣстничныя перила; у перилъ же стояли о н и: два очертанія; пропустили Александра Ивановича, стоя справа и слѣва отъ него; также они пропустили Александра Ивановича и тогда; ничего не сказали, не шевельнулись, не дрогнули; чувствовался лишь чей-то дурной изъ темноты на него прищуренный, не моргающій глазъ.

Не приблизиться-ль к ъ н и м ъ, не зашептать ли имъ на уши въ памяти возставшее изъ сна заклинаніе?

— „Енфраншишъ, енфраншишъ!..“

Каково только вотъ вступать подъ упорнымъ ихъ взглядомъ въ бѣлесоватое это пятно: быть освѣщеннымъ луною, чувствуя по обѣ стороны зоркій взглядъ наблюдателя; далѣе—каково ощутить наблюдателей черной лѣстницы у себя за спиной, ежесекундно на все готовыхъ; каково не ускорить шага и хладнокровно покашливать?

Digitized by Microsoft ®

Ибо стоило Александру Ивановичу быстро-быстро вдругъ кинуться вверхъ по лѣстничнымъ ступенямъ, какъ за нимъ бы кинулись слѣдомъ и наблюдатели.

Тутъ бѣлесоватыя пятна стали сѣрыми пятнами и потомъ гармонично затаяли; и растаяли вовсе въ совершеннѣйшей темнотѣ (видно черное облако набѣжало на мѣсяцъ).

Александръ Ивановичъ спокойно вошелъ въ передъ тѣмъ бѣлѣвшее мѣсто, такъ что глазъ онъ не видѣлъ, заключая отсюда, что и его глаза не увидѣли (бѣдный, онъ тѣшился тщетною мыслью, что невидимый проскользнетъ онъ къ себѣ на чердакъ). Александръ Ивановичъ не ускорилъ шага, и даже—сталъ пощипывать усикъ; и...

...Александръ Иванычъ не выдержалъ.

Онъ стрѣлою влетѣлъ на площадку второго этажа (экая нетактичность!). И влетѣвъ на площадку, онъ позволилъ себѣ нѣчто, что̀ его окончательно уронило во мнѣніи тамъ стоящаго очертанія.

Перегнувшись черезъ перила, онъ внизъ метнулъ растерянный, перепуганный взглядъ, предварительно бросивъ туда зажженную спичку: вспыхнули желѣзные прутья перилъ; и среди желтаго мерцанія этого явственно разсмотрѣлъ Александръ Ивановичъ силуэты.

Каково же было его изумленіе?

Одинъ силуэтъ оказался просто-напросто татариномъ, Махмудкой, жителемъ подвальнаго этажа; въ желтомъ трепетѣ догоравшей и мимо падавшей спички Махмудка склонился къ господинчику обыденнаго вида; господинчикъ обыденнаго вида былъ въ котелкѣ, но съ горбоносымъ лицомъ восточнаго человѣка; горбоносый, восточный же человѣкъ что-то силился спросить у Махмудки, а Махмудка качалъ отрицательно головой.

Далѣе — спичка погасла: ничего нельзя было разобрать.

Но горящая спичка выдала пребываніе Александра Ивановича горбоносому восточному человѣку: быстро вверхъ

Digitized by Microsoft ®

зашаркали ноги; и уже надъ самымъ ухомъ Александра Ивановича раздался теперь бойкій голосъ, но... — представьте себѣ, безъ акцента.

— „Извините, вы Андрей Андреичъ Горѣльскій?“

— „Нѣтъ, я Александръ Ивановичъ Дудкинъ...“

— „Да, по подложному паспорту...“

Александръ Ивановичъ вздрогнулъ: онъ, дѣйствительно, жилъ по подложному паспорту, но его имя, отчество и фамилія были: Алексѣй Алексѣевичъ Погорѣльскій, а не Андрей Андреичъ Горѣльскій.

Александръ Ивановичъ вздрогнулъ, но... рѣшилъ, что утаиванья не приведутъ ни къ чему:

— „Я, а что̀ вамъ угодно...“

— „Извините, пожалуйста: я явился къ вамъ въ первый разъ и въ столь неурочное время...“

— „Пожалуйста...“

— „Эта черная лѣстница: ваша квартира оказалася запертою... И тамъ кто-то есть... Я предпочелъ ожидать васъ у входа... И потомъ эта черная лѣстница...“

— „Кто же ждетъ меня тамъ?..“

— „Не знаю: мнѣ оттуда отвѣтилъ голосъ какого-то простолюдина...“

Степка!.. Слава Богу: тамъ—Степка...

— „Что̀ же вамъ угодно...“

— „Простите, я столько наслышанъ о васъ: у насъ общіе съ вами друзья... Николай Степанычъ Липпанченко, гдѣ я бываю принятъ, какъ сынъ... Я давно-давно хотѣлъ познакомиться съ вами... Я слышалъ, что вы полунощникъ... Вотъ я и осмѣлился... Я собственно живу въ Гельсингфорсѣ и бываю наѣздомъ здѣсь, хотя моя родина—югъ...“

Александръ Ивановичъ быстро сообразилъ, что гость его лжетъ; и притомъ пренахальнѣйшимъ образомъ, ибо т а ж е исторія повторилась когда-то (гдѣ и когда — этого онъ не могъ сейчасъ осознать: можетъ быть, дѣло происходило въ позабытомъ тотчасъ же снѣ; и вотъ—встало).

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: вовсе дѣло не чисто; но вида не надо

Digitized by Microsoft ®

показывать; и Александръ Ивановичъ отвѣтствовалъ въ совершенную тьму.

— „Съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?“

— „Персидскій подданный Шишнарфнэ... Мы уже съ вами встрѣчались...“

— „Шишнарфіевъ?..“

— „Нѣтъ, Шишнарфнэ: окончаніе в е, е р ъ мнѣ придѣлали — для руссицизма, если хотите... Мы были вмѣстѣ сегодня — тамъ, у Липпанченки; два часа я сидѣлъ, ожидая, когда вы покончите дѣловой разговоръ, и не могъ васъ дождаться... Зоя Захаровна вò-время не предупредила меня о томъ, что вы находитесь у нея. Я давно ищу съ вами встрѣчи... Я д а в н о в а с ъ и щ у...

Эта послѣдняя фраза, какъ и превращеніе Шишнарфіева въ Шишнарфнэ опять что-то сонно напомнили: было мерзко, тоскливо, томительно.

— „Мы съ вами и прежде встрѣчались?“

— „Да... помните?.. Въ Гельсингфорсѣ...“

Александръ Ивановичъ что-то смутно припомнилъ; неожиданно для себя онъ зажегъ еще новую спичку и поднесъ эту спичку къ самому носу Шишнарфіева—виноватъ: Шишнарфнэ: вспыхнули на мгновенье желтымъ отсвѣтомъ стѣны, промерцали прутья перилъ; и изъ тьмы передъ самымъ лицомъ его вдругъ сложилось лицо персидскаго подданнаго; Александръ Ивановичъ ясно вспомнилъ теперь, что это лицо онъ видалъ въ одной гельсингфорской кофейнѣ; но и тогда то лицо съ Александра Ивановича почему-то не спускало подозрительныхъ глазъ.

— „Помните?“

Александръ Ивановичъ еще припомнилъ, еще: именно: въ Гельсингфорсѣ у него начались всѣ признаки ему угрожавшей болѣзни; и именно въ Гельсингфорсѣ вся та праздная, будто кѣмъ-то внушенная, началась его мозговая игра.

Помнится, въ тотъ періодъ, пришлось ему развивать парадоксальнѣйшую теорію о необходимости разрушить культуру, потому что періодъ исторіей изжѝтаго гуманизма за-

Digitized by Microsoft ®

конченъ, и культурная исторія теперь стоитъ передъ нами, какъ вывѣтренный рухлякъ: наступаетъ періодъ здороваго звѣрства, пробивающійся изъ темнаго народнаго низа (хулиганство, буйство апашей), изъ аристократическихъ верховъ (бунтъ искусствъ противъ установленныхъ формъ, любовь къ примитивной культурѣ, экзотика) и изъ самой буржуазіи (восточныя дамскія моды, кэкъ-уокъ—негрскій танецъ; и—далѣе); Александръ Ивановичъ въ эту пору проповѣдывалъ сожженіе библіотекъ, университетовъ, музеевъ; проповѣдывалъ онъ и призванье монголовъ (впослѣдствіи онъ испугался монголовъ). Всѣ явленія современности раздѣлялись имъ на двѣ категоріи: на признаки уже изжитой культуры и на здоровое варварство, принужденное пока таиться подъ маскою утонченности (явленіе Ницше и Ибсена) и подъ этою маскою заражать сердца хаосомъ, уже тайно взывающимъ въ душахъ.

Александръ Ивановичъ приглашалъ поснять маски и открыто быть съ хаосомъ.

Помнится, это же онъ проповѣдовалъ и тогда, въ гельсингфорской кофейнѣ; и когда его кто-то спросилъ, какъ отнесся бы онъ къ сатанизму, онъ отвѣтилъ:

— „Христіанство изжито: въ сатанизмѣ есть грубое поклоненіе фетишу, т.-е. здоровое варварство...“

Вотъ тогда-то—вспомнилъ онъ—сбоку, за столикомъ, сидѣлъ Шишнарфнэ и съ нихъ глазъ не спускалъ.

Проповѣдь варварства кончилась неожиданнымъ образомъ (въ Гельсингфорсѣ, тогда же): кончилась совершеннымъ кошмаромъ; Александръ Ивановичъ видѣлъ (не то въ снѣ, не то въ засыпаніи), какъ его помчали чрезъ неописуемое, что̀ можно бы назвать всего проще междупланетнымъ пространствомъ (но что̀ не было имъ): помчали для свершенія нѣкаго, т а м ъ обыденнаго, но съ точки зрѣнія нашей все же гнуснаго акта; несомнѣнно это было во снѣ (между нами—что̀ сонъ?), но во снѣ безобразномъ, повліявшемъ на прекращеніе проповѣди; во всемъ этомъ самое непріятное было то, что Александръ Иванычъ не помнилъ, совершилъ ли онъ а к т ъ, или

Digitized by Microsoft®

нѣтъ; этотъ сонъ впослѣдствіи Александръ Иванычъ отмѣтилъ, какъ начало болѣзни, но — все-таки: вспоминать не любилъ.

Вотъ тогда-то онъ втихомолку отъ всѣхъ принялся читать Откровеніе.

И теперь, здѣсь на лѣстницѣ, напоминаніе о Гельсингфорсѣ подѣйствовало ужасно. Гельсингфорсъ сталъ передъ нимъ. Онъ невольно подумалъ:

— „Вотъ отчего всѣ послѣднія эти недѣли твердилось мнѣ безъ всякаго смысла: Гель-синъ-форсъ, Гель-синъ-форсъ...“

А Шишнарфнэ продолжалъ:

— „Помните?“

Дѣло приняло отвратительный оборотъ: надо было броситься въ бѣгство немедленно—вверхъ по каменнымъ лѣстницамъ; надо было использовать темноту; а не то фосфорическій свѣтъ броситъ въ окна бѣлесоватыя пятна. Но Александръ Ивановичъ медлилъ въ совершеннѣйшемъ ужасѣ; почему-то особенно его поразила фамилія обыденнаго посѣтителя:

— „Шишнарфнэ, Шишнарфнэ... Гдѣ-то это я все уже знаю...“

А Шишнарфнэ продолжалъ:

— „Итакъ, вы позволите мнѣ къ вамъ зайти?.. Я, признаться, усталъ, поджидая васъ... Вы, надѣюсь, мнѣ извините этотъ мой полуночный визитъ...“

И въ припадкѣ невольнаго страха Александръ Ивановичъ выкрикнулъ:

— „Милости просимъ...“

Самъ подумалъ же:

— „Степка тамъ выручитъ...“

. . . . . .

Александръ Ивановичъ бѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. За нимъ бѣжалъ Шишнарфнэ; безконечная вереница ступе́ней уводила ихъ, казалось, не къ пятому этажу: конца лѣстницы не предвидѣлось; и сбѣжать было нельзя: за плечами бѣжалъ Шишнарфнэ, впереди же, изъ комнатки била струя свѣтовая.

Digitized by Microsoft®

Александръ Иванычъ подумалъ:

— „Какъ же могъ зайти ко мнѣ Степка: вѣдь ключъ у меня?“

Но ощупавъ карманъ, убѣдился онъ, что ключа не было: вмѣсто дверного ключа былъ ключъ стараго чемодана.

Петербургъ.

Александръ Ивановичъ влетѣлъ самъ не свой въ свою убогую комнату и увидѣлъ, что на грязныхъ козлахъ постели разсѣлся Степанъ надъ догоравшимъ огаркомъ; передъ развернутой книгою съ церковнославянскими буквами низко такъ опустилась его косматая голова.

Степанъ читалъ Требникъ.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ обѣщаніе Степки: принести съ собой Требникъ (его тамъ интересовала молитва— молитва Василія Великаго: увѣщательная, къ бѣсамъ). И онъ ухватился за Степку.

— „Это ты, Степанъ: ну, я радъ!“

— „Вотъ принесъ я вамъ, баринъ, Тр...“,—но поглядѣвъ на вошедшаго посѣтителя, Степка прибавилъ, — „что просили...“

— „Спасибо...“

— „Поджидаючи васъ, зачитался я... (опять взглядъ въ сторону посѣтителя)... Мнѣ пора...“

Александръ Ивановичъ рукой ухватился за Степку:

— „Не уходи, посиди... Этотъ вотъ баринъ — господинъ Шишнарфіевъ...“

Но изъ двери металлическій голосъ отчеканилъ гортанно:

— „Не Шишнарфіевъ, а... Шиш-нар-фнэ...“

И охота была ему стоять за отсутствіе буквы ве и твердаго знака? онъ виднѣлся у двери; онъ снялъ котелочекъ; не скидывалъ пальтеца и окидывалъ комнатушку вопросительнымъ взглядомъ:

— „Плоховато у васъ... Сыровато... И холодно...“

Digitized by Microsoft®

Свѣча догорала: вспыхнула оберточная бумага, и вдругъ стѣны стали плясать въ жидкокрасномъ огнѣ.

. . . . . .

— „Нѣтъ, баринъ, увольте: пора мнѣ“,—засуетился тутъ Степка, косясь непріязненно на Александра Ивановича и вовсе не глядя на гостя, — „увольте—до другого ужъ разу“.

Онъ взялъ съ собой Требникъ.

Подъ пристальнымъ взглядомъ Степана Александръ Ивановичъ свои глаза опустилъ: пристальный взглядъ, показалось ему, есть взглядъ осудительный. И какъ быть—со Степаномъ? Что-то такое ему сказать хотѣлось — Степану; Степана онъ оскорбилъ; Степанъ не проститъ; и, казалось, Степанъ теперь думаетъ:

— „Нѣтъ, баринъ, коли ужъ эдакіе къ вамъ повадились, тутъ ужъ нечего дѣлать; и не къ чему Требникъ... Эдакіе не ко всякоку вхожи; а къ кому они вхожи, тотъ—поля ихъ ягода...“

Стало-быть, стало-быть, если полагаетъ Степанъ, — посѣтитель-то: и есть подозрительный... А тогда, какъ же быть, ему, одному—безъ Степана:

— „Степанъ, оставайся“.

Но Степанъ отмахнулся не безъ оттѣнка гадливости: какъ будто боялся и онъ, что къ нему это можетъ пристать:

— „Это вѣдь къ вамъ они: не ко мнѣ...“

А въ душѣ отдалось:

— „Это васъ они ищутъ...“

За Степаномъ захлопнулась дверь. Александръ Ивановичъ хотѣлъ ему крикнуть вдогонку, чтобъ оставилъ онъ Требникъ-то, да... устыдился. Вдругъ онъ да и скажетъ компрометантное для вольнодумца словечко-то „Требникъ“: но—Александръ Ивановичъ далъ себѣ заранѣе слово: не ужасаться чрезмѣрно, потому что событія, какія съ нимъ могли съ уходомъ Степана быть — галлюцинація слуха и галлюцинація зрѣнія. Пламена, кровавые свѣточи, проплясавъ, умирали на стѣнахъ; прогорѣла бумага: пламенекъ свѣчи угасалъ; все—мертвенно зеленѣло...

Digitized by Microsoft ®

. . . . . .

На покрытыхъ одѣялишкомъ козлахъ жестомъ руки попросилъ посѣтителя онъ усѣсться у столика; самъ же сталъ онъ въ дверяхъ, чтобъ при случаѣ оказаться на лѣстницѣ и на ключъ припереть посѣтителя, самому же мелкою дробью скатиться по всѣмъ девяносто шести ступенямъ.

Посѣтитель, опершись на подоконникъ, закуривалъ папироску и тараторилъ; черный контуръ его прочертился на свѣтящемся фонѣ зеленыхъ заоконныхъ пространствъ (тамъ бѣжала луна въ облакахъ)...

— „Вижу я, что попалъ къ вамъ не во-время..., что, повидимому, васъ безпокою...“

— „Ничего, очень радъ“ — неубѣдительно успокаивалъ гостя Александръ Ивановичъ Дудкинъ, самъ нуждаясь въ успокоеніи и осмотрительно пробуя за спину заложенною рукою заперта или незаперта дверь.

— „Но... я такъ собирался къ вамъ, такъ искалъ васъ повсюду, что когда случайно не встрѣтились мы у Зои Захаровны Флейшъ, я попросилъ ее дать вашъ адресъ; и отъ нея, отъ Зои Захаровны я—прямо къ вамъ: поджидать... Тѣмъ болѣе, что завтра я чуть свѣтъ уѣзжаю“.

— „Уѣзжаете?“ — переспросилъ Александръ Ивановичъ, потому что ему показалось: слова посѣтителя раздвоились въ немъ: и внѣшнее ухо восприняло „я чуть свѣтъ уѣзжаю“; другое-жъ какое-то ухо восприняло явственно, такъ восприняло:

— „Я днемъ уѣзжаю, пріѣзжаю же съ сумерками...“

Но онъ не настаивалъ, продолжая воспринимать бьющія въ уши слова, какъ они раздавались, а не какъ отзывались.

— „Да, уѣзжаю въ Финляндію, въ Швецію... Тамъ — я живу; впрочемъ родина моя — Шемахà; а я обитаю въ Финляндіи: климатъ Петербурга, признаюсь, и м н ѣ вреденъ...“

Отдалось, раздвоилось въ сознаніи это „и м н ѣ“. Петербургскій климатъ всѣмъ вреденъ; можно было бы „и м н ѣ“ не подчеркивать вовсе.

Digitized by Microsoft®

— „Да“,—машинально отвѣтствовалъ Александръ Ивановичъ,—„Петербургъ стоитъ на болотѣ...“

Черный контуръ на фонѣ зеленыхъ заоконныхъ пространствъ (тамъ бѣжала луна въ облакахъ) тутъ какъ съ мѣста сорвется, и—пошелъ онъ писать совершенную ахинею.

— „Да, да, да... Для Русской Имперіи Петербургъ—характернѣйшій пунктикъ... Возьмите географическую карту... Но о томъ, что столичный нашъ городъ, весьма украшенный памятниками, принадлежитъ и къ странѣ загробнаго міра...“

— „О, о, о!“—подумалъ Александръ Ивановичъ:—„надо ухо теперь держать по вѣтру, чтобы во-время успѣть убѣжать...“ Самъ же онъ возразилъ:

— „Вы говорите столичный нашъ городъ... Да не вашъ же: столичный в а ш ъ городъ не Петербургъ—Тегеранъ... Вамъ, какъ восточному человѣку, климатическія условія н а ш е й столицы...“

— „Я космополитъ: я вѣдь былъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ... Да—о чемъ я: о томъ, что столичный н а ш ъ городъ“—продолжалъ черный контуръ — „принадлежитъ къ странѣ загробнаго міра,—говорить объ этомъ не принято какъ-то при составленіи географическихъ картъ, путеводителей, указателей; краснорѣчиво помалкиваетъ тутъ самъ почтенный Бедекеръ; скромный провинціалъ, во-время не освѣдомленный объ этомъ, попадаетъ въ лужу уже на Николаевскомъ или даже на Варшавскомъ вокзалѣ; онъ считается съ явною администраціей Петербурга: тѣневого паспорта у него нѣтъ.

— „То-есть какъ это?“

— „Да такъ, очень просто: отправляясь въ страну папуасовъ, я знаю, что въ странѣ папуасовъ ждетъ меня папуасъ: Карлъ Бедекеръ заблаговременно предупреждаетъ меня о семъ печальномъ явленьи природы; но что было бы со мною, скажите, если бы по дорогѣ въ Кирсановъ повстрѣчался бы я со становищемъ черномазой папуасской орды, что, впрочемъ, скоро будетъ во Франціи, ибо Франція подъ шумокъ вооружаетъ черныя орды и введетъ ихъ въ Европу—

Digitized by Microsoft®

увидите: впрочемъ, это вамъ на руку—вашей теоріи озвѣрѣнія и ниспроверженья культуры: помните?.. Въ гельсингфорской кофейнѣ я васъ слушалъ съ сочувствіемъ".

Александру Ивановичу становилось все болѣе не по себѣ: его трясла лихорадка; особенно было гнусно выслушивать ссылку на имъ оставленную теорію; послѣ ужаснаго Гельсингфорскаго сна связь теоріи этой съ сатанизмомъ была явно осознана имъ; все это было имъ отвергнуто, какъ болѣзнь; и все это теперь, когда снова онъ боленъ, черный контуръ съ лихвою отвратительно ему возвращалъ.

Черный контуръ тамъ, на фонѣ окна, въ освѣщенной луною каморкѣ становился все тоньше, воздушнѣе, легче; онъ казался листикомъ темной, черной бумаги, неподвижно наклееннымъ на рамѣ окна; звонкій голосъ его, внѣ его, самъ собой раздавался посреди комнатнаго квадрата; но всего удивительнѣй было то обстоятельство, что замѣтнѣйшимъ образомъ передвигался въ пространствѣ самый центръ голоса—отъ окна—по направленію къ Александру Ивановичу; это былъ самостоятельный, невидимый центръ, изъ котораго крѣпли уши рвущіе звуки:

— „Итакъ, что я? Да... О папуасѣ: папуасъ, такъ сказать, существо земнородное; біологія папуаса, будь она даже нѣсколько примитивна,—и вамъ, Александръ Ивановичъ, не чужда. Съ папуасомъ въ концѣ концовъ вы столкуетесь; ну, хотя бы при помощи спиртного напитка, которому отдавали вы честь всѣ послѣдніе эти дни и который создалъ благопріятнѣйшую для нашей встрѣчи атмосферу; болѣе того: и въ Папуасіи существуютъ какіе-нибудь институты правовыхъ учрежденій, одобренныхъ, можетъ быть, папуасскимъ парламентомъ..."

Александръ Ивановичъ подумалъ, что поведеніе посѣтителя не должное вовсе, потому что звукъ голоса посѣтителя неприличнѣйшимъ образомъ отдѣлился отъ посѣтителя; да и самъ посѣтитель, неподвижно застывшій на подоконникѣ—или глаза измѣняли?—явно сталъ слоемъ копоти на луной освѣщенномъ стеклѣ, между тѣмъ какъ голосъ его, стано-

Digitized by Microsoft®

вясь все звончѣе и принимая оттѣнокъ грамофоннаго выкрика, раздавался прямо надъ ухомъ.

— „Тѣнь—даже не папуасъ; біологія тѣней еще не изучена; потому-то вотъ—никогда не столкнуться съ тѣнью: ея требованій не поймешь; въ Петербургѣ она входитъ въ васъ бациллами всевозможныхъ болѣзней, проглатываемыхъ съ самою водопроводной водой...“

— „И съ водкой“—подхватилъ Александръ Ивановичъ и невольно подумалъ: „Что это я? Или я клюнулъ на бредъ? Отозвался, откликнулся?“ Тутъ же мысленно онъ рѣшилъ окончательно отмежеваться отъ ахинеи; если онъ ахинею эту не разложитъ сознаніемъ тотчасъ же, то сознаніе самое разложится въ ахинею.

— „Нѣтъ-съ: съ водкою вы въ сознаніе ваше меня только вводите... Не съ водкою, а съ водой проглатываете бациллы, а я—не бацилла; и—ну вотъ: не имѣя надлежащаго паспорта, вы подвергаетесь всѣмъ возможнымъ послѣдствіямъ: съ первыхъ же дней вашего петербургскаго пребыванія у васъ не варитъ желудокъ; вамъ грозитъ холерина... Далѣе слѣдуютъ казусы, отъ которыхъ не избавятъ ни просьбы, ни жалобы въ петербургскій участокъ; желудокъ не варитъ?.. Но—капли доктора Иноземцева?!... Угнетаетъ тоска, галлюцинаціи, мрачность — все слѣдствія холерины — идите же въ Фарсъ... Поразвлекитесь немного... А скажите мнѣ, Александръ Иванычъ, по дружбѣ,—вѣдь галлюцинаціями таки страдаете вы?“

— „Да это ужъ издѣвательство надо мною“—подумалъ Александръ Ивановичъ.

— „Вы страдаете галлюцинаціей—относительно ихъ выскажется не приставъ, а психіатръ... Словомъ, жалобы ваши, обращенныя въ видимый міръ, останутся безъ послѣдствій, какъ вообще всякія жалобы: вѣдь въ видимомъ мірѣ мы, признаться сказать, не живемъ... Трагедія нашего положенія въ томъ, что мы все-таки—въ мірѣ невидимомъ; словомъ, жалобы въ видимый міръ останутся безъ послѣдствій; и, стало-быть, остается вамъ подать почтительно просьбу въ міръ тѣней“.

Digitized by Microsoft ®

— „А есть и такой?“ — съ вызовомъ выкрикнулъ Александръ Ивановичъ, собираясь выскочить изъ каморки и припереть посѣтителя, становившагося все субтильнѣй: въ эту комнату вошелъ плотный молодой человѣкъ, имѣющій три измѣренія; прислонившись къ окну, онъ сталъ просто контуромъ (и вдобавокъ—двухмѣрнымъ); далѣе: сталъ онъ тонкою слойкою черной копоти, на подобіе той, которая выбиваетъ изъ лампы, если лампа плохо обрѣзана; а теперь эта черная оконная копоть, образующая человѣческій контуръ, вся какъ-то сѣрая, истлѣвала въ блещущую луною золу; и уже зола отлетала: контуръ весь покрылся зелеными пятнами—просвѣтами въ пространства луны; словомъ: контура не было. Явное дѣло—здѣсь имѣло мѣсто разложеніе самой матеріи; матерія эта превратилась вся, безъ остатка, въ звуковую субстанцію, оглушительно трещавшую—только вотъ гдѣ? Александру Ивановичу казалось, что трещала она—въ немъ самомъ.

— „Вы, господинъ Шишнарфнэ“,—говорилъ Александръ Ивановичъ, обращаясь къ пространству (Шишнарфнэ-то вѣдь уже не было),—„можетъ быть, являетесь паспортистомъ потусторонняго міра?“

— „Оригинально“—трещалъ, отвѣчая себѣ самому Александръ Ивановичъ, — вѣрнѣй трещало изъ Александра Ивановича... „Петербургъ, имѣетъ не три измѣренья — четыре; четвертое — подчинено неизвѣстности и на картахъ не отмѣчено вовсе, развѣ что точкою, ибо точка есть мѣсто касанія плоскости этого бытія къ шаровой поверхности громаднаго астральнаго космоса; такъ любая точка петербургскихъ пространствъ во мгновеніе ока способна выкинуть жителя этого измѣренія, отъ котораго не спасаетъ стѣна; такъ минуту предъ тѣмъ я былъ тамъ—въ точкахъ, находящихся на подоконникѣ, а теперь появился я...“

— „Гдѣ?“—хотѣлъ воскликнуть Александръ Ивановичъ, но воскликнуть не могъ, потому что воскликнуло его горло:

— „Появился я... изъ точки вашей гортани...“

Александръ Иванычъ растерянно посмотрѣлъ вкругъ себя,

Digitized by Microsoft®

въ то время какъ горло его, автоматично, не слушаясь, оглушительно выкидывало:

— „Тутъ надо паспортъ... Впрочемъ, вы у насъ тамъ прописаны: остается вамъ совершить окончательный пактъ для полученія паспорта; этотъ паспортъ—въ васъ вписанъ; вы ужъ сами въ себѣ распишитесь, какимъ-нибудь экстравагантнымъ поступочкомъ, напримѣръ... Ну да, поступочекъ къ вамъ придетъ: совершите вы сами; этотъ родъ росписокъ признается у насъ наилучшимъ...“

Если бы со стороны въ ту минуту могъ взглянуть на себя обезумѣвшій герой мой, онъ пришелъ въ ужасъ бы: въ зеленоватой, луной освѣщенной каморкѣ онъ увидѣлъ бы себя самого, ухватившагося за животъ и съ надсадой горланящаго въ абсолютную пустоту предъ собою; вся закинулась его голова, а громадное отверстіе орущаго рта ему показалось бы черною, небытійственной бездной; но Александръ Ивановичъ изъ себя не могъ выпрыгнуть: и себя онъ не видѣлъ; голосъ, раздававшійся изъ него громогласно, казался ему чужимъ автоматомъ.

— „Когда же я у васъ тамъ прописанъ“—прометнулось въ мозгу его (ахинея-то побѣдила сознаніе).

— „А тогда: послѣ акта“—оглушительно разорвался его ротъ; и, разорвавшись, сомкнулся.

Тутъ внезапно предъ Александромъ Ивановичемъ разверзлась завѣса: все онъ вспомнилъ отчетливо... Этотъ сонъ въ Гельсингфорсѣ, когда о н и мчали его чрезъ какія-то... все же... пространства, соединенныя съ пространствами нашими въ математической точкѣ касанія, такъ что оставаяся прикрѣпленнымъ къ пространству, все же онъ воистину могъ уноситься въ пространства—ну, такъ вотъ: когда о н и мчали его чрезъ иныя пространства...

Э т о онъ совершилъ.

Этимъ-то и соединился онъ съ н и м и; а Липпанченко былъ лишь образомъ, намекавшимъ на это; э т о онъ совершилъ; съ э т и м ъ вошла въ него сила; перебѣгая отъ органа къ органу и ища въ тѣлѣ душу, сила эта понемногу овладѣла

Digitized by Microsoft®

имъ всѣмъ (сталъ онъ пьяницей, сладострастіе зашалило и т. д.).

И пока это дѣлалось съ нимъ, онъ и думалъ, что они его ищутъ; а они были—въ немъ.

И пока онъ такъ думалъ, изъ него пёрли ревы, подобные ревамъ автомобильныхъ гудковъ:

— „Наши пространства не ваши; все течетъ тамъ въ обратномъ порядкѣ... И просто Ивановъ тамъ—японецъ какой-то, ибо фамилія эта, прочитанная въ обратномъ порядкѣ—японская: Вонави.

— „Стало-быть, и ты прочитываешь въ обратномъ порядкѣ“ — прометнулось въ мозгу.

И понялъ онъ: „Шишнарфнэ, Шиш-нар-фнэ...“ Это было словомъ знакомымъ, произнесеннымъ имъ при свершеніи акта; только сонно знакомое слово то надо было вывернуть на изнанку.

И въ припадкѣ невольнаго страха онъ силился выкрикнуть:

— „Енфраншишъ“.

Изъ глубинъ же его самого, начинаясь у сердца, но чрезъ посредство собственнаго аппарата гортани отвѣтило:

— „Ты позвалъ меня... Ну—и вотъ я...“

Енфраншишъ само теперь пришло за душой.

. . . . . .

Обезьяньимъ прыжкомъ выскочилъ Александръ Ивановичъ изъ собственной комнаты: щелкнулъ ключъ; глупый,— нужно было выскочить не изъ комнаты, а изъ тѣла; можетъ быть, комната и была его тѣломъ, а онъ былъ лишь тѣнью? Должно быть, потому что изъ-за запертой двери угрожающе прогремѣлъ голосъ, только-что передъ тѣмъ гремѣвшій изъ горла:

— „Да, да, да... Это—я... Я—гублю безъ возврата...“

. . . . . .

Вдругъ луна освѣтила лѣстничныя ступени: въ совершеннѣйшей темнотѣ проступили едва, чуть намѣтились сѣроватыя, сѣрыя, бѣлесоватыя, блѣдныя, а потомъ и фосфорически горящія пятна.

Чердакъ.

По случайной оплошности чердакъ не былъ запертъ; и туда Дудкинъ бросился.

За собою захлопнулъ онъ дверь.

Ночью странно на чердакѣ; его полъ усыпанъ землею; гладко ходишь по мягкому; вдругъ: толстое бревно подлетитъ тебѣ пòдъ-ноги, и усадитъ тебя на карачки. Свѣтло тянутся поперечныя полосы мѣсяца, будто бѣлыя балки: ты проходишь сквозь нихъ.

Вдругъ...—

Поперечное бревно со всего размаху наградитъ тебя въ носъ; ты навѣки рискуешь остаться съ переломленнымъ носомъ.

Неподвижныя, бѣлыя пятна—кальсонъ, полотенецъ и прòстынь... Пропорхнетъ вѣтерокъ,—и безъ шума протянутся бѣлыя пятна: кальсонъ, полотенецъ и прòстынь.

Пусто—все.

Александръ Ивановичъ какъ-то сразу попалъ на чердакъ; и попавъ на чердакъ, удивился, что чердакъ оказался незапертымъ; то, навѣрное, домовая прачка, вся ушедшая въ думы о суженомъ, за собою оставила незакрытую дверь. Когда Александръ Ивановичъ въ эту дверь прошмыгнулъ, то—успокоился, притаился: вздохнулъ облегченно; не было за нимъ ни бѣгущихъ шаговъ, ни грамофоннаго выкрика абракадабры; ни даже ухнувшей двери.

Сквозь разбитыя стекла окна только слышалась издали пѣсня:

Купи маминька на платье
Жиганета синяго.

Глухобьющая дверь разрѣшилась въ біенія сердца; а внизу нападавшая тѣнь—просто въ мѣсяца тѣнь; остальное — галлюцинація; надо было лѣчиться—вотъ только.

Александръ Ивановичъ прислушался. И — что̀ могъ онъ

Digitized by Microsoft ®

услышать? То, что̀ могъ онъ услышать, ты, конечно, знаешь и самъ: совершенно отчетливый звукъ растрещавшейся балки; и—густое молчаніе: то-есть, — сплетенная сѣть изъ однихъ только шероховъ; тутъ, во-первыхъ, — въ углу велись шики и пшики; во-вторыхъ,—напряженіе атмосферы отъ неслышныхъ уху шаговъ; и—глотаніе слюней какого-то губошлёпа.

Словомъ,—все обыденные, домовые звуки: и бояться ихъ—нечего.

Александръ Ивановичъ тутъ собой овладѣлъ; и онъ могъ бы вернуться: въ комнатѣ—это зналъ онъ навѣрное—никого, ничего (приступъ болѣзни прошелъ). Но уходить съ чердака все же ему не хотѣлось: осторожно онъ подходилъ средь кальсонъ, полотенецъ и прòстынь къ заплетенному осеннею паутиной окну и просунулъ онъ голову изъ стекольныхъ осколковъ: то, что̀ онъ видѣлъ, успокоеніемъ и миротворною грустью на него дохнуло теперь.

Подъ ногами яснѣли — отчетливо, ослѣпительно просто: четкій дворовый квадратъ, показавшійся отсюда игрушечнымъ, серебристыя сажени осиновыхъ дровъ, откуда онъ такъ недавно глядѣлъ въ свои окна съ неподдѣльнымъ испугомъ; но что̀ главное: въ дворницкой веселились еще; хриплая пѣсенка раздавалась изъ дворницкой; чебутарахнулъ тамъ дверной блокъ; и двѣ показались фигурки; одна разоралась тамъ:

Вижу я, Господи, свою неправду:
Кривда меня въ глаза обманула,
Кривда мнѣ глаза ослѣпила...
Возжалѣлъ я своего бѣлаго тѣла,
Возжалѣлъ я своего цвѣтного платья,
Сладкаго явствія,
Пьянаго питія—
Убоялся я, Понтій, архіереевъ,
Устрашился, Пилатъ, фарисеевъ.
Руки мылъ—совѣсть смылъ!
Невиннаго предалъ на пропятье...

Это пѣли: участковый писецъ Воронковъ и подвальный сапожникъ Безсмертный. Александръ Иванычъ подумалъ:

Digitized by Microsoft®

„Не спуститься ли къ нимъ?“ И спустился бы... Да вотъ только—лѣстница.

Лѣстница испугала его.

Небо очистилось. Бирюзовую острóвную крышу, оказавшуюся гдѣ-то тамъ, подъ нимъ, сбоку—бирюзовую, островную крышу прихотливо чертила серебряная чешуя, та серебряная чешуя, далѣе, вся сливалась съ живымъ трепетомъ невскихъ водъ.

И бурлила Нева.

И кричала отчаянно тамъ свисткомъ запоздалаго пароходика, отъ котораго видѣлся лишь убѣгающій глазъ краснаго фонаря. Далѣе, за Невой, простиралась и набережная; надъ коробками желтыхъ, сѣрыхъ, коричневокрасныхъ домовъ, надъ колоннами сѣрыхъ и коричневокрасныхъ дворцовъ, рококò и барòкко, поднималися темныя стѣны громаднаго, рукотворнаго храма, заостреннаго въ міръ луны золотымъ своимъ куполомъ — со стѣнъ каменной, черносѣрой, цилиндрической и приподнятой формою, обставленной колонадой: Исакій...

И, едва зримое, побѣжало въ небо стрѣлой золотое Адмиралтейство.

Голосъ пѣлъ:

Помилуй, Господи!
Прости, Исусе!..
Царю чинъ верну—о душѣ вздохну,
Домъ продамъ—нищимъ роздамъ,
Жену отпущу—Бога сыщу...
Помилуй, Господи!
Прости, Исусе!

. . . . . .

Вѣрно въ часъ полуночи — тамъ, на площади, ужъ посапывалъ старичокъ гренадеръ, опираясь на штыкъ; и къ штыку привалилась мохнатая шапка; и тѣнь гренадера недвижи́мо легла на узорные переплеты рѣшетки.

Пустовала вся площадь.

Въ этотъ часъ полуночи на скалу упали и звякнули метал-

Digitized by Microsoft®

лическія копыта; конь зафыркалъ ноздрей въ раскаленный туманъ; мѣдное очертаніе Всадника теперь отдѣлилось отъ конскаго крупа, а звенящая шпора нетерпѣливо царапнула конскій бокъ, чтобы конь слетѣлъ со скалы.

И конь слетѣлъ со скалы.

По камнямъ понеслось тяжелозвонкое [1]) цоканье—черезъ мостъ: къ островамъ. Пролетѣлъ въ туманъ Мѣдный Всадникъ; у него въ глазахъ была — зеленоватая глубина; мускулы металлическихъ рукъ—распрямились, напрýжились; и рванулось мѣдное темя; на булыжники конскія обрывались копыты, на стремительныхъ, на ослѣпительныхъ дугахъ; конскій ротъ разорвался въ оглушительномъ ржаньѣ, напоминающемъ свистки паровоза; густой паръ изъ ноздрей обдалъ улицу свѣтовымъ кипяткомъ; встрѣчные кони, фыркая, зашарахались въ ужасѣ; а прохожіе въ ужасѣ закрывали глаза.

Линія полетѣла за линіей: пролетѣлъ кусокъ лѣваго берега—пристанями, пароходными трубами и нечистою свалкою пенькой набитыхъ мѣшковъ; полетѣли—пýстыри, баржи, заборы, брезенты и многіе домики. А отъ взморья, съ окраины города, блеснулъ бокъ изъ тумана: бокъ непокойнаго кабачка.

Самый старый голландецъ, въ черную кожу одѣтый, выгибался съ заплѣсневѣлаго, дверного порога—въ холодную свистопляску (въ облако убѣжала луна); и фонарь подрàгивалъ въ пальцахъ подъ синеватымъ лицомъ въ черномъ кожаномъ капюшонѣ: знать отсюда услышало чуткое ухо голландца конское, тяжелое цоканье и паровозное ржанье, потому что голландецъ покинулъ такихъ же, какъ онъ, корабельщиковъ, чтò звенѣли стаканами отъ утра до утра.

Знать, онъ зналъ, что до самаго тусклаго утра здѣсь протянется бѣшеный, пьяный пиръ; знать, онъ зналъ, что когда часы отобьютъ далеко за пòлночь, на глухой звонъ стакановъ прилетитъ крѣпкій Гость: опрокинуть огневого аллашу; не одну пожать канатомъ натертую руку, которая съ капитан-

[1]) Пушкинъ.

Digitized by Microsoft®

скаго мостика повернетъ тяжелое пароходное колесо у самыхъ фортовъ Кронштадта; и вдогонку роющей пѣну кормѣ, не отвѣтившей на сигналъ, броситъ ревъ свой жерло чугунное пушки.

Но судна не догнать: въ бѣлое оно войдетъ къ морю прилегшее облако; съ нимъ сольется, съ нимъ тронется—въ предразсвѣтную въ ясную синеву.

Все это зналъ самый старый голландецъ, въ черную кожу одѣтый и въ туманъ протянутый съ заплѣсневѣлыхъ ступенекъ: онъ теперь разглядывалъ абрисъ летящаго Всадника... Цоканье тамъ уже слышалось; и—фыркали ноздри, которыя проницали, пылая, туманъ свѣтовымъ, раскаленнымъ столбомъ.

. . . . . .

Александръ Ивановичъ отошелъ отъ окна, успокоенный, усмиренный, озябшій (изъ стекольныхъ осколковъ продулъ его вѣтерокъ); а на встрѣчу ему заколыхались бѣлыя пятна—кальсонъ, полотенецъ и простынь; пропорхнулъ вѣтерокъ...

И тронулись пятна.

Робко онъ отворилъ чердачную дверь; онъ рѣшился вернуться въ каморку.

Почему это было...

Озаренный, весь въ фосфорическихъ пятнахъ, онъ теперь сидѣлъ на грязной постели, отдыхая отъ приступовъ страха; тутъ — вотъ былъ посѣтитель; и тутъ — грязная проползала мокрица: посѣтителя не было. Эти приступы страха! За ночь было ихъ три, четыре и пять; за галлюцинаціей наступалъ и прòсвѣтъ сознанія.

Онъ былъ въ прòсвѣтѣ, какъ мѣсяцъ, свѣтящій далеко,—спереди отбѣгающихъ тучъ; и какъ мѣсяцъ, свѣтило сознаніе, озаряя такъ душу, какъ озаряются мѣсяцемъ лабиринты проспектовъ. Далеко впередъ и назадъ освѣщало сознаніе—космическія времена и космическія пространства.

Въ тѣхъ пространствахъ не было ни души: ни человѣка, ни тѣни.

Digitized by Microsoft ®

И—пустовали пространства.

Посреди своихъ четырехъ взаимно перпендикулярныхъ стѣнъ онъ себѣ самому показался въ пространствахъ пойманнымъ узникомъ, если только пойманный узникъ болѣе всѣхъ не ощущаетъ свободы, если только всему міровому пространству по объему не равенъ этотъ тѣсненькій промежутокъ изъ стѣнъ.

Міровое пространство пустынно! Его пустынная комната!.. Міровое пространство — послѣднее достиженье богатствъ... Однообразное міровое пространство!.. Однообразіемъ его комната отличалась всегда... Обиталище нищаго показалось бы чрезмѣрно роскошнымъ передъ нищенской обстановкою мірового пространства.

Если только дѣйствительно удалился отъ міра онъ, то роскошное великолѣпіе міра передъ этими темножелтыми стѣнками показалось бы нищенскимъ...

. . . . . .

Александръ Ивановичъ, отдыхавшій отъ приступовъ бреда, замечтался о томъ, какъ надъ чувственнымъ маревомъ міра высоко онъ привсталъ.

Голосъ насмѣшливый возражалъ:

— „Водка!“

— „Куреніе?“

— „Любострастныя чувства?“

Такъ ли былъ онъ приподнятъ надъ маревомъ міра?

Онъ поникъ головой; оттого и болѣзни, и страхи, оттого и преслѣдованія—отъ безсонницы, папиросъ, злоупотребленія спиртными напитками.

Онъ почувствовалъ очень сильный уколъ въ коренной, больной зубъ; онъ рукою схватился за щеку.

Приступъ остраго помѣшательства для него освѣтился по-новому; правду остраго помѣшательства онъ теперь созналъ; самое помѣшательство, въ сущности, передъ нимъ стояло отчетомъ разболѣвшихся органовъ чувствъ—самосознающему „Я“; а персидскій подданный Шишнарфнэ символизировалъ стенограмму; не онъ, въ сущности, настигалъ, преслѣдовалъ,

Digitized by Microsoft®

гнался, а настигали и нападали на „Я“ отяжелѣвшіе тѣлесные органы; и убѣгая отъ нихъ, „Я“ становилось „не-я“, потому что сквозь органы чувствъ—не отъ органовъ чувствъ—„Я“ къ себѣ возвращается; алкоголь, куренье, безсонница грызли слабый тѣлесный составъ; нашъ тѣлесный составъ тѣсно связанъ съ пространствами; и когда онъ сталъ распадаться, всѣ пространства растрескались; въ трещины ощущеній теперь заползали бациллы, а въ замыкающихъ тѣло пространствахъ—зарѣяли призраки... Такъ: кто былъ Шишнарфнэ? Своею изнанкою—абракадабернымъ сномъ, Енфраншишемъ; сонъ же этотъ—несомнѣнно отъ водки. Опьяненіе, Енфраншишъ, Шишнарфнэ—только стадіи алкоголя.

— „Не курить бы, не пить: органы чувствъ снова будутъ служить!“

Онъ—вздрогнулъ.

Сегодня онъ предалъ. Какъ это онъ не понялъ, что предалъ? Вѣдь несомнѣнно же предалъ: Николая Аполлоновича уступилъ онъ изъ страха Липпанченко: вспомнилась такъ отчетливо безобразная купля-продажа. Онъ не вѣря, повѣрилъ и въ этомъ—предательство. Еще болѣе предатель—Липпанченко; что Липпанченко ихъ предавалъ, Александръ Ивановичъ зналъ; но таилъ отъ себя свое знаніе (Липпанченко надъ душою его имѣлъ неизъяснимую власть); въ этомъ—корень болѣзни: въ страшномъ знаніи этомъ, что — предатель Липпанченко; алкоголь, куренье, развратъ — лишь послѣдствія; галлюцинаціи, стало-быть, довершали лишь звенья той цѣпи, которою Липпанченко его сознательно заковалъ. Почему? Потому что Липпанченко зналъ, что онъ—з н а е т ъ; только въ силу этого знанія не отлипаетъ Липпанченко.

Липпанченко поработилъ его волю; порабощеніе воли произошло оттого, что ужасное подозрѣніе съ головою бы выдало все, что ужасное подозрѣніе все хотѣлъ онъ разсѣять; онъ ужасное подозрѣніе гналъ въ усиленномъ общеньи съ Липпанченко; и подозрѣвая о подозрѣніи, Липпанченко не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ; такъ связались оба

Digitized by Microsoft ®

другъ съ другомъ; онъ вливалъ въ Липпанченко мистику; а послѣдній въ него—алкоголь.

Александръ Ивановичъ теперь вспомнилъ отчетливо сцену въ кабинетѣ Липпанченко; наглый циникъ, подлецъ и на этотъ разъ обошелъ; вспомнилась жировая и гадкая шея Липпанченки съ жировой гадкой складкой; будто шея нахально смѣялась тамъ, пока не повернулся Липпанченко, не поймалъ взглядъ на шеѣ; и поймавъ взглядъ на шеѣ, все понялъ Липпанченко.

Оттого-то онъ и принялся запугивать: ошеломилъ нападеніемъ и перепуталъ всѣ карты; до-смерти оскорбилъ подозрѣніемъ и потомъ предложилъ ему единственный выходъ; сдѣлать видъ, что онъ вѣритъ предательству Аблеухова.

И онъ, Неуловимый, повѣрилъ.

Александръ Иванычъ вскочилъ; и въ безсильной ярости онъ потрясъ кулаками; дѣло было исполнено; совершилось!

Вотъ о чемъ былъ кошмаръ.

. . . . . .

Александръ Ивановичъ совершенно отчетливо перевелъ теперь невыразимый кошмаръ на языкъ своихъ чувствъ; лѣстница, комнатушка, чердакъ были мерзостно запущеннымъ тѣломъ Александра Ивановича; самъ метущійся обитатель сихъ плачевныхъ пространствъ, на котораго о н и нападали, который отъ н и х ъ убѣгалъ, было самосознающее „Я“, тяжеловлекущее отъ себя отпавшіе органы; Енфраншишъ же было инородною сущностью, вошедшею въ обиталище духа, въ тѣло, — съ водкой; развиваясь бациллою, перебѣгалъ Енфраншишъ отъ органа къ органу; это онъ вызывалъ всѣ ощущенья преслѣдованія, чтобъ потомъ, ударившись въ мозгъ, вызвать тамъ тяжелое раздраженіе.

. . . . . .

Припоминалась первая встрѣча съ Липпанченко; впечатлѣніе было не изъ пріятныхъ; Николай Степановичъ, правду сказать, выказывалъ особое любопытство къ человѣческимъ слабостямъ съ нимъ въ общенье вступавшихъ людей; провокаторъ высшаго типа ужъ, конечно, могъ обладать мѣшко-

Digitized by Microsoft®

ватою этой наружностью, этой парою неосмысленно моргающихъ глазокъ.

Онъ, навѣрное, выглядѣлъ простякомъ.

— „Погань... О, погань!“

И по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ Липпанченко, въ созерцаніе частей тѣла, замашекъ, повадокъ, передъ нимъ выросталъ не человѣкъ, а—тарантулъ.

И тутъ что-то стальное вошло къ нему въ душу:

— „Да, я знаю, что̀ сдѣлаю“.

Осѣнила блестящая мысль: все такъ просто окончится; какъ это все не пришло ему раньше; миссія его—начерталась отчетливо.

Александръ Ивановичъ расхохотался:

— „Погань думала, что меня обойдетъ“.

И почувствовалъ онъ опять очень сильный уколъ въ коренной зубъ: Александръ Ивановичъ, оторванный отъ мечтательства, ухватился за щеку; комната—міровое пространство—вновь казалася убогою комнатой; сознаніе угасало (точно свѣтъ луны въ облакахъ); знобила его лихорадка и тревогой, и страхами, и медлительно исполнялись минуты; за папироскою выкуривалась другая,—до бумаги, до ваты...

Какъ вдругъ...—

Гость.

Александръ Ивановичъ Дудкинъ услыхалъ странный грянувшій звукъ; странный звукъ грянулъ снизу; и потомъ повторился (онъ сталъ повторяться) на лѣстницѣ: раздавался ударъ за ударомъ средь промежутковъ молчанія. Будто кто-то съ размаху на камень опрокидывалъ тяжеловѣсный, многопудовый металлъ; и удары металла, дробящіе камень, раздавались все выше, раздавались все ближе. Александръ Ивановичъ понялъ, что какой-то громила расшибалъ внизу лѣстницу. Онъ прислушивался, не отворится-ль на лѣстницѣ дверь, чтобы унять безобразіе ночного бродяги? Впрочемъ, врядъ ли бродяга...

И гремѣлъ ударъ за ударомъ; за ступенью тамъ раздроб-

Digitized by Microsoft®

лялась ступень; и внизъ сыпались камни подъ ударами тяжелаго шага: къ темножелтому чердаку, отъ площадки къ площадкѣ, шелъ упорно наверхъ металлическій кто-то и грозный; на ступень со ступени теперь сотрясающимъ грохотомъ падало много тысячъ пудовъ: обсыпались ступени; и—вотъ уже: съ сотрясающимъ грохотомъ пролетѣла у двери площадка.

Раскололась и хряснула дверь: трескъ стремительный, и—отлетѣла отъ петель; меланхолически тусклости проливались оттуда дымными, раззелеными клубами; тамъ пространства луны начинались — отъ раздробленной двери, съ площадки, такъ что самая чердачная комната открывалась въ неизъяснимости; посерединѣ-жъ дверного порога, изъ разорванныхъ стѣнъ, пропускающихъ купороснаго цвѣта пространства,—наклонивши вѣнчанную, позеленѣвшую голову, простирая тяжелую позеленѣвшую руку, стояло громадное тѣло, горящее фосфоромъ.

Это былъ—Мѣдный Гость.

Металлическій матовый плащъ отвисалъ тяжело—съ отливающихъ блескомъ плечей и съ чешуйчатой брòни; плавилась литая губа и дрожала двусмысленно, потому что сызнова теперь повторялися сùдьбы Евгенія; такъ прошедшій вѣкъ повторился—теперь, въ самый тотъ мигъ, когда за порогомъ убогаго входа распадались стѣны стараго зданія въ купоросныхъ пространствахъ; такъ же точно разъялось прошедшее Александра Ивановича; онъ воскликнулъ:

— „Я вспомнилъ... Я ждалъ тебя...“

Мѣдноглавый гигантъ прогонялъ чрезъ періоды времени вплоть до этого мига, замыкая кованый кругъ; протекали четверти вѣка; и вставалъ на тронъ — Николай; и вставали на тронъ—Александры; Александръ же Иванычъ, тѣнь, безъ устали одолѣвалъ тотъ же кругъ, всѣ періоды времени, пробѣгая по днямъ, по годамъ, по минутамъ, по сырымъ петербургскимъ проспектамъ, пробѣгая—во снѣ, на яву, пробѣгая... томительно; а вдогонку за нимъ, а вдогонку за всѣми,—громыхали удары металла, дробящіе жизни: громыхали удары

Digitized by Microsoft®

металла — въ пустыряхъ и въ деревнѣ; громыхали они въ городахъ; громыхали они—по подъѣздамъ, площадкамъ, ступе́нямъ полунощныхъ лѣстницъ.

Громыхали періоды времени; этотъ грохотъ я слышалъ. Ты—слышалъ ли?

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ—ударъ громыхавшаго камня; Петербургъ—ударъ камня; каріатида подъѣзда, которая оборвется тамъ,—каменный тотъ же ударъ; неизбѣжны—погони; и—неизбѣжны удары; на чердакѣ не укроешься; чердакъ приготовилъ Липпанченко; и чердакъ—западня; проломить ее, проломить—ударами... по Липпанченко!

Тогда все обернется; подъ ударомъ металла, дробящаго камни, разлетится Липпанченко, чердакъ рухнетъ и разрушится Петербургъ; каріатида разрушится подъ ударомъ металла; и голая голова Аблеухова отъ удара Липпанченкѣ, разсядется на́-двое.

Все, все, все озарилось теперь, когда черезъ десять десятилѣтій Мѣдный Гость пожаловалъ самъ и сказалъ ему гулко:

— „Здраствуй, сынокъ!“

Только три шага: три треска разсѣвшихся бревенъ подъ ногами огромнаго гостя; металлическимъ задомъ своимъ гулко треснулъ по стулу изъ мѣди литóй императоръ; зеленѣющій локоть его всею тяжестью мѣди повалился на дешевенькій столъ изъ-подъ складки плаща, колокольными, гудящими звуками; и разсѣянно медленно снялъ съ головы императоръ свои мѣдные лавры; и мѣдно-лавровый вѣнокъ, грохоча, оборвался съ чела.

И бряцая, и дзанкая, до́-кра́сна раскаленную трубочку повынимала изъ складокъ камзола многосотпудовая рука, и указывая глазами на трубочку, подмигнула на трубочку:

— „Petro Primo Catherina Secunda...“

Всунула въ крѣпкія губы, и зеленый дымокъ распаявшейся мѣди закурился подъ мѣсяцемъ.

Александръ Иванычъ, Евгеній, впервые тутъ понялъ, что столѣтіе онъ бѣжалъ понапрасну, что за нимъ громыхали

Digitized by Microsoft®

удары безъ всякаго гнѣва — по деревнямъ, городамъ, по подъѣздамъ, по лѣстницамъ; онъ — прощенный извѣчно, а все бывшее совокупно съ навстрѣчу идущимъ—только призрачныя прохожденья мытарствъ до архангеловой трубы.

И—онъ палъ къ ногамъ Гостя:

— „Учитель!“

Въ мѣдныхъ впадинахъ Гостя свѣтилась мѣдная меланхолія; на плечо дружелюбно упала дробящая камни рука и сломала ключицу, раскаляяся до̀-красна.

— „Ничего: умри, потерпи...“

Металлическій Гость, раскалившійся подъ луной тысячаградуснымъ жаромъ, теперь сидѣлъ передъ нимъ опаляющій, краснобагровый; вотъ онъ, весь прокалясь, ослѣпительно побѣлѣлъ, и протекъ на склоненнаго Александра Ивановича пепелящимъ потокомъ; въ совершенномъ бреду Александръ Ивановичъ трепеталъ въ многосотпудовомъ объятьи: Мѣдный Всадникъ металлами пролился въ его жилы.

Ножницы.

— „Баринъ: спите?“

Александръ Ивановичъ Дудкинъ сквозь тяжелое забытье смутно слышалъ давно, что его теребили.

— „А, баринъ?...“

Наконецъ открылъ онъ глаза и просунулся въ хмурый день:

— „Да баринъ же!“

Голова наклонилась.

— „Что̀ такое?“

Александръ Ивановичъ сообразилъ только тутъ, что протянутъ на козлахъ.

— „Полиція?“

Уголъ жаркой подушки торчалъ у него передъ глазомъ.

— „Никакой полиціи нѣтъ...“

Темнокрасное прочь ползло по подушкѣ пятно—брр: и—мелькнуло въ сознаніи:

— „Это—клопъ...“

Digitized by Microsoft®

Онъ хотѣлъ приподняться на локтѣ, но снова забылся.

— „Господи, да проснитесь...“

Онъ приподнялся на локтѣ:

— „Ты, Степка?“

Онъ увидѣлъ струю бѣгущаго пара; паръ—изъ чайника: у себя на столѣ онъ увидѣлъ и чайникъ, и чашку.

— „Ахъ, какъ славно: чаекъ“.

— „Что за славно: горите вы, баринъ...“

Александръ Иванычъ съ удивленьемъ замѣтилъ, что онъ не раздѣтъ; даже не было снято пальтишко.

— „Ты тутъ какъ очутился?“

— „Я тутъ къ вамъ позашелъ: забастовка — на оченно многихъ заводахъ; полицію понагнали... Я тутъ къ вамъ позашелъ, тоись, съ Требникомъ“.

— „Да вѣдь, помнится, Требникъ у меня“.

— „Что вы, баринъ: это вамъ померещилось...“

— „Развѣ мы вчера не видались...“

— „Не видались—два дня“.

— „А мнѣ думалось: мнѣ показалось...“

Что̀ думалось?

— „Захожу нынче къ вамъ; вижу—лежите и стонете; разметались, горите—въ огнѣ весь.

— „Да я, Степка, здоровъ“.

— „Ужъ какое здоровье!.. Я тутъ вамъ чайку вскипятилъ; хлѣбъ принесъ; калачъ-то горячій; попьете—все лучше. А что такъ-то валяться...“

Ночью въ жилахъ его протекалъ металлическій кипятокъ (это вспомнилъ онъ).

— „Да — да: жаръ, братецъ мой, ночью былъ основательный...“

— „И не мудрено...“

— „Жаръ во̀-сто градусовъ...“

— „Атъ алхаголю и сваритесь.

— „Въ собственномъ кипяткѣ? Ха-ха-ха...“

— „Что-жъ? Сказывали: у одного алхагольнаго человѣка изо рта дымки бѣгали... И сварился онъ...“

Digitized by Microsoft®

Александръ Ивановичъ усмѣхнулся нехорошей улыбкой.

— „Допились ужъ до чертиковъ...“

— „Были чертики, были... Потому и спрашивалъ Требникъ: отчитывать.

— „Допьетесь и до Зеленаго Змія...“

Александръ Ивановичъ криво вновь усмѣхнулся:

— „Да и вся-то, дружокъ мой, Россія...“

— „Ну?“

— „Отъ Зеленаго Змія...“

Самъ же думалъ:

— „Экъ дернуло!..“

— „Іетта вовсе не такъ: Христова Рассея...“

— „Брешешь...“

— „Сами брешете: допьетесь—до нея, до самой...“

Александръ Ивановичъ испуганно привскочилъ.

— „До кого?“

— „Допьетесь—до бѣлой... до женщины...“

Что бѣлая горячка подкрадывалась, — сомнѣнія не было.

— „Ахъ! Вотъ что: сбѣгалъ бы ты до аптеки... Купилъ бы ты мнѣ хинки: соленокислой...

— „Что-жъ, можно...“

— „Да помни: не сѣрнокислой; сѣрнокислая—одно баловство...“

— „Тутъ, баринъ, не хина...“

— „Пошелъ—вонъ!..“

Степанъ—въ дверь, а Александръ Ивановичъ—вдогонку:

— „Да ужъ, Степушка, заодно и малинки: малиноваго варенья—мнѣ къ чаю“.

Самъ же подумалъ:

— „Малина — прекрасное потогонное средство“ — и съ прыткими, какими-то текучими жестами подбѣжалъ къ водопроводному крану; но едва онъ умылся, какъ внутри его снова все вспыхнуло, перепутывая дѣйствительность съ бредомъ.

Такъ. Пока говорилъ онъ со Степкой, все казалось ему, что за дверью его поджидало: исконно-знакомое. Тамъ, за

Digitized by Microsoft®

дверью? И туда проскочилъ онъ; но за дверью открылась площадка; да лѣстничныя перила повисали надъ бездной; Александръ Ивановичъ тутъ надъ бездной стоялъ, прислоняясь къ периламъ, прищелкивая совершенно сухимъ деревянистымъ языкомъ, и вздрагивая отъ озноба. Какое-то ощущеніе вкуса, какое-то ощущеніе мѣди: и во рту, и на кончикѣ языка.

— „Вѣрно о н о поджидаетъ на дворикѣ...“

Но на дворикѣ никого, ничего.

Тщетно онъ обѣжалъ закоулки, проходики (между кубами сложенныхъ дровъ); серебрился асфальтъ; серебрились осины: никого, ничего.

— „Гдѣ-жъ о н о?“

Пробѣгалъ тамъ съ покупками Степка; но за дрова онъ отъ Степки, какъ шаркнетъ, потому что его осѣнило:

— „О н о—въ металлическомъ мѣстѣ...“

Что такое это за мѣсто, почему оно—металлическое о н о? Обо всемъ подобномъ крутящееся сознаніе Александра Ивановича очень смутно отвѣтило. Тщетно тщился онъ вспомнить: оставалася вовсе не память о въ немъ обитавшемъ сознаніи; воспоминаніе оставалось одно: какое-то иное сознаніе тутъ дѣйствительно было; то иное сознаніе передъ нимъ развертывало очень стройно картины; въ этомъ мірѣ, не похожемъ вовсе на нашъ, обитало о н о...

О н о снова появится.

Съ пробужденіемъ всякое иное сознаніе превращалося въ математическую не реальную точку; и о н о, стало-быть, днемъ сжималось малой частью математической точки; но точка частей не имѣетъ; и—стало-быть: е г о не было.

Оставалася память объ отсутствіи памяти и о дѣлѣ, которое должно выполнить, которое отлагательствъ не терпитъ; оставалася память—о чемъ?

О м е т а л л и ч е с к о м ъ м ѣ с т ѣ...

Что-то его осѣнило: и пружинными, легкими побѣжалъ онъ шагами къ перекрестку двухъ улицъ; на перекресткѣ двухъ улицъ (онъ зналъ это) изъ окна магазина выпрыскивалъ

Digitized by Microsoft ®

переливчатый блескъ... Только вотъ гдѣ магазинчикъ? И— гдѣ перекрестокъ?

Тамъ сіяли предметы.

— „Металлы тамъ?“

Удивительное пристрастіе!

Почему это въ Александрѣ Ивановичѣ обнаружилось такое пристрастіе? Дѣйствительно: на углу перекрестка металлы сіяли; это былъ дешевенькій магазинчикъ всевозможныхъ издѣлій: ножей, вилокъ, ножницъ.

Онъ вошелъ въ магазинчикъ.

Изъ-за грязной конторки къ засіявшему сталью прилавку приволочилась какая-то сонная харя (вѣроятно собственникъ этихъ сверлъ, лезвій, пилъ); круто какъ-то на грудь падала узколобая голова; въ орбитахъ, подъ очками затаивались красновато-каріе глазки:

— „Мнѣ бы, мнѣ бы...“

И не зная, что̀ взять, Александръ Ивановичъ зацѣпился рукой за зазубринку пилочки; засверкало и завизжало: „визз-визз-визз“. А хозяинъ оглядывалъ исподлобья захожаго покупателя; неудивительно, что онъ глядѣлъ исподлобья: Александръ-то Ивановичъ выскочилъ съ чердака невзначай; какъ лежалъ въ пальтецѣ на постели, такъ и выскочилъ: пальтецо же было помято и измазано грязью; но что̀ главное: шапки-то онъ не надѣлъ; вихрастая, нечесаная голова съ непомѣрно блистающими глазами напугала бы всякаго.

Потому-то хозяинъ оглядывалъ его исподлобья, морща лобъ, поднимая гнетущія и самой природою тяжело построенныя черты; съ отвращеніемъ необоримымъ лицо уставилось въ Дудкина.

Но лицо это, перемогая себя, пробубукало жалобно:

— „Вамъ пилу?“

А пытливо сверлящіе глазки говорили свирѣпо:

— „Э, э, э!.. Бѣлогорячечный: вотъ такъ штука...“

Это только казалось.

— „Нѣтъ, знаете ли, пилу — это мнѣ неудобно, пилою... Мнѣ бы, знаете, финскій, отточенный ножикъ“.

Digitized by Microsoft®

Но особа грубо отрѣзала:

— „Извините: ножей финскихъ нѣтъ".

Какъ будто бы сверлящіе глазки говорили рѣшительно:

— „Дать вамъ ножикъ, такъ вы еще... натворите дѣловъ..."

Приподнять бы имъ вѣки, стали бы пытливо сверлящіе глазки просто такъ себѣ глазками; все же сходство какое-то поразило Александра Ивановича: представьте—съ Липпанченко сходство. Тутъ фигура почему-то повернулась спиной; и окинула она посѣтителя такимъ взоромъ, отъ котораго повалился бы быкъ.

— „Ну, все равно: ножницы..."

Самъ же подумалъ при этомъ: почему эта ярость, это сходство съ Липпанченко? Тутъ же самъ себя успокоилъ: какое тамъ въ сущности сходство!

Липпанченко — бритый, а у этого толстяка курчавая борода.

Но при мысли о нѣкой особѣ Александру Иванычу теперь вспомнилось: все-все-все — все-все-все! Вспомнилось съ совершенной отчетливостью, почему осѣнила мысль его прибѣжать въ магазинчикъ подобныхъ издѣлій. То, что̀ намѣревался онъ сдѣлать, было въ сущности просто: чиркъ — и все тутъ.

Онъ такъ и затрясся надъ ножницами:

— „Не завертывайте — нѣтъ, нѣтъ... Я живу тутъ поблизости... Мнѣ и такъ: донесу я и такъ..."

Такъ сказавъ, онъ засунулъ въ карманъ миніатюрныя ножницы, которыми, навѣрное, франтикъ по утрамъ стрижетъ ногти; и—бросился.

Удивленно, испуганно, подозрительно ему вслѣдъ глядѣла квадратная, узколобая голова (изъ-за блещущаго прилавка) съ выдававшейся лобною костью; эта лобная кость выдавалась наружу въ одномъ крѣпкомъ упорствѣ — понять происшедшее: понять, что̀ бы ни было, понять какою угодно цѣною; понять, или... разлетѣться на части.

Digitized by Microsoft ®

И лобная кость понять не могла; лобъ былъ жалобенъ: узенькій, въ поперечныхъ морщинахъ; казалось, онъ плачетъ.

. . . . . .

Конецъ шестой главы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

или: происшествія сѣренькаго денька все еще продолжаются.

„Усталъ я, другъ, усталъ: покоя сердце
проситъ.
„Летятъ за днями дни...“

А. Пушкинъ.

Безмѣрности.

Мы оставили Николая Аполлоновича въ тотъ моментъ, когда Александръ Ивановичъ Дудкинъ, удивляясь потоку болтливости, вдругъ забившему изъ устъ Аблеухова, пожалъ ему руку и проворно шмыгнулъ въ черный токъ котелковъ, а Николай Аполлоновичъ чувствовалъ, что онъ вновь расширяется.

Мы оставили Николая Аполлоновича въ тотъ моментъ, когда тяжелое стеченіе его обстоятельствъ неожиданно разрѣшилось въ благополучіе.

До этого мига громоздились тутъ какіе-то массивы изъ бредовъ и чудовищныхъ мороковъ; прогромоздились грозящіе Гауризанкары событій и обрушились — въ двадцать четыре часа: ожиданіе въ Лѣтнемъ Саду и тревожное карканье галокъ; облеченіе въ красный шелкъ; балъ, — то-есть: пролетающіе по заламъ испугомъ, пролетающіе арлекинадою— полосатые, бубенчатые арлекины, пламенноногіе шутики, желтогорбый Пьеро и мертвецки блѣдный паяцъ, пугающій барышень; голубая какая-то маска, танцовавшая съ реверансами, подавшая съ реверансомъ записочку; и—позорное бѣгство изъ зала чуть не къ отхожему мѣсту—у подворотни, гдѣ его изловилъ паршивенькій господинъ; наконецъ—Пеппъ Пепповичъ Пеппъ, то-есть: сардинница ужаснаго содержанія, которая... все еще... тикала.

Сардинница ужаснаго содержанія, способнаго превратить все вокругъ въ сплошную, кровавую слякоть.

Мы оставили Николая Аполлоновича у магазинной ви-

Digitized by Microsoft®

трины; но мы его бросили; межъ сенаторскимъ сыномъ и нами закапали частыя капельки; набѣжала сѣточка накрапывающаго дождя; въ сѣточкѣ этой всѣ обычныя тяжести, выступы и уступы, каріатиды, подъѣзды, карнизы кирпичныхъ балконовъ потеряли отчетливость очертаній, мутнѣя медлительно и едва-едва выдѣляясь.

Распускали зонты.

Николай Аполлоновичъ стоялъ у витрины и думалъ, что имени тяжелому безобразію—нѣтъ: безобразію, которое длилося сутки, то-есть, двадцать четыре часа, или—восемьдесятъ тысячъ шестьсотъ стрекотавшихъ въ карманѣ секундочекъ: восемьдесятъ тысячъ мгновеній, то-есть, столько же точекъ во времени; но едва мгновеніе наступало и на него наступали, — секунда, мгновеніе, точка, какъ-то прытко раскинувшись по кругамъ, превращалось медлительно въ космическій, разбухающій шаръ; шаръ этотъ лопался; пята ускользала въ міровыя пустóты: странникъ по времени рушился, неизвѣстно куда и во что̀, низвергаяся, можетъ быть, въ міровое пространство, до... новаго мига; такъ тянулись круглыя сутки, восемьдесятъ тысячъ стрекотавшихъ въ карманѣ секундочекъ, каждая — разрывалась: пята скользила въ безмѣрности.

Да, имени тяжелому безобразію—нѣтъ!

Лучше было не думать. И — думалось гдѣ-то; можетъ быть,—въ разбухающемъ сердцѣ колотились какія-то думы, никогда не встававшія въ мозгѣ и все же встававшія въ сердцѣ; сердце думало; чувствовалъ—мозгъ.

Самъ собою вставалъ остроумнѣйшій, въ мелочахъ проработанный планъ; и — сравнительно — планъ безопасный, но... подлый: да... подлый!

Кто его только продумалъ? Могъ ли, могъ ли до этого плана додуматься Николай Аполлоновичъ?

Дѣло вотъ въ чемъ:—

всѣ послѣдніе эти часы сами собою передъ глазами маячили иглистые кусочки изъ мыслей, переливавшіеся все какими-то пламенно-цвѣтными вспышками и звѣздистыми искрами, какъ веселыя канители рождественской ёлки: без-

Digitized by Microsoft®

остановочно падали въ одно сознаніемъ освѣщенное мѣсто— изъ темноты въ темноту; то кривилась фигурка шута, а то проносился галопомъ лимонно-желтый Петрушка — изъ темноты въ темноту—по сознаніемъ освѣщенному мѣсту; сознаніе же свѣтило безстрастно всѣмъ роящимся образамъ; а когда они впаялись другъ въ друга, то сознаніе начертало на нихъ потрясающій, нечеловѣческій смыслъ; тогда Николай Аполлоновичъ чуть не плюнулъ отъ отвращенія:

— „Идейное дѣло?"

— „Никакого идейнаго дѣла и не было..."

— „Есть подлый страхъ и подлое животное чувство: спасти свою шкуру..."

— „Да, да, да..."

— „Я—отъявленный негодяй..."

Но мы видѣли прежде, что къ точно такому же убѣжденію приходилъ постепенно и его почтенный папаша.

. . . . . .

Неужели же все это (что̀ — мы увидимъ впослѣдствіи) протекало сознательно въ волѣ, въ прытко бившемся сердцѣ и въ воспаленномъ мозгу?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

А какіе-то все же тутъ были рои себя мыслившихъ мыслей; мыслилъ мысли не онъ, но... себя мысли мыслили... Кто былъ авторъ мыслей? Все утро онъ не могъ на это отвѣтить, но... — мыслилось, рисовалось, вставало; прыгало въ колотившемся сердцѣ и сверлило въ мозгу; возникало оно надъ сардинницей—тамъ именно: вѣроятно все это переползло изъ сардинницы, когда онъ очнулся отъ теперь забытаго сна и увидѣлъ, что покоится на сардинницѣ головой — переползло изъ сардинницы; тогда-то онъ и припряталъ сардинницу — онъ не помнитъ куда, но... кажется... въ столикъ; тогда-то онъ заблаговременно выскочилъ изъ проклятаго дома, пока тамъ всѣ спали; и крутился по улицамъ онъ, перебѣгая отъ кофейни къ кофейнѣ.

Мыслила не голова, а... сардинница.

Но на улицахъ это все еще продолжало вставать, фор-

Digitized by Microsoft®

мируя, рисуя, вычерчивая; если мыслила его голова, то его голова—и она!—превратилася тоже въ сардинницу ужаснаго содержанія, которая... все еще... тикала, или мыслями правилъ не онъ, а громозвучный проспектъ (на проспектѣ всѣ личныя мысли превращаются въ безличное мѣсиво); но если и мыслило мѣсиво, мѣсиву проливаться чрезъ уши не препятствовалъ онъ.

Потому-то и мыслились мысли.

Что-то сѣрое, мягкое болѣзненно копошилось подъ головными костями: мягкое и, главное, — сѣрое, какъ... проспектъ, какъ плита тротуара, какъ отъ взморья безостановочно першій туманистый войлокъ.

Наконецъ,—продуманный, готовый во всѣхъ отношеніяхъ планъ (о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи) появился и въ полѣ сознанія—въ самый неподходящій моментъ, когда Николай Аполлоновичъ, Богъ вѣсть почему забѣжавшій въ переднюю Университета (гдѣ церковь), прислонился небрежно къ одной изъ четырехъ массивныхъ колоннъ, бесѣдуя съ захожимъ доцентомъ, который къ нему наклонился и, обрызгивая слюной, торопливо спѣшилъ передать ему содержаніе нѣмецкой статьи, гдѣ...—да: въ душѣ его неожиданно лопнуло что-то (такъ лопается водородомъ надутая кукла на дряблые куски целлюлоида, изъ котораго фабрикуютъ балоны): онъ—вздрогнувъ, откинувшись, вырвавшись—побѣжалъ, самъ не зная куда, потому что—именно: въ это время открылось:—

— авторъ плана-то—онъ...

Онъ—отъявленный негодяй!..

Вотъ когда это понялъ онъ, то бросился на Васильевскій Островъ, къ восемнадцатой линіи; везъ его захудалый извозчикъ; и изъ пролетки, прямо въ спину извозчику, раздавался прерывистый, негодующій шопотъ:

— „А?.. Скажите пожалуйста?.. Притворщикъ... обманщикъ... убійца... Просто—спасти свою шкуру...“

Негодовалъ, вѣроятно, онъ громко, потому что извозчикъ на него повернулся съ досадою.

— „Ась?“

— „Нѣтъ-съ... Ничего...“

Digitized by Microsoft®

Извозчикъ же думалъ:

— „Баринъ, право, чудно̀й“...

Николай Аполлоновичъ, какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ, самъ съ собой разговаривалъ.

Вѣтры вторили:

— „Отцеубійца!..“

— „Обманщикъ!..“

Самъ не свой, выскочилъ Николай Аполлоновичъ изъ пролетки; пересѣкая и асфальтовый дворикъ, и сажени осиновыхъ дровъ, влетѣлъ въ черную лѣстницу, чтобы броситься по ступенямъ и — неизвѣстно зачѣмъ; вѣроятно, просто изъ любопытства: заглянуть въ глаза виновнику происшествія, притащившему узелокъ, потому что „отказъ“, который придумалъ онъ, былъ — конечно — предлогомъ: можно было „отказъ“ не бросать имъ въ лицо (и тѣмъ выиграть время).

Тутъ-то столкнулся съ Александромъ Ивановичемъ: остальное мы видѣли.

. . . . . .

Имени тяжелому безобразію—нѣтъ!

Да, — но сердце его, разогрѣтое всѣмъ, бывшимъ съ нимъ, стало медленно плавиться: ледяной сердечный комокъ— сталъ таки сердцемъ; прежде билось оно неосмысленно; теперь оно билось со смысломъ; и бились въ немъ чувства; эти чувства нечаянно дрогнули; сотрясенія эти теперь — потрясли, перевернули всю душу.

Та громадина дома только-что громоздилась надъ улицей грудами кирпичныхъ балконовъ; перебѣжавъ мостовую, онъ могъ бы рукою нащупать ея каменный бокъ; но какъ сталъ накрапывать дождикъ, то въ туманѣ заплавалъ ея каменный бокъ.

Какъ и все теперь плавало.

Сталъ накрапывать дождикъ,—и громадина сцѣпленныхъ ка̀мней вотъ уже расцѣпилась; вотъ уже она поднимаетъ — изъ-подъ дождика въ дождикъ—кружева легкихъ контуровъ и едва-едва обозначенныхъ линій — просто какое-то рококо: рококо уходитъ въ ничто.

Мокрый блескъ заяснѣлъ на витринахъ, на окнахъ, на

Digitized by Microsoft ®

трубахъ; первая струечка хлынула изъ водосточной трубы; изъ другой водосточной трубы закапали частыя капли; блѣдные тротуары изошли мелкимъ крапомъ; побурѣла медлительно сухая ихъ мертвизна; фыркнула грязью мимо летящая шина.

И пошло, и пошло...

Въ дымновѣющей мокротѣ, накрытый зонтами прохожихъ, пропадалъ Николай Аполлоновичъ: плавали въ дымахъ проспекты; казалось, что громадины зданій повыдавились изъ пространства въ какое-то иное пространство; смутно ихъ оттуда маячили узоры изъ перепутанныхъ — каріатидъ, шпицевъ, стѣнъ. Голова его закружилась; онъ прислонился къ витринѣ; что-то въ немъ лопнуло, разлетѣлось; и—всталъ кусокъ дѣтства.

. . . . . .

У старушки, у Ноккертъ,—у гувернантки—на дрожащихъ колѣняхъ, онъ видитъ, покоится его голова; старушка читаетъ подъ лампой:

Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind...

Вдругъ,—за окнами кинулись буревые порывы; и бунтуетъ тамъ мгла, и бунтуетъ тамъ шумъ: совершается тамъ навѣрно за младенцемъ погоня; на стѣнѣ подрагиваетъ гувернанткина тѣнь.

И опять...—

Аполлонъ Аполлоновичъ—маленькій, сѣденькій, старенькій—Коленьку обучаетъ французскому контръ-дансу; выступаетъ онъ плавно и, отсчитывая шажки, выбиваетъ ладонями тактъ: прогуливается — направо, налѣво; прогуливается —и впередъ и назадъ; вмѣсто музыки онъ отрѣзываетъ—скороговоркою, громко:

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой:
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой...

И потомъ поднимаетъ на Коленьку безволосыя брови:

— „Какова же, гмъ-гмъ, мой голубчикъ, первая фигура кадрили?“

Digitized by Microsoft®

Все остальное было х л а д н о ю м г л о й, потому что погоня настигла: сына вырвали у отца:

Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ...

Вся протекшая жизнь оказалась игрою тумана послѣ этого мига. Кусокъ дѣтства закрылся.

. . . . . .

Мокрый блескъ яснѣлъ на витринахъ, на окнахъ, на трубахъ; прядала струечка изъ водосточной трубы; глянцовѣла бурая мокрота тротуара; грязью фыркала шина. Въ дымновѣющей мокротѣ, накрытый зонтами прохожихъ, пропадалъ Николай Аполлоновичъ; казалося, что громадины зданій повыдавились изъ пространства въ пространство; замаячили ихъ оттуда узоры изъ перепутанныхъ линій—каріатидъ, шпицевъ, стѣнъ.

Журавли.

Николаю Аполлоновичу захотѣлось на родину, въ дѣтскую, потому что онъ понялъ: онъ—малый ребенокъ.

Надо было в с е, в с е—отрясти, позабыть, надо было—всему, всему,—опять научиться, какъ учатся въ дѣтствѣ; старая, позабытая родина—онъ теперь ее слышитъ. И—уже: надо всѣмъ раздался вдругъ голосъ сираго и все же милаго дѣтства, голосъ давно не звучавшій; зазвучавшій—теперь.

Того голоса звукъ?

Какъ невнятно надъ городомъ курлыканье журавлей, онъ такъ же невнятенъ; высоко летящіе журавли—въ грохотѣ городскомъ горожане не слышатъ ихъ; а они летятъ, пролетаютъ надъ городомъ,—журавли!.. Гдѣ-нибудь, положимъ, на Невскомъ Проспектѣ, въ трепетѣ мимо летящихъ пролетокъ и въ гвалтѣ газетчиковъ, гдѣ надо всѣмъ поднимается развѣ что горло автомобиля,—среди металлическихъ этихъ горлъ, въ часъ предвечерній, весенній, на панели, какъ вкопанный, встанетъ обитатель полей, въ городъ попавшій случайно; остановится,—кудластую, бородатую голову на-бокъ онъ склонитъ и тебя остановитъ.

— „Тссъ!..“

Digitized by Microsoft®

— „Что такое?“

А онъ, обитатель полей, въ городъ попавшій случайно, на твое изумленіе бородатою, кудластою головой потрясетъ и хитро-хитро усмѣхнется:

— „А развѣ не слышите?“

— „?..“

— „Послушайте...“

— „Что̀? Да что̀ же?..“

Онъ же вздохнетъ:

— „Тамъ... кричатъ... журавли.

Ты тоже слушаешь.

Сперва ничего не услышишь; и потомъ, откуда-то сверху, въ пространствахъ услышишь ты: звукъ родимый, забытый— звукъ странный...

Тамъ кричатъ журавли.

Оба вы поднимаете головы. Поднимаетъ голову третій, пятый, десятый.

Міровыя пространства сперва ослѣпляютъ всѣхъ васъ; ничего, кромѣ воздуха... И—нѣтъ: есть, кромѣ воздуха..., потому что среди всего голубого такого тамъ явственно проступаетъ—все же знакомое что-то: на сѣверъ... летятъ... журавли!

Вокругъ—цѣлое кольцо любопытныхъ; у всѣхъ подняты головы, и тротуаръ—запруженъ; городовой пробирается; и— нѣтъ: не сдержалъ любопытство; остановился, голову запрокинулъ; онъ—смотритъ.

И ропотъ:

— „Журавли!..“

— „Опять возвращаются...“

— „Милые...“

Надъ проклятыми петербургскими крышами, надъ торцовою мостовой, надъ толпой—предвесенній тотъ образъ, тотъ голосъ знакомый!..

. . . . . .

И такъ—голосъ дѣтства!

Онъ бываетъ не слышенъ; и онъ—есть; курлыканье

Digitized by Microsoft ®

журавлей надъ петербургскими крышами—нѣтъ-нѣтъ—и раздастся же! Такъ голосъ дѣтства.

Что-то такое разслышалъ теперь и Николай Аполлоновичъ.

Будто кто-то печальный, кого Николай Аполлоновичъ еще ни разу не видывалъ, вкругъ души его очертилъ благой проницающій кругъ, и вступилъ въ его душу; сталъ душу пронизывать свѣтлый свѣтъ его глазъ. Николай Аполлоновичъ вздрогнулъ; раздалось что-то, бывшее въ душѣ его сжатымъ; въ необъятность теперь оно уходило легко; да, тутъ была необъятность, которая говорила нетрепетно:

— „Вы всѣ меня гоните!..“

— „Что, что, что?“—попытался разслышать тотъ голосъ и Николай Аполлоновичъ; необъятность же говорила нетрепетно:

— „Я за всѣми вами хожу...“

Такъ она говорила.

Николай Аполлоновичъ удивленно окинулъ глазами пространство, будто онъ ожидалъ обладателя нетрепетно пѣвшаго голоса увидать предъ собой; но увидѣлъ онъ нѣчто другое; а именно: увидалъ плывущую гущу — котелковъ, усовъ, подбородковъ; дальше шелъ—просто туманный проспектъ; и въ немъ плавали взоры, какъ все теперь плавало.

Туманный проспектъ показался знакомымъ и милымъ; ай-ай-ай—какимъ грустнымъ казался туманный проспектъ; а котелковый потокъ съ его лицами? Всѣ эти тутъ проходящія лица—проходили задумчивы, невыразимо грустны.

Обладателя голоса-жъ не было.

. . . . . .

Только кто это тамъ? Вонъ на той сторонѣ? У вонъ той громадины дома? и—подъ грудой балконовъ?

Да, тамъ кто-то стоитъ.

Какъ и онъ, Николай Аполлоновичъ; и тоже—у магазинной витрины, стоитъ себѣ—подъ распущеннымъ зонтикомъ... Да ничего себѣ: онъ развѣ что̀ смотритъ... какъ будто; нельзя лица его разобрать. И что тутъ особеннаго? На этой вотъ сторонѣ—Николай Аполлоновичъ, такъ себѣ, для своего удовольствія... Ну и тотъ — ничего себѣ то же: какъ

Digitized by Microsoft ®

Николай Аполлоновичъ, какъ всѣ проходящіе мимо,—только случайный прохожій; и онъ тоже грустный и милый (какъ и всѣ теперь милые); посматриваетъ съ независимымъ видомъ: я, де,—что-жъ, ничего себѣ: самъ я съ усами!.. Нѣтъ,—бритый... Очертаніе его пальтеца напоминаетъ, но... что? Онъ не киваетъ ли?..

Просто въ какомъ-то картузикѣ.

И гдѣ это было?

Не подойти ли къ нему, къ милому обладателю картуза? Вѣдь проспектъ публичный; ну, право же! Всѣмъ мѣсто найдется на этомъ публичномъ проспектѣ... Просто такъ себѣ,—подойти: посмотрѣть на предметы, которые тамъ... подъ стекломъ за магазинной витриной. Всякій же право имѣетъ...

Рядомъ тамъ постоять независимо, и при случаѣ мелькомъ окинуть притворнымъ, будто бы разсѣяннымъ, а на самомъ дѣлѣ внимательнымъ окомъ,—

—его!

Удостовѣриться: что, дескать, это такое?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Прикоснуться къ навѣрное костенѣющимъ пальцамъ, и плакать отъ глупаго счастья!..

На панели пасть ницъ!

— „Я—больной, глухой, обремененный... Успокой меня, учитель, укрой...“

И услышать въ отвѣтъ.

— „Встань...“

— „Иди...“

— „Не грѣши...“

. . . . . .

Нѣтъ, конечно, не будетъ отвѣта.

Конечно же—ничего не отвѣтитъ печальный, потому что и не можетъ быть никакихъ отвѣтовъ пока; отвѣтъ будетъ послѣ—черезъ часъ, черезъ годъ, черезъ пять, а пожалуй, и болѣе—черезъ сто, черезъ тысячу лѣтъ; но отвѣтъ—будетъ! А теперь печальный и длинный, никогда не виданный въ снахъ, но оказавшійся всего-навсего незнакомцемъ, но не-

Digitized by Microsoft®

знакомцемъ не спроста, а, такъ сказать, незнакомцемъ загадочнымъ—просто печальный и длинный на него поглядитъ и приложитъ палецъ къ устамъ. Не глядя, не останавливаясь, онъ пойдетъ тамъ по слякоти...

И въ слякоти скроется...

. . . . . .

Но настанетъ день.

Измѣнится во мгновеніе ока все это. И всѣ незнакомцы прохожіе,—тѣ, которые другъ передъ другомъ прошли (гдѣнибудь въ закоулкѣ) въ минуту смертельной опасности, тѣ, которые о невыразимомъ томъ мигѣ сказали невыразимыми взорами и потомъ отошли въ необъятность—всѣ, всѣ они встрѣтятся!

Этой радости встрѣчи у нихъ не отниметъ никто.

Я, себѣ, иду... Я, себѣ, никого не стѣсняю.

— „Что это я"—подумалъ Николай Аполлоновичъ—„замечтался не во̀-время..."

Времени терять теперь нечего... Время идетъ, а сардинница себѣ тикаетъ; прямо бы къ столику; бережно завернуть все въ бумагу, положить въ карманъ, да въ Неву...

И уже отводилъ онъ глаза отъ той громадины дома, гдѣ стоялъ себѣ незнакомецъ подъ грудой кирпичныхъ балконовъ съ распущеннымъ зонтикомъ, потому что опять стала течь пресловутая гуща изъ туловищъ на своихъ на многихъ ногахъ—гуща тѣлъ человѣческихъ, тутъ бѣгущихъ веснами, лѣтами, зимами: тѣлъ неизмѣнныхъ.

И не вытерпѣлъ, опять посмотрѣлъ.

Незнакомецъ не двинулся съ мѣста; очевидно, онъ ждалъ, какъ ждалъ Николай Аполлоновичъ: ждалъ окончанія дождика; вдругъ онъ тронулся, вдругъ попалъ въ людской токъ—въ эти пары и въ эти четверки; треуголка, блиставшая лоскомъ, позакрыла его; безпомощно вытарчивалъ зонтикъ.

— „Отвернуться бы, да итти себѣ прочь! А ну его, незнакомца—вотъ тоже, право!"

Digitized by Microsoft®

Но едва онъ подумалъ такъ, какъ (замѣтилъ онъ) изъ-подъ блещущей треуголки и изъ мимо бѣгущихъ плечей, любопытный картузикъ выясняться сталъ снова; рискуя попасть подъ извозчика, перебѣжалъ мостовую онъ; онъ смѣшно протягивалъ зонтикъ, вырываемый вѣтромъ.

Ну, какъ отвернуться тутъ? Какъ итти себѣ прочь?

— „Что это онъ"—подумалъ Николай Аполлоновичъ и неожиданно для себя удивился:

— „А, такъ вотъ онъ какой изъ себя?"

Незнакомецъ вблизи несомнѣнно проигрывалъ; издали былъ авантажнѣе; видъ имѣлъ загадочнѣе; грустнѣе; движенья—медлительнѣй.

— „Э!.. Да помилуйте: у него идіотическій видъ? „Ай, картузикъ! Вотъ такъ картузикъ? Бѣжитъ себѣ на журавлиныхъ ногахъ; пальтецо трепыхается, зонтикъ прорванный; и одна калоша не по ногѣ..."

— Фью!"—нечленораздѣльно тутъ выразился бы себя уважающій гражданинъ и пошелъ бы себѣ, поджавъ обиженно губы съ независимымъ видомъ: уважающій себя гражданинъ непремѣнно бы почувствовалъ н ѣ ч т о—что-то въ родѣ такого:

— „Ну и пусть!.. Я, себѣ, иду... Я, себѣ, никого не стѣсняю... Я могу при случаѣ дать дорогу... Но чтобы я?.. Нини-ни: у меня дорога своя..."

Уважающимъ себя гражданиномъ Николай Аполлоновичъ, признаться, нисколько не чувствовалъ (ужъ какое тутъ уваженіе!); но, вѣроятно, такимъ себя чувствовалъ незнакомецъ, вопреки пальтишкѣ, зонтишкѣ и съ ноги спадавшей калоши.

Будто онъ говорилъ:

— „А ну вотъ же: я, себѣ, посторонній прохожій, но прохожій, себя уважающій... И я, себѣ, никого не пущу на дорогу... Никому дороги не дамъ..."

Николай Аполлоновичъ тутъ почувствовалъ непріязнь; и уже собравшись посторониться, перемѣнилъ свою тактику: не сталъ сторониться; такъ едва они не столкнулись носами; Николай Аполлоновичъ — изумленный; незнакомецъ — безъ всякаго изумленія; удивительно: закоченѣлая, большая рука

Digitized by Microsoft ®

(съ гусиною кожею) поднялась къ картузу; деревянная же и хриплая дробь рѣшительно отчеканила:

— „Ни-ко-лай А-пол-ло-но-вичъ!!...“

Тутъ только Николай Аполлоновичъ запримѣтилъ, что стремительно налетѣвшій субъектъ (можетъ быть, изъ мѣщанъ) перевязалъ себѣ горло; вѣроятно, на горлѣ былъ чирій [чирій же, какъ извѣстно, стѣсняя свободу движеній, появляется неудобнѣйшимъ образомъ на кадыкѣ, на позвоночникѣ (межъ лопатокъ)—появляется... въ неописуемомъ мѣстѣ!..]

Но болѣе подробное размышленіе о свойствахъ злокозненныхъ чирьевъ было прервано:

— „Вы, кажется, не узнаете меня?“

(Ай, ай, ай!)...

— „Съ кѣмъ имѣю честь“—началъ-было Николай Аполлоновичъ, поджимая обиженно губы, но приглядѣвшись къ незнакомцу внимательнѣй, вдругъ откинулся, скинулъ шляпу и воскликнулъ съ перекривленнымъ лицомъ:

— „Нѣтъ... вы ли это?... Да какими же способами?..“

Онъ хотѣлъ, вѣроятно, воскликнуть: „какими судьбами“...

Естественно: въ случайномъ прохожемъ, имѣющемъ видъ попрошайки, Сергѣя Сергѣича все же узнать было трудно, потому что, во-первыхъ, Лихутинъ облекся въ партикулярное платье, и оно сидѣло на немъ, какъ на коровѣ сѣдло; во-вторыхъ: Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ былъ—ай, ай, ай!—выбритъ: вотъ въ чемъ была сила! Вмѣсто вьющейся, бѣлокурой бородки торчала какая-то прыщавая, несуразная пустота; и—куда дѣвалися усики? Это-то отъ волосъ свободное мѣсто (межъ губами и носомъ) превратило знакомую физіономію въ незнакомую физіономію,—въ просто какую-то непріятную пустоту.

Отсутствіе собственной лихутинской бороды и собственныхъ лихутинскихъ усиковъ придало подпоручику потрясающій видъ идіота:

— „Нѣтъ... Или глаза мои измѣняютъ мнѣ, но... мнѣ, Сергѣй Сергѣевичъ, кажется, что... вы...“

Digitized by Microsoft ®

— „Совершенно вѣрно: я въ штатскомъ...“

— „Я не то, Сергѣй Сергѣичъ... Не это... Я не тѣмъ изумленъ... Изумительно все же...“

— „Что̀ изумительно?“

— „Вы какъ-то преобразились весь, Сергѣй Сергѣичъ... Вы меня, пожалуйста, извините...“

— „Это все пустяки-съ...“

— „О, конечно, конечно... Я такъ себѣ... Я хотѣлъ сказать, что вы выбрились...“

— „Э, да что̀ тамъ“, — обидѣлся тутъ Лихутинъ, — „э, да что̀ тамъ „побрились“: отчего же и нѣтъ? Ну, побрился... Я не спалъ эту ночь... Отчего же мнѣ не побриться?..“

Въ голосѣ подпоручика Николая Аполлоновича поразила просто какая-то злость, какая-то подавляющая такая чреватость, и столь не идущая къ бритости.

— „Ну, и выбрился...“

— „Конечно, конечно...“

— „Ну, и пусть!“—не угомонялся Лихутинъ.—„Я службу бросаю...“

— „Какъ бросаете?.. Почему бросаете?..“

— „По причинамъ приватнымъ, касающимся лично меня... Насъ, Николай Аполлоновичъ, эти мелочи не касаются... Не касаются насъ приватныя наши дѣла“.

Подпоручикъ Лихутинъ тутъ сталъ придвигаться.

— „Впрочемъ, есть дѣла, которыя...“

Николай Аполлоновичъ, спиною толкая прохожихъ, сталъ явственно пятиться:

— „Есть дѣла, Сергѣй Сергѣичъ?“

— „Дѣла, которыя, сударь...“

Явственно зловѣщую ноту уловилъ Николай Аполлоновичъ въ хрипломъ голосѣ подпоручика; и ему показалось, что отчетливо тотъ собирается для чего-то такого изловить его руки.

— „Вы простудились?“—перемѣнилъ онъ порывисто разговоръ и соскочилъ съ тротуара; въ поясненіи своего замѣчанія прикоснулся онъ къ собственной шеѣ, разумѣя шейную

Digitized by Microsoft ®

перевязку Лихутина, какую-нибудь такую горловую простуду—ну, жабу тамъ, или—гриппъ.

Но Сергѣй Сергѣевичъ покраснѣлъ, стремительно соскочилъ съ тротуара, продолжая свое наступленіе для того, чтобъ... чтобъ... чтобъ... Нѣкоторые изъ прохожихъ остановились, смотрѣли:

— „Ни-ко-лай Аполло-новичъ!..“

— „?“

— „Право же, не для того я за вами бѣжалъ, чтобы мы говорили тутъ о какой-то, чортъ возьми, шеѣ...“

Остановился третій, пятый, десятый, вѣроятно подумавши, что изловленъ воришка.

— „Къ дѣлу это все не относится...“

Вниманіе Аблеухова изострилось; про себя онъ шепталъ:

— „Такъ-такъ-такъ?.. Что же къ дѣлу относится?“ И избѣгая Лихутина, онъ опять очутился на сыромъ тротуарѣ.

— „Въ чемъ же дѣло?“

Гдѣ была память?

Дѣло съ поручикомъ предстояло нешуточное. Да — домино же! чортъ возьми, домино! О д о м и н о Николай Аполлоновичъ основательно позабылъ; онъ теперь только вспомнилъ:

— „Есть дѣло, есть...“

Софья Петровна Лихутина, безъ сомнѣнья, поразболтала о случаѣ въ неосвѣщенномъ подъѣздѣ; поразболтала и о случаѣ у Зимней Канавки.

Съ этимъ-то дѣломъ теперь и приступаетъ Лихутинъ.

— „Недоставало только в о т ъ э т о г о... Ахъ, чортъ возьми: какъ все это некстати!.. Вотъ вѣдь некстати!..“

И вдругъ все нахмурилось.

Потемнѣли рои котелковъ; мстительно заблистали цилиндры; отовсюду снова сталъ понаскакивать обывательскій носъ: носы протекали во множествѣ: орлиные, пѣтушиные, курьи, зеленоватые, сизые; и — носъ съ бородавкой: безсмысленный, торопливый, огромный.

Николай Аполлоновичъ, избѣгая взгляда Лихутина, это все обозрѣлъ и глазами уткнулся въ витрину.

Digitized by Microsoft ®

Между тѣмъ, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, завладѣвая рукой Аблеухова и не то ее пожимая, не то просто сжимая, собирая вокругъ толпу любопытныхъ зѣвакъ — неумолимо, неугомонно отрѣзывалъ деревянною фистулою: вѣдь вотъ барабанныя палки!

— „Я.. я... я... имѣю честь извѣстить, что съ утра уже я... я... я...“

— „?“

— „Я по вашимъ слѣдамъ... И я — былъ: всюду былъ — между прочимъ, у васъ... Меня провели въ вашу комнату... Я сидѣлъ тамъ... Оставилъ записку...“

— „Ахъ, какая досад...“

— „Тѣмъ не менѣе“,—перебилъ подпоручикъ (вѣдь вотъ барабанныя палки!),—„имѣя къ вамъ дѣло: безотлагательный дѣловой разговоръ...“

— „Вотъ оно, начинается“,—шарахнулося въ мозгу Аблеухова, и онъ отразился въ большой магазинной витринѣ межъ перчатокъ, межъ зонтиковъ и тому подобныхъ вещей.

Между тѣмъ разсвисталась по Невскому холодная свистопляска, чтобы дробными, мелкими, частыми каплями нападать, стрекотать и шушукать по зонтамъ, по сурово согнутымъ спинамъ, обливая волосы, обливая озябшія жиловатыя руки мѣщанъ, студентовъ, рабочихъ; между тѣмъ разсвисталась по Невскому холодная свистопляска, поливая вывѣски ядовитымъ, насмѣшливымъ, металлическимъ бликомъ, чтобы въ воронки закручивать милліарды мокрыхъ пылиночекъ, вить смерчи, гнать и гнать ихъ по улицамъ, разбивая о камни; и далѣе, чтобы гнать нетопыриное крыло облаковъ изъ Петербурга по пустырямъ; и уже разсвисталась надъ пустыремъ холодная свистопляска; посвистомъ молодецкимъ, разбойнымъ она гуляла въ пространствахъ—самарскихъ, тамбовскихъ, саратовскихъ — въ буеракахъ, въ песчаникахъ, въ чертополохахъ, въ полыни, съ крышъ срывая солому, срывая высоковерхія скирды и разводя на гумнѣ свою липкую гниль; снопъ тяжелый, зернистый—отъ нея прорастаетъ; ключевой самородный колодезь — отъ нея засоряется; поразве-

Digitized by Microsoft ®

дутся мокрицы; и по ряду сырыхъ деревень разгуляется тифъ.

Разорвалось крыло облаковъ; дождь кончился: мокрота изсякала...

Разговоръ имѣлъ продолженіе.

Между тѣмъ разговоръ имѣлъ продолженіе:

— „Я имѣю къ вамъ дѣло... Хочу я сказать—объясненіе, не терпящее отлагательствъ; я повсюду разспрашивалъ, какъ бы это намъ встрѣтиться: между прочимъ, я былъ и о васъ разспросилъ у... какъ ее?.. У нашей общей знакомой, у Варвары Евграфовны...“

— „Соловьевой?“

— „Вотъ именно... Съ Варварой Евграфовной у меня состоялось очень тяжелое разъясненіе — относительно васъ... Вы меня понимаете?.. Тѣмъ хуже... Но о чемъ это я... Да,— эта-то Соловьева, Варвара Евграфовна (между прочимъ, я ее заперъ) мнѣ дала одинъ адресъ: пріятеля вашего... Дудкина?.. Ну, все равно... Я, конечно,—по адресу, но дойдя до господина — Дудкина, что ли? — встрѣтилъ васъ на дворѣ... Вы оттуда бѣжали... Да-съ... И притомъ—не одни, а съ неизвѣстной мнѣ личностью... Нѣтъ, оставьте: nomina sunt odiosa... Вы имѣли взволнованный видъ, а господинъ...? Nomina sunt odiosa... имѣлъ видъ болѣзненный... Я бесѣды вашей прервать не рѣшился съ господиномъ... Извините—можете фамилію этого господина сохранить про себя...“

— „Сергѣй Сергѣевичъ, я...“

— „Погодите-съ!.. Я бесѣды прервать не рѣшился, конечно, хотя... правду сказать, васъ съ такимъ трудомъ удалось мнѣ поймать... Ну вотъ: я за вами прослѣдовалъ; разумѣется, на извѣстной дистанціи, чтобъ случайно не быть свидѣтелемъ разговора: я просовывать носъ, Николай Аполлоновичъ, не люблю... Но объ этомъ мы послѣ...“

Тутъ Лихутинъ задумался, почему-то тутъ обернулся, глядя въ даль Невскаго.

— „Прослѣдовалъ... До вотъ этого мѣста... Вы все время

Digitized by Microsoft®

о чемъ-то вдвоемъ говорили... Я—за вами ходилъ и, признаться, досадовалъ... Послушайте", — оборвалъ онъ повѣствованіе, похожее на типографскій, случайно разсыпанный, собранный и случайно прочтенный наборъ, — „вы не слышите?"

— „Нѣтъ..."

— „Тссъ!.. Слушайте..."

— „Что такое?"

— „Какая-то нота,—на „у"... Тамъ... тамъ... загудѣло..."

Николай Аполлоновичъ повернулъ свою голову; странное дѣло—какъ торопливо полетѣли мимо пролетки—и всѣ въ одну сторону; ускорился бѣгъ пѣшеходовъ (поминутно толкали ихъ); иные оборачивались назадъ; сталкивались съ идущими имъ навстрѣчу; равновѣсіе совершенно нарушилось; озирался и не слушалъ Лихутина.

— „Вы потомъ остались одни и прислонились къ витринѣ; тутъ пошелъ дождикъ... Прислонился къ витринѣ и я, на той сторонѣ... Вы все время, Николай Аполлоновичъ, на меня глядѣли въ упоръ, но вы дѣлали видъ, что меня и не замѣтили вовсе..."

— „Я не узналъ васъ..."

— „А я кланялся..."

— „Такъ и есть", — продолжалъ досадовать Николай Аполлоновичъ, — „онъ за мной гоняется... Онъ меня собирается..."

Что собирается?

Николай Аполлоновичъ получилъ отъ Сергѣя Сергѣича письмецо тому назадъ два съ половиною мѣсяца, въ которомъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ убѣдительнымъ тономъ просилъ не смущать покоя горячо любимой супруги — это было уже послѣ м о с т а; нѣкоторыя выраженія письмеца были трижды подчеркнуты; отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то очень-очень серьезнымъ—былъ эдакій непріятный словесный сквознякъ, безъ намековъ, а—такъ себѣ... И въ отвѣтномъ письмѣ Николай Аполлоновичъ обѣщался...

Обѣщаніе далъ, и—нарушилъ.

Digitized by Microsoft ®

Что̀ такое?

Запрудивъ тротуаръ, остановились прохожіе; широчайшій проспектъ былъ пустъ отъ пролетокъ; не было слышно ни суетливаго кляканья шинъ, ни цоканья конскихъ копытъ: пролетѣли пролетки, образуя тамъ, издали,—черную, неподвижную кучу, образуя здѣсь—голую торцовую пустоту, о которую опять свистопляска кидала каскадами рои растрещавшихся капелекъ.

— „Посмотрите-ка?“

— „Ахъ, какъ странно, какъ странно?“

Точно тутъ пообнажились мгновенно громадные гранитные голыши, надъ которыми тысячелѣтія проносилась бѣлая водопадная пѣна; но оттуда, изъ дали проспекта, изъ совершеннѣйшей пустоты, чистоты, между двухъ рядовъ чернаго отъ людей тротуара, по которому побѣжалъ тысячеголосый, крѣпнущій гулъ (какъ бы гулъ шмелинаго роя)—оттуда понесся лихачъ; полустоя на немъ изогнулся безбородый, потрепанный баринъ безъ шапки, зажимая въ рукѣ тяжелое и высокое древко: и отрываясь отъ деревяннаго древка по воздуху гребнями разрывались, трепались и рвались легкосвистящія лопасти краснаго кумачеваго полотнища — въ огромную, въ холодную пустоту; было странно увидѣть летящее красное знамя по пустому проспекту; и когда пролетѣла пролетка, то всѣ котелки, треуголки, цилиндры, околыши, перья, фуражки и косматыя манджурскія шапки—загудѣли, зашаркали, затолкались локтями и вдругъ хлынули съ тротуара на середину проспекта; изъ разорванныхъ тучъ блѣдный солнечный дискъ пролился на мгновеніе палевымъ отсвѣтомъ—на дома, на зеркальныя стекла, на котелки, на околыши. Свистопляска промчалась. Дождь кончился.

Толпа смела съ тротуара и Аблеухова, и Лихутина; разъединенные парой локтей, они побѣжали туда, куда всѣ побѣжали; пользуясь давкою, Николай Аполлоновичъ имѣлъ намѣренье ускользнуть отъ объясненья некстати, чтобы броситься въ первую тамъ стоящую въ отдаленьи пролетку и,

Digitized by Microsoft®

не теряя драгоцѣннаго времени, укатить по направленію къ дому: вѣдь бомба-то... въ столикѣ... тикала! Пока она не въ Невѣ, успокоенія нѣтъ!

Бѣгущіе его толкали локтями; черныя фигурки выливались изъ магазиновъ, дворовъ, парикмахерскихъ, перекрестныхъ проспектовъ; и въ магазины, дворы, боковые проспекты черныя фигурки убѣгали спѣшно обратно; голосили, ревѣли, топтались: словомъ — паника; издали, надъ головами тамъ будто хлынула кровь; поразвились изъ чернѣющей копоти все кипящіе, красные гребни, будто бьющіеся огни и будто оленьи рога.

И, ахъ, какъ некстати!

Изъ-за двухъ-трехъ плечей, на одномъ уровнѣ съ нимъ, выглянулъ ненавистный картузикъ и два зоркихъ глаза обезпокоенно уставились на него: подпоручикъ Лихутинъ и въ суматохѣ его не утеривалъ изъ виду, выбиваясь изъ силъ, чтобы снова пробиться къ пробивавшемуся отъ него чрезъ толпу Аблеухову: Аблеуховъ же только-только хотѣлъ вздохнуть облегченно:

— „Не утеривайте меня... Николай Аполлоновичъ; впрочемъ, все равно... я отъ васъ не отстану".

— „Такъ и есть",—убѣдился теперь окончательно Аблеуховъ,—„онъ за мною гоняется: онъ меня никогда не отпуститъ..."

И пробивался къ пролеткѣ.

А за ними, изъ далей проспекта, надъ головами и грохотомъ голосовъ вылизывались знамена, будто текучіе языки и будто текучія свѣтлости; и вдругъ всѣ—пламена, знамена—остановились, застыли: грянуло отчетливо пѣніе.

Николай Аполлоновичъ черезъ толпу, наконецъ, пробился къ пролеткѣ; но едва онъ хотѣлъ въ нее занести свою ногу, чтобъ заставить извозчика пробиваться далѣе чрезъ толпу, какъ почувствовалъ, что его опять ухватила просунутая чрезъ чужое плечо рука подпоручика; тутъ онъ сталъ, будто вкопанный, и, симулируя равнодушіе, онъ съ насильственной улыбкой сказалъ:

Digitized by Microsoft ®

— „Манифестація!..“

— „Все равно: я имѣю къ вамъ дѣло“.

— „Я... видите ли... Я... тоже съ вами совершенно согласенъ... Намъ есть о чемъ побесѣдовать...“

Вдругъ откуда-то издали пролетѣлъ пачками разсыпанный трескъ; и издали разорвавшись на части, всѣ тѣ въ копоти надъ головою толпы повозставшія свѣтлости, надъ головою толпы заметались и туда, и сюда; заволновались тамъ красные водовороты знаменъ и разсыпались быстро на одиноко торчавшіе гребни.

— „Въ такомъ случаѣ, Сергѣй Сергѣевичъ, поговоримте въ кофейнѣ... Отчего бы намъ не въ кофейнѣ...“

— „Какъ такъ въ кофейнѣ...“—возмутился Лихутинъ.—„Я въ подобныхъ мѣстахъ не привыкъ имѣть объясненія...“

— „Сергѣй Сергѣевичъ? Гдѣ же?..“

— „Да и я тоже думаю... Разъ вы садились въ пролетку, такъ сядемте и поѣдемте ко мнѣ на квартиру...“

Эти слова были сказаны тономъ явно притворнымъ: до̀крови прикусилъ себѣ губы тутъ Николай Аполлоновичъ:

— „На дому, на дому... Какъ же такъ—на дому? Это значитъ съ поручикомъ съ глазу на глазъ запереться, дать отчетъ о неумѣстныхъ продѣлкахъ надъ Софьей Петровною; можетъ быть, въ присутствіи Софьи Петровны дать отчетъ возмущенному мужу о несдержаніи слова... Явно: здѣсь западня...“

— „Но, Сергѣй Сергѣевичъ, я полагаю, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, вамъ понятнымъ вполнѣ, мнѣ у васъ неудобно...“

— „Э, полноте!“

Къ чести Николая Аполлоновича, — онъ болѣе не перечилъ; онъ покорно сказалъ: „Я готовъ“. И держался спокойно онъ; чуть дрожала нижняя челюсть—вотъ только.

— „Какъ человѣкъ просвѣщенный, гуманный, вы, Сергѣй Сергѣевичъ, меня поймете... Словомъ, словомъ... и по поводу Софьи Петровны“.

Вдругъ, запутавшись, оборвалъ.

Digitized by Microsoft®

Они сѣли въ пролетку. И—пора: тамъ, гдѣ только-что метались знамена и откуда разсыпался пачками сухой трескъ, ни одного уже знамени не было; но оттуда хлынула такая толпа, напирая на впереди тутъ бѣгущихъ, что сроенныя въ кучи пролетки, стоявшія тутъ, полетѣли въ глубь Невскаго—въ противоположную сторону, гдѣ уже циркуляція была возстановлена, гдѣ вдоль улицы бѣгали сѣрые квартальные надзиратели и конями плясали жандармы.

Поѣхали.

Николай Аполлоновичъ видѣлъ, что многоножка людская здѣсь текла, какъ ни въ чемъ не бывало; какъ текла здѣсь столѣтія; времена бѣжали тамъ, выше; былъ и имъ положенъ предѣлъ; и предѣла того не было у людской многоножки; будетъ ползать, какъ ползаетъ; и ползаетъ, какъ ползла: одиночки, пары, четверки; и пары за парами: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндръ, фуражка; платочекъ, зонтикъ, перо.

Вотъ все пропало: они свернули съ проспекта; выше каменныхъ зданій въ небѣ навстрѣчу имъ кинулись клочковатыя облака съ висящею ливенной полосою; Николай Аполлоновичъ весь согнулся подъ бременемъ нежданно свалившейся тяжести; клочковатое облако подползло; и когда, сѣрѣя, синеватая полоса ихъ накрыла,—стали бить, стрекотать, пришепётывать хлопотливыя капельки, закруживши на булькнувшихъ лужахъ свои холодные пузыри; Николай Аполлоновичъ сидѣлъ согбенный въ пролеткѣ, завернувшись лицомъ въ итальянскій свой плащъ; на мгновеніе онъ позабылъ, куда ѣдетъ; оставалось смутное чувство: онъ ѣдетъ—насильно.

Тяжелое стеченіе обстоятельствъ тутъ опять навалилось.

Тяжелое стеченіе обстоятельствъ,—можно ли такъ назвать пирамиду событій, нагроможденныхъ за послѣднія эти сутки, какъ массивъ на массивѣ? Пирамида массивовъ, раздробляющихъ душу, и именно—пирамида!..

Въ пирамидѣ есть что-то, превышающее всѣ представленія человѣка; пирамида есть бредъ геометріи, то-есть, бредъ,

Digitized by Microsoft ®

неизмѣримый ничѣмъ; пирамида есть человѣкомъ созданный спутникъ планеты; и желта она, и мертва она, какъ луна.

Пирамида есть бредъ, измѣряемый цифрами.

Есть цифровый ужасъ — ужасъ тридцати другъ къ другу приставленныхъ знаковъ, гдѣ знакъ есть, разумѣется, ноль; тридцать нолей при единицѣ есть ужасъ; зачеркните вы единицу, и провалятся тридцать нолей.

Будетъ—ноль.

Въ единицѣ также нѣтъ ужаса; сама по себѣ единица—ничтожество; именно—единица!.. Но единица плюсъ тридцать нолей образуется въ безобразіе пенталліона: пенталліонъ—о, о, о!—повисаетъ на черненькой, тоненькой палочкѣ; единица пенталліона повторяетъ себя болѣе чѣмъ милліардъ милліардовъ, повторенныхъ болѣе чѣмъ милліардъ разъ.

Чрезъ неизмѣримости тащится.

Такъ тащится человѣкъ чрезъ міровое пространство изъ вѣковѣчныхъ временъ въ вѣковѣчныя времена.

Да,—

человѣческой единицею, то-есть, этою тощею палочкой проживалъ доселѣ въ пространствахъ Николай Аполлоновичъ, совершая пробѣгъ изъ вѣковѣчныхъ временъ—

— Николай Аполлоновичъ въ костюмѣ Адама былъ палочкой; онъ, стыдясь худобы, никогда ни съ кѣмъ не былъ въ банѣ—

— въ вѣковѣчныя времена!

И вотъ этой палочкѣ пало на плечи безобразіе пенталліона, то-есть: болѣе чѣмъ милліардъ милліардовъ, повторенныхъ болѣе, чѣмъ милліардъ разъ; непрезентабельное к о е-ч т о внутрь себя громадное пріяло н и ч т о; и громада н и ч т о разбухала въ презентабельномъ видѣ изъ вѣковѣчныхъ временъ—

— такъ разбухаетъ желудокъ, благодаря развитію газовъ, отъ которыхъ всѣ Аблеуховы мучились—

— въ вѣковѣчныя времена!

Digitized by Microsoft ®

Непрезентабельное к о е-ч т о внутрь себя громадное пріяло ничто; к о е-ч т о отъ громады, пустой, нолевой, разбухало до ужаса. Вспучились просто Гауризанкары какіе-то; онъ же, Николай Аполлоновичъ, разрывался, какъ бомба.

А? Бомба? Сардинница?..

Во мгновеніе ока пронеслось то же все, что̀ съ утра проносилось: въ головѣ пролетѣлъ его планъ.

Какой такой?

Планъ.

Да, да, да!..

Подкинуть сардинницу: подложить ее къ отцу подъ подушку; или—нѣтъ: въ соотвѣтственномъ мѣстѣ подложить ее подъ матрасикъ. И—ожиданіе не обманетъ: точность гарантируетъ часовой механизмъ.

Самому же ему:

— „Доброй ночи, папаша!“

Въ отвѣтъ:

— „Доброй, Коленька, ночи!..“

Чмокнуть въ губы, отправиться въ свою комнату.

Нетерпѣливо раздѣться — непремѣнно раздѣться! Дверь защелкнуть на ключъ и уйти съ головой въ одѣяло.

Быть страусомъ.

Но въ пуховой, въ теплой постели задрожать, прерывисто задышать—отъ сердечныхъ толчковъ; тосковать, бояться, подслушивать: какъ тамъ.... бацнетъ, какъ... грохнетъ тамъ — изъ-за стаи каменныхъ стѣнъ; ожидать, какъ бацнетъ, какъ грохнетъ, разорвавъ тишину, разорвавши постель, столъ и стѣну; разорвавъ, можетъ быть,... — разорвавъ, можетъ быть...

Тосковать, бояться, подслушивать... И услышать знакомое шлепанье туфель къ... ни съ чѣмъ несравнимому мѣсту.

Отъ французскаго легкаго чтенія перекинуться — просто къ хло̀пковой ватѣ, чтобъ ватой заткнуть себѣ уши: уйти съ головой подъ подушку. Окончательно убѣдиться: болѣе не поможетъ ничто! Разомъ сбросивши съ себя одѣяло, выста-

Digitized by Microsoft ®

вить покрытую испариной голову — и въ безднѣ испуга вырыть новую бездну.

Ждать и ждать.

Вотъ всего осталось какихъ-нибудь полчаса; вотъ уже зеленоватое просвѣтленье разсвѣта; комната синѣетъ, сѣрѣетъ; умаляется пламя свѣчи; и—всего пятнадцать минутъ; тутъ тушится свѣчка; вѣчности протекаютъ медлительно, не минуты, а именно — вѣчности; послѣ чиркаетъ спичка: протекло пять минутъ... Успокоить себя, что все это будетъ не скоро, черезъ десять медлительныхъ оборотовъ временъ, и потрясающе обмануться, потому что—

— не повторяемый, никогда еще не услышанный, притягательный звукъ, все-таки,...—

— грянетъ!!..

. . . . . .

Тогда:—

нàскоро вставивъ голыя ноги въ кальсоны (нѣтъ, какія кальсоны: лучше такъ себѣ, безъ кальсонъ!)—или даже въ исподней сорочкѣ, съ перекошеннымъ, совершенно бѣлымъ лицомъ—

— да, да, да!—

— выпрыгнуть изъ разогрѣтой постели и протопать босыми ногами въ полное тайны пространство: въ чернѣющій коридоръ; мчаться и мчаться — стрѣлою: къ неповторному звуку, натыкаясь на слугъ и грудью вбирая особенный запахъ: смѣсь дыма, гари и газа съ... еще кое чѣмъ, что̀ ужаснѣй и гари, и газа, и дыма.

Впрочемъ запаха, вѣроятно, не будетъ.

Вбѣжать въ полную дыма и очень холодную комнату; задыхаясь отъ громкаго кашля, выскочить оттуда обратно,

Digitized by Microsoft®

чтобы скоро просунуться снова въ черную, стѣнную пробоину, образовавшуюся послѣ звука (въ рукѣ плясать будетъ коекакъ засвѣченный канделябръ).

Тамъ: за пробоиной...—

въ мѣстѣ разгромленной спальни, краснорыжее пламя освѣтитъ... Сущую освѣтитъ бездѣлицу: отовсюду клубами рвущійся дымъ.

И еще освѣтится...—нѣтъ!.. Набросить на эту картину завѣсу — изъ дыма, изъ дыма!.. Болѣе ничего: дымъ и дымъ!

Все же...

Подъ эту завѣсу хотя на мгновенье просунуться, и — ай, ай! Совершенно красная половина стѣны: течетъ эта красность; стѣны мокрыя, стало-быть; и, стало-быть, — липкія, липкія... Все это будетъ — первое впечатлѣнье отъ комнаты; и, навѣрно, послѣднее. Вперемежку, межъ двухъ впечатлѣній запечатлѣется: штукатурка, щепы разбитыхъ паркетовъ и драные лоскуты пропаленныхъ ковровъ; лоскуты эти—тлѣютъ. Нѣтъ, лучше не надо, но... берцовая кость?

Почему именно она одна уцѣлѣла, не прочія части?

Все то будетъ мгновенно; за спиною-жъ—мгновенны: идіотскій гулъ голосовъ, ногъ неровные топоты въ глубинѣ коридора, плачъ отчаянный—представьте себѣ!—судомойки; и—трескъ телефона (это вѣрно трезвонятъ въ полицію)...

Уронить канделябръ... Сѣвъ на корточки, у пробоины дергаться отъ въ пробоину прущаго октябрёвскаго вѣтра (разлетѣлись при звукѣ всѣ оконныя стекла); и—дергаться, обдергивать на себѣ ночную сорочку, пока тебя сердобольный лакей —

— можетъ быть, камердинеръ, тотъ самый, на котораго очень скоро потомъ всего будетъ легче свалить (на него, само собой, падутъ тѣни)—

— пока сердобольный лакей не потащитъ насильно въ сосѣднюю комнату и не станетъ вливать въ ротъ насильно холодную воду...

Digitized by Microsoft ®

Но, вставая съ полу, увидѣть:—
у себя подъ ногами т у ж е в с е темнокрасную липкость, которая сюда шлепнула послѣ громкаго звука; она шлепнула изъ пробоины съ лоскутомъ отодранной кожи... (съ какого же мѣста?). Поднять взоръ — и надъ собою увидѣть, какъ къ стѣнѣ прилипло...

Брр!.. Тутъ лишиться вдругъ чувствъ.

. . . . . .

Разыграть комедію до конца.

Черезъ сутки всего передъ нà-глухо заколоченнымъ гробомъ (ибо нечего хоронить)—отчеканивать передъ гробомъ акаѳистъ, наклоняясь надъ свѣчкой въ мундирѣ съ обтянутой таліей.

Черезъ два всего дня свѣже-выбритый, мраморный, богоподобный свой ликъ уткнувши въ мѣха николаевки, прослѣдовать къ катафалку, на улицу, съ видомъ невиннаго ангела; и сжимать въ бѣлолайковыхъ пальцахъ фуражку, слѣдуя скорбно до кладбища въ сопровожденіи всей сановной той свиты... за цвѣточною грудой (за гробомъ). На своихъ дрожащихъ рукахъ груду эту протащутъ по лѣстницѣ златогрудые, бѣлоштанные старички—при шпагахъ, при лентахъ.

Будутъ груду влачить восемь лысенькихъ старичковъ.

. . . . . .

И—да, да!

Дать слѣдствію показанія, но такія, которыя... на кого бы то ни было (разумѣется не намѣренно)... будетъ все же брошена тѣнь; и должна быть тѣнь брошена—тѣнь на кого бы то ни было; если нѣтъ, — тѣнь падетъ на него... Какъ же иначе?

Тѣнь будетъ брошена.

. . . . . .

Дурачокъ, простачекъ
Коленька танцуетъ:
Онъ надѣлъ колпачекъ—
На конѣ гарцуетъ.

. . . . . .

Digitized by Microsoft®

И ему стало ясно: самый тотъ мигъ, когда Николай Аполлоновичъ героически обрекалъ себя быть исполнителемъ казни—казни во имя идеи (такъ думалъ онъ), этотъ мигъ, а не что иное, явился создателемъ вотъ такого вотъ плана, а не сѣрый проспектъ, по которому онъ все утро метался; дѣйствіе во имя идеи соединилось, какъ ни былъ взволнованъ онъ, съ діавольскимъ хладнокровнымъ притворствомъ и, можетъ быть, съ оговорами: оговорами неповиннѣйшихъ лицъ (всего удобнѣе камердинера: къ нему вѣдь таскался племянникъ, воспитанникъ ремесленной школы, и, какъ кажется, безпартійный, но... все-таки...)

На хладнокровіе разсчетъ все же былъ. Къ отцеубійству присоединялась тутъ ложь, присоединялась и трусость; но, что̀ главное,—подлость.

. . . . . .

Благороденъ, строенъ, блѣденъ,
Волоса, какъ ленъ,
Мыслью щедръ и чувствомъ бѣденъ
Н. А. А... Кто-жъ онъ?

. . . . . .

Онъ—подлецъ...

. . . . . .

Все, протекшее за эти два дня, было фактами, гдѣ фактъ былъ чудовище; груда фактовъ, то-есть, стая чудовищъ; фактовъ не было до этихъ двухъ дней; и не гнались чудовища. Николай Аполлоновичъ спалъ, читалъ, ѣлъ; даже, онъ вожделѣлъ: къ Софьѣ Петровнѣ; словомъ: все текло въ рамкахъ.

Но, и—но!..

Онъ и ѣлъ, не какъ всѣ, и любилъ, не какъ всѣ; не какъ всѣ, испытывалъ вожделѣніе: сны бывали тяжелые и тупые; а пища казалась безвкусной, самое вожделѣніе послѣ Моста приняло пренелѣпый оттѣнокъ—издѣвательства при помощи домино; и опять-таки: отца—ненавидѣлъ. Что-то было такое, что̀ тянулось за нимъ, что̀ бросало особенный свѣтъ на отправленіе всѣхъ его функцій (отчего онъ все вздрагивалъ, отчего

Digitized by Microsoft ®

руки болтались, какъ плети? И улыбка стала—лягушечьей); это что-то не было фактомъ, но фактъ оставался; фактъ этотъ—въ что-то.

Въ чемъ что-то?

Въ обѣщаніи партіи? Обѣщанія своего онъ не бралъ; и хотя онъ не думалъ, но... другіе тутъ думали, вѣроятно (мы знаемъ, что̀ думалъ Липпанченко); и вѣдь вотъ, онъ по странному ѣлъ и по странному спалъ, вожделѣлъ, ненавидѣлъ по странному тоже... Такъ же странной казалась его небольшая фигурка—на улицѣ; съ бьющимся въ вѣтрѣ крыломъ николаевки, и будто сутулая...

И такъ въ обѣщаніи, возникшемъ у Моста—тамъ, тамъ: въ сквознякѣ приневскаго вѣтра, когда за плечами увидѣлъ онъ котелокъ, трость, усы (петербургскіе обитатели отличаются—гмъ-гмъ—свойствами!..)

И опять-таки, самое стоянье у моста есть только слѣдствіе того, что̀ на мостъ погнало; а гнало его вожделѣніе; самыя страстныя чувства переживались имъ какъ-то не такъ, воспламенялся не такъ онъ, не по хорошему, холодно.

Дѣло, стало-быть, въ холодѣ.

Холодъ запалъ еще съ дѣтства, когда его, Коленьку, называли не Коленькой, а—отцовскимъ отродьемъ! Ему стало стыдно. Послѣ смыслъ слова „отродье“ ему открылся вполнѣ (чрезъ наблюденіе надъ позорными замашками изъ жизни домашнихъ животныхъ), и, помнится,—Коленька плакалъ; свой позоръ порожденія перенесъ онъ и на виновника своего позора: на отца.

Онъ, бывало, часами простаивалъ передъ зеркаломъ, наблюдая, какъ растутъ его уши: они выростали.

Тогда-то вотъ Коленька понялъ, что все, что̀ ни есть на свѣтѣ живого,—„отродье“, что людей-то и нѣтъ, потому что они—„порожденія“; самъ Аполлонъ Аполлоновичъ, оказался и онъ „порожденіемъ“, то-есть непріятною суммою изъ крови, кожи и мяса—непріятною, потому что кожа—потѣетъ, мясо—портится на теплѣ; отъ крови же разитъ запахомъ не первомайскихъ фіалочекъ.

Digitized by Microsoft ®

Такъ его душевная теплота отождествлялась съ необозримыми льдами, съ Антарктикой, что ли; онъ же—Пирри, Нансенъ, Амундсенъ—круговращался тамъ въ льдахъ; или его теплота становилась кровавою слякотью (человѣкъ, какъ извѣстно, есть слякоть, зашитая въ кожу).

Души-то, стало-быть, не было.

Онъ свою, родную плоть—ненавидѣлъ; а къ чужой—вожделѣлъ. Такъ изъ самаго ранняго дѣтства онъ въ себѣ вынашивалъ личинки чудовищъ: а когда созрѣли онѣ, то повылѣзли въ двадцать четыре часа и обстали—фактами ужаснаго содержанія. Николай Аполлоновичъ былъ заживо съѣденъ; перелился въ чудовищъ.

Словомъ, самъ сталъ чудовищами.

— „Лягушенокъ!“

— „Уродъ!“

— „Красный шутъ!“

Вотъ именно: при немъ кровью шутили, называли „о т р о д ь е м ъ“; и надъ собственной кровью зашутилъ—„шутъ“; „шутъ“ не былъ маскою, маской былъ „Николай Аполлоновичъ“...

Преждевременно разложилась въ немъ кровь.

Преждевременно она разложилась; оттого-то онъ, видно, и вызывалъ отвращеніе; оттого-то странной казалась его фигурка на улицѣ.

Этотъ ветхій, скудельный сосудъ долженъ былъ разорваться: и онъ разрывался.

Учрежденіе.

Учрежденіе...

Кто-то его учредилъ; съ той поры оно есть; а до той поры было—одно время оно. Такъ гласитъ намъ „Архивъ“.

Учрежденіе.

Кто-то его учредилъ, до него была тьма, кто-то надъ тьмою носился; была тьма и былъ свѣтъ—циркуляръ за номеромъ первымъ, подъ циркуляромъ послѣдняго пятилѣтія была подпись:

Digitized by Microsoft ®

„Аполлонъ Аблеуховъ“; въ тысяча девятьсотъ пятомъ году Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ душой циркуляровъ.

Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Тьма не объяла его.

. . . . . .

Учрежденіе...

И—торсъ козлоногой Каріатиды. Съ той поры, какъ къ крыльцу его подлетѣла карета, влекомая парой взмыленныхъ вороныхъ лошадей, съ той поры какъ придворный лакей въ треуголкѣ, косо надѣтой на голову, и въ крылатой шинели въ первый разъ распахнулъ лакированный, штемпелеванный бокъ, и щелкнувши, дверце откинуло коронками украшенный гербъ (единорогъ, бьющій рыцаря); съ той поры, какъ изъ траурныхъ подушекъ кареты на подъѣздный гранитъ наступила ботинкой пергаментноликая статуя; съ той поры, какъ впервые, отдавая поклоны, рука, облеченная въ кожу перчатки, коснулася края цилиндра:—съ той поры еще болѣе крѣпкая власть придавила собой учрежденіе, которое бросило надъ Россіей свою крѣпкую власть.

Повозстали параграфы, похороненные въ пыль.

Поражаетъ меня самое начертанье параграфа: падаютъ на бумагу два совокупленныхъ крючка,—уничтожаются бумажныя стопы; параграфъ—пожиратель бумагъ, то-есть, бумажная филоксера; въ произволъ темной бездны, какъ клещъ, вопьется параграфъ,—и право же: въ немъ есть что-то мистическое: онъ—тринадцатый знакъ зодіака.

Надъ громадною частью Россіи размножался параграфомъ безголовый сюртукъ, и приподнялся параграфъ, вдунутый сенаторской головою—надъ шейнымъ крахмаломъ; по бѣлоколоннымъ нетопленымъ заламъ и краснаго сукна ступенямъ завелась безголовая циркуляція, циркуляціей этой завѣдовалъ Аполлонъ Аполлоновичъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ—популярнѣйшій въ Россіи чиновникъ за исключеніемъ... Коншина (чей неизмѣнный автографъ носите вы на кредитныхъ билетахъ).

Итакъ: —

Digitized by Microsoft ®

Учрежденіе—есть. Въ немъ есть Аполлонъ Аполлоновичъ: вѣрнѣй „былъ“, потому что онъ умеръ...—

— Я недавно былъ на могилѣ: надъ тяжелою черномраморной глыбою поднимается черномраморный восьмиконечный крестъ; подъ крестомъ явственный горельефъ, высѣкающій огромную голову, исподлобья сверлящую васъ пустотою зрачковъ; демоническій, мефистофельскій ротъ! Ниже—скромная подпись: „Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ—сенаторъ“... Годъ рожденія, годъ кончины... Глухая могила!..—

— Есть Аполлонъ Аполлоновичъ: есть въ директорскомъ кабинетѣ: ежедневно бываетъ въ немъ, за исключеніемъ дней геморроя.

Есть кромѣ того въ Учрежденіи кабинеты... задумчивости.

И есть просто комнаты; болѣе всего—залъ; столы въ каждой залѣ. За столами писцы; на столъ приходится пара ихъ; передъ каждымъ: перо и чернила, и почтенная стопка бумагъ; писецъ по бумагѣ поскрипываетъ, переворачиваетъ листы, листомъ шелеститъ и перомъ верещитъ (думаю, что зловѣщее растеніе „вересъ“ происходитъ отъ верещанья); такъ вѣтеръ осенній, невзгодный, который заводятъ вѣтра—по лѣсамъ, по оврагамъ; такъ и шелестъ песка—въ пустыряхъ, въ солончаковыхъ пространствахъ—оренбургскихъ, самарскихъ, саратовскихъ;—

— тотъ же шелестъ стоялъ надъ могилой: грустный шелестъ березъ; падали ихъ сережки, ихъ юные листья на черномраморный, восьмиконечный крестъ, и—миръ его праху!—

Словомъ: есть Учрежденіе.

. . . . . .

Digitized by Microsoft ®

Не прекрасная Прозерпина уносится въ царство Плутона чрезъ страну, гдѣ кипитъ бѣлой пѣной Коцитъ: каждодневно уносится въ Тартаръ похищенный Харономъ сенаторъ на всклокоченныхъ, взмыленныхъ, вороногривыхъ коняхъ; надъ вратами печальнаго Тартара бородатая повисаетъ каріатида Плутона. Плещутся флегетоновы волны: бумаги.

. . . . . .

Въ своемъ директорскомъ кабинетѣ Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ сидитъ ежедневно съ напруженной височною жилою, заложивъ ногу на ногу, а жиловатую руку—за отворотъ сюртука; трещатъ полѣнья камина, шестидесятивосьмилѣтній старикъ дышетъ бациллой параграфа, то-есть, совокупленьемъ крючковъ; и дыханіе это облетаетъ громадное пространство Россіи: ежедневно десятую часть нашей родины покрываетъ нетопыриное крыло облаковъ. Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, осѣненный счастливою мыслію, заложивъ ногу на ногу, руку—за отворотъ сюртука, надуваетъ тогда пузыремъ свои щеки; онъ тогда, будто дуетъ (такова ужъ привычка); холодочки продуваютъ по неотопленымъ заламъ; завиваются смерчевыя воронки разнообразныхъ бумагъ; отъ Петербурга начинается вѣтеръ, на окраинѣ гдѣ-нибудь разражается ураганъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ сидитъ въ кабинетѣ... и дуетъ.

И сгибаются спины писцовъ; и листы шелестятъ: такъ бѣгаютъ вѣтры—по суровымъ, сосновымъ вершинамъ... Потомъ втянетъ щеки; и все—шелеститъ: сухая, бумажная стая, какъ роковой листопадъ, разгоняется отъ Петербурга... до Охотскаго моря.

Раскидается холодная свистопляска—по полямъ, по лѣсамъ, по селàмъ, чтобъ гудѣть, нападать, хохотать, чтобы градомъ, дождемъ, гололедицей искусывать лапы и руки—птицъ, звѣрей, подорожнаго путника, опрокидывать на него полосатыя бревна шлахтъ-баумовъ,—полосатой верстой изъ канавы выскакивать на шоссе, надмеваться оскаленной цифрою, обнаруживать бездомность и безконечность пути и протягивать мрачные мрежи изъ рѣющихъ мороковъ...

Digitized by Microsoft®

Сѣверъ, сѣверъ родимый!..

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ—человѣкъ городской и вполнѣ благовоспитанный господинъ: сидитъ у себя въ кабинетѣ въ то время, какъ тѣнь его, проницая камень стѣны... бросается въ поляхъ на прохожихъ: посвистомъ молодецкимъ, разбойнымъ она гуляетъ въ пространствахъ — самарскихъ, тамбовскихъ, саратовскихъ — въ буеракахъ и въ желтыхъ песчаникахъ, въ чертополохахъ, въ полыни, или въ дикомъ татарникѣ, обнажаетъ песчаные лысины, рветъ высоковерхія скирды, раздуваетъ въ овинѣ подозрительный огонекъ; деревенскій красный пѣтухъ—отъ нея зарождается; ключевой самородный колодезь — отъ нея засоряется; какъ падетъ на посѣвъ вредоносными росами, — отъ него худѣетъ посѣвъ; скотъ—гноитъ...

Умножаетъ и роетъ овраги.

Шутники сказали бы вѣрно: не Аполлонъ Аполлоновичъ, а... Аквилонъ Аполлоновичъ.

. . . . . .

Умноженіе количества за день передъ писцомъ пролетѣвшей бумаги, выдуваемой изъ дверей Учрежденія, умноженіе этой бумаги на количество бумагу гонящихъ писцовъ образуетъ произведеніе, то-есть, бумажное производство, вывозимое не возами, а фурами.

Подъ каждою бумагою подпись: „Аполлонъ Аблеуховъ“.

Та бумага несется по желѣзнодорожнымъ вѣтвямъ отъ желѣзнодорожнаго центра: отъ Санктъ-Петербурга; и — до губернскаго города; растрепавъ свою стаю по соотвѣтственнымъ центрамъ, Аполлонъ Аполлоновичъ творитъ въ этихъ центрахъ новые очаги бумажнаго производства.

Обыкновенно бумага съ (имя рекъ) подписью циркулируетъ до губернскаго управленія; получаютъ бумагу все статскіе (я разумѣю—совѣтники): Чичибабины, Сверчковы, Шестковы, Тетерько, Иванчи-Иванчевскіе; отъ губернскаго города соотвѣтственно уже Иванчи-Иванчевскій разсылаетъ бумаги до городовъ: Мухоѣдинска, Лихова, Гладова, Моровѣтрйнска

Digitized by Microsoft®

и Пѵ̀пинска (городовъ все уѣздныхъ); Козлородовъ, асессоръ, тогда получаетъ бумагу.

Вся картина мѣняется.

Козлородовъ, асессоръ, получившій бумагу, долженъ бы тотчасъ самъ усѣсться на бричку, на таратайку, или на тряскія дрожки, чтобы заплясать по колдобинамъ—чрезъ поля, чрезъ лѣса, по весямъ, по грѧзямъ,—и увязнуть медлительно въ глинахъ или въ бурыхъ пескахъ, подвергая себя нападенію полосатыхъ, приподнятыхъ верстъ и полосатыхъ шлахтъ-баумовъ (въ пѵ̀стыряхъ Аполлонъ Аполлоновичъ нападаетъ на путниковъ); вмѣсто-жъ этого Козлородовъ просто суетъ въ боковой свой карманъ запросъ Иванчи-Иванчевскаго.

И идетъ себѣ въ клубъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ одинокъ: и такъ уже тысячарится онъ въ верстахъ; и ему одному не поспѣть; не поспѣть и Иванчи-Иванчевскимъ. Козлородовыхъ — тысячи; за ними стоитъ обыватель, котораго Аблеуховъ боится.

Поэтому Аполлонъ Аполлоновичъ и сокрушаетъ лишь пограничные знаки своего кругозора: и мѣста лишаются—Иванчевскіе, Тетерько, Сверчковы.

Козлородовъ безсмѣненъ.

Пребывая за предѣлами досягаемости — за оврагами, за колдобинами, за лѣсами,—онъ винтитъ себѣ въ Пѵ̀пинскѣ.

Хорошо еще, что п о к а онъ винтитъ.

Онъ винтитъ пересталъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ одинокъ.

Не поспѣваетъ онъ. И стрѣла его циркуляра не проницаетъ уѣздовъ: ломается. Лишь, пронзенный стрѣлой, кое-гдѣ слетитъ Иванчевскій; да Козлородовы на Сверчкова устроютъ облаву. Аполлонъ Аполлоновичъ изъ Пальмиры, изъ Санктъ-Петербурга, разразится бумажною канонадой, — и (въ послѣднее время) дастъ маху.

Обыватели бомбы эти и стрѣлы давно окрестили названіемъ: мыльные пузыри.

Digitized by Microsoft®

Стрѣлометатель,—тщетно онъ слалъ зубчатую Аполлонову молнію; перемѣнилась исторія; въ древніе миѳы не вѣрятъ; Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ — вовсе не богъ Аполлонъ: онъ — Аполлонъ Аполлоновичъ, петербургскій чиновникъ. И—тщетно стрѣлялъ въ Иванчевскихъ.

Бумажная циркуляція уменьшалась за всѣ эти послѣдніе дни; вѣтеръ противный дулъ: пахнущая типографскимъ шрифтомъ бумага начинала подтачивать Учрежденіе—прошеніями, предъявленіями, незаконной угрозой и жалобой; и такъ далѣе, далѣе: тому подобнымъ предательствомъ.

Ну и что же за гнусное обхожденіе въ отношеньи къ начальству циркулировало среди обывателей? Пошелъ прокламаціонный тонъ.

И—что̀ это значило?

Очень многое: непроницаемый, недосягаемый Козлородовъ, асессоръ, гдѣ-то тамъ, понаглѣлъ; и тронулся изъ провинцій на Иванчи-Иванчевскихъ: въ одномъ пунктѣ пространства толпа растащила на колья бревенчатый частоколъ, а... Козлородовъ отсутствовалъ; въ другомъ пунктѣ оказались повыбиты стекла Казеннаго Учрежденія, а Козлородовъ—отсутствовалъ тоже.

Отъ Аполлона Аполлоновича поступали проекты, поступали совѣты, поступали приказы: приказы посыпались залпами; Аполлонъ Аполлоновичъ сидѣлъ въ кабинетѣ съ надутою височною жилою всѣ послѣднія эти недѣли, диктуя за приказомъ приказъ; и приказъ за приказомъ уносился бѣшеной стрѣловидною молніей въ провинціальную тьму; но тьма наступала; прежде только грозила она съ горизонтовъ; теперь заливала уѣзды и хлынула въ Пу̀пинскъ, чтобъ оттуда, изъ Пу̀пинска, грозить губернскому центру, откуда, заливаемый тьмой, въ тьму слетѣлъ Иванчевскій.

Въ это время въ самомъ Петербургѣ, на Невскомъ, показалася провинціальная тьма въ видѣ темной шапки манджурской; та шапка сроилась и дружно прошлась по проспектамъ; на проспектахъ дразнилась она кумачевою тряпкою (денекъ такой выдался): въ этотъ день и кольцо многотрубныхъ заводовъ перестало выкидывать дымъ.

Digitized by Microsoft ®

Громадное колесо механизма, какъ Сизифъ, вращалъ Аполлонъ Аполлоновичъ; по крутому подъему исторіи онъ пять лѣтъ катилъ колесо безостановочно вверхъ; лопались властные мускулы; но все чаще вытарчивалъ изъ-подъ мускуловъ власти ни чему не причастный костякъ; то-есть вытарчивалъ—Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, проживающій на Англійской Набережной.

Потому что воистину чувствовалъ онъ себя обглоданнымъ костякомъ, отъ котораго отвалилась Россія.

Правду сказать: Аполлонъ Аполлоновичъ и до роковой этой ночи показался инымъ его наблюдавшимъ сановникамъ какимъ-то ободраннымъ, снѣдаемымъ тайной болѣзнію, проткнутымъ (лишь въ послѣднюю ночь онъ отекъ); ежедневно со стонами онъ кидался въ карету цвѣта вòронаго крыла, въ пальтецѣ цвѣта вòронаго крыла, и въ цилиндрѣ—цвѣта вòронаго крыла; два вороногривыхъ коня блѣднаго уносили Плутона.

По волнамъ Флегетона несли его въ Тартаръ: здѣсь, въ волнахъ, онъ барахтался.

Наконецъ,—многими десятками катастрòфъ (смѣнами, напримѣръ, Иванчевскихъ и событьями въ Пỳпинскѣ) Флегетоновы волны бумагъ ударились въ колесо громадной машины, которую сенаторъ вращалъ; у Учрежденія обнаружилась брешь—Учрежденія, которыхъ въ Россіи такъ мало.

Вотъ когда случился подобный, ни съ чѣмъ несравнимый скандалъ, какъ говорили впослѣдствіи, — то изъ бреннаго тѣла носителя брилліантовыхъ знаковъ въ двадцать четыре часа улетучился геній; многіе даже боялись, что онъ спятилъ съ ума. Въ двадцать четыре часа — нѣтъ часовъ въ двѣнадцать, не болѣе (отъ полуночи до полудня)—Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ стремительно полетѣлъ со ступенекъ служебной карьеры.

Палъ онъ во мнѣніи многихъ.

Говорили впослѣдствіи, что тому причиною послужилъ скандалъ съ его сыномъ: да, на вечеръ къ Цукатовымъ еще прибылъ мужъ государственной важности; но когда обнару-

Digitized by Microsoft®

жилось, что съ вечера бѣжалъ его сынъ, обнаружились также и всѣ недостатки сенатора, начиная съ образа мыслей и кончая — росточкомъ; а когда раннимъ утромъ появились сырыя газеты и мальчишки газетчики бѣгали по улицамъ съ криками „Тайна Краснаго домино“, то сомнѣнія не было никакого.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ былъ рѣшительно вычеркнутъ изъ кандидатскаго списка на исключительной важности отвѣтственный постъ.

Пресловутая замѣтка газеты—но вотъ она: „Чинами сыскной полиціи установлено, что смущающіе за послѣдніе дни толки о появленіи на улицахъ Петербурга неизвѣстнаго домино опираются на несомнѣнные факты; слѣдъ мистификатора найденъ: подозрѣвается сынъ высокопоставленнаго сановника, занимающаго административный постъ; полиціей приняты мѣры“.

Съ этого дня начался и закатъ сенатора Аблеухова.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ родился въ тысяча восемьсотъ тридцать седьмомъ году (въ годъ смерти Пушкина); дѣтство его протекло въ Ниже—родской губерніи, въ старой барской усадьбѣ; въ тысяча восемьсотъ пятьдесятъ восьмомъ году онъ окончилъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія; въ тысяча восемьсотъ семидесятомъ году былъ назначенъ профессоромъ Санктъ-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ Ф.... П...; въ тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятомъ году состоялъ вице-директоромъ, а въ тысяча восемьсотъ девяностомъ—директоромъ N.N. департамента; въ слѣдующемъ году былъ высочайшимъ указомъ онъ назначенъ въ Правительствующій Сенатъ; въ девятьсотомъ году онъ сталъ во главѣ Учрежденія.

Вотъ его curriculum vitae.

Угольныя лепешки.

Вотъ уже зеленоватое просвѣтлѣніе утра, а Семенычъ—не сомкнулъ за ночь глазъ! Все-то онъ въ каморкѣ кряхтѣлъ,

Digitized by Microsoft®

переворачивался, возился; нападала зѣвота, чесотка и—прости прегрѣшенія наши, о, Господи!—чохъ; при всемъ эдакомъ—тому подобныя размышленія:

— „Анна Петровна-то, матушка, прибыла изъ Гишпаніи—пожаловала...“

Самъ себѣ Семенычъ про это:

— „Да-съ... Отворяю я, етта, дверь... Вижу, такъ себѣ, посторонняя барыня... Незнакомая и въ заграничномъ нарядѣ... А она, етта, мнѣ...“

— „Аааа...“

— „Етта мнѣ...“

— „Прости прегрѣшенія наши, о, Господи“.

И валила зѣвота.

Уже и тетюринская проговорила труба (тетюринской фабрики); уже и свиснули пароходики; электричество на мосту: фукъ—и нѣтъ его... Сбросивши съ себя одѣяло, приподнялся Семенычъ: большимъ пальцемъ ноги колупнулъ половикъ.

Расшушукался.

— „Я ему: ваше, молъ, высокопревосходительство, баринъ—такъ молъ и такъ... А они, етта,—да...“

— „Никакого вниманія...“

— „И барченокъ-отъ ефтатъ: отъ полу не видать... И—прости прегрѣшенія наши, о, Господи!—бѣлогубый щенокъ и соплякъ“.

— „Не баре, а просто хамлеты...“

Такъ самъ себѣ подъ носъ Семенычъ; и—опять головой подъ подушку; часы протекали медлительно; розоватенькія облачка, зрѣя солнечнымъ блескомъ, высоко побѣжали надъ зрѣющей блескомъ Невой... А одѣяломъ нагрѣтый Семенычъ—все-то онъ бормоталъ, все-то онъ тосковалъ:

— „Не баре, а... химики...“

И какъ бацнула тамъ, какъ тамъ грохнула корридорная дверь: не воры ли?.. Авгіева-купца обокрали, Агніева-купца обокрали.

Приходили рѣзать и молдованина Хаху.

Сбросивши съ себя одѣяло, выставилъ онъ испариной

Digitized by Microsoft ®

покрытую голову; нàскоро вставивъ ноги въ кальсоны, онъ съ суетливо обиженнымъ видомъ и съ жующею челюстью выпрыгнулъ изъ разогрѣтой постели и босыми ногами прошлепалъ въ полное тайны пространство: въ чернѣющій корридоръ.

И—что̀ же?

Щелкнула тамъ задвижка у... ватеръ-клозета: его высокопревосходительство, Аполлонъ Аполлоновичъ, баринъ, съ зажженною свѣчкою оттуда изволилъ прошествовать — въ спальню.

Синее ужъ сѣрѣло въ корридорѣ пространство, и свѣтились прочія комнаты; и йскрились хрустали: половина восьмого; песъ-бульдожка чесался и лапою цапалъ ошейникъ, и мордой оскаленной, тигровой, спину свою доставалъ.

— „Господи, Господи!“

— „Йвдіева-купца обокрали!.. Йгніева-купца обокрали!.. Хáху провизора рѣзали!..“

. . . . . .

Бѣшено просверкали лучи по хрустальному, звонкому, по голубому по небу.

Сбросивши съ себя брючки, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ мѣшковато запутался въ малиноватыхъ кистяхъ, облекаясь въ стеганый, полупротертый халатикъ мышинаго цвѣта, выставляя изъ ярко малиновыхъ отворотовъ непробритый свой подбородокъ (впрочемъ вчера еще гладкій), весь истыканный йглистой и густой совершенно бѣлой щетиной, будто за̀-ночь выпавшимъ инеемъ, оттѣняющимъ и темные глазные провалы, и провалы подъ скулами, которые—отъ себя мы замѣтимъ—сильно поувеличились за̀-ночь.

Онъ сидѣлъ, раскрывъ ротъ, съ распахнутой волосатою грудью у себя на постели, продолжительно втягивалъ и прерывисто выдыхалъ въ легкія не проникающій воздухъ; поминутно щупалъ свой пульсъ и глядѣлъ на часы.

Видно онъ мучился неразрѣшенной икотой.

И нисколько не думая о серіи тревожнѣйшихъ телеграммъ, мчащихся къ нему отовсюду, ни о томъ, что отвѣтственный

Digitized by Microsoft ®

постъ отъ него ускользаетъ навѣки, ни—даже!—объ Аннѣ Петровнѣ, — вѣроятно онъ думалъ о томъ, о чемъ думалось передъ раскрытой коробочкой черноватыхъ лепешекъ.

То-есть,—онъ думалъ, что икота, толчки, перебои и стѣснительное дыханіе (жажда пить воздухъ), вызывающіе, какъ всегда, колотье и легкое щекотанье ладоней, у него случаются не отъ сердца, а—отъ развитія газовъ.

О поднывающей лѣвой рукѣ и стрѣляющемъ лѣвомъ плечѣ все это время онъ старался не думать.

— „Знаете ли? Да это просто желудокъ!“

Такъ однажды старался ему объяснить камергеръ Сапожковъ, восьмидесятилѣтній старикъ, недавно скончавшійся отъ сердечной ангины.

— „Газы, знаете ли, распираютъ желудокъ: и грудобрюшная преграда сжимается... Оттого и толчки, и икота... Это все развитіе газовъ...“

Какъ-то разъ, недавно, въ Сенатѣ Аполлонъ Аполлоновичъ, разбирая докладъ, посинѣлъ, захрипѣлъ и былъ выведенъ; на настойчивое приставанье обратиться къ врачу онъ имъ всѣмъ объяснялъ:

— „Это, знаете, газы... Оттого и толчки“.

Абсорбируя газы, черная и сухая лепешка иногда помогала ему: не всегда, впрочемъ.

. . . . . .

— „Да, это—газы“—и тронулся къ... къ...: было—половина девятаго.

Этотъ звукъ и услышалъ Семенычъ.

Вскорѣ послѣ того—грохнула, бацнула корридорная дверь, и издали прогудѣла другая; снявъ съ озябшихъ колѣнъ полосатый свой пледъ, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ снова тронулся съ мѣста, подошелъ къ двери замкнутой спаленки, раскрылъ эту дверь и выставилъ покрытое пòтомъ лицо, чтобъ у самой двери наткнуться—на такое же точно покрытое пòтомъ лицо:

— „Это вы?“

Digitized by Microsoft ®

— „Я-съ...“
— „Что̀ вамъ?“
— „Тутъ-съ хожу...“
— „Аа: да, да... Почему же такъ рано...“
— „Приглядѣть всюду надобно...“
— „Что̀ такое, скажите?..“
— „?...“
— „Звукъ какой-то...“
— „А что-съ?“
— „Хлопнуло...“
— „А, это-то?“

Тутъ Семенычъ рукой ухватился за край широчайшей кальсонины, неодобрительно покачалъ головой:

— „Ничего-съ...“

. . . . . .

Дѣло въ томъ, что за десять минутъ передъ тѣмъ съ удивленіемъ Семенычъ примѣтилъ: изъ барчукской изъ двери бѣлобрысая просунулась голова: поглядѣла направо и поглядѣла налѣво, и—спряталась.

И потомъ—барчукъ проюркнулъ попрыгунчикомъ къ двери стараго барина.

Постоялъ, подышалъ, покачалъ головой, обернулся, не примѣтивъ Семеныча, прижатаго въ тѣневомъ углу корридора; постоялъ, еще подышалъ, да головой—къ свѣтъ пропускающей скважинѣ: да—какъ прилипнетъ, не отрываясь отъ двери! Не по барчукски барчукъ любопытствовалъ, не какимъ-нибудь былъ,—не таковскимъ...

Что такой за подглядыватель? Да и потомъ—непристойно какъ будто.

Хоть бы онъ тамъ присматривалъ не за какимъ за чужимъ, кто бы могъ утаиться—присматривалъ за своимъ, за единокровнымъ папашенькою; могъ бы, кажется, присматривать за здоровьемъ; ну, а все-таки: чуялось, что тутъ дѣло не въ сыновнихъ заботахъ, а такъ себѣ: праздности ради. А тогда выходило одно: шелапыга!

Не лакеемъ какимъ-нибудь былъ — генеральскимъ сын-

Digitized by Microsoft®

комъ, образованнымъ на французскій манеръ. Тутъ сталъ гымкать Семенычъ.

Барчукъ же,—какъ вздрогнетъ!

— „Сюртучокъ"—сказалъ онъ въ сердцахъ—„мнѣ скорѣй пообчистите..."

Да отъ папашиной двери—къ себѣ: просто какая-то шелапыга!

— „Слушаюсь"—неодобрительно прожевалъ губами Семенычъ, а самъ себѣ думалъ:

— „Мать пріѣхала, а онъ экую рань—„почистите сюртучекъ".

— „Нехорошо, неприлично!"

— „Просто хамлеты какіе-то... Ахъ ты Господи...: подсматривать въ щелку!"

. . . . . .

Все это закопошилося въ мозгахъ старика, когда онъ, ухватившись за края слѣзавшихъ штановъ, неодобрительно качалъ головой и двусмысленно бормоталъ себѣ подъ носъ:

— „А?.. Это-то?.. Хлопнуло: это точно..."

— „Что̀ хлопнуло?"

— „Ничего-съ: не изволите безпокоиться..."

— „?..."

— „Николай Аполлоновичъ..."

— „А?"

— „Уходя хлопнули дверью: себѣ ушли спозаранку..."

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ на Семеныча посмотрѣлъ, собирался что-то спросить, да себѣ промолчалъ, но... старчески пережевывалъ ртомъ; при воспоминаніи о незадолго протекшемъ здѣсь неудачнѣйшемъ объясненіи съ сыномъ (это было вѣдь утро послѣ вечера у Цукатовыхъ) подъ углами губы обиженно у него поотвисли мѣшочки изъ кожи. Непріятное впечатлѣніе это очевидно Аполлону Аполлоновичу претило достаточно: онъ гналъ его.

И, робѣя, просительно поглядѣлъ на Семеныча:

— „Анну Петровну-то старикъ все-таки видѣлъ... Съ ней—какъ-никакъ—разговаривалъ..."

Digitized by Microsoft®

Эта мысль промелькнула назойливо.

— „Вѣрно Анна Петровна-то измѣнилась... Похудѣла, сдалась; и, поди, посѣдѣла себѣ: стало больше морщинокъ... Поразспросить бы какъ-нибудь осторожно, обходомъ...“

— „И—нѣтъ, нѣтъ!..“

Вдругъ лицо шестидесятивосьмилѣтняго барина неестественно распалось въ морщинахъ, ротъ оскалился до ушей, а носъ ушелъ въ складки.

И сталъ шестидесятилѣтній—тысячелѣтнимъ какимъ-то; съ надсадою, переходящей въ крикливость, эта сѣдая развалина принялась насильственно изъ себя выжимать каламбурикъ:

— „А... ме-ме-ме... Семенычъ... Вы... ме-ме... босы?“

Тотъ обиженно вздрогнулъ.

— „Виноватъ-съ, ваше высокопр...“

— „Да я... ме-ме-ме... не о томъ“ — силился Аполлонъ Аполлоновичъ сложить каламбурикъ.

Но каламбурика онъ не сложилъ, и стоялъ, упираясь глазами въ пространство; вотъ чуть-чуть онъ присѣлъ, и вотъ выпалилъ онъ чудовищность:

— „Э... скажите...“

— „?“

— „У васъ—желтыя пятки?“

Семенычъ обидѣлся:

— „Желтыя, баринъ, пятки не у меня-съ: все у нихъ-съ, у длиннокосыхъ китайцевъ-съ...“

— „Хи-хи-хи... Такъ, можетъ быть, розовыя?“

— „Человѣческія-съ...“

— „Нѣтъ—желтыя, желтыя!“

И Аполлонъ Аполлоновичъ, тысячелѣтній, дрожащій, приземистый, туфлей топнулъ настойчиво.

— „Ну, а хотя бы и пятки-съ?.. Мозоли, ваше высокопревосходительство—онѣ все... Какъ надѣнешь башмакъ, и сверлитъ тебѣ, и горитъ...“

Самъ же онъ думалъ:

— „Э, какія тамъ пятки?.. И въ пяткахъ ли, стало быть, дѣло?.. Самъ-то вишь, старый грибъ, за-ночь глазъ не со-

Digitized by Microsoft®

мкнувши... И сама-то поблизости тутъ, въ ожидательномъ положеніи... И сынъ-то — хамлетистъ... А туды же—о пяткахъ!.. Вишь ты—желтыя... У самого пятки желтыя... Тоже—«особа»!.."

И еще пуще обидѣлся.

А Аполлонъ Аполлоновичъ, какъ и всегда, въ каламбурахъ, въ нелѣпицахъ, въ шуточкахъ (какъ, бывало, найдетъ на него) выказывалъ просто настырство какое-то: иногда, бодрясь, становился сенаторъ (какъ-никакъ—дѣйствительный тайный, профессоръ и носитель брилліантовыхъ знаковъ)—непосѣдою, вертуномъ, приставалой, дразнилой, походя въ тѣ минуты на мухъ, лѣзущихъ тебѣ въ глазъ, въ ноздри, въ ухо,—передъ грозой, въ душный день, когда сизая туча томительно вылѣзаетъ надъ липами; мухъ такихъ давятъ десятками—на рукахъ, на усахъ—передъ грозой, въ душный день.

— „А у барышни-то—хи-хи-хи... А у барышни..."

— „Что̀ у барышни?"

— „Есть..."

Экая непосѣда!

— „Что̀ есть-то?"

— „Розовая... пятка..."

— „Не знаю..."

— „А вы посмотрите..."

— „Чудакъ, право, баринъ..."

— „Это у нея отъ чулочекъ, когда ножка вспотѣетъ..."

И не окончивши фразы, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ,—дѣйствительный тайный совѣтникъ, профессоръ, глава Учрежденія,—туфлями протопоталъ къ себѣ въ спаленку; и—щолкъ: заперся.

Тамъ, за дверью,—осѣлъ, присмирѣлъ и размякъ.

И безпомощно сталъ озираться: э, да какъ же онъ помельчалъ! Э, да какъ же онъ засутулился? И—казался неравноплечимъ (будто одно плечо перебито). Къ колотившемуся, къ болѣвшему боку—то и дѣло жалась рука.

. . . . . .

Да-съ!..

Тревожныя донесенія изъ провинціи... И, знаете ли,—сынъ,

Digitized by Microsoft®

сынъ!.. Такъ себѣ — отца опозорилъ... Ужасное положеніе, знаете ли...

Эту старую дуру, Анну Петровну, обобрали: какой-то негодяй-скоморохъ, съ тараканьими усиками... Вотъ она и вернулась...

Ничего-съ!.. Какъ-нибудь!..

Возстаніе, гибель Россіи... И уже — собираются: покусились... Какой-нибудь абитуріэнтъ тамъ съ глазами и усиками врывается въ стародворянскій, уважаемый домъ...

И потомъ—газы, газы!..

Тутъ онъ принялъ лепешку...

. . . . . .

Перестаетъ быть упругой пружина, перегруженная гирями; для упругости есть предѣлъ; для человѣческой воли есть предѣлъ тоже; плавится и желѣзная воля; въ старости разжижается человѣческій мозгъ. Нынче грянетъ морозъ,—и снѣжная, крѣпкая куча прыскаетъ самосвѣтящейся искрой; и изъ морозныхъ снѣжинокъ сваяете человѣческій блистающій бюстъ.

Оттепель прошумитъ-пробурѣетъ, проточится куча: вся одрябнетъ, ослизнетъ; и—сядетъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ мерзъ еще въ дѣтствѣ: мерзъ и крѣпъ; подъ морозною, столичною ночью — круче, крѣпче, грознѣе казался блистающій бюстъ его,—самосвѣтящійся, искристый, восходящій надъ сѣверной ночью всего болѣе до того гниловатаго вѣтерка, отъ котораго палъ его другъ, и который въ теченіе послѣдняго времени запалилъ ураганомъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ восходилъ до урагана; и—п о с л ѣ...

Одиноко, долго и гордо стоялъ подъ палящимъ жерломъ урагана Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ — самосвѣтящійся, оледенѣлый и крѣпкій; но всему положенъ предѣлъ: и платина плавится.

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ въ одну ночь просутулился; въ одну ночь развалился онъ и повисъ большой головой; и его, упругаго, какъ пружина, свалило; а бывало? Недавно еще на безморщинистомъ профилѣ, вызывающе

Digitized by Microsoft ®

брошенномъ подъ небеса навстрѣчу напастямъ, трепыхалися красные свѣточи пламени, отъ котораго... могла... загорѣться... Россія!..

Но прошла всего ночь.

И на огненномъ фонѣ горящей Россійской Имперіи вмѣсто крѣпкаго золотомундирнаго мужа оказался—геморроидальный старикъ, стоящій съ распахнутой, прерывисто-дышащей волосатою грудью, — непробритый, нечесаный, потный,—въ халатѣ съ кистями,—онъ конечно не могъ править бѣгъ (по ухабамъ, колдобинамъ, рытвинамъ) нашего раскачавшагося государственнаго колеса!...

Фортуна ему измѣнила.

Конечно же,—не событія личной жизни, не отъявленный негодяй, его сынъ, и не страхъ пасть подъ бомбою, какъ падаетъ простой воинъ на полѣ, не пріѣздъ тамъ какой-нибудь Анны Петровны, малоизвѣстной особы, не успѣвающей ни на какомъ ровно поприщѣ—не пріѣздъ тамъ Анны Петровны (въ черномъ, штопаномъ платьѣ и съ ридикюльчикомъ), и вовсе не красная тряпка превратили носителя сверкающихъ брилліантовыхъ знаковъ просто въ талую кучу.

Нѣтъ—время...

. . . . . .

Видывали ли вы уже впадающихъ въ дѣтство, но все еще знаменитыхъ мужей—стариковъ, которые полстолѣтія отражали стойко удары — бѣлокудрыхъ (чаще же лысыхъ) и въ желѣзо борьбы закованныхъ предводителей?

Я видѣлъ ихъ.

Въ собраніяхъ, въ засѣданіяхъ, на конгрессахъ они взлѣзали на каѳедру въ бѣлоснѣжныхъ крахмалахъ и лоснящихся своихъ фракахъ съ надставными плечами; сутуловатые старики съ отвисающими челюстями, со вставными зубами, беззубые—

— видѣлъ я —

— продолжали еще по привычкѣ ударять по сердцамъ, на каѳедрѣ овладѣвая собою.

Digitized by Microsoft ®

И я видѣлъ ихъ на дому.

Со слабоумною суетою шепоточкомъ мнѣ въ ухо кидая больныя, тупыя остроты, въ сопровожденьи нахлѣбниковъ, они влачилися въ кабинетъ и слюняво тамъ хвастались полочкой собранія сочиненій, переплетенныхъ въ сафьянъ, которую и я когда-то почитывалъ, которою угощали они и меня, и себя.

Мнѣ грустно!

. . . . . .

Ровно въ десять часовъ раздавался звонокъ: отпиралъ не Семенычъ; кто-то тамъ проходилъ — въ комнату Николая Аполлоновича; тамъ сидѣлъ, тамъ оставилъ записку.

Я знаю, что дѣлаю.

Ровно въ десять часовъ Аполлонъ Аполлоновичъ откушивалъ кофей въ столовой.

Въ столовую онъ, какъ мы знаемъ, вбѣгалъ — ледяной, строгій, выбритый, распространяя запахъ одеколона и соразмѣряя кофе съ хронометромъ; и царапая туфлями полъ, къ кофею онъ приволокся въ халатѣ сегодня: ненадушенный, невыбритый.

Отъ половины девятаго до десяти часовъ пополуночи онъ просидѣлъ, запершись.

На корреспонденцію не взглянулъ, на привѣтствія слугъ, вопреки обычаю, не отвѣтилъ; а когда слюнявая морда бульдога ему легла на колѣни, то ритмически шамкавшій ротъ—

Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,—
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой—

— то ритмически шамкавшій ротъ поперхнулся лишь кофеемъ:

— „Э... послушайте: уберите-ка пса...“

Пощипывая и кроша французскую булочку, окаменѣвающими глазами уставлялся въ черную, кофейную гущу.

Въ половинѣ двѣнадцатаго Аполлонъ Аполлоновичъ, будто

Digitized by Microsoft®

вспомнивши что-то, засуетился, заёрзалъ; безпокойно глазами забѣгалъ онъ, напоминая сѣрую мышь; вскочилъ,—и бисерными шажками, дрожа, припустился въ кабинетную комнату, обнаруживши подъ распахнутой полой халата полузастегнутые кальсоны.

Въ кабинетную комнату вскорѣ заглянулъ и лакей, чтобъ напомнить, что поданы лошади; заглянулъ—и какъ вкопанный остановился онъ на порогѣ.

Съ изумленіемъ разсматривалъ онъ, какъ отъ полочки къ полочкѣ по бархатистымъ, всюду тутъ разостланнымъ коврикамъ Аполлонъ Аполлоновичъ перекатывалъ тяжелую кабинетную лѣсенку, — охая, кряхтя, спотыкаясь, потѣя,—и какъ онъ взбирался по лѣсенкѣ, какъ съ опасностью для собственной жизни онъ, вскарабкавшись, на томахъ пальцемъ пробовалъ пыль; увидавши лакея, Аполлонъ Аполлоновичъ пожевалъ брезгливо губами, ничего не отвѣтилъ на упоминанье о выѣздѣ.

Хлопая переплетомъ по полкѣ, онъ потребовалъ тряпокъ.

Два лакея принесли ему тряпокъ; тряпки эти пришлось ему передать на полотерной вверхъ приподнятой щеткѣ (онъ наверхъ къ себѣ не пустилъ никого, да и самъ не спустился); два лакея взяли по стеариновой свѣчкѣ; два лакея стали по обѣ стороны лѣсенки съ вверхъ протянутой окаменѣвшей рукою.

— „Поднимите-ка свѣтъ... Да не такъ... И не эдакъ... Э, да—выше же: еще повыше...“

Къ этому времени изъ-за заневскихъ строеній повыклубились клочкастыя облака, понавалились хмурые войлоковидные клубы ихъ; билъ въ стекла вѣтеръ; въ зеленоватой, нахмуренной комнатѣ господствовалъ полусумракъ; вылъ вѣтеръ; и повыше, повыше тянулися двѣ стеариновыхъ свѣчки по обѣ стороны лѣсенки, убѣгающей къ потолку; тамъ изъ пыльнаго облака, изъ-подъ самаго потолка копошилися полы мышинаго цвѣта и болтались малиноватыя кисти.

— „Ваше всоковство!“

— „Ваше ли дѣло?..“

Digitized by Microsoft®

— „Изволите себя утруждать...“

— „Помилуйте... Гдѣ это видано...“

Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, тамъ изъ облака пыли и вовсе не могъ ихъ разслышать: какое тамъ! Позабывъ все на свѣтѣ, тряпкою обтиралъ корешки, ожесточенно похлопывалъ онъ томами по перекладинамъ лѣсенки; и—подъ конецъ расчихался:

— „Пыль, пыль, пыль...“

— „Ишь-ты... Ишь-ты!..“

— „А ну-ка я... тряпкою: такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ...“

— „Очень хорошо-съ!..“

И кидался на пыль съ грязной тряпкой въ рукѣ.

Былъ тревожный трескъ телефона: трезвонило Учрежденіе; но изъ желтаго дома отвѣтили на тревожный трескъ телефона:

— „Его высокопревосходительство?... Да... Изволятъ откушивать кофе... Доложимъ... Да... Лошади поданы...“

И вторично трещалъ телефонъ; на вторичный трескъ телефона вторично отвѣтили:

— „Да... да... Все еще сидятъ за столомъ... Да ужъ мы доложили... Доложимъ... Лошади поданы...“

Отвѣтили и на третій, уже негодующій трескъ:

— „Никакъ нѣтъ-съ!“

— „У себя въ кабинетѣ...“

— „Занимаются разборкою книгъ...“

— „Лошади?“

— „Поданы...“

Лошади, постоявъ, отправились на конюшню; кучеръ сплюнулъ: выругаться онъ не посмѣлъ...

. . . . . .

— „Протру-ка я!“

— „Ай, ай, ай!.. Не угодно ли видѣть?“

— „Апчхи...“

И дрожащія желтыя руки, вооруженныя тѣмами, колотились по полкѣ.

. . . . . .

Digitized by Microsoft ®

Въ передней продребезжали звонки: продребезжали прерывисто; проговорило молчаніе между двумя толчками звонковъ; напоминаніемъ молчаніе это—напоминаніемъ о чемъ-то забытомъ, родномъ—пролетѣло пространство лакированныхъ комнатъ; и—непрошенно вошло въ кабинетъ; старое, старое—тутъ стояло; и—подымалось по лѣсенкѣ.

Ухо выставилось изъ пыли, голова повернулась:

— „Слышите?.. Слушайте...“

Мало ли кто могъ быть?

Оказаться могъ: тотъ—Николай Аполлоновичъ, ужаснѣйшій негодяй, безпутникъ, лгунишка; оказаться могъ: этотъ—Германъ Германовичъ, съ бумагами; или тамъ — Котоши-Котошинскій; или, пожалуй, графъ Нольденъ: оказаться, впрочемъ, могла—ме-ме-ме—и Анна Петровна...

Дзанкнуло.

— „Неужели не слышите?“

— „Ваше высокопревосходительство, какъ не слышать: тамъ отворятъ, небось...“

На дребезжаніе лишь теперь отозвались лакеи; каменѣя, они еще продолжали свѣтить.

Только бродившій по корридору Семенычъ (все-то онъ бормоталъ, все-то онъ тосковалъ), перечисляющій скуки ради направленія въ шифоньерѣ принадлежностей барскаго туалета:

— „Сѣверовостокъ: черные галстухи и бѣлые галстухи... Воротнички, манжеты — востокъ... Часы — сѣверъ“ — только бродившій по корридору Семенычъ (все-то онъ бормоталъ, все-то онъ тосковалъ), только онъ — насторожился, встревожился, протянулъ свое ухо по направленію къ дребезжавшему звуку; затопоталъ въ кабинетъ.

Боевой, вѣрный конь отзывается такъ на звукъ рога:

— „Я осмѣлюсь замѣтить: звонятъ...“

Не отзывались лакеи.

Каждый вытянулъ свою свѣчку—подъ потолокъ; изъ-подъ самаго потолка, съ верхушечки лѣстницы, голая голова просунулась въ пыльныхъ клубахъ; отозвался надтреснутый, разволнованный голосъ:

Digitized by Microsoft ®

— „Да! И я то же слышалъ“.

Аполлонъ Аполлоновичъ, оторвавшійся отъ толстаго, переплетеннаго тома,—онъ одинъ отозвался:

— „Да, да, да...“

— „Знаете ли...“

— „Звонятъ... звонки...“

Невыразимое тутъ, но обоимъ что-то понятное, знать они учуяли оба, потому что вздрогнули—оба: торопитесь—бѣгите—спѣшите!..“

— „Это барыня...“

— „Это—Анна Петровна!“

Торопитесь, бѣгите, спѣшите: дребезжало опять!

Тутъ лакеи поставили свѣчки и протопали въ темнѣющій корридоръ (первый протопалъ Семенычъ). Изъ-подъ самаго потолка въ зеленоватомъ освѣщеніи петербургскаго утра Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ—сѣрая мышиная куча—безпокойно заерзалъ глазами; задыхаясь, кое-какъ сталъ сползать, покряхтывая, привалившися къ перекладинамъ лѣстницы волосатою грудью, плечомъ и щетинистымъ подбородкомъ; сползъ, — да какъ пустится мелкою дробью по направленію къ лѣстницѣ съ грязною подтиральной тряпкой въ рукѣ да съ распахнутой полой халата, протянувшейся въ воздухѣ фантастическимъ косякомъ. Вотъ споткнулся, вотъ сталъ, задышалъ и пальцемъ нащупывалъ пульсъ.

. . . . . .

А по лѣстницѣ подымался уже господинъ съ пушистыми бакенбардами, въ наглухо застегнутомъ вицъ-мундирѣ съ обтянутой таліей, въ ослѣпительно бѣлыхъ манжетахъ, съ аннинскою звѣздой на груди, почтительно предводимый Семенычемъ; на подносикѣ чуть дрожащемъ въ рукахъ старика лежала глянцевитая визитная карточка съ дворянской короной.

Аполлонъ Аполлоновичъ съ запахнутой полой халата, суетливо выглядывалъ изъ-за статуи Ніобеи на сановитаго, пушистаго старика.

Право же походилъ онъ на мышь.

Digitized by Microsoft ®

Будешь ты, какъ безумный.

Петербургъ—это сонъ.

Коли ты во снѣ бывалъ въ Петербургѣ, ты безъ сомнѣнія знаешь тяжеловѣсный подъѣздъ: тамъ дубовыя двери съ зеркальными стеклами; стекла эти прохожіе видятъ; но за стеклами этими никогда не бываютъ они.

Тяжкоглавая мѣдная булава разблисталась беззвучно изъ-за зеркала стеколъ тѣхъ.

Тамъ—покатое, восьмидесятилѣтнее плечо: оно снится годами тѣмъ случайнымъ прохожимъ, для которыхъ все—сонъ и которые—сонъ; на покатое это плечо восьмидесятилѣтняго старика падаетъ и темная треуголка; восьмидесятилѣтній швейцаръ такъ же ярко блистаетъ оттуда и серебрянымъ галуномъ, напоминая служителя изъ бюро похоронныхъ процессій при отправленіи службы.

Такъ бываетъ всегда.

Тяжелая мѣдноглавая булава мирно покоится на восьмидесятилѣтнемъ плечѣ швейцара; и увѣнчанный треуголкой швейцаръ засыпаетъ года надъ „Биржевкою“. Потомъ встанетъ швейцаръ и распахнетъ дверь. Днемъ ли, утромъ ли, подъ вечеръ ли ты пройдешься мимо дубовой той двери — днемъ, утромъ, подъ вечеръ ты увидишь и мѣдную булаву; ты увидишь галунъ; ты увидишь—темную треуголку.

Съ изумленіемъ остановишься ты предъ все тѣмъ же видѣніемъ. То же видѣлъ ты и въ свой прошлый пріѣздъ. Пять лѣтъ уже протекло: проволновались глухо событія; ужъ проснулся Китай; и палъ Портъ-Артуръ; желтолицыми наводняется пріамурскій нашъ край; пробудились сказанія о желѣзныхъ всадникахъ Чингизъ-Хана.

Но видѣніе старыхъ годинъ неизмѣнно, безсмѣнно: восьмидесятилѣтнее плечо, треуголка, галунъ, борода.

Мигъ, — коль тронется бѣлая за стекломъ борода, коль огромная прокачается булава, коль сверкнутъ ослѣпительно серебристые галуны, какъ бѣгущія съ желобовъ ядовитыя

Digitized by Microsoft®

струйки, угрожающія холерой и тифомъ жителю подвальнаго этажа,—коли будетъ все то, и измѣнятся старые годы, будешь ты, какъ безумный, кружиться по петербургскимъ проспектамъ.

Ядовитая струйка изъ желоба обольетъ мозглымъ холодомъ октября.

Если-бъ тамъ, за зеркальнымъ подъѣздомъ, стремительно просверкала бы тяжкоглавая булава, вѣрно-бъ, вѣрно бы здѣсь не летали-бъ холеры и тифы; не волновался-бъ Китай; и не палъ Портъ-Артуръ; пріамурскій нашъ край не наводнялся бы косами; всадники Чингизъ-Хана не возстали бы изъ своихъ многосотлѣтнихъ гробовъ.

Но послушай, прислушайся: топоты... Топоты изъ зауральскихъ степей. Приближаются топоты.

Это—желѣзные всадники.

Застывая года надъ подъѣздомъ черно-сѣраго, многоколоннаго дома та же все повисаетъ каріатида подъѣзда: густобородый, каменный колоссъ.

Съ грустною тысячелѣтней усмѣшкою, съ темною пустотою день проницающихъ глазъ повисаетъ года онъ: повисаетъ томительно; упадаетъ сто лѣтъ карнизъ балконнаго выступа на затылокъ бородача и на локти каменныхъ рукъ. Изсѣченнымъ изъ камня виноградным листомъ и кистями каменныхъ виноградинъ проросли его чресла. Крѣпко въ стѣну вдавились чернокопытныя, козлоподобныя ноги.

Старый, каменный бородачъ!

Улыбался онъ многіе годы надъ уличнымъ шумомъ, приподымался онъ многіе годы надъ лѣтами, зимами, вёснами—круглыми завитушками орнаментной лѣпки. Лѣто, осень, зима: снова—лѣто и осень; тотъ же онъ; и лѣтомъ онъ—пористый; обледенѣлый, зимой истекалъ онъ льдыжками; веснами отъ ледыжекъ тѣхъ и сосулекъ протекала капель. Но онъ—тотъ же: его минуютъ года.

Самое время по поясъ каріатидѣ.

Изъ безвременья, какъ надъ линіей времени, изогнулся онъ надъ прямою стрѣлою проспекта. На его бородѣ усѣ-

Digitized by Microsoft ®

лась ворона: однозвучно каркаетъ на проспектъ; этотъ скользкій, мокрый проспектъ отливаетъ металлическимъ блескомъ; въ эти мокрыя плиты, такъ невесело озаренныя октябрёвскимъ денькомъ, отражаются: зеленоватый облачный рой, зеленоватыя лица прохожихъ, серебристыя струйки, вытекающія изъ рокочущихъ желобовъ.

Каменный бородачъ, поднятый надъ вихремъ событій дни, недѣли, года подпираетъ подъѣздъ Учрежденія.

. . . . . .

Что за день!

Съ утра еще стали бить, стрекотать, пришепётывать капельки; отъ взморья перъ сѣрый туманистый войлокъ; парами проходили писцы; отворялъ имъ швейцаръ въ треуголкѣ; они вѣшали свои шляпы и сырыя одежды на вѣшалкахъ, пробѣгали по краснаго сукна ступенямъ, пробѣгали они бѣломраморнымъ вестибюлемъ, поднимали глаза на министерскій портретъ; и шли по нетопленнымъ заламъ—къ своимъ холоднымъ столамъ. Но писцы не писали: писать было нечего; изъ директорскаго кабинета не приносилась бумага; въ кабинетѣ не было никого; въ каминѣ растрещались полѣнья.

Надъ суровымъ, дубовымъ столомъ лысая голова не напружилась височными жилами; не глядѣла она исподлобья туда, гдѣ въ каминѣ текли рѣзвой стаей васильки угарнаго газа: въ одинокой той комнатѣ все же праздно въ каминѣ текли огоньки угарнаго газа надъ каленою грудою растрещавшихся огоньковъ; разрывались тамъ, отрывались и рвались — красные пѣтушиные гребни, пролетая стремительно въ дымовую трубу, чтобъ сливаться надъ крышами съ гарью, съ отравленной копотью и безсмѣнно надъ крышами повисать удушающей, разъѣдающей мглой. Въ кабинетѣ не было никого.

Аполлонъ Аполлоновичъ въ этотъ день не прошествовалъ въ директорскій кабинетъ.

Уже надоѣло и ждать; отъ стола къ столу перепархивалъ недоумѣвающій шопотъ; слухи рѣяли; и—мерещились мороки; въ вице-директорскомъ кабинетѣ трещала труба телефона:

Digitized by Microsoft ®

— „Выѣхалъ ли?.. Быть не можетъ?.. Доложите, что необходимо присутствіе... быть не можетъ...“

И вторично трещалъ телефонъ:

— „Докладывали?.. Все еще сидитъ за столомъ?.. Доложите, что время не терпитъ...“

Вице-директоръ стоялъ съ дрожащею челюстью; недоумѣвающе разводилъ онъ руками; черезъ часъ — полтора онъ спустился по бархатнымъ ступенямъ въ высочайшемъ цилиндрѣ. Распахнулись двери подъѣзда... Онъ прыгнулъ въ карету.

Черезъ двадцать минутъ, поднимаяся по ступенькамъ желтаго дома, онъ съ изумленіемъ видѣлъ, какъ Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, его ближайшій начальникъ, съ запахнутой полой гадкаго, мышинаго цвѣта халата суетливо выглядывалъ на него изъ-за статуи Ніобеи.

— „Аполлонъ Аполлоновичъ“—выкрикнулъ сѣдовласый, аннинскій кавалеръ, изъ-за статуи увидавши щетинистый подбородокъ сенатора, и поспѣшно сталъ оправлять большой шейный орденъ подъ галстухомъ.

— „Аполлонъ Аполлоновичъ, да вотъ вы какъ, вотъ вы гдѣ? А я-то васъ, мы-то васъ, мы-то къ вамъ — трезвонили, телефонили. Ждали—васъ...“

— „Я... ме-ме-ме“—зажевалъ сутулый старикъ—„разбираю свою библіотеку... Извините ужъ, батюшка“,—прибавилъ ворчливо онъ,—„что я такъ, по домашнему“.

И руками онъ показалъ на свой драный халатъ.

— „Что это, вы больны? Э, э, э — да вы будто опухли... Э, да это отеки?“—почтительно прикоснулся гость къ пылью покрытому пальцу.

Свою грязную подтиральную тряпку Аполлонъ Аполлоновичъ уронилъ на паркетъ.

— „Вотъ не во-время-то изволили расхвораться... А я къ вамъ съ извѣстіемъ... Поздравляю васъ: всеобщая забастовка—въ Моровѣтрйнскѣ...“

— „Съ чего это вы?.. Я... ме-ме-ме... Я здоровъ“,—тутъ лицо старика недовольно распалось въ морщины (извѣстіе о заба-

Digitized by Microsoft ®

стовкѣ принялъ онъ равнодушно: видимо онъ болѣе ничему удивиться не могъ)—„и пожалуйте: завелась, знаете, пыль“...

— „Пыль?“

— „Такъ я ее—тряпкой“.

Вице-директоръ съ пушистыми баками почтительно теперь наклонился передъ этою сутуловатой развалиной и пытался все приступить къ изложенію чрезвычайно важной бумаги, которую онъ въ гостиной передъ собой разложилъ на перламутровомъ столикѣ.

Но Аполлонъ Аполлоновичъ снова его перебилъ:

— „Пыль, знаете, содержитъ микроорганизмы болѣзней... Такъ я ее—тряпкой...“

Вдругъ эта сѣдая развалина, только-что сѣвшая въ креслѣ ампиръ, стремительно привскочила, рукой опираясь о ручку; пальцемъ уткнулась въ бумагу стремительно другая рука.

— „Что это?“

— „Какъ я вамъ докладывалъ только-что...“

— „Нѣтъ-съ, позвольте-съ...“—Къ бумагѣ Аполлонъ Аполлоновичъ ожесточенно припалъ: помолодѣлъ, побѣлѣлъ, сталъ—блѣднорозовымъ (краснымъ быть онъ не могъ уже).

— „Постойте!.. Да они посходили съ ума?.. Нужна моя подпись? Подъ эдакой подписью?!.“

— „Аполлонъ Аполлоновичъ...“

— „Подписи я не дамъ“.

— „Да вѣдь—бунтъ!“

— „Смѣнить Иванчевскаго...“

— „Иванчевскій смѣненъ: вы—забыли?“

— „Подписи я не дамъ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ съ помолодѣвшимъ лицомъ, съ неприлично распахнутой полой халата шлепалъ взадъ и впередъ по гостиной, спрятавъ за спину руки, опустивъ низко лысину: подойдя вплотную къ изумленному гостю, онъ забрызгалъ слюной:

— „Какъ могли они думать? Одно дѣло—твердая, административная власть, а другое дѣло... — нарушеніе прямыхъ, законныхъ порядковъ“.

Digitized by Microsoft®

— „Аполлонъ Аполлоновичъ“, — урезонивалъ аннинскій кавалеръ,—„вы человѣкъ твердый, вы—русскій... Мы надѣялись... Нѣтъ, вы конечно подпишетесь...“

Но Аполлонъ Аполлоновичъ завертѣлъ подвернувшійся карандашъ между двумя костяшками пальцевъ; остановился, зорко какъ-то взглянулъ на бумагу: переломался, треснувши, карандашъ; взволнованно онъ теперь перевязывалъ кисти халата съ гнѣвно дрожащею челюстью.

— Я, батюшка, человѣкъ школы Плеве... Я знаю, что дѣлаю... Яйца куръ не учатъ...“

— „Ме-емме... Я не дамъ своей подписи“.

Молчаніе.

— „Ме-емме... Ме-емме...“

И надулъ пузыремъ свои щеки...

Господинъ съ пушистыми бакенбардами недоумѣвающе спускался по лѣстницѣ; для него было ясно: карьера сенатора Аблеухова, созидаемая годами, разсыпалася прахомъ. По отъѣздѣ вице-директора Учрежденія Аполлонъ Аполлоновичъ продолжалъ расхаживать въ сильномъ гнѣвѣ среди креселъ ампиръ. Скоро онъ удалился; скоро вновь появился: онъ подъ мышкою тащилъ тяжеловѣсную папку бумагъ на перламутровый столикъ, припадая папкою и плечомъ къ все еще болѣвшему боку; положивши передъ собой эту папку бумагъ, Аполлонъ Аполлоновичъ позвонился и приказалъ немедленно передъ собою развести огонекъ.

Изъ-за нотабэнъ, вопросительныхъ знаковъ, параграфовъ, черточекъ, изъ-за уже послѣдней работы на каминный огонь поднималась мертвая голова; губы сами себѣ бормотали:

— „Ничего-съ... Такъ себѣ...“

Закипѣла, и отъ себя отдѣляя кипящіе трески и блески, расфыркалась жаромъ дохнувшая груда—малиновая, золотая; угольями поразсыпались полѣнья.

Лысая голова поднялась на каминъ съ сардоническимъ, съ усмѣхнувшимся ртомъ и съ прищуренными глазами, воображая, какъ теперь летитъ отъ нея черезъ слякоть взбѣшенный, окончательный карьеристъ, предложившій ему,

Digitized by Microsoft ®

Аблеухову, просто подлую сдѣлку съ ничѣмъ не запятнанной совѣстью.

— „Я, мои судари, человѣкъ школы Плеве... И я знаю, что́ дѣлаю... Такъ-то-съ, судари...“

Остроотточенный карандашикъ — вотъ онъ прыгаетъ въ пальцахъ; остро-отточенный карандашикъ стаями вопросительныхъ знаковъ упалъ на бумагу; это, вѣдь, послѣднее его дѣло; черезъ часъ будетъ дѣло это окончено; черезъ часъ въ Учрежденіе затрещитъ—въ телефонъ: съ уму непостижнымъ извѣстіемъ.

. . . . . .

Подлетѣла карета къ каріатидѣ подъѣзда, а каріатида—не двинулась: бородачъ — старый, каменный, подпирающій подъѣздъ Учрежденія.

Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ освободилъ его изъ лѣсовъ. Тысяча восемьсотъ двадцать пятый годъ бушевалъ декабрьскими днями; отбушевали они; пробушевали январскіе дни такъ недавно: это былъ—девятьсотъ пятый годъ.

Каменный бородачъ!

Все бывало подъ нимъ и все подъ нимъ быть перестало. То, что́ онъ видѣлъ, не разскажетъ онъ никому.

Помнитъ и то, какъ осаживалъ кучеръ свою кровную пару, какъ клубился дымъ отъ тяжелыхъ конскихъ задовъ; генералъ въ треуголкѣ, въ крылатой бобромъ обшитой шинели граціозно выпрыгивалъ изъ кареты и при крикахъ „ура“ пробѣгалъ въ открытую дверь.

Послѣ же, при крикахъ „ура“ генералъ попиралъ полъ балконнаго выступа бѣлолосинной ногою. Имя то утаитъ бородачъ, подпирающій карнизъ балконнаго выступа; каменный бородачъ и доселѣ знаетъ то имя.

Но о немъ не разскажетъ онъ.

Никому, никогда не разскажетъ онъ о слезахъ сегодняшней проститутки, пріютившейся ночью подъ нимъ на ступеняхъ подъѣзда.

Не разскажетъ онъ никому о недавнихъ наѣздахъ министра: былъ тотъ въ цилиндрѣ; и была у него въ глазахъ—зелено-

Digitized by Microsoft®

ватая глубина; посѣдѣвшій министръ, выходя изъ легенькихъ санокъ, гладилъ холеный усъ сѣрой шведской перчаткой.

Онъ потомъ стремительно пробѣгалъ въ открытую дверь, чтобъ задумываться у оконъ.

Блѣдное, блѣдное лицевое пятно, прижатое къ стекламъ, выдавалось—оттуда вонъ; не угадалъ бы случайный прохожій, глядя на это пятно, въ томъ прижатомъ пятнѣ—не угадалъ бы случайный прохожій въ томъ прижатомъ пятнѣ повелительнаго лица, управляющаго отсюда россійскими судьбами.

Бородачъ его знаетъ; и—помнитъ; но разсказать—не разскажетъ—никому, никогда!..

Пора, мой другъ, пора; покоя сердце проситъ...
Бѣгутъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить; а тамъ—глядь: и умремъ.

Такъ говаривалъ своему одинокому другу посѣдѣвшій, одинокій министръ, теперь почивающій.

И нѣтъ, и Русь покинулъ онъ,
Взнесенну имъ...

И—миръ его праху...

Но швейцаръ съ булавой, засыпающій надъ „Биржевкою“, измученное лицо знавалъ хорошо: Вячеслава Константиновича, слава Богу, въ Учрежденіи еще помнятъ, а блаженной памяти Императора Николая Павловича въ Учрежденіи ужъ не помнятъ: помнятъ бѣлыя залы, колонны, перила.

Помнитъ каменный бородачъ.

Изъ безвременья, какъ надъ линіей времени, изогнулся онъ надъ прямою-ль стрѣлою проспекта, иль надъ горькой, соленой, чужой—человѣческою слезой?

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля...
Давно желанная мечтается мнѣ доля:
Давно, усталый рабъ замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

. . . . . .

Digitized by Microsoft ®

Приподымается лысая голова,—мефистофельскій, блеклый ротъ старчески улыбается вспышкамъ; вспышками пробагровѣетъ лицо; глаза—опламененные все же; и все же—каменные глаза: синіе,—и въ зеленыхъ провалахъ! Холодные, удивленные взоры; и—пустые, пустые. Мороками поразожглись времена, солнца, свѣты. Вся жизнь — только морокъ. Такъ стоитъ ли? Нѣтъ, не стоитъ:

— „Я, судари мои, школы Плеве... Я, судари мои... Я — ме-ме-ме...

Падаетъ лысая голова.

. . . . . .

Въ Учрежденіи отъ стола къ столу перепархивалъ шопотъ; вдругъ дверь отворилась; пробѣжалъ къ телефону чиновникъ съ совершенно бѣлымъ лицомъ:

— „Аполлонъ Аполлоновичъ... выходитъ въ отставку...“

Всѣ вскочили; расплакался столоначальникъ Легонинъ; и возникло все это: идіотскій гулъ голосовъ, ногъ неровные топоты, изъ вице-директорской комнаты вразумительный голосъ; и—трескъ телефона (въ Департаментъ девятый); вице-директоръ стоялъ съ дрожащею челюстью; въ рукѣ его коекакъ плясала телефонная трубка: Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, собственно, уже не былъ главой Учрежденія.

Черезъ четверть часа, въ на́-глухо застегнутомъ вицъ-мундирѣ съ обтянутой таліей сѣдовласый вице-директоръ съ аннинской звѣздой на груди уже отдавалъ приказанія; черезъ двадцать минутъ свѣжевыбритый и волненіемъ молодѣющій ликъ проносилъ онъ по заламъ.

Такъ совершилось событіе неописуемой важности.

Гадина.

Закипѣвшія воды канала бросились къ тому мѣсту, гдѣ съ оголтѣлыхъ пространствъ Марсова Поля вѣтеръ ухалъ въ суками стонавшую чащу: что за страшное мѣсто!

Страшное мѣсто увѣнчивалъ великолѣпный дворецъ; вверхъ протянутой башнею напоминалъ онъ причудливый

Digitized by Microsoft ®

замокъ: розовокрасный, тяжелокаменный; вѣнценосецъ проживалъ въ стѣнахъ тѣхъ; не теперь это было; вѣнценосца того уже нѣтъ.

Во царствіи Твоемъ помяни его душу, о, Господи!

Розовокрасный дворецъ выступалъ своимъ вверхъ протянутымъ верхомъ изъ гудящей гущи узловатыхъ, совершенно безлистныхъ суковъ; суки протянулись тамъ къ небу глухими порывами и, качаясь, ловили бѣгущіе хлопья тумановъ; каркая, вверхъ стрѣльнула ворона; взлетѣла, прокачалась надъ хлопьями, и обратно низринулась.

Пролетка пересѣкала то мѣсто.

Полетѣли на встрѣчу два красненькихъ, маленькихъ домика, образовавшихъ подобіе выѣздной арки на площади передъ дворцомъ; слѣва площади древесная куча угрожала гудѣніемъ; и будто наваливалось кренящимися верхами стволовъ; шпицъ высокій вытарчивалъ изъ-за туманистыхъ хлопьевъ.

Конная статуя вычернялась неясно съ отуманенной площади; проѣзжіе посѣтители Петербурга этой статуѣ не удѣляютъ вниманія; я всегда подолгу простаиваю предъ ней: великолѣпная статуя! Жалко только, что какой-то убогій насмѣшникъ при послѣднемъ проѣздѣ моемъ золотилъ ея цоколь.

Своему великому прадѣду соорудилъ эту статую самодержецъ и правнукъ; самодержецъ проживалъ въ этомъ замкѣ; здѣсь же кончились его несчастливые дни—въ розовокаменномъ замкѣ; онъ не долго томился здѣсь; онъ не могъ здѣсь томиться; межъ самодурною суетой и порывами благородства разрывалась душа его; изъ разорванной этой души отлетѣлъ младенческій духъ.

Вѣроятно не разъ появлялась курносая въ бѣлыхъ локонахъ голова въ амбразурѣ окна; вонъ окошко — не изъ этого-ль? И курносая въ локонахъ голова томительно дозирала пространства за оконными стеклами; и утопали глаза въ розовыхъ угасаніяхъ неба; или же: упирались глаза въ серебряную игру и въ кипѣнія мѣсячныхъ отблесковъ въ гу-

Digitized by Microsoft ®

столиственной кущѣ; у подъѣзда стоялъ павловецъ-часовой въ треугольной шапкѣ съ полями и бралъ ружьемъ на-краулъ при выходѣ золотогрудаго генерала въ андреевской лентѣ, направлявшагося къ золотой, росписанной акварелью каретѣ, краснопламенный высился кучеръ съ приподнятыхъ козелъ; на запяткахъ кареты стояли губастые негры.

Императоръ Павелъ Петровичъ, окинувши взглядомъ все это, возвращался къ сантиментальному разговору съ кисейно-газовой фрейлиной, и фрейлина улыбалась; на ланитахъ ея обозначались двѣ лукавыя ямочки, и—черная мушка.

Въ роковую ту ночь въ тѣ же стекла втекало лунное серебро, падая на тяжелую мебель императорской опочивальни; падало оно на постель, озолощая лукаваго, мечущаго искры амурчика; и на блѣдной подушкѣ вырисовывался будто тушью набросанный профиль; гдѣ-то били куранты; откуда-то намѣчались шаги... Не прошло трехъ мгновеній—и постель была смята: въ мѣстѣ блѣднаго профиля отѣнялась вдавлина головы; простыни были теплы; опочившаго—не было; кучечка бѣлокудерныхъ офицеровъ съ обнаженными шашками наклонили головы къ опустѣвшему ложу; въ запертую дверь сбоку ломились; плакался женскій голосъ; вдругъ рука розовогубаго офицера приподняла тяжелую оконную штору; изъ-подъ спущенной кисеи, на окнѣ, въ сквозномъ серебрѣ—тамъ дрожала черная, тощая тѣнь.

А луна продолжала струить свое легкое серебро, падая на тяжелую мебель императорской спальни; падало оно на постель, озолощая блеснувшаго съ изголовья амурчика; падало оно и на профиль, смертельно бѣлый, будто прочерченный тушью... Гдѣ-то били куранты; въ отдаленіи отовсюду топотали шаги.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ безсмысленно озиралъ это мрачное мѣсто, не замѣчая и вовсе, что бритая физіономія его везущаго подпоручика отъ времени и до времени поворачивалась на своего съ позволенія замѣтить сосѣда; взглядъ, которымъ окидывалъ подпоручикъ Лихутинъ свою везомую

Digitized by Microsoft®

жертву, казался исполненнымъ любопытства; непокойно вертѣлся онъ всю дорогу; всю дорогу толкался онъ бокомъ. Николай Аполлоновичъ понемногу догадывался, что Сергѣю Сергѣевичу его касаться невмоготу,... хотя бы и бокомъ; и вотъ онъ пихался, награждая попутчика мелкой дробью толчковъ.

Въ это время вѣтеръ сорвалъ съ Аблеухова итальянскую шляпу съ полями, и непроизвольнымъ движеніемъ этотъ послѣдній поймалъ ее на колѣняхъ у Сергѣя Сергѣевича; на мгновеніе онъ прикоснулся и къ костенѣющимъ пальцамъ, но пальцы Сергѣя Сергѣича дрогнули и съ явно гадливымъ испугомъ отскочили вдругъ вбокъ; угловатый локоть задвигался. Подпоручикъ Лихутинъ теперь, вѣроятно, испытывалъ не прикосновеніе къ кожѣ знакомаго и, можно сказать, закадычнаго товарища дѣтства, а... гадины, которую... пришибаютъ... на мѣстѣ...

Аблеуховъ примѣтилъ тотъ жестъ; въ свой чередъ сталъ съ испугомъ присматриваться и онъ къ своему товарищу дѣтства, съ кѣмъ онъ былъ когда-то на ты; этотъ ты, Сережка, то-есть, Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, со времени ихъ послѣдняго разговора помолодѣлъ, ну, право,—лѣтъ на восемь, именно превратившись въ „Сережку“ изъ Сергѣя Сергѣича; но теперь-то ужъ этотъ „Сережка“ съ подобострастіемъ не внималъ пареніямъ аблеуховской мысли, какъ во время оно, на бузинѣ, въ старомъ дѣдовскомъ паркѣ тому назадъ—восемь лѣтъ; прошло восемь лѣтъ; и все восемь лѣтъ измѣнили: бузина сломалась давно, а онъ...—подобострастно поглядывалъ онъ на Сергѣя Сергѣича.

Ихъ неравныя отношенія опрокинулись; и все, все—пошло въ обратномъ порядкѣ: идіотическій видъ, пальтецо, толчки угловатаго локтя и прочіе жесты нервозности, прочитанные Николаемъ Аполлоновичемъ, какъ жесты презрѣнья,—все, все это наводило на грустныя размышленія о превратности человѣческихъ отношеній; наводило на грустныя размышленія и это ужасное мѣсто: розовокрасный дворецъ, дико воющій и въ небо вороной стрѣляющій садъ, два красненькихъ до-

Digitized by Microsoft ®

мика и конная статуя; впрочемъ садъ, замокъ, статуя уже остались у нихъ за плечами.

И Аблеуховъ осунулся.

— „Вы, Сергѣй Сергѣевичъ, оставляете службу?“

— „А?“

— „Службу...“

— „Какъ видите...“

И Сергѣй Сергѣевичъ на него поглядѣлъ такимъ взоромъ, какъ будто онъ доселѣ не зналъ Аблеухова; онъ его оглядѣлъ отъ головы и до ногъ.

— „Я бы вамъ, Сергѣй Сергѣевичъ, посовѣтовалъ приподнять воротникъ: у васъ простужено горло, а при этой погодѣ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не стоитъ—легко...“

— „Что̀ такое?“

— „Легко схватить жабу“.

— „И по вашему дѣлу“—глухо буркнулъ Лихутинъ; раздалось его суетливое фырканье.

— „?“

— „Да я не о горлѣ... Службу я оставляю по вашему дѣлу, то-есть, не по вашему дѣлу, а именно: благодаря вамъ“.

— „Намекъ“—чуть было не воскликнулъ Николай Аполлоновичъ и поймалъ снова взглядъ: на знакомыхъ такъ никогда не глядятъ, а глядятъ такъ, пожалуй, на небывалое заморское диво, которому мѣсто въ кунсткамерѣ (не въ пролеткѣ, не на проспектѣ—тѣмъ болѣе...).

Съ видомъ такимъ прохожіе вскидываютъ глаза на слоновъ, иногда проводимыхъ поздно вечеромъ въ городѣ,— отъ вокзала до цирка; вскинутъ глаза, отшатнутся, и — не повѣрятъ глазамъ; дома будутъ разсказывать:

— „Вѣрите ли, мы на улицѣ повстрѣчали слона?“

Но всѣ надъ ними смѣются.

Вотъ такое вотъ любопытство выражали взоры Лихутина; не было въ нихъ возмущенности; была, пожалуй, гадливость (какъ отъ сосѣдства съ удавомъ); ползучія гадины вѣдь не вызовутъ гнѣва—просто ихъ пришибутъ, чѣмъ попало: на мѣстѣ...

Digitized by Microsoft®

Николай Аполлоновичъ соображалъ поручикомъ процѣженныя слова о томъ, что службу покидаетъ поручикъ—изъ-за него одного; да,—Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ и потеряетъ возможность состоять на государственной службѣ послѣ того, что̀ сейчасъ случится тамъ между ними обоими; квартирка-то очевидно будетъ пуста (въ ней г а д и н а и будетъ раздавлена)... Произойдетъ такое, такое... Николай Аполлоновичъ не на шутку тутъ струсилъ; онъ заерзалъ на мѣстѣ и—и: всѣ его десять пальцевъ, дрожащихъ, холодныхъ, вцѣпились въ рукавъ подпоручика.

— „А?.. Что это?.. Почему это вы?“

Промаячилъ тутъ домикъ, домикъ кисельнаго цвѣта, съ низу до̀ верху обставленный сѣрою лѣпною работою: завитушками рококо (можетъ быть нѣкогда послужившій пристанищемъ для той самой фрейлины съ черной мушкой, съ двумя лукавыми ямочками на лилейныхъ ланитахъ).

— „Сергѣй Сергѣичъ... Я, Сергѣй Сергѣевичъ... Я долженъ признаться вамъ... Ахъ, какъ я сожалѣю... Крайне, крайне печально: мое поведеніе... Я, Сергѣй Сергѣичъ, велъ себя... Сергѣй Сергѣевичъ... позорно, плачевно... Но у меня, Сергѣй Сергѣевичъ, оправданіе — есть: да, есть, есть оправданіе. Какъ человѣкъ просвѣщенный, гуманный, какъ свѣтлая личность, не какъ какой-нибудь, Сергѣй Сергѣевичъ, — вы сумѣете все понять... Я не спалъ эту ночь, то-есть, я хотѣлъ сказать, страдаю безсонницей... Доктора нашли меня“— унизился онъ до лганья—„то-есть, мое положеніе—очень-очень опаснымъ... Мозговое переутомленіе съ псевдогаллюцинаціями, Сергѣй Сергѣевичъ (почему-то вспомнились слова Дудкина)... Что̀ вы скажете?“

Но Сергѣй Сергѣевичъ ничего не сказалъ: безъ возмущенія посмотрѣлъ; и была во взглядѣ гадливость (какъ отъ сосѣдства съ удавомъ); гадины не вызываютъ вѣдь гнѣва: ихъ... пришибаютъ... на мѣстѣ...

— „Псевдогаллюцинаціи...“—умоляюще затвердилъ Аблеуховъ, перепуганный, маленькій, косолапый, залѣзая глазами въ глаза (глаза глазамъ не отвѣтили); онъ хотѣлъ объяс-

Digitized by Microsoft ®

ниться немедленно; и — здѣсь, на извозчикѣ: объясниться здѣсь — не въ квартиркѣ; и такъ уже не далекъ роковой тотъ подъѣздъ; если же до подъѣзда не сумѣютъ они притти въ соглашеніе съ офицеромъ, то—все, все, все: будетъ кончено! Кон-че-но!! Произойдетъ убійство, оскорбленіе дѣйствіемъ, или просто случится безобразная драка:

— „Я... я... я...“

— „Сходите: пріѣхали...“

Николай Аполлоновичъ поглядывалъ предъ собой оловянными, неморгающими глазами — поглядывалъ на синеватые тумана клоки, откуда все хлюпали капельки, закружившія на булькнувшихъ лужахъ металлическіе пузыри.

Подпоручикъ Лихутинъ, соскочившій на тротуаръ, бросилъ деньги извозчику и теперь стоялъ предъ пролеткой, ожидая сенаторскаго сынка; этотъ что-то замѣшкался.

— „Погодите, Сергѣй Сергѣевичъ: тутъ со мной была палка... Ахъ? Гдѣ она? Неужели же я выронилъ палку?“

Онъ дѣйствительно отыскивалъ палку; но палка пропала безслѣдно; Николай Аполлоновичъ, совершенно блѣдный, обезпокоенно поворачивалъ во всѣ стороны умоляющіе глаза.

— „Ну? Что же?“

— „Да палка“.

Голова Аблеухова глубоко ушла въ плечи, а плечи качались; ротъ же криво раздвинулся; Николай Аполлоновичъ поглядывалъ предъ собой оловянными, неморгающими глазами на синеватые тумана клоки; и—ни съ мѣста.

Тутъ Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ сталъ сердито, нетерпѣливо дышать; онъ, схвативъ Аблеухова за рукавъ, хотя деликатно, но крѣпко, принялся осторожно высаживать его изъ пролетки, возбуждая явное любопытство домового дворника,—принялся высаживать, какъ товарами переполненный тюкъ.

Но ссаженный Николай Аполлоновичъ такъ и вцѣпился ногтями Лихутину въ руку: какъ они пройдутъ въ эту дверь,— въ темнотѣ рука-то вѣдь можетъ, пожалуй, принять неприличную позу по отношенію къ его, Николая Аполлоновича,

Digitized by Microsoft®

щекѣ; въ темнотѣ-то вѣдь не отскочишь; и—кончено: тѣлодвиженіе совершится; родъ Аблеуховыхъ опозореннымъ навѣки останется (ихъ никогда не бивали).

Вотъ и такъ уже подпоручикъ Лихутинъ (вотъ бѣшеный!) свободною ухватился рукою за воротъ итальянской накидки; и Николай Аполлоновичъ сталъ бѣлѣй полотна.

— „Я пойду, пойду, Сергѣй Сергѣичъ...“

Каблукомъ инстинктивно онъ уткнулся въ бока приподъѣздной ступеньки; впрочемъ, онъ тотчасъ одумался, чтобъ не казаться посмѣшищемъ.

Хлопнула подъѣздная дверь.

Тьма кромѣшная.

Тьма кромѣшная охватила ихъ въ неосвѣщенномъ подъѣздѣ (такъ бываетъ въ первый мигъ послѣ смерти); тотчасъ же въ темнотѣ раздалось пыхтѣніе подпоручика, сопровождаемое мелкимъ бисеромъ восклицаній.

— „Я... вотъ здѣсь стоялъ: вотъ-вотъ — здѣсь стоялъ... Стоялъ, себѣ, знаете...“

— „Это такъ-то вы, Николай Аполлоновичъ?.. Это такъ-то вы, сударь мой?..“

— „Въ совершенно нервномъ припадкѣ, повинуясь болѣзненнымъ ассоціаціямъ представленій...“

— „Ассоціаціямъ?.. Почему же ни съ мѣста вы?.. Какъ сказали-то—ассоціаціямъ?..“

— „Врачъ сказалъ... Э, да что вы подтаскиваете? Не подтаскивайте: я ходить умѣю и самъ...“

— „А вы что хватаетесь за руку?.. Не хватайтесь, пожалуйста“—раздалось уже выше...

— „И не думаю...“

— „Хватаетесь...“

— „Я же вамъ говорю...“—раздалось еще выше...

— „Врачъ сказалъ,—врачъ сказалъ: ррѣдкое такое—мозговое разстройство, такое-такое: домино и все подобное тамъ... Мозговое разстройство...“—пропищало уже откуда-то сверху.

Digitized by Microsoft®

Но еще гдѣ-то выше неожиданный упитанный голосъ громогласно воскликнулъ:

— „Здраствуйте!“

Это было у самой двери Лихутиныхъ.

— „Кто тутъ такое?“

Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ изъ совершеннѣйшей тьмы недовольно возвысилъ свой голосъ.

— „Кто тутъ такое?“—возвысилъ голосъ свой и Николай Аполлоновичъ съ огромнѣйшимъ облегченіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ: ухватившаяся за него оторвалась, упала—рука; и—щелкнула облегчительно спичка.

Незнакомый, упитанный голосъ продолжалъ возглашать:

— „А я стою себѣ тутъ... Звонюсь, звонюсь—не отпираютъ. И, скажите пожалуйста: знакомые голоса.

Когда чиркнула спичка, то обозначились пухлобѣлые пальцы со связкою роскошнѣйшихъ хризантемъ; а за ними, во мракѣ, обозначилась и статная фигура Вергефдена—почему это онъ былъ здѣсь въ этотъ часъ.

— „Какъ? Сергѣй Сергѣевичъ?“

— „Обрились?..“

— „Какъ!.. Въ штатскомъ...“

И тутъ сдѣлавши видъ, что Аблеуховъ замѣченъ впервые имъ (Аблеухова, скажемъ мы отъ себя, замѣтилъ онъ тотчасъ), онъ чиркнулъ спичкой и съ высоко приподнятыми бровями на него сталъ Вергефденъ выглядывать изъ-за качавшихся въ рукѣ хризантемъ.

— „И Николай Аполлоновичъ тутъ?.. Какъ ваше здоровье, Николай Аполлоновичъ?.. Послѣ вчерашняго вечера я, признаться, подумалъ... Вамъ вѣдь было не по себѣ?.. Съ балу вы какъ-то шумно исчезли?.. Со вчерашняго вечера...“

Снова чиркнула спичка; изъ цвѣтовъ уставились два насмѣшливыхъ глаза: зналъ прекрасно Вергефденъ, что Николай Аполлоновичъ не вхожъ въ Лихутинскій домъ; видя его, столь явно влекомаго къ двери, по соображеніямъ свѣтскихъ приличій Вергефденъ заторопился:

— „Я не мѣшаю вамъ?.. Дѣло въ томъ, что я на мину-

Digitized by Microsoft®

точку... Мнѣ и некогда... Мы по горло завалены... Аполлонъ Аполлоновичъ, батюшка вашъ поджидаетъ меня... По всѣмъ признакамъ ожидается забастовка... Дѣлъ—по горло...“

Ему не успѣли отвѣтить, потому что дверь отворилась стремительно; перекрахмаленная полотняная бабочка показалась изъ двери,—бабочка, сидящая на чепцѣ.

— „Марѳушка, я не вѳ́-время?“

— „Пожалуйте, барыня дома-съ...

— „Нѣтъ, нѣтъ, Марѳушка... Лучше ужъ вы передайте цвѣты эти барынѣ... Это долгъ“, — улыбнулся онъ Сергѣю Сергѣичу, пожимая плечами, какъ пожимаетъ плечами и улыбается мужчина мужчинѣ послѣ дня, проведеннаго совмѣстно въ свѣтскомъ обществѣ дамъ...

— „Да, мой долгъ передъ Софьей Петровной—за количество сказанныхъ ф и в о к ъ...“

И опять улыбнулся: и—спохватился:

— „Ну такъ прощайте, дружище. Adieu, Николай Аполлоновичъ: видъ у васъ переутомленный, нервозный...“

Дробью внизъ упадали шаги; и оттуда, съ нижней площадки, еще разъ долетало:

— „И нельзя же все съ книгами...“

Николай Аполлоновичъ чуть-было внизъ не крикнулъ:

— „Я, Германъ Германовичъ, тоже... И мнѣ пора восвояси... Не по дорогѣ ли намъ?“

Но шаги упали, и—бацъ: хлопнула дверь.

Тутъ Николай Аполлоновичъ почувствовалъ вновь себя одинокимъ; и вновь—схваченнымъ; да,—на этотъ разъ окончательнымъ; схваченнымъ передъ Марѳушкой. На лицѣ его написался тутъ ужасъ; на лицѣ же Марѳушки — недоумѣніе и перепугъ, въ то время, какъ какая-то откровенная сатанинская радость совершенно отчетливо написалась на лицѣ подпоручика; обливаясь испариной, изъ кармана онъ вытащилъ свободной рукою носовой свой платокъ—тиская, прижимая къ стѣнкѣ, таща, увлекая, подталкивая другой свободной рукою отбивающуюся фигурку студента.

Въ свою очередь: отбивающаяся фигурка оказалась гиб-

Digitized by Microsoft®

кой, какъ угорь; въ свою очередь эта фигурка, сама собой отбиваясь, отъ двери отскакивалась—прочь-прочь; подталкиваемая, — отталкивалась она и оттискивалась она; такъ попавъ ногой въ муравейникъ, мы отскакиваемъ инстинктивно, видя тысячи красненькихъ муравьевъ, заметавшихся суетливо на ногою продавленной кучѣ; и отъ кучи исходитъ тогда отвратительный шелестъ; неужели же нѣкогда привлекательный домъ превратился для Nicolas Аблеухова—въ ногою продавленный муравейникъ. Что̀ могла подумать тутъ изумленная Марѳушка?

Былъ-таки Николай Аполлоновичъ втолкнутъ.

— „Пожалуйста, милости просимъ...“

Былъ-таки втолкнутъ; но въ прихожей онъ, соблюдая послѣднія крохи достоинства, озирая желтую знакомую подъ дубъ вѣшалку и у ящика передъ зеркаломъ озирая ту же перебитую ручку, замѣтилъ:

— „Я къ вамъ... собственно... ненадолго...“

И свой плащъ чуть-было не отдалъ онъ Марѳушкѣ (фу—парового отопленія жаръ и запахъ); и — розовый кимоно!.. Пропорхнулъ атласный кусокъ его изъ прихожей въ сосѣднюю комнату: кусокъ самой Софьи Петровны; точнѣй — платья Софьи Петровны...

Не было времени думать.

Плащъ не былъ отданъ, потому что Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, подвернувшійся по̀дъ-руки Марѳушкѣ, отрывисто просипѣлъ:

— „Въ кухню...“

И безъ соблюденія элементарныхъ приличій радушнаго хозяина дома Сергѣй Сергѣевичъ пропихнулъ широкополую шляпу и разлетѣвшійся по воздуху плащъ прямо въ комнату съ Фудзи-Ямами: Нечего прибавлять, что подъ шляпой съ полями и подъ складками разлетѣвшагося плаща разлетѣлся въ ту комнату и обладатель плаща, Николай Аполлоновичъ.

Николай Аполлоновичъ, влетая въ столовую, на одно мгновенье увидѣлъ пробѣгающій въ дверь кимоно; и—захлопнулась дверь за кускомъ кимоно.

Digitized by Microsoft®

Николай Аполлоновичъ проѣхался черезъ комнату съ Фудзи-Ямами, не замѣтивши здѣсь никакой существенной перемѣны, не замѣтивши слѣдовъ штукатурки на полосатомъ, пестромъ коврѣ; подъ ногами она надавилась—послѣ случая; ковры потомъ чистили; но слѣды штукатурки остались. Николай Аполлоновичъ ничего не замѣтилъ: ни слѣдовъ штукатурки, ни переплета осыпавшагося потолка. Поворачивая рта трусливый оскалъ на его влекущаго палача, онъ внезапно замѣтилъ...—

Тамъ дверь пріоткрылась—изъ Софьи Петровниной комнаты, тамъ въ дверную щель просунулась голова: Николай Аполлоновичъ только и видѣлъ—два глаза: въ ужасѣ глаза на него повернулись изъ потока черныхъ волосъ.

Но едва на глаза повернулся онъ, какъ глаза отъ него отвернулись; и раздалось восклицаніе:

— „Ай, ай!“

Софья Петровна увидѣла: межъ альковомъ покрытый испариной подпоручикъ по коврамъ и паркетамъ влачился съ крылатою жертвою (Николай Аполлоновичъ въ плащѣ казался крылатымъ), покрытой испариной тоже,—съ жертвою, у которой изъ-подъ крыльевъ плаща пренеприлично болталася зеленая брюка, выдавая предательски штрипку.

— „Ттрр“ — волочилися по ковру его каблуки; и коверъ покрылся морщинками.

Въ это время Николай Аполлоновичъ и повернулъ свою голову, и увидѣвши Софью Петровну, плаксиво онъ ей прокричалъ:

— „Оставьте насъ, Софья Петровна: между мужчинами полагается это“ — въ это время слетѣлъ съ него плащъ и пышно упалъ на кушетку фантастическимъ двукрылымъ созданіемъ.

— „Ттрр“—волочилися по ковру его каблуки.

Ощутивъ громадную встряску, на мгновенье въ пространствѣ Николай Аполлоновичъ взвѣсился, дрыгая ногами, и...—отдѣлилась отъ его головы, мягко шлепнувши, широкополая шляпа. Самъ же онъ, дрыгая ногами и описывая дугу, гря-

Digitized by Microsoft ®

нулся въ незапертую дверь плотно закрытаго кабинетика; подпоручикъ уподобился тутъ пращѣ, а Николай Аполлоновичъ уподобился камню: камнемъ грянулся въ дверь; дверь раскрылась: онъ пропалъ въ неизвѣстности.

Обыватель.

Наконецъ Аполлонъ Аполлоновичъ всталъ.

Обезпокоенно какъ-то онъ сталъ озираться; оторвался отъ пачечекъ параллельно положенныхъ дѣлъ: нотабенъ, параграфовъ, вопросительныхъ, восклицательныхъ знаковъ; замирая, дрожала и прыгала рука съ карандашикомъ—надъ пожелтѣвшимъ листомъ, надъ перламутровымъ столикомъ; лобныя кости натужились въ одномъ крѣпкомъ упорствѣ: понять, что̀ бы ни было, какою угодно цѣною.

И—понялъ.

Лакированная карета съ гербомъ уже болѣе не подлетитъ къ старой, каменной Каріатидѣ; тамъ, за стеклами, на встрѣчу не тронутся: восьмидесятилѣтнее плечо, треуголка, галунъ и мѣдноглавая булава; изъ развалинъ не сложится Портъ-Артуръ; но — взволнованно встанетъ Китай; чу — прислушайся: будто топотъ далекій; то—всадники Чингизъ-Хана.

Аполлонъ Аполлоновичъ прислушался: топотъ далекій; нѣтъ, не топотъ: тамъ проходитъ Семенычъ, пересѣкая холодныя великолѣпія разблиставшихся комнатъ; вотъ онъ входитъ, озираясь, проходитъ; видитъ—треснуло зеркало: поперекъ его промерцала зигзагами серебряная стрѣла; и — застыла навѣки.

Проходитъ Семенычъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ не любилъ своей просторной квартиры съ неизмѣнною перспективой Невы: зеленоватымъ роемъ тамъ неслись облака; они сгущались порою въ желтоватый дымъ, припадающій къ взморью; темная, водная глубина сталью своихъ чешуй плотно билась въ граниты; въ зеленоватый рой убѣгалъ неподвижный шпицъ... съ Петербургской Стороны. Аполлонъ Аполлоновичъ обезпокоенно

Digitized by Microsoft®

сталъ озираться: эти стѣны! Здѣсь онъ засядетъ надолго — съ перспективой Невы. Вотъ его домашній очагъ; окончилась служебная дѣятельность.

Что же?

Стѣны — снѣгъ, а не стѣны! Правда, немного холодныя... Что-жъ? Семейная жизнь—такъ семейная жизнь; то-есть: Николай Аполлоновичъ,—ужаснѣйшій, такъ сказать...; и—Анна Петровна, ставшая на старости лѣтъ... просто Богъ знаетъ кѣмъ!

Ме-емме...

Аполлонъ Аполлоновичъ крѣпко сжалъ свою голову въ пальцахъ, убѣгая взглядомъ въ растрещавшійся и жаромъ дохнувшій каминъ: праздная мозговая игра!

Она убѣгала — убѣгала за грани сознанія: тамъ она продолжала вздыматься въ рои хаотическихъ клубовъ; и вспомнился Николай Аполлоновичъ — небольшого росточку съ какими-то пытливо-синими взорами и съ клубкомъ (должно отдать справедливость) многообразнѣйшихъ умственныхъ интересовъ, перепутанныхъ до-нельзя.

И—вспомнилась дѣвушка (это было, тому назадъ, — тридцать лѣтъ); рой поклонниковъ; среди нихъ еще сравнительно молодой человѣкъ, Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, уже статскій совѣтникъ и—безнадежный вздыхатель.

И—первая ночь: ужасъ въ глазахъ оставшейся съ нимъ подруги—выраженіе отвращенья, презрѣнья, прикрытое покорной улыбкой; въ эту ночь Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, уже статскій совѣтникъ, совершилъ гнусный, формою оправданный актъ: изнасиловалъ дѣвушку; насильничество продолжалось года; а въ одну изъ ночей зачатъ былъ Николай Аполлоновичъ — между двухъ разнообразныхъ улыбокъ: между улыбками похоти и покорности; удивительно ли, что Николай Аполлоновичъ сталъ впослѣдствіи сочетаніемъ изъ отвращенія, перепуга и похоти? Надо было бы тотчасъ же имъ приняться за совмѣстное воспитаніе ужаса, порожденнаго ими: очеловѣчивать ужасъ.

Они же его раздували...

Digitized by Microsoft ®

И раздувши до крайности ужасъ, поразбѣжались отъ ужаса; Аполлонъ Аполлоновичъ—управлять россійскими судьбами; Анна-жъ Петровна — удовлетворять половое влеченіе съ Манталини (итальянскимъ артистомъ); Николай Аполлоновичъ — въ философію; и оттуда — въ собранія абитуріэнтовъ несуществующихъ заведеній (ко всѣмъ этимъ усикамъ!). Ихъ домашній очагъ превратился теперь въ запустѣніе мерзости.

Въ эту-то опустѣвшую мерзость онъ теперь возвратится; вмѣсто Анны Петровны онъ встрѣтится съ запертою лишь дверью, ведущею въ ея аппартаменты (если Анна Петровна не возымѣетъ желанія возвратиться — въ опустѣвшую мерзость); отъ аппартаментовъ ключъ находится у него (въ эту часть холоднаго дома заходилъ онъ — два раза: посидѣть; оба раза схватилъ онъ тамъ насморкъ).

Вмѣсто-жъ сына увидитъ онъ моргающій, ускользающій глазъ — огромный, пустой и холодный: васильковаго цвѣта; не то—воровской; а не то — перепуганный до-нельзя; ужасъ будетъ тамъ прятаться—тотъ самый ужасъ, который у новобрачной вспыхивалъ въ ночь, когда Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, статскій совѣтникъ, впервые...

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

По оставленію имъ государственной службы эти парадныя комнаты, вѣроятно, позакроются тоже; стало-быть, останется корридоръ съ прилегающими—комнатами для него и комнатами для сына; самая его жизнь ограничится корридоромъ: будетъ шлепать тамъ туфлями; и — будутъ: газетное чтеніе, отправленіе органическихъ функцій, ни съ чѣмъ несравнимое мѣсто, предсмертные мемуары и дверь, ведущая въ комнаты сына.

Да, да, да!

Подглядывать въ замочную скважину; и — отскакивать, услышавши подозрительный шорохъ; или — нѣтъ: въ соотвѣтственномъ мѣстѣ провертѣть шиломъ дырочку; и—ожиданіе не обманетъ: жизнь застѣнная сына передъ нимъ откроется съ точно такою же точностью, съ какой открывается взору часовой разобранный механизмъ. Вмѣсто государствен-

Digitized by Microsoft ®

ныхъ интересовъ его встрѣтятъ новые интересы — съ этого обсерваціоннаго пункта.

Это все—будетъ:

— „Доброе утро, папаша!“

— „Добраго, Коленька, утра!“

И—разойдутся по комнатамъ.

И—тогда, и—тогда: дверь замкнувши на ключъ, онъ приложится къ проверченной дырочкѣ, чтобы видѣть и слышать и порою дрожать, прерывисто вздрогнуть — отъ огненной, обнаруженной тайны; тосковать, бояться, подслушивать: какъ они открываютъ душу другъ другу—Николай Аполлоновичъ и незнакомецъ тотъ, съ усиками; ночью, сбросивши съ себя одѣяло, будетъ онъ выставлять покрытую испариной голову; и обсуждая подслушанное, будетъ онъ задыхаться отъ сердечныхъ толчковъ, разрывающихъ сердце на части, принимать лепешки и бѣгать... къ ни съ чѣмъ несравнимому мѣсту: по корридору отшлепывать туфлями вплоть до... новаго утра.

— „Доброе утро!“

— „Такъ-съ, Коленька...“

Вотъ—жизнь обывателя!

. . . . . .

Неодолимое стремленіе повлекло его въ комнату сына; робко скрипнула дверь: открылась пріемная комната; остановился онъ на порогѣ; весь—маленькій, старенькій; теребилъ дрожащей рукою малиноватыя кисти халата, обозрѣвая нескладицу: и клѣтку съ зелеными попугаями, и арабскую табуретку съ инкрустаціями изъ слоновой кости и мѣди; и видѣлъ — нелѣпицу: во всѣ стороны поразвились съ табуретки кипящія красныя складки пышно павшаго домино, будто бьющіеся огни и льющіеся оленьи рога—прямо подъ голову пятнистому леопарду, распластанному на полу, съ оскаленной головой; Аполлонъ Аполлоновичъ постоялъ, пожевалъ губами, почесалъ будто инеемъ обсыпанный подбородокъ и съ омерзѣніемъ сплюнулъ (исторію этого домино онъ вѣдь зналъ); шутовское и безголовое, раскидалось оно атласными полами и

Digitized by Microsoft ®

безрукими рукавами; на суданской ржавой стрѣлѣ была повѣшена масочка.

Аполлону Аполлоновичу показалось, что—душно: вмѣсто воздуха въ атмосферѣ былъ разлитъ свинецъ; точно тутъ передумывались ужасныя, нестерпимыя мысли... Непріятная комната!.. И—тяжелая атмосфера!

Вотъ—страдальчески усмѣхнувшійся ротъ, вотъ—глаза васильковаго цвѣта, вотъ—свѣтомъ стоящіе волосы: облеченный въ мундиръ съ чрезвычайно тонкою таліей и сжимая въ рукѣ бѣлолайковую перчатку, Николай Аполлоновичъ, чисто-выбритый (можетъ быть, надушенный), при шпагѣ, страдалъ изъ-за рамы: Аполлонъ Аполлоновичъ внимательно посмотрѣлъ на портретъ, писанный послѣдней минувшей весною, и—прошествовалъ въ сосѣднюю комнату.

Незапертый письменный столъ поразилъ вниманіе Аполлона Аполлоновича: тамъ былъ выдвинутъ ящичекъ; Аполлонъ Аполлоновичъ возымѣлъ инстинктивное любопытство (разсмотрѣть его содержаніе); быстрыми шагами подбѣжалъ онъ къ письменному столу и схватилъ—огромный на столѣ забытый портретъ, который онъ завертѣлъ съ глубочайшей задумчивостью (разсѣянность отвлекла его мысль отъ содержанія ящичка); портретъ изображалъ какую-то даму—брюнетку...

Разсѣянность проистекала отъ созерцанія одной высокой матеріи, потому что матерія эта развернулась въ мыслительный ходъ, по которому устремился сенаторъ; этотъ ходъ не имѣлъ ничего общаго съ комнатой сына, ни со стояніемъ въ комнатѣ сына, куда Аполлонъ Аполлоновичъ, вѣроятно, проникъ машинально (неодолимое стремленіе—машинальный поступокъ); машинально потомъ опустилъ онъ глаза и увидѣлъ, что рука его вертитъ уже не портретъ, а какой-то тяжелый предметъ, въ то время какъ мысль обозрѣваетъ тотъ типъ государственныхъ дѣятелей, которые въ просторѣчіи имѣютъ быть названы карьеристами, съ представителемъ коихъ онъ имѣлъ несчастіе объясняться недавно: при покойномъ министрѣ были они солидарны съ нимъ, а теперь они его — Аблеухова — собираются...

Digitized by Microsoft®

Что̀ собираются?

Тяжелый предметъ напоминалъ по формѣ сардинницу; онъ былъ вытащенъ рукою сенатора машинально; машинально схватилъ Аполлонъ Аполлоновичъ кабинетный портретъ, а очнулся отъ мысли—съ круглограннымъ предметомъ: и въ немъ что-то дзанкнуло; менѣе всего тутъ сенаторъ вспомнилъ о безднѣ (мы надъ бездною часто пьемъ кофе со сливками), но разсматривалъ круглогранный предметъ съ величайшимъ вниманіемъ, наклонивъ надъ нимъ голову и слушая тиканье часиковъ: часовой механизмъ — въ тяжелой сардинницѣ...

Предметъ ему не понравился...

Предметъ съ собой онъ понесъ для болѣе детальнаго разсмотрѣнія—чрезъ корридоръ въ гостинную комнату,—склонивъ надъ нимъ голову и напоминая сѣрую, мышиную кучу; въ это время онъ думалъ о все томъ же типѣ государственныхъ дѣятелей; люди этого типа для защиты себя отъ отвѣтственности защищаются пустѣйшими фразами, въ родѣ „к а к ъ и з в ѣ с т н о“, когда ничего еще неизвѣстно, или: „н а у к а н а с ъ у ч и т ъ“, когда наука не учитъ (мысль его всегда струила какіе-то яды на враждебную партію)...

Аполлонъ Аполлоновичъ пробѣжалъ съ предметомъ къ тому краю гостиной, гдѣ на львиныхъ ногахъ поднялся инкрустированный столикъ; чопорно со стола поднималась тамъ длинноногая бронза; на китайскій лаковый онъ подносикъ положилъ тяжелый предметъ, наклоняя лысую голову, надъ которою ламповый абажуръ расширялся стекломъ блѣднофіолетовымъ и расписаннымъ тонко.

Но стекло потемнѣло отъ времени; и тонкая роспись потемнѣла отъ времени тоже.

. . . . . .

Недообъяснился.

Николай Аполлоновичъ, влетѣвъ въ кабинетикъ Лихутина, грянулся каблуками со всего размаху о полъ; сотрясеніе это передалося въ затылокъ; задрожали поджилки; онъ невольно

Digitized by Microsoft ®

упалъ на колѣни, протрамбовывая темнозеленымъ сукномъ непріятно-скользкій паркетъ; и—ушибся.

Упалъ и... —

— тотчасъ привскочилъ, тяжело дыша и хромая, бросился съ перепугу къ дубовому тяжелому креслу, представляя собой мѣшковатую и довольно смѣшную фигуру съ дрожащею челюстью, съ явно дрожащими пальцами и съ единственнымъ инстинктивнымъ стремленіемъ — поспѣть: поспѣть ухватиться за кресло, чтобы въ случаѣ нападенія сзади торопливо забѣгать вокругъ кресла, перелетая туда и сюда за туда и сюда перелетающимъ, безпощаднымъ противникомъ, всѣ движенья котораго напоминали конвульсіи страдающихъ водобоязнью людей; поспѣть ухватиться за кресло!..

Или же, вооружившись тѣмъ кресломъ, опрокинуть противника, и пока тотъ забьется подъ тяжелыми дубовыми ножками, броситься поскорѣе къ окну (лучше грохнуться изъ второго этажа на улицу, разбивъ вдребезги стекла, чѣмъ оставаться наединѣ съ... съ...)...

Тяжело дыша и хромая, бросился онъ къ дубовому креслу.

Но едва добѣжалъ онъ до кресла, какъ горячее дыханіе подпоручика обожгло ему шею; обернувшись, онъ успѣлъ разглядѣть перекошенный блѣклый ротъ и пятипалую руку, готовую упасть на плечо: багровѣющее отъ бѣшенства лицо, лицо мстителя, съ напряженными жилами на него уставилось окаменѣвающимъ глазомъ; въ томъ безобразномъ лицѣ не узналъ бы никто мягкаго лица подпоручика, уравновѣшенно отпускающаго за фивкою фивку. Пятипалая не рука, а громадная лапа, непремѣнно упала бы Аблеухову на плечо, изломавши плечо; но онъ во-время перепрыгнулъ чрезъ кресло.

Пятипалая лапа упала на кресло.

Digitized by Microsoft®

И треснуло кресло; на-земь грохнуло кресло; раздался надъ ушами—неповторяемый, никогда еще не услышанный, нечеловѣческій звукъ:

— „Потому что тутъ обречена погибнуть человѣческая душа!“

И угловатое тѣло полетѣло за отлетѣвшей фигуркою; изъ слюной брызнувшаго ротового отверстія пачкою растрещавшихся хриповъ вырывались, клокотали и рвались тонкія, пѣтушиныя ноты—безголосыя и какія-то красныя...

— „Потому что... я... вмѣшался... понимаете?.. Во все это дѣло... Дѣло... это... Понимаете?.. Дѣло это такое... Дѣло мое сторона... То-есть, нѣтъ: не сторона... Да понимаете ли?..“

И обезумѣвшій подпоручикъ, настигнувши жертву, приподнялъ надъ согнувшейся въ три погибели фигуркою, ожидавшей затрещины, двѣ трепетавшихъ ладони (подъ согбенной спиною все тщилась фигурка укрыть свою потную голову), нервно сжалъ въ кулаки, повисая всѣмъ корпусомъ надъ ежившимся у него подъ руками комочкомъ изъ мускуловъ; комочекъ же съ трусливо оскаленнымъ ртомъ изгибался и кланялся, повторяя всѣ ритмы рукъ и защищая ладонью свою правую щеку:

— „Понимаю, понимаю... Сергѣй Сергѣевичъ, успокойтесь“, — выписки вало изъ комочка, — „да тише же, умоляю васъ, тише: голубчикъ, да умоляю же васъ...“

Этотъ комочекъ изъ тѣла (Николай Аполлоновичъ пятился, изогнутый неестественно) — этотъ комочекъ изъ тѣла сѣменилъ на двухъ подогнутыхъ ножкахъ; и не къ окну—отъ окна (окно отрѣзывалъ подпоручикъ); въ то же время въ окнѣ видѣлъ этотъ комочекъ—(какъ ни странно, это все же былъ Николай Аполлоновичъ) — и трубу торчавшаго пароходика; видѣлъ онъ за каналомъ—крышу мокрую дома; надъ крышею была огромная и холодная пустота...

Онъ допятился до угла и — представьте себѣ: свинцовыя пятипалыя руки ему упали на плечи (одна рука, скользнувши по шеѣ, обожгла его шею сорокаградуснымъ жаромъ); такъ

Digitized by Microsoft ®

что онъ опустился — въ углу на карачкахъ, обливаясь, какъ ледъ, холодной испариной.

Уже онъ собирался зажмуриться, заткнуть уши, чтобъ не видѣть полоумнаго багроваго лика и не слушать выкриковъ пѣтушинаго, безголосаго голоса:

— „Ааа... Дѣло... гдѣ каждый порядочный человѣкъ, гдѣ... ааа... каждый порядочный человѣкъ... Что я сказалъ? Да— порядочный... долженъ вмѣшаться, пренебрегая приличіемъ, общественнымъ положеніемъ...“

Было странно слушать безсвязное чередованіе все же осмысленныхъ словъ при безсмыслицѣ всѣхъ чертъ, всѣхъ движеній; Николай Аполлоновичъ думалъ:

— „Не крикнуть ли, не позвать ли?“

Нѣтъ, чего тамъ кричать; и кого позовешь тамъ; нѣтъ— поздно; закрыть глаза, уши; мигъ — и все будетъ кончено; бацъ: кулакъ ударился въ стѣну надъ головой Аблеухова.

Тутъ на мигъ пріоткрылъ онъ глаза.

Передъ собой онъ увидѣлъ: двѣ ноги были такъ широко разставлены (онъ сидѣлъ на карачкахъ вѣдь); головокружительная мысль — и: не обсуждая послѣдствій, съ трусливо оскаленнымъ, будто смѣющимся ртомъ, съ бѣлольняными, растрепавшимися волосами Николай Аполлоновичъ стремительно проползъ между двухъ широкоразставленныхъ ногъ; привскочилъ,—и безъ мысли прямо бросился къ двери (прометнулся въ окнѣ оловянный край крыши), но... пятипалыя, прикосновеніемъ жгущія лапы ухватили съ позоромъ его за сюртучную фалду; рванули: закракала дорогая матерія.

Кусокъ оторванной фалды отлетѣлъ какъ-то вбокъ:

— „Постойте... Постойте... Я... я... я... васъ... не убью... Остановитесь... Вамъ не угрожаетъ насиліе...“

И Николай Аполлоновичъ былъ грубо отброшенъ; онъ спиной ударился въ уголъ; онъ стоялъ тамъ въ углу, тяжело дыша, почти плача отъ тяжелаго безобразія происшедшаго; и казалось, что его волоса, не волоса, а какія-то свѣтлыя свѣтлости на багровомъ фонѣ прокопченныхъ кабинетныхъ обой; и его темновасильковые обычно глаза теперь каза-

Digitized by Microsoft®

лися черными отъ огромнаго, холоднаго перепуга, потому что онъ понялъ: бѣсновался надъ нимъ не Лихутинъ, не оскорбленный имъ офицеръ, не даже врагъ, удушаемый мстительнымъ бѣшенствомъ, а... буйно помѣшанный, съ которымъ разговаривать невозможно; этотъ буйно помѣшанный, обладающій колоссальною силою мускуловъ, теперь на него не кидался; но, вѣроятно, кинется.

А этотъ буйно помѣшанный, повернувшись спиной (тутъ бы его и прихлопнуть), подошелъ на цыпочкахъ къ двери; и—дверь щелкнула: по ту сторону двери раздались какіе-то звуки—не то плачъ, не то шарканье туфель. И—все смолкло. Отступленіе было отрѣзано: оставалось окно.

Въ запертой комнатушкѣ молча они задышали: отцеубійца и полоумный.

. . . . . .

Въ комнатѣ съ обвалившейся штукатуркою было пусто; передъ захлопнутой дверью лежала мягкая шляпа съ полями, а съ кушетки свисало крыло фантастическаго плаща; но когда въ кабинетикѣ глухо грохнуло кресло, то съ противоположной стороны, изъ Софьи Петровниной комнаты, заскрипѣвъ, распахнулася дверь; и оттуда протопала туфлями Софья Петровна Лихутина въ водопадѣ за спину ей упавшихъ черныхъ волосъ; сквозной шелковый шарфъ, напоминая текучую свѣтлость, проволочился за нею; на крошечномъ Софьи Петровниномъ лобикѣ обозначалась такъ явственно складка.

Она подкралась къ замочной скважинѣ двери; она присѣла у двери; она глядѣла и видѣла: только двѣ пары переступающихъ ногъ да двѣ... панталонныя штрипки; ноги протопали въ уголъ; ноги не обозначались нигдѣ, но изъ угла, клокоча, вырывалися тихіе хрипы и точно булькало горло: неповторяемый, пѣтушиный, нечеловѣческій шопотъ. И ноги протопали снова; у самаго Софьи Петровнина глаза, по ту сторону двери, раздался металлическій звукъ защелкиваемаго замка.

Софья Петровна заплакала, отскочила отъ двери и уви-

Digitized by Microsoft ®

дѣла—передникъ да чепчикъ: это Марѳушка у нея за спиной закрывала лицо бѣлоснѣжнымъ чистымъ передникомъ; и—Марѳушка плакала:

— „Что же это такое?.. Голубушка, барыня?..“

— „Я не знаю... Ничего я не знаю... Что же это такое?.. Что тамъ они дѣлаютъ, Марѳушка?“

. . . . . .

Половина третьяго пополудни.

Въ одинокомъ своемъ кабинетѣ надъ суровымъ дубовымъ столомъ приподымается лысая голова, легшая на жесткой ладони; и—глядитъ исподлобья туда, гдѣ въ каминѣ текутъ рѣзвой стаей васильки угарнаго газа надъ каленою грудою растрещавшихся угольковъ, и гдѣ отрываются, разрываются, рвутся—красные пѣтушиные гребни—ѣдкіе, легкіе, пролетая стремительно въ дымовую трубу, чтобы слиться надъ крышами съ гарью, съ отравленной копотью, и безсмѣнно висѣть удушающей, разъѣдающей мглой.

Приподнимется лысая голова,—мефистофельскій блеклый ротъ старчески улыбается вспышкамъ; вспышками пробагровѣетъ лицо; глаза—опламененные все же; и все же—каменные глаза: синіе,—и въ зеленыхъ провалахъ! Изъ нихъ глянула холодная, огромная пустота; къ нимъ прильнула, глядитъ изъ нихъ, не отрываясь отъ мороковъ; морокомъ передъ ней разстилается этотъ міръ.

Холодные, удивленные взоры; и—пустые, пустые: мороками поразожгли времена, солнца, свѣты; отъ временъ побѣжала исторія вплоть до этого мига, когда—

— лысая голова, легшая на жесткой ладони, приподнялась надъ столомъ и глядитъ исподлобья огромною, холодною пустотой,—туда, гдѣ въ каминѣ текутъ рѣзвой стаей васильки угарнаго газа надъ каленою грудою растрещавшихся угольковъ. Кругъ замкнулся.

Что это было?

Аполлонъ Аполлоновичъ припоминалъ, гдѣ онъ былъ, что

Digitized by Microsoft®

случилось межъ двумя мгновеніями мысли; межъ двумя движеньями пальцевъ съ завертѣвшимся карандашикомъ; остроотточенный карандашикъ—вотъ онъ прыгаетъ въ пальцахъ.

— „Такъ себѣ... Ничего...“

И отточенный карандашикъ стаями вопросительныхъ знаковъ падаетъ на бумагу.

. . . . . .

Бормоча Богъ вѣсть что̀, полоумный продолжалъ все кидаться; бормоча Богъ вѣсть что̀, продолжалъ топотать: продолжалъ шагать по діагонали душнаго кабинетика. Николай Аполлоновичъ, распластавшійся на стѣнѣ, въ тѣневомъ тамъ углу, продолжалъ наблюдать за движеньями бѣднаго полоумнаго, способнаго все же стать дикимъ звѣремъ.

Всякій разъ, какъ тамъ рѣзкимъ движеніемъ выкидывались рука или локоть, онъ вздрагивалъ; и полоумный—пересталъ топотать, остановился, выкинулся изъ роковой діагонали: отъ Николая Аполлоновича въ двухъ шагахъ закачалася снова сухая и угрожающая ладонь. Николай Аполлоновичъ тутъ откинулся: ладонь коснулась угла — пробарабанила въ углу на стѣнѣ.

Но сошедшій съ ума подпоручикъ (жалкій болѣе, чѣмъ жестокій) его болѣе не преслѣдовалъ; повернувшись спиною, онъ уперся локтями въ колѣни, отчего изогнулась спина, и въ плечи вошла голова; онъ глубоко вздохнулъ; онъ глубоко задумался.

Вырвалось:

— „Господи!“

И простонало опять:

— „Спаси и помилуй!“

Этимъ затишіемъ бреда Николай Аполлоновичъ осторожно воспользовался.

Онъ тихонько привсталъ, и стараясь оставаться беззвучнымъ, онъ—выпрямился; голова подпоручика не перевернулась, какъ только-что она перевертывалась, рискуя — ну, право же! — отвинтиться отъ шеи; видно, бѣшеный пароксизмъ разразился; и—теперь шелъ на убыль; тогда Николай

Digitized by Microsoft®

Аполлоновичъ, прихрамывая, заковылялъ беззвучно къ столу, стараяся, чтобъ не скрипнулъ башмакъ, чтобъ не скрипнула половица,—заковылялъ, представляя собою довольно смѣшную фигуру въ элегантномъ мундирѣ... съ оторванной фалдою, въ резиновыхъ новыхъ калошахъ и въ неснятомъ съ шеи кашнэ.

Прокрался: остановился у столика, слушая біеніе сердца и тихое бормотаніе молитвъ утихающаго больного: и неслышнымъ движеніемъ рука его протянулась къ прессъ-папье; но вотъ бѣда: на прессъ-папье легла стопочка почтовой бумаги.

Только бы рукавомъ не зацѣпить за бумагу!

На бѣду рукавомъ стопочку все же онъ зацѣпилъ; раздался предательскій шорохъ и бумажная стопочка разсыпалась на столѣ; это шуршанье бумаги пробудило въ себя ушедшаго подпоручика; разразившійся и теперь утихающій пароксизмъ разразился съ новой силой; голова повернулась, и увидѣла стоящаго Николая Аполлоновича съ протянутою рукой, вооруженною прессъ-папье; сердце упало: Николай Аполлоновичъ отъ стола отскочилъ, прессъ-папье осталось у него въ кулакѣ—предосторожности ради.

Въ два скачка подлетѣлъ къ нему Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ, бросилъ руку ему на плечо и сталъ плечо тискать: словомъ—онъ принялся за старое:

— „Долженъ просить извиненіе... Извините: погорячился я...“

— „Успокойтесь...“

— „Очень ужъ необычайно все это... Только, пожалуйста,—сдѣлайте милость: не бойтесь... Ну, чего вы дрожите?.. Кажется, я внушаю вамъ страхъ? Я... я... я... оборвалъ у васъ фалду: это... это непроизвольно, потому что вы, Николай Аполлоновичъ, обнаружили намѣреніе уклониться отъ объясненія... Но, поймите же, отъ меня вамъ уйти невозможно, не давъ объясненія...“

— „Да я же не уклоняюсь“, — взмолился тутъ Николай Аполлоновичъ, все сжимавшій въ рукѣ прессъ-папье,—„о до-

Digitized by Microsoft ®

мино я самъ началъ въ подъѣздѣ: я самъ ищу объясненія; это вы, Сергѣй Сергѣевичъ, это вы сами длите: сами вы не даете возможности мнѣ дать объясненіе".

– „Мм... да, да..."

— „Вѣрите ли, это домино объясняется переутомленіемъ нервовъ; и вовсе оно не является нарушеніемъ обѣщанія: не добровольно стоялъ я въ подъѣздѣ, а..."

— „Такъ за фалду простите"—перебилъ его снова Лихутинъ, доказавши лишь, что подлинно онъ—невмѣняемый человѣкъ (все же плечо Аблеухова онъ пока оставилъ въ покоѣ)...—Фалду вамъ подошьютъ; если хотите, — я самъ: у меня есть и иголки и нитки..."

— „Этого недоставало лишь"—мелькнуло въ головѣ Аблеухова: онъ съ удивленіемъ разсматривалъ подпоручика, убѣждаясь наглядно, что все-таки пароксизмъ миновалъ.

— „Но дѣло не въ этомъ: не въ иголкахъ, не въ нитках..."

— „Это, Сергѣй Сергѣевичъ, въ сущности... Это—вздоръ..."

— „Да, да: вздоръ..."

— „Вздоръ по отношенію къ главной темѣ нашего объясненія: по отношенью къ стоянью въ подъѣздѣ..."

— „Да не о стояньѣ въ подъѣздѣ же!"—досадливо замахалъ рукой подпоручикъ, принимаясь шагать въ томъ же все направленіи: по діагонали душнаго кабинетика.

— „Ну, о Софьѣ Петровнѣ..."—выступилъ изъ угла Аблеуховъ, теперь замѣтно смѣлѣющій.

— „Не... не... о Софьѣ Петровнѣ..."—прикрикнулъ на него подпоручикъ:—„вы меня совершенно не поняли!!."

— „Такъ о чемъ же?"

— „Это все — вздоръ-съ!.. То-есть не вздоръ, но вздоръ по отношенію къ темѣ нашего разговора...

— „Въ чемъ же тема?"

— „Тема, видите ли" — остановился передъ нимъ подпоручикъ и поднесъ свои кровью налитые глаза къ расширеннымъ отъ испуга глазамъ Аблеухова... „Суть, видите ли вся въ томъ, что вы—заперты..."

Digitized by Microsoft ®

— „Но... почему же я запертъ?“—и прессъ-папье снова сжалося въ его кулакѣ...

— „Для чего я васъ заперъ? Для чего я васъ, такъ сказать, полунасильственнымъ способомъ затащилъ?.. Ха-ха-ха: это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ домино, ни къ Софьѣ Петровнѣ...“

— „Рѣшительно, онъ рехнулся: онъ позабылъ всѣ причины, мозгъ его подчиняется только болѣзненнымъ ассоціаціямъ: онъ, таки, меня собирается...“ — промелькнуло въ головѣ Николая Аполлоновича, но Сергѣй Сергѣевичъ, будто понявъ его мысль, поспѣшилъ его успокоить, что̀ скорѣй могло показаться насмѣшкою и злымъ издѣвательствомъ:

— „Повторяю, вы здѣсь въ безопасности... Вотъ только фалда...“

— „Издѣвается“—подумалъ Николай Аполлоновичъ и въ мозгу его прометнулась въ свою очередь сумасшедшая мысль: хватить прессъ-папье по головѣ подпоручика; оглушивши, связать ему руки, и этимъ насиліемъ спасти себѣ жизнь, нужную ему хотя бы лишь потому, что... бомба-то... въ столикѣ... тикала!!.

— „Видите ли: вы — не уйдете отсюда... А я... я отсюда пойду съ продиктованнымъ мною письмомъ—съ вашей подписью... Къ вамъ пойду, въ вашу комнату, гдѣ я утромъ ужъ былъ, но гдѣ ничего не замѣтилъ... Все у васъ подниму тамъ вверхъ дномъ; въ случаѣ, если поиски мои окажутся совершенно безплодны, предупрежу вашего батюшку..., потому что“—онъ потеръ себѣ лобъ—„не въ батюшкѣ сила; сила—въ васъ: да, да, да-съ—въ васъ единственно, Николай Аполлоновичъ!“

Жесткимъ пальцемъ уткнулся онъ въ грудь и стоялъ теперь съ высоко взлетѣвшею бровью (одной только бровью).

— „Этому, послушайте, не бывать: не бывать, Николай Аполлоновичъ,—не бывать никогда!

И на бритомъ, багровомъ лицѣ проиграло:

— „?“

— „!“

Digitized by Microsoft®

— „!?!“

Совершенно помѣшанный!

Но странное дѣло: къ этому совершенному бреду Николай Аполлоновичъ прислушался; и что-то въ немъ дрогнуло: подлинно,—бредъ ли это? Скорѣе, намеки, высказываемые безсвязно; но намеки—на что? Не намеки ли на... на... на..?

Да, да, да...

— „Сергѣй Сергѣевичъ, да о чемъ вы все это?“

И сердце упало: Николай Аполлоновичъ ощутилъ, что самая кожа его облекаетъ не тѣло, а... груду булыжника; вмѣсто мозга—булыжникъ; и булыжникъ—въ желудкѣ.

— „Какъ о чемъ?.. Да о бомбѣ я...“—и Сергѣй Сергѣевичъ отступилъ на два шага, удивленный до крайности.

Прессъ-папье выпало изъ разжатаго кулака Аблеухова; за мгновенье предъ тѣмъ Николаю Аполлоновичу показалось, что самая кожа его облекаетъ не тѣло, а — груду булыжника; а теперь ужасы перешли за черту: онъ почувствовалъ, какъ въ пенталліонныя тяжести (межъ нолями и единицею) четко врѣзалось что-то; единица осталась.

Пенталліонъ же сталъ—ноль.

Тяжести воспламенились внезапно; набившіе тѣло булыжники, ставши газами, во мгновеніе ока прыснули изъ отверстій всѣхъ кожныхъ поръ, снова свили спирали событій, но свили въ обратномъ порядкѣ; закрутили и самое тѣло въ отлетающую спираль; такъ и самое ощущеніе тѣла стало—н о л ь ощущеніемъ; лицевые контуры прочертились, невѣроятно осмыслились, обнаруживая въ молодомъ человѣкѣ лицо шестидесятилѣтняго старца: прочертились, осмыслились, стали рѣзными какими-то; лицо — бѣлое, блѣдно бѣлое—стало самосвѣтящимся ликомъ, обливающимъ самосвѣтящимся кипяткомъ; наоборотъ: лицо подпоручика стало ярко морковнаго цвѣта; выбритость еще болѣе поглупѣла, а кургузенькій пиджачекъ еще болѣе закургузился...

. . . . . .

— „Я, Сергѣй Сергѣевичъ, удивляюсь вамъ... Какъ могли

Digitized by Microsoft®

вы повѣрить, чтобы я, чтобы я... мнѣ приписывать согласье на ужасную подлость... Между тѣмъ какъ я—не подлецъ... Я, Сергѣй Сергѣевичъ,—кажется, еще не отпѣтый мошенникъ...“

Николай Аполлоновичъ, видимо, не могъ продолжать; и онъ—отвернулся; отвернувшись, повернулся опять...

. . . . . .

Изъ тѣневого угла, будто сроённая, выступала гордая, сутуло-изогнутая фигура, состоящая, какъ подпоручику показалось, изъ текучихъ все свѣтлостей, — со страдальчески усмѣхнувшимся ртомъ, съ васильковаго цвѣта глазами; бѣлольняные, свѣтомъ стоящіе волосы образовали опрозраченный, будто нимбовый кругъ надъ блистающимъ и высочайшимъ челомъ; онъ стоялъ съ разведенными кверху ладонями, негодующій, оскорбленный, прекрасный, весь приподнятый какъ-то на кровавомъ фонѣ обой: были краснаго цвѣта обои.

Онъ стоялъ—съ болтающимся на шеѣ кашнэ и съ одной только фалдою: другую—увы—оторвали...

Такъ стоялъ онъ: изъ глазныхъ громадныхъ проваловъ на подпоручика неотрывно глядѣла холодная, огромная пустота, темнота; прилипала и леденила; подпоручикъ Лихутинъ отчего-то почувствовалъ тутъ, что онъ со всею своей физической силою, здравостью (онъ думалъ, что здравъ онъ) и болѣе того, съ благородствомъ,—только мрѣющій морокъ; такъ что стоило Аблеухову съ тѣмъ сверкающимъ видомъ приблизиться къ подпоручику, какъ подпоручикъ, Сергѣй Сергѣевичъ, сталъ явственно отъ него отступать.

— „Да я вѣрю вамъ, вѣрю вамъ“—растерянно замахалъ онъ руками.

— „Я, видите ли“,—окончательно законфузился онъ,—„не сомнѣвался нисколько... Мнѣ, право, стыдно... Взволнованъ я... Мнѣ жена разсказала... Ей записку эту подкинули... Она и прочла—разумѣется, распечатала по ошибкѣ“—для чего-то солгалъ онъ и покраснѣлъ, и потупился...

— „Разъ записка мнѣ была распечатана“,—тутъ придрался злорадно сенаторскій сынъ,—„то“...—пожалъ онъ плечами,—„то Софья Петровна, конечно, въ правѣ была (это звучало

Digitized by Microsoft®

ироніей) разсказать вамъ, какъ мужу, и самое содержаніе"—процѣживалъ Николай Аполлоновичъ надменнѣйшимъ образомъ; и—продолжалъ наступать.

— „Я... я... погорячился"—защищался Лихутинъ: взглядъ его упалъ на злосчастную фалду, и къ фалдѣ онъ прицѣпился.

— „Фалду это, не безпокойтесь: я самъ пришью..."

Но Николай Аполлоновичъ съ чуть-чуть-чуть улыбнувшимся ртомъ—самосвѣтящійся стройный — укоризненно продолжалъ потряхивать ладонями въ воздухѣ:

— „Вы не вѣдали, что̀ творили".

Темновасильковыя, темносинія его очи и свѣтомъ стоящіе волосы выражали смутную, неизъяснимую грусть:

— „Идите же: доносите, не вѣрьте!.."

И отвернулся...

Плечи широкія заходили прерывисто... Николай Аполлоновичъ безудержно плакалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ: Николай Аполлоновичъ, освободившись отъ грубаго, животнаго страха, сталъ и вовсе безстрашнымъ; и болѣе: въ ту минуту онъ даже хотѣлъ пострадать; такъ по крайней мѣрѣ онъ себя ощутилъ въ ту минуту: ощутилъ себя отданнымъ на терзанье героемъ, страдающимъ всенародно, позорно; тѣло его въ ощущеніяхъ было—тѣломъ истерзаннымъ; чувства-жъ были разорваны, какъ разорвано самое „я"; изъ разрыва же „я"—ждалъ онъ—брызнетъ слѣпительный свѣточъ и голосъ родимый оттуда къ нему изречетъ, какъ всегда, — изречетъ въ немъ самомъ: для него самого:

— „Ты страдалъ за меня: я стою надъ тобою".

Но голоса не было. Свѣточа тоже не было. Была—тьма. Самое чувство вѣроятно оттого и возникло, что только теперь понялъ онъ: отъ встрѣчи на Невскомъ до этой послѣдней минуты незаслуженно оскорбляли его; привезли насильно сюда, протащили—проволокли въ кабинетикъ: насильно; и—оторвали здѣсь, въ кабинетикѣ, сюртучную фалду; вѣдь и такъ непрерывно страдалъ онъ—двадцать четыре часа: такъ за что-жъ долженъ былъ сверхъ того пережить онъ и страхъ передъ оскорбленіемъ дѣйствіемъ? Почему-жъ не было при-

Digitized by Microsoft ®

миреннаго голоса: „Ты страдалъ за меня?“ Потому что онъ ни за кого не страдалъ: пострадалъ за себя... Такъ сказать, расхлебывалъ имъ самимъ заваренную кашу изъ безобразныхъ событій. Оттого и голоса не было. Свѣточа тоже не было. Въ мѣстѣ прежняго „я“ была тьма. Этого онъ не выдержалъ: плечи широкія заходили прерывисто.

Онъ отвернулся: онъ плакалъ.

— „Право же“,—раздалось у него за спиной и примиренно, и кротко,—„ошибся, не понялъ я...“

Въ голосѣ этомъ все же былъ и оттѣнокъ досады: стыда и... досады; и Сергѣй Сергѣевичъ стоялъ, закусивши больно губу; ужъ не жалѣлъ ли только-что усмиренный Лихутинъ, что ошибся онъ, что врага-то, пожалуй, не пришибить: ни вотъ этимъ вотъ кулакомъ, ни благородствомъ; такъ точно бѣшеный быкъ, раздразненный краснымъ платкомъ, бросается на противника и — налетаетъ на желѣзныя перекладины клѣтки: и стоитъ, и мычитъ, и не знаетъ, что̀ дѣлать. На лицѣ подпоручика изображалась борьба непріятныхъ воспоминаній (разумѣется, домино) и благороднѣйшихъ чувствъ; противникъ же, подставляя все спину и плача, непріятно такъ приговаривалъ:

— „Пользуясь своимъ физическимъ превосходствомъ, вы меня... въ присутствіи дамы проволокли, какъ... какъ...“

Благороднѣйшій порывъ побѣдилъ; Сергѣй Сергѣичъ Лихутинъ съ протянутою рукой пересѣкъ кабинетикъ; но Николай Аполлоновичъ, повернувшись (на рѣсницѣ его задрожала слезинка), голосомъ, задушеннымъ отъ его объявшаго бѣшенства и отъ—увы!—самолюбія, пришедшаго слишкомъ поздно, такъ отрывисто произнесъ:

— „Какъ... какъ... тютьку...“

Протяни ему руку онъ, — Сергѣй Сергѣичъ почелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ: на лицѣ бы его заиграло полное благодушіе; но порывъ благородства, точно такъ же, какъ бѣшенства, тутъ же у него закупорился въ душѣ; палъ въ пустую тьму порывъ благородства.

— „Вы хотѣли, Сергѣй Сергѣевичъ, убѣдиться?.. Что я — не отцеубійца?.. Нѣтъ, Сергѣй Сергѣевичъ, нѣтъ: надо было

Digitized by Microsoft®

подумать заранѣе... Вы же вотъ, какъ... какъ тютьку. И—оторвали мнѣ фалду"...

— „Фалду можно подшить!"

И прежде чѣмъ Аблеуховъ опомнился, Сергѣй Сергѣевичъ бросился къ двери:

— „Марѳушка!.. Черныхъ нитокъ!.. Иголку..."

Но раскрытая дверь чуть было не ударилась въ Софью Петровну, которая тутъ за дверью подслушивала; уличенная, она отскочила, но—поздно: уличенная и красная, какъ піонъ, была она поймана; и на нихъ—на обоихъ—бросала она негодующій, уничтожающій взглядъ.

Между ними троими лежала сюртучная фалда.

— „А?.. Сонечка..."

— „Софья Петровна!.."

— „Я вамъ помѣшала?.."

— „Поди-ка... Вотъ Николай Аполлоновичъ... Знаешь ли... оторвалъ себѣ фалду... Ему бы..."

— „Нѣтъ, не безпокойтесь Сергѣй Сергѣичъ; Софья Петровна —сдѣлайте одолженіе..."

— „Ему бы пришить".

Но уже Николай Аполлоновичъ съ перекошеннымъ отъ глупаго положенія ртомъ, рукавомъ утирая предательскія рѣсницы и припадая на все еще хромавшую ногу, появился въ комнатѣ съ Фудзи-Ямами... въ трепаномъ сюртукѣ, съ одною висящею фалдою; приподымая итальянскій свой плащъ, поднялъ голову и, увидѣвши переплетъ потолка, для соблюденья приличій перекошенный ротъ свой обратилъ на Софью Петровну.

— „А скажите, Софья Петровна, у васъ какая-то перемѣна: на потолкѣ у васъ что-то такое... Какая-то неисправность: работали маляры?"

Но Сергѣй Сергѣевичъ перебилъ:

— „Это я, Николай Аполлоновичъ: я... чинилъ потолки..."

Самъ же онъ думалъ:

— „А? Скажите пожалуйста: нынѣшней ночью—недоповѣсился; недообъяснился—теперь..."

Digitized by Microsoft®

Николай Аполлоновичъ, уходя, прохромалъ черезъ залъ; упадая съ плеча, проволочился за нимъ чернымъ шлейфомъ фантастическій плащъ его.

. . . . . .

Изъ-за нотабэнъ, вопросительныхъ знаковъ, параграфовъ, черточекъ, изъ-за уже послѣдней работы поднимается лысая голова; и — опять упадаетъ. Закипѣла, и отъ себя отдѣляя кипящіе трески и блески, расфыркалась жаромъ дохнувшая груда—малиновая, золотая; угольями поразсыпались полѣнья,—и лысая голова поднялась на каминъ съ сардонически усмѣхнувшимся ртомъ и съ прищуренными глазами; вдругъ губы отогнулись испуганно.

Что это?

Во всѣ стороны поразвили красные, кипящіе свѣточи — бьющіеся огни, льющіеся оленьи рога: завѣтвились, и отовсюду вылизываются, — древовидные, золотые, сквозные; повыкидались изъ краснаго, каминнаго жёрла; кидаются настѣны: побѣжалъ, расширяясь, каминъ, превращался въ каменный и темничный мѣшокъ, гдѣ застыли (вдругъ стали, вдругъ замерли) всѣ текучія свѣтлости, пламена, темновасильковые угарные газы и гребни: въ опрозрачненномъ свѣтѣ — тамъ сроилась фигура, приподнятая подъ убѣгающій сводъ и сутуло протянутая; тянутся красныя, пятипалыя руки—попаляющія прикосновеньемъ огней.

Что это?

Вотъ — страдальчески усмѣхнувшійся ротъ, вотъ — глаза васильковаго цвѣта, вотъ—свѣтомъ стоящіе волосы: облеченный въ ярость огней съ искрою пригвожденными въ воздухѣ широко раздвинутыми руками, съ опрокинутыми въ воздухѣ ладонями—ладонями, которыя проткнуты,—

— крестовидно раскинутый Николай Аполлоновичъ тамъ страдаетъ изъ свѣтлости свѣтовъ и указуетъ очами на красныя ладонныя язвы; а изъ разъятаго неба льетъ ему росы прохладный широко-

Digitized by Microsoft®

крылый архангелъ — въ раскаленную пещь... —

— „Онъ не вѣдаетъ, что̀ творитъ...“

Вдругъ... — головокружительный трескъ, шипѣніе, фырканье: свѣтлыя свѣтлости, всколебавшися, разорвались на части, разметая страдальческій образъ водоворотами искръ.

. . . . . .

Черезъ четверть часа онъ велѣлъ заложить лошадей; черезъ сорокъ минутъ прошествовалъ онъ въ карету (это видѣли мы въ предыдущей главѣ); черезъ часъ карета стояла среди праздной толпы; и—только ли праздной?..

Что-то случилось тутъ.

Полувершковое пространство, или стѣнка кареты, отдѣляло Аполлона Аполлоновича отъ мятежной толпы; кони храпѣли, а въ стеклахъ кареты Аполлонъ Аполлоновичъ видѣлъ все головы: котелки, фуражки и, главное, манджурскія шапки; видѣлъ пару онъ на себя устремленныхъ, негодующихъ глазъ; видѣлъ онъ и разорванный ротъ оборванца: поющій ротъ (пѣли). Оборванецъ, увидѣвши Аблеухова, что-то грубо кричалъ:

— Выходите, ей, видите: нѣтъ проѣзду“.

Къ голосу оборванца присоединились голоса оборванцевъ.

Тогда Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, во избѣжаніе непріятностей, по принужденію толпы долженъ былъ пріоткрыть каретное дверце; оборванцы увидѣли вылѣзающаго старика съ дрожащей губой, придерживающаго перчаткою край цилиндра; Аполлонъ Аполлоновичъ видѣлъ предъ собой орущіе рты и высокое древко: отрываясь отъ деревяннаго древка, по воздуху гребнями разрывались, трепались и рвались легкосвистящія лопасти краснаго кумачеваго полотнища, плещущаго въ пустоту:

— „Эй вы, шапку долой!“

Аполлонъ Аполлоновичъ снялъ цилиндръ и поспѣшно сталъ тискаться къ тротуару, бросивъ карету и кучера; скоро онъ сѣменилъ по направленію, противоположному роящейся массѣ; черныя тутъ фигурки повылились изъ магазиновъ,

Digitized by Microsoft®

дворовъ, боковыхъ проспектовъ, трактировъ; Аполлонъ Аполлоновичъ выбивался изъ силъ: и — выбился въ боковые, пустые проспекты, откуда... летѣли... казаки...

. . . . . .

Ужъ казацкій отрядъ пролетѣлъ; опорожнилось мѣсто; виднѣлися спины мчащихся къ полотнищу казаковъ; и виднѣлась спина быстро бѣгущаго старичка въ высочайшемъ цилиндрѣ.

Пассіансикъ.

На столѣ кипѣлъ самоваръ; съ этажерки отбрасывалъ металлическій глянецъ совершенно новенькій, совершенно чистенькій самоварчикъ; самоваръ же, который кипѣлъ на столѣ, былъ невычищенъ, грязенъ; совершенно новенькій самоварчикъ ставился при гостяхъ; безъ гостей на столъ подавалося просто кривое уродище: громко оно хрипѣло, сопѣло; и порою стрѣляло изъ дырочекъ красной искрой. Накатала катышки бѣлаго хлѣба невоспитанная чья-то рука; и они порасплющились на скомканной скатерти въ пятнахъ; подъ недопитымъ стаканомъ прокисшаго чая (прокисшаго отъ лимона) неопрятно сырѣло пятно; и стояла тарелка съ объѣдками холодной котлеты и съ картофельнымъ холоднымъ пюрэ.

Ну и гдѣ же были роскошные волосы? Вмѣсто нихъ выдавалась косица.

Вѣроятно Зоя Захаровна Флейшъ носила парикъ (при гостяхъ разумѣется); и—кстати замѣтить: вѣроятно она безстѣнчиво красилась, потому что мы ее видѣли роскошноволосой брюнеткой, съ эмалированной, слишкомъ гладкою кожей; а теперь передъ нами была просто старая женщина съ потнымъ носомъ и съ крысиной косичкой; на ней была кофточка: и, опять-таки, грязная (вѣроятно, ночная).

Липпанченко сидѣлъ, полуотвернувшись отъ чайнаго столика, подставляя и Зоѣ Захаровнѣ, и грязному самовару квадратную, сутуловатую спину. Передъ Липпанченко лежалъ полуразложенный пассіансъ, заставляющій предполагать, что

Digitized by Microsoft®

Липпанченко послѣ ужина принялся за обычное препровожденіе вечера, благотворно вліяющее на нервы, но—былъ потревоженъ: неохотно онъ оторвался отъ картъ; произошелъ продолжительный разговоръ, во время котораго были, конечно, забыты: стаканъ чаю, пассьянсъ, и все прочее.

Послѣ же этого разговора Липпанченко и повернулся спиной: спиной къ разговору.

Онъ сидѣлъ безъ крахмальнаго воротничка, безъ пиджака, съ разстегнутымъ поясомъ, очевидно давившемъ животъ, отчего межъ жилетомъ и съѣзжающими штанами (темно-желтаго цвѣта—все тѣми же) предательски выдался язычекъ неудобной крахмальной сорочки.

Мы застали Липпанченко въ то мгновеніе, когда онъ задумчиво созерцалъ, какъ черное отъ часовъ ползло съ шелестѣніемъ пятно таракана; они водились на дачкѣ: огромные, черные; и водились въ обиліи,—въ такомъ несносномъ обиліи, что несмотря на свѣтъ лампы,—и въ углу шелестѣло, и изъ щели буфета по временамъ вытарчивалъ усикъ.

Отъ созерцанія ползущаго таракана былъ оторванъ Липпанченко плаксивыми причитаньями своей спутницы жизни.

Чайный подносъ отъ себя отодвинула Зоя Захаровна съ шумомъ, такъ что Липпанченко вздрогнулъ.

— „Ну?.. И что же такое?.. И отчего же такое?“

— „Что̀ такое?“

— „Неужели вѣрная женщина, сорокалѣтняя женщина, вамъ отдавшая жизнь,—женщина такая, какъ я...“

И локтями упала на столъ: одинъ локоть былъ прорванъ, а въ прорывѣ виднѣлась старая, поблекшая кожа и на ней расчесанный, вѣроятно, блошиный укусъ.

— „Что такое вы тамъ лепечете, матушка: говорите яснѣе...“

— „Неужели женщина, такая, какъ я, не имѣетъ права спросить?.. Старая женщина“—и ладонями позакрывала лицо она: выдавался лишь носъ да два черныхъ топорщились глаза.

Липпанченко повернулся на креслѣ.

Digitized by Microsoft ®

Видимо слова ея позадѣли его; на мгновеніе выступило на лицѣ подобіе гнетущаго угрызенія; онъ не то съ вялой робостью, а не то просто съ дѣтскимъ капризомъ поморгалъ двумя глазками; видимо, онъ хотѣлъ что-то высказать; и видимо,—высказать онъ боялся; что-то такое онъ теперь медленно соображалъ,—ужъ не то ли, какъ въ душѣ его спутницы отозвалось бы страшное признаніе это; голова Липпанченки опустилась; онъ сопѣлъ и глядѣлъ исподлобья.

Но позывъ къ правдивости оборвался; и самая правдивость упала въ глухое душевное дно. Онъ принялся за пассіансъ:

— „Гмъ: да, да... На шестерку пятерку... Гдѣ дама?.. Тутъ дама... И—заложенъ валетъ...“

Вдругъ онъ бросилъ на Зою Захаровну испытующій, подозрѣвающій взглядъ, и его короткіе пальцы съ золотистою шерстью перенесли стопочку картъ: отъ стопочки картъ—къ другой стопочкѣ картъ.

— „Ну,—и выдался пассіансикъ...“—продолжалъ онъ сердито раскладывать ряды картъ.

На-чисто протертую чашку Зоя Захаровна бережно понесла къ этажеркѣ, припадая на туфли.

— „Ну?.. И отчего же сердиться?“

Теперь, припадая на туфли, она заходила по комнатѣ; раздавалось пришлепыванье (тараканій усъ спрятался въ буфетную щель).

— „Да я, матушка, не сержусь“—и опять испытующій взглядъ бросилъ онъ на нее: сложивъ руки на животѣ и выпячивая корсетомъ нестянутый и почтенный животъ, на ходу она трепетала отвисающимъ подбородкомъ; и тихонько къ нему подошла, и тихонько тронула за плечо:

— „Вы спросили бы лучше, почему я васъ спрашиваю?.. Потому что всѣ спрашиваютъ... Пожимаютъ плечами... Такъ ужъ думаю я“—навалилась на кресло она и животомъ, и грудями,—„лучше мнѣ все узнать“...

Но Липпанченко, закусивши губу, съ безпокойною дѣловитостью рядъ за рядомъ раскладывалъ карты.

Digitized by Microsoft®

Онъ-то, Липпанченко, помнилъ, что завтрашній день для него необычаенъ по важности; если завтра не сумѣетъ онъ оправдать ее предъ ними, не сумѣетъ стряхнуть угрожающей тяжести на него обрушенныхъ документовъ, то ему—шахъ и матъ. И онъ, помня все это, только посапывалъ носомъ:

— „Гмъ: да-да... Тутъ свободное мѣсто... Дѣлать нечего: короля въ свободное мѣсто...“

И—не выдержалъ онъ:

— „Говорите, что спрашиваютъ?..“

— „А вы думали—нѣтъ?“

— „И приходятъ въ отсутствіи?..“

— „Приходятъ, приходятъ: и пожимаютъ плечами...“

Липпанченко бросилъ карты:

— „Ничего не выйдетъ: позаложены двойки...“

Видно было, что онъ волновался.

Въ это время изъ спальни Липпанченко что-то жалобно прозвенѣло, какъ будто бы тамъ открывали окошко. Оба они повернули головы къ спальнѣ Липпанченко; осторожно оба молчали: кто бы могъ это быть?

Вѣрно Томъ, санъ-бернаръ.

— „Да поймите, странная женщина, что ваши вопросы“—тутъ Липпанченко, охая, всталъ,—для того ли, чтобы удостовѣриться о причинѣ страннаго звука, для того ли, чтобы увильнуть отъ отвѣта.

— „Нарушаютъ партійную...“—отхлебнулъ онъ глотокъ совершенно кислаго чаю—„дисциплину...“

Потягиваясь, онъ прошелъ въ открытую дверь,—въ глубину, въ темноту...

— „Да какая же, Коленька, со мной-то партійная дисциплина“—возразила Зоя Захаровна, подперевъ ладонью лицо, и опустила внизъ голову, продолжая стоять надъ пустымъ теперь кресломъ...—„Вы подумайте только...“

Но она замолчала, потому что кресло пустѣло; Липпанченко оттопатывалъ по направленію къ спальнѣ; и разсѣянно перебѣгала по картамъ—она.

Шаги Липпанченко приближались.

Digitized by Microsoft®

— „Между нами тайнъ не было...“—Это она сказала себѣ.

Тотчасъ же она повернула голову къ двери—къ темнотѣ, къ глубинѣ—и взволнованно заговорила она на встрѣчу топотавшему шагу:

— „Вы же сами не предупредили меня, что и разговаривать-то намъ съ вами, въ сущности, не о чемъ“ (Липпанченко появился въ дверяхъ), что у васъ теперь тайны, а вотъ меня...“

— „Нѣтъ, такъ это: въ спальнѣ нѣтъ никого“—перебилъ онъ ее...

— „Меня досаждаютъ: ну и—взгляды, намеки, разспросы... Были даже...“

Ротъ его скучающе разорвался въ зѣвотѣ; и разстегивая свой жилетъ, недовольно пробормоталъ себѣ въ носъ:

— „Ну и къ чему эти сцены?“

— „Были даже угрозы по вашему адресу...“

Пауза.

— „Ну и понятно, что спрашиваю... Чего раскричались-то? Что такое я сдѣлала, Коленька?.. Развѣ я не люблю?.. Развѣ я не боюсь?“

Тутъ она обвилась вокругъ толстой шеи руками. И—хныкала:

— „Я—старая женщина, вѣрная женщина...“

И онъ видѣлъ у себя на лицѣ ея носъ; носъ—ястребиный; вѣрнѣй — ястребинообразный; ястребиный, если бы — не мясистость: носъ—пористый; эти поры лоснились потомъ; два компактныхъ пространства въ видѣ сложенныхъ щекъ исчертились нечеткими складками кожи (когда не было ужъ ни крема, ни пудры)—кожи, не то, чтобы дряблой, а—непріятной, несвѣжей; двѣ морщины отъ носа явственно прорѣзались подъ губы, внизъ губы эти оттягивали; и уставились въ глазки глаза; можно сказать, что глаза вылуплялись и назойливо лѣзли—двумя черными, двумя жадными пуговицами; и глаза не свѣтились.

Они—только лѣзли.

Digitized by Microsoft®

— „Ну, оставьте... Оставьте... Довольно же... Зоя Захаровна... Отпустите... Я же страдаю одышкой: задушите...“

Тутъ онъ пальцами охватилъ ея руки и снялъ съ своей шеи; и опустился на кресло; и тяжело задышалъ:

— „Вы же знаете, какой я сантиментальный и слабонервный... Вотъ опять я...“

Они замолчали.

И въ глубокомъ, въ тяжеломъ безмолвіи, наступающемъ послѣ долгаго, безотраднаго разговора, когда все уже сказано, всѣ опасенья передъ словами изжиты и остается лишь тупая покорность,—въ глубокомъ безмолвіи она перемывала стаканъ, блюдце и двѣ чайныя ложки.

Онъ же сидѣлъ, полуотвернувшись отъ чайнаго столика, подставляя Зоѣ Захаровнѣ и грязному самовару свою квадратную спину.

— „Говорите,—угрозы?“

Она такъ и вздрогнула.

Такъ и просунулась вся: изъ-за самовара; губы вновь оттянулись: обезпокоенные глаза чуть не выскочили изъ орбитъ; обезпокоенно побѣжали по скатерти, вскарабкались на толстую грудь и вломились въ моргавшіе глазки; и—что̀ сдѣлало время?

Нѣтъ, что̀ оно сдѣлало?

Свѣтлокаріе эти глазки, эти глазки, блестящіе юморомъ и лукавой веселостью только въ двадцать пять лѣтъ потускнѣли, вдавились и подернулись угрожающей пеленой; позатянулися дымами всѣхъ поганѣйшихъ атмосферъ: темножелтыхъ, желто-шафранныхъ; правда: двадцать пять лѣтъ—срокъ немалый, но все-таки—поблекнуть, такъ съежиться! А подъ глазками двадцатипятилѣтіе это оттянуло жировые, тупые мѣшки; двадцать пять лѣтъ—срокъ не малый; но...—къ чему этотъ выдавленный кадыкъ изъ-подъ круглаго подбородка? Розовый цвѣтъ лица ожелтился, промаслился, свялъ—заужасалъ сѣрой блѣдностью трупа; лобъ — заросъ; и — выросли уши; вѣдь бываютъ же просто приличные старики? А вѣдь онъ—не старикъ...

Digitized by Microsoft ®

Что ты сдѣлало, время?

Бѣлокурый, розовый, двадцатилѣтній парижскій студентъ—студентъ Лйпенскій,—разбухая до бреда, превращался упорно въ сорокапятилѣтнее, неприличное пауковое брюхо: въ Липпанченко.

Невыразимые смыслы.

Кустъ кипѣлъ... На песчанистомъ побережьѣ здѣсь и тамъ морщинились озерца соленой воды.

Отъ залива летѣли все бѣлогривыя полосы; луна освѣщала ихъ, за полосой полоса тамъ вскипала вдали и тамъ громыхала; и потомъ она падала, подлетая у самаго берега клочковатою пѣной; отъ залива летящая полоса стлалась по плоскому берегу—покорно, прозрачно; она облизывала пески: срѣзывала пески — ихъ точила; будто тонкое и стеклянное лезвіё, она неслась по пескамъ; кое-гдѣ та стеклянная полоса доплескивалась до соленаго озерца; наливала въ него растворъ соли.

И уже бѣжала обратно. Новая громопѣнная полоса ее бросала опять.

Кустъ кипѣлъ...

— Вотъ—и здѣсь, вотъ—и тамъ, были сотни кустовъ; въ нѣкоторомъ отдаленьи отъ моря черныя протянулись и суковатыя руки кустовъ; эти безлистныя руки подымались въ пространство полоумными взмахами; черноватенькая фигурочка безъ калошъ и безъ шапки испуганно пробѣгала межъ нихъ; лѣтомъ шли отъ нихъ сладкіе и тиховѣйные лепеты; лепеты позасохли давно, такъ что скрежетъ и стонъ подымались отъ этого мѣста; туманы восходили отсюда; и сырости восходили отсюда; коряги же всѣ тянулись—изъ тумана и сырости; изъ тумана и сырости предъ фигурочкой узловатая заломалась рука, исходящая жердями, какъ шерстью.

Ужъ фигурка склонилась къ дуплу—въ пелену черной сырости; тутъ она задумалась горько; и тутъ въ руки она уронила непокорную голову:

Digitized by Microsoft®

— „Душа моя“,—встало изъ сердца:—„душа моя,—ты отошла отъ меня... Откликнись, душа моя: бѣдный я...“

Встало изъ сердца:

— „Предъ тобою паду я съ разорванной жизнью... Вспомни меня: бѣдный я...“

Ночь, проколотая искрометною точкою, совершалась свѣтло; и подрагивала чуть замѣтная точечка у самаго горизонта морского; видно близилась къ Петербургу торговая шхуна; изъ прокола ночного вызрѣвалъ огонекъ, наливаяся свѣтомъ, какъ созрѣвающій колосъ, усатый лучами.

Вотъ ужъ онъ превратился въ широкое, багровое око, за собой выдавая темный кузовъ судна и надъ нимъ—лѣсъ снастей.

И надъ черненькой унывавшей фигуркой, на встрѣчу летящему призраку, подлетѣли подъ мѣсяцемъ деревянныя, многожердистыя руки; голова кустяная, узловатая голова протянулась въ пространство, паутинно качая сѣть черненькихъ вѣточекъ; и—качалась на небѣ; легкій мѣсяцъ въ той сѣти запутался, задрожалъ, ослѣпительнѣй засверкалъ: и будто слезою облился: наполнились фосфорическимъ блескомъ воздушные промежутки изъ сучьевъ, являя неизъяснимости, и изъ нихъ сложилась фигура;—тамъ сложилось оно—тамъ началось оно: громадное тѣло, горящее фосфоромъ съ купороснаго цвѣта плащомъ, отлетающимъ въ туманистый дымъ; повелительная рука, указуя въ грядущее, протянулась по направленію къ огоньку, тамъ мигавшему изъ дачнаго садика, гдѣ упругія жерди кустовъ ударялись въ рѣшетку.

Фигурочка остановилась, умоляюще она протянулась къ фосфорическимъ промежуткамъ изъ сучьевъ, слагающимъ тѣло:

— „Но позволь, позволь; да нельзя же такъ—по одному подозрѣнію, безъ объясненія...“

Повелительно рука указывала на свѣтовое окошко, прострѣливающее черные и скрежещущіе суки.

Черноватенькая фигурка тутъ вскрикнула и побѣжала въ пространство; а за нею рванулось черное суковатое очерта-

Digitized by Microsoft®

ніе, складываясь на песчанистомъ берегу въ то самое странное цѣлое, которое могло выдавить изъ себя чудовищные, невыразимые смыслы, не существующіе нигдѣ; черноватенькая фигурка ударилась грудью въ рѣшетку какого-то садика, перелѣзла черезъ заборъ и теперь беззвучно скользила, цѣпляясь ногами о росянистыя травы,—къ той сѣренькой дачкѣ, гдѣ она была такъ недавно, гдѣ теперь—все не то.

Осторожно она подкралась къ террасѣ, приложила руку къ груди; и беззвучно она, въ два скачка, оказалась у двери; дверь не была занавѣшена; фигурочка тогда приникла къ окну; тамъ, за окнами, ширился свѣтъ.

Тамъ сидѣли...—

— На столѣ стоялъ самоваръ; подъ самоваромъ стояла тарелка съ объѣдками холодной котлеты; и выглядывалъ женскій носъ съ непріятнымъ, сконфуженнымъ, немного придавленнымъ видомъ; носъ выглядывалъ робко; и—робко онъ прятался: носъ—ястребиный; колыхалася на стѣнѣ тѣневая женская голова съ короткой косицей; эта жалкая голова повисала на выгнутой шеѣ. Липпанченко одной рукой облокотился на столъ; другая рука лежала свободно на кресельной спинкѣ; грубая, — отогнулась и разогнулась ладонь; поражала ея ширина; поражала короткость пяти будто бы обрубленныхъ пальцевъ, съ заусенцами и съ коричневой краскою на ногтяхъ...—

— Фигурочка въ два скачка отлетѣла отъ двери; и—очутилась въ кустахъ; ее охватилъ порывъ неописуемой жалости; кинулась безлобая, головастая шишка—изъ дупла, подъ двумя суками къ фигурочкѣ; застонали

Digitized by Microsoft®

вѣтра въ гниловатомъ раструбѣ куста.:

И фигурочка ожесточенно зашептала подъ кустъ:

— „Вѣдь нельзя же такъ просто... Вѣдь какъ же такъ... Вѣдь еще ничего не доказано...“

Лебединая пѣсня.

Повернувшись всѣмъ корпусомъ отъ вздохнувшей Зои Захаровны, Липпанченко протянулъ свою руку — ну, представьте же! — къ тутъ на стѣнкѣ повѣшенной скрипкѣ:

— „Человѣкъ на сторонѣ имѣетъ всякія непріятности... Возвращается домой, отдохнуть, а тутъ—нате же...“

Онъ досталъ канифоль: просто съ какой-то свирѣпостью, переходящей всякую мѣру,—онъ накинулся на кусокъ канифоли; съ наслажденіемъ онъ взялъ промежъ пальцевъ кусокъ канифоли; съ виноватой гримаскою, не подходящей нисколько къ его положенію въ партіи, ни къ только-что бывшему разговору, онъ принялся о канифоль натирать свой смычокъ; послѣ онъ принялся за скрипку:

— „Можно сказать,—встрѣчаютъ слезами...“

Скрипку прижалъ къ животу и надъ ней изогнулся, упирая въ колѣни ее широкимъ концомъ; узкій конецъ онъ вдавилъ себѣ въ подбородокъ; онъ одною рукой съ наслажденіемъ сталъ натягивать струны, а другою рукой—извлекъ звукъ:

— „Донъ!“

Голова его выгнулась и склонилась нà-бокъ при этомъ; съ вопросительнымъ выраженіемъ нето шутовскимъ, нето жалобнымъ (младенческимъ какъ-никакъ) поглядѣлъ онъ на Зою Захаровну и причмокнулъ губами; онъ какъ будто бы спрашивалъ:

— „Слышите?“

Она сѣла на стулъ: съ вопросительнымъ, полуумиленнымъ, полуожесточеннымъ лицомъ поглядѣла она на Липпанченко и на палецъ Липпанченко; палецъ пробовалъ струны; а струны—теренькали.

Digitized by Microsoft ®

— „Такъ-то лучше!“

И онъ улыбнулся; улыбнулась она; оба кивнули другъ другу; онъ — съ помолодѣвшимъ задоромъ; она же — съ оттѣнкомъ конфузливости, выдающимъ и смутную гордость, и старое обожаніе передъ нимъ (предъ Липпанченко?),—она же воскликнула:

— „Ахъ, какой вы...“—

— „Трень-трень...“

— „Неисправимый ребенокъ!“

И при этихъ словахъ, несмотря на то, что Липпанченко выглядѣлъ совершеннѣйшимъ носорогомъ, и стремительнымъ, и ловкимъ движеніемъ кисти лѣвой руки перевернулъ Липпанченко свою скрипку; въ уголъ между огромнымъ плечомъ и къ плечу упавшею головою молніеносно вдвинулся ея широкій конецъ; узкій край оказался въ забѣгавшихъ пальцахъ:

— „А нуте-ка“.

Подлетѣла рука со смычкомъ; и—взвѣсилась въ воздухѣ: замерла; нѣжнѣйшимъ движеніемъ смычка прикоснулась къ струнѣ; смычокъ же поѣхалъ по струнамъ; за смычкомъ поѣхала—вся рука; за рукой поѣхала голова; за головой—толстый корпусъ: все на-бокъ поѣхало.

Закорючкою согнулся мизинецъ: онъ—смычка не касался.

Кресло треснуло подъ Липпанченкой, который, казалось, натужился въ одномъ крѣпкомъ упорствѣ: издать нѣжный звукъ; сипловатый и все же пріятный басокъ его неожиданно огласилъ эту комнату, заглушая и храпъ санъ-бернара, и шелестѣніе таракана.

— „Не ии-скууу-шаай“—пѣлъ Липпанченко.

— „Меняя беезъ нууу-уууу...“ — подхватили нѣжныя, тихо вздохнувшія струны.

— „жды“ — пѣлъ изогнутый на-бокъ Липпанченко, который, казалось, натужился въ одномъ крѣпкомъ необоримомъ упорствѣ: издать нѣжный звукъ.

Въ молодые годы еще они пѣвали подолгу этотъ старый романсъ, не распѣваемый нынѣ.

. . . . . .

Digitized by Microsoft®

— „Тссс!“
— „Послушай?“
— „Окошко?..“
— „Надо пойти: посмотрѣть“.

. . . . . .

Дымными и раззелеными клубами меланхолически пробѣгали тамъ тусклости; встала луна изъ-за облака; и все, что̀ стояло, какъ тусклость,—разъялось, распалось; и скелеты кустовъ прочернились въ пространствѣ; и косматыми клочьями повалились на землю ихъ тѣни; обнажился фосфорическій воздухъ въ пролетахъ изъ сучьевъ; всѣ воздушныя пятна сложились—вотъ оно, вотъ оно: тѣло, горящее фосфоромъ; повелительно ей оно протянуло свою руку къ окну; фигурочка къ окну подскочила; окно не было заперто; отворяясь, оно продребезжало чуть-чуть; и отскочила фигурочка.

Въ окнахъ двинулись тѣни; кто-то прошелъ со свѣчей — въ занавѣшенныхъ окнахъ; освѣтилось и это — незапертое— окно; отдернулась занавѣска; толстая постояла фигура и поглядѣла туда—въ фосфорическій міръ; казалось, что глядитъ подбородокъ, потому что — вытарчивалъ подбородокъ; глазки не были видны; вмѣсто глазокъ темнѣли двѣ орбиты; двѣ безбровыя надбровныя дуги неестественно пролоснились подъ луной. Занавѣска задвинулась; кто-то, огромный и толстый, обратно прошелъ въ занавѣшенныхъ окнахъ; скоро все успокоилось. Дребезжаніе скрипки и голоса исходили снова изъ дачки.

Кустъ кипѣлъ. Головастая, безлобая шишка выдвинулась въ луну въ одномъ крѣпкомъ упорствѣ: понять—что̀ бы нибыло, какою угодно цѣною; понять, или — разлетѣться на части; изъ дуплистаго стволика выдавался этотъ старый, безлобый наростъ, обрастающій мохомъ и коростомъ; онъ протягивался подъ вѣтромъ; онъ молилъ пощадить—что̀ бы нибыло, какою угодно цѣною. Отъ дуплистаго стволика вторично отдѣлилась фигурка; и подкралась къ окошку; отступленіе было отрѣзано; ей оставалось одно: довершить начато̀е. Теперь она пряталась... въ спальнѣ Липпан-

Digitized by Microsoft ®

ченки съ нетерпѣніемъ она поджидала Липпанченко—въ спальню.

. . . . . .

И негодяи, вѣдь, имѣютъ потребность пропѣть себѣ лебединую пѣсню.

— „Разоо-чаа-роо̀... ваннооо-му... чуу-уу-жды... всѣ обольщееенья преееежнихъ... днееей... Уужъ яя... нее... вѣ̀-рюю въ уу-вѣ̀—реенья...“

— „Ужъ яя... не вѣ̀-рую въ лю̀ю-бовь...“

Зналъ ли онъ, что̀ поетъ? И—что̀ такое играетъ? Почему ему грустно? Почему сжимается горло—до боли?.. Отъ звуковъ? Липпанченко этого не понималъ, какъ не понималъ онъ и нѣжныхъ, имъ извлекаемыхъ звуковъ... Нѣтъ, лобная кость понять не могла: лобъ былъ маленькій, въ поперечныхъ морщинахъ: казалось, онъ плачетъ.

Такъ въ одну октябрьскую ночь спѣлъ Липпанченко лебединую пѣсню.

Перспектива.

Ну—и вотъ!

Онъ попѣлъ, поигралъ; положивъ на столъ скрипку, отиралъ платкомъ испариной покрытую голову; медленно колыхалось его неприличное, пауковое, сорокапятилѣтнее брюхо; наконецъ, взявъ свѣчу, онъ отправился въ спальню; на порогѣ онъ, еще разъ, нерѣшительно повернулся, вздохнулъ и надъ чѣмъ-то задумался; вся фигура Липпанченко выразила одну смутную, неизъяснимую грусть.

И—Липпанченко провалился во мракѣ.

Когда пламя свѣчи неожиданно врѣзалось въ совершенно темную комнату (шторы были опущены), то разрѣзался мракъ; и — кромѣшная темнота разорвалась въ желтобагровыхъ свѣченьяхъ; по периферіи пламенно плясавшаго центра круговымъ движеніемъ завертѣлись беззвучно тутъ какіе-то куски темноты въ видѣ тѣнѐй всѣхъ предметовъ; и вдогонку за темными косяками, за тѣнями предметовъ, тѣневой, огромный толстякъ, вырывавшійся изъ-

Digitized by Microsoft®

подъ пятокъ Липпанченко, суетливымъ движеніемъ припустился по кругу.

Между стѣной, столомъ, стуломъ безобразный, беззвучный толстякъ перепрокинулся, на косякахъ изломался и мучительно разорвался, будто онъ теперь испытывалъ всѣ муки чистилища.

Такъ, извергнувши, какъ болѣе ужъ ненужный балластъ, свое тѣло—такъ, извергнувши тѣло, ураганами всѣхъ душевныхъ движеній подхвачена бываетъ душа: бѣгаютъ ураганы по душевнымъ пространствамъ. Наше тѣло — суденышко; и бѣжитъ оно по душевному океану отъ духовнаго материка—къ духовному материку.

Такъ...—

Представьте себѣ безконечно длинный канатъ; и представьте, что въ поясѣ тѣло ваше перевяжутъ канатомъ; и потомъ—канатъ завертятъ: съ бѣшеной, съ неописуемой быстротой; подкинутые, на расширяющихся, все растущихъ кругахъ, рисуя спирали въ пространствѣ, полетите вы въ завоздушную атмосферу головою внизъ, а спиной—поступательно; и вы будете, спутникъ земли, отъ земли отлетать въ міровыя безмѣрности, одолѣвая многотысячныя пространства—мгновенно, и этими пространствами становясь.

Вотъ такимъ ураганомъ будете вы мгновенно подхвачены, когда душой извергнется тѣло, какъ болѣе ужъ ненужный балластъ.

И еще представимъ себѣ, что каждый пунктъ тѣла испытываетъ сумасшедшее стремленіе распространиться безъ мѣры распространиться до ужаса (напримѣръ, занять въ поперечникѣ мѣсто, равное сатурновой орбитѣ); и еще представимъ себѣ, что мы ощущаемъ сознательно не одинъ только пунктъ, а всѣ пункты тѣла, что всѣ они поразбухли,—разрѣжены, раскалены—и проходятъ стадіи расширенія тѣлъ: отъ твердаго до газообразнаго состоянія, что планеты и солнца циркулируютъ совершенно свободно въ промежуткахъ тѣлесныхъ молекулъ; и еще представимъ себѣ, что центростремительное ощущеніе и вовсе утрачено нами; и въ стремленіи распространиться безъ мѣры тѣлесно мы разорвались на части; и

Digitized by Microsoft ®

что цѣлостно только наше сознаніе: сознаніе о разорванныхъ ощущеніяхъ.

Что̀ бы мы ощутили?

Ощутили бы мы, что летящіе и горящіе наши разъятые органы, будучи болѣе не связаны цѣлостно, отдѣлены другъ отъ друга милліардами верстъ; но вяжетъ сознаніе наше то кричащее безобразіе — въ одновременной безцѣльности; и пока въ разряженномъ до пустоты позвоночникѣ слышимъ мы кипѣніе сатурновыхъ массъ, въ мозгъ въѣдаются яростно звѣзды созвѣздій; въ центрѣ-жъ кипящаго сердца слышимъ мы безтолковые, больные толчки,—такого огромнаго сердца, что солнечные потоки огня, разлетаясь отъ солнца, не достигли бы поверхности сердца, если-бъ вдвинулось солнце въ этотъ огненный, безтолково-бьющійся центръ.

Если бы мы тѣлесно себѣ могли представить все это, передъ нами бы встала картина первыхъ стадій жизни души, съ себя сбросившей тѣло: ощущенія были бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ насильственнѣй передъ нами распался бы нашъ тѣлесный составъ...

Тараканы.

Липпанченко остановился по серединѣ темнѣющей комнаты со свѣчею въ рукѣ; косяки тѣневые остановились съ нимъ вмѣстѣ; тѣневой громадный толстякъ, липпанчинская душа, головой висѣлъ въ потолкѣ; ни къ тѣнямъ всѣхъ предметовъ, ни къ собственной тѣни Липпанченко не почувствовалъ интереса; болѣ интересовался онъ шелестомъ — привычнымъ и незагадочнымъ вовсе.

Онъ чувствовалъ гадливое отвращеніе къ таракану; и теперь—видѣлъ онъ—десятки этихъ созданій; въ темныя свои, шелестя, побѣжали они углы, накрытые свѣтомъ свѣчки. И—злился Липпанченко:

— „Проклятые...“

И протопалъ къ углу за полотерною щеткой, представляющей собою длиннѣйшую палку съ щетинистой шваброй на концѣ:

Digitized by Microsoft ®

— „Ужо мало вамъ было?!...“

На полъ онъ поставилъ свѣчу; съ полотерною щеткой въ рукѣ взгромоздился на стулъ онъ; тяжелое, пыхтящее тѣло теперь выдавалось надъ стуломъ; лопались отъ усилья сосуды, напрýжились мускулы; и взъерошились волосы; за уползающими горстями гонялся онъ щетинистымъ краемъ швабры; разъ, два, три! и—щелкало подъ швабрóю: на потолкѣ, на стѣнѣ; даже—въ углу этажерки.

— „Восемь... Десять... Одиннадцать“—шелестѣлъ угрожающій шопотъ; и щелкая, пятна падали нà-полъ.

Каждый вечеръ передъ отходомъ ко сну онъ давилъ таракановъ. Надавивши ихъ добрую кучу, отправлялся онъ спать.

Наконецъ, ввалившися въ спаленку, дверь защелкнулъ на ключъ онъ; и далѣе: поглядѣлъ подъ постель (съ нѣкотораго времени этотъ странный обычай составлялъ неотъемлемую принадлежность его раздѣванія), передъ собою поставилъ онъ оплывшую свѣчку.

Вотъ онъ раздѣлся.

Онъ теперь сидѣлъ на постели, волосатый и голый, разставивши ноги; женообразныя округлыя формы были явственно у него отмѣчены на лохматой груди.

Спалъ Липпанченко голый.

Наискось отъ свѣчи, межъ оконной стѣною и шкафикомъ, въ тѣневой темной ниши выступало замысловатое очертаніе: здѣсь висящихъ штановъ; и слагалось въ подобіе—отсюда глядящаго; неоднократно Липпанченко свои штаны перевѣшивалъ; и всегда выходило: подобіе — отсюда глядящаго.

Подобіе это онъ увидѣлъ теперь.

А когда задулъ онъ свѣчу, то очертаніе дрогнуло и проступило отчетливѣй; руку Липпанченко протянулъ къ занавѣскѣ окна; отдернулась занавѣска: отлетающій коленкоръ прошуршалъ; комната просіяла зеленоватымъ свѣченіемъ мѣди; тамъ, оттуда: изъ бѣлаго олова тучекъ дискъ пылающій грянулъ по комнатѣ: и... —

Digitized by Microsoft®

На фонѣ совершенно зеленой и будто бы купоросной стѣны—тамъ!—стояла фигурочка, въ пальтецѣ, съ мѣловымъ застывшимъ лицомъ: будто — клоунъ; и бѣлыми улыбалась губами. По направленію къ двери Липпанченко протопоталъ босыми ногами, но животомъ и грудями онъ съ размаху расплющился на двери (онъ забылъ, что дверь заперъ); тутъ его рванули обратно; горячая струя кипятка полоснула его по голой спинѣ отъ лопатокъ до зада; падая на постель, понялъ онъ, что ему разрѣзали спину: разрѣзается такъ бѣлая безволосая кожа холоднаго поросенка подъ хрѣномъ; и едва понялъ онъ, что̀ случилося со спиной, какъ почувствовалъ ту струю кипятка—у себя подъ пупкомъ.

И оттуда что-то такое прошипѣло насмѣшливо; и подумалось гдѣ-то, что—газы, потому что животъ былъ распоротъ; склонивъ голову надъ колыхавшимся животомъ, неосмысленно глядящимъ въ пространство, онъ весь сонно осѣлъ, ощупывая текущія липкости—на животѣ и на простынѣ.

Это было послѣднимъ сознательнымъ впечатлѣніемъ обыденной дѣйствительности; теперь сознаніе ширилось; чудовищная периферія его внутрь себя всосала планеты; и ощущала ихъ—другъ отъ друга разъятыми органами; солнце плавало въ расширеніяхъ сердца; позвоночникъ калился прикосновеніемъ сатурновыхъ массъ; въ животѣ открылся вулканъ.

Въ это время тѣло сидѣло безсмысленно съ упадающей на грудь головой и глазами уставилось въ разсѣченный животъ свой; вдругъ оно завалилось—животомъ въ простыню; рука свѣсилась надъ окровавленнымъ коврикомъ, отливая въ лунѣ рыжеватою шерстью; голова съ висящею челюстью откинулась по направленію къ двери и глядѣла на дверь не моргавшимъ зрачкомъ; надбровныя дуги безброво залоснились; на простынѣ проступалъ отпечатокъ пяти окровавленныхъ пальцевъ; и торчала толстая пятка.

. . . . . .

Кустъ кипѣлъ; бѣлогривыя полосы полетѣли съ залива; онѣ подлетали у берега клочковатою пѣной; онѣ облизывали пески; будто тонкія и стеклянныя лезвія, онѣ неслись

Digitized by Microsoft®

по пескамъ; доплескивались до соленаго озерца; наливали въ него растворъ соли; и бѣжали обратно. Межъ вѣтвями куста было видно, какъ раскачивалось парусное судно,—бирюзоватое, призрачное; тонкимъ слоемъ срѣзало пространства острокрылатыми парусами; на поверхности паруса уплотнялся туманный дымокъ.

. . . . . .

Когда утромъ вошли, то Липпанченки уже не было, а была—лужа крови; былъ—трупъ; и была тутъ фигурка мужчины—съ усмѣхнувшимся бѣлымъ лицомъ, внѣ себя; у нея были усики; они вздернулись кверху; очень странно: мужчина на мертвеца сѣлъ верхомъ; онъ сжималъ въ рукѣ ножницы; руку эту простеръ онъ; по его лицу — черезъ носъ, по губамъ—уползало пятно таракана.

Видимо, онъ рехнулся.

Конецъ седьмой главы.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

и послѣдняя.

Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня...

А. Пушкинъ.

Translated by Microsoft®

Но сперва...

Анна Петровна!

О ней позабыли мы: а Анна Петровна вернулась; и теперь ожидала она... но сперва:—

— эти двадцать четыре часа!—

— эти двадцать четыре часа въ повѣствованіи нашемъ расширились и раскидались въ душевныхъ пространствахъ: безобразнѣйшимъ сномъ; и закрыли кругомъ кругозоръ; и въ душевныхъ пространствахъ запутался авторскій взоръ; онъ закрылся.

Съ нимъ скрылась и Анна Петровна.

Какъ суровыя, свинцовыя облака, мозговыя, свинцовыя игры тащилися въ замкнутомъ кругозорѣ, по кругу, очерченному нами,—безвыходно, безысходно, дотошно—

— въ эти двадцать четыре часа!..

А по этимъ сурово плывущимъ и безцѣлебнымъ событіямъ вѣсть объ Аннѣ Петровнѣ пропорхнула отблесками мягкаго какого-то свѣта—откуда-то. Мы тогда призадумались грустно—на одинъ только мигъ; и—забыли; а дòлжно бы помнить,... что Анна Петровна—вернулась.

Эти двадцать четыре часа!

Digitized by Microsoft®

То-есть, сутки: понятіе—относительное, понятіе—состоящее изъ многообразія миговъ, гдѣ мигъ—

— минимальный отрѣзокъ ли времени, или—что-либо тамъ, ну, иное, душевное, опредѣляемое полнотою душевныхъ событій,—не цифрой; если-жъ цифрой, онъ—точенъ, онъ—двѣ десятыхъ секунды; и—въ этомъ случаѣ неизмѣненъ; опредѣляемый полнотою душевныхъ событій онъ—часъ, либо—ноль: переживаніе разрастается въ мигѣ, или—отсутствуетъ въ мигѣ—

— гдѣ мигъ въ повѣствованіи нашемъ походилъ на полную чашу событій.

Но прибытіе Анны Петровны есть фактъ; и—огромный; правда, нѣтъ въ немъ ужаснаго содержанія, какъ въ другихъ отмѣченныхъ фактахъ; потому-то мы, авторъ, объ Аннѣ Петровнѣ забыли; и, какъ водится, вслѣдъ за нами объ Аннѣ Петровнѣ забыли и герои романа.

И все-таки...—

Анна Петровна вернулась; событій, описанныхъ нами, не видала она; о событіяхъ этихъ — не подозрѣвала, не знала: одно происшествіе только волновало ее: ея возвращеніе; и должно бы оно взволновать мной описанныхъ лицъ; лица эти должны бы вѣдь тотчасъ же отозваться на происшествіе это; осыпать ее записками, письмами, выраженіемъ радости или гнѣва; но записокъ, посыльныхъ, къ ней не было: на огромное происшествіе не обратили вниманіе—ни Николай Аполлоновичъ, ни Аполлонъ Аполлоновичъ.

И—Анна Петровна грустила.

. . . . . .

Наружу не выходила она; великолѣпнаго тона гостинница заключила ее въ своемъ маленькомъ номерочкѣ; и Анна Петровна часами сидѣла на единственномъ стулѣ; и Анна Петровна часами сидѣла, уставившись въ крапы обой; эти

Digitized by Microsoft ®

крапы лѣзли въ глаза; глаза она переводила къ окну; а окно выходило въ нахально глядящую стѣну какихъ-то оливковатыхъ оттѣнковъ; вмѣсто неба былъ желтый дымъ; лишь въ окошкѣ тамъ, наискось, видѣлись груды грязныхъ тарелокъ, лохань, рукава засученныхъ рукъ черезъ отблески стеколъ...

Ни—письма, ни—визита: отъ мужа, отъ сына.

Иногда звонила она; какая-то появлялась вертунья въ бабочкообразномъ чепцѣ.

И Анна Петровна — въ который разъ! — изволила спрашивать:

— „Въ комнату, пожалуйста, Thé complet".

Появлялся лакей въ черномъ фракѣ, въ крахмалѣ, въ блистающемъ свѣжестью галстухѣ—съ преогромнымъ подносомъ, поставленнымъ четко: на ладонь и плечо; онъ презрительно окидывалъ номерокъ, неумѣло подшитое платье его обитательницы, пестрыя испанскія тряпки, лежащія на двухспальной постели, и потрепанный чемоданчикъ; непочтительно, но безшумно, онъ срывалъ съ своихъ плечъ преогромный подносъ; и безъ всякаго шума на столъ упадалъ Thé complet". И безъ всякаго шума лакей удалялся.

Никого, ничего: тѣ же крапы обой; тѣ же хохотъ, возня изъ сосѣдняго номера, разговоръ двухъ горничныхъ въ корридорѣ; рояль — откуда-то снизу (въ номерѣ заѣзжей пьянистки, собиравшейся дать свой концертъ); и глаза—въ который разъ—переводила къ окну, а окно выходило въ нахально глядящую стѣну какихъ-то оливковатыхъ оттѣнковъ; вмѣсто неба былъ дымъ, лишь въ окошкѣ тамъ, наискось, видѣлись черезъ отблески стеколъ—

— (вдругъ раздался стукъ въ дверь; вдругъ Анна Петровна растерянно расплескала свой чай на чистѣйшія салфетки подноса)—

— лишь въ окошкѣ тамъ, наискось, видѣлись груды грязныхъ салфетокъ, лохань, рукава засученныхъ рукъ.

Digitized by Microsoft®

Влетѣвшая горничная подала ей визитную карточку; Анна Петровна вся вспыхнула; шумно приподнялась изъ-за столика; первымъ жестомъ ея былъ тотъ жестъ, усвоенный смолоду: быстрое движенье руки, оправляющей волоса.

— „Гдѣ они?“

— „Ждутъ-съ въ корридорѣ“.

Вспыхнувши, проведя рукой отъ волосъ къ подбородку (жестъ, усвоенный лишь недавно и обусловленный, вѣроятно, одышкою), Анна Петровна сказала:

— „Просите“.

Задышала и покраснѣла.

Слышались—хохотъ, возня изъ сосѣдняго номера, разговоръ двухъ горничныхъ въ корридорѣ и рояль откуда-то снизу; слышались быстро-быстро бѣгущіе къ двери шаги; дверь отворилась; Аполлонъ Аполлоновичъ Аблеуховъ, не переступая порога, тщетно силился что-либо разобрать въ полусумеркахъ номерочка; и первое, что̀ увидѣлъ онъ, оказалось стѣною оливковатыхъ оттѣнковъ, глядящею за окномъ; и—дымъ вмѣсто неба; лишь въ окошкѣ тамъ, наискось, видѣлись черезъ отблески стеколъ груды грязныхъ тарелокъ, лохань, рукава засученныхъ рукъ, перемывающихъ что-то.

. . . . . .

Первое, что̀ бросилось на него, было скудною обстановкою дешеваго номерочка (тѣни падали такъ, что Анна Петровна стушевалася какъ-то); эдакій номерокъ и—въ перворазрядномъ отэлѣ! Что-жъ такого? Тутъ нечему удивляться; номерочки такіе бываютъ во всѣхъ перворазрядныхъ отэляхъ—перворазрядныхъ столицъ: на отэль ихъ приходится по одному, много по два; но анонсы о нихъ оповѣщаютъ во всѣхъ указателяхъ. Вы читаете, напримѣръ: „Savoy. Premier ordre. Chambres depuis 3 fr.“. Это значитъ: минимальныя цѣны за сносную комнату—не менѣе пятнадцати франковъ; но для виду гдѣ-нибудь въ антресоляхъ неизмѣнно пустующій уголъ, неприбранный, грязный, найдете вы—во всѣхъ перворазрядныхъ отэляхъ перворазрядныхъ столицъ; и о немъ-то вотъ гласитъ указатель „depuis trois francs“; этотъ но-

Digitized by Microsoft ®

меръ въ загонѣ; остановиться нельзя въ немъ (вмѣсто него попадаете вы въ пятнадцатифранковый номеръ); въ „depuis trois francs“ же отсутствуютъ и воздухъ, и свѣтъ; и прислуга бы имъ погнушалась, не то что вы, баринъ; обстановка и что бы то ни было—отсутствуютъ тоже; горе вамъ, если вы остановитесь: запрезираетъ васъ многочисленный штатъ горничныхъ, оффиціантовъ и отэльныхъ мальчишекъ.

И вы съѣдете въ гостинницу второго разряда, гдѣ за семь-восемь франковъ будете вы отдыхать въ чистотѣ, комфортѣ, почетѣ.

„Premier ordre—depuis 3 francs“—Боже васъ сохрани!

Вотъ—постель, столъ и стулъ; въ безпорядкѣ разбросаны на постели ридикюльчикъ, ремни, кружевной черный вѣеръ, граненая венеціанская вазочка, перевернутая—представьте же—длиннымъ чулочкомъ (чистѣйшаго шолка), плэдъ, ремни да комокъ лимоннаго цвѣта кричащихъ испанскихъ лоскутьевъ; все это по мнѣнію Аполлона Аполлоновича должно было быть дорожными принадлежностями и сувенирами изъ Гренады, Толедо, по всей вѣроятности дорогими когда-то и теперь потерявшими всякій видъ, всякій лоскъ,—

— три же тысячи рублей серебромъ, высланныя такъ недавно въ Гренаду, не могли быть, какъ видно, получены—

— такъ что дамѣ ея положенія въ свѣтѣ просто было неловко съ собою возить эту старую рвань; и — сердце въ немъ сжалось.

Тутъ увидѣлъ онъ столъ, блистающій парою чистѣйшихъ салфетокъ и блистающій Thé complet: принадлежность отэля, небрежно сюда занесенная. Изъ тѣней же выступилъ силуэтъ: сердце сжалось вторично, потому что на стулѣ—

— и нѣтъ, не на стулѣ!—

— вставшую онъ увидѣлъ со стула—ту самую-ль?—Анну Петровну, осѣвшую, пополнѣв-

Digitized by Microsoft®

шую, и—съ сильнѣйшею просѣдью; первое, что̀ онъ понялъ, былъ прискорбнѣйшій фактъ: за два съ половиною года пребыванья въ Испаніи (и—еще гдѣ, еще?)—явственнѣй выступилъ изъ-подъ ворота двойной подбородокъ, а изъ-подъ низа корсета явственнѣй выступилъ округленный животъ; только два лазурью наполненныхъ глаза когда-то прекраснаго и недавно красиваго личика тамъ блистали попрежнему; въ глубинѣ ихъ теперь разыгрались сложнѣйшія чувства: робость, гнѣвъ, сочувствіе, гордость, униженность убогою обстановкою номера, затаенная горечь и... страхъ.

Аполлонъ Аполлоновичъ этого взгляда не вынесъ: опустилъ онъ глаза и мялъ въ рукѣ шляпу. Да, года пребыванія съ итальянскимъ артистомъ измѣнили ее; и куда дѣвалась солидность, врождённое чувство достоинства, любовь къ чистотѣ и порядку; Аполлонъ Аполлоновичъ глазами забѣгалъ по комнатѣ: въ безпорядкѣ разбросаны были—ридикюльчикъ, ремни, кружевной черный вѣеръ, чулочекъ да комокъ лимонно-желтыхъ лоскутьевъ, вѣроятно, испанскихъ.

. . . . . .

Передъ Анной Петровной...—да онъ ли то? Два съ половиною года и его измѣнили; два съ половиною года въ послѣдній разъ передъ собой она видѣла отчетливо выточенное изъ сѣраго камня лицо, холодно на нее посмотрѣвшее надъ перламутровымъ столикомъ (во время послѣдняго объясненія); каждая черточка въ нея врѣзалась отчетливо леденящимъ морозомъ; а теперь, на лицѣ—полное отсутствіе чертъ.

Digitized by Microsoft ®

(Отъ себя же мы скажемъ: черты еще были недавно; и въ началѣ повѣствованія нашего обрисовали мы ихъ...).

Два съ половиною года тому назадъ Аполлонъ Аполлоновичъ, правда, уже былъ старикомъ, но... въ немъ было что-то безлѣтное; и онъ выглядѣлъ—мужемъ; а теперь—гдѣ государственный человѣкъ? Гдѣ желѣзная воля, гдѣ каменность взора, струящая одни только вихри, холодные, безплодные, мозговые (не чувства)—гдѣ каменность взора? Нѣтъ, все отступало предъ старостью; старикъ перевѣшивалъ все: положеніе въ свѣтѣ и волю; поражала страшная худоба; поражала сутуловатость; поражали—и дрожаніе нижней челюсти, и дрожаніе пальцевъ; и главное—цвѣтъ пальтеца: никогда онъ при ней не заказывалъ этого цвѣта одежды.

Такъ стояли они другъ противъ друга: Аполлонъ Аполлоновичъ,—не переступая порога; и Анна Петровна—надъ столикомъ: съ дрожащею и полурасплесканной чашкою крѣпкаго чая въ рукахъ (чай она расплескала на скатерть).

Наконецъ Аполлонъ Аполлоновичъ на нее поднялъ голову; пожевалъ онъ губами и сказалъ, запинаясь:

— „Анна Петровна!“

Онъ теперь отчетливо осмотрѣлъ ее всю (къ полусумеркамъ привыкли глаза); видѣлъ онъ: всѣ черты ея на мгновеніе просвѣтились прекрасно; и потомъ опять на черты набѣжали морщиночки, одутловатости, жировые мѣшочки: ясную красоту дѣтскихъ чертъ они облагали-таки огрубѣніемъ старости; но на мигъ всѣ черты ея просвѣтились прекрасно, а именно,—когда рѣзкимъ движеніемъ отъ себя оттолкнула она сервированный чай; и вся какъ-то рванулась на встрѣчу; но все же: не тронулась съ мѣста; и лишь бросила изъ-за столика тамъ губами жующему старику:

— „Аполлонъ Аполлоновичъ!“

Аполлонъ Аполлоновичъ побѣжалъ ей навстрѣчу (такъ же онъ бѣгалъ навстрѣчу и два съ половиною года, чтобъ просунуть два пальца, отдернуть ихъ и облить холодной водой); побѣжалъ къ ней, какъ есть, черезъ комнату—въ пальтецѣ, со шляпой въ рукѣ; лицо ея наклонилося къ лысинѣ; голая,

Digitized by Microsoft®

какъ колѣно, поверхность громаднаго черепа да два оттопыренныхъ уха ей напомнили что-то, а когда холодныя губы коснулись руки ея, замоченной расплесканнымъ чаемъ, то сложное выраженіе чертъ у нея тутъ смѣнилось нескрываемымъ чувствомъ довольства: вы представьте себѣ,— что-то дѣтское вспыхнуло, проиграло и затаилось въ глазахъ.

А когда разогнулся онъ, то фигурка его передъ ней выдавалась даже съ чрезмѣрной отчетливостью, обвисая брючками, пальтецомъ (никогда не бывшаго цвѣта) и множествомъ новыхъ морщинокъ, двумя, разрывавшими все лицо и новыми какими-то взорами; эти два вылѣзающихъ глаза не показались, какъ прежде, ей двумя прозрачными камнями; проступили въ нихъ: неизвѣстная сила и крѣпость.

Но глаза опустились. Аполлонъ Аполлоновичъ, порхая глазами, искалъ выраженій:

— „Я, знае...“—подумалъ онъ и окончилъ:—„те ли...“

— „?“

— „Пріѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ, Анна Петровна, почтенье...“

— „И поздравить съ пріѣздомъ...“

И Анна Петровна поймала растерянный, недоумѣвающій, просто мягкій какой-то, сочувственный взглядъ—темнаго васильковаго цвѣта, точно теплаго весенняго воздуха.

Изъ сосѣдняго номера раздавались: хохотъ, возня; изъ-за двери—разговоръ тѣхъ же горничныхъ; и рояль—откуда-то снизу; въ безпорядкѣ разбросаны были: ремни, ридикюльчикъ, кружевной черный вѣеръ, граненая венеціанская вазочка да комокъ кричащихъ лимонныхъ лоскутьевъ, оказавшихся кофточкой; уставлялись крапы обой; уставлялось окно, выходящее въ нахально глядящую стѣну какихъ-то оливковатыхъ оттѣнковъ; вмѣсто неба былъ — дымъ, а въ дыму — Петербургъ: улицы и проспекты; тротуары и крыши; изморозь присѣдала на жестяной подоконникъ тамъ; низвергались холодныя струечки съ жестяныхъ желобовъ.

— „А у насъ...“—

Digitized by Microsoft ®

— „Не хотите ли чаю?..“
— „Начинается забастовка...“

Качалось надъ грудой предметовъ...

Дверь распахнулась.

Николай Аполлоновичъ очутился въ передней, изъ которой съ такою поспѣшностью онъ бѣжалъ спозаранку; на стѣнахъ разблистался орнаментъ изъ старинныхъ оружій: здѣсь ржавѣли мечи; тамъ—склоненныя алебарды: Николай Аполлоновичъ выглядѣлъ внѣ себя; рѣзкимъ взмахомъ руки онъ сорвалъ съ себя итальянскую шляпу съ полями; шапка бѣлольняныхъ волосъ омягчала холодную эту почти суровую внѣшность съ напечатлѣннымъ упрямствомъ (трудно было встрѣтить волосы такого оттѣнка у взрослаго человѣка; часто встрѣчается этотъ оттѣнокъ у крестьянскихъ младенцевъ—особенно въ Бѣлоруссіи); сухо, холодно, четко выступали линіи совершенно бѣлаго лика, подобнаго иконописному, когда на мгновенье задумался онъ, устремляя взоръ свой туда, гдѣ подъ ржавозеленымъ щитомъ блистала своимъ шишакомъ литовская шапка и пройскрилась крестообразная рукоять рыцарскаго меча.

Вотъ онъ вспыхнулъ; и въ мокрой, измятой накидкѣ онъ, прихрамывая, взлетѣлъ по ступенямъ коврами устланной лѣстницы; почему же временами онъ вспыхивалъ, рдѣя румянцемъ, чего никогда не бывало съ нимъ. И онъ—кашлялъ; и онъ—задыхался; лихорадка трясла его: нельзя безнаказанно въ самомъ дѣлѣ простаивать подъ дождемъ; любопытнѣй всего, что съ колѣна ноги, на которую онъ прихрамывалъ, сукно было содрано; и—трепался лоскутъ; былъ приподнятъ студенческій сюртучекъ подъ накидкой, горбя спину и грудь; между цѣлою и оторванной сюртучною фалдой пляшущій хлястикъ выдавался наружу; право, право же: выглядѣлъ Николай Аполлоновичъ хромоногимъ, горбатымъ, и—съ хвостикомъ, когда полетѣлъ что есть мочи онъ по мягкой ступенчатой лѣстницѣ, провѣявши шапкою бѣлольняныхъ

Digitized by Microsoft®

волосъ — мимо стѣнъ, гдѣ клонились пистоль съ шестоперомъ.

Поскользнулся предъ дверью съ граненой хрустальною ручкою; а когда онъ бѣжалъ мимо блещущихъ лаками комнатъ, то казалось, что строилась вкругъ него лишь иллюзія комнатъ; и потомъ разлеталась безслѣдно, воздвигая за гранью сознанія свои туманныя плоскости; и когда за собою захлопнулъ онъ корридорную дверь и стучалъ каблуками по гулкому корридору, то казалось ему, что колотятся его височныя жилки: быстрая пульсація этихъ жилокъ явственно отмѣчала на лбу преждевременный склерозъ.

Онъ влетѣлъ самъ не свой въ свою пеструю комнату: и отчаянно вскрикнули въ клѣткѣ и забили крылами зеленые попугайчики; этотъ крикъ перервалъ его бѣгъ; на мгновенье уставился онъ предъ собой; и увидѣлъ: пестраго леопарда, брошеннаго къ ногамъ съ разинутой пастью; и—зашарилъ въ карманахъ (онъ отыскивалъ ключикъ отъ письменнаго стола).

— „А?“

— „Чортъ возьми...“

— „Потерялъ?“

— „Оставилъ!?“

— „Скажите, пожалуйста“.

И безпомощно заметался по комнатѣ, разыскивая имъ забытый предательскій ключикъ, перебирая совершенно неподходящіе предметы убранства, схвативши трехногую золотую курильницу въ видѣ истыканнаго отверстіями шара съ полумѣсяцемъ наверху и бормоча самъ съ собой: Николай Аполлоновичъ такъ же, какъ и Аполлонъ Аполлоновичъ, самъ съ собой разговаривалъ.

Съ испугомъ онъ кинулся въ сосѣднюю комнату—къ письменному столу: на ходу зацѣпилъ онъ ногою за арабскую табуретку съ инкрустаціей изъ слоновой кости; она грохнула на полъ; его поразило, что столъ былъ незапертъ; выдавался предательски ящикъ; онъ былъ полувыдвинутъ; сердце упало въ немъ: какъ могъ онъ въ неосторожности позабыть запереть? Онъ дернулъ ящикъ... И-и-и...

Digitized by Microsoft ®

Нѣтъ: да нѣтъ же!

Въ ящикѣ въ безпорядкѣ лежали предметы; на столѣ лежалъ брошенный наискось портретъ кабинетныхъ размѣровъ; а... сардинницы не было; яростно, ожесточенно, испуганно выступали надъ ящикомъ линіи побагровѣвшаго лика съ синевою вокругъ громадныхъ черныхъ какихъ-то очей: черныхъ — отъ расширенности зрачковъ; такъ стоялъ онъ межъ кресломъ темнозеленой обивки и бюстомъ: разумѣется, Канта.

Онъ—къ другому столу. Онъ—выдвинулъ ящикъ; въ ящикѣ въ совершенномъ порядкѣ лежали предметы: связки писемъ, бумаги; онъ все это—на столъ; но...—сардинницы не было... Тутъ ноги его подкосились; и, какъ есть, въ итальянской накидкѣ, въ калошахъ,—онъ упалъ на колѣни, роняя горящую голову на холодныя, мокрыя, дождемъ просырѣвшія руки; на мгновеніе — такъ замеръ онъ: шапка льняныхъ волосъ мертвенѣла такъ странно тамъ, неподвижно, желтоватымъ пятномъ въ полусумеркахъ комнаты среди креселъ темнозеленой обивки.

Да,—какъ вскочитъ! Да—къ шкафу! И шкафъ—распахнулся; кое-какъ на коверъ полетѣли предметы; но и тамъ—сардинницы не было; онъ, какъ вихрь, заметался по комнатѣ, напоминая юркую обезьянку и стремительностью движеній (какъ у его высокопревосходительнаго папаши), и невзрачнымъ росточкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: подшутила судьба; изъ комнаты—въ комнату; отъ постели (здѣсь рылся онъ подъ подушками, одѣяломъ, матрасомъ)—къ камину: здѣсь руки онъ перепачкалъ въ золѣ; отъ камина—къ рядамъ книжныхъ полокъ (и на мѣдныхъ колесикахъ заскользилъ легкій шелкъ, закрывающій корешки); здѣсь просовывалъ руки онъ межъ томами; и многіе тѣмы съ шелестѣніемъ, съ грохотомъ полетѣли на полъ.

Но нигдѣ сардинницы не было.

Скоро лицо его, перепачканное золою и пылью, ужъ безъ всякаго толка и смысла качалось надъ кучей предметовъ, сваленныхъ въ безтолковую груду, и перебираемыхъ длин-

Digitized by Microsoft®

ными, какими-то паучьими пальцами, выбѣгающими на дрожащихъ рукахъ; руки эти ерзали по полу изъ стлавшейся итальянской накидки; въ этой согнутой позѣ, весь дрожащій и потный, съ налитыми шейными жилами, право-право, напомнилъ бы всякому онъ толстобрюхаго паука, поѣдателя мухъ; такъ, когда разорветъ наблюдатель тонкую паутину, то видитъ онъ зрѣлище: обезпокоенное громадное насѣкомое, продрожавъ на серебряной ниточкѣ въ пространствѣ отъ потолка и до полу, неуклюже забѣгаетъ по полу на мохнатыхъ ногахъ.

Въ такой-то вотъ позѣ—надъ грудой предметовъ—Николай Аполлоновичъ былъ застигнутъ врасплохъ: вбѣжавшимъ Семенычемъ.

— „Николай Аполлонычъ!... Барчукъ!..“

Николай Аполлоновичъ, все еще сидя на корточкахъ, повернулся; увидѣвъ Семеныча, онъ въ стремительномъ жестѣ накидкою накрылъ груду сваленныхъ въ кучу предметовъ—листики и раскрывшіе зѣвы тома, — напоминая насѣдку на яйцахъ: шапка льняныхъ волосъ мертвенѣла такъ странно тамъ, неподвижно,—желтоватымъ пятномъ въ полусумеркахъ комнаты.

— „Что такое?..“

— „Осмѣлюсь я доложить...“

— „Оставьте: видите, что... я занятъ...“

Растянувши ротъ до ушей, весь напомнилъ онъ голову пестраго леопарда, тамъ оскаленнаго на полу:

— „Разбираю, вотъ, книги“.

Но Семенычъ угомониться не могъ:

— „Пожалуйте: тамъ... просятъ васъ...“

— „?“

— „Семейная радость: такъ что матушка-барыня, Анна Петровна, сами изволили къ намъ пожаловать“.

Николай Аполлоновичъ машинально привсталъ; съ него слетѣла накидка; на перепачканномъ золою контурѣ иконописнаго лика — сквозь пепелъ и пыль — молніей вспыхнулъ румянецъ; Николай Аполлоновичъ представлялъ собой нелѣ-

Digitized by Microsoft ®

пую и смѣшную фигурку въ растопыренномъ двумя горбами студенческомъ сюртукѣ объ одной только фалдѣ—и съ пляшущимъ хлястикомъ, когда онъ—закашлялся; хрипло какъ-то, сквозь кашель, воскликнулъ онъ:

— „Мама? Анна Петровна?“

— „Съ Аполлономъ съ Аполлоновичемъ онѣ тамъ-съ: въ гостиной... Только-что вотъ изволили...“

— „Меня зовутъ?“

— „Аполлонъ Аполлоновичъ просятъ-съ“.

— „Такъ, сейчасъ... Я сейчасъ... Вотъ только...“

. . . . . .

Въ этой комнатѣ такъ недавно еще Николай Аполлоновичъ выросталъ въ себѣ самому предоставленный центръ—въ серію изъ центра истекающихъ логическихъ предпосылокъ, предопредѣляющихъ все: душу, мысль и это вотъ кресло; такъ недавно еще онъ являлся здѣсь единственнымъ центромъ вселенной; но прошло десять дней; и самосознаніе его позорно увязло въ этой сваленной кучѣ предметовъ: такъ свободная муха, перебѣгающая по краю тарелки на шести своихъ лапкахъ, безысходно вдругъ увязаетъ и лапкой, и крылышкомъ въ липкой гущѣ медовой.

. . . . . .

— „Тссъ! Семенычъ, Семенычъ—послушайте“ — Николай Аполлоновичъ прытко выюркнулъ тутъ изъ двери, нагоняя Семеныча, перепрыгнулъ чрезъ опрокинутую табуретку и вцѣпился въ рукавъ старика (ну и цѣпкіе-жъ пальцы!)

— „Не видали-ль вы здѣсь—дѣло въ томъ, что...“—запутался онъ, присѣдая къ землѣ и оттягивая старика отъ коридорной отъ двери—„забылъ я... Эдакаго здѣсь предмета не видали ли вы? Здѣсь, въ комнатѣ... Предмета такого: игрушку...“

— „Игрушку-съ...“

— „Дѣтскую игрушку... сардинницу...“

— „Сардинницу?“

— „Да, игрушку (въ видѣ сардинницы)—тяжелую вѣсомъ, съ заводомъ: еще тикаютъ часики... Я ее положилъ тутъ: игрушку...“

Digitized by Microsoft®

Семенычъ медленно повернулся, высвободилъ свой рукавъ отъ прицѣпившихся пальцевъ, на мгновенье уставился въ стѣну (на стѣнѣ висѣлъ щитъ — негритянскій: изъ брони когда-то павшаго носорога), подумалъ и неуважительно такъ отрѣзалъ:

— „Нѣтъ!“

Даже не „нѣтъ-съ“: просто—„нѣтъ“...

— „А я, таки, думалъ...“

Вотъ подите: благополучіе, семейная радость; сіяетъ самъ баринъ, министеръ: для такого случая... А тутъ на-те: сардинница... тяжелая вѣсомъ... съ заводомъ... игрушка: самъ же—съ оторванной фалдою!..

— „Такъ позволите доложить?“

— „Я—сейчасъ, я—сейчасъ...“

И дверь затворилась: Николай Аполлоновичъ тутъ стоялъ, не понимая, гдѣ онъ,—у опрокинутой темнокоричневой табуретки, передъ кальяннымъ приборомъ; передъ нимъ на стѣнѣ висѣлъ щитъ, негритянскій, толстой кожи павшаго носорога и съ привѣшенной сбоку суданскою ржавой стрѣлой.

Не понимая, что̀ дѣлаетъ, поспѣшилъ онъ смѣнить предательскій сюртучекъ на сюртукъ совсѣмъ новенькій; предварительно же отмылъ руки онъ и лицо отъ золы; умываясь и одѣваясь, приговаривалъ онъ:

— „Какъ же это такое, что̀ же это такое... Куда же я въ самомъ дѣлѣ упряталъ...“

Николай Аполлоновичъ не сознавалъ еще всей полноты на него напавшаго ужаса, вытекающаго изъ случайной пропажи сардинницы; хорошо еще, что пока не пришло ему въ голову: въ отсутствіе его въ комнатѣ побывали, и открывши сардинницу ужаснаго содержанія, сардинницу эту предупредительно унесли отъ него.

Удивились лакеи.

И такіе же точно тамъ возвышались дома, и такіе же сѣрые проходили тамъ токи людскіе, и такой же стоялъ тамъ

Digitized by Microsoft ®

зелено-желтый туманъ; сосредоточенно побѣжали тамъ лица; тротуары шептались и шаркали — подъ ватагою каменныхъ великановъ-домовъ; имъ навстрѣчу летѣли — проспектъ за проспектомъ; и сферическая поверхность планеты казалась охваченной, какъ змѣиными кольцами, черновато-сѣрыми домовыми кубами; и сѣть параллельныхъ проспектовъ, пересѣченная сѣтью проспектовъ, въ міровыя ширилась бездны поверхностями квадратовъ и кубовъ: по квадрату на обывателя.

Но Аполлонъ Аполлоновичъ не глядѣлъ на любимую свою фигуру: квадратъ; не предавался бездумному созерцанію каменныхъ параллелипипидовъ, кубовъ; покачиваясь на мягкихъ подушкахъ сидѣнья наемной кареты, онъ съ волненьемъ поглядывалъ на Анну Петровну, которую везъ онъ самъ — въ лакированный домъ; что такое за чаемъ они говорили тамъ въ номерѣ, навсегда осталось для всѣхъ непроницаемой тайной; послѣ этого разговора и порѣшили они: Анна Петровна завтра же переѣдетъ на Набережную; а сегодня везъ Аполлонъ Аполлоновичъ Анну Петровну—на свиданіе съ сыномъ.

И Анна Петровна конфузилась.

Въ каретѣ не говорили они; Анна Петровна глядѣла тамъ въ окна кареты: два съ половиною года не видала она этихъ сѣрыхъ проспектовъ: тамъ, за окнами, виднѣлась домовая нумерація; и шла циркуляція; тамъ, оттуда — въ ясные дни, издалека-далека, сверкали слѣпительно: золотая игла, облака, лучъ багровый заката; тамъ, оттуда, въ туманные дни— никого, ничего.

Аполлонъ Аполлоновичъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ привалился къ стѣнкамъ кареты, отграниченный отъ уличной мрази въ этомъ замкнутомъ кубѣ; здѣсь онъ былъ отдѣленъ отъ протекающихъ людскихъ толпъ, отъ тоскливо мокнущихъ красныхъ обертковъ, продаваемыхъ вонъ съ того перекрестка; и порхалъ онъ глазами; иногда только Анна Петровна ловила: растерянный, недоумѣвающій взоръ, и представьте себѣ — просто мягкій какой-то: синій-синій, ребяческій, неосмысленный даже (не впадалъ ли онъ въ дѣтство?).

Digitized by Microsoft®

— „Слышала я, Аполлонъ Аполлоновичъ: васъ прочатъ въ министры?“

Но Аполлонъ Аполлоновичъ перебилъ:

— „Вы теперь откуда же, Анна Петровна?“

— „Да я изъ Гренады...“

— „Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ...“ — и, сморкаясь — прибавилъ...—Да знаете ли, дѣла: служебныя, знаете, непріятности...“

И—что такое? На рукѣ своей ощутилъ онъ теплую руку: его погладили по рукѣ... Гмъ-гмъ-гмъ: Аполлонъ Аполлоновичъ растерялся; сконфузился, перепугался даже онъ какъ-то; даже стало ему непріятно... Гмъ-гмъ: лѣтъ пятнадцать уже не обращались съ нимъ такъ... Таки прямо погладила... Этого онъ, признаться, не ждалъ отъ особы... гмъ-гмъ... (Аполлонъ Аполлоновичъ эти два съ половиною года вѣдь особу эту считалъ за... особу... легкаго... поведенія...).

— „Выхожу, вотъ, въ отставку...“

Неужели же мозговая игра, раздѣлявшая ихъ столько лѣтъ и зловѣще сгущенная за два съ половиною года,—вырвалась, наконецъ, изъ упорнаго мозга? И внѣ мозга уже тучами посгущалась надъ ними? Наконецъ разразилась вокругъ небывалыми бурями? Но разражаясь внѣ мозга, она истощилась въ мозгу; медленно мозгъ очищался; въ тучахъ такъ иногда вы увидите сбоку бѣгущій и лазурный пролетъ—сквозь полосы ливня; пусть же ливень хлещетъ надъ вами; пусть съ грохотомъ разрываются темные облака клубы багровою молніей! Лазурный пролетъ набѣгаетъ; ослѣпительно скоро выглянетъ солнце; вы уже ожидаете окончанья грозы; вдругъ — какъ вспыхнетъ, какъ бацнетъ: въ сосну ударила молнія.

Въ окна кареты врывалося зеленоватое освѣщеніе дня; потоки людскіе бѣжали тамъ волнообразнымъ прибоемъ; и прибой тотъ людской—былъ прибой громовой.

Здѣсь вотъ видѣлъ онъ разночинца; здѣсь глаза разночинца заблестѣли, узнали тому назадъ — дней ужъ десять (да, всего десять дней: за десять дней перемѣнилося все; измѣнилась Россія!)...

Digitized by Microsoft ®

Леты и грохоты трепетавшихъ пролетокъ! Мелодичные возгласы автомобильныхъ руладъ! И—нарядъ полицейскихъ!..

Тамъ, гдѣ взвѣсилась только одна блѣдносѣрая гнилость, матово намѣчался сперва и потомъ намѣтился вовсе: грязноватый, черновато-сѣрый Исакій... И ушелъ обратно въ туманъ. И — открылся просторъ: глубина, зеленоватая муть, куда убѣгалъ черный мостъ, гдѣ туманъ занавѣсилъ холодныя многотрубныя дали и откуда бѣжала волна набѣгающихъ облаковъ.

. . . . . .

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь вотъ—удивились лакеи!

Такъ разсказывалъ послѣ въ передней дежурившій сонный Гришка-мальчишка:

— „Я сижу это, да считаю по пальцамъ: вѣдь вотъ отъ Покрова отъ самаго—до самаго до Рождества Богородицы... Это значитъ выходитъ... Отъ Рождества Богородицы — до Николы до Зимняго...“

— „Да разсказывай ты: Рождество Богородицы, Рождество Богородицы!“

— „А я—что? Рождество Богородицы деревенскій нашъ праздникъ—престольный... Такъ что—будетъ: считаю... Тутъ слышь — подъѣхали; я — къ дверямъ. Распахнулъ, значитъ, дверь: и—ахъ, батюшки! Такъ что баринъ самъ, въ наемной каретишкѣ (и плохая-жъ каретишка!); такъ что съ нимъ барыня лѣтъ почтенныхъ въ дешевенькомъ ватерпруфѣ.

— „Не ватерпруфѣ, пострѣлъ: нынче ватерпруфовъ не носятъ“.

— „Не смущайте его: онъ и такъ обалдѣлъ“.

— „Однимъ словомъ — въ пальтѣ. Баринъ же суетится: съ извозчика—тьфу съ кареты—онъ соскочилъ, руку барынѣ протянулъ, — улыбается: кавалерственно эдакъ; всякую помощь оказываетъ“.

— „Ишь ты...“

— „То же...“

— „Я думаю не видались два года“—раздались вокругъ голоса.

Digitized by Microsoft®

— „Само собой: барыня изъ кареты выходитъ; только барыня—вижу я—смущены при такомъ при с л у ч а ѣ: улыбаются тамъ — не въ своемъ въ полномъ видѣ; себя самихъ для куражу: за подбородокъ хватаются; ну, бѣдно, скажу вамъ, одѣты; на перчаткахъ то дыры; не заштопаны, вижу, перчатки: можетъ, некому штопать; въ Гишпаніи, можетъ, не штопаютъ...“

— „Разсказывай, ладно ужъ!..“

— „Я и такъ говорю: баринъ же, баринъ нашъ, Аполлонъ Аполлоновичъ, всякую авантажность посбросили; стоятъ у кареты, надъ лужею, подъ дождемъ; дождь—Богъ ты мой! Баринъ ёжится, будто на мѣстѣ забѣгали, притопатываютъ на мѣстѣ носками; а какъ барыня при сходѣ съ подножки вся на руку на ихъ навалилась—вѣдь барыня грузная — баринъ нашъ такъ весь даже присѣлъ; крохотнаго баринъ росточка; ну, куды же имъ, думаю, грузную такую сдержать! Силенки не хватитъ...“

— „Не плети белиндрясовъ; разсказывай“.

— „Я не плету белиндрясовъ; я и такъ говорю; да и што говорить... Тутъ вотъ Митрій Семенычъ разскажетъ: они повстрѣчали въ передней... Что разсказывать-то? Баринъ барынѣ только всего и сказали: молъ, милости просимъ, сказали—пожалуйте, молъ, Анна Петровна... Тутъ я ихъ и призналъ“.

— „Ну и что-жъ?“

— „Постарѣли... Спервоначалу-то не узналъ; а потомъ ихъ узналъ, потому еще помню: гостинцемъ кормила“.

Такъ впослѣдствіи говорили лакеи.

. . . . . .

Но дѣйствительно!

Неожиданный, непредвидѣнный фактъ: тому назадъ два съ половиною года, какъ Анна Петровна уѣхала отъ супруга съ итальянскимъ артистомъ; и вотъ черезъ два съ половиною года, покинутая итальянскимъ артистомъ, отъ гренадскихъ прекрасныхъ дворцовъ черезъ цѣпь Пиренеевъ, чрезъ Альпы, чрезъ горы Тироля, примчалась съ экспрессомъ об-

Digitized by Microsoft ®

ратно; но всего удивительнѣй то, что сенатору было нельзя заикнуться объ Аннѣ Петровнѣ ни два съ лишнимъ года, ни даже тому назадъ — два съ половиною дня (еще вчера онъ топорщился!); два съ половиною года Аполлонъ Аполлоновичъ сознаніемъ избѣгалъ даже мысли объ Аннѣ Петровнѣ (и все-таки думалъ о ней); самое звукосочетаніе „Анна Петровна“ разбивалось о барабанную перепонку ушей точно такъ, какъ о лобъ учительскій разбивается брошенная изъ-подъ парты хлопушка; только школьный учитель по каѳедрѣ разгнѣванно простучитъ кулакомъ; Аполлонъ Аполлоновичъ же поджималъ презрительно губы при звукосочетаніи этомъ. Отчего-жъ при извѣстіи о ея возвращеніи обыкновенный поджимъ сухихъ губъ разорвался въ взволнованно-гнѣвномъ дрожаніи челюстей (вчера ночью—при разговорѣ съ Николенькой); отчего не спалъ ночь? Отчего въ теченіе полусутокъ тотъ гнѣвъ испарялся куда-то и смѣнялся щемящей тоскою, переходящей въ тревогу? Почему самъ не выдержалъ ожиданія, самъ поѣхалъ въ гостинницу? Уговаривалъ—самъ: самъ — привезъ. Что̀ такое случилось тамъ—въ гостинничномъ номерѣ; свое строгое обѣщанье забыла и Анна Петровна; обѣщаніе это дала она себѣ—здѣсь, вчера: здѣсь въ лакированномъ домѣ (посѣтивши его и никого не заставъ).

Дала обѣщаніе: но—вернулась.

Анна Петровна и Аполлонъ Аполлоновичъ были взволнованы и сконфужены объясненьемъ другъ съ другомъ; поэтому при вступленіи въ лакированный домъ не обмѣнялись они обильными изліяніями чувствъ; Анна Петровна искоса посмотрѣла на мужа: Аполлонъ Аполлоновичъ сталъ сморкаться... подъ ржавою алебардою; испустивъ трубный звукъ, сталъ пофыркивать въ бачки. Анна Петровна милостиво изволила отвѣчать на почтительные поклоны лакеевъ, проявляя сдержанность, которой мы только-что не видѣли въ ней; только Семеныча она обняла и какъ будто хотѣла поплакать; но бросивши перепуганный, растерянный взглядъ на Аполлона Аполлоновича, она себя пересилила: пальцы ея потянулися къ ридикюльчику, но платка не достали.

Digitized by Microsoft ®

Аполлонъ Аполлоновичъ, стоя надъ ней на ступенькахъ, бросалъ на лакеевъ повелительно строгіе взгляды; взгляды такіе бросалъ онъ въ минуты растерянности: а въ обычныя времена Аполлонъ Аполлоновичъ былъ съ лакеями до обидности отмѣнно-вѣжливъ и чопоренъ (за исключеніемъ шутокъ). Онъ, пока тутъ стояла прислуга, выдерживалъ тонъ равнодушія: ничего не случилось—до этой поры проживала барыня за границей, для поправленья здоровья; болѣе ничего: и барыня, вотъ, вернулась... Что-жъ такое? Ну, вотъ—и прекрасно!..

Впрочемъ, былъ тутъ лакей (всѣ другіе смѣнились, за исключеньемъ Семеныча да Гришки, мальчишки); этотъ—помнилъ, что̀ помнилъ: помнилъ, какими манерами совершала барыня свой заграничный отъѣздъ—безъ всякаго предупрежденья прислуги: съ маленькимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ (и это—на два съ половиною года!); наканунѣ-жъ отъѣзда—запиралась отъ барина; дня же два до отбытія все сидѣлъ у нея этотъ самый, съ усами: черноглазый ихъ посѣтитель—какъ его? Миндалини (звали его Манталини), который пѣвалъ у нихъ нерусскія какія-то пѣсни: „Тра-ла-ла... Трала-ла...“ И на чай не давалъ.

Этотъ самый лакей, что-то такое запомнивъ, съ особеннымъ уваженіемъ приложился къ превосходительной ручкѣ, чувствуя за собою вину, что подробности бѣгства—отъѣзда, то-есть—не изгладились у него въ головѣ; не на шутку боялся вѣдь онъ, что сочтены его дни пребыванія въ лакированномъ домѣ—по случаю счастливаго возвращенія ихъ высокопревосходительствъ въ лакированный домъ.

Вотъ они—въ залѣ; передъ ними паркетъ, точно зеркало, разблистался квадратиками: эти два съ половиною года здѣсь рѣдко топили; безотчетную грусть вызывали пространства этой комнатной анфилады; Аполлонъ Аполлоновичъ болѣе все сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, запираясь на ключъ; все казалось ему, что отсюда — туда прибѣжитъ къ нему кто-то знакомый и грустный; и теперь онъ подумалъ, что вотъ онъ—не одинъ; не одинъ будетъ онъ здѣсь расхаживать по квадратикамъ паркетнаго пола, а... съ Анной Петровной.

Digitized by Microsoft ®

По квадратикамъ паркетнаго пола съ Николенькой Аполлонъ Аполлоновичъ расхаживалъ рѣдко.

Согнувъ кренделемъ руку, повелъ Аполлонъ Аполлоновичъ черезъ залъ свою гостью: хорошо еще, что подставилъ онъ правую руку; лѣвая—и стрѣляла, и ныла отъ сердечныхъ, стремительныхъ, неугомонныхъ толчковъ; Анна Петровна же остановила его, подвела его къ стѣнкѣ, показывая на блѣднотонную живопись, улыбнулась ему:

— „Ахъ, все тѣ же!.. Помните, Аполлонъ Аполлоновичъ, эту вотъ фреску?“

И—чуть-чуть покосилась, чуть-чуть покраснѣла; васильковые взоры его тутъ уставились въ два лазурью наполненныхъ глаза; и—взглядъ, взглядъ: что-то милое, бывшее, стародавнее, что всѣ люди забыли, но что никого не забыло и стоитъ при дверяхъ — что-то такое вдругъ встало между взглядами ихъ; это не было въ нихъ; и возникло—не въ нихъ; но стояло—между ними: будто вѣтромъ весеннимъ овѣяло. Пусть проститъ мнѣ читатель: сущность этого взгляда выражу я банальнѣйшимъ словомъ: любовь.

— „Помните?“

— „Какъ же-съ: помню...“

— „Гдѣ?“

— „Въ Венеціи...“

— „Прошло тридцать лѣтъ!..“

Воспоминаніе о туманной лагунѣ, объ аріи, рыдающей въ отдаленіи, охватило его: тому назадъ тридцать лѣтъ. Воспоминанія о Венеціи и ее охватили, раздвоились: тому назадъ — тридцать лѣтъ; и тому назадъ — два съ половиною года; тутъ она покраснѣла отъ воспоминанья некстати, которое она прогнала; и другое нахлынуло: Коленька. За послѣдніе два часа о Коленькѣ позабыла она; разговоръ съ сенаторомъ вытѣснилъ все иное до времени; но за два часа передъ тѣмъ только о Коленькѣ она и думала съ нѣжностью; съ нѣжностью и досадой, что отъ Коленьки—ни привѣта, ни отзыва.

— „Коленька...“

Digitized by Microsoft®

Они вступили въ гостиную; отовсюду бросились горки фарфоровыхъ бездѣлушекъ; разблистались листики инкрустаціи—перламутра и бронзы—на коробочкахъ, полочкахъ, выходящихъ изъ стѣнъ.

— „Коленька, Анна Петровна, ничего себѣ... такъ себѣ... поживаетъ прекрасно"—и отбѣжалъ—какъ-то вбокъ.

— „А онъ дома?"

Аполлонъ Аполлоновичъ, только-что упавшій въ ампирное кресло, гдѣ на блѣднолазурномъ атласѣ сидѣній завивались вѣночки, нехотя приподнялся изъ кресла, нажимая кнопку звонка:

— „Отчего онъ ко мнѣ не пріѣхалъ?"

— „Онъ, Анна Петровна... мме-емме... былъ, въ свою очередь, очень-очень"—запутался какъ-то странно сенаторъ, и потомъ досталъ свой платокъ: съ трубными какими-то звуками очень долго сморкался; фыркая въ бачки, очень долго въ карманы запихивалъ носовой свой платокъ:

— „Словомъ, былъ онъ обрадованъ".

Наступило молчаніе. Лысая голова тамъ качалась подъ холодною и длинноногою бронзою; ламповый абажуръ не сверкалъ фіолетовымъ тономъ, расписаннымъ тонко: секретъ этой краски девятнадцатый вѣкъ утерялъ; стекло потемнѣло отъ времени; тонкая роспись потемнѣла отъ времени тоже.

На звонокъ появился Семенычъ:

— „Николай Аполлоновичъ дома?"

— „Точно такъ-съ..."

— „Мм... послушайте: скажите ему, что Анна Петровна—у насъ; и—проситъ пожаловать..."

— „Можетъ быть, мы сами пойдемъ къ нему"—заволновалась Анна Петровна и съ несвойственною ея годамъ быстротой приподнялась она съ кресла; но Аполлонъ Аполлоновичъ, повернувшись круто къ Семенычу, тутъ ее перебилъ:

— „Ме-емме... Семенычъ: скажу-ка я..."

— „Слушаю-съ!.."

— „Вѣдь жена то халдея—полагаю я—кто?"

— „Полагаю-съ,—халдейка..."

Digitized by Microsoft ®

— „Нѣтъ—халда!..“

. . . . . .

— „Хе-хе-хе-съ...“

. . . . . .

— „Коленькой, Анна Петровная, я недоволенъ...“

— „Да что вы?“

— „Коленька ужъ давно ведетъ себя — не волнуйтесь — ведетъ себя: прямо-таки—не волнуйтесь же—странно...

— „?“

Золотыя трюмо изъ простѣнковъ отовсюду глотали гостиную зеленоватыми поверхностями зеркалъ.

— „Коленька сталъ какъ-то скрытенъ... Кхе-кхе“— и закашлявшись, Аполлонъ Аполлоновичъ, пробарабанилъ рукою по столику, что-то вспомнилъ—свое, нахмурился, сталъ рукой тереть переносицу; впрочемъ быстро опомнился: и съ чрезмѣрной веселостью почти выкрикнулъ онъ:

— „Впрочемъ—нѣтъ: ничего-съ... Пустяки“.

Межъ трюмо отовсюду поблескивалъ перламутровый столикъ.

Было сплошное безсмыслiе.

Николай Аполлоновичъ, перемогая сильнѣйшую боль въ подколѣнномъ суставѣ (онъ таки порасшибся), чуть прихрамывалъ: перебѣгалъ гулкое корридора пространство.

Свиданiе съ матерью!..

Вихри мыслей и смысловъ обуревали его; или даже не вихри мыслей и смысловъ: просто вихри безсмыслiя; такъ частицы кометы, проницая планету, не вызовутъ даже измѣненья въ планетномъ составѣ, пролетѣвъ съ потрясающей быстротой; проницая сердца, не вызовутъ даже измѣненiя въ ритмѣ сердечныхъ ударовъ; но замедлись кометная скорость: разорвутся сердца; самая разорвется планета; и все станетъ газомъ; если бы мы хоть на мигъ задержали крутящiйся безсмысленный вихрь въ головѣ Аблеухова, то безсмыслiе это разрядилось бы бурно вспухшими мыслями.

И—вотъ эти мысли.

Digitized by Microsoft®

Мысль, во-первыхъ, объ ужасѣ его положенія; ужасное положеніе—создавалось теперь (вслѣдствіе пропажи сардинницы); сардинница, то-есть бомба, пропала; ясное дѣло—пропала; и, стало-быть: кто-то бомбу унесъ; кто же, кто? Кто-нибудь изъ лакеевъ; и—стало-быть: бомба попала въ полицію; и его—арестуютъ; но это—не главное; главное: бомбу унесъ—Аполлонъ Аполлоновичъ самъ; и унесъ въ тотъ моментъ, когда съ бомбою счеты были покончены; и онъ—знаетъ: все знаетъ.

Все—что̀ такое? Ничего-то вѣдь не было; планъ убійства? Не было плана убійства; Николай Аполлоновичъ этотъ планъ отрицаетъ рѣшительно: гнусная клевета—этотъ планъ.

Остается фактъ найденной бомбы.

Разъ отецъ его призываетъ, разъ мать его—нѣтъ, не можетъ знать: и бомбы не уносилъ онъ изъ комнаты. Да и лакеи... Лакеи бы ужъ давно обнаружили все. А никто—ничего. Нѣтъ, про бомбу не знаютъ. Но—гдѣ она, гдѣ она? Точно ли онъ засунулъ ее въ этотъ столъ, не подложилъ ли куда-нибудь подъ коверъ, машинально, случайно:

Съ нимъ такое бывало.

Чрезъ недѣлю сама собой обнаружится... Впрочемъ, нѣтъ: о своемъ присутствіи гдѣ-нибудь она заявитъ сегодня—ужаснѣйшимъ грохотомъ (грохотовъ Аблеуховы рѣшительно не могли выносить).

Гдѣ-нибудь, можетъ быть,—подъ ковромъ, подъ подушкой, на полочкѣ о себѣ заявитъ: загрохочетъ и лопнетъ; надо бомбу найти; а теперь вотъ и времени у него нѣтъ на поиски: пріѣхала Анна Петровна.

Во-вторыхъ: его оскорбили; въ-третьихъ: этотъ паршивенькій Павелъ Яковлевичъ,—онъ какъ будто бы только-что гдѣ-то видѣлъ его, возвращаясь съ квартирки на Мойкѣ; Пеппъ же Пепповичъ Пеппъ — вотъ въ четвертыхъ: Пеппъ—ужасное расширеніе тѣла, растяженіе жилъ, кипятокъ въ головѣ...

Ахъ, все спуталось: вихри мыслей крутились съ нечеловѣческой быстротою и шумѣли въ ушахъ, такъ что мыслей и не было: было сплошное безсмысліе.

Digitized by Microsoft ®

И вотъ съ этимъ-то безсмысленнымъ кипяткомъ въ головѣ Николай Аполлоновичъ бѣжалъ по гулкому корридору, не обдернувъ на-спѣхъ надѣтаго сюртучка и являясь для взора грудогорбымъ какимъ-то хромцомъ, припадающимъ на правую ногу съ болѣзненно ноющимъ подколѣннымъ суставомъ.

Мама.

Онъ открылъ дверь въ гостиную.

Первое, что̀ увидѣлъ онъ, было... было... Но что тутъ сказать: лицо матери онъ увидѣлъ изъ кресла и протянутыхъ двѣ руки: лицо постарѣло, а руки дрожали въ кружевѣ золотыхъ фонарей, только-что зажженныхъ—за окнами.

И услышалъ онъ голосъ:

— „Коленька: мой родной, мой любимый!“

Онъ не выдержалъ больше и устремился весь къ ней:

— „Ты ли, мой мальчикъ...“

Нѣтъ, не выдержалъ больше: опустившись предъ ней на колѣни, цѣпкими станъ ея охватилъ онъ руками; онъ лицомъ прижался къ колѣнямъ, судорожными разразился рыданьями — рыданьями неизвѣстно о чемъ: безотчетно, безстыдно, безудержно заходили широкія плечи (вспомнимъ же: Николай Аполлоновичъ не испытывалъ ласки за эти послѣдніе три года).

— „Мама, мама...“

Она плакала тоже.

Аполлонъ Аполлоновичъ тамъ стоялъ, въ полусумеркахъ ниши; и потрогивалъ пальцемъ онъ куколку изъ фарфора—китайца: китаецъ качалъ головой; Аполлонъ Аполлоновичъ вышелъ тамъ изъ полусумерокъ ниши; и тихонько покрякивалъ онъ; мелкими придвигался шажками къ той плачущей парѣ; и неожиданно загудѣлъ онъ надъ кресломъ:

— „Успокойтесь, друзья мои!“

Онъ, признаться, не могъ ожидать этихъ чувствъ отъ холоднаго, скрытнаго сына,—на лицѣ котораго эти два съ половиною года онъ видѣлъ однѣ лишь ужимочки; ротъ, ра-

Digitized by Microsoft®

зорванный до ушей, и опущенный взоръ; и потомъ, повернувшись, озабоченно побѣжалъ Аполлонъ Аполлоновичъ вонъ изъ комнаты—за какимъ-то предметомъ.

— „Мама... Мама...“

— Страхъ, униженія всѣхъ этихъ сутокъ, пропажа сардинницы, наконецъ, чувство полной ничтожности, все это, крутясь, развивалось мгновенными мыслями; утопало во влагѣ свиданья:

— „Любимый, мой мальчикъ“.

. . . . . .

Ледяное прикосновеніе пальцевъ къ рукѣ привело его въ чувство:

— „Вотъ тебѣ, Коленька: отпей глоточекъ воды.

И когда онъ поднялъ съ колѣнъ свой заплаканный ликъ, онъ увидѣлъ какіе-то ребенкины взоры шестидесятивосьмилѣтняго старика: маленькій Аполлонъ Аполлоновичъ тутъ стоялъ въ пиджачкѣ со стаканомъ воды; его пальцы плясали; Николая Аполлоновича онъ скорѣе пытался трепать, чѣмъ трепалъ,—по спинѣ, по плечу, по щекамъ; вдругъ погладилъ рукой бѣлольняные волосы. Анна Петровна смѣялась; совершенно некстати рукой оправляла свой воротъ; опьяненные отъ счастья глаза переводила она: съ Николеньки—на Аполлона Аполлоновича; и обратно: съ него на Николеньку.

Николай Аполлоновичъ медленно приподнялся съ колѣнъ:

— „Извините, мамаша: я такъ себѣ...“

— „Это, это—отъ неожиданности...“

— „Я—сейчасъ... Ничего... Спасибо, папа...“

И отпилъ воды.

— „Вотъ“.

На перламутровый столикъ Аполлонъ Аполлоновичъ поставилъ стаканъ; и вдругъ — старчески разсмѣялся чему-то, какъ смѣются мальчишки проказамъ веселаго дяди, локоточками толкая другъ друга; два старинныхъ, родимыхъ лица!

— „Такъ-съ...“

— „Такъ-съ...“

Digitized by Microsoft ®

— „Такъ-съ...“

Аполлонъ Аполлоновичъ тамъ стоялъ у трюмо, которое увѣнчивалъ крылышкомъ золотощекій амурчикъ: подъ амурчикомъ лавры и розаны прободали тяжелыя пламена факеловъ; но молньей прорѣзала память: сардинница!..

Какъ же такъ? Что̀ же это такое? И порывъ переломался въ немъ снова.

— „Я сейчасъ... Я приду...“

— „Что съ тобою, мой милый?“

— „Ничего-съ... Оставьте его, Анна Петровна... Я совѣтую тебѣ, Коленька, побыть съ собою самимъ... пять минутъ... Да, знаешь ли... И потомъ—приходи...“

И чуть-чуть симулируя только-что съ нимъ бывшій порывъ, Николай Аполлоновичъ пошатнулся, театрально какъ-то опять лицо уронилъ въ свои пальцы: шапка льняныхъ волосъ промертвѣла такъ странно тамъ, въ полусумеркахъ комнаты.

Онъ, шатаяся, вышелъ.

Удивленно отецъ поглядѣлъ на счастливую мать.

. . . . . .

— „Собственно говоря, я его не узналъ... Эти, эти... Эти, такъ сказать, чувства“—Аполлонъ Аполлоновичъ перебѣжалъ отъ зеркала къ подоконнику...—„Эти, эти... порывы“—и потрепалъ себѣ бачки.

— „Показываютъ“—повернулся онъ круто и приподнялъ носки, мгновеніе балансируя на каблучкахъ и потомъ припадая всѣмъ тѣломъ на упавшіе къ полу носки —

— „Показываютъ“—заложилъ руки за спину (подъ пиджачекъ) и вращалъ за спиною рукою (отчего пиджачекъ завилялъ); и казалось — Аполлонъ Аполлоновичъ бѣгаетъ по гостиной съ виляющимъ хвостикомъ:

— „Показываютъ въ немъ естественность чувства и, такъ сказать“,—тутъ пожалъ онъ плечами,—„хорошія свойства натуры“...

— „Не ожидалъ-съ я никакъ...“

Лежащая на столикѣ табакерка поразила вниманіе именитаго мужа; и желая придать ея положенію на столѣ болѣе

Digitized by Microsoft®

симметрическій видъ относительно стоящаго здѣсь подносика, Аполлонъ Аполлоновичъ быстро-быстро вдругъ подошелъ къ тому столику и схватилъ... съ подносика визитную карточку, которую для чего-то онъ завертѣлъ между пальцевъ; разсѣянность его проистекла оттого, что въ сей мигъ посѣтила его глубокая дума, развертываясь въ убѣгающій лабиринтъ постороннихъ какихъ-то открытій. Но Анна Петровна, сидѣвшая въ креслѣ съ блаженнымъ растерянным видомъ, убѣжденно замѣтила:

— „Я всегда говорила...“

— „Да-съ, знаешь ли...“

Аполлонъ Аполлоновичъ всталъ на цыпочки съ приподнятымъ хвостикомъ пиджака; и—побѣжалъ отъ столика къ зеркалу:

— „Те-ли...“

Аполлонъ Аполлоновичъ побѣжалъ отъ зеркала въ уголъ:

— „Коленька меня удивилъ: и признаться—это его поведеніе меня успокоило“—онъ сморщилъ лобъ—„относительно... относительно“—вынулъ руку изъ-за спины (край пиджачка опустился), рукою пробарабанилъ по столику:

— „Мда!..“

Круто себя перебилъ:

— „Ничего-съ“.

И задумался: поглядѣлъ на Анну Петровну; встрѣтился съ ея взглядомъ; они улыбнулись другъ другу.

И гремѣла рулада.

Николай Аполлоновичъ вошелъ въ свою комнату; уставился на упавшую арабскую табуретку: прослѣживалъ инкрустацію изъ слоновой кости и перламутра. Медленно подошелъ онъ къ окну: тамъ бѣжала рѣка; и качалась ладья; и плескалась струя; изъ гостиной, откуда-то издали, неожиданно бѣги руладъ огласили молчаніе комнаты; такъ она играла и прежде: и подъ эти-то звуки, бывало, засыпалъ онъ надъ книгами.

Digitized by Microsoft ®

Николай Аполлоновичъ сталъ надъ грудой предметовъ, соображая мучительно:

— „Гдѣ же это такое... Какъ же это такое... Куда же я въ самомъ дѣлѣ?“

И—не могъ онъ припомнить.

Тѣни, тѣни и тѣни: зеленѣли кресла изъ тѣней; выдавался изъ тѣней тамъ бюстъ: разумѣется, Канта.

Тутъ замѣтилъ онъ на столѣ листъ, свернутый вчетверо: посѣтители, не заставши хозяина дома, на столѣ оставляютъ вчетверо свернутые листы; машинально взялъ онъ бумажку; машинально увидѣлъ онъ почеркъ—знакомый, лихутинскій. Да — вѣдь вотъ: онъ совсѣмъ позабылъ, что въ его отсутствіе, утромъ, побывалъ здѣсь Лихутинъ: копался и шарилъ (самъ же онъ объ этомъ разсказывалъ при непріятномъ свиданіи)...

Да, да, да: обшаривалъ комнату.

Вздохъ облегченія вырвался изъ груди Николая Аполлоновича. Все объяснялось мгновенно: Лихутинъ! Ну—конечно, конечно; непремѣнно здѣсь шарилъ; искалъ и нашелъ; и, нашедши, унесъ; увидѣлъ незапертый столъ; и въ столъ заглянулъ; сардинница поразила его и вѣсомъ, и видомъ, и часовымъ механизмомъ; сардинницу и унесъ подпоручикъ. Сомнѣнія не было.

Съ облегченіемъ опустился онъ въ кресло; въ это время снова молчаніе огласили бѣги руладъ; такъ бывало и прежде: оттуда бѣжали рулады; и тому назадъ—девять лѣтъ; и тому назадъ—десять лѣтъ: игрывала Шопена (не Шумана) Анна Петровна. И ему показалось теперь, что событій и не было, разъ все объяснялось такъ просто: сардинницу унесъ подпоручикъ Лихутинъ (кто же болѣе, если не допустить, но...— зачѣмъ допускать!); Александръ Ивановичъ постарается о всемъ прочемъ (въ эти часы, мы напомнимъ, какъ разъ объяснялся на дачкѣ Александръ Ивановичъ Дудкинъ съ покойнымъ Липпанченко); да, событій—и не было.

Петербургъ тамъ за окнами преслѣдовалъ мозговою игрой и плаксивымъ просторомъ; тамъ бросались натиски мокраго

Digitized by Microsoft®

холоднаго вѣтра; протуманились гнѣзда огромныя бриллiантовъ—подъ мостомъ. Никого—ничего.

И бѣжала рѣка; и плескалась струя; и качалась ладья; и гремѣла рулада.

По ту сторону невскихъ водъ повставали громады—абрисами острововъ и домовъ; и въ туманы бросали янтарныя очи; и казалось, что — плачутъ. Рядъ береговыхъ фонарей уронилъ огнёвыя слезы въ Неву: закипѣвшими блесками прожигалась поверхность.

Арбузъ—овощь...

Послѣ двухъ съ половиною лѣтъ состоялся обѣдъ ихъ втроемъ.

Прокуковала стѣнная кукушка; лакей внесъ горящую супницу; Анна Петровна сіяла довольствомъ; Аполлонъ Аполлоновичъ... — кстати: глядя утромъ на дряхлаго старика, не узнали бы вы этого безлѣтнаго мужа, вдругъ окрѣпшаго, съ выправкой, сѣвшаго тутъ за столъ и взявшаго какимъ-то пружиннымъ движеньемъ салфетку; уже они сидѣли за супомъ, когда боковая дверь отворилась: Николай Аполлоновичъ чуть подпудренный, выбритый, чистый, проковылялъ оттуда, присоединяясь къ семейству въ наглухо застегнутомъ студенческомъ сюртукѣ съ воротникомъ высочайшихъ размѣровъ (напоминающимъ воротники александровской, миновавшей эпохи).

— „Что̀ съ тобою, mon cher“,—вскинула къ носу пенснэ съ аффектаціей Анна Петровна,—„ты, я вижу, хромаешь?“

— „А?..“—Аполлонъ Аполлоновичъ бросилъ на Коленьку взглядъ и ухватился за перечницу.—„Въ самомъ дѣлѣ...“

Юношескимъ какимъ-то движеніемъ сталъ себѣ переперчивать супъ.

— „Пустяки, maman: я споткнулся... и вотъ ноетъ колѣно...“

— „Не надо ли свинцовой примочки?“

— „Въ самомъ, Коленька, дѣлѣ“—Аполлонъ Аполлоно-

Digitized by Microsoft®

вичъ, поднеся ложку супа ко рту, поглядѣлъ исподлобья—„съ ушибами этими, въ подколѣнномъ суставѣ, не шутятъ; ушибы эти непріятно разыгрываются...“

И—проглотилъ ложку супа.

Николай Аполлоновичъ, очаровательно улыбнувшись, принялся въ свою очередь переперчивать супъ.

— „Удивительно материнское чувство“,—и Анна Петровна положила ложку въ тарелку, выкатила дѣтскіе свои, большіе глаза, прижавъ голову къ шеѣ (отчего изъ-подъ ворота выбѣжалъ второй подбородокъ), — „удивительно: онъ уже взрослый, а я еще, какъ бывало, безпокоюсь о немъ...“

Какъ-то естественно позабылось, что два съ половиною года она безпокоилась не о Коленькѣ вовсе: Коленьку заслонилъ имъ чужой человѣкъ, черномазый и длинноусый, съ глазами, какъ два чернослива; естественно,—и она позабыла, какъ два съ лишнимъ года этому чужому мужчинѣ ежедневно повязывала она, тамъ въ Испаніи, галстухъ: фіолетовый, шелковый; и два съ половиною года по утрамъ давала слабительное—Гуніяди Янось.

— „Да, материнское чувство: помнишь,—во время твоей дезинтéріи...“ („дезинтéріи“—говорила она).

— „Какъ же, помню прекрасно... Вы—о ломтикахъ хлѣба?“

— „Вотъ именно...“

— „Послѣдствіями дезинтеріи“,—упирая на „і“, пророкоталъ изъ тарелки Аполлонъ Аполлоновичъ,—„мой другъ ты, какъ кажется, страдаешь и теперь?“

И проглотилъ ложку супа.

— „Имъ-съ... ягоды кушать... по сію пору вредно-съ“—раздался изъ-за двери довольный голосъ Семеныча; выглянула его голова: онъ оттуда подглядывалъ—не прислуживалъ онъ.

— „Ягоды, ягоды!“—пробасилъ Аполлонъ Аполлоновичъ и неожиданно всѣмъ онъ корпусомъ повернулся къ Семенычу: вѣрнѣй къ скважинѣ двери.

— „Ягоды“—и зажевалъ онъ губами.

Тутъ служившій лакей (не Семенычъ) заранѣе улыбнулся

Digitized by Microsoft®

съ такимъ точно видомъ, будто онъ хотѣлъ всѣмъ повѣдать:

— „Будетъ теперь тутъ такое!“

Баринъ же вскрикнулъ.

— „А что, Семенычъ, скажите: арбузъ—ягода?“

Анна Петровна одними глазами повернулась на Коленьку: снисходительно и лукаво затаила улыбку; перевела глаза на сенатора, такъ и застывшаго по направленію къ двери и, казалось, всецѣло ушедшаго въ ожиданье отвѣта на свой нелѣпый вопросъ; глазами она говорила:

— „А онъ все попрежнему?“

Николай Аполлоновичъ сконфуженно рукою хватался за ножикъ, за вилку, пока и безстрастно, и четко изъ двери не вылетѣлъ голосъ, не удивленный вопросомъ:

— „Арбузъ, ваше высокопревосходительство, не ягода вовсе, а—овощь“.

Аполлонъ Аполлоновичъ быстро перевернулся всѣмъ корпусомъ, неожиданно выпаливъ—ай, ай, ай!—свой экспромтъ:

Вѣрно вы, Семенычъ,
Старая ватрушка, —
Разсудили это
Лысою макушкой.

Анна Петровна и Коленька не поднимали глазъ изъ тарелокъ: словомъ, было—какъ встарь!

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ послѣ сцены въ гостиной своимъ видомъ показывалъ имъ: все теперь вошло въ норму; аппетитно кушалъ, шутилъ и внимательно слушалъ разсказы о красотахъ Испаніи; странное и грустное что-то поднималось у сердца; точно не было времени; и точно вчера это было (подумалось Коленькѣ): онъ, Николай Аполлоновичъ, пятилѣтній; внимательно слушаетъ онъ разговоры матери съ гувернанткой (той, которую Аполлонъ Аполлоновичъ выгналъ); и Анна Петровна—восклицаетъ восторженно:

— „Я и Зизи; а за нами опять—д в а х в о с т а; мы—на выставку; х в о с т ы за нами, на выставку...“

Digitized by Microsoft ®

— „Нѣтъ, какая же наглость!“

Коленькѣ рисуется огромное помѣщенье, толпа, шелестъ платьевъ и прочее (разъ его на выставку взяли): въ отдаленіи же, повисая въ пространствѣ, огромные, чернобурые изъ толпы подплываютъ хвосты. И—мальчику страшно: Николай Аполлоновичъ въ дѣтствѣ не могъ понять вовсе, что графиня Зизи называла хвостами своихъ свѣтскихъ поклонниковъ.

Но нелѣпое воспоминаніе это о висящихъ въ пространствѣ хвостахъ вызвало въ немъ заглушенное чувство тревоги; надо бы съѣздить къ Лихутинымъ: удостовѣриться, что—дѣйствительно...

Какъ такъ—„дѣйствительно?“

Въ ушахъ у него раздавалось все тиканье часиковъ: тѝки-такъ, тѝки-такъ; бѣгала волосинка по кругу; ужъ конечно не бѣгала здѣсь—въ этихъ блещущихъ комнатахъ (напримѣръ, гдѣ-нибудь, подъ ковромъ, гдѣ любой изъ нихъ могъ ногою случайно...), а—въ выгребной, черной ямѣ, на полѣ, въ рѣкѣ: стоитъ себѣ „тѝ-ки-та̀къ“; бѣгаетъ волосинка по кругу—до рокового до часа...

Что за вздоръ!

Все это отъ ужасной сенаторской шутки, воистину грандіозной... въ безвкусіи; отъ того все пошло: воспоминаніе о чернобурыхъ хвостахъ, наплывающихъ изъ пространства; и—воспоминанье о бомбѣ.

— „Что это, Коленька, ты какой-то разсѣянный: и не кушаешь крема?..“

— „Ахъ, да-да...“

. . . . . .

Послѣ обѣда похаживалъ онъ вдоль этого неосвѣщеннаго зала; залъ свѣтился чуть-чуть; и луной, и кружевомъ фонаря; здѣсь похаживалъ онъ по квадратикамъ паркетнаго пола: Аполлонъ Аполлоновичъ; съ нимъ—Николай Аполлоновичъ; переступали: изъ тѣни—въ кружево фонарнаго свѣта; переступали: изъ свѣтлаго этого кружева—въ тѣнь. Съ необычной довѣрчивой мягкостью, наклонивъ низко голову,

Digitized by Microsoft®

Аполлонъ Аполлоновичъ говорилъ: нето — сыну, а нето — самъ себѣ:

— „Знаете ли—знаешь ли: трудное положеніе—быть государственнымъ человѣкомъ".

Повертывались.

— „Я имъ всѣмъ говорилъ: нѣтъ, способствовать ввозу американскихъ сноповязалокъ,—не такая пустяшная вещь; въ этомъ больше гуманности, чѣмъ въ пространныхъ рѣчахъ... Государственное право насъ учитъ..."

Шли обратно по квадратикамъ паркетнаго пола; переступали: изъ тѣни—въ лунный блескъ косяковъ.

— „Все-таки, гуманитарныя начала намъ нужны; гуманизмъ — великое дѣло, выстраданное такими умами, какъ Джордано Бруно, какъ..."

Долго еще здѣсь бродили они.

Аполлонъ Аполлоновичъ говорилъ надтреснутымъ голосомъ; сына бралъ иногда двумя пальцами за сюртучную пуговицу: прямо къ уху тянулся губами.

— „Они, Коленька, болтуны: гуманность, гуманность!.. Въ сноповязалкахъ гуманности больше: сноповязалки намъ нужны!.."

Тутъ свободной рукой охватилъ онъ талію сына, увлекая къ окну,—въ уголокъ; бормоталъ и качалъ головой; съ нимъ они не считались, не нуженъ онъ:

— „Знаешь ли—обошли!"

Николай Аполлоновичъ не посмѣлъ себѣ вѣрить; да, какъ все случилось естественно—безъ объясненья, безъ бури, безъ исповѣдей: этотъ шопотъ въ углу, эта отцовская ласка.

Почему-жъ эти годы онъ...—?

— „Такъ-то, Коленька, мой дружокъ: будемъ съ тобой откровеннѣе..."

— „Что такое? Не слышу..."

Мимо оконъ пронзительно пролетѣлъ сумасшедшій свистокъ пароходика; ярко пламенный, кормовой фонарикъ, какъ-то наискось, уносился въ туманъ; ширились рубинныя кольца. Такъ съ довѣрчивой мягкостью, наклонивъ низко

Digitized by Microsoft ®

голову, Аполлонъ Аполлоновичъ говорилъ: нето — сыну,—а нето—самъ себѣ. Переступали: изъ тѣни—въ кружево фонарнаго свѣта; переступали: изъ свѣтлаго этого кружева—въ тѣнь.

. . . . . .

Аполлонъ Аполлоновичъ—маленькій, лысый и старый,—освѣщаемый вспышками догорающихъ угольевъ, на перламутровомъ столикѣ сталъ раскладывать пассіансъ; два съ половиною года не раскладывалъ онъ пассіансовъ; такъ Аннѣ Петровнѣ запечатлѣлся онъ въ памяти; было же это, тому назадъ—два съ половиною года: передъ роковымъ разговоромъ; лысенькая фигурка сидѣла за этимъ же столикомъ и за этимъ же пассіансомъ.

— „Десятка...“

— „Нѣтъ, голубчикъ, заложена... А весною — вотъ что: не поѣхать ли намъ, Анна Петрова, въ Пролетное“ (Пролетное было родовымъ имѣніемъ Аблеуховыхъ: Аполлонъ Аполлоновичъ не былъ въ Пролетномъ лѣтъ двадцать).

Тамъ за льдами, снѣгами и лѣсной гребенчатой линіей онъ по глупой случайности едва не замерзъ, тому назадъ,—пятьдесятъ лѣтъ; въ этотъ часъ своего одинокаго замерзанія будто чьи-то холодные пальцы погладили сердце; рука ледяная манила; позади него — въ неизмѣримости убѣгали вѣка; впереди — ледяная рука открывала: неизмѣримости; неизмѣримости полетѣли навстрѣчу. Рука ледяная!

И—вотъ: она таяла.

Аполлонъ Аполлоновичъ, освобождаясь отъ службы, впервые вѣдь вспомнилъ: уѣздныя, сиротливыя дали, дымокъ деревенекъ; и — галку; и ему захотѣлось увидѣть: дымокъ деревенекъ; и—галку.

— „Что-жъ, поѣдемъ въ Пролетное: тамъ такъ много цвѣтовъ“.

И Анна Петровна, увлекаясь опять, взволнованно говорила о красотахъ альгамбрыхъ дворцовъ; но въ порывѣ восторга она позабыла, признаться, что сбивается съ тона, что говоритъ она вмѣсто я „м ы“ и „м ы“, то-есть: „я“ съ Миндалини (Манталини, такъ кажется).

Digitized by Microsoft ®

— „Мы пріѣхали утромъ въ прелестной колясочкѣ, запряженной ослами; въ упряжѣ у насъ, Колечка, были вотъ такіе вотъ большіе помпоны; и знаете, Аполлонъ Аполлоновичъ, мы привыкли...“

Аполлонъ Аполлоновичъ слушалъ, перекладывалъ карты; и — бросилъ: пассіанса онъ не докончилъ; сгорбился, засутулился въ креслѣ онъ, освѣщаемый яркимъ пурпуромъ угольевъ; нѣсколько разъ онъ хватался за ручку ампирнаго кресла, собираясь вскочить; все же во-время соображалъ, видно, онъ, что совершаетъ безтактность, обрывая словесный этотъ потокъ на неоконченной фразѣ; и опять падалъ въ кресло; позѣвывалъ.

Наконецъ онъ плаксиво замѣтилъ:

— „ Я, таки: признаться—усталъ“...

И пересѣлъ изъ кресла — въ качалку.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ вызвался свою мать довезти до гостинницы; выходя изъ гостиной, повернулся онъ на отца; изъ качалки — увидѣлъ онъ (такъ ему показалось) — грустный взоръ, на него устремленный; Аполлонъ Аполлоновичъ, сидя въ качалкѣ, чуть качалку раскачивалъ мановеніемъ головы и движеньемъ ноги; это было послѣднимъ сознательнымъ воспріятіемъ; собственно говоря, болѣе отца онъ не видѣлъ; и въ деревнѣ, и на морѣ, и, — на горахъ, въ городахъ,—въ ослѣпительныхъ залахъ значительныхъ европейскихъ музеевъ — этотъ взглядъ ему помнился; и казалося: Аполлонъ Аполлоновичъ тамъ прощался сознательно—мановеніемъ головы и движеньемъ ноги: старое это лицо, тихіе скрипы качалки; и—взглядъ, взглядъ!

Часики.

Свою мать Николай Аполлоновичъ проводилъ до гостинницы; и послѣ—свернулъ онъ на Мойку; въ окнахъ квартирки былъ мракъ: Лихутиныхъ не было дома; дѣлать нечего: повернулъ онъ домой.

Digitized by Microsoft ®

Вотъ уже проковылялъ въ свою спальню; въ совершеннѣйшей темнотѣ постоялъ: тѣни, тѣни и тѣни; кружево фонарнаго свѣта перерѣзало потолокъ; по привычкѣ зажегъ онъ свѣчу; и снялъ съ себя часики; разсѣянно на нихъ посмотрѣлъ: три часа.

Все тутъ сызнова поднялось.

Понялъ онъ,—не осилены его страхи; увѣренность, выносившая весь этотъ вечеръ, провалилась куда-то; и все—стало зыбкимъ; онъ хотѣлъ принять брому; не было брому; онъ хотѣлъ почитать „Откровеніе“; не было „Откровенія“; въ это время до слуха его долетѣлъ отчетливый, безпокоющій звукъ: тѝки-такъ, тѝки-такъ—раздавалось негромко; неужели—сардинница?

И мысль эта крѣпла.

Но его не терзала она, а иное терзало: старое, бредное чувство; позабытое за-день; и за́-ночь возникшее:

— „Пеппъ Пепповичъ... Пеппъ...“

Это онъ, разбухая въ громаду, изъ четвертаго измѣренія проницалъ Желтый Домъ; и несся по комнатамъ; прилипалъ безвидными поверхностями къ душѣ; и душа становилась поверхностью: да, поверхностью огромнаго и быстро растущаго пузыря, раздутая въ сатурнову орбиту... ай-ай-ай: Николай Аполлоновичъ отчетливо холодѣлъ; въ лобъ ему вѣяли вѣтры; все потомъ лопалось: становилось простымъ.

И — тикали часики.

Николай Аполлоновичъ протягивался къ донимавшему звуку: искалъ мѣсто звука; поскрипывая сапогами, тихо крался къ столу; тиканье становилось отчетливѣй; а у стола—пропадало.

— „Тики-такъ“—раздавалось негромко изъ тѣневого угла; и крался обратно: отъ столика — въ уголъ; тѣни, тѣни и тѣни; гробовое молчаніе...

Николай Аполлоновичъ запыхался, метаясь съ протянутой свѣчкой среди пляски тѣней; все ловилъ порхающій звукъ (такъ гоняются дѣти съ сачками за желтенькимъ мотылечкомъ).

Digitized by Microsoft©

Вотъ онъ принялъ вѣрное направленіе; странный звукъ открывался; тиканье раздавалось отчетливо: мигъ—накроетъ его (на этотъ разъ мотылекъ не слетитъ).

Гдѣ, гдѣ, гдѣ?

И когда онъ сталъ искать точки распространенія звука, то онъ сразу нашелъ эту точку: у себя въ животѣ; въ самомъ дѣлѣ: огромная тяжесть оттянула желудокъ.

Николай Аполлоновичъ увидалъ, что стоитъ у ночного онъ столика; а на уровнѣ живота, на поверхности столика, тикаютъ... имъ же снятые часики; разсѣянно на нихъ посмотрѣлъ: четыре часа.

Онъ вошелъ въ свои рамки (подпоручикъ Лихутинъ проклятую бомбу унесъ); пропадало бредное чувство; пропадала и тяжесть въ желудкѣ; быстро скидывалъ сюртучную пару; съ наслажденіемъ отстегнулъ и крахмалы: воротничечекъ, сорочку; стащилъ онъ кальсоны: на ногѣ, гдѣ колѣно, выдавался кровавый подтекъ; и колѣно распухло; ужъ и ноги ушли въ бѣлоснѣжную простыню, но — задумался, склонившись на руку; четко бѣлыя выдѣлялись на бѣломъ черты иконостаснаго лика.

И—свѣчка потухла.

Часы тикали; совершенная темнота окружила его; въ темнотѣ же тиканье запорхало опять, будто снявшійся съ цвѣтка мотылечекъ: вотъ—и здѣсь; вотъ—и тамъ; и—тикали мысли; въ разнообразныхъ мѣстахъ воспаленнаго тѣла—мысли бились пульсами: въ шеѣ, въ горлѣ, въ рукахъ, въ головѣ; въ солнечномъ сплетеніи даже.

По тѣлу забѣгали пульсы, нагоняя другъ друга.

И отставая отъ тѣла, они были внѣ тѣла, во всѣ стороны отъ него образуя бьющійся и сознательный контуръ: на полъаршина; и—болѣе; тутъ совершенно отчетливо понялъ онъ, что вѣдь мыслитъ не онъ, то-есть: мыслитъ не мозгъ, а внѣ мозга очерченный, бьющійся этотъ сознательный контуръ; въ контурѣ этомъ всѣ пульсы, или проэкціи пульсовъ, превращались мгновенно въ себя измышлявшія мысли; въ глазномъ яблокѣ, въ свою очередь, происходила бурная жизнь; обык-

Digitized by Microsoft ®

новенныя точки, видныя на свѣту и проэцированныя въ пространство,—теперь вспыхнули искрами; выскочили изъ орбитъ въ пространство; заплясали вокругъ, образуя докучныя канители, образуя роящійся коконъ—изъ свѣтовъ: на полъ-аршина; и—болѣе; это—и было пульсаціей: теперь она вспыхнула.

Это и были рои себя мыслившихъ мыслей.

Паутинная ткань этихъ мыслей—понялъ онъ—мыслитъ-то вовсе не то, что̀ хотѣлось бы мыслить обладателю этой ткани, то-есть, вовсе не то, что̀ пытался онъ мыслить при помощи мозга, и что—убѣжало изъ мозга (правду сказать,—мозговыя извилины только пыжились; мыслей въ нихъ не было); мыслили только пульсы, разсыпаяся брилліантами—искорокъ, звѣздочекъ; на золотомъ этомъ роѣ пробѣжала какая-то свѣтоножка, отдаваясь въ немъ утвержденьемъ.

— „А вѣдь тикаетъ, тикаетъ...“

Пробѣжала другая...

Мыслилось утвержденіе того положенія, которое мозгъ его отрицалъ, съ которымъ боролся упорно: а сардинница—здѣсь, а сардинница — здѣсь; по ней бѣгаетъ стрѣлочка; стрѣлочка бѣгать устала: добѣжитъ до рокового до пункта (этотъ пунктъ уже близокъ)... Свѣтовые, порхавшіе пульсы бѣшено поразсыпались тутъ, какъ разсыпаются искры костра, если ты по костру крѣпко грохнешь дубиной,—поразсыпались тутъ: обнажилась подъ ними какая-то голубая безвещность, изъ которой сверкающій центръ прокололъ мгновенно покрытую испариной голову тутъ прилегшаго человѣка, иглистыми своими и трепетавшими свѣтами напоминая гигантскаго паука, прибѣжавшаго изъ міровъ, и—отражаясь въ мозгу:—

— и раздадутся непереносные грохоты, которые, можетъ быть, ты не успѣешь услышать, потому что прежде чѣмъ ударятся въ барабанную перепонку, будешь ты съ разорванной перепонкой (и еще кое съ чѣмъ)—

— Голубая безвещность пропала; съ ней — сверкающій центръ

Digitized by Microsoft ®

подъ набѣгающей свѣтовой канителью; но безумнымъ движеньемъ Николай Аполлоновичъ изъ постели тутъ вылетѣлъ: пульсами обернулось мгновенно теченіе не имъ мыслимыхъ мыслей; пульсы припали, и бились: въ вискѣ, горлѣ, шеѣ, рукахъ, а... не внѣ этихъ органовъ.

Онъ протопалъ босыми ногами; и попалъ не туда: не къ двери, а—въ уголъ.

Свѣтало.

Быстро онъ накинулъ кальсоны и протопалъ въ темнѣющій корридоръ: почему, почему? Ахъ, онъ просто боялся... Просто его охватило животное чувство за свою драгоцѣнную жизнь; изъ корридора же не хотѣлъ онъ вернуться; мужества заглянуть въ свои комнаты — не имѣлъ; сызнова отыскивать бомбу ужъ не было ни силы, ни времени; въ головѣ перепуталось все, и не помнилъ ужъ точно ни минуты, ни часа истеченія срока: роковымъ оказаться могъ— каждый мигъ. Оставалось до бѣлаго дня здѣсь дрожать въ корридорѣ.

И отойдя въ уголокъ, онъ усѣлся на корточкахъ.

Миги же истекали въ немъ медленно; казались минуты часами; ужъ и многія сотни часовъ протекли; корридоръ— просинѣлъ; корридоръ — просѣрѣлъ: наступалъ бѣлый день.

Николай Аполлоновичъ все болѣе убѣждался во вздорности себя мыслившихъ мыслей; мысли эти теперь очутились въ мозгу; и мозгъ съ ними справился; а когда онъ рѣшилъ, что давно срокъ истекъ, версія объ уносѣ сардинницы подпоручикомъ какъ-то сама собой разлилась вкругъ него парами блаженнѣйшихъ образовъ, и Николай Аполлоновичъ, сидя на корточкахъ въ корридорѣ, — отъ безопасности ли, отъ усталости ли—только, только: вздремнулъ онъ.

Онъ очнулся отъ скользкаго прикосновенія ко лбу; и

Digitized by Microsoft®

открывши глаза, онъ увидѣлъ—слюнявую морду бульдожки: передъ нимъ бульдожка посапывалъ и повиливалъ хвостикомъ; равнодушно рукою отстранилъ онъ бульдожку и хотѣлъ-было приняться за старое: продолжать тамъ что-то такое; докрутить какіе-то крутни, чтобы сдѣлать открытіе. И—вдругъ понялъ: почему это онъ на полу?

Почему это онъ въ корридорѣ?

Въ полуснѣ поплелся къ себѣ: подходя къ постели своей еще онъ докручивалъ свои сонные крутни...

— Грохнуло: понялъ все.

. . . . . .

— Въ долгіе зимніе вечера Николай Аполлоновичъ многократно потомъ возвращался къ тяжелому грохоту; это былъ особенный грохотъ, несравнимый ни съ чѣмъ; оглушительный, и—не трескучій нисколько; оглушительный и — глухой: съ металлическимъ, басовымъ, тяготящимъ оттѣнкомъ; и все потомъ замерло.

. . . . . .

Скоро послышались голоса, ногъ босыхъ неровные топоты и тихое подвыванье бульдожки; телефонъ затрещалъ: наконецъ-то онъ пріоткрылъ свою дверь; въ грудь ему рванулась струя холодная вѣтра; и лимонножелтые дымы наполнили комнату; въ струѣ вѣтра и въ дымахъ совершенно некстати онъ споткнулся о какой-то расщепъ; и скорѣе ощутилъ онъ, чѣмъ понялъ, что это—кусокъ разорванной двери.

Вотъ и груда холоднаго кирпича, вотъ и бѣгаютъ тѣни: изъ дыма; пропаленные клочья ковровъ—какъ попали они? Вотъ одна изъ тѣней, просунувшись въ дымной завѣсѣ, на него грубо гаркнула.

— „Эй, чего ты тутъ: въ домѣ видишь несчастіе!“

И еще раздавался тамъ голосъ; и—слышалось:

— „Ихъ бы всѣхъ, подлецовъ!“

— „Это—я“—попытался онъ.

Его перебили.

— „Бомба...“

— „Ай!“

Digitized by Microsoft®

— „Она самая... разорвалась...“
— „?“
— „У Аполлона Аполлоновича... въ кабинетѣ...“
— „?“
— „Слава Богу, невредимы и цѣлы...“

Мы напомнимъ читателю: Аполлонъ Аполлоновичъ разсѣянно въ кабинетъ къ себѣ изъ комнаты сына занесъ тамъ сардинницу; да и забылъ о ней вовсе; разумѣется, былъ онъ въ невѣдѣньи о содержаніи сардинницы.

Николай Аполлоновичъ подбѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ только-что была дверь; и гдѣ—двери не было: былъ огромный провалъ, откуда шелъ клубами дымъ; если бы заглянули на улицу, то увидѣли бы: собиралась толпа; городовой оттискивалъ ее съ тротуара; а ротозѣи смотрѣли, закинувши головы, какъ изъ черныхъ оконныхъ проваловъ да изъ домъ перерѣзавшей трещины зловѣщіе желтоватолимонные клубы выбивали наружу.

. . . . . .

Николай Аполлоновичъ, самъ не зная зачѣмъ, побѣжалъ отъ провала обратно; и попалъ самъ не зная куда...—

— на бѣлоснѣжной постели (такъ-таки на постельной подушкѣ!) сидѣлъ Аполлонъ Аполлоновичъ, поджимая голыя ножки къ волосатой груди; и былъ онъ въ исподней сорочкѣ; охвативъ руками колѣни, онъ безудержно—не рыдалъ, а ревѣлъ; въ общемъ грохотѣ его позабыли; не было при немъ ни лакея, ни даже... Семеныча; некому было его успокоить; и вотъ онъ, одинъ-одинешенькъ,... до надсаду, до хрипу...—

— Николай Аполлоновичъ бросился къ этому безсильному тѣльцу, какъ бросается мамка посреди проѣздной мостовой къ трехлѣтней упавшей ка-

Digitized by Microsoft®

плюшкѣ, которую ей поручили, которую позабыла она посреди проѣздной мостовой; но это безсильное тѣльце — каплюшка — при видѣ бѣгущаго сына — какъ подскочитъ съ подушки и — какъ руками замашетъ: съ неописуемымъ ужасомъ и съ недѣтскою рѣзвостью.

И—какъ пустится въ бѣгство изъ комнаты, проскочивъ въ корридоръ!

Николай Аполлоновичъ съ крикомъ „держите"—за ней: за этою сумасшедшей фигуркой (впрочемъ, кто изъ нихъ сумасшедшій?); оба они понеслись въ глубину корридора мимо дыма и рвани, и жестовъ гремѣвшихъ персонъ (что-то такое тушили); было жутко мельканіе этихъ странно оравшихъ фигурокъ—въ глубинѣ корридора; развѣвалась въ бѣгѣ сорочка; топотали, мелькали ихъ пятки; Николай Аполлоновичъ пустился вдогонку съ прискокомъ, припадая на правую ногу; за спадающую кальсонину ухватился рукой; а другою рукой норовилъ ухватиться за плещущій край отцовской сорочки.

Онъ бѣжалъ и кричалъ:

— „Погодите..."

— „Куда?"

— „Да постойте".

Добѣжавши до двери, ведущей въ ни съ чѣмъ несравнимое мѣсто, Аполлонъ Аполлоновичъ съ уму непостижною хитростью уцѣпился за дверь; и быстрѣйшимъ образомъ очутился въ томъ мѣстѣ: улепетнулъ въ это мѣсто.

Николай Аполлоновичъ на мгновенье отпрянулъ отъ двери; на мгновеніе отчетливо врѣзались: поворотъ головы, потный лобъ, губы, бачки и глазъ, блистающій, какъ расплавленный камень; дверь захлопнулась; все пропало; щелкнула за дверью задвижка; улепетнулъ въ это мѣсто.

Николай Аполлоновичъ колотился отчаянно въ дверь; и просилъ—до надсаду, до хрипу:

Digitized by Microsoft®

— „Отворите...“
— „Пустите...“
— И—
— „Ааа... ааа... ааа...“

Онъ упалъ передъ дверью.

Руки онъ уронилъ на колѣни; голову бросилъ въ руки; тутъ лишился чувствъ; топотомъ на него набѣжали лакеи. Поволокли его въ комнату.

Мы ставимъ здѣсь точку.

Мы не станемъ описывать, какъ тушили пожаръ, какъ сенаторъ въ сильнѣйшемъ сердечномъ припадкѣ объяснялся съ полиціей: послѣ этого объясненія былъ консиліумъ докторовъ: доктора нашли у него расширенье аорты. И все-таки: въ теченіе всѣхъ забастовочныхъ дней въ канцеляріяхъ, кабинетахъ, министерскихъ квартирахъ появлялся онъ — изможденный, худой; убѣдительно погрохатывалъ его мощный басокъ—въ канцеляріяхъ, кабинетахъ министерскихъ квартирахъ—глухимъ, тяготящимъ оттѣнкомъ. Скажемъ только: что-то такое ему доказать удалось. Арестовали кого-то тамъ; и потомъ — отпустили за ненахожденьемъ уликъ; въ ходъ были пущены связи; и дѣло замяли. Никого не тронули больше. Всѣ тѣ дни его сынъ лежалъ въ приступахъ нервной горячки, не приходя въ сознаніе вовсе; а когда пришелъ онъ въ себя, онъ увидѣлъ, что онъ—съ матерью только; въ лакированномъ домѣ болѣе не было никого. Аполлонъ Аполлоновичъ перебрался въ деревню и безвыѣздно просидѣлъ эту зиму въ снѣгахъ, взявши отпускъ безъ срока; и изъ отпуска выйдя въ отставку. Предварительно сыну онъ приготовилъ: заграничный паспортъ и деньги. Аблеухова, Анна Петровна, сопровождала Николеньку. Только лѣтомъ вернулась она: Николай Аполлоновичъ не возвращался въ Россію до самой кончины родителя.

Конецъ восьмой главы.

Digitized by Microsoft ®

ЭПИЛОГЪ.

Digitized by Microsoft®

Февральское солнце на склонѣ. Косматые кактусы разбѣжались туда и сюда. Скоро, скоро ужъ изъ залива къ берегу прилетятъ паруса; летятъ они: острокрылатые, закачались; въ кактусы ушелъ куполокъ.

Николай Аполлоновичъ въ голубой гондурѣ, въ яркокрасной арабской чечьѣ застываетъ на корточкахъ; предлиннѣйшая кисть упадаетъ съ чечьи; отчетливо вылѣпляется его силуэтъ съ плоской крыши; подъ нимъ—деревенская площадь и звуки „тамъ-тамъ"'а: ударяются въ уши глухимъ тяготящимъ оттѣнкомъ.

Всюду бѣлые кубы деревенскихъ домишекъ; погоняетъ криками ослика раскричавшійся берберъ; куча изъ вѣтокъ серебрится на осликѣ; берберъ—оливковый.

Николай Аполлоновичъ не слушаетъ звуковъ „тамъ-тамъ"'а; и не видитъ онъ бербера; видитъ то, что̀ стоитъ передъ нимъ: Аполлонъ Аполлоновичъ—лысенькій, маленькій, старенькій,—сидя въ качалкѣ, качалку качаетъ мановеніемъ головы и движеньемъ ноги; это движеніе—помнится...

Издали розовѣетъ миндаль; тотъ гребенчатый верхъ—ярко лилово-янтарный; этотъ верхъ—Захуанъ; а тотъ мысъ—карѳагенскій. Николай Аполлоновичъ у араба снялъ домикъ въ береговой, подтунисской деревнѣ.

. . . . . .

Подъ тяжестью снѣговыхъ, сверкающихъ шапокъ перегнулись еловыя вѣтки: косматыя и зеленыя; впереди деревянное пятиколонное зданіе; черезъ перила террасы сугробы

Digitized by Microsoft®

перекинулись хо̀лмами; на нихъ розовый отблескъ отъ февральской зари.

Сутуловатая показалась фигурка—въ теплыхъ валенкахъ, варежкахъ, опираясь на палку; приподнятъ мѣховой воротникъ; мѣховая шапка надвинута на уши; пробирается по расчищенной тропкѣ; ее ведутъ подъ руки; у ведущей фигуры въ рукахъ теплый плэдъ.

На Аполлонѣ Аполлоновичѣ въ деревнѣ появились очки; запотѣвали они на морозѣ и не видно было сквозь нихъ ни лѣсной гребенчатой дали, ни дымка деревенекъ, ни—галки: видны тѣни и тѣни; между нихъ — лунный блескъ косяковъ да квадратики паркетнаго пола; Николай Аполлоновичъ—нѣжный, внимательный, чуткій, — наклонивъ низко голову, переступаетъ: изъ тѣни—въ кружево фонарнаго свѣта; переступаетъ: изъ свѣтлаго этого кружева—въ тѣнь.

Вечеромъ старичокъ у себя за столомъ посреди круглыхъ рамъ; а въ рамахъ портреты: офицера въ лосинахъ, старушки въ атласной наколкѣ; офицеръ въ лосинахъ — отецъ его; старушка въ наколкѣ — покойная матушка, урожденная Сваргина. Старичокъ строчитъ мемуары, чтобы въ годъ его смерти они увидѣли свѣтъ.

Они увидѣли свѣтъ.

Остроумнѣйшіе мемуары: ихъ знаетъ Россія.

. . . . . .

Пламень солнца стремителенъ: багровѣетъ въ глазахъ; отвернешься, и — бѣшено ударяетъ въ затылокъ; и пустыня отъ этого кажется зеленоватой и мертвенной; впрочемъ — мертвенна жизнь; хорошо здѣсь навѣки остаться—у пустыннаго берега.

Въ толстомъ пробковомъ шлемѣ съ развитою по вѣтру вуалью Николай Аполлоновичъ сѣлъ на кучу песку; передъ нимъ громадная, трухлявая голова — вотъ-вотъ — развалится тысячелѣтнимъ песчаникомъ;—Николай Аполлоновичъ сидитъ передъ Сфинкскомъ часами.

Николай Аполлоновичъ здѣсь два года; занимается въ булакскомъ музеѣ. „Книгу Мертвыхъ“ и записи Мане-

Digitized by Microsoft ®

ѳона толкуютъ превратно; для пытливаго ока здѣсь широкій просторъ; Николай Аполлоновичъ провалился въ Египтѣ; и въ двадцатомъ столѣтіи онъ провидитъ — Египетъ; вся культура, — какъ эта трухлявая голова: все умерло; ничего не осталось.

Хорошо, что онъ занятъ такъ: иногда, отрываясь отъ схемъ, ему начинаетъ казаться, что не все еще умерло; есть какіе-то звуки; звуки эти грохочутъ въ Каирѣ: особенный грохотъ; напоминаетъ онъ—этотъ же звукъ: оглушительный и—глухой: съ металлическимъ, басовымъ, тяготящимъ оттѣнкомъ; и Николай Аполлоновичъ — тянется къ муміямъ; къ муміямъ привелъ этотъ „случай". Кантъ? Кантъ забытъ.

Завечерѣло: и въ беззорныя сумерки груды Гизеха протянуты безобразно и грозно; все расширено въ нихъ; и все отъ нихъ — ширится; во взвѣшенной въ воздухѣ пыли загораются темнокаріе свѣты; и—душно.

Николай Аполлоновичъ привалился задумчиво къ мертвому, пирамидному боку.

. . . . . .

Въ креслѣ, на самомъ припекѣ, неподвижно сидѣлъ старичокъ; огромными васильковыми онъ глазами все посматривалъ на старушку; ноги его были закутаны въ плэдъ (отнялись, видно, ноги); на колѣни ему положили гроздья бѣлой сирени; старичокъ все тянулся къ старушкѣ, корпусомъ вылѣзая изъ кресла:

— „Говорите, окончилъ?.. Можетъ быть и пріѣдетъ?"

— „Да: приводитъ въ порядокъ бумаги..."

Николай Аполлоновичъ наконецъ монографію свою довелъ до конца.

— „Какъ она называется?"

И—старичокъ просіялъ:

— „Монографія называется... ме-емме... „О письмѣ Дауфсехруты". Аполлонъ Аполлоновичъ забывалъ рѣшительно все: забывалъ названія обыкновенныхъ предметовъ; слово-жъ то—Дауфсехруты—твердо помнилъ онъ; о „Дауфсехруты"— писалъ Коленька. Голову закинешь наверхъ, и золото зеле-

Digitized by Microsoft ®

нѣющихъ листьевъ тамъ: бурно бушуетъ: синева и барашки; по дорожкѣ бѣгала трясогузочка.

— „Онъ, говоришь, въ Назаретѣ?“

Ну и гуща же колокольчиковъ! Колокольчики раскрывали лиловые зѣвы; прямо такъ, въ колокольчикахъ, стояло переносное кресло; и на немъ морщинистый Аполлонъ Аполлоновичъ съ непробритой щетиною, серебрящейся на щекахъ,— подъ парусиновымъ зонтикомъ.

. . . . . .

Въ 1913 году Николай Аполлоновичъ продолжалъ еще днями расхаживать по полю, по лугамъ, по лѣсамъ, наблюдая съ угрюмою лѣнью за полевыми работами; онъ ходилъ въ картузѣ; онъ носилъ поддевку верблюжьяго цвѣта; поскрипывалъ сапогами; золотая, лопатообразная борода разительно измѣняла его; а шапка волосъ выдѣлялась отчетливой совершенно серебряной прядью; эта прядь появилась внезапно; глаза у него разболѣлись въ Египтѣ; синіе сталъ носить онъ очки. Голосъ его погрубѣлъ, а лицо покрылось загаромъ; быстрота движеній пропала; жилъ одиноко онъ; никого къ себѣ онъ не звалъ; ни у кого не бывалъ; видѣли его въ церкви; говорятъ, что въ самое послѣднее время онъ читалъ философа Сковороду.

Родители его умерли.

Конецъ.

Digitized by Microsoft®

Ѳедоръ Сологубъ.

Барышня Лиза.

Повѣсть.

Digitized by Microsoft®

Digitized by Microsoft®

Надъ вымысломъ слезами оболью́сь.

А. С. Пушкинъ.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Барышня Лиза была дѣвушка высокая, тоненькая, стройная. У нея были очень черные, пламенные, веселые глаза,—черные, какъ вороново крыло, слегка вьющіеся волосы,—и густыя, черныя брови, которыя сходились вмѣстѣ, когда она хмурилась.

— Всю родню наша Лизанька свела,—говорили тогда про ея забавно-нахмуренныя бровки.

Нравомъ барышня Лиза была живая, веселая. Она была единственное дитя у своихъ родителей, отставного майора Николая Степановича Ворожбинина и его жены Надежды Сергѣевны, урожденной Ремницыной. Къ Лизѣ должны были отойти ихъ имѣнія, — большое село Ворожбинино, гдѣ они постоянно жили, и еще двѣ деревни, Ремницы и Сухой Плесъ, въ смежныхъ уѣздахъ той же губерніи. Богатая наслѣдница, завидная невѣста была поэтому барышня Лиза.

Такъ какъ Лиза была единственная дочка, то родители въ ней души не чаяли. Потому они баловали ее, хотя и не слишкомъ. И выросла Лиза своевольная дѣвушка, шалунья.

— Характерная барышня,—говорили про нея въ дворнѣ,—никому не уважитъ.

Правда, Лизино своеволіе не выходило за предѣлы приличнаго дворянской дѣвицѣ, и шалости ея были невинными дѣтскими забавами и рѣзвостями. Да и какъ могло быть иначе? И отецъ, и мать ея были добрые, почтенные люди,

Digitized by Microsoft ®

всѣми въ окружности уважаемые не только за ихъ любезность и радушіе, но и за семейственныя ихъ добродѣтели. Радуясь на свою дочку, они думали, что у Лизаньки золотое сердечко, и еще и поэтому не строжили ее.

Барышнѣ Лизѣ шелъ семнадцатый годъ,—самое счастливое время жизни. Была весна, и эта весна сулила Лизѣ счастье и любовь. Потому Лизины мысли были безпокойны, и сны тревожны.

Однажды въ началѣ мая барышня Лиза съ вечера долго не могла заснуть, сладостно и невинно мечтая. Поэтому она проснулась утромъ не такъ рано, какъ всегда. Въ ушахъ ея еще звучалъ смѣхъ приснившихся ей черныхъ араповъ, и вся картина страннаго сна еще была ясна передъ нею,—а въ саду за окномъ было по-утреннему свѣжо и свѣтло. Лиза открыла глаза, очутилась въ своей постели, и съ удивленіемъ припоминала наполненный пасмурно-фіолетовымъ свѣтомъ чертогъ ея сна.

Въ Лизиной кровати за кисейнымъ пологомъ было съ вечера уютно, мило и радостно, и такъ пріятно было повернуться на правый бокъ, закрыть глаза, и предаться мечтаніямъ, непримѣтно переходящимъ въ сонъ, и вновь изъ краткаго сна возникающимъ. А теперь, къ утру, сбились и слишкомъ потеплѣли бѣлыя простыни, и складки хотя и очень тонкой ткани были томны. За окномъ ранній, словно обмытый росою, свѣтъ еще невысокаго солнца и птичьи чириканья звали къ холодной водѣ. И уже веселая, краснощекая Лушка стояла у порога съ кувшиномъ холодной ключевой воды, которою умывались господа для свѣжести и для здоровья.

— Что ты, Лушка?—спросила Лиза.

— Воду принесла, барышня,—сказала Лушка,—будто кликали?

— Никто тебя не кликалъ,—сказала Лиза.—Погода хороша ли сегодня? Да нѣтъ ли вѣтра?

Получивъ отъ Лушки отвѣтъ, что погода ясная и теплая, и что вѣтриночки не вѣетъ, Лиза приказала Лушкѣ раскрыть

Digitized by Microsoft ®

окно, а сама опять повернулась смуглымъ личикомъ къ стѣнѣ, и еще съ минуту помечтала въ постели.

Отгоняя темное очарованіе тусклаго сна, что-то невыразимо сладостное встало въ ея еще смутной памяти, такое сладкое, что Лиза вся затрепетала, и, быстро откинувъ одѣяло, вскочила съ постели.

Лиза вспомнила, что сегодня опять пріѣдетъ молодой Алексѣй Львицынъ. Она обрадовалась, и почему-то застыдилась. Отъ этого Лизино смуглое лицо стало очень милымъ, и черные Лизины глаза такъ радостно засіяли, что и Лушка зарадовалась,—барышня встала веселенькая.

Почему-то вспомнились теперь Лизѣ слова ея милаго:

— Рано или поздно взойдетъ день внезапный.

Непонятныя слова! Лиза уже не первый разъ надъ ними призадумывалась, не зная, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ ихъ понимать. И теперь опять, глядя на ясный день, подумала Лиза:

„А развѣ теперь ночь?“

И, улыбаясь, подумала:

„А если ночь и впрямь, то гдѣ же надъ нами звѣзды? Вѣдь сами-то мы ничѣмъ не блестимъ. Живемъ себѣ смирно.

„Онъ былъ въ чужихъ странахъ,—думала объ Алексѣѣ Лиза,—а тамъ живутъ не по-нашему“.

Изъ раскрытаго Лушкою окна доносилось благоуханіе ранней весны. Забилось Лизино сердце. Засмѣялась Лиза. Выглянула въ окно.

Высокое окно Лизиной спаленки выходило въ садъ. Упругое качаніе вѣтокъ, росинки на травѣ, гомонъ птичій, — все радовало Лизу. Окинувъ быстрымъ взглядомъ веселыхъ черныхъ глазъ деревья, лужайки и цвѣтники сада, Лиза принялась проворно умываться.

— Папенька съ маменькою встали?—спросила она.

Лушка широко усмѣхнулась,—забавная, красная, круглолицая, какъ полный мѣсяцъ,—и отвѣчала простодушно:

— Эвоси! Давно уже встали, чай кушаютъ. Ужъ барыня хотѣли посылать будить васъ, да баринъ заступились,—пусть, молъ, понѣжится.

Digitized by Microsoft ®

Лиза опять засмѣялась, — отъ утренней радости, отъ домашняго уюта. Она сказала самой себѣ вслухъ:

— Что же это я такъ заспалась нынче?

Лушка отвѣтила ей съ тѣмъ же простодушіемъ:

— Видно, хороши сны снились, барышня.

Лиза вспомнила свой странный сонъ, вспомнила, что Лушка ей приснилась. Лушкины слова показались ей странно соотвѣтствующими ея сну. Лиза свела свои брови, и сказала строго:

— Тебя видѣла. А вотъ ты, Лушка, болтаешь много. И въ поварню бѣгаешь не за дѣломъ. Елевферій хоть и читаетъ евангеліе, а все же знать никакъ не можетъ того, что̀ кому на томъ свѣтѣ будетъ.

Лушка замолчала. Вдругъ вспомнила Лиза, что ее ждутъ. Она покраснѣла и заспѣшила одѣваться. Обыкновенно она просыпалась рано, и теперь ей стало стыдно, что она послѣ родителей придетъ въ столовую. Лиза одѣлась торопливо, но все же внимательно оглядѣла себя въ зеркало. Тонкій, стройный станъ, весело смѣющіеся глаза и мило вьющіеся вкругъ смуглаго лица локоны глянувшей на нее изъ-за зеркала красавицы понравились ей чрезвычайно.Ославъ тоненькими пальчиками воздушный поцѣлуй своему отраженію, отвѣтившему ей тѣмъ же, Лиза поспѣшила въ столовую.

Быстро и легко постукивая каблучками своихъ маленькихъ башмачковъ, Лиза вошла въ столовую, вся свѣтлая и свѣжая. Мать улыбнулась ей, отецъ посмотрѣлъ одобрительно, и у обоихъ было такое чувство, какъ будто вошло къ нимъ нѣкое неземное существо, вѣя счастіемъ, радостью и свѣтомъ. Поцѣловавъ руки отцу и матери, Лиза сѣла за столъ, и, улыбаясь, смотрѣла въ окно, словно забывъ, что на столѣ стоятъ столь любимыя ею густыя, превкусныя сливки и не менѣе любимый ею медъ. Нѣжная улыбка на Лизиномъ нѣжномъ лицѣ переливалась многоцвѣтнымъ сіяніемъ радости. Надежда Сергѣевна обратилась къ дочери съ нѣсколькими вопросами. Лиза отвѣчала ей съ примѣтною разсѣянностью.

— Да что ты все во дворъ смотришь, Лизанька?—спросила Надежда Сергѣевна. — Что ты тамъ занятнаго нашла?

Digitized by Microsoft ®

Лиза вздрогнула отъ неожиданнаго вопроса, смѣшалась и сказала:

— Такъ точно, маменька.

Надежда Сергѣевна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, и спросила:

— Что съ тобою, Лизанька? Отвѣчаешь невпопадъ, какъ сонная.

Николай Степановичъ, нюхая табакъ изъ серебряной табакерки, глядѣлъ на Лизу посмѣиваясь, отъ чего Лиза еще болѣе смутилась. Краснѣя, она призналась:

— Я сегодня странный сонъ видѣла, маменька. А къ чему онъ, не знаю.

И она засмѣялась.

— Что за сонъ? — недовольнымъ голосомъ, но съ немалымъ любопытствомъ спросила Надежда Сергѣевна.

Ей весьма не нравилось, что Лиза въ послѣднее время стала часто видѣть странные сны. Странность этихъ сновъ казалась Надеждѣ Сергѣевнѣ чрезмѣрною и даже неприличною для барышни. И даже трудно было по соннику разгадывать ихъ значеніе, такъ что никакъ нельзя было понять, къ чему они, и радоваться ли имъ, или печалиться. Снамъ Надежда Сергѣевна вѣрила, и потому неразгаданность ихъ причиняла ей не мало огорченій. Николай Степановичъ съ неудовольствіемъ сказалъ:

— Пошли сны свои разсказывать да разгадывать. Сколько лѣтъ я тебѣ, мать моя, твержу одно и то же, все въ толкъ взять не можешь, что никакого предвѣщательнаго значенія сонъ не имѣетъ. О чемъ днемъ думаешь, то ночью и снится, а разгадывать сны пристойно деревенскимъ бабамъ.

— Что ты, Николай Степановичъ! — возражала Надежда Сергѣевна: — иной разъ то увидишь во снѣ, о чемъ и думать-то давно позабыла, а то такъ никогда и въ голову не приходило.

— Да вотъ, позабыла, не думала, — спокойно отвѣчалъ Николай Степановичъ, — а тутъ вотъ взяла да и подумала, засыпая.

Digitized by Microsoft

— Ну, батюшка, — съ досадою сказала Надежда Сергѣевна,—понесъ свое. Знаю я тебя,—вѣдомый вольнодумецъ. Сказывай, Лизанька, какой же ты сонъ видѣла!

Лиза, краснѣя, сказала:

— Ахъ, маменька, право глупости. И говорить не стоитъ.

— Изволь разсказывать, сударыня, — уже построже сказала Надежда Сергѣевна.

Лиза слегка смутилась отъ этой строгой нотки въ материномъ голосѣ, и принялась разсказывать:

— Сначала снилось мнѣ что-то совсѣмъ непонятное. Я ужъ даже и позабыла. Потомъ пришелъ арапъ, самъ черный весь съ головы до ногъ, какъ гуща кофейная, а губы красныя, красныя, на головѣ пунцовый тюрбанъ. И говоритъ мнѣ громко: „Собирайся безперечь, Лизавета Николаевна, къ славному и великому королю Крысиному".

— Такого и короля нѣтъ, — съ неудовольствіемъ сказала Надежда Сергѣевна.

— Ахъ, маменька, да вѣдь это во снѣ!—возразила Лиза.

Николай Степановичъ нюхалъ табакъ, и неодобрительно покачивалъ головою, ворча:

— Обѣихъ бы васъ послать къ королю Крысиному на выучку.

Нянька, старушка старая, изъ дѣвичьей, гдѣ выговаривала она дѣвкамъ за лѣность, заслышавъ, что рѣчь о снахъ идетъ, пришла въ столовую, и стала у дверей. Стояла, слушала, головою качала, бормотала что-то невнятное. Ничего, господа на нее не сердились, многое ей позволяли, — она и барыню выняньчила, и барышню Лизу. Лиза продолжала:

— Ну, вотъ, иду я будто бы въ королевскій чертогъ. Дорога гладкая, какъ скатерть, синелью вышита и бисеромъ, а итти по ней страхъ какъ трудно. По сторонамъ дороги ученые медвѣди пляшутъ, а передо мною арапъ идетъ. Идетъ, а самъ все оборачивается, страшный такой, за красными губами зубы бѣлые сверкаютъ. Въ чертогѣ богато и пышно, колонны высокія, много свѣчъ горитъ, свѣчи желтыя, какъ мѣдь, а свѣтъ отъ нихъ лиловый и дымный. У дверей

Digitized by Microsoft ®

арапы стоятъ и придворные кавалеры. Вотъ вошла я въ тронный залъ, смотрю, а на тронѣ сидитъ Лушка. На ней корона и порфира и башмаки золотомъ шитые. А сама румяная, смѣется во весь ротъ. На себя смотрю,—я въ сарафанѣ, какъ простая дѣвка. Да и сарафанишко-то совсѣмъ плохенькій, рваный.

— Ну и сонъ!—сердито сказала Надежда Сергѣевна.

— Лушка мнѣ говоритъ,—продолжала Лиза:—„Здѣсь первые станутъ послѣдними, какъ въ евангеліи сказано, а ты, барышня, цѣлуй мою ручку, а потомъ воду носить будешь".

— Ахъ, она подлянка!—воскликнула Надежда Сергѣевна, и руками всплеснула.—Да какъ же это она осмѣлилась? Да что-жъ ты ее не уняла, Лизанька?

Николай Степановичъ сердито глянулъ на дверь, изъ-за которой выглядывали любопытныя дворовыя дѣвушки, и сказалъ:

— Во снѣ унимать нечего. Что̀ приснится, то и смотри. А вотъ на яву построже бы за ними глядѣли, чтобы не стояли въ дверяхъ, господскіе разговоры подслушивая.

Спугнутыя этими словами, дѣвушки скрылись, и только слышенъ былъ быстрый топотъ ихъ ногъ, а нянька, ворча, пошла вслѣдъ за ними въ дѣвичью выговаривать имъ за непорядокъ. Межъ тѣмъ Надежда Сергѣевна говорила, раскраснѣвшись отъ гнѣва:

— Подошла бы къ подлянкѣ, да по щекамъ бы ее, по щекамъ!

— Мнѣ такъ стыдно стало, — сказала Лиза,—что я проснулась.

— Ну, еще бы!—воскликнула Надежда Сергѣевна:—Лушкину руку цѣловать!

Потомъ Надежда Сергѣевна разсердилась и на Лизу. Она говорила строго:

— Ну ужъ, матушка, и сонъ! Хорошъ, нечего сказать! Постыдилась бы такіе сны видѣть!

— Да развѣ я виновата, маменька!—оправдывалась Лиза.— Вѣдь я не нарочно.

Digitized by Microsoft®

Николай Степановичъ внушительно постучалъ табакеркою по столу, и сказалъ:

— А ты, сударыня, матери не отвѣчай. Не дѣло. Наставленія родителей выслушивай съ покорностью и со вниманіемъ. О чемъ не надобно думаешь, такіе и сны видишь.

Лиза посмотрѣла на отца опасливо. Постукивая по табакеркѣ съ изображеніемъ чужого короля, онъ ворчливо говорилъ:

— Вотъ вамъ нынѣшнее воспитаніе! Въ мое время дѣвицы такихъ сновъ не смѣли видѣть. У нихъ благородныя были мысли, и сны имъ снились благопристойные.

Лизѣ было стыдно, что ее обвиняютъ въ нескромности. Она потупилась и зардѣлась. Надежда Сергѣевна сердито говорила:

— Ты на красныхъ каблучкахъ ходишь, а она голыми пятками пристукиваетъ, такъ тебѣ съ ней даже и во снѣ равняться не стать. Все это Елевферкинъ ядъ. Давно тебѣ говорю, Николай Степановичъ, унять его надобно. У нашихъ хамовъ ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Если бы имъ дать волю, такъ они бы себя показали. До сей поры Емельку Пугачева, поди, забыть не могутъ.

Николай Степановичъ молчалъ. Съ поваромъ Елевферіемъ онъ собирался поговорить сегодня же утромъ, но не считалъ нужнымъ сообщать женѣ свои намѣренія относительно этого предмета. А Лизѣ было такъ стыдно, что она собиралась ужъ было заплакать. Но Надежда Сергѣевна рѣшила:

— Надобно пойти съ бабушкой посовѣтоваться, какъ тутъ быть. А то что-то повадилась ты, милая, неподобные сны видѣть. Пойдемъ-ка, сударыня, къ бабушкѣ.

Надежда Сергѣевна и Лиза пошли въ бабушкины покои. Лизѣ страшно стало, и немного стыдно, и у нея было такое чувство, словно ее повели наказывать. Николай Степановичъ сердито ворчалъ, нюхая табакъ:

— Пошли къ оракулу своему! Охъ, ужъ эти мнѣ бабы!

Digitized by Microsoft ®

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бабушка, Елизавета Павловна, сидѣла въ покойномъ креслѣ у окна, раскладывала на ломберномъ столѣ пасьянсъ, и слушала горбатую шутиху. Та разсказывала бабушкѣ всѣ здѣшнія новости, пересыпая разсказъ нелѣпыми ужимками и глупыми прибаутками. При входѣ Надежды Сергѣевны и Лизы шутиха съ подобострастными поклонами выкатилась изъ комнаты.

Бабушка была уже очень старая, но еще совсѣмъ бодрая. Глаза у нея были голубые, и весьма пріятные. Лицо у бабушки было свѣжее и почти безъ морщинокъ. Изъ-подъ кружевного бѣлаго чепца съ синими бантами видны были сѣдыя букли. Одѣта была бабушка, какъ всегда, парадно,—хоть сейчасъ къ гостямъ выходи. На ней былъ лиловый,—цвѣта Лизина сна,—шелковый капотъ. Черезъ правое плечо ея была перекинута старая желтоватая, цвѣта апельсинной завялой корки, турецкая шаль. У бабушкина кресла стоялъ костыль. Онъ помогалъ ей въ прогулкахъ, а также и въ исправленіи строптивыхъ или лѣнивыхъ дѣвокъ.

Бабушка имѣла свое собственное имѣнье въ той же губерніи. Знали, что она хочетъ оставить его Лизѣ, хотя у нея были и другіе внуки и внучки. Николай Степановичъ говаривалъ:

— Не великъ кусокъ, а все же Лизанькѣ пригодится.

Digitized by Microsoft®

Поэтому за бабушкою здѣсь ухаживали, и очень слушались ее.

Лиза, войдя къ бабушкѣ, присѣла очень низко, придерживая юбочку тоненькими пальчиками опущенныхъ и разведенныхъ рукъ. Бабушка ласково потрепала ее по щекѣ. Надежда Сергѣевна разсказала бабушкѣ, въ чемъ дѣло. Лизѣ пришлось повторить свой разсказъ. Лиза чинно стояла передъ бабушкою, и говорила о своемъ снѣ, точно урокъ строгому учителю отвѣчала. Бабушка выслушала разсказъ очень внимательно, не выразила никакого удивленія, и сказала тономъ женщины, привыкшей къ тому, что къ ея словамъ прислушиваются:

— Знаю, отъ чего эти сны,—отъ Елевферкиныхъ сказовъ. Елевферку давно пора пробрать хорошенечко. Лушкѣ строго сказать, чтобы не смѣла барышнѣ сниться. Не уймется,—наказать построже. А тебя, сударыня...

Бабушка внимательно, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ, не то усмѣшки, не то угрозы, посмотрѣла на Лизу, и помолчала. Лизино сердце забилось. Бабушка пожевала сухими, малиноваго цвѣта губами, и сказала Лизѣ:

— Ты, вѣтренница, книжки читаешь, я слышала. Отецъ научилъ, старый вольнодумецъ. Вышивала бы лучше бисеромъ или синелью. Отъ книжекъ сны глупые. Вышивай,—слышишь?

— Слушаю, бабушка,—робко сказала Лиза,—я и то вышиваю въ пяльцахъ.

— Вышиваешь, да не кончаешь, — сказала бабушка.— Кажется, ужъ скоро полгода будетъ, какъ начала подушку вышивать, а всего еще полъ-вѣночка розъ вышито. Ты не думай, — вѣдь я все знаю, что̀ у васъ тамъ дѣлается. Ну, идите себѣ съ Богомъ, устала я съ вами.

Ушли и мать, и дочь, обѣ немного смущенныя, какъ всегда послѣ визита къ бабушкѣ.

Между тѣмъ какъ Надежда Сергѣевна и Лиза ходили къ бабушкѣ, Николай Степановичъ занялся дѣломъ, къ упра-

Digitized by Microsoft ®

вленію относящимся, или, точнѣе говоря, къ отправленію правосудія. Лизинъ сонъ напомнилъ ему вчерашнее донесеніе бурмистра Титыча о происшествіи соблазнительномъ и неожиданномъ. Старый поваръ Елевферій, трудами и способностями котораго господа были отмѣнно довольны, уже давно замѣчаемъ бывалъ въ пристрастіи къ чтенію. Хотя читалъ онъ книги церковныя и душеспасительныя, преимущественно Евангеліе и Четьи-Минеи, но все-таки Николай Степановичъ глядѣлъ на это чтеніе неодобрительно. Не разъ, призвавъ повара къ себѣ, Николай Степановичъ выговаривалъ ему:

— Эй, Елевферій, смотри, не доведетъ тебя до добра твое пристрастіе къ чтенію. Я и больше тебя разума имѣю, какъ господинъ прирожденный, да и то книгъ не читаю, кромѣ иногда книгъ Вольтеровыхъ,—на что всякія книги надобны? А ты—отродье хамово, и разумъ у тебя худой, хоть руки у тебя и золотыя. Читаемое тобою ты можешь понять превратно, отчего и сдѣлается въ тебѣ поврежденіе. Тогда куда же ты пригодишься, самъ подумай! Господамъ поврежденный поваръ опасенъ. А на другую работу ни на какую ты ужъ и неспособенъ.

Выждавъ минуту, когда баринъ остановится понюхать табаку, Елевферій говорилъ:

— Позвольте доложить, баринъ, что я пустыхъ книгъ не читаю, а читаю токмо то, что къ спасенію души относится, ища, какъ угодити Богу паче человѣкъ.

Николай Степановичъ покачивалъ головою, и говорилъ:

— А ты знаешь, кто Библію прочтетъ всю насквозь, отъ доски до доски, тотъ съ ума сойдетъ? Слышалъ ли ты это?

Елевферій понятливо усмѣхался и говорилъ:

— Я тоже съ пониманіемъ читаю, баринъ. Апокалипсъ я и не читаю, не нашей мудрости требуетъ эта книга. А Евангелія чтеніе пресладостно и преполезно, и простецамъ понятно, потому что и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ простому люду, неученымъ рыбарямъ, и ловцами человѣковъ поставилъ ихъ.

— Смотри, Елевферій, — говорилъ баринъ, — говорю съ

Digitized by Microsoft®

тобою сегодня добромъ, жалѣючи тебя за то, что дѣло свое гораздо разумѣешь,—эй, говорю, не предавайся симъ высокоумнымъ упражненіямъ. На то есть ученые люди; попы въ церкви тебѣ все прочтутъ и пропоютъ, что̀ надобно, да еще и ладаномъ надымятъ. А тебѣ это ни къ чему.

Понюхавъ табаку и помолчавъ, Николай Степановичъ говорилъ внушительно:

— Иди себѣ, Елевферій, да помни, — не послушаешь словца, такъ отвѣдаешь дубца. Я — хозяинъ ласковый, угостить сумѣю такъ, что прибавки не попросишь.

Елевферій шелъ къ себѣ, книги пряталъ, а самъ свирѣпо напивался. Николай Степановичъ, узнавъ объ этомъ, спокойно говорилъ:

— Пусть лучше иногда выпьетъ человѣкъ, чѣмъ книги читать. Водка—слабость, простому русскому человѣку весьма свойственная. Да и я до крайности не допущу и пресѣку во благовременіи. Пристрастіе же къ чтенію—отъ высокоумія и гордости, а гордость—грѣхъ смертный. Сей бѣсъ, однажды въ человѣка вошедшій, изгоняется не легко.

Нѣкоторое время послѣ бариновыхъ увѣщаній не слышно бывало, чтобы Елевферій читалъ. Потомъ опять принимался онъ за прежнее, и опять бывалъ увѣщаемъ. Но вотъ вчера вечеромъ бурмистръ Титычъ доложилъ Николаю Степановичу, что къ Елевферію ходятъ дворовые люди и дѣвки, а онъ имъ читаетъ евангеліе и объясняетъ, будто бы на томъ свѣтѣ первые будутъ послѣдними.

— Ну, это еще на томъ свѣтѣ будетъ,—сказалъ Николай Степановичъ. — Однако, скажи, чтобы къ нему ходить не смѣли, да и ему строго прикажи не читать другимъ и не учить никого. Не его ума дѣло. Впрочемъ, я самъ завтра утромъ все это разберу.

Зная хорошо вѣрность и преданность своихъ холоповъ и будучи вполнѣ увѣренъ въ дѣйствительности тѣхъ средствъ, коими располагаетъ помѣщикъ для обузданія своеволія своихъ подданныхъ, Николай Степановичъ не былъ обезпокоенъ Титычевымъ донесеніемъ, а къ утру чуть было и не поза-

Digitized by Microsoft®

былъ о немъ. Быть можетъ, такъ бы и прошло на этотъ разъ, — Николай Степановичъ всталъ сегодня въ хорошемъ расположеніи, и не склоненъ былъ судить и наказывать. Но утренній Лизинъ разсказъ о ея снѣ заставилъ его думать, что Елевферіевы рѣчи мутятъ дворню. И онъ велѣлъ позвать къ себѣ Елевферія. Думалъ:

„Видно, Лизанькѣ дѣвки шепнули, чего ей не надобно было слушать, она, ложась спать, думала объ этомъ, вотъ ей и приснилась это белиберда, отъ которой пришла она не въ малое разстройство".

Скоро передъ Николаемъ Степановичемъ стоялъ поваръ Елевферій, высокій, красивый, благообразный старикъ. Только красный носъ портилъ его лицо,—поваръ Елевферій любилъ выпить, раздѣляя страсть, обуревающую въ Россіи многихъ „умственныхъ" людей. Борода его была старательно пробрита; а бакенбарды были холеныя, сѣдыя, пушистыя. Представъ передъ бариномъ, Елевферій степенно поклонился ему въ поясъ, коснувшись рукою пола. Николай Степановичъ строго спросилъ его:

— Ты что же это, Елевферій, моихъ людей мутить вздумалъ? Чему это ты ихъ учишь, скажи, сдѣлай милость!

Елевферій поклонился барину въ ноги движеніемъ степеннымъ, словно свершая значительной важности обрядъ, и, поднявшись, чинно сказалъ:

— Отъ священнаго писанія изъясняю.

— А кто тебя поставилъ изъяснять? — строго спросилъ Николай Степановичъ. — Ты — поваръ, такъ и пеки пироги. Не учась въ попы не ставятъ, такъ-то вотъ, любезный. А тебя всяческимъ реторикамъ да философіямъ кто училъ?

Елевферій степенно отвѣчалъ:

— Какъ есть у меня свое пониманіе...

— А ты помолчи,—прервалъ его Николай Степановичъ.— Пониманіе у тебя дурное, и изъяснять ты никому ничего не можешь. Слѣпой слѣпого поведетъ, оба въ яму ввалятся, только и всего прибытку. Ну вотъ, скажи мнѣ къ примѣру, что̀ есть писано страфокомилъ?

Digitized by Microsoft ®

Задавши этотъ вопросъ, Николай Степановичъ съ торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на Елевферія, будучи почему-то увѣренъ, что Елевферій этого слова объяснить не сумѣетъ. Но, къ изумленію и досадѣ Николая Степановича, Елевферій принялся обнаруживать свое пониманіе.

— Строфокомилъ сирѣчь строфусъ, — объяснялъ Елевферій,—куръ пустыни, ростомъ ужасенъ, нравомъ кротокъ, перомъ курчавъ, тѣломъ тяжелъ, и посему летать не можетъ, а бѣжитъ по пескамъ втрикраты быстрѣе вѣтра, вопія гласомъ веліимъ. Даетъ перо для украшенія рыцарскихъ шлемовъ, но безъ великой хитрости иманъ быть не можетъ, ибо, скрывъ голову подъ крыло, становится незримъ.

— То-то вотъ,—наставительно сказалъ Николай Степановичъ, — безъ великой хитрости не токма что строфокомила сирѣчь строуса не поимаешь, но и прочихъ дѣлъ никакъ не сообразишь. А ты въ какія разсужденія втяпался? Кто мы, благорожденные, и кто вы, холопы наши? Ты это понимаешь ли, куръ кухонный? Ростомъ и ты ужасенъ, и волосомъ пушистъ, а есть ты сущій хамъ и остолопъ, телепень ты этакій несосвѣтимый! Ты что тамъ толкуешь? Мы, господа, на томъ свѣтѣ будемъ позади, а вы, рабье племя, впередъ пойдете? Такъ, что ли, по-твоему?

Елевферій опустилъ глаза, вздохнулъ, и степенно молвилъ:

— Есть на землѣ ваша господская надъ нами воля, а только что дѣйствительно обѣщано въ писаніи, что въ царствіи Божіемъ нѣсть слуга, ни господинъ.

Николай Степановичъ покраснѣлъ отъ гнѣва. Нервически постукивая табакеркою по круглому столику краснаго дерева, у окна стоящему, онъ сказалъ:

— Ты, что-жъ, рыцарь слоеный, на коня сядешь, а я тебѣ стремя держать буду? Ты въ шлафрокѣ на диванѣ развалишься, а я тебѣ трубку подавать стану?

Елевферій, не поднимая глазъ, смиренно, но упрямо сказалъ:

— Здѣсь, на этомъ свѣтѣ, есть ваша господская воля, а тамъ, по грѣхамъ нашимъ и по великой милости Божіей, воздастся коемуждо по дѣломъ его.

Digitized by Microsoft ®

Николай Степановичъ всталъ, пылая гнѣвомъ.

— Я тебѣ покажу коемуждо! Я тебѣ воздамъ! Позвать Титыча!—крикнулъ онъ голосомъ, слышнымъ во всей усадьбѣ.

И уже барское правосудіе готово было совершиться. Уже казачки и дѣвки вихремъ помчались во всѣ стороны разыскивать Титыча. Но въ это самое время, какъ волна встрѣчнаго вихря, вслѣдъ за вошедшими въ столовую Надеждою Сергѣевною и Лизою, вбѣжала запыхавшаяся, расторопная дѣвка Степанида, крича:

— Барыня, ѣдутъ! Гости ѣдутъ, гости, отъ Заозерья!

— Что кричишь, оглашенная! — прикрикнула на нее Надежда Сергѣевна.—Не можешь доложить спокойно? Можетъ быть, еще и не къ намъ ѣдутъ.

А сама засуетилась. Пошла въ гостиную къ зеркалу, и тревожно оглядывала себя съ головы до ногъ, нѣтъ ли какой неисправности въ туалетѣ. И уже слышенъ сталъ звонъ бубенчиковъ, все приближающійся.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Николай Степановичъ быстро прошелся по всему дому, покрикивая на слугъ:

— Ну, вы, засони! Вездѣ непорядки!

Но такъ какъ на самомъ-то дѣлѣ вездѣ все было въ отмѣнномъ порядкѣ, и къ принятію гостей весьма готово, то Николаю Степановичу дѣлать было нечего. Онъ, опять забывши объ Елевферіи, пришелъ въ гостиную. Здѣсь уже Надежда Сергѣевна сидѣла на диванѣ съ какимъ-то рукодѣльемъ въ рукахъ, опираясь локтемъ на вышитую подушку, межъ тѣмъ какъ у окна Лиза, тонкими пальчиками отодвинувъ край кисейнаго занавѣса, а лѣвою рукою трепетно держась за одинъ изъ стволовъ бронзоваго канделябра, стоявшаго на маленькомъ овальномъ столикѣ, выглядывала на дорогу, торопясь узнать вѣрно, кто ѣдетъ. Николай Степановичъ взглянулъ на Лизу, и сказалъ, посмѣиваясь:

— Видать сразу, что Львицынъ молодой ѣдетъ.

Лиза покраснѣла, и бросила на отца стыдливый, умоляющій взглядъ. Отецъ погрозилъ ей пальцемъ, засмѣялся и сказалъ:

— Все вижу, плутовка быстроглазая. Отъ меня и подъ землею не скроешься.

Лиза засмѣялась и убѣжала. Николай Степановичъ подмигнулъ женѣ, и сказалъ:

— Пошла наша Лизанька прихорашиваться.

Digitized by Microsoft®

— Дѣло дѣвичье, — улыбаясь, отвѣчала Надежда Сергѣевна.

— Львицынъ и есть, — сказалъ Николай Степановичъ, всмотрѣвшись въ подъѣзжавшій къ воротамъ усадьбы экипажъ.—Почтенныхъ родителей сынокъ,—дай Богъ имъ царство небесное, — и ведетъ себя скромненько, а все что-то странное въ немъ есть. Служить нигдѣ не служитъ, и не хочетъ служить, хозяйствомъ своимъ не занимается, ѣздитъ съ мѣста на мѣсто, смотритъ, гдѣ лучше. Чужіе края хвалитъ, а наши порядки ему не нравятся.

— Вотъ женится,— сказала Надежда Сергѣевна, — привяжется къ мѣсту, остепенится.

А кто же привяжетъ молодого человѣка къ мѣсту? Никто, какъ наша Лизанька,—думала Надежда Сергѣевна.

Пока Лиза, принаряжаясь, старалась успокоить свое волненіе, прошло не мало времени. Въ гостиной ея родители бесѣдовали со своимъ гостемъ, молодымъ Алексѣемъ Павловичемъ Львицынымъ, сосѣдомъ ихъ по имѣнію. Алексѣй, вынувъ изъ бокового кармана своего сѣраго фрака письмо, сказалъ:

— Съ вашего позволенія я прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ сего письма. Изъ нихъ вы изволите усмотрѣть, почему чужіе края меня привлекаютъ, и почему въ глазахъ европейца самое имя Россіи есть синонима варварства.

— Однако,—возразилъ Николай Степановичъ,—эти самые варвары освободили сихъ пресловутыхъ европейцевъ отъ несноснаго деспотизма Наполеонова.

— Чѣмъ другихъ спасать, — сказалъ Алексѣй, — „не лучше-ль на себя оборотиться?“ Вотъ пишетъ мнѣ изъ Петербурга мой дядюшка...

— Его превосходительство Григорій Алексѣевичъ?—спросилъ почтительно Николай Степановичъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освѣдомился о здоровьи его превосходительства, его супруги и его дѣтей.

Отвѣчая поспѣшно и невнимательно на эти вопросы,

Digitized by Microsoft ®

Алексѣй вертѣлъ въ рукахъ дядино письмо, горя нетерпѣніемъ скорѣе прочесть занимавшее его мѣсто изъ этого письма. Наконецъ, получивъ къ тому возможность, онъ началъ:

— Такъ вотъ что̀ пишетъ мнѣ дядюшка:

„Разскажу тебѣ прекуріозное происшествіе, приключившееся здѣсь недавно. Нѣкая молодая и красивая собою дѣвица Амалія К.

— Фамилію позвольте умолчать, — сказалъ при этомъ Алексѣй, и продолжалъ чтеніе:

„Проживала у старшей своей сестры, которая имѣла любезнаго и нерѣдко ревновала его къ сестрѣ. Однажды сія чета, воспользовавшись хорошимъ днемъ, отлучилась изъ квартиры погулять; въ отсутствіе ихъ и Амалія ушла къ своей теткѣ. Добрая женщина отлично знала, что житье молодой ея племянницы у старшей сестры не блистательное, что она исполняетъ часто обязанности служанки и живетъ съ нею потому лишь, что некуда дѣваться. При прощаніи она дала ей сорокъ копеекъ, которыя Амалія завернула въ одинъ изъ угловъ платка. Возвратясь домой, старшая К. не нашла ночного капота, и придралась къ сестрѣ; та ударилась въ слезы. Понадобилось ей вытереть глаза; доставая изъ кармана платокъ, она выронила подаренныя теткою монеты. Эти несчастныя деньги были причиною, что старшая К. обвинила младшую въ кражѣ капота, который она будто бы продала за сорокъ копеекъ. Напрасно послѣдняя ссылалась на тетку; это ей на судѣ не послужило въ пользу, такъ какъ тетки въ столицѣ не оказалось: она отправилась на богомолье во внутреннія губерніи. Заподозрѣнная въ кражѣ, Амалія не знала ни того, откуда она родомъ, ни къ какому состоянію принадлежитъ по рожденію, почему уголовная палата и присудила ее къ наказанію розгами. Послѣ исполненія надъ Амаліею наказанія, въ управу благочинія присланы были документы, удостовѣрявшіе дворянское происхожденіе Амаліи; къ тому же времени вернулась съ богомолья тетка, которая подтвердила ея показаніе. Несчастная Амалія поко-

Digitized by Microsoft ®

рилась своей участи, и не искала за безчестье, но чиновники палаты, движимые состраданіемъ къ молодой и красивой особѣ, пострадавшей изъ-за ревности сестры, сложились и вручили ей сто пятьдесятъ рублей".

Слушая чтеніе, Надежда Сергѣевна съ соболѣзнованіемъ покачивала головою, и восклицала:

— Ахъ, бѣдная Амалія! Ахъ, несчастная!

Николай Степановичъ внушительно сказалъ:

— Поторопились судьи напрасно. Жаль бѣдную дѣвушку,— такого стыда деньгами не искупишь. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, — дѣвица получила хорошее приданое. Я чаю, что и женишокъ ей скоро найдется, если она точно столь хороша собою,—изъ тѣхъ же чиновниковъ, пожалуй, кто-нибудь.

Въ это время въ гостиную вошла наконецъ Лиза. Алексѣй всталъ со своего мѣста, учтиво кланяясь ей. Лиза, взглянувъ на его длинные, до плечъ, волнистые русые волосы, на его небрежно, но красиво повязанный галстукъ, вспыхнула, и сердце ея забилось. Пролепетавъ невнятно слова привѣта, она скромно сѣла рядомъ съ матерью на стулѣ подъ портретомъ одного изъ ея предковъ, воинственнаго полковника съ величавою осанкою. Томный взоръ Алексѣя, слегка презрительный и насмѣшливый, оживился, когда въ комнату вошла Лиза. Продолжая начатый разговоръ, но уже не въ силахъ будучи отвести взора отъ бѣлаго кисейнаго Лизина платья, онъ сказалъ:

— Чувствующему и размышляющему человѣку ненавистны эти проклятыя потемки, въ которыхъ держатъ насъ.

Его разговоры всегда нѣсколько удивляли сосѣдей, и тѣ выводы, которые онъ дѣлалъ изъ частныхъ явленій, казались имъ преувеличенными.

Николай Степановичъ спросилъ:

— Но кто же насъ держитъ? Да и какія у насъ потемки? Россія имѣетъ людей весьма просвѣщенныхъ.

Алексѣй возразилъ:

— Просвѣщенный человѣкъ, истинный гражданинъ и сынъ отечества, питаетъ ненависть къ деспотизму. А мы, скитаю-

Digitized by Microsoft ®

щіеся по сей обширной и безвыходной пустынѣ, къ сему деспотизму такъ привыкли, что уже и не возмущаемся имъ.

Бросивъ при этомъ нѣжный и томный взглядъ на Лизу, Алексѣй сказалъ:

— Намѣренъ я вскорости поѣхать въ Германію.

— Батюшка, Алексѣй Павловичъ, да зачѣмъ такъ далеко вамъ ѣздить? — спросила Надежда Сергѣевна. — Развѣ же у насъ худо? Я бы съ этими нѣмцами и дня не прожила, — говорятъ не по-нашему, и ѣдятъ не по-нашему,—легко ли къ чужимъ порядкамъ привыкать?

Лиза покраснѣла, и досадливо нахмурилась. Алексѣй отвѣчалъ:

— Тамъ нѣтъ ужасныхъ позорищъ, извлекающихъ у чувствительныхъ сердецъ слезы состраданія, и при которыхъ истинный другъ человѣчества содрогается. Тамъ Добродѣтель освѣщается невечернимъ свѣтомъ Правды, и народы прислушиваются къ голосу философовъ и поэтовъ. Тамъ хочу я упражняться въ добродѣтели и въ наукахъ.

— Дѣло семинаристовъ, — возразилъ Николай Степановичъ. — Дворянскія занятія — военная служба, охота, имѣніе управить. Объ этомъ въ Лизанькиномъ пѣсенникѣ я вычиталъ очень хорошій стишокъ.

Николай Степановичъ понюхалъ табаку, и съ чувствомъ прочиталъ наизусть:

—Деревенское житье—
Счастье непорочно.
Упражненіе мое
Мнѣ съ друзьями прочно.
Время съ пользой провожу,
Дальнихъ бѣдъ не видя,
Всѣ забавы нахожу,
Ближнихъ не обидя.

Алексѣй возразилъ:

— Вы, Николай Степановичъ, какъ почитатель великаго Вольтера, и какъ человѣкъ глубокаго ума, не можете не видѣть, что въ сей странѣ слѣпыхъ господствуютъ кривые.

Digitized by Microsoft ®

Улыбаясь тонко, польщенный словами Алексѣя, Николай Степановичъ сказалъ:

— Кривые-то, государь мой, все же лучше видятъ, чѣмъ вовсе слѣпые.

Обѣдъ поданъ былъ рано, по-деревенски. Ровно въ два часа распахнулась дверь изъ гостиной въ столовую, и молодой курносый лакей въ кафтанѣ гороховаго цвѣта съ бронзовыми пуговицами выкрикнулъ:

— Кушать подано.

— Милости просимъ, — сказалъ Николай Степановичъ, вставая со своего кресла,—чѣмъ Богъ послалъ.

Пошли обѣдать. Обѣдъ прошелъ въ обычныхъ незначительныхъ разговорахъ, въ которыхъ иногда принимали участіе и нѣсколько обѣдавшихъ за тѣмъ же столомъ небогатыхъ дворянъ и дворянокъ, жившихъ въ барскомъ домѣ и во флигеляхъ въ Ворожбининѣ. Изъ этихъ гостей нѣкоторые пріѣзжали на нѣсколько недѣль, и потомъ уѣзжали къ другимъ своимъ знакомымъ, чтобы по истеченіи времени появиться здѣсь снова; другіе же оставались на цѣлые годы. Обращаясь къ одному изъ такихъ приживальщиковъ, сѣденькому, плѣшивому старичку во фракѣ, съ длиннымъ носомъ и съ рѣзною табакеркою, Николай Степановичъ спросилъ, усмѣхаясь съ такимъ видомъ, какъ бы обѣщая гостю забавный отвѣтъ:

— Скажите, Петръ Евсеевичъ, какъ супруга ваша поживаетъ? Все ли въ добромъ здоровьи?

— Что ей дѣлается!—отвѣчалъ Петръ Евсеевичъ, махнувъ рукою и сморщившись, какъ бы при воспоминаніи о непріятномъ.—Живетъ у матери своей. Меня вѣдь насильно съ нею обвѣнчали.

За столомъ кое-кто засмѣялся, другіе слушали, какъ давно извѣстное. Алексѣй смотрѣлъ на говорящаго съ изумленіемъ, и ждалъ объясненія его странныхъ словъ.

— Да какъ же такъ?—возразилъ Николай Степановичъ.— Вѣдь священникъ спрашивалъ же васъ: „Имаши ли благое и непринужденное произволеніе пояти себѣ въ жену юже предъ собою видиши?“

Digitized by Microsoft®

— Да,—говорилъ Петръ Евсеевичъ,—теперь помнится, у меня что-то такое спрашивали: да тогда я не спохватился отвѣчать, а нынче ужъ поздно, не воротишь. Вотъ мы недавно отпраздновали и серебряную свадьбу у тещи въ деревнѣ. Богъ съ нею совсѣмъ!

Надъ старичкомъ смѣялись, но видно было, что разсказъ этотъ здѣсь уже привыченъ. Алексѣй не сталъ спрашивать о причинахъ этого вѣнчанія, боясь, чтобы при Лизѣ не зашелъ разговоръ о предметахъ, которые могли бы оскорбить ея скромность. Межъ тѣмъ обѣдъ приблизился къ концу. Николай Степановичъ всталъ, поклонился гостямъ, и сказалъ:

— Сыто, не сыто, а за обѣдъ почтите. Чѣмъ Богъ послалъ.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Николай Степановичъ и Надежда Сергѣевна, извинившись передъ гостемъ, пошли послѣ обѣда отдыхать. Лиза и Алексѣй гуляли въ саду. Вешній день былъ тихъ и ясенъ. Таяли тучки въ вешней синевѣ. Лиза повела Алексѣя во фруктовый садъ, а потомъ черезъ просторный дворъ, почти весь заросшій высокою травою, въ блюденую, еще не старую еловую рощу. Тамъ Лиза показала Алексѣю находящійся посреди рощи четырехугольный, продолговатый, неглубокій прудъ.

— Смотрите, Алексисъ,—сказала при этомъ Лиза,—какая здѣсь прозрачная вода.

И точно, песчаное дно пруда и плавающія въ немъ рыбы были ясно видны.

— Вода здѣсь такъ же прозрачна и ясна, — сказалъ Алексѣй, — какъ ясна и прозрачна ваша, Лиза, невинная душа, въ которой я вижу, мнѣ кажется, всѣ ваши непорочныя чувства.

Лиза слегка зардѣлась, потупилась и принялась разсказывать Алексѣю, какъ зимою здѣсь катаются съ горки, и какъ она лѣтомъ удитъ здѣсь рыбу. Она сказала съ простодушною гордостью:

— Кромѣ меня папенька никому не позволяетъ здѣсь ловить рыбу.

Digitized by Microsoft®

Вернувшись въ садъ, Лиза обратилась къ Алексѣю съ невиннымъ выраженіемъ, и спросила:

— Скажите, Алексисъ, за что я такъ люблю березку? Кажется, нѣтъ въ ней ничего особеннаго, а ея видъ всегда меня радуетъ, и запахъ ея листочковъ по веснѣ.

— Береза мила нашему сердцу, — отвѣчалъ Алексѣй,— потому, что это — наше національное сѣверное растеніе, къ которому привыкли мы съ дѣтства. Какъ жителя пышнаго юга веселятъ его гордыя пальмы, такъ насъ веселитъ наша скромная родная березка.

— А вы знаете, я и дождикъ люблю, — сказала Лиза.— Лѣтній дождикъ очень веселый.

Алексѣй, волнуясь необычайно, заговорилъ:

— Лиза, я вижу, что вы всегда говорите со мною довѣрчиво и чистосердечно. Я вижу, что мои посѣщенія не противны вамъ.

— Да, Алексисъ,—сказала Лиза, — я бываю очень рада, когда вы къ намъ пріѣзжаете.

— Откройте мнѣ ваше сердце, — говорилъ Алексѣй,— будьте совершенно довѣрчивы со мною. Ваши милые глаза сіяютъ, когда вы встрѣчаете меня, и улыбки на вашихъ очаровательныхъ устахъ выдаютъ тогда радость и волненіе. По этимъ признакамъ могу ли я заключить, что я любимъ? Новая заря моей жизни пылаетъ ярко, но не обманчиво ли? Взгляни, Лиза, на эти растущіе рядомъ два цвѣтка, — они сильнѣе благоухаютъ оттого, что они вмѣстѣ. Я люблю тебя, Лиза, ты это знаешь, ты не можешь этого не знать.

Раскраснѣвшаяся Лиза потупилась и молчала. Алексѣй продолжалъ страстно и нѣжно:

— Елизавета Николаевна, вы съ перваго взгляда завладѣли моимъ сердцемъ, и если бы я осмѣлился предложить вамъ мое преданное и вѣрное сердце, а также и руку, то что бы вы мнѣ отвѣтили на это?

Лиза, едва сдерживая волненіе, сказала:

— Очень благодарю васъ, Алексѣй Павловичъ, за ваши чувства и за честь, мнѣ вами оказываемую, но я не завишу

Digitized by Microsoft ®

отъ себя, у меня есть папенька и маменька, и я должна прежде просить ихъ разрѣшенія.

Алексѣй, радостно улыбаясь, сказалъ:

— О, я только хотѣлъ прежде знать ваше согласіе, Лиза, а тогда, конечно, буду и у нихъ просить вашей руки. Но вы-то сами что̀ скажете мнѣ на мое предложеніе, отъ чистаго и вѣрнаго сердца исходящее?

Лиза тихо шепнула задрожавшими вдругъ губами, нѣжными, какъ уста весенней зари утренней:

— Я согласна.

При этихъ словахъ вся она вспыхнула, и слезы показались на ея глазахъ. И отъ этого она стала вдвое очаровательнѣе. Алексѣй нѣжно цѣловалъ Лизину руку, и шепталъ голосомъ, полнымъ волненія и любви:

— Въ этотъ сладостный часъ земля и небо исчезли передъ нами. Благодарю, небесное созданіе, тысячу разъ благодарю.

Объ руку съ Лизою Алексѣй вошелъ въ домъ.

— Мы должны немедленно открыться твоимъ родителямъ,—сказалъ онъ.—Какъ сожалѣю я, что мои возлюбленные родители не дожили до этого блаженнаго дня! Какъ бы радовались они моему блаженству!

Узнавъ отъ казачка, что Николай Степановичъ только-что проснулся и требовалъ квасу, но изъ опочивальни еще не выходилъ, Алексѣй прошелъ въ гостиную ждать его. Лиза же, смущенная и радостная, пошла-было къ себѣ, но, услышавъ шаги отца, вышедшаго изъ спальни въ шлафрокѣ и мягкихъ сафьянныхъ бабушахъ, она поспѣшила къ матери. Заставъ Надежду Сергѣевну только-что вставшею съ постели, бросилась Лиза къ ней на грудь, вскрикнула:

— Ахъ, маменька, онъ меня любитъ!

И залилась слезами. Мать радостно говорила, гладя ее по головѣ:

— Ну и слава Богу! слава Богу!

Межъ тѣмъ въ гостиной Алексѣй просилъ у Николая Степановича Лизиной руки. Николай Степановичъ, выслушавъ слова, которыя не были для него неожиданными, сказалъ:

Digitized by Microsoft®

— Я очень радъ за Лизаньку, и лучшаго мужа я ей не желаю. Но въ этомъ предметѣ рѣшеніе принадлежитъ ей самой,—надобно ее спросить.

— Я уже спрашивалъ, — сказалъ Алексѣй, — Елизавета Николаевна согласна.

Николай Степановичъ, запахивая халатъ, всталъ и сказалъ:

— Если дочь моя избрала васъ, то и я также избираю и вручаю ее вамъ, сдѣлайте ея счастье.

Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ и важнымъ, но прослезился. Дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ:

— Надобно спросить и у матери.

Онъ крикнулъ:

— Эй, кто тамъ! Пригласить сюда барыню!

А за дверьми уже толпились, таясь и съ жаднымъ любопытствомъ прислушиваясь, дворовыя дѣвушки. Надежда Сергѣевна вышла съ заплаканными глазами, но съ веселымъ лицомъ. Вывела съ собою упирающуюся, стыдящуюся Лизу, которая смѣялась и плакала въ одно и то же время. Помолились всѣ вмѣстѣ передъ образомъ. Алексѣя и Лизу родители благословили.

Вечеромъ въ своей спальнѣ Лиза разговаривала со своими горничными дѣвушками. Лушка раздѣвала барышню, а Степанида пришла разсказывать новости, что̀ за день въ усадьбѣ и на селѣ случилось, что̀ по сосѣдству слышно. Разсказала, какъ перепугались деревенскія дѣвки сегодня по утру, повстрѣчавъ лѣшачиху.

— Что за лѣшачиха? — спросила Лиза. — И почему онѣ такъ перепугались?

Степанида объяснила барышнѣ, что лѣшачиха ходитъ голая и живетъ о край болота. Ростомъ она съ самое высокое дерево, волосы у нея косматые, сѣрые, а лица вовсе не видно. Лиза засмѣялась и сказала:

— Какія глупости! Это все — суевѣріе, никакихъ лѣшихъ

Digitized by Microsoft®

и лѣшачихъ на свѣтѣ нѣтъ, и бояться ихъ нечего. Дѣвкамъ старая береза съ просонокъ за лѣшачиху показалась.

— Не знаю, барышня, — сказала Степанида, — что̀ мнѣ сказали, то я и передаю. Сама не видѣла, врать не стану, а дѣвки на селѣ болтаютъ.

Потомъ Степанида разсказала Лизѣ и про случай съ Елевферіемъ, какъ баринъ съ нимъ утромъ разговаривалъ.

— Баринъ хотѣли его наказать,—говорила словоохотливая Степанида,—да для сегодняшней радости помиловали. Мудритъ выше головы нашъ Елевферій. На томъ свѣтѣ что еще будетъ, про то намъ неизвѣстно, а на этомъ свѣтѣ надобно господамъ угождать. Будешь господамъ хорошъ, и тебѣ будетъ хорошо, а иначе не прогнѣвайся,—сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ.

Лиза благосклонно улыбнулась ей, а Лушка, всегда соперничавшая съ нею изъ-за расположенія юной своей госпожи, сказала ей съ насмѣшливою ужимкою:

— А сама, небось, къ Елевферію ходила, сказы его слушала. Почитай, Елевферушка, растолкуй, Елевферушка, самито мы, вишь, глупыя.

Степанида покраснѣла, и, при всей своей рѣчистости, не знала, что сказать. Наконецъ пробормотала смущенно:

— Экая ты язва, Лушка!

Лиза нахмурила брови,—всю родню свела,—и приказала имъ обѣимъ замолчать. Потомъ, вспомнивъ, какъ ей приснилась нынче Лушка, Лиза засмѣялась и сказала:

— Смотри, Лушка, ты мнѣ опять сегодня не вздумай присниться,—маменькѣ пожалуюсь.

Въ Лушкиной памяти еще свѣжо было полученное ею сегодня отъ барыни наставленіе. Она отвѣчала:

— Да ужъ будьте спокойны, барышня, спите себѣ съ Богомъ.

Степанида же злорадно усмѣхалась.

Едва только дѣвушки ушли, Лиза встала съ постели, сѣла къ окну, и долго мечтала, глядя на ясныя полуночныя звѣзды.

Digitized by Microsoft®

Изъ-за ближняго лѣса медленно взошелъ багровый полумѣсяцъ, и напомнилъ Лизѣ прочтенные ею недавно стихи, которые понравились ей чрезвычайно:

Лугъ сдѣланъ для овецъ,
Для луга чисты воды,
Луна для всей природы,
Любовь для всѣхъ сердецъ.

Эти слова вызвали слезы на Лизины глаза, и сердце ея было размягчено умиленіемъ и радостью. Вообразивъ, какъ счастлива будетъ она съ Алексѣемъ, она спокойно отошла ко сну. Въ эту ночь Лизины сны были чувствительны и благопристойны. Ей снились милыя дѣвушки-пастушки и любезные юноши пастушки, чрезвычайно чисто вымытые и необычайно-тонко чувствующіе. Потомъ приснились ей палаты царя Афрона, про котораго сказывала ей сказки старая нянька. Сама Лиза была Елена Прекрасная, а милый ея Алексисъ-царевичъ сидѣлъ рядомъ съ нею, и глядѣлъ на нее нѣжно, благополучно окончивъ всѣ свои подвиги при помощи Сѣраго волка, который мирно щипалъ травку на лужайкѣ. Проснулась Лиза на зарѣ, нѣжно веселая.

— Что̀, Лизанька, Лушку нынче во снѣ видѣла? — спросила ее утромъ Надежда Сергѣевна.

— Нѣтъ, маменька,—весело отвѣчала Лиза.

Николай Степановичъ, ласково поглядѣвъ на нее, засмѣялся и сказалъ:

— Знаю, знаю, черноглазая плутовка, кто тебѣ снился: Алексисъ царевичъ прекрасный всю ночь во снѣ грезился.

Лиза покраснѣла и воскликнула чистосердечно:

— Ахъ, папенька, какъ же это вы сумѣли отгадать мой сонъ!

Чему ея родители не мало смѣялись.

Алексѣй теперь уже бывалъ въ домѣ, какъ признанный женихъ. Рѣдкій день не пріѣзжалъ онъ въ Ворожбинино. Разстояніе межъ ихъ усадьбами было всего двѣ версты, но пѣшкомъ ходить нельзя,—кто же въ гости пѣшкомъ ходитъ! Это хорошо только для крестьянъ. Впрочемъ, Лиза иногда,

Digitized by Microsoft ®

тайкомъ отъ родителей, бѣгала росистымъ утромъ черезъ поля къ мостику черезъ ручеекъ на границѣ ихъ владѣній. Она знала, что Алексѣй любилъ прогуливаться тамъ рано утромъ, и, дойдя до этого ручейка, предавался мечтаніямъ меланхолическимъ. Краткія встрѣчи съ замираніемъ сердца, какъ онѣ были сладостны Алексѣю и Лизѣ! И кому изъ двухъ сладостнѣе, никто не рѣшилъ бы. Здѣсь они вмѣстѣ ощутили такъ много разнообразныхъ чувствованій! Иногда, не довольствуясь этими встрѣчами и краткими, но не менѣе оттого нѣжными бесѣдами, они обмѣнивались письмами, которыя прятали они подъ большимъ камнемъ у этого мостика.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Былъ вечеръ. Въ пахучей травѣ стрекоталъ кузнечикъ. Солнце склонялось къ западу, и длинныя тѣни деревьевъ въ саду смѣшались вмѣстѣ. Лиза въ садовой бесѣдкѣ читала книжку. Это былъ чувствительный романъ о горестяхъ Адольфа и Амаліи, родители которыхъ противились ихъ счастію. На Лизиныхъ глазахъ были слезы. Сентиментальная поэзія, уже вышедшая изъ моды въ столицахъ, еще волновала тогда сердца провинціальныхъ барышень.

Алексѣй подошелъ тихо, и сталъ передъ Лизою. Она подняла на него глаза. Онъ спросилъ нѣжно:

— Милая Лиза, о чемъ эти слезы на вашихъ глазахъ?

Лиза воскликнула, протягивая ему раскрытую книгу:

— Ахъ, несчастная Амалія! Ахъ, злополучный Адольфъ!

И при этихъ словахъ Лиза вдругъ залилась слезами. Алексѣй воскликнулъ съ умиленіемъ:

— Ангелъ Лиза!

Въ чувствительной бесѣдѣ влюбленные не замѣчали, какъ проходило время. Межъ тѣмъ солнце скрылось за далекою чертою горизонта. Меланхолическіе звуки, донесшіеся отъ сельской колокольни, возвѣстили наступленіе поздняго часа. Въ вечернемъ сумракѣ близко пролетѣла большая черная птица, шелестя крыльями. Съ полей повѣяло прохладою. Невнятный крикъ донесся издали, изъ глубины лѣса, напомнивъ

Digitized by Microsoft®

причудливые и устрашающіе образы, созданные народнымъ суевѣріемъ. Лиза, ощутивъ невольный страхъ, вздрогнула, и довѣрчиво прижалась къ Алексѣю.

Развернутая ею книга лежала въ сторонѣ, на столикѣ, сдѣланномъ изъ цѣльнаго куска стараго дерева, поваленнаго въ позапрошломъ году сильною бурею, причинившей въ окружности не мало бѣдъ и потому памятной. Бабочка сѣла на книжку, ночная летунья, бѣлая съ чернымъ. Крылышки бабочки слабо вздрагивали, и усики ея шевелились, и мнилось, что на ней почіетъ исходящее изъ книги очарованіе красныхъ вымысловъ. Алексѣй смотрѣлъ на бабочку, и казалось въ эту минуту, что онъ забылъ все на свѣтѣ, и самую даже свою любовь. Немного обиженная его невниманіемъ, Лиза тихонько тронула локоть его руки, и спросила голосомъ, въ которомъ нѣжность преобладала надъ укорою:

— О чемъ вы такъ глубоко задумались, милый Алексисъ?

Алексѣй вздохнулъ глубоко, какъ бы возвращаясь къ дѣйствительности, пожалъ Лизину руку, и отвѣчалъ:

— Я воображалъ безсмертіе!

Зашумѣли мягко вѣтки влажныхъ отъ росы вечерней кустарниковъ, послышались на пескѣ дорожекъ звуки быстро бѣгущихъ ногъ,—усердная Степанида искала барышню. Представъ внезапно передъ Лизою, запыхавшаяся, она сказала:

— Барыня безпокоятся, что сыро, приказали итти въ домъ.

Лиза не безъ сожалѣнія оставила это мѣсто чувствительныхъ мечтаній. Въ столовой уже накрытъ былъ ужинъ. Надежда Сергѣевна безпокоилась, а Николай Степановичъ уговаривалъ ее, повторяя, что Лизанькино здоровье крѣпкое и отъ вечерней прогулки въ саду вреда ей быть никакъ не можетъ.

Послѣ отъѣзда Алексѣя Надежда Сергѣевна выговаривала дочери:

— Хоть Алексѣй Павловичъ тебѣ и женихъ, а все-таки статочное ли дѣло до ночи съ молодымъ человѣкомъ въ

Digitized by Microsoft ®

саду прогуливаться! Добрые люди осудятъ, да и отецъ, сколь онъ къ тебѣ ни милостивъ, можетъ прогнѣваться.

Скворцы тучами налетали на вишни. Дребезжанье деревянной трещотки въ рукахъ дворового мальчишки разгоняло птицъ, столь же робкихъ, какъ и вороватыхъ. Алексѣй засталъ Лизу въ саду. Она носила на рукахъ собачку, чего Алексѣй ранѣе никогда не примѣчалъ. Лиза не очень любила собакъ, а сегодня на нее вдругъ капризъ нашелъ, она подхватила маменькину болонку, и побѣжала съ нею въ садъ, гдѣ забавилась съ нею, осыпая ее ласками и нѣжными словами. Увидѣвъ Алексѣя, Лиза заговорила:

— Смотрите, Алексисъ, какая милая собачка! Погладьте ее, ничего, она не укуситъ. Какая у нея мягкая шерстка!

Но Алексѣй не обнаруживалъ никакого желанія приласкать лаявшую на него злую собачонку, которая къ тому же показалась ему довольно противною. Когда Лиза поднесла къ нему болонку, онъ отвернулся съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Казалось ему, что, возясь съ этою собачонкою, Лиза теряетъ то нѣжное очарованіе, которое влекло его къ Лизѣ, и отъ этого душѣ его было нестерпимо больно. Лиза посмотрѣла на него съ удивленіемъ, и спросила:

— Что съ вами, Алексисъ? Чѣмъ вы такъ разстроены?

Ея простодушіе чуждалось мысли, что въ ея поступкахъ что-нибудь можетъ не понравиться ея милому. И потому она удивилась еще болѣе, когда услышала отъ Алексѣя эти слова:

— Я васъ очень прошу, милая Лиза, не носить собачку на рукахъ.

Лиза нахмурилась, такъ что черныя брови ея сошлись.

— Почему же мнѣ не носить ее,—спросила она,—ежели мнѣ это нравится?

Алексѣй повторилъ свою просьбу:

— Сдѣлайте мнѣ пріятное, милая Лиза, и отпустите собачку. Вамъ это непристойно.

Digitized by Microsoft ®

— Да зачѣмъ же мнѣ ее отпускать!— возразила Лиза. — Вѣдь я же не дѣлаю ей больно. Я ласкаю ее.

— Непріятно смотрѣть,—сказалъ Алексѣй,—когда дѣвица вашего возраста возится съ собаками. Это—неженственно, и болѣе идетъ охотнику, чѣмъ благовоспитанной барышнѣ.

— Папенька и маменька мнѣ этого не запрещаютъ,— съ немалою досадою сказала Лиза.

— Но если я васъ прошу, Лиза? — настаивалъ Алексѣй.

Лиза не отвѣчала, и опять занялась собачкою. Алексѣй повторилъ:

— Милая Лиза, оставьте ее. Я васъ очень прошу объ этомъ.

Лиза не слушалась. Упрямый чертенокъ завозился въ ея сердцѣ. Она сказала съ упорствомъ:

— Я люблю эту собачку, и вы, Алексисъ, должны полюбить ее, если меня любите.

— Не можетъ быть, — сказалъ Алексѣй, — чтобы ваше расположеніе внезапное къ этой собачкѣ было столь сильно, чтобы вы не могли ее оставить, когда васъ объ этомъ просятъ. Повѣрьте, что этотъ видъ весьма не идетъ къ вамъ, и весьма меня огорчаетъ.

Лизины щеки ярко пылали отъ гнѣва, досады и упрямства. Она спросила съ насмѣшкою:

— Развѣ это—грѣхъ?

Алексѣй, еще не теряя надежды убѣдить упрямую, говорилъ ей:

— Кого любишь, того и слушаешь во всемъ съ удовольствіемъ, хотя не всегда бываешь одинаково расположенъ. Носить собаку на рукахъ—не грѣхъ. Но это—неженственно.

Долго еще Алексѣй уговаривалъ Лизу бросить собаку, но она не обращала никакого вниманія на всѣ его убѣжденія. Наконецъ онъ воскликнулъ съ огорченіемъ:

— Лиза, ты не уважаешь моею просьбою! Мои слова для тебя ничто!

Алексѣю было досадно, что Лиза не хочетъ уступить ему. Но въ душѣ своей онъ пытался оправдать Лизу.

Digitized by Microsoft®

„Ея непослушаніе есть только вѣтренность безъ всякаго намѣренія“,—думалъ онъ.

Онъ сказалъ ей наставительно:

— Ты относишься къ моимъ словамъ небрежно и безъ всякаго вниманія. Но жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служитъ урокомъ.

— Я не нуждаюсь въ урокахъ, — упрямо отвѣтила Лиза.

— Я не ожидалъ найти въ тебѣ такого своенравія! — печально сказалъ Алексѣй. — Не хотѣть пожертвовать такимъ вздорнымъ удовольствіемъ!

Лиза съ обидою въ голосѣ сказала:

— Вотъ вы какой! Вы ни въ чемъ не хотите дать мнѣ воли! Что же будетъ, когда я стану вашею женою? Вы будете жестокимъ тираномъ.

— Нѣтъ, Лиза, я не хочу быть вашимъ тираномъ, — съ великимъ огорченіемъ сказалъ Алексѣй. — Я полагаю мое высшее счастіе въ вашей благосклонности, Лиза, — могу ли я при этомъ быть вашимъ тираномъ?

Лиза гладила собачонку, и шептала ей нѣжныя слова. Алексѣй вертѣлъ въ рукахъ алый цвѣтокъ шиповника, и говорилъ:

— Всякій твой недостатокъ, Лиза, удивляетъ меня потому, что я цѣню тебя отмѣнно много.

— Вамъ ничто не нравится, — сказала Лиза,—вы только нѣмцевъ хвалите.

— Не скрою, Лиза,—сказалъ Алексѣй,—ты сегодня произвела надо мною непріятное впечатлѣніе.

Лиза отвѣчала пылко:

— А вы хотѣли произвести надо мною непріятное тиранство. Ни папенька, ни маменька такъ со мною не обходятся. Я не привыкла къ тому, чтобы меня обижали.

Стараясь казаться спокойнымъ, но съ трудомъ сдерживая проявленія своей досады и огорченія своего, Алексѣй сказалъ:

— Я вижу, Лиза, что сегодня ты находишься въ дурномъ расположеніи духа, и потому мнѣ лучше удалиться. Надѣюсь,

Digitized by Microsoft ®

что ты сама оцѣнишь свой поступокъ, когда захочешь подумать о немъ внимательно и спокойно.

Лиза на это ничего ему не отвѣтила. Алексѣй холодно простился съ нею, и уѣхалъ, думая, что ее надобно проучить холодностью, и что она тогда одумается и раскается. Лиза же, оставшись одна, скинула съ колѣнъ собачонку, крикнула:

— Пошла прочь, противная!

И залилась слезами.

Межъ тѣмъ погода внезапно испортилась. Въ стекла билъ сильный дождь, стучали вѣтки березокъ. Лизѣ было скучно и грустно. Ее знобило. Она грустно думала о деспотизмѣ мужчинъ и о грустной долѣ женщины, которая всю жизнь должна покоряться, сначала родителямъ, потомъ мужу.

Ночью однообразно кричалъ перепелъ, нагоняя на Лизу тоску и страхъ. Всю эту ночь Лизѣ снились непріятные, огорчительные сны. Одинъ особенно досадливо вспоминался ей потомъ. Лизѣ опять приснилась Лушка, и на этотъ разъ уже словно болѣе прежняго утвердившаяся въ своемъ непристойномъ озорствѣ. Она сидѣла на раззолоченномъ креслѣ, одѣтая въ богатые уборы, важничала необычайно, и приказывала строго:

— Лизавета, красная краса, черная коса, возьми мою тявку-собачку, веди ее погулять, да смотри, гляди за нею въ оба, чтобы съ нее шерстиночки не упало, а не то я отдамъ тебя моимъ драбантамъ, они тебя невѣжливо поучатъ.

А тявка-собачка злая презлая, и глазъ у нея не видно изъ бѣлой пушистой шерстки, а зубки бѣленькіе да острые. Такъ и норовитъ, какъ бы укусить Лизу.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тревожные сны заставляли неоднократно Лизу вскакивать съ постели. Лушка и Степанида, спавшія близко, прибѣгали къ ней не разъ. Наконецъ подъ утро онѣ разбудили няньку, и сказали ей, что барышня почиваетъ неспокойно. Было уже свѣтло. Лиза уже не могла заснуть. Но она чувствовала себя совсѣмъ нехорошо. Голова болѣла, не хотѣлось вставать, не манила въ садъ опять послѣ дождя наставшая хорошая погода, не радовали птичьи щебеты и цвѣточные ароматы.

Ворчливо выговаривая дѣвушкамъ, что онѣ худо смотрятъ за барышнею, пришла къ Лизѣ старая нянька, и спросила ее ласково:

— Что съ тобою, Лизанька? Да никакъ ты занедужилась, моя ласточка?

Лиза отвѣчала ей скучнымъ голосомъ:

— Ничего, нянечка, это пройдетъ. Я полежу немного, и потомъ тотчасъ встану. Няня, ты ничего не говори маменькѣ, чтобы ее попусту не разстраивать.

Няня забезпокоилась. Она проворно вышла изъ Лизиной спальни, и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, держа въ морщинистыхъ рукахъ, отъ старости и отъ усердія дрожащихъ, чашку еще дымящагося напитка. Это былъ только-что заваренный ею липовый цвѣтъ, средство, по общему мнѣнію, отмѣнно помогающее отъ простуды. Няня, заботливо наклонясь надъ Лизою, говорила:

Digitized by Microsoft ®

— Выкушай, Лизанька, пропотѣешь, и все какъ рукою сниметъ. Вѣрно, простудилась какъ-нибудь. Вчера вечеромъ сыренько было.

Лиза отказывалась-было, не желая ничего ни ѣсть, ни пить, но нянька настояла на своемъ, и заставила таки ее выпить горячее и довольно вкусное питье. Потомъ она укутала Лизу тщательно, и ушла, тихонько ступая на цыпочкахъ, въ дѣвичью, гдѣ опять стала выговаривать Лушкѣ и Степанидѣ за недосмотръ. Лиза полежала въ постели еще часа три, и почувствовала себя немного лучше. Она встала, и сошла къ утреннему чаю грустная и блѣдная. За чаемъ Надежда Сергѣевна спросила ее:

— Что, Лизанька, какъ почивала? Сказывали мнѣ дѣвки, что безпокойно почивала, вскидываться изволила. Правда ли?

— Опять мнѣ Лушка приснилась,—сказала Лиза, хмуря брови.

Надежда Сергѣевна гнѣвно покраснѣла и сказала:

— Разсказывай, сударыня, твой сонъ. Я чаю, опять пустяки видѣла.

Лиза разсказала. Надежда Сергѣевна приказала позвать Лушку. Когда Лушка пришла, Надежда Сергѣевна гнѣвно крикнула на нее:

— Лушка, ты что-жъ это повадилась каждую ночь барышнѣ сниться? Бѣлены объѣлась, безстыдная? Думаешь, что на тебя и управы не найдется?

Помня, что отъ поклона голова не отвалится, Лушка повалилась барынѣ въ ноги. А вставши, она сказала, не обнаруживая никакихъ признаковъ страха и раскаянія, какъ вовсе невинная:

— Помилуйте, матушка барыня, но только я тому дѣлу не причинна. Хоть что̀ хотите со мной дѣлайте, а только я ни въ чемъ не виновата.

— Ты дерзить!—въ изумленіи закричала Надежда Сергѣевна.

— Дерзить я не согласна,—говорила Лушка,—а только и въ умѣ у меня того не было, чтобы сниться барышнѣ. Да

Digitized by Microsoft®

нешто я училась, чтобы кому сниться? Да у насъ и въ роду никого не было, кто бы такія дѣла зналъ.

Степанида, стоя у дверей и радуясь тому, что соперница ея попала въ бѣду, шипѣла тихо:

— Ядъ-дѣвка! Какъ только господа терпятъ! Да я бы на мѣстѣ господъ такого ей жару задала,—небось, перестала бы барышнѣ сниться!

— А ты, подлиза, помолчи, — сказала Надежда Сергѣевна.—Безъ тебя знаютъ, что̀ дѣлать надобно. Ужъ не взыщи, Лушка,—разъ простила, другой не прощу.

И обѣщанное было совершено, — Лушку наказали. Николай Степановичъ поспорилъ-было съ женою, говоря, что Лушку наказывать не за что, но Надежда Сергѣевна рѣшительно заявила ему, что въ его дѣла она не вступается, а въ дѣвичьей — ея власть, что разбаловать дѣвокъ никакъ нельзя, сладу съ ними не будетъ, и что Лизанькино здоровье для нея всего дороже.

Лиза думала, что Лушкѣ такъ и надобно, но все-таки было ей какъ-то неловко. Порою думала Лиза: „Изъ-за меня Лушку наказали, а можетъ быть, она и не виновата вовсе". Чувствительной Лизиной душѣ мысль эта была тягостна. Весь день этотъ прошелъ невесело. Лиза нѣсколько разъ заходила въ дѣвичью, которая расположена была близко отъ господскихъ покоевъ, рядомъ съ залою, чтобы дѣвки не баловались. Лиза ходила туда посмотрѣть, какъ искусныя мастерицы, кружевницы и вышивальщицы работаютъ надъ ея приданымъ за пяльцами, за шитьемъ, за вязаньемъ. Но и это сегодня мало забавило ее. Она ждала Алексѣя, но тщетно,—Алексѣй въ тотъ день не пріѣхалъ. Лиза вечеромъ пошла въ садъ къ той скамейкѣ надъ прудомъ, гдѣ вчера встрѣтилъ ее Алексѣй, и поплакала не мало. Послѣ дождя цвѣты были особенно благоуханны, и все вокругъ было свѣжо и прекрасно. Но красота природы не утѣшала грустную Лизу. Воспоминанія о вчерашней ссорѣ съ Алексѣемъ разрывали ея сердце, и она горько думала:

„Ахъ, зачѣмъ я нѐ послушалась Алексиса!"

Digitized by Microsoft®

Уже Лизѣ казалось, что счастіе ея навѣки погибло. Она дала себѣ твердое обѣщаніе, если только Алексѣй пріѣдетъ, смирить передъ нимъ свою гордость и увѣрить его, что впередъ она собачку на рукахъ никогда носить не станетъ.

Алексѣй пріѣхалъ на другой день. О собачкѣ онъ не напоминалъ, да и Лиза не заводила объ этомъ рѣчи. Миръ возстановился самъ собою, и милые были больше обычнаго внимательны и нѣжны другъ къ другу. Лиза нашла случай показать Алексѣю, что она рада исполнять его желанія. День кончился бы такъ же пріятно, какъ и многіе иные дни, въ которые милые бывали вмѣстѣ, если бы одна случайность не нарушила вдругъ ихъ согласія.

Прогуливались къ вечеру въ саду всѣ вмѣстѣ. На поворотѣ одной дорожки встрѣтили бѣгущую изъ фруктоваго сада Лушку. Она несла корзину съ только-что собранною земляникою. Съ разбѣга она не успѣла вò-время свернуть съ дороги, и едва не задѣла за локоть Алексѣя, слегка вздрогнувшаго отъ неожиданности при видѣ внезапно появившейся передъ нимъ дворовой дѣвушки. Надежда Сергѣевна посмотрѣла на Лушку строго, и сказала ей, не повышая голоса, но внушительно:

— Ты, валанда глупая, чего подъ ноги суешься? Или уже забыла вчерашнее наказаніе?

Лушка застыдилась и, закрывъ глаза рукавомъ сорочки, шмыгнула въ сторону. Примѣтивъ, что Лиза при этомъ сильно покраснѣла, Алексѣй наклонился къ ней, и спросилъ ее тихо:

— Не знаете ли вы, Лиза, за чтò наказывали вчера эту усердную дѣвушку?

Лиза отошла съ Алексѣемъ въ сторону отъ родителей, и съ чистосердечною откровенностью разсказала Алексѣю о вчерашнемъ снѣ своемъ, и о томъ, какъ за этотъ сонъ пострадала Лушка. Выслушавъ этотъ разсказъ, Алексѣй опечалился. Онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ Лизину руку, и воскликнулъ, обращаясь къ голубѣющему надъ ними простору невозмутимо-ясныхъ небесъ:

Digitized by Microsoft®

— О, безчеловѣчное обращеніе! Доколѣ Ты, Господи, терпишь это униженіе образа и подобія Твоего въ рабскомъ зракѣ? Увидимъ ли мы народъ освобожденный и рабство падшее? Просвѣщенная свобода, взойдетъ ли надъ отечествомъ нашимъ твоя прекрасная заря?

Лиза не понимала причинъ его неудовольствія. Нѣжнымъ голосомъ сказала она:

— Алексисъ, неужели ты думаешь, что я сама захотѣла увидѣть ее во снѣ? Ей уже говорили, чтобы она мнѣ не снилась. Непослушныхъ дѣтей наказываютъ, а для помѣщика крѣпостные, какъ дѣти. Вѣдь и меня бы папенька и маменька не похвалили, вздумай я ихъ не слушаться. И притомъ я не жаловалась на нее. Маменька приказала мнѣ разсказать мой сонъ, я повиновалась, въ чемъ же я виновата передъ вами, скажите, Алексисъ?

Едва выслушавъ ея оправданія и не стараясь вникнуть въ смыслъ ея простосердечнаго лепета, Алексѣй обратилъ къ ней огорченное лицо, и сказалъ съ большою силою убѣжденія:

— Знайте, Лиза,—безсмертная душа человѣка живетъ и въ сихъ, подвластныхъ родителямъ вашимъ, людяхъ, несчастныхъ не по причинѣ своей вины, а по неравенству, самими людьми учрежденному.

Лиза возразила ему:

— Самъ Богъ создалъ міръ такъ, что въ немъ одни—господа, а другіе—рабы. И въ писаніи сказано: „Нѣсть власть, аще не отъ Бога, всякая же душа властемъ предержащимъ да повинуется“.

— Пошлюсь на самого батюшку твоего, Лиза,—сказалъ Алексѣй.—Какъ почитатель великаго Вольтера, онъ скажетъ тебѣ, конечно, что изъ рукъ матери природы всѣ люди выходятъ равными.

Алексѣй и Лиза подошли къ Николаю Степановичу, и объяснили ему предметъ своего спора. Онъ, выслушавъ ихъ внимательно, сказалъ имъ:

— Точно, природа создала людей равными, и всѣ мы,

Digitized by Microsoft ®

господа и рабы, отъ одного и того же древняго Адама происходимъ. Но различіе способностей и занятій повело къ учрежденію разныхъ состояній. Всякъ, въ своей семьѣ и въ обществѣ себѣ равныхъ имѣя обращеніе, пріемлетъ нравы и понятія, его состоянію свойственные, и всѣ люди отъ родителей своихъ съ молокомъ матери всасываютъ свойства ихъ. Отъ самыхъ младыхъ ногтей каждый къ своему состоянію пріобыкаетъ. Какъ яблоки родятся на яблонѣ, а не на рябинѣ и не на осинѣ, такъ и въ людяхъ повелось, что отъ дворянъ родятся благородные, а отъ хамовъ— подлые.

Понюхавъ табаку, Николай Степановичъ прибавилъ, съ видомъ наставительнымъ обращаясь къ Алексѣю:

— Что же касается книгъ Вольтеровыхъ, почитателемъ коего быть не стыжуся, то сказать вамъ могу, любезнѣйшій будущій зятекъ мой, что хотя въ нихъ много содержится преостраго и поистинѣ куріознаго, но все-жъ таки всего безъ разсужденія принять отнюдь не можно. И Вольтеровъ острый разумъ затмевался иногда тучами ложныхъ и суетныхъ предразсужденій. Поживите съ мое, государь мой, тогда сами увидите, что съ этимъ народомъ безъ грозы обойтись никакъ нельзя, для ихъ же пользы, которой сами они не понимаютъ. Сама государыня-матушка, покойная императрица, премудрая Екатерина Великая, сія сѣверная Семирамисъ, хотя и быть изволила въ перепискѣ съ симъ преславнымъ отшельникомъ Фернейскимъ, однако, когда супруга ея бывшаго фаворита вздумала похваляться съ дерзостью, что я, дескать, отъ самой государыни муженька отбила, то повелѣла, сказываютъ, съ этою особою поступить такъ же, какъ вчера поступлено было съ Лушкою, и повелѣнное, сказываютъ, исполнено было нелѣностно.

Алексѣй, сильно покраснѣвъ отъ негодованія, воскликнулъ съ пыломъ:

— Сей способъ наказанія унижаетъ человѣка весьма, и употребляемъ надъ людьми быть не долженъ.

— А пусть человѣкъ не превозносится, — возразилъ Ни-

Digitized by Microsoft®

колай Степановичъ, съ благосклонною улыбкою глядя на пылкость молодого человѣка, которая казалась ему слѣдствіемъ его незнанія людей и обстоятельствъ.

И на этотъ разъ опять милые разстались весьма холодно.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Однажды, пріѣхавъ въ Ворожбинино передъ обѣдомъ, Алексѣй засталъ Лизу идущею въ дѣвичью, куда и его повела она за собою. Это была комната, расположенная рядомъ съ залою, просторная, но освѣщенная только двумя окнами, находящимися въ болѣе узкой ея стѣнѣ. Десятка два крѣпостныхъ дѣвицъ сидѣли тамъ довольно тѣсно, склоняясь надъ работою. Шилось и вышивалось Лизино приданое,—работа, начатая уже давно, и съ которою теперь, по обстоятельствамъ, весьма спѣшили. Одна лишь изъ дѣвушекъ ничего не дѣлала и, стоя у окна, говорила что-то сидящей рядомъ своей подругѣ. Когда Алексѣй и Лиза вошли, она замолчала. Алексѣй подумалъ сначала, что она приставлена надзирать за работою другихъ дѣвушекъ;—но для этой важной обязанности она была, очевидно, слишкомъ молода. Взоръ ея, обращенный на вошедшихъ, показался Алексѣю страннымъ. Глаза ея были очень красны. Лиза спросила ее:

— Что, Марфушка, зачѣмъ ты здѣсь?

— Пришла, барышня, съ подружками побыть,—отвѣчала Марфушка.

— Ты имъ мѣшаешь работать своими разговорами,—сказала Лиза,—иди себѣ.

Марфушка вышла странно колеблющимися шагами, придерживаясь за стѣны. Лиза сказала, обратившись къ Алексѣю:

Digitized by Microsoft®

— Такая досада,—Марфушка ослѣпла. Въ глаза ей соръ попалъ, и она теперь едва видитъ, какъ сквозь тонкое ситечко. Ходитъ, на людей натыкается, и вышивать не можетъ. А самая искусная у насъ была вышивальщица. И такая усердная, — ночей не досыпала. Другія дѣвки давно ужъ носомъ клюютъ, а она знай-себѣ шьетъ.

Алексѣй всмотрѣлся, и ему показалось, что у всѣхъ здѣшнихъ вышивальщицъ и кружевницъ глаза покраснѣли и слезятся. Онъ прошелъ между ихъ станками. Работа была мелкая и трудная, свѣту падало немного, а точность рисунка и тоновъ доказывала, что сидящія здѣсь дѣвки не даромъ ѣли хлѣбъ свой, видно, смоченный въ обиліи ихъ слезами. Вышедши изъ дѣвичьей вмѣстѣ съ Лизою, Алексѣй сказалъ ей:

— Я вижу, что эти дѣвушки работаютъ всякій день слишкомъ долго, что̀ вредитъ ихъ зрѣнію. Можно бы и не такъ торопить съ этою работою. Развѣ необходимо, чтобы непремѣнно все было готово къ дню нашей свадьбы?

Лиза отвѣчала съ неудовольствіемъ:

— Я не хочу войти въ твой домъ, какъ какая-нибудь безприданница.

— Изъ-за пустого тщеславія, Лиза, — сказалъ Алексѣй, — ты допускаешь, что служанки твои слѣпнутъ надъ чрезмѣрною работою. Ты не хочешь быть для нихъ госпожею милостивою.

Лиза возразила съ живостью:

— Марфушка не отъ работы ослѣпла, а отъ вѣтру, который нанесъ ей сору въ глаза. У насъ на селѣ есть дѣвка слѣпая, Аннушка, дочь Мирона кузнеца,—что-жъ, вѣдь она и не вышивала, да ослѣпла.

— Посмотри на твоихъ кружевницъ, Лиза,—сказалъ Алексѣй,—у нихъ у всѣхъ глаза красные.

— Вотъ кончатъ мое приданое,—возражала Лиза,—тогда не будетъ спѣшной работы, а теперь пусть немного потрудятся для меня. Развѣ я ужъ и не стою того, чтобы для меня поработали? Зато у меня будутъ вещи, которымъ всякая хо-

Digitized by Microsoft ®

зяйка позавидуетъ. Лучше нашихъ вышивальщицъ и кружевницъ во всей губерніи не найти.

— Нѣтъ, Лиза,—сказалъ Алексѣй,—я не хочу, чтобы въ мой домъ вошли вещи, надъ которыми теряли зрѣніе эти несчастныя. Человѣколюбіе запрещаетъ мнѣ участвовать въ этомъ.

Лиза чувствовала, что Алексѣй огорченъ сильно, и знала, что работу крѣпостныхъ искусницъ можно облегчить. Но самолюбіе мѣшало ей признаться въ томъ, что Алексѣй правъ, и она продолжала спорить:

— Она не оттого ослѣпла, что много работала, а оттого, что ей соръ въ глаза попалъ. Она это сама говоритъ. Притомъ же вѣдь наши хамы для насъ и созданы. Вѣдь ее будутъ кормить всю жизнь, хоть бы она ничего не работала. Какой намъ прибытокъ отъ слѣпой?

— Человѣкъ созданъ Богомъ для иныхъ, возвышенныхъ цѣлей, — сказалъ Алексѣй, — а не для нашихъ пустыхъ удовольствій.

— По-вашему, я—пустая и жестокая, — сказала Лиза съ огорченіемъ.—Для васъ Марфушка дороже меня.

Такъ мало-по-малу наговорили они другъ другу много непріятныхъ и укоризненныхъ словъ. Наконецъ Лиза оставила Алексѣя, и ушла въ другую комнату. Разстались они въ открытой ссорѣ, даже не простившись другъ съ другомъ. Когда Алексѣй сталъ прощаться со стариками, Надежда Сергѣевна, не видя Лизы въ гостиной, кликнула:

— Лизанька, гдѣ ты?

— Я здѣсь, маменька, — отозвалась Лиза изъ смежной комнаты.

— Лизанька, да что-жъ ты къ жениху не выйдешь?—говорила Надежда Сергѣевна.—Простилась бы,—Алексѣй Павловичъ собрался ѣхать.

Лиза отвѣтила, не показываясь:

— Ему Марфушка меня дороже, пусть онъ съ нею прощается.

— Елизавета Николаевна не уважаетъ моими просьбами,— сказалъ Алексѣй.—Я не заслужилъ ея довѣрія.

Digitized by Microsoft®

Николай Степановичъ, посмѣиваясь, говорилъ:

— Милые бранятся, только тѣшатся. То-то молодо—зелено.

Алексѣй сухо раскланялся, и уѣхалъ домой. Родители стали было выговаривать Лизѣ, но, узнавши, въ чемъ дѣло, приняли ея сторону. Алексѣй же, ѣдучи домой, думалъ о Лизѣ:

„Какъ я обманулся въ этой дѣвушкѣ! Она казалась мнѣ ангеломъ небеснымъ, а на самомъ дѣлѣ она — пустая дѣвушка съ холоднымъ сердцемъ".

Долго думалъ онъ дома, что̀ ему дѣлать. Въ его сердцѣ боролись любовь къ Лизѣ, неспособная погаснуть, и пламенная ненависть къ деспотизму. Наконецъ онъ рѣшился подавить свою любовь и разстаться съ Лизою. Дорого стоило ему это рѣшеніе. Цѣлую ночь онъ не могъ заснуть, и ходилъ по кабинету, обуреваемый борьбою разнообразныхъ чувствъ и помышленій. Наконецъ уже утромъ, въ состояніи, близкомъ къ отчаянію, онъ сѣлъ къ столу, и написалъ Лизѣ письмо, въ которомъ изъяснилъ ей, что, вслѣдствіе разности ихъ понятій, онъ не осмѣливается принять на себя имя ея супруга, и потому съ душевнымъ прискорбіемъ возвращаетъ ей обручальное кольцо, желая ей совершеннаго счастія съ другимъ.

Отправивъ это письмо, Алексѣй почувствовалъ, что сердце его разбито, и что никого никогда уже онъ не полюбитъ. Въ глубинѣ души еще лелѣялъ онъ слабую надежду, что все какъ-нибудь обойдется, что Лиза сознаетъ свою неправоту, и кольца не приметъ. Но вскорѣ полученный имъ отъ Лизы холодный отвѣтъ съ приложеніемъ ея кольца погрузилъ его въ глубокое отчаяніе. Алексѣй въ тотъ же день быстро собрался и выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Скоро дошли вѣсти, что онъ уѣхалъ въ Германію.

Лизины родители не знали мѣры своему гнѣву на Алексѣя. Спохватившись, что напрасно дали они согласіе человѣку со свободными мыслями, понадѣявшись на его позднѣйшее исправленіе, они говорили:

— Вотъ и упражнялся въ наукахъ! Вотъ и ѣздилъ по чу-

Digitized by Microsoft®

жимъ краямъ! Науки-то эти да поѣздки чужедальнія до добра не доведутъ.

Лиза была неутѣшна. Долго плакала она по ночамъ. Но днемъ крѣпилась, не показывала своей скорби,—изъ гордости. Даже притворялась веселою. На утѣшенія матери она отвѣчала:

— Маменька, я о немъ такъ же мало думаю, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ.

Николай Степановичъ говаривалъ дочери:

— Лизанька, не безпокойся объ этомъ нимало, держись Панглосовой системы,—все, что̀ ни дѣлается, все къ лучшему. Женишка мы тебѣ найдемъ на славу.

И отецъ, и мать сильно гнѣвались на дѣвокъ, невольныхъ виновницъ разрыва. Хотѣли-было даже наказать Марфушку, зачѣмъ совалась, куда ее не звали, да Лиза на этотъ разъ упросила не наказывать.

— Ее самъ Богъ наказалъ, маменька,—говорила она.

Въ памяти ея повторялись Алексѣевы слова, и въ сердцѣ, хотя и гонимое непобѣдимымъ упрямствомъ, таилось еще неясное сознаніе виновности. Надежда Сергѣевна при этихъ словахъ дочери прослезилась и сказала:

— У нашей Лизаньки золотое сердечко.

Долю вышивальщицъ и кружевницъ Лиза рѣшила облегчить, сколько можно. Она часто приходила въ дѣвичью, и думала:

„Чѣмъ же имъ здѣсь худо? Сидятъ въ теплѣ и въ покоѣ, работа не тяжелая, не то, что жать въ полѣ рожь. Что̀ же еще надобно сдѣлать для нихъ, чтобы стать милостивою госпожею?“

Но не знала этого Лиза.

Одинъ за другимъ являлись въ Ворожбинино женихи попрежнему, потому что ужъ очень завидною невѣстою была Лиза. Но Лиза отвергала всѣхъ жениховъ. И не то, чтобы сразу, — не хотѣлось ей показать, что она все еще тужитъ объ Алексѣѣ, и она думала, что если найдется человѣкъ, котораго она полюбитъ, то она за него и выйдетъ. При каж-

Digitized by Microsoft®

домъ новомъ предложеніи Лиза попроситъ дать ей время на размышленіе до завтрашняго дня, ночью поплачетъ, вспоминая Алексѣя, а утромъ скажетъ:

— Папенька и маменька, я не хочу итти за него замужъ.

Родители примутся ее уговаривать, сначала съ ласкою, потомъ построже: женихи все сватались совершенно хорошіе и подходящіе по всему,—мелкопомѣстные или пожилые и соваться пока не смѣли. Лиза ударится въ слезы, и тогда отецъ и мать отходятъ отъ нея, говоря:

— Полно, Лизанька, не плачь. Мы съ тебя воли не снимаемъ. Только смотри, невѣста разборчивая, засидишься въ дѣвкахъ, придется тогда итти за перваго, кто посватается, за какого-нибудь колченогаго капитанъ-исправника.

Часто Лизины мысли обращались къ Алексѣю. Она сравнивала его со всѣми другими молодыми людьми въ окружности, и онъ представлялся ей всѣхъ умнѣе, добрѣе, благороднѣе, красивѣе. Родители два раза возили ее по зимамъ въ Москву, гдѣ у нихъ были родственники, питая надежду тамъ выдать Лизу замужъ. Но и московскіе блестящіе женихи не снискали расположенія Лизы, неутѣшной въ своей тайной печали.

Такъ прошли два года. Любовь къ Алексѣю не умирала въ Лизиномъ сердцѣ, и Лиза все это время жила, какъ во снѣ. Въ началѣ третьяго года, осенью, умеръ Николай Степановичъ, простудившись на охотѣ. Вскорѣ затѣмъ, потуживъ и поболѣвъ немного, умерла и Надежда Сергѣевна. Бабушка Елизавета Павловна скончалась еще раньше, вскорѣ послѣ ссоры Лизы съ Алексѣемъ. Лиза осталась одна, окруженная преданною дворнею и привыкшими къ ней и къ дому приживальщиками и приживалками.

Digitized by Microsoft ®

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Лизѣ шелъ уже двадцатый годъ, и она сама стала бодро, хотя пока и неумѣло, править всѣмъ хозяйствомъ. Заботы ея направлены были къ тому, чтобы стать госпожею благожелательною и милостивою, поддерживая, однако, порядокъ и благосостояніе имѣнія своего на пристойномъ уровнѣ.

Пріѣхалъ-было назначенный дворянскою опекою къ Лизѣ попечителемъ ея дядя по матери, отставной капитанъ Калагановъ, и расположился управлять имѣніемъ. Онъ тотчасъ взялъ начальственный тонъ, и заговорилъ съ Лизою, какъ съ субалтерномъ своей роты. Но не удалось бравому капитану здѣсь водвориться, и пробылъ онъ здѣсь, воистину, калифомъ на часъ.

Капитанъ Калагановъ былъ пьяница, кутила, картежникъ и мотъ. Его маленькая деревушка, очень запущенная, лежала въ сосѣднемъ уѣздѣ. Крестьянъ своихъ Калагановъ утѣснялъ и разорялъ обременительными и вздорными распоряженіями своими. Отношенія его съ Лизиными родителями никогда не были близкими, по причинѣ непорядочнаго образа жизни, которому предавался бравый капитанъ по выходѣ въ отставку. Согнавъ угрозою власти и улещиваніями изрядное количество пригожихъ дѣвокъ въ дворню, предавался онъ съ ними пьянству и непотребству. Не однажды видѣли его катающимся по рѣкѣ на лодкѣ въ обществѣ голыхъ дѣву-

Digitized by Microsoft®

шекъ, изъ которыхъ многія сидѣли, изъ стыда опустивъ головы и отвращая лица отъ идущихъ по берегу. Ослушаться же Калаганова, однако, не смѣли, страшась жестокаго наказанія.

Пріѣхавъ въ Ворожбинино и увидѣвъ много пригожихъ дворовыхъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, капитанъ исполнился радостью, и уже предвкушалъ блаженство. Вечеромъ, за обильнымъ ужиномъ, уже онъ заговорилъ съ Лизою о томъ, что для разсѣянія скорби надлежитъ ей поѣхать временно въ какую-нибудь изъ двухъ другихъ ея деревень, и жить тамъ. Онъ говорилъ:

— Здѣсь все напоминаетъ тебѣ, Лизета, о твоихъ покойныхъ родителяхъ, а дѣвушкѣ въ твоемъ возрастѣ не слѣдуетъ предаваться меланхоліи. Я провожу тебя, другъ мой, въ Ремницы, и устрою тамъ, а самъ опять буду сюда, твое добро стеречь и прибытки тебѣ дѣлать.

Лиза отвѣчала ему почтительно, но съ твердостью:

— Простите меня, дяденька, но этого дома, гдѣ скончались мои дорогіе родители, и того мѣста, гдѣ почиваютъ ихъ священные для меня останки, я не оставлю.

Калагановъ стукнулъ по столу стаканомъ, и сказалъ грознымъ голосомъ, сердито глядя на перепуганную Лизу:

— Ты еще молода, сударыня, чтобы со старшими спорить. Я — твой дядя и попечитель, и ты будешь дѣлать все то, что̀ я тебѣ прикажу, безъ всякихъ разговоровъ.

Лиза, быстро оправясь отъ внезапнаго испуга, усмѣхнулась и сказала:

— Я, дяденька, буду оказывать вамъ должное повиновеніе, но только я и при покойникѣ папенькѣ дѣлала то, что̀ мнѣ самой хотѣлось. Прикажите мнѣ услужить вамъ въ чемъ-нибудь, я это сдѣлаю охотно, а изъ этого моего дому выѣхать ни за что не хочу.

Капитанъ побагровѣлъ отъ гнѣва, и сказалъ еще болѣе грозно:

— Больно ты бойка, Лизавета Николаевна, да мы и не такихъ норовистыхъ объѣзжали. Иди-ка, сударыня, спать, да

Digitized by Microsoft ®

свѣчу не жечь понапрасну. У васъ тутъ, сказывали мнѣ, Вольтерами пахнетъ, а я Вольтерова духа не долюбливаю.

Лиза послушно встала изъ-за стола, и, пожелавъ дядѣ спокойной ночи, удалилась. Раздѣвшись, она тотчасъ погасила свѣчу, и попыталась заснуть, дабы показать свое послушаніе въ предѣлахъ должнаго. Но сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ, разнообразныя мысли и чувствованія волновали ея умъ, и она долго ворочалась съ боку на бокъ, пока необычайное смятеніе и крики въ домѣ не заставили ее въ испугѣ вскочить съ постели. Кое-какъ накинувъ на себя утренній капотъ и попавшуюся подъ руку мантилью, выбѣжала трепещущая Лиза въ прихожую, чтобы узнать, что̀ случилось, и не горитъ ли, Боже упаси, гдѣ-нибудь въ обширномъ ея домѣ. Случилось же вотъ что̀:

По уходѣ Лизы капитанъ еще долго сидѣлъ въ столовой, сначала въ обществѣ двухъ старичковъ, потомъ одинъ, и осушилъ не одну бутылку вина, совѣщаясь и размышляя о томъ, какими мѣрами принудить Лизу къ повиновенію. Рѣшивъ завтра же, добромъ или неволею, увезти Лизу, да и не въ ея Ремницы, а въ свою деревню, гдѣ за нею лучше присмотрятъ, онъ взялъ свѣчу и направился въ кабинетъ Николая Степановича, гдѣ была приготовлена ему постель. По дорогѣ заблагоразсудилъ онъ взять съ собою какую-нибудь дѣвушку, чтобы осчастливить ее своимъ вниманіемъ. Войдя въ каморку подъ лѣстницею, гдѣ спала одна изъ дѣвушекъ, онъ разбудилъ ее, и, не столько словами, сколько знаками, изъяснивъ ей свои намѣренія, сталъ понуждать ее оставить свою постель и слѣдовать за нимъ. Но такъ какъ покойный Николай Степановичъ смотрѣлъ на своихъ подвластныхъ только какъ на людей, дарованныхъ ему судьбою для работы и службы, и непотребству съ ними никогда, даже и въ молодые свои годы, не предавался, то и не привыкли здѣшнія дѣвушки къ такому вниманію со стороны господъ. Потому и разбуженная капитаномъ дѣвушка оказала рѣшительное противодѣйствіе всѣмъ настояніямъ его. Когда же капитанъ перешелъ въ настойчивое наступленіе, дѣвушка

Digitized by Microsoft®

отчаянно завизжала, укусила капитанову руку, выбѣжала съ громкими криками въ прихожую, и такимъ образомъ всполошила весь домъ. Капитанъ же, ослѣпленный виномъ и страстью, не догадывался оставить ее, и, уцѣпясь за ея сорочку, пытался зажать ей ротъ или унять ее грозными окриками.

Лиза, прибѣжавъ на этотъ шумъ, увидѣла прихожую, наполненную полуодѣтыми людьми, державшими свѣчи и фонари и въ недоумѣніи жавшимися къ стѣнамъ, и посерединѣ нападавшаго капитана и отбивавшуюся отъ него съ громкими криками дѣвушку. Увидя вошедшую барышню, дѣвушка бросилась къ ея ногамъ, и, обливая ихъ слезами и осыпая поцѣлуями, молила о защитѣ, причемъ Лиза имѣла случай вспомнить, что, выбѣжавши опрометью сюда, она даже туфель надѣть не успѣла. Лиза обратилась къ капитану Калаганову съ вопросомъ:

— Что̀ это значитъ, дяденька? Отъ какого насилія ищетъ Палаша защиты у моихъ ногъ? Развѣ одно пребываніе мое въ этомъ домѣ уже не служитъ для всѣхъ достаточною защитою?

Капитанъ, пріосанясь и покручивая длинные усы, хотя и съ немалымъ трудомъ держась на ногахъ, сказалъ запинаясь:

— Эта тварь, того, покушалась, да, покушалась на мою жизнь, а я ее, того, за косы.

Палаша завопила съ отчаяніемъ:

— Напраслина, матушка барышня, звѣздочка наша ясная, напраслина. Я спала себѣ смирнехонько, ничего не знала, а баринъ пришли ко мнѣ въ каморку, и стали охальничать.

Но и безъ этихъ увѣреній ложь капитановыхъ словъ была столь очевидна, что нѣкоторыя смѣшливыя дѣвки едва удерживали веселость, зажимая рты и унимая другъ дружку.

— Этого не могло быть,—сказала Лиза,—Палашка у меня дѣвка смирная, и покушаться на васъ ей не за что. Идите-ка лучше спать, а утромъ увидимъ. Утро вечера мудренѣе. Лушка, дай барину свѣчку, видишь, его-то погасла.

Digitized by Microsoft ®

Капитанъ, ворча сердито и пожимая плечами, удалился, не имѣя уже того воинственнаго вида, который отличалъ сегодня всѣ его слова и поступки.

На утро Лиза, пригласивъ капитана въ гостиную, объявила ему, что такого поведенія въ своемъ домѣ она не потерпитъ, что въ попечителѣ она нимало не нуждается и управитъ своимъ имѣніемъ сама, и заключила свою рѣчь просьбою, чтобы капитанъ уѣхалъ въ тотъ же день восвояси. Капитанъ принялъ грозный видъ, и сталъ ссылаться на свои права. Но Лиза сказала ему твердо:

— Жалуйтесь на меня, кому хотите, а я своего рѣшенія перемѣнить не могу, да и не хочу. Я и сама имѣю основаніе къ жалобамъ. Вечеромъ вы приказывали мнѣ ѣхать прочь изъ моего дома, ночью хотѣли обидѣть мою крѣпостную, — обижайте меня, если хотите, а моихъ подданныхъ я никому въ обиду не дамъ.

Тогда капитанъ перемѣнилъ обхожденіе, и пытался извинить происшедшее ошибкою и тѣмъ, что, выпивъ вчера на новосельи много вина, ошибся дверью и, думая, что попалъ къ себѣ, хотѣлъ удалить со своей постели дерзкую дѣвку. Но Лиза не вняла его увѣреніямъ, повторила настойчиво свое рѣшеніе, и, давши на сборы сроку до послѣобѣда, ушла къ себѣ, оставивъ браваго капитана растерянным и недоумѣвающимъ. Приказавъ людямъ строго, чтобы капитану непремѣнно готовы были тотчасъ послѣ обѣда лошади, Лиза заперлась въ своей спальнѣ, и, подъ предлогомъ нездоровья, къ обѣду въ столовую не выходила. Капитанъ такъ и принужденъ былъ уѣхать, не повидавшись со своею племянницею. Жаловаться на Лизу онъ не осмѣлился, чтобы не подвергать себя пущему конфузу.

И вотъ Лиза принялась сама управлять своимъ имѣніемъ. Бодрая и дѣятельная, она была съ ранняго утра на ногахъ. Лиза скоро увидѣла, что имѣніе изрядно запущено. Въ послѣдніе годы отецъ думалъ мало о хозяйствѣ, мать тоже не все могла доглядѣть. Лизѣ пришлось не мало употребить заботъ и трудовъ, пока имѣніе не было приведено въ долж-

Digitized by Microsoft®

ное устройство. Тогда, давъ точныя наставленія бурмистру и вотчинной конторѣ, Лиза занялась преимущественно домашнимъ и дворовымъ хозяйствомъ и дѣвичьею. Непрестанно думая о томъ, что̀ надлежитъ дѣлать и знать помѣщицѣ, чтобы стать госпожею милостивою, она придумала сама работать съ дѣвками, въ свободное же отъ работы время пѣла съ ними пѣсни, водила хороводы. Лиза хотѣла узнать, какъ живутъ, что̀ чувствуютъ всѣ эти хамы и хамки. Дѣвки радовались ея ласковому обхожденію, старые же мужики, покачивая головами, говорили:

— Непорядокъ.

Бурмистръ Степанъ Титычъ такъ осмѣлѣлъ, что въ глаза Лизѣ говорилъ:

— Непорядокъ, барышня.

— Чѣмъ же непорядокъ, Титычъ?—спрашивала Лиза, не думая сердиться на смѣлыя слова.

— А тѣмъ и непорядокъ,—говорилъ Титычъ,—что дѣвка должна знать свое мѣсто, а господа—свое.

Лиза только посмѣялась его словамъ, и продолжала свои чудачества, — такъ называли это сосѣдніе помѣщики, которымъ Лизино поведеніе сильно не нравилось. Ни на кого не обращала вниманія Лиза, показала все свое своеволіе. Мало-по-малу Лиза и одѣваться стала, какъ ея крѣпостныя дѣвушки. Казалось ей, что, перенявши ихъ одежду, она лучше пойметъ ихъ душу. Сидя съ ними въ дѣвичьей, Лиза принялась вышивать большое покрывало, — цвѣты по бѣлому шелку цвѣтными шелками, очень сложный и красивый узоръ. Какая-то не вполнѣ еще ясная ей самой мысль заставила ее начать эту работу.

Такъ прошло еще три года. Каждый день работа, въ праздникъ молитва. Зимою за вышиваньемъ, а лѣтомъ иногда и въ полѣ съ серпомъ въ рукахъ. Лиза говорила:

— Пусть мои дворовыя дѣвки жнутъ барское поле,—бар-щиннымъ бабамъ будетъ легче.

Толку отъ работы непривычныхъ дворовыхъ дѣвушекъ было мало, и дѣвушкамъ это не очень-то нравилось, да съ

Digitized by Microsoft ®

барышнею не заспоришь,—характерная барышня. Она же и сама примѣръ подавала. Загорѣла Лиза, и лицомъ на крестьянку стала похожа.

Опять сватались къ ней многіе, и опять всѣмъ отказывала Лиза. Какъ и прежде, отказывала не сразу. Всмотрится, подумаетъ, всю ночь промечтаетъ, сравнивая новаго искателя ея руки съ Алексѣемъ,—и на утро откажетъ. А многимъ хотѣлось прибрать къ рукамъ Лизино имѣніе, теперь благоустроенное и дающее хорошій доходъ.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ околоткѣ твердили, что Лиза дуритъ, что поведеніемъ своимъ внушаетъ она вольныя мысли крѣпостнымъ, и является такимъ образомъ противницею своей братіи, дворянъ. Поговаривали о необходимости учредить надъ нею опеку. Капитанъ Калагановъ пріободрился, полагая, что опекуномъ назначатъ его. Самъ предводитель дворянства пріѣзжалъ къ Лизѣ. Это былъ почтенный старикъ, служившій когда-то въ войскахъ подъ командою Суворова и Кутузова. Лиза встрѣтила его привѣтливо. Послѣ учтивой свѣтской бесѣды предводитель заговорилъ о Лизиныхъ поступкахъ.

— Смущеніе производите, сударыня, — говорилъ онъ строго. — Крестьяне поощряются къ самовольству, а дворяне ропщутъ.

Лиза отвѣчала спокойно:

— Я управляю моимъ имѣніемъ, какъ умѣю, съ Божіею помощью и по силѣ принадлежащей мнѣ, какъ наслѣдственной помѣщицѣ, власти.

— Нехорошо, сударыня, — говорилъ предводитель, — то, что вы съ хамами обращаетесь за панибрата, какъ говорится.

— Эти хамы даны мнѣ Богомъ, — отвѣчала Лиза. — Я за нихъ передъ Богомъ въ отвѣтѣ. Потому я хочу быть милостивою госпожею, тѣмъ болѣе, что крестьяне разоренные и

Digitized by Microsoft ®

дворовые, непосильнымъ трудомъ угнетенные, помѣщику прибытка не даютъ.

Предводитель строго нахмурилъ брови, и спросилъ:

— Да въ низость-то зачѣмъ же вамъ, благорожденной госпожѣ, опускаться, милостивая государыня моя?

Хитрила Лиза, говорила смиренно:

— Помѣщику надобно въ точности знать свое хозяйство. Я не хочу, чтобы меня бурмистръ да приказчикъ обманывали, — хочу все въ хозяйствѣ знать, во все сама вникаю. Какой же кому отъ этого вредъ? Развѣ обязана я разоряться, довѣрившись людямъ и ни во что не вникая?

Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ почтенный старичокъ. Онъ не зналъ, что̀ дѣлать ему съ Лизою, доводы которой онъ никакъ не могъ опровергнуть. Разсказывая друзьямъ своимъ объ этомъ свиданіи, онъ говорилъ:

— Вотъ оно, нынѣшнее-то воспитаніе. Возилъ папенька ее въ Москву, — то-то много хорошаго набралась тамъ дѣвица. И не сговоришь съ нею,—я ей слово, она мнѣ десять.

Лизу оставили пока въ покоѣ. А Лиза томилась, ждала, искала чего-то. Она ходила по полямъ и по рощицамъ, вспоминая незабвенныя встрѣчи и бесѣды. Ждала чего-то,—ужъ не новой ли радостной встрѣчи? Думала Лиза:

„Вѣдь я теперь совсѣмъ не такая, какъ тогда, не та пустая и капризная дѣвушка, какою зналъ меня Алексисъ“.

Иногда Лиза думала съ боязливою надеждою:

„Неужели Алексисъ не вернется?“

И опять думала:

„Я его недостойна“.

Однажды въ началѣ мая мѣсяца посѣтилъ Лизу одинъ изъ ея сосѣдей по имѣнію, полковникъ Андрей Петровичъ Приклонскій, человѣкъ еще молодой, красивый и ловкій, пріѣхавшій въ свое имѣніе въ отпускъ изъ Петербурга, гдѣ онъ служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Лиза взволновалась этимъ посѣщеніемъ чрезвычайно, и оттого показалась Приклонскому весьма провинціальною, но премилою барышнею.

Digitized by Microsoft®

„Онъ могъ видѣть Алексиса! Онъ могъ разговаривать съ Алексисомъ!“—думала Лиза, и отъ этой мысли кровь быстрѣе обращалась въ ея сердцѣ, и съ тяжкимъ біеніемъ восходила до лилейнаго чела.

Не рѣшаясь завести рѣчь съ полковникомъ объ Алексѣѣ, чтобы внезапнымъ измѣненіемъ голоса не выдать невзначай своей сердечной тайны, съ нетерпѣніемъ ожидала Лиза, когда Приклонскій самъ заговоритъ объ Алексѣѣ. Полковникъ, недавно овдовѣвшій, — жена его умерла отъ неудачныхъ родовъ,—не прочь былъ бы жениться вторично. Лиза, которую онъ помнилъ еще рѣзвымъ ребенкомъ, приглянулась ему, отмѣнный порядокъ и убранство въ домѣ показывали, что имѣніе даетъ изрядный доходъ, и все это располагало его къ мыслямъ пріятнымъ. Онъ бы рѣшился даже, извиняя себя крайнимъ недостаткомъ времени, которое онъ можетъ провести въ отпуску, теперь же сдѣлать Лизѣ предложеніе. Но молва о томъ, что Лиза всѣмъ искателямъ ея руки отказываетъ, удерживала его отъ излишней поспѣшности. Самолюбіе столичнаго жителя слишкомъ сильно пострадало бы отъ такого афронта, нанесеннаго ему деревенскою барышнею. И потому полковникъ искусными подходами старался расположить къ себѣ молодую хозяйку, тщательно примѣчая, какое впечатлѣніе производитъ онъ надъ нею. Онъ долго и съ большимъ чувствомъ говорилъ о покойныхъ Лизиныхъ родителяхъ, которыхъ зналъ онъ, когда еще Лиза ходила въ обшитыхъ кружевами длинныхъ панталончикахъ. Потомъ распространился онъ объ удовольствіяхъ и пріятностяхъ свѣтской жизни въ столицѣ. Лиза неоднократно наводила его на разговоръ объ томъ или иномъ уроженцѣ ихъ губерніи, уѣхавшемъ въ столицу искать счастія и чиновъ. Полковникъ же отъ картинъ жизни свѣтской готовъ уже былъ уклониться къ описанію разныхъ случаевъ изъ недавно оконченной кампаніи. И тогда уже наконецъ Лиза прямо спросила его, не встрѣчалъ ли онъ гдѣ-нибудь Алексѣя Львицына.

— Какъ же!—отвѣчалъ полковникъ, и мужественное лицо его озарилось выраженіемъ пріятныхъ воспоминаній: — при-

Digitized by Microsoft ®

водилось встрѣчать прошлую зиму не однажды, и вести бесѣды о всякихъ матеріяхъ съ немалою пользою для ума и для сердца.

Лиза, тщетно стараясь скрывать свое волненіе, спросила, женатъ ли онъ, и на комъ. Полковникъ, зорко, хотя и незамѣтно для Лизы, всматриваясь въ нее и оцѣнивая опытнымъ взоромъ вдругъ вспыхнувшій на щекахъ ея румянецъ и влажное мерцаніе черныхъ глазъ, думалъ, что вопросы эти, можетъ быть, и не спроста. Усмѣхаясь внутренно надъ простосердечіемъ бѣдной дѣвушки, онъ отвѣчалъ ей учтиво:

— Нѣтъ, Елизавета Николаевна, еще Алексѣй Павловичъ не женатъ, да, кажется, врядъ ли и собирается жениться. Барышни на него засматриваются; многія дѣвицы и дамы нашего круга восторгаются его умомъ и всею его особою, и говорятъ, что ему равнаго не встрѣчали во всю свою жизнь. Но онъ всегда погруженъ въ меланхолію, какъ бы тая въ душѣ нѣжную страсть къ невѣдомой никому дѣвѣ, или мечтая о сказочной Царь-Дѣвицѣ.

При этихъ словахъ Лиза смутилась, покраснѣла, опустила глаза. Ей казалось, что тайна сердца ея извѣстна всѣмъ. Собравшись наконецъ съ духомъ и кое-какъ преодолѣвъ волненіе свое, она спросила полковника:

— А вы, Андрей Петровичъ, скоро ли ѣдете въ Петербургъ?

Мелодичный голосъ ея при этомъ замѣтно дрожалъ, и отъ этого казался еще болѣе чувствительнымъ.

— Уже на будущей недѣлѣ,—сказалъ полковникъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ не то удовольствія, не то сожалѣнія.

Хотя и привыкшій къ своему полку, къ своимъ товарищамъ, къ свѣтскимъ отношеніямъ и къ утѣхамъ военнаго честолюбія, онъ находилъ большую пріятность и въ деревнѣ, на родинѣ своей. Сожалѣніе его могло относиться и къ тому, что приглянувшаяся ему дѣвица, казалось, думаетъ о другомъ болѣе нѣжно, чѣмъ думаютъ о знакомомъ, о деревенскомъ сосѣдѣ или даже о другѣ дѣтства. Лиза спросила:

Digitized by Microsoft®

— Отчего же такъ скоро вы отъ насъ уѣзжаете?

— Призываетъ служба царская,—отвѣчалъ полковникъ.— А по мнѣ, я бы съ превеликимъ удовольствіемъ остался долго въ этихъ мѣстахъ, гдѣ протекало мое мирное дѣтство, гдѣ безмятежно игралъ я съ братьями и сверстниками моими.

Взоръ закаленнаго въ бояхъ вояки блеснулъ слезою, и уже готовился полковникъ предаться умилительнымъ воспоминаніямъ,—но нѣжный голосъ Лизинъ прервалъ идиллическое теченіе его мыслей. Лиза говорила:

— Можете ли вы, Андрей Петровичъ, исполнить то, о чемъ я буду васъ просить?

— Все, что̀ въ моихъ силахъ, исполню съ превеликимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ полковникъ.

Лиза помолчала немного, и съ сильно бьющимся сердцемъ сказала:

— Передайте, пожалуйста, какъ-нибудь при встрѣчѣ господину Львицыну, что я вышиваю покрывало разноцвѣтными шелками, и что я надѣюсь невдолгѣ окончить его.

Полковникъ молча и внимательно слушалъ ее. Лиза продолжала:

— Пожалуйста, не забудьте передать это ему отъ меня,— мнѣ чрезвычайно надобно, чтобы онъ зналъ объ этомъ. Очень красивый и трудный узоръ,—я сама его выбирала, и сама вышиваю.

Лиза обратила къ полковнику взоръ свой съ нѣжно-молящимъ выраженіемъ. Полковникъ былъ не мало удивленъ настоятельностью просьбы о такомъ, казалось ему, незначительномъ предметѣ. Однако, тронутый умоляющимъ взоромъ Лизы, и притомъ имѣя большую привычку не только къ опасностямъ браннымъ, но и къ неожиданнымъ прихотямъ красавицъ, онъ, не показывая своего удивленія ничуть, сказалъ учтиво:

— Будьте увѣрены, Елизавета Николаевна, что я передамъ это непремѣнно, точно и съ отмѣннымъ моимъ удовольствіемъ.

Не спрашивая Лизу ни о чемъ, онъ тотчасъ всталъ и

Digitized by Microsoft ®

откланялся. Хотя и досадно было ему думать, что эта прелестная дѣвица не будетъ его невѣстою, но онъ не показалъ нисколько своего неудовольствія и огорченія. Распространяться о предметѣ ея просьбы,—казалось ему,—было бы съ его стороны нескромностью по отношенію къ молодой хозяйкѣ, уже и безъ того смущенной.

Когда Приклонскій уѣхалъ, Лиза вышла на дорогу, въ блюденую рощу, поднялась въ бесѣдку миловиду, изъ которой открывался далекій видъ, и долго смотрѣла вслѣдъ за уносящеюся быстро коляскою, пока облака пыли не сокрыли ее совершенно. Неопредѣленныя думы и мечтанія тѣснились въ ея душѣ. Тонкій крикъ жаворонка въ лазури ясной точно звалъ ее куда-то въ высь, но, ахъ! гдѣ же вы, крылья, на которыхъ мчаться бы высоко надъ землею!

Вечеромъ въ тотъ день Лиза съ восковою свѣчкою, поставленною въ жестяномъ коробкѣ, пошла на рѣчку въ сопровожденіи дѣвокъ, несшихъ за нею огонь. На берегу рѣки Лиза своими руками затеплила свѣчку, и, ставъ на колѣни на мелкій песокъ берега, пустила коробокъ на воду. Поплылъ огонекъ внизъ по рѣчкѣ, мелькая и колыхаясь. Дѣвки съ неменьшимъ волненіемъ слѣдили за нимъ, какъ и ихъ госпожа. Когда огонекъ, не погаснувъ, скрылся за поворотомъ рѣки, дѣвки зарадовались и закричали всѣ вмѣстѣ. А Лиза пошатнулась, и въ глазахъ у нея потемнѣло. Радостная возвращалась она домой, и даже то не тревожило ее, что передъ глазами ея,—слѣдствіе усердной работы надъ вышиваніемъ,—плывутъ фіолетовыя и желтыя пятна, заслоняя предметы.

Digitized by Microsoft ®

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Еще усерднѣе съ того дня стала Лиза вышивать свое покрывало, очень сложный и трудный рисунокъ котораго доставлялъ ей много заботъ и требовалъ напряженнаго вниманія, ни на минуту не ослабѣвающаго. Чтобы соблюсти точность въ частяхъ и гармонію въ цѣломъ, надобно было тщательно подбирать тончайшіе оттѣнки шелковъ. Вотъ когда поняла Лиза, чего стоитъ подневольная работа вышивальщицъ, какъ ноетъ спина, какъ бываютъ натружены глаза. Уже много-много недѣль прошло съ того утра, когда Лиза начала эту работу, а еще весьма изрядный кусокъ оставался.

Однажды въ іюнѣ мѣсяцѣ сказали ей дѣвушки, что въ Заозерьѣ ждутъ барина. Онѣ говорили:

— Сказываютъ, недолго пробудетъ.

— Говорятъ, опять въ чужіе края, на теплыя воды собирается.

И не знали угодливыя дѣвки, какъ надобно говорить о сосѣднемъ баринѣ, заозерскомъ помѣщикѣ, съ почтеніемъ ли или такъ, какъ о господскомъ врагѣ.

Никто не могъ бы описать того волненія, съ которымъ выслушала Лиза эту вѣсть. Одна мысль господствовала въ ней надъ смятеніемъ чувствъ и думъ разнообразныхъ:

„Онъ пріѣдетъ, а моя работа еще не кончена. И уѣдетъ опять нивѣсть куда, и уже, можетъ быть, навсегда, такъ и не увидавъ плодовъ моего великаго усердія“.

Digitized by Microsoft®

Лиза торопилась кончать свою работу. Она сидѣла ночи напролетъ, спала совсѣмъ мало. И вотъ теперь сама она узнала, какъ таетъ міръ въ натруженныхъ глазахъ.

Кончила она вышиваніе однажды подъ утро. Никого не было при ней, всѣ домашніе спали, и только свѣчи, тускло мерцающія въ мутно-палевыхъ лучахъ разсвѣта, были свидѣтельницами тихой радости ея, когда она закрѣпила послѣднюю шелковинку. И эта шелковинка была вишнево-алаго цвѣта, совсѣмъ такого же, какъ и маленькая капля крови, выступившая на нѣжномъ Лизиномъ пальчикѣ, уколотомъ на послѣднемъ стежкѣ заторопившеюся иглою. Спина у Лизы болѣла, въ глазахъ было багряно и туманно, голова кружилась. Спала Лиза тревожно и недолго, и встала, когда еще солнце было невысоко. День казался ей темнымъ, и всѣ предметы плавали въ лилово-багряномъ туманѣ. Она чувствовала большую слабость, и ей казалось, что она скоро умретъ, но ей не жаль было жизни, потому что трудъ ея былъ конченъ.

Въ этотъ день Лиза, первая изъ сосѣдей, узнала о томъ, что Алексѣй пріѣхалъ. Прибылъ онъ въ свою вотчину послѣ полудня, и еще не успѣло солнце опуститься низко, какъ уже Лиза узнала объ его пріѣздѣ. Лушка, сердце которой въ то время было покорено молодымъ заозерскимъ садовникомъ. прибѣжала къ Лизѣ запыхавшись, и сказала:

— Барышня, молодой баринъ Львицынъ, сказываютъ, сейчасъ пріѣхалъ. Да какъ постарѣлъ! Да какъ подурнѣлъ!

Больно забилось Лизино сердце. Она сѣла на стулъ, и, растерянно глядя на изумленную Лушку, повторяла:

— Молчи, глупая, молчи!

Немного оправившись отъ перваго приступа волненія, рожденнаго неожиданностью, поспѣшила Лиза къ только-что оконченному ею вышитому покрывалу. Она приказала развернуть его во всю длину, чтобы еще разъ обозрѣть его передъ отправленіемъ къ Алексѣю. Столпившіяся вкругъ нея дѣвушки ахали и восхищались вышивкою, приговаривая:

— Да и хорошо же вышиванье-то!

Digitized by Microsoft®

— Ну ужъ и искусница барышня-то наша!

— Вотъ-то ужъ золотыя ручки у барышни нашей!

Сама же Лиза смотрѣла на работу, плохо различая отмѣнно красивый узоръ. Очаровательные оттѣнки красокъ смѣшивались въ ея глазахъ въ одно пестрое, переливно-мелькающее пятно. Сложивъ при помощи дѣвокъ покрывало по длинѣ вдвое, Лиза бережно свернула его въ нѣсколько оборотовъ, завернула его въ чистое, тонкое полотно, и осторожно завязала шелковымъ шнуромъ, чтобы въ сохранномъ видѣ отправить его къ Алексѣю. Къ этому подарку присоединила она медъ изъ своихъ ульевъ и своими руками срѣзанные ею цвѣты изъ сада и изъ теплицъ. Кончивъ эти заботы, она сѣла за маменькинъ столъ краснаго дерева съ бронзовыми полосками писать Алексѣю письмо.

Руки ея дрожали, когда она начертывала эти строки, колеблясь между желаніемъ излить свои чувства и страхомъ показаться смѣшною или навязчивою. Къ душевному волненію и нерѣшительности присоединилось еще и то, что слезы текли изъ ея натруженныхъ глазъ, застя свѣтъ заходящаго солнца, буквы прыгали, и строки мѣшались. При этомъ не одно изъ перьевъ, мастерски очиненныхъ для барышни въ конторѣ молодымъ грамотеемъ Тихономъ, сломала она, и не одинъ листъ аглицкой почтовой бумаги, испачканный чернилами, разорвала, прежде чѣмъ письмо было готово. Притомъ и на тонкихъ пальчикахъ Лизиныхъ осталось нѣсколько чернильныхъ пятенъ, отъ чего, впрочемъ, не стали они менѣе красивыми. Лиза писала:

„Милый Алексисъ!

„Я услышала, что Вы пріѣхали въ Заозерье, и минувшіе дни предстали вдругъ предо мною, какъ смутный, но сладостный сонъ. Не сердитесь на то, что я пишу къ Вамъ.

„Въ память былой дружбы нашей примите отъ меня этотъ непышный даръ, покрывало, надъ которымъ блуждали мои бѣдныя руки, мои усталые глаза, мои печальныя мечты. Примите и вспомните ту, которая Васъ никогда не могла забыть. Также взгляните благосклонно на цвѣты, срѣзанные

Digitized by Microsoft ®

мною, и да будетъ Вамъ сладокъ медъ, произведеніе скромнаго хозяйства моего.

„Я буду очень рада, если Вы пріѣдете пообѣдать со мною и взглянуть на то, какъ живу я, горестно осиротѣвшая, такъ внезапно потерявшая любимыхъ родителей. О томъ, какъ мнѣ это было больно, нечего и говорить.

„Впрочемъ, если непріятны Вамъ воспоминанія о дняхъ, для меня незабвенныхъ, то прошу я Васъ не стѣснять себя просьбою моею. Я же воспоминанія о Васъ навсегда замкну въ сердцѣ моемъ, не имѣющемъ иныхъ радостей, кромѣ воспоминаній.

„Отъ всего сердца желающая Вамъ счастія

„Лиза Ворожбинина".

Съ однимъ изъ наиболѣе расторопныхъ и толковыхъ слугъ своихъ послала Лиза это письмо и дары свои сосѣду, какъ привѣтъ новопріѣзжему. Сама вышла на заднее крыльцо смотрѣть, какъ запрягали въ телѣжку сѣрую гладкую лошадку. Сама смотрѣла внимательно, хорошо ли уложены ея дары, не мнутся ли, не сохнутъ ли цвѣты, не льется ли медъ, не трется ли, не гнется ли покрывало. И такъ какъ глаза ея были какъ бы въ туманѣ, то всѣ дары свои тщательно перетрогала она руками, пальцы которыхъ были исколоты ея прилежною иглою. Когда наконецъ телѣжка, гремя окованными желѣзомъ колесами и подпрыгивая на камешкахъ дороги, покатилась со двора, Лиза побѣжала за ворота, какъ рѣзвое дитя, и закричала вдогонку:

— Смотри, Дмитрій, довези все въ сохранности, да письма не потеряй.

На что черноусый Дмитрій, кумиръ всѣхъ деревенскихъ дѣвокъ, только покрутилъ головою и помахалъ кнутомъ, отъ чего лошадка побѣжала еще бойчѣе. Въ одну минуту въ надвигающихся сумеркахъ убѣгающія очертанія телѣжки, сѣдока и лошади слились въ отуманенныхъ Лизиныхъ глазахъ въ одинъ сѣрый мрѣющій комъ. Лиза почувствовала, что глазамъ ея больно. Внезапно уставшая и плачущая, возвратилась она домой, и стала ходить изъ комнаты въ комнату,

Digitized by Microsoft ®

нигдѣ не находя себѣ мѣста и нетерпѣливо поджидая возвращенія Дмитрія. Нетерпѣніе ея возрастало съ каждою минутою, и при наступленіи темноты ночной была уже она какъ сама не своя. Старая нянька пыталась утѣшить ее. Говорила:

— О чемъ слезы ронишь, Лизанька? Холостъ, не женатъ вернулся,—видно, тебя не забылъ.

— Ахъ, забылъ! Ахъ, забылъ!—ломая руки, повторяла Лиза.—Вонъ изъ глазъ, вонъ изъ памяти.

Что же дѣлалъ межъ тѣмъ Алексѣй?

Проживъ два года въ Германіи, онъ вернулся въ Россію, и поселился въ Петербургѣ. Состояніе позволяло ему не поступать на государственную службу, гдѣ пришлось бы ему, несомнѣнно, дѣйствовать не всегда согласно съ его убѣжденіями и склонностями. Онъ жилъ свободно, то предаваясь свѣтскому разсѣянію, то вдругъ затворяясь отъ самыхъ близкихъ друзей и погружаясь въ свои книги и бумаги. Знакомые считали его отчасти чудакомъ, но извиняли это за его отмѣнную со всѣми любезность, а также и по причинѣ тѣхъ небольшихъ одолженій и услугъ, которыя человѣкъ со средствами всегда можетъ оказывать своимъ пріятелямъ, и которыя Алексѣй оказывалъ имъ весьма охотно.

Во всѣ эти годы образъ Лизы всегда владычествовалъ надъ душою Алексѣя. Порою доходили до него кое-какія вѣсти о Лизѣ,—такъ, зналъ онъ, что она отказываетъ всѣмъ искателямъ ея руки. Много разъ порывался Алексѣй поѣхать въ свою деревню, чтобы имѣть возможность еще разъ взглянуть на милое лицо. Но что-то удерживало его. Недавно Алексѣй на обѣдѣ у однихъ своихъ знакомыхъ, проводящихъ лѣто на Каменномъ Островѣ, встрѣтилъ полковника Приклонскаго. Здѣсь отъ полковника Алексѣй услышалъ, переданныя ему со свѣтскою легкостью, слова Лизы о будто бы вышиваемомъ ею покрывалѣ. Въ словахъ этихъ почудилась Алексѣю злая насмѣшка надъ нимъ. Казалось ему, что Лиза

Digitized by Microsoft®

не безъ дурного намѣренія просила передать ему извѣстіе относительно предмета, подобнаго тому, изъ-за котораго они разссорились: конечно, думалъ онъ, Лиза хочетъ показать ему, что словамъ его не придаетъ значенія, и что попрежнему ея крѣпостныя дѣвушки тратятъ зрѣніе надъ вышивками.

Потомъ, уже дома, размышляя объ этомъ, онъ вспомнилъ, что полковникъ говорилъ ему, будто Лиза вышиваетъ покрывало собственными руками. Но сообразивъ, что и самъ онъ иногда заставалъ Лизу за пяльцами, причемъ вышиваемый ею узоръ мало подвигался къ окончанію, онъ объяснилъ себѣ эти слова тѣмъ, что Лиза, для разсѣянія скуки, приходитъ иногда въ дѣвичью и дѣлаетъ нѣсколько небрежныхъ стежковъ, едва ли украшенію общаго способствующихъ, несравнимо же бо̀льшую часть работы дѣлаютъ дѣвушки. Такимъ образомъ укрѣпился онъ въ дурномъ мнѣніи о Лизѣ. Но—странная непослѣдовательность влюбленныхъ!—именно это рѣшило его намѣреніе ѣхать въ Заозерье. Впрочемъ, надобно сказать, что Алексѣй не думалъ опредѣленно о свиданіи съ Лизою. Не только въ разговорахъ съ друзьями, но и передъ самимъ собою поѣздку свою Алексѣй объяснялъ тѣмъ, что надобно же ему посмотрѣть свое имѣніе и провѣрить, управляется ли оно хорошо, и не чинятся ли крестьянамъ и дворовымъ обиды и утѣсненія.

Дороги были то хороши, то плохи. Ямщики, поощряемые щедрыми подачками на чай, везли быстро. Станціонные смотрители были по большей части внимательны къ проѣзжему, изысканная одежда котораго и тонкость манеръ заставляли предполагать въ немъ особу высшаго общества. Дорожныя встрѣчи и бесѣды на мѣстахъ ночлеговъ бы̀вали нерѣдко занятными. Словомъ, Алексѣй довольно быстро и не безъ пріятности доѣхалъ до своего имѣнія. Видъ съ дѣтства знакомыхъ мѣстъ оживилъ въ Алексѣѣ всѣ его прежнія чувствованія, мечтанія, ожиданія и надежды, и сердце его забилось, когда онъ съ вершины ближняго холма увидѣлъ крестъ надъ сельскимъ храмомъ въ Ворожбининѣ, куда онъ ходилъ еще ребенкомъ.

Digitized by Microsoft®

Все въ домѣ засталъ Алексѣй въ полномъ порядкѣ, и потому не видѣлъ себя вынужденнымъ немедленно вникать въ дѣла хозяйства. А потому пришедшихъ къ нему съ докладами отправилъ онъ, сказавъ:

— Позову на-дняхъ, когда отдохну съ дороги.

Digitized by Microsoft®

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Лѣто стояло такое же очаровательное, какъ и въ тотъ памятный годъ. Когда стемнѣло и надъ изумрудною зеленью луговъ поднялся бѣлый туманъ, въ которомъ разливался неясный, млечный свѣтъ только-что взошедшей луны, Алексѣй вышелъ изъ дому и долго ходилъ одинъ надъ ручейкомъ, отдѣляющимъ его владѣнія отъ полей Ворожбининскихъ. Взоры его обращены были въ ту сторону, гдѣ пережилъ онъ столько разнообразныхъ чувствованій, радостныхъ и печальныхъ.

Во время этой его прогулки пріѣхалъ въ господскую усадьбу въ Заозерье Дмитрій съ дарами своей барыщни. Въ пріятельской бесѣдѣ съ дворовыми Заозерскими, не отходя, однако, отъ телѣжки съ дарами, провелъ онъ болѣе часа. Наконецъ, когда баринъ вернулся съ прогулки, Дмитрій былъ допущенъ въ барскій домъ, передалъ въ собственныя руки Алексѣя дары и письмо, и, стоя почтительно, ждалъ, будетъ ли отвѣтъ. Принявъ дары и подаривши Дмитрію серебряный рубль на водку, Алексѣй приказалъ ему ждать отвѣта, и удалился въ свой кабинетъ прочесть Лизино письмо и написать отвѣтъ.

Долго сидѣлъ Алексѣй, предаваясь грустнымъ размышленіямъ. Наконецъ, рѣшивъ, что полученное имъ письмо продиктовано притворствомъ и тщеславнымъ намѣреніемъ уви-

Digitized by Microsoft®

дѣть у своихъ ногъ отвергнувшаго ее нѣкогда поклонника, онъ почувствовалъ въ душѣ своей ожесточеніе, и написалъ:

„Милостивая Государыня,

Елизавета Николаевна!

„Я глубоко признателенъ Вамъ за подарокъ Вашъ, вѣрное свидѣтельство отмѣннаго умѣнія Вашего управлять вещами и людьми. Располагая уѣхать отсюда вскорѣ, не знаю, буду ли имѣть возможность воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ Вашимъ, за которое приношу Вамъ мою нижайшую благодарность.

„Впрочемъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ покорнѣйшій слуга Вашъ

„А. Львицынъ."

Съ трудомъ, при свѣчахъ, прочитавши холодный отвѣтъ Алексѣя, Лиза долго плакала навзрыдъ. Сонъ не приходилъ къ ней, и она бы такъ и не ложилась въ постель, если бы Лушка и Степанида, по приказу старой няньки, не отвели ее въ спальню, гдѣ, почти безчувственную отъ жестокой печали, раздѣли и уложили ее. Но весь ночной отдыхъ ея состоялъ лишь въ томъ, что она въ тягостномъ полузабытьи то одною, то другою стороною вверхъ переворачивала подушку, безпрестанно увлажняемую слезами.

Утромъ встала она рано, и пошла къ ручью, раздѣлявшему ея владѣнія отъ Заозерья. Теплилась въ сердцѣ ея слабая надежда на то, что, быть можетъ, встрѣтитъ она Алексѣя и скажетъ ему, хотя бы и въ послѣдній разъ, про свою любовь. Утро взошло прохладное, росистое и многоцвѣтное, но Лиза мало что̀ различала, словно очертанія и цвѣта предметовъ скрадывались отъ ея взора паденіемъ великаго дождя. Лизѣ казалось, что міръ зыблется въ ея глазахъ. Лизины глаза краснѣли, — отъ вѣтра, вѣющаго ей навстрѣчу? отъ пролитыхъ въ изобиліи слезъ? отъ усталости? Образъ ослѣпшей Марфушки сталъ въ ея воображеніи. Сердце ея сжалось. Лиза думала печально:

Digitized by Microsoft ®

„Ослѣпну и я. Ну, что-жъ! Развѣ мы не видимъ лучше глазами души, чѣмъ глазами тѣла?“

Вотъ и мостикъ, перекинутый черезъ пограничный ручеекъ. Здѣсь столько разъ встрѣчались Лиза и Алексѣй! Не однажды, опираясь на тонкія перила моста, изъ молодыхъ березокъ срубленныя, прислушивались они къ мелодичному журчанію водныхъ струй, перебѣгающихъ съ камешка на камешекъ по неровному, извилистому руслу, окруженному живописными холмами и осѣненному раскидистыми деревьями. Лиза быстро пробѣжала по мостику, и ступила на землю, принадлежащую ея милому. Она стояла тамъ, объятая неизъяснимымъ волненіемъ, не смѣя итти впередъ, не рѣшаясь вернуться. Вдругъ ее испугалъ раздавшійся гдѣ-то незнакомый мужской голосъ, выкрикивавшій слова, разобрать которыя за отдаленіемъ было невозможно. Лиза поспѣшно побѣжала обратно. На другой сторонѣ она остановилась, чувствуя здѣсь себя спокойнѣе.

„Здѣсь я у себя, — подумала она, — но и тамъ, глупая, чего же мнѣ бояться!“

Лиза сѣла на большой обомшалый камень, издавна лежавшій невдалекѣ отъ входа на мостъ. Она думала:

„Неужели Алексисъ не придетъ сюда въ этотъ ранній часъ, въ который нѣкогда мы съ нимъ на этомъ мѣстѣ встрѣчались?“

Долго сидѣла она въ ожиданіи, наконецъ рѣшила, что уже, видно, Алексѣй не придетъ. Она, вздохнувъ печально, уже собиралась уходить. Туманнымъ взоромъ окинула она окрестность, и уже оперлась о камень рукою, чтобы встать, какъ вдругъ услышала она невнятный шорохъ въ кустахъ и вслѣдъ затѣмъ шаги на спускающейся къ ручью дорожкѣ. Не смѣя ни на что надѣяться, Лиза подняла глаза.

Черезъ мостъ тихо шелъ, погруженный въ глубокую задумчивость, Алексѣй. Онъ вспоминалъ минувшее, и не думалъ въ ту минуту, что переходитъ черезъ границу владѣній своихъ и готовится ступить на землю, которой нога его не касалась уже пять лѣтъ. Взоръ его невнимательно скольз-

Digitized by Microsoft®

нулъ по простому одѣянію Лизы. Алексѣй принялъ ее почему-то за одну изъ поповенъ ближняго села. Поклонясь ей привѣтливо, онъ уже готовился пройти мимо, когда знакомый голосъ, проникшій до глубины его души, внезапно остановилъ его, и заставилъ всмотрѣться въ сидѣвшую на камнѣ дѣвушку. Лиза узнала его,—ахъ! глазами души болѣе, чѣмъ глазами тѣла. Развѣ не различила бы она и въ глубокой ночи его походки!

Лиза встала, и поспѣшно пошла навстрѣчу Алексѣю. Сердце ея сильно билось. Передъ нею плылъ багряный туманъ, сквозь который только лицо Алексѣя различала она, только на одно это лицо хотѣла она смотрѣть. Алексѣй глядѣлъ на нее съ изумленіемъ и съ невольною нѣжностью. Вмѣсто легкомысленной, веселой шалуньи и своевольницы, какою помнилъ онъ Лизу и какою онъ еще вчера воображалъ ее, разсматривая ея подарки, стояла теперь передъ нимъ, съ глазами, полными слезъ, стройная, печальная дѣвушка, лицо которой было неизъяснимо трогательно и прекрасно. Они стояли другъ противъ друга, и обмѣнивались первыми словами принужденнаго разговора. Поблагодаривъ Лизу за вчерашніе подарки, Алексѣй сказалъ печально:

— Вышиваніе превосходно, и весьма лестенъ, но не утѣшенъ мнѣ сей вашъ, Елизавета Николаевна, насмѣшливый подарокъ.

— Но неужели думаете вы, Алексисъ,—спросила Лиза,—что я въ насмѣшку послала вамъ эту работу?

Она съ трудомъ удерживала готовыя уже пролиться слезы. Алексѣй говорилъ:

— Вышивали его, безсомнѣнно, отмѣнно искусныя мастерицы, лучшія изъ тѣхъ, коими вотчина ваша на всю округу издавна славится.

Лиза, улыбнувшись сквозь слезъ, отъ чего стала вдвое милѣе, отвѣчала:

— Вышивала одна, изрядно усердная, да ужъ не знаю, сколь искусная.

Digitized by Microsoft®

— И все такъ же несчастныя дѣвушки слѣпнутъ надъ работою? — внезапно вспыхнувъ, спросилъ Алексѣй.

Лиза воскликнула горестно:

— Я сама вышивала! Все покрывало своими руками вышила.

И она заплакала наконецъ. Съ удивленіемъ воскликнулъ Алексѣй:

— Не можетъ быть! Сколько же лѣтъ надобно было надъ нимъ сидѣть! Лиза, что̀ вы говорите!

Лиза плакала и говорила:

— Взгляните, Алексисъ, на мои пальцы, они исколоты иглою.

Прямо въ глаза Алексѣю посмотрѣла Лиза, и голосомъ ангельской кротости сказала:

— Взгляните на мои глаза, они красны отъ работы, и еще болѣе отъ многихъ слезъ, отъ безсонныхъ ночей, въ трудѣ и въ печали проведенныхъ мною.

Алексѣй всмотрѣлся. Слезы подступили къ его глазамъ. Онъ осыпалъ Лизины руки поцѣлуями. Нѣжность, любовь, сожалѣніе, раскаяніе, радость,—всѣ эти разнородныя чувства одновременно возникали и сплетались въ его душѣ. Обнявъ Лизу нѣжно, онъ говорилъ:

— Ангелъ Лиза! Ты страдаешь! Ты, мое безцѣнное сокровище!

Лиза, прижимаясь головою къ его груди, отвѣчала ему:

— Меня тревожила только мысль быть вами окончательно позабытою. Я всѣ слова, всѣ рѣчи ваши сложила въ своемъ сердцѣ, и жила единственно только для того, чтобы стать достойною васъ. Нынѣ уже я не та, что̀ была прежде; тогда я глядѣла на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Нынѣ свѣтъ меркнетъ въ моихъ глазахъ, и я умереть готова, но глаза души моей открыты для невечерняго свѣта Правды, и душа моя радостна, потому что я знаю,— вы простите мнѣ мою дѣтскую злость и все мое бѣдное неразуміе.

Сердце ея трепетало отъ радости и отъ печали. Она такъ

Digitized by Microsoft®

плакала, точно вся душа ея растворялась въ слезахъ. И съ ея слезами чувствительный Алексѣй смѣшалъ свои, столь же горестныя, сколь и сладостныя ему слезы. Примиреніе было равно радостно для обоихъ.

Черезъ двѣ недѣли въ храмѣ села Ворожбинина, передъ тѣмъ самымъ алтаремъ, предъ которымъ еще дѣтскія возносились ихъ молитвы къ престолу Всевышняго, передъ которымъ молились, причащались, вѣнчались и были отпѣваемы родители ихъ и предки, повѣнчались Алексѣй и Лиза, давъ другъ другу обѣтъ вѣрности, неизмѣнной до гроба. Такъ, претерпѣвъ испытанія, какъ нѣкогда Гризельда, достигла Лиза счастія, которымъ наслаждалась безмятежно до конца своихъ дней, имѣвъ утѣшеніе на склонѣ жизни разсказывать эту исторію въ назиданіе своимъ внукамъ и правнукамъ.

Въ первое время боялись, что Лиза ослѣпнетъ. Но не ложно говорится, что счастіе есть наилучшій врачеватель всѣхъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Глаза Лизины скоро отдохнули, довольно ясное зрѣніе вернулось къ нимъ, хотя уже дальніе предметы она различала не столь хорошо, какъ раньше.

1912 — 1913.

Digitized by Microsoft ®

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

КУЗОВОКЪ.

Вещь темная.

ЗА КРѢПКОЙ ЦѢПЬЮ.

Вотъ и опять я на вышкѣ затворился подъ трубою дымной и копотной, туго наложилъ цѣпь на мою сѣнную дверь: кому надо, знаетъ, а кому такъ, пусть шатунъ на меня не посердится.

Моли-то развелось! Летитъ по комнатѣ, какъ бабочка, въ пору хоть сосѣда звать! А есть сосѣдъ у насъ, кумъ мой, добрѣйшей души, моли въ дому никакъ у себя не травитъ, не выводитъ и злыя яйца ея червяковыя, и варомъ не варитъ и не прыскаетъ и не душитъ ничѣмъ, а обзавелся сачкомъ, да картузъ завелъ себѣ съ козырькомъ зеленымъ, и какъ со службы придетъ, пообѣдаетъ и первымъ дѣломъ—картузишко этотъ на голову, сачекъ въ руку, и до поту ловитъ моль сачкомъ, что бабочку. Шутникъ одинъ сулилъ ему: „Набери,—говоритъ,—тысячу, будетъ тебѣ ваза съ китайцами!“ А ему, куму-то, добрѣйшей души, охота страсть, чтобы бесѣдки были китайскія на вазѣ написаны, ну, и трудится, и какое терпѣніе: всякую молинку на тоненькую булавочку понасадитъ и у всякой крылышки ея тлиныя расправитъ, въ лётѣ будто моль есть.

Нѣтъ, не позову я и кума, сосѣда моего, правду скажу, въ жизнь отъ него я себѣ не видѣлъ зла, вмѣстѣ и самоваровъ много повыпили, и отъ писанія бесѣдовали, и о построеніи новаго града передавалъ онъ мнѣ свое завѣтное

Digitized by Microsoft®

заповѣдное провѣдываніе и хитрое, и въ немощи не разъ посѣщалъ меня, нѣтъ, останусь-ка, посижу я одинъ, и пусть моль летитъ, не помѣха мнѣ.

Оглянулъ я мою комнату,—все по старому, по прежнему, на бѣлой стѣнкѣ образа стоятъ старые, родительскіе. Я поправилъ вербу за образомъ, затеплилъ лампадку, постоялъ, подумалъ...

Между оконъ по стѣнѣ игрушки, живыя на меня смотрѣли игрушки, и какія важныя!—заяцъ ухо оттопыривалъ, лютый звѣрь ершилъ свои сѣдыя брови, а лисица носомъ такъ и крутила своимъ лисьимъ, однѣ ноздри чернѣлись,—о, лисъ хитрый, и умнѣйшую птицу одурачилъ, а меня и Богъ велѣлъ!

— Мы тебѣ не докука, мы тебя всѣ ожидали!—голосомъ заговорили ко мнѣ игрушки.

— Милыя игрушки мои, чудаки чудаковые, спасибо вамъ! А чѣмъ же мы нашъ вечеръ скоротаемъ, нынче намъ никто не помѣшаетъ! Или разсказать вамъ, куда носилъ меня вѣтеръ, кого встрѣчалъ по дорогѣ, и что̀ я думалъ и какія бѣды были и не-бѣды были, я съ вами хочу побыть, игрушки.

— А мы тебѣ кузовокъ набрали, — голосомъ сказали игрушки.

И куринасъ-звѣрь, легкій и быстрый, у нихъ мудрецъ первый, подаетъ мнѣ въ лапкахъ кузовокъ полный:

— Это тебѣ на сонъ грядущій.

Потрепалъ я куринаса, его шаршавую лапку погладилъ,—ой, какой онъ престрашный!—поставилъ кузовокъ на столъ, ну, ладно, будемъ разбирать, что тутъ такое...

Digitized by Microsoft®

1.

КОНЬ-ИГРЕНЬ.

Мчится конь-игрень огромадный, бѣгъ его такъ быстръ и летучъ—не разгибаются, подогнуты колѣни, квадратомъ шея, хвостъ трубой, мчится конь, злая лошадь. Со страху я присѣлъ за дерево, смотрю.

И конь промчался.

На лугу пасется стадо, посреди стада быкъ стоитъ: рога его до неба, и голова и грудь покрыли поле, а задняя часть, хвостъ и ноги маленькія, такъ ножки. И вижу я, бросился конь на быка, и они долго бились, и конь не могъ одолѣть быка.

И еще летче помчался конь.

Вхожу я въ озеро. Не тихо озеро, вода колеблется. Тина, водоросли, лягушки, высокая осока,—едва до берега добрался. И вижу я, мчится конь, обѣжалъ конь озеро, и мчится и прямо на меня.

И вдругъ конь обратился въ великана, и великанъ ужасный сталъ передо мной.

Я вынулъ изъ кармана игрушечный маленькій паровозъ и выстрѣлилъ, какъ изъ пистолета, въ великана.

И ушелъ великанъ въ землю до самыхъ глазъ—только половина глазъ видна была изъ-подъ земли. И я видѣлъ,

Digitized by Microsoft®

какъ по каменной лѣстницѣ вышли изъ озера семеро: и лица ихъ были суровы и сами они сухи и крѣпки и бѣлы, какъ рыбья кость. Они подошли къ великану, плотно кольцомъ окружили великана, и не знаю, вытащить ли его изъподъ земли хотѣли, или мѣтили и совсѣмъ заколотить его въ землю.

Семеро въ одинъ голосъ сказали...

Digitized by Microsoft®

2.

ЖАРЕНЫЙ ЛЕВЪ.

Убѣгалъ я отъ львовъ, ихъ цѣлая стая гналась за мной, а за львами народъ бѣжалъ съ вилами: хотѣли львовъ поймать. Я бѣгу, а самъ думаю, ужъ теперь-то мнѣ конецъ пришелъ! А львы погоню почуяли, да кто куда—всѣ разбѣжались, и остался всего одинъ левъ.

И вотъ нагнали льва,—и небывалое дѣло: зацѣпятъ вилами, а сдерется не кожа, навозъ отпадаетъ! Бились, бились, да какъ набросятся грудой,—и кончили льва.

А когда вилами зацѣпили льву голову, оказалось, что левъ—жареный.

Digitized by Microsoft®

3.

ПО МОРЮ, ПО ЦВѢТАМЪ БѢЛЫМЪ.

По морю плыли мы на пароходѣ. И чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ море все мельчало, и совсѣмъ ушло.

Пересѣли мы въ экипажи и поѣхали по дну. Ѣдемъ,—все цвѣты по дорогѣ. И чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ гуще цвѣты, все дно покрыто, цвѣты безъ стеблей бѣлые. И я вижу, вдали синѣетъ море—большія волны, и видно, какъ море все ближе, море ужъ близко,—между цвѣтами бѣжитъ вода.

Тогда на экипажи поставили мачты и мы полѣзли на мачты.

Digitized by Microsoft®

4.

ЦЕРКОВКА-КОРОБОЧКА.

Въ какомъ-то изъ старыхъ нашихъ русскихъ городовъ... Я вхожу въ церковь за службу, народу много. А у стѣны съ лѣсовъ—обновляютъ церковь—хвастаетъ маляръ:

— Смотрите, — говоритъ,—какъ я икону пишу, а отецъ мой еще и лучше писалъ!

Заломилъ я голову, пялю глаза, а ничего не видно, только маляра вижу,—рыжій, веснусчатый такой, и я полѣзъ на колокольню.

А на колокольнѣ подъ колоколами все коробочки лежатъ,—много ихъ всякихъ коробочекъ, и одна такая коробочка—въ ней тридцать коробочекъ, какъ соты, такія маленькія граненыя, и на крышкѣ у коробочки церковка нарисована.

Разсматриваю я церковку—старая, старая такая, наша. И вдругъ все разрушилось,—распались стѣнки, стиснулось донышко и соскочила церковка, стала трухлявой и сдунулась пепломъ.

Digitized by Microsoft ®

5.

ПЕСОЧНОЕ СУКНО.

Все по какимъ-то горамъ мы ѣздили въ высокихъ тяжелыхъ телѣгахъ, полны телѣги краснымъ пескомъ насыпаны. Везли мы песокъ къ деревнѣ. А у околицы насъ бабы встрѣчаютъ:

— Это,—говорятъ,—изъ этого песку мы сукно ткемъ!

6.

ЗАБЛУДНЫЙ ПОПЪ.

Полемъ я шелъ, на горизонтѣ безлучно въ туманѣ, какъ огромный мѣдный быкъ, стояло солнце. И увидѣлъ я, на дорогѣ часовенка, такая ветхая, погнулась вся.

Идетъ мнѣ навстрѣчу какой-то, сразу и не разобрать кто,—попъ, думаю, батюшка. И даю ему свѣчей.

— Вотъ,—говорю,—батюшка, купилъ я свѣчи, поставьте о здравіи.

А онъ взялъ мои свѣчи, да всѣ о колѣнку и переломалъ, и ставитъ какіе-то подсвѣчники маленькіе, круглые. И тутъ я замѣчаю, что сижу я на крышѣ, на часовенкѣ, и попъ со мной тоже на крышѣ, и попъ совсѣмъ голый. И вижу я, какъ двѣ женщины спускаются по лѣстницѣ съ крыши.

Попъ подмигнулъ, волосатый такой, грязный:

— Блудницы идутъ!—и весь багровый, затрясся.

А на горизонтѣ безлучно, какъ огромный мѣдный быкъ, стояло солнце.

Digitized by Microsoft ®

7.

ПСО-КУРЪ.

Сидѣлъ я въ гостяхъ у моей тетки, дома ея самой не было, однѣ двоюродныя мои сестры. И вотъ открывается дверь и входятъ какіе-то черноволосые, черные, пять человѣкъ, а лица синія у нихъ, и я понимаю, что они за мной пришли, а самъ говорю:

— Тетки дома нѣтъ.

— Мы ее дождемся!—говорятъ черные—лица синія, и такъ разсаживаются по комнатѣ, чтобы мнѣ ходъ загородить.

А я себѣ тихонько другой дверью и вышелъ изъ дому, бѣгу въ садъ. Смотрю, а въ саду капельмейстеръ на лавочкѣ сидитъ. Ну, слава Богу!—я къ нему, подсаживаюсь на лавочку.

И вотъ откуда ни возьмись курица, курица самая настоящая, а голова песья,—и хочетъ песъ на колѣни ко мнѣ вскочить, а курица не даетъ, скользитъ, лапками отбивается.

Я всталъ и пошелъ садомъ, иду по дорожкѣ, не весело думаю. И выскочили на меня изъ-за кустовъ двѣ свиньи, такъ навстрѣчу мнѣ и бросились, прижались мордами къ землѣ, какъ собаки, когда собаки играютъ. И я безъ оглядки пустился бѣжать.

Digitized by Microsoft®

8.

ТРИ УТОПЛЕННИКА.

На берегу три утопленника, только-что изъ воды ихъ выловили, съ открытыми глазами, синіе. А надъ утопленниками мать моя молится. И подходитъ къ намъ какой-то красный весь, видно, боится, страшно ему, вынимаетъ перочинный ножикъ, потомъ закурилъ папироску, нагнулся и ножомъ глаза сталъ у утопленниковъ подрѣзывать. И одному подрѣзалъ, и у того закрылись вѣки. Такъ и покончилъ.

А я ему платокъ надушенный подаю, — не беретъ, и опять за свое принялся: и другому и третьему утопленнику подрѣзалъ глаза, и вѣки закрылись у нихъ.

И вдругъ поблѣднѣлъ весь, отошелъ въ сторонку...

Digitized by Microsoft®

9.

ВПОТЬМАХЪ.

Въ комнатѣ ночью электричество горитъ. Мы сидимъ съ сестрой въ нашей комнатѣ, и кромѣ насъ двоихъ нѣтъ никого въ комнатѣ. И одинокость и тоска одинокости давятъ насъ: вотъ мы вдвоемъ, мы—такіе, она и я!

И вдругъ электричество погасло. И стала такая тьма въ комнатѣ, совсѣмъ темно. Молча сидѣли мы въ комнатѣ одни впотьмахъ, и только чуть-чуть свѣтъ съ улицы намѣчалъ окно.

Я окликнулъ ее, но отвѣта нѣтъ. И ужъ кричу ей, зову, а отвѣта нѣтъ. Нѣтъ мнѣ отвѣта, и я схватилъ ее за плечо, и тотчасъ отдернулъ руку: я почувствовалъ ясно, что она не слышитъ моихъ рукъ. И ужъ не зналъ, дѣлать мнѣ что̀, я со стула на полъ стащилъ ее, и одна мысль, только бы оживить, только бы спасти! И я приподнялъ ее за плечи, крѣпко такъ стиснулъ, да головой ее объ полъ, такъ объ полъ разъ за разомъ. А на сердцѣ морозъ.

Digitized by Microsoft ®

10.

ПРОСТОКВАША.

Я въ любимомъ моемъ Нюрнбергѣ. Я по всѣмъ по ихъ церквамъ походилъ и въ ихъ источникъ золотой изъ кружки воду капалъ—на седьмой каплѣ до дна досталъ! И заскучалъ смертельно, очень мнѣ домой захотѣлось, въ Россію. Сѣлъ я на дерево, чтобы ѣхать, а дерево подломилось, и я очутился въ кровати.

И упалъ мой кошелекъ съ деньгами. И не могу я поднять его и говорю:

— Подымите, пожалуйста!

А мнѣ отвѣчаютъ:

— Мы еще посмотримъ, что̀ тамъ у васъ, — и подаютъ вмѣсто кошелька простоквашу.

Я взялъ банку съ простоквашей и одно себѣ думаю: „Экіе жулики!“—а сказать ничего не могу.

Digitized by Microsoft®

11.

ТУФЕЛЬНИКЪ.

Когда бы я ни проснулся, всякое утро онъ сидитъ въ моей туфлѣ: въ родѣ онъ крысы, только на немъ шерсти нѣтъ, одни волосики по голому, да рѣдкіе и длинные. Проснулся я, а онъ такъ и бѣгаетъ, да скоро такъ—то въ одну сторону и назадъ, то наискокъ какъ-то, очень забезпокоился: видитъ, проснулся я, а туфли нѣтъ, сидѣть-то ему негдѣ.

И ужъ не знаю я, какъ мнѣ разстаться съ нимъ, нѣтъ, не продамъ я его,—а нашелся одинъ, тотъ же сосѣдъ мой, кумъ, пріятель, проситъ продать его. Ну и какъ же разстаться намъ: вотъ, наконецъ, отыскалъ онъ туфлю, вотъ онъ усѣлся, сидитъ и смотритъ — караулитъ меня, мои утреннія горькія думы, облѣзлый весь, жалкій съ рѣдкими длинными волосками, такой мой, жалкій!

И вдругъ я понялъ, что кумъ-то, пріятель, скоро съ ума сойдетъ.

Digitized by Microsoft®

12.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Я шатался гдѣ-то въ Парижѣ на какомъ-то гуляньѣ, надоѣло мнѣ, и пошелъ я домой. А шелъ я по досчатому мосту черезъ рѣку — рѣка бурливая, Мста-рѣка, не Сена, и мостъ безъ перилъ. И до конца прошелъ я мостъ, но почему-то повернулъ назадъ. И еще было страшнѣе итти: не Мста-рѣка бурливая, самъ Океанъ лапландскій—волны такъ и хлещутъ, а ноги скользятъ, вотъ-вотъ сковырнешься въ воду. Такъ съ грѣхомъ пополамъ я прошелъ весь мостъ и вышелъ къ крутой горѣ.

На горѣ соборъ бѣлый стоитъ, а внизу, подъ горой, камни навалены огромные, бѣлые, камень на камнѣ, и тутъ же рабочихъ много: кто съ молоткомъ, кто съ долотомъ. И слышу, одинъ бородатый заговорилъ по-русски. И я подумалъ:

„Въ Парижѣ нынче и каменьщикъ русскій!“

Digitized by Microsoft®

13.

ПТИЧКА.

Прилегъ я на диванъ и вижу, около книжныхъ полокъ птичка вьется. Я такъ ей обрадовался и говорю:

— Здравствуй, моя птиченька!—тянусь рукой, ловлю.

И поймалъ, — такая горячая, и носикомъ дергаетъ такъ, словно ищетъ, и сердечко стучитъ. Да порхъ!—выпорхнула птичка и прямо въ окошко.

Я поднялся съ дивана къ шкапу—шкапъ рядомъ, у окна, и вотъ точно толкнулъ меня кто, я обернулся, а тамъ, на диванѣ, гдѣ лежалъ я, дыра чернѣется, я—къ дырѣ, нагнулся посмотрѣть и въ дыру полетѣлъ.

Digitized by Microsoft®

14.

ПО ЛѢСТНИЦѢ.

Въ новый неизвѣстный мнѣ городъ трясусь я съ чемоданами на извозчикѣ. Говорили, будто очень близко, совсѣмъ тутъ, рукой подать, а оказалось, сколько ни ѣду, а города нѣтъ. И подъѣхали мы, наконецъ, къ рѣкѣ и извозчикъ мой остановился, дальше ѣхать не хочетъ. А городъ тамъ, за рѣкою, и хочешь-не-хочешь, а перебираться надо. Вывалилъ извозчикъ чемоданы, а самъ уѣхалъ. И остался я съ моей тяжелой кладью одинъ на волю Божью.

Моста никакого, а стоятъ стремянки-лѣстницы по-парно, одна къ другой спинкой: по одной лѣстницѣ подымайся, а съ другой спустишься и опять подымайся, пока не пройдешь всю рѣку. И это бы ничего, помириться можно, да между лѣстницами провалъ, — и какъ взберешься, изволь прыгать, перепрыгнешь, и тогда ужъ спускайся. И это бы куда ни шло, будь я одинъ, одному кое-какъ еще можно, а вѣдь у меня на рукахъ вотъ сколько—чемодановъ этихъ! И все-таки перебираться черезъ рѣку я долженъ и вотъ я лѣзу и прыгаю: перепрыгну, переведу духъ и спускаюсь и снова лѣзу и снова прыгаю...

А рѣка, какъ подъ Костромою Волга, широкая.

Digitized by Microsoft®

15.

НЕ-Я.

И опять я лежу на диванѣ, но ужъ въ столовой: диванъ очень широкій и никакой обивки, прямо доски однѣ. Я лежу на диванѣ на самомъ кончикѣ на правомъ боку спиною къ стѣнѣ, а за мной еще кто-то лежитъ, я его не вижу, обернуться боюсь, и онъ не теплый и не холодный, онъ только очень большой, а зовутъ н е - я.

— Не-я!—это онъ дышетъ мнѣ въ уши,—не-я!

И я вижу, какъ на потолкѣ появляются огненные шары, и слѣжу, что̀ будетъ. А шары подержались подъ потолкомъ, подрожали и пустились летать по комнатѣ. И я извелся весь, слѣдя за ними, а ихъ все больше надувалось подъ потолкомъ и, продрожавъ сколько, они срывались и летали по комнатѣ.

Потомъ всѣ до одного шары померкли и въ комнату вошелъ какой-то, я не знаю, кто, и какъ вошелъ онъ, и прямо за обои — у обѣденнаго стола куски обоевъ лежали, оклеивать столовую собирались, голубые такіе обои—и этотъ самый ихъ ѣсть сталъ и всѣ съѣлъ и, какіе обрывышки валялись, все подобралъ чисто. А я на пруду очутился, — тамъ снѣгъ лежитъ, бѣлый, глубокій, а изъ-подъ снѣга кусты барбариса, и на кустахъ большія барбарисныя вѣточки висятъ.

И говоритъ кто-то, дуетъ мнѣ въ уши, называетъ улицу сосѣднюю и домъ...

— № 6 кв. 10. Не-я.

Digitized by Microsoft®

16.

У ХВОСТА ЛОШАДИНАГО.

Купилъ я себѣ почтовой бумаги въ Гостинномъ, а конвертовъ забылъ.

„Вернуться, — думаю, — надо, а то у насъ всѣ конверты вышли, писать не на чемъ!“

Подходитъ нищій—голова круглая и безъ волосъ, а вмѣсто ушей тоненькія красныя ручки торчатъ. Я къ магазину назадъ, а магазина-то и не найти, не могу я магазина найти, да и только. И наѣхала на меня лошадь—телѣжка, камни да песокъ возятъ въ которыхъ, я скорѣе за край ухватился,— ну, думаю, продержусь какъ-нибудь!—а тутъ и еще старуха, какъ я, подмятая, старуха какая-то тоже цапается.

И опрокинулась телѣжка, и очутился я у хвоста.

— Бога ради! — кричу, — остановитесь! — и отъ перепуга перевертываюсь и ужъ терпѣливо тащусь, за хвостомъ слѣжу.

И долго такъ ѣхалъ и наконецъ-то, наконецъ стала лошадь.

И что же: обыкновенный извозчикъ, а я въ пролеткѣ сижу, и вокругъ меня все свертки, такъ горой навалены, — извозчикъ-то, оказалось, заснулъ и лошадь по волѣ ѣхала.

Digitized by Microsoft®

17.

ДОМОВЫЕ.

У писателя Б., нашего поэта петербургскаго, квартира въ пять комнатъ, и двѣ изъ нихъ заперты, потому что туда мебели не хватило. А изъ остальныхъ двѣ комнаты, каждая, не меньше залы Дворянскаго собранія, — обои розовые, въ одномъ мѣстѣ оторванъ цѣлый кусокъ виситъ, стоятъ всегда незаперты, и только послѣдняя комната запирается,—къ ней длинный предлинный коридоръ ведетъ, и весь коридоръ уставленъ буфетами.

„Вотъ у него сколько буфетныхъ шкаповъ, — подумалъ я, — а у насъ и одного нѣтъ!“ — и вхожу въ послѣднюю, въ самую большую комнату.

Встрѣчаетъ меня самъ хозяинъ, а я и говорю ему:

— Зачѣмъ вамъ пять комнатъ, когда двѣ у васъ заперты?

— А видите ли, — говоритъ хозяинъ, — когда такая большая квартира, то изъ кухни ничего не слышно.

И правда, куда ужъ и что̀ тамъ услышишь, квартира не маленькая, а эта послѣдняя комната еще больше тѣхъ двухъ розовыхъ—двухъ залъ Дворянскаго собранія, обои синіе и всякія украшенія на потолкѣ: и гады и птицы и чего-чего нѣтъ; огромный буфетъ полстѣны занялъ—съ одной стороны цѣльный, съ другой двухъярусный, и рояль зеленый пепелесый къ стѣнѣ привинченъ, ножками не достаетъ пола.

Digitized by Microsoft ®

„И какъ же это на такомъ роялѣ играть, когда не достаетъ до полу?“—подумалъ я.

И когда я такъ подумалъ, въ комнатѣ появился какой-то въ бѣломъ, бѣлокурый съ синими глазами, усѣлся за рояль и, не сводя съ меня синихъ своихъ глазъ, заигралъ на роялѣ. А когда онъ игралъ, еще четверо такихъ же, какъ онъ, двойниковъ его, въ бѣломъ съ синими глазами появились въ комнатѣ, они взялись за руки, и меня взяли и закружились. И кружились все быстрѣй и быстрѣй.

Мы кружились, мы летали, и я видѣлъ, какъ я летаю надъ роялемъ.

И кто-то говоритъ, дуетъ мнѣ на ухо:

— Слушай, слышишь, это—домовые!

Digitized by Microsoft®

18.

КОНЕЦЪ ВЕРЕВКИ.

Положилъ я на сковородку тарелку, на тарелку поставилъ стаканъ въ подстаканникѣ и пошелъ на старый Курскій вокзалъ къ Николѣ Кобыльскому.

На вокзалѣ старуха баба стоитъ въ панёвѣ и тутъ же артельщики шныряютъ, тюки переносятъ. И уронилъ какой-то свой тюкъ тяжелый и придавилъ тюкомъ старуху. И полна набралась зала бабъ такихъ, какъ старуха, въ панёвахъ: бабы бѣгали и перебѣгали безпокойно, словно вспрыснутые тараканы.

Я взялъ свой стаканъ, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ, я поѣхалъ по Садовой, по Земляному валу къ Таганкѣ.

Впятеромъ намъ на извозчикѣ и тѣсно и неудобно: насъ пятеро ѣдетъ—знакомый одинъ нашъ съ женой и съ двумя дѣтьми, да я—и стаканъ еще этотъ у меня въ рукахъ, стаканъ держу, не выронить бы какъ. И вѣтряно и дождь мороситъ. Знакомый нашъ у Пяти угловъ соскочилъ,—я ясно вижу Пять угловъ, и Владимирскую церковь вижу,—а мнѣ надо на Пушкинскую. Я и поѣхалъ, да какъ-то безпокойно стало, соскочилъ я съ извозчика, и не узнаю, не понимаю, куда попалъ. И вдругъ догадываюсь, что я въ Москвѣ у Высокаго моста на Земляномъ валу у дома Найденовыхъ.

Digitized by Microsoft®

„Но какъ же такъ, я и Пять угловъ видѣлъ и Владимирскую церковь видѣлъ?“—и хочу я дознаться, а объяснить никакъ не могу.

Мнѣ даютъ конецъ веревки, я долженъ эту веревку, этотъ конецъ, не раскручивая, разорвать. А веревка тугая, крѣпкая и совсѣмъ мнѣ не подъ силу, — канатъ. И знаю я, что не сладить мнѣ, и берусь за конецъ—и тереблю и тяну и рву его. И вдругъ вспоминаю, что ужъ однажды со мною было такъ, въ дѣтствѣ когда-то. И еще упорнѣй налегаю на упорный конецъ — не поддается веревка, я изъ силъ выбиваюсь и отчего-то духъ во мнѣ играетъ, и кажется, я никогда не отстану и до смерти не сдамся.

Digitized by Microsoft®

19.

ПОРТФЕЛЬ.

Временно живутъ у насъ какія-то гимназистки, онѣ парами приходятъ изъ гимназіи въ нашъ домъ, онѣ и обѣдаютъ у насъ и учатъ уроки. Онѣ учатъ уроки всѣ вмѣстѣ по одной книжкѣ въ алой папкѣ, а всѣхъ ихъ живетъ у насъ душъ двѣнадцать.

Мнѣ зачѣмъ-то понадобилась эта ихъ книга въ алой папкѣ,—не то я спрашивать ихъ долженъ, репетировать, не то изъ любопытства, что̀ онѣ тамъ учатъ въ своей книгѣ алой. Но попросить себѣ эту книгу почему-то мнѣ у нихъ неудобно, и я взялъ мой портфель и пошелъ на Невскій.

Я шелъ по 2-ой Рождественской, было слякотно и до колѣнъ я успѣлъ загрязниться. На тротуарѣ толкались какіе-то реалисты съ лысыми ранцами и одинъ изъ нихъ полетѣлъ. Я обошелъ ихъ, и, когда ступилъ на тротуаръ, поскользнулся и тоже полетѣлъ. И я слышалъ, какъ сзади захохотали, это надо мной смѣялись, но я не обернулся и шелъ дальше, никуда не смотрѣлъ, ни подъ ноги себѣ, ни по сторонамъ, что-то безпокоило меня.

Такъ я и шелъ, пока не очутился на Николаевскомъ вокзалѣ на какой-то 10-ой вологодской платформѣ. И тутъ начались мои мытарства: подойду къ одному выходу, гово-

Digitized by Microsoft®

рятъ,—тутъ не проходятъ, подойду къ другому: заперто. Подошелъ, наконецъ, къ какому-то подвалу, думаю, тутъ-то ужъ, навѣрно, есть выходъ, и иду.

— Вы куда?

— На Невскій.

— Тутъ въ Ялту!—и опять хохотъ, какъ тѣ реалисты, надо мной смѣются.

И такъ я долго плуталъ по вокзалу и насилу-то выбрался. И такихъ, какъ я, плутавшихъ, видно не мало было. Насъ черезъ залу проходитъ порядочно, идемъ мы тѣсно, плечо въ плечо.

Около иконы у аналоя лежитъ на полу старикъ, на одной рукѣ у него мальчикъ, на другой дѣвочка, сынъ и дочь, оба маленькіе. И старикъ ихъ къ себѣ на грудь перекидываетъ: перекинетъ, подержитъ и опять откинетъ.

Когда мы приближались къ выходу, я услышалъ:

— Старуха вышла!—сказалъ кто-то.

И я увидѣлъ, какъ изъ-подъ подсвѣчника выползла старуха вся въ красномъ.

А старикъ, перекинувъ дѣвочку, прижалъ ее къ груди и жалабно такъ сказалъ нараспѣвъ:

— Ты сосудъ соблазновъ моихъ!

И я видѣлъ, какъ старуха ударила старика и потомъ дѣвочку тяжелымъ чѣмъ-то, круглымъ.

— Убила!—сказалъ кто-то изъ толпы, и всѣ шарахнулись въ сторону, и я подался, посмотрѣть хочу, а самого дрожь такъ и бьетъ:

„Хватитъ,—думаю,—и меня старуха!“

А старуха на меня только посмотрѣла, недружно такъ посмотрѣла, она завязывала въ салфетку старика и дѣвочку—какіе оказались они оба маленькіе, словно какіе окуски! Завязала старуха салфетку да съ узелкомъ къ выходу. И я за ней.

— Проклятые, — шептала старуха; — проклятые вы! — и бросила у прохода, гдѣ жандармъ, свой кровавый свертокъ.

Я вышелъ на площадь и у памятника вдругъ хватился, гдѣ портфель? — не было моего портфеля, и сейчасъ же я

Digitized by Microsoft®

на 2-ую Рождественскую къ тому самому мѣсту, гдѣ по скользнулся и полетѣлъ тогда, какъ реалистовъ обходилъ.

И увидѣлъ я свой портфель, у панели лежитъ, весь сапогами затертый, и я поднялъ его, раскрылъ посмотрѣть, все ли, не пропало ли чего? А тамъ — тамъ ручка торчитъ той дѣвочки алая и борода старикова запутанная, клоки запеклись. И вдругъ я почувствовалъ, что на плечи мнѣ вскочилъ кто-то, да за шею какъ...

20.

ВЪ НОСУ.

Меня перевели внизъ. Я сижу у окна,—широкое окно, въ садъ выходитъ. Тутъ же у окна моя мать сидитъ. И входитъ въ комнату женщина, немолодая ужъ, одѣта такъ скромно, и у ней въ рукахъ два свертка. Она развернула ихъ, и въ одномъ я вижу иллюстрированныя изданія въ краскахъ, а въ другомъ горшокъ съ бѣлымъ цвѣткомъ, въ родѣ азаліи бѣлой, а обернутъ горшокъ въ тонкій кирпичный газъ.

— Газъ нынче очень дорогой! — говоритъ мать и подрѣзываетъ нитки на горшкѣ.

Матерія расправляется—пышный кирпичный газъ.

— Кто же это мнѣ прислалъ? — спрашиваю я женщину, которая цвѣтокъ принесла.

А она отмалчивается, вижу, не хочетъ отвѣчать.

И кто-то говоритъ, что пришелъ членъ первой Государственной Думы Ж. и спрашиваетъ, можно ли войти. Тутъ женщина, что цвѣтокъ принесла, выходитъ изъ комнаты, и я замѣчаю, что моя мать совсѣмъ неодѣта.

— Выйдите,—говорю,—на минутку, членъ первой Государственной Думы пришелъ!—и выхожу самъ.

Въ сѣняхъ толкутся какіе-то бритые, отекшіе,—за подаяніемъ, должно быть, пришли, ждутъ, и женщина та, что

Digitized by Microsoft®

цвѣтокъ принесла, съ ними стоитъ. Ищу мелочь, чтобы на чай ей дать, а въ кошелькѣ у меня одна скорлупа орѣховая. И тамъ порылся и тутъ пошарилъ, всѣ карманы вывернулъ,— нѣтъ ничего, одна скорлупа. Такъ и пошелъ.

У забора на цѣпи песъ бѣлый съ желтымъ, а навстрѣчу мнѣ бульдогъ. Не залаялъ песъ, а бульдогъ повилялъ хвостомъ и скрылся въ новой стройкѣ. И я вернулся домой, сѣлъ у окна — широкое окно, въ садъ выходитъ.

Членъ первой Государственной Думы, видимо, потерялъ всякое терпѣніе,—а ждалъ онъ меня наверху,—и вотъ онъ вошелъ въ комнату и ужъ не одинъ, а съ женой и съ маленькой дѣвочкой.

А я и говорю ему:

— Какъ же такъ, столько ждали вы меня и ничего не замѣтили: вы знаете, въ н о с у курить нельзя.

— Нельзя? — удивился мой гость, — почему же внизу не курятъ?

— Въ носу, — поправилъ я, — нельзя.

И вижу, стоитъ та женщина, что цвѣтокъ принесла, и такъ мнѣ неловко передъ ней, что ничего-то я ей на чай не далъ.

— Скажите же, — говорю, — отъ кого цвѣтокъ?

А она посмотрѣла на меня,—такъ пообѣщала, и говоритъ:

— Я сейчасъ, я справлюсь! — и сама такъ скоро пошла, и я за ней.

И мы очутились въ какомъ-то узенькомъ каменномъ дворикѣ, а она все идетъ и не смотритъ на меня. Потомъ за ворота вышли, и тутъ она обернулась:

— Я не могу сказать,—сказала она виновато,—они очень хорошіе, только боятся,—и ужъ не оглядываясь, пошла отъ меня, побѣжала.

Я было за ней, а потомъ подумалъ:

„Въ носу нельзя!“

Digitized by Microsoft®

21.

НАВЕРХУ.

Наверхъ меня перевели. Наверху мнѣ дали комнату, комнатенку досчатую, — къ ней лѣстница ведетъ, и очень широкая, да совсѣмъ неудобная: перила трясутся, а доски шатаются. И поставили мнѣ на столъ малюсенькую чашку чаю, такъ съ наперстокъ.

— Пей,—говорятъ,—до отвалу!—и комнату заперли.

А я себѣ думаю:

„Ну и спасибо, сами кушайте, и не притронусь! Ужъ такъ какъ-нибудь обойдусь и безъ чаю. Спасибо!“

22.

КРОВОСОСЪ.

Входитъ нашъ швейцаръ Иванъ и говоритъ мнѣ, что въ прихожей меня хозяинъ нашъ спрашиваетъ. И я пошелъ встрѣтить его и въ дверяхъ столкнулся съ попомъ: рыжій въ лиловой рясѣ съ серебрянымъ наперснымъ крестомъ вошелъ въ комнату попъ и, не здороваясь, сѣлъ у камина въ дальній уголъ. Сѣлъ и я съ нимъ, сидимъ молча, и вижу, какіе-то, не то носильщики, не то, Богъ ихъ знаетъ, кто, двое, начинаютъ выносить мои вещи. А попъ только губой причмокиваетъ—смѣшно ему. Тутъ ужъ я поднялся.

— Что вы,—говорю,—мои вещи выносите?—и иду за ними въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоитъ рояль.

А тамъ полна комната и все пьяные, растерзанные—одна нога въ сапогѣ, другая — такъ, распоряжаются.

И хочу я Ивана позвать, пройти въ прихожую, а никакъ не пройти—загородили дорогу. Я назадъ въ комнату,—плохо, думаю, очень плохо! — и бѣгу, къ окну подбѣжалъ. Они за мной и попъ съ ними, вижу, причмокиваетъ, побагровѣлъ весь. Открылъ я окно, высунулся на набережную и сталъ свистать... а они ужъ за спиною, а они ужъ тянутъ меня.

Digitized by Microsoft ®

тигромъ что-то творится: тигръ стоялъ неподвижно, но голова его была глубоко наклонена. Ясно, тигръ оживаетъ. И я сейчасъ же вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ мой гость дописывалъ свою поэму.

Сосѣдняя комната больше моей больничной, она вся въ коврахъ и много вещей стоитъ. Я разсказалъ о тигрѣ, что тигръ оживаетъ, и гость пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, не глядя на меня, какъ-то поспѣшно свернулъ свои рукописи. И ужъ не вижу его, — скрылся. А мнѣ безпокойно, а горечь какая-то точитъ сердце. И опять я иду къ себѣ.

Въ комнатѣ совсѣмъ темно, и лишь окна высокія, безъ занавѣсей, пусто стоятъ, высокія, свѣтлѣе тьмы комнатной, и тигръ... зеленые два огонька вдругъ сверкнули въ темнотѣ, и два глаза колко устремились на меня.

Я отступилъ къ порогу, я отступилъ въ коридоръ, шепотомъ кличу Б. А его нѣтъ. Я въ кухню, и тамъ его нѣтъ, и прислуги нашей, Брони нѣтъ. Я въ ея комнату,—ея комната больше всѣхъ комнатъ и всѣхъ нарядней, и тамъ ея нѣтъ. Иду по коридору, шепчу впотемкахъ, кличу, а Броня, я вижу, по стѣнкѣ пробирается и съ ней мужикъ какой-то.

— Броня,—говорю шепотомъ, — Броня, гдѣ бритый баринъ, который сидѣлъ у меня?

А она молчитъ, только озирается, сама тянетъ мужика въ кухню.

— И я вижу, одинъ за другимъ и парни и бабы въ тулупахъ желтыхъ пробираются по коридору въ кухню. Я въ столовую,—и тамъ полно: все какія-то дамы въ большихъ шляпкахъ и мужчины въ дорогихъ шубахъ.

„Какъ же это такъ,—думаю,—какъ они влѣзли? Или дверь незаперта?“—и заглядываю въ сѣни, такъ и есть: дверь не заперта, настежь стоитъ.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? — едва духъ перевожу, меня все взволновало: и тѣ въ тулупахъ и эти въ шубахъ,— я развѣ звалъ васъ?

И тогда дама и съ ней господинъ нарядный встали и къ

Digitized by Microsoft®

двери. Я за ними,—а изъ коридора такъ и гогочутъ,—я бросился вдогонку, ничего ужъ не помню.

— Да вы знаете, — кричу, — вы знаете, куда вы попали? Да вѣдь я могу васъ въ 24!—кричу, не соображаю ничего.

А господинъ въ шубѣ даму пропустилъ впередъ и загляды-ваетъ такъ изъ-за двери, улыбается: дуракъ, молъ, дуракъ, орать-то чего?—улыбается.

И я рванулъ за нимъ дверь и словно оборвалось что-то. Темно было и въ темнотѣ ничего я не видѣлъ, только глаза, только зеленые сверкающіе глаза изъ всѣхъ угловъ колко дрожали во тьмѣ.

Digitized by Microsoft®

BINDING SLIP JUN 20 1974

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B84P5
1916

Bugaev, Boris Nikolaevich
Peterburg

Digitized by Microsoft®

Digitized by Microsoft ®